

БЕСПОКОЙНАЯ ИМПЕРИЯ

ODD ARNE WESTAD

RESTLESS
EMPIRE

CHINA AND THE WORLD
SINCE 1750

ОДД АРНЕ ВЕСТАД

БЕСПОКОЙНАЯ ИМПЕРИЯ

КИТАЙ И МИР
С 1750 ГОДА

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(510)
ББК 63.3(5)
В38

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Я.А. Галеевой*

Вестад О.А.
В38 **Беспокойная империя. Китай и мир с 1750 года /**
Пер. с англ. С.А. Белоусова. — М.: ЗАО Издательство
Центрполиграф, 2014. — 639 с.

ISBN 978-5-227-05314-5

За последние два столетия ситуация в Поднебесной формировалась под влиянием происходивших в мире событий и преобразований, империализма, коммунизма и современного капитализма. В своей книге профессор зарубежной истории, директор Центра изучения холодной войны Лондонского экономического института Одд Арне Вестад ищет основы для понимания внешней политики Китая в истории отношений этой страны с остальным миром начиная с 1750 года, года укрепления власти Цинской империи над всем Китаем и распространения своего правления за пределы страны. Автор стремится разобраться, что же в конце концов представляет собой Китай в историческом, географическом и культурном отношении.

УДК 94(510)
ББК 63.3(5)

Copyright © 2012 by Odd Arne Westad
© Перевод и издание на русском
языке, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2014
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2014

ISBN 978-5-227-05314-5

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ КИТАЙСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

В отличие от практически всех индоевропейских языков в китайском языке применяется иероглифическая письменность. Произношение китайских иероглифов представителями разных народностей Китая имеет существенные отличия, не говоря уже о корейцах и японцах, тоже пользующихся китайскими иероглифами. Например, иероглиф 江, означающий «река», на севере Китая произносится как «цзян», в центральной части этой страны как «кян», жители провинции Фуцзянь читают его как «кан», а на кантонском наречии это слово звучит как «гун».

В настоящей книге используется система транслитерации с китайского языка, известная под названием «ханьюй пиньинь» («Запись звуков китайского языка»). Исключение распространяется на имена личные, укоренившиеся в русском языке под иным звучанием, такие как Чан Кайши (на пиньине звучащее как Цзян Цзешу) или Сунь Ятсен (Сунь Чжуншань). Разработанный в Москве в 1930-х годах пиньинь принят в Китайской Народной Республике и других странах, где живут китайцы, за официальный вариант произношения. Он пришёл на смену всем существовавшим раньше системам произношения китайского языка. В его основу положены правила произношения населения, живущего на севере КНР.

В подавляющем большинстве случаев знающие английский язык люди очень близко воспроизводят звуки, записанные на пиньине. Однако встречаются весьма сложные случаи.

БЕСПОКОЙНАЯ ИМПЕРИЯ

Q следует произносить как «цъ», х (экс) — это «сь», zh — «чж», а с (си) — это «цъ». Имя Дэн Сяопина по-китайски пишется Xiaoping. Город Чунцин пишется Chongqing. Фамилия Чжоу Эньлай по-китайски — Zhou. А имя вдовствующей императрицы Цыси по правилам пиньинь записывается как Cìxī. Точность произношения в китайском языке зависит далеко не только от правильного прочтения букв. Все китайские иероглифы читаются со своим тоном, но категория «тонирования» звуков требуется только тем, кто берётся за серьёзное изучение китайского языка.

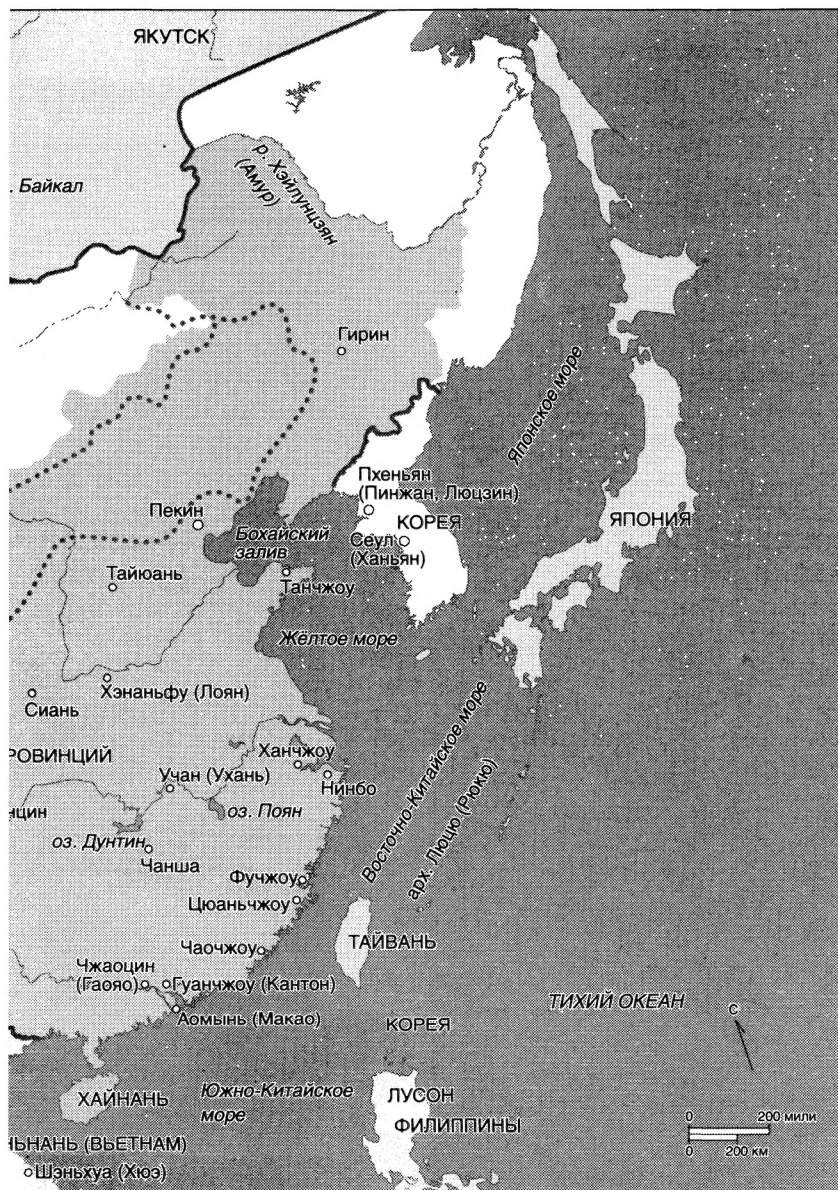
БЕСПОКОЙНАЯ ИМПЕРИЯ

КИТАЙ И МИР
С 1750 ГОДА

Цинская империя в 1759 г.

- Территория Цинской империи
- Границы других народов империи
- Нынешняя территория КНР
- ▨ Временно присоединённые в XVIII в. территории

ИМПЕРИЯ

Начало XXI века ознаменовалось тем, что на авансцену мировой политики всё активнее выходит Китай. Как страна с самым многочисленным на нашей планете населением и одна из самых протяжённых по территории, Китай всегда привлекал внимание остальных народов Земли даже в те редкие периоды его истории, когда он пребывал в ослабленном, раздробленном или бедственном положении. Сегодня многие китайцы и иностранцы полагают, что Китай преодолел период относительной беспомощности и набирает невиданный международный авторитет. Многие специалисты высказывают предположения о том, что в ближайшие двадцать лет эта страна будет располагать величайшей в мире экономикой и превзойдёт в этом отношении Соединённые Штаты Америки. Сотрудники Китайской академии наук исходят из того, что к указанному выше времени Китай должен превратиться в локомотив мирового технического развития и что будет ликвидирована нищета среди его полутора с лишним миллиардов человек населения. Причём средняя продолжительность жизни китайцев увеличится до 80 лет¹. Тем временем кое-кто из специалистов, особенно живущих в соседних с КНР странах, опасается того, что китайцы смогут нарастить свою военную мощь и, опираясь на нее, начнут навязывать другим народам собственную волю.

Но даже притом, что за последние тридцать лет произошёл стремительный взлёт промышленного производства Китая, история этой страны отнюдь не подтверждает однознач-

ность такого положения вещей в будущем, как хотелось бы видеть кое-кому из экспертов. На протяжении коммунистического правления и в предыдущей истории Китая — многовекового развития при императорских и диктаторских правителях, образовались и унаследованы глубокие генетические трещины, которые будущим руководителям страны придётся обходить ради достижения своих политических, экономических и общественных целей. Под внешней оболочкой сегодняшнего поиска путей к прогрессу пролегают линии разлома и течения, способные увести китайцев с направления, которого они стараются придерживаться. Эти альтернативные пути для Китая и мира в целом могут оказаться правильным направлением или же совсем наоборот. При той важной роли, которая уже придаётся Китаю в международных отношениях, мы на свой страх и риск не заостряем внимания на факторах, принесших китайцам их нынешний успех.

Отношения китайцев со своими многочисленными соседями и с США представляются важными с точки зрения понимания выбранных ими направлений. Не меньшую важность представляют верования и взгляды на окружающий мир китайского народа, особенности построения государства в Китае, а также общественные отношения, экономические и ресурсные потребности. Только вот границы между Китаем и остальным миром далеко не всегда просматриваются ясно или чётко. Пересечения между внутренним и внешним миром у китайцев пролегают по ряду самых важных аспектов так называемой их когнитивной карты, представленной границами, диаспорами, группами людей разной этнической принадлежности, торговлей и обменом мыслями. Как это часто случается, когда имеешь дело с представителями великих держав, границы такого ландшафта тем больше стираются, чем пристальнее к ним приглядываешься. Линии раздела между внутренним и внешним миром пропадают, и остаётся одно лишь ощущение того, что Китай в известной мере оказывается транснациональной и даже глобальной величиной.

При всей неясности разметки границ временные отличия выглядят ещё более смутными. Прошлое записано в китайском сознании настолько мощной каллиграфией, что она определяет практически все подходы к настоящему. Тем самым история определяет китайское видение мира в более прямом смысле, чем в других известных культурах. Сегодня такая связь представляется отнюдь не механической — китайцы редко прокладывают примитивные параллели между прошлым и будущим. Немногие китайцы нынешнего поколения, разумеется, вспоминают, например, о событиях эпохи Воюющих царств (475—221 до н. э.), когда размышляют о текущей международной обстановке. Тем не менее они отталкиваются от представлений о справедливости, правилах поведения и взглядов о месте Китая в мире, сложившихся на практике за прошлые столетия. Притом что исходя из прошлого будущего предсказать невозможно, всё-таки следует это прошлое изучать, чтобы приобрести хоть какие-то средства навигации во времени.

Данная книга представляет собой попытку автора составить краткий обзор отношений Китая с внешним миром за предыдущие 250 лет. Причём было бы нелишним в самом начале сказать о наследии более глубокого исторического прошлого китайцев. И прежде всего надо разобраться с таким большим вопросом: что, в конце-то концов, представляет собой Китай, о котором здесь идёт речь, в историческом, географическом и культурном разрезе? Откровенно говоря, чем больше автор книги узнавал о Китае, тем дальше ускользало от него ясное определение предмета. На протяжении последних двух тысячелетий он являл собой скорее империю, чем обычную страну мира, но эта империя отличается весьма открытыми и подвижными границами. Населявшие её народы до недавнего времени отличались от народов других стран доставшейся им культурой, а не внешним видом или своими предками. Ключом к китайской культуре признаётся чтение и написание китайских текстов (а совсем не ведение разговоров на наречии, принятом при

дворе). То есть те, кто владел письменным китайским языком, считались *своими*; кто не владел — *чужими* или в лучшем случае людьми с периферии мира, будь то иностранцы, рабы, женщины или представители покорённых племён.

Можно предположить, что китайцы всегда самозабвенно заботились о государстве в силу своей культурной элитарности. Историк из Гарварда, интеллектуал Вениамин Шварц, который совершенно справедливо предостерегал от поиска начал всех явлений современного Китая в его прошлом, сформулировал это таким образом: «Одной из наиболее ярких особенностей китайской цивилизации следует назвать централизм и авторитет политического устройства»². Главным для китайца на протяжении двух с лишним тысяч лет считалось отождествление себя с таким государством и его совершенствование, если появлялась такая возможность. Даже тем, кто упорно пытался избавиться от всеислия государства, — будь то буддисты в X веке или анархисты XX — приходилось мириться с существующим политическим устройством Китая. Дело совсем не в каком-то организационном чуде, напоминающем что-либо подобное где-то ещё в мире, в том числе в России, где сложилась своя собственная система почитания государства, или у азиатских соседей Китая, которые позаимствовали многие китайские подходы к тому же государству.

Изначально Китай сформировался в бассейне реки Хуанхэ в виде многочисленных государств под общим названием Срединные царства. Сегодня по-китайски это называется Чжунго. Потом существовала единая империя династии Хань, правление которой продлилось практически на протяжении всего периода с 206 года до н. э. до 220 года н. э. То есть она существовала примерно одновременно с Римской империей на Западе. Население основных частей Китая в своей деятельности всегда ориентировалось на Восток, в сторону Жёлтого моря. Даже после того как при династиях Тан и Сун, правивших около 1000 и 1200 лет назад, произошло полное присоединение к Китаю обширных территорий к югу от реки Янц-

зы. Чтобы объяснить своим студентам, каким образом государственные вельможи видели свои империи из своих восточных столиц, я всегда достаю рельефную карту. Западную часть Китая занимают горы и пустыни. До самой богатой на юго-западе провинции под названием Сычуань можно было добраться с востока разве что через узкие горные перевалы. Южная часть Китая находилась очень далеко за реками и долинами. На севере жили многочисленные враги в лице агрессивных народностей, способных противостоять Китайской империи даже в периоды её территориального расширения. В этой связи сам центр власти, за редким исключением, приходилось держать на востоке. Так что практически при всех династиях их столицы располагались в бассейне реки Хуанхэ. Начиная с XIV века политический центр мигрировал между Пекином, или Северной столицей на северо-востоке Китая, и южной столицей — Нанкином, расположенным на реке Янцзы в середине восточного морского побережья. Так сложилось, что Китай повёрнут спиной к середине Евразийского континента, и такое расположение имело громадные последствия для этой страны, когда её правители общались с представителями остального мира. Допустим, определение страны получилось поверхностным. А теперь предлагаю своё: Китай — это культурный, государственный и географический стержень, вокруг которого на протяжении очень долгого времени меняются и совершенствуются своеобразия, границы и толкования замысла. Можно посчитать, что одной из причин долговечности нынешнего представления о Китае является его своеобразная аморфность и задиристость народа. Из поколения в поколение китайцы боролись за придание значительности своей стране и её месту в этом мире. При этом они опирались на исторический опыт предыдущих поколений. За последние 250 лет данные глубокие исторические заветы — по поводу государства, конфуцианской традиции, географии — вступили в противоречие с решающими терминами, которыми определяется и придаётся смысл движению китайцев вперёд³.

Одним из этих важных терминов следует назвать идею справедливости. Она считается ключом к пониманию авторитета Конфуция, который определяет китайскую политику с первых лет династии Хань. Философ Конфуций (551—479 до н. э.), как и его греческий современник Платон, понимал справедливость как достойные и гармоничные отношения внутри семьи, внутри государства и между государствами. Искренность правителя, если следовать конфуцианской традиции, важнее любой формы процессуального права. «Кто управляет при помощи добродетели, того можно уподобить северной Полярной звезде, которая пребывает на своем месте, а (остальные) звезды с почтением окружают ее», — сказал Конфуций⁴ (перевод П.С. Попова). Судя по сегодняшним китайским воззрениям, представители внешнего мира последние двести лет обращались с Китаем несправедливо, и такая обида остаётся лейтмотивом во внешней политике Китая.

Центральное место в китайских системах мышления, в том числе конфуцианской, занимают церемонии и ритуалы. Эти церемонии выработаны китайской знатью для себя самой и для регулирования условий существования подчинённого ей народа. Подавляющее большинство таких принципов служит для обозначения порядка подчинения, однако они к тому же обозначают взаимные обязательства и обязанности между различными слоями общества. С изменением окружающего мира в XIX веке многие китайцы осознали, что новое международное сообщество, возглавляемое Западом, в котором им приходится существовать, отличается скорее хаосом, чем правилами. Поиск общих принципов международных отношений, таким образом, стал главной задачей китайской внешней политики даже притом, что китайцы, как и народы всех остальных государств, приняли к исполнению те правила, которые казались им выгодными, а не наоборот.

Решающей составляющей китайского образа мышления к тому же считается ощущение своего центрального положения в мире. Та лёгкость, с которой их соседи на протяжении всей

истории перенимали элементы китайской культуры, служит подтверждением положений учения о природе, в соответствии с которыми Китай всегда стоит в центре мироздания. С верой в неотъемлемую роль их страны на территории Восточной Азии пришло ощущение ответственности в системном смысле Китая как незаменимого для данной части планеты государства. По этой причине кое-кому из китайцев оказалось весьма сложно понять альтернативные взгляды на суть функционирования мира и способы организации человеческих сообществ. Тут заключается некий парадокс. На протяжении практически всей своей истории Китай оставался открытым для заимствования чужих идей, однако его народ оставался уверенным в весьма универсальном применении китайского мышления. Такие ограниченность и нетерпимость, временами проявлявшиеся в силу заблуждений кое-кого по поводу себя как пупа земли, играли весьма негативную роль во внешней политике Китая в самые неподходящие моменты истории этой страны.

При рассмотрении прошлого, настоящего и будущего китайской внешней политики следует держать в уме три таких определяющих понятия, как справедливость, соблюдение церемонии и осознание места Китая в мире. Тем не менее это скорее общие воззрения, чем конкретные предписания. Но притом, что изложенная в документах древности традиция Китая способна помочь в осознании данных понятий, вера в возможность охватить западным умом предполагаемые современные действия китайцев в случае конфликта через изучение, например, трактата Сунь-цзы «Искусство войны», написанного в конце VI века до н. э., окажется весьма призрачной⁵. Нынешний китаец, вне зависимости от багажа его знаний, не сверяет свои личные предпочтения, а также государственные или международные дела с древними текстами. Точно так же, как европейцы и американцы больше не обращаются к заветам Платона или Аристотеля при принятии важных для них решений. Однако общественные и традиционные понятия, сформированные и испытан-

ные временем, всё-таки сказываются на мировосприятии китайцев и помогают им вырабатывать народное представление о том, как следует поступать их государству.

История внешних связей современного Китая начинается с династии Цин, правившей на протяжении без малого трёхсот лет с 1644 по 1912 год. При Цинах Китай достиг верхнего предела своего могущества. К 1750-м годам он лишил политической и военной самостоятельности все небольшие государства у своих северных границ и стал приобщать их к делам территориально разросшейся Поднебесной. Цины наладили отношения с соседями от Российской империи на севере до королевств Юго-Восточной Азии и Гималаев, причём сделали это на китайских условиях и на основе китайского понимания своего превосходства. К середине XVIII века Цинская империя практически представляла собой собственный мир в Восточной Азии.

Невероятная история Цинской империи берёт начало с первых лет XVII века. В то время вожди разрозненных племён у северной границы Китая начали брать под контроль территории, принадлежащие династии Мин, правившей с 1368 года. Своей целью захватчики провозглашали покорение всей страны и восстановление незыблемых конфуцианских моральных устоев, погрязших, как они считали, при императорах династии Мин, о которых отзывались исключительно как о нечестивых и разложившихся правителях. Вожаки армии захватчиков принадлежали к племени тунгусов, известному в прошлом как чжурчжэни, а теперь называвшему себя маньчжурами. По мере захвата ими территорий на юге к ним присоединялись монголы, корейцы и китайцы, а также народы малочисленных племён, заселявшие места, в настоящее время называемые Маньчжурией. В 1663 году захватчики образовали собственное общество, государство и династию, получившую название Цин — «Светлая или чистая». В 1644 году маньчжуры захватили китайскую столицу Пекин и приступили

к подавлению сопротивления на остальной территории завоёванной страны. Последнего претендента на престол династии Мин поймали в Бирме, привезли оттуда и казнили в 1662 году.

Цины объявили своей целью правление в соответствии с древней мудростью, как она провозглашалась в классических трудах конфуцианства. Они объявили о провале Минов, правители которых переродились и на протяжении многих поколений выглядели слабыми и утратившими ощущение истинного пути. Теперь пришли чужаки маньчжуры, чтобы вернуть Китай на путь истинный и восстановить его величие. При этом, как и в случае с многими политическими вождями, которые обращались к традициям и непреходящим ценностям, под заявленным стремлением цинских императоров вернуться к утраченному скрывалось их намерение подстроить Китай под собственные воззрения на государство как великое многонациональное династическое предприятие с претензией на целостность. Формы их организации выглядели новыми в том смысле, что отличались от всего существовавшего до них, а акцент делался на согласованном применении экономических, технических и идеологических ресурсов. Армии, с помощью которых правили маньчжуры, больше походили на вооружённые силы Османской, Российской или даже Австро-Венгерской империи, чем на военную машину Минов; их приоритетами были высокоманевренная кавалерия, огнестрельное оружие и артиллерия, а также развитое материально-техническое обеспечение войск. Их задача состояла в построении мощнейшего государства, в котором народы всех этнических групп и верований должны были найти своё достойное место⁶.

При всей идеологической и военной мощи Цины вряд ли заслужили звания успешной династии, разве что во время долгого правления двух выдающихся императоров — Канси (эпохи Процветающей и лучезарной, продолжавшейся с 1661 по 1722 год), и его внука Цяньлуна (эпохи Непокколебимой и славной, продлившейся с 1736 по 1796 год)⁷. Помимо них

Цины правили Китаем больше 120 лет и укрепили свою власть до такой степени, какую совсем немногие могли представить в 1650-х годах. К тому же через империю, которой им пришлось править, они передали особенности собственного характера. Император Канси отличался сообразительностью и неуёмной энергией, он живо интересовался внешним миром, не забывая об энергичном укреплении своей власти и авторитета маньчжуров. Император Цяньлун прославился образованностью и трудолюбием, но до интеллекта своего деда ему было далеко, поэтому его больше занимали государственные и политические вопросы. Оба, и дед и внук, располагали обширными знаниями о вверенных их заботам народах и окружающем мире. Они прекрасно владели дипломатическими и военными инструментами, необходимыми для управления своей сложной территорией.

К 1750 году, пятнадцатому году правления эпохи Цяньлун, Цинская империя укрепила свою власть над всем Китаем, а также распространила своё правление на Среднюю Азию, Тибет и Монголию. Не в пример своим предшественникам, маньчжурские императоры активно занимались внешней политикой, и благодаря этим императорам правители более мелких государств региона от Кореи до Бирмы безоговорочно признали превосходство Срединного царства и самих Цинов. Внутри империи царил мир и порядок, наблюдался значительный рост хозяйственной деятельности, особенно в аграрном секторе, хотя Китай располагал и крупным производственным сектором, предприятия которого занимались выпуском фарфора и шёлка на экспорт. Достойное развитие получили поливное земледелие и транспорт, стали появляться рынки, на которых торговали всем подряд от земли до инструментов и ароматных палочек для обряда погребения. Складывалась общественная организация, в которой всё возрастающую роль играли письменные договоры и соглашения между частными лицами и семьями⁸.

Влияние государства ощущали представители всех слоёв населения. Приблизительно так же, как короли-абсолюти-

сты эпохи перед Французской революцией, Цины стремились вмешиваться в каждый аспект жизни своих подданных и давать указания тем, на кого ещё не распространялась их прямая власть. Так же как европейскими коллегами, им во многом не удалось реализовать такие свои притязания, зато у них получилось навязать свой вариант идеологических условий, которым подчинялись подданные Цинского государства до самого его краха в XX веке. Такая навязчивость государства была тесно связана с мечтами о расширении границ. Император Цяньлун верил в универсальность формы правления Цинов в том смысле, что его принципы могут распространяться на народы, достаточно культурно созревшие для их осознания и внедрения. Именно этот «универсализм», как ничто другое, послужил причиной того, что в конце XVIII века Китайская империя увязла в обошедшихся весьма дорого военных экспедициях у её границ. Из-за таких вылазок в начале XIX века опустеет императорская казна и усугубится всеобщее ощущение изнеможения и недопомогания.

Даже сегодня историки часто представляют Китай при Цинах как государство замкнутое и занятое исключительно собственными внутренними делами. Однако никто из соседей китайцев, кому пришлось в своё время выступить против Канси или Цяньлуна, не решился бы утверждать, что эти императоры занимались исключительно внутренними делами. Цины постоянно увеличивали территории своей империи. Основное внимание при этом уделялось сухопутными границами, хотя при Канси в 1683 году китайцы захватили Тайвань. К 1750 году Цины проявляли активность в трёх совершенно определённых сферах внешней политики: занимались экспансией в Средней Азии; налаживали торговлю и навязывали дань народам прибрежной Азии; вели дипломатические переговоры с Россией. Политика на всех этих направлениях согласовывалась так, чтобы у цинских императоров оставалось время на установление своего правления над Китаем и уничтожение у границ всех врагов, ко-

торых в Пекине считали способными представить угрозу их господству. Взяв власть над Китаем силой, Цины стремились предотвратить появление каких-либо новых соперников, способных решиться поступить таким же образом против них.

Полное драматизма проникновение Цинов на территорию Средней Азии вылилось в ожесточённый конфликт и, соответственно, в геноцид местного населения. В начале XVIII века Джунгария (Чжунгария) представляла собой мощное ханство под владычеством монголов, занимавшее территорию между западной частью Средней Азии и монгольскими центральными районами до границ Тибета. Территория эта приблизительно равнялась территории современной Индии. Джунгары (чжунгары) периодически воевали с Цинами на протяжении семидесяти с лишним лет. В 1750-х годах император Цянлун развязал войну с Джунгарией и пообещал вести её «до окончательной победы». Разгромив джунгар в бою, он приказал своим воинам перебить всех представителей джунгарской элиты, которым не удастся от них скрыться. Так произошёл «образцовый геноцид» XVIII века. Затем он присоединил к Китаю практически всю восточную Джунгарию и мелкие ханства к югу от неё, создал единую область, которую император Цянлун победоносно называл новым рубежом своей империи (нынешний Синьцзян)⁹.

У азиатского побережья Цины проявляли ничуть не меньшее упорство, но отнюдь не такую безмерную жестокость. На юге и востоке Китай окружали государства, числившиеся в той или иной форме данниками императора в Пекине. (Единственное исключение касалось Японии: Цины считали эту страну своим данником, однако на самом деле их власть на неё не распространялась.) Все страны от Кореи до Непала по-разному входили в состав Китая, и их подчинение Пекину носило характер ритуального выражения подобострастия в виде регулярного подношения дани китайскому императору¹⁰. Эти отношения отличались по характеру, тем не менее общей «даннической системы» при Цинах не су-

ществовало, как бы ни утверждал кое-кто из историков. Вместо этого есть смысл поговорить о китаеццентристской системе, в которой китайская культура служила главным фактором отождествления своего положения относительно сюзерена многим представителям правящей верхушки окружающих азиатских стран. Китай представляется постоянным ориентиром для азиатских элит (во многом это напоминает восприятие Соединённых Штатов Америки европейцами в наши дни). Причём властители, платившие дань Цинам, как правило, пользовались такими отношениями в своих корыстных целях. Очень часто сюзеренитет китайского императора использовался правителями стран поменьше ради получения для себя торговых привилегий, иногда он маскировался под дань или для привлечения помощи со стороны Китая в местной борьбе за власть.

До прихода британцев и французов в XIX веке единственной империей по соседству с Китаем была Россия. Но вразрез с решимостью Цинов уважать границу России на севере отношения между странами равноправными назвать нельзя. Удалённость и общий расклад сил был не в пользу русских, поэтому в споры с Цинами они старались не вступать. По Нерчинскому договору 1689 года (28-й год правления императора Канси) проведена граница несколько восточнее нынешней северной монгольской границы. По этому договору Китаю отошёл весь бассейн Амура и нынешнее русское Приморье с островом Сахалин. Данный договор служил сохранению мира и развитию официальной приграничной торговли. С его заключением у Цинов развязывались руки для территориальных приобретений на западе в обмен на отказ от поползновений на северные территории, которые они считали негодными для жизни из-за морозов. Этот договор с Россией — первый опыт заключения соглашений с европейской державой — стал для Цинов полезным документом с точки зрения практической европейской дипломатии. Они уже получили достойное понятие о данном предмете от главных советников по внешним связям императора

Канси в лице французского иезуита-миссионера Жана Франсуа Жербильона и его коллеги португальца Томаса Перейры¹¹.

Впрочем, в 1750 году весь мир, кроме России и Восточной Азии, в большей степени интересовали культурные знания Китая, а не его потенциальная опасность. Император Канси принимал при своём дворе азиатских островитян, индийцев, арабов и персов. Он приказал своим учёным обогащать знания об этих зарубежных территориях. Какое-то время его любимыми собеседниками оставались европейские миссионеры-иезуиты, в том числе Жербильон и Перейра, которые познакомили его с последними открытиями в астрономии, военном деле, архитектуре и живописи. При этом император Канси выступал против любых попыток обращения в свою веру, предпринимаемых этими миссионерами, а также мусульманами или буддистами, грозящих подорвать главенство Цинского государства. Проповедь христианства попала под запрет в 1721 году, когда папа Климент XI своим недалёковидным декретом запретил китайским христианам выполнять официальные ритуалы Цинов. Но иезуиты остались в Китае до отмены для них этого предписания в 1773 году. Среди них числится переводчик императора Цяньлуна Жан Амио, умерший в Пекине в 1793 году, то есть за шесть лет до кончины самого императора.

К 1750 году Цинская династия достигла максимальной степени своего влияния в Азии. То есть, как любил отмечать император, ей не угрожало вторжение каких-либо внешних врагов, и была достигнута независимость с точки зрения обеспечения населения продовольствием. Формы взаимодействия с внешним миром на континенте определялись в Пекине, и даже притом, что императорский двор не мог навязывать свою политику другим дворам, он всё-таки оказывал решающее влияние на них через внешнюю политику, просвещение или культуру. Столица Цинов получила признание как центр Восточной Азии, как город, притягивающий людей извне, откуда исходили умозаключения, вкусы

и стили для остальных народов. Более того, цинская элита служила носителем убеждённости в том, что цинская политическая система прокладывала единственный разумный путь управления империей, и в том, что она служила образцом для организации государства не только в Азии, но и во всём мире.

Великим символом могущества Цинов и их претензий на универсализм служил дворцово-парковый комплекс Юаньминъюань (Сад совершенной ясности), сооружение которого к северо-западу от Пекина завершилось в 1750 году. Император Цяньлун создал этот роскошный комплекс для демонстрации своих познаний в эстетике и мощи его империи. Размерами в пять раз превышающий Запретный город (представляющий собой дворцовый комплекс в центре Пекина, где обитала императорская семья), этот парк предназначался для показа всего ценного, существовавшего под солнцем, и являл собой своеобразную выставку всемирных достижений XVIII века. В его обширной коллекции дворцов и садов находились здания китайской архитектуры времён разных династий, строения и ландшафты примыкающих к Китаю территорий, Кореи и Юго-Восточной Азии. Больше всего китайских гостей удивляли здания в глубине Юаньминъюаня, спроектированные в итальянском стиле барокко миланским художником и архитектором Джузеппе Кастильоне. Главное монументальное здание, выходящее фасадом на центральный фонтан, называлось дворец Хайаньтан (Haiyantang). В нём хранилась императорская коллекция произведений европейского искусства, в том числе французских механических часов, которыми он особенно восхищался.

Юаньминъюань служил символом притязаний Цинов на мировое господство и центральное место их столицы. Но во время Опиумной войны 1860 года британские войска взяли Пекин, а сам комплекс потом разграбили и сровняли с землёй. Когда автор настоящей книги еще в бытность студен-

том в первый раз посетил китайскую столицу, спустя 120 лет место, где располагался роскошный Юаньминъюань, оставалось практически пустынным, разве что у входа возвышалось несколько транспарантов с угрозой мировому империализму («Долой империалистов и их лакеев!») и виднелись бережно ухоженные огороды нищих крестьян. Лично для себя автор нашёл здесь прекрасный маршрут для послеобеденных прогулок, а также идеальное место для встреч с друзьями и подругами. Ведь только в этом месте можно было укрыться от любопытных глаз, каких было множество на улицах Пекина. Зато кое-кто из здешних жителей отказывался ходить туда из опасения, что его населяли давно забытые призраки прошлого, которое лучше не ворошить.

Мысль о книге пришла к автору во время одной из прогулок по развалинам Сада совершенной ясности в 2006 году. Я тогда работал в Пекинском университете, расположенном напротив заброшенных садов Юньминъюаня; читал лекции об отношениях между Китаем и остальным миром. На написание данной книги потребовалось весьма много времени, так как пришлось изучить громадный объём документов, к тому же этот объём каждые полгода возрастал раза в два ввиду того интереса, который проснулся к Китаю в 2000-х годах. Мной двигало желание представить моим студентам и всем читателям некий совершенно новый подход к внешней политике Китая. Подчеркнуть культурные перемены, а также рассказать о противоречиях и национальных особенностях; поведать об отношениях между западными миссионерами и дипломатами, предпринимателями и революционерами, трудящимися и их начальниками. Подавляющее большинство повествований о китайской внешней политике до недавнего времени сводилось к описанию в той или иной форме отношений между государствами. В рассуждении по поводу того, как власти налаживают свою внешнюю политику, ничего страшного нет. Однако при таком подходе не получается полной картины развития взаимодействия между внешними и внутренними факторами, а также разными

группами людей. Таким образом, возникает неоправданно узкое сосредоточение на основных функциях государства — управлении, связи, войне. Тем самым создаётся впечатление о созидании и разрушении, совсем не всегда совпадающее с видением подавляющим большинством народа своего участия в связях с внешним миром или иностранцами.

При такой привязке роли государства внутри китайской историографии мне пришлось заняться изложением материала без философского изучения цели и целесообразности (телеологии), отказаться от логики событий с момента крушения Цинов до провозглашения Китайской Народной Республики с возрождением государства как централизованного образования в качестве непреложной цели и результата. Одновременно хотелось бы объяснить, почему весьма спорное представление о своём государстве имело такую большую важность для многих китайцев на протяжении весьма продолжительного периода времени — гораздо проще жаловаться на своё государство, когда оно уже имеется, чем когда занимаешься его построением. Совсем не хотелось, чтобы благосклонный читатель подумал, будто слабость и сила государства служили единственными факторами в истории современной внешней политики Китая.

В своей книге я не собираюсь рассказывать исключительно о дипломатии и войнах. Наоборот, мне бы хотелось пригласить своих читателей в путешествие по далёкому прошлому существования Китая на международной арене. В «Беспокойной империи» речь в основном пойдёт о пережитом группами общества с самого его верха до низа. Сосредоточение внимания на государстве, переживающем период своей мощи, требуется для понимания того, как китайская элита видела свою собственную роль и как эта роль виделась из-за рубежа. В отсутствие целостной гипотезы единственного фактора, определяющего взаимодействие Китая с миром, автор книги обращает внимание читателей на стремительность изменений, происходящих в современном мире, и своеобразную способность китайцев рационально реагировать на такого рода из-

менения. В книге к тому же идёт речь о сноровке китайцев в создании гибридных или как минимум эклектических форм общественной тождественности, а также об их предрасположенности к приданию международной актуальности мировоззрениям, где бы они ни складывались. Все эти замечания отнюдь не стоит рассматривать в качестве приводных ремней истории, однако они помогут в понимании хода мысли автора при толковании им произошедших событий.

В основе данной книги лежит повествование о метаморфозах Китая в XIX и XX веках. То было время, когда народ, считавший себя китайским, приспособливал свою жизнь и привычки к жизни и привычкам участников создания глобальных форм современности. Китайцев, воспринявших новизну — когда им давали на неё шанс, — всегда было гораздо больше тех, кто ей противился. Китайцы путешествовали, учились и приживались за рубежом, чтобы понять открывающийся перед ними новый мир и извлечь из его реалий пользу для себя. Во многом их общение с внешним миром почти не отличалось по времени и значимости этого мира для европейских крестьян (например, для родителей автора книги во втором поколении), которые вступили в новую для них жизнь капиталистического рынка. В какой-то момент этот рынок казался суровым и бодрящим. На нём возникали возможности и опасности, привлекательные и ужасающие явления, к тому же он всё больше влёк к себе даже тех, кто стоял в стороне от него, как с точки зрения географии, так и идеологии. Зарубежная история Китая за последние 250 лет представляет собой борьбу китайцев против капиталистической современности, приспособление этой современности под себя и себя под неё примерно в равной степени.

В этом деле важную роль к тому же играли разрушение и насилие. Как показывает судьба Юаньминъюаня, вторжение западных армий на территорию Китая в XIX и начале XX века принесло громадные разрушения для тех мест, по

которым войска стран Запада наносили свои удары¹². Однако настоящие катастрофы с точки зрения разрушения и насилия пришлось на середину XX века и дальше, когда после нападения на Китай Японии начались войны и террор (прежде всего коснувшиеся китайских крестьян), продолжавшиеся вплоть до середины 1970-х годов.

Настоящей трагедией для китайцев стала война с внешним врагом и насаждение маоизма. Война послужила подтверждением того, что внешний мир ненавидел Китай. Коммунизм Мао Цзэдуна доказал наличие пути к современности без капитализма и зарубежного влияния. Последнее не могло получиться без первого. Но так случилось, что в кровавых 1940-х годах Китай вступил на путь, приведший к величайшей беде в современной истории этой страны: массовым убийствам, террору и самоуничтожению лет маоизма, за которые погибли 20 миллионов человек и была покалечена жизнь неисчислимого множества народа. Получилось так, что одни китайцы совершали преступления против других китайцев. Преступления представляются настолько ужасными, что подавляющее большинство народа в Китае предпочитает о них не говорить. Только вот эти преступления совершались по имя идеалов «коммунистических скачков» к современности, которые в XX веке везде приносили одно только разорение.

Когда в 1970-х годах маоизм вместе со своим основателем Мао Цзэдуном благополучно почил в бозе, для Китая началось мучительное возвращение к международной капиталистической современности, которую его вожди на протяжении целого поколения старались избегать. Кое-кто из историков в Китае утверждает, будто задачу построения новой страны сегодняшнего дня облегчила разрушительная деятельность маоистов предыдущих десятилетий. Ведь Мао уничтожил Китай старых традиций и произвольно открыл чистую страницу, на которой можно было написать законы рыночного развития. Примерно так всё это можно себе представить. Перед Китаем в 1970-х годах открылось несколько разных

направлений движения — от полпотовского геноцида в Камбодже до народовластия типа того, что сложилось на Тайване. Потенциал для рыночного развития появился совсем не в силу разрушительной сути Коммунистической партии Китая (КПК), а наперекор ей, так как китайцы существовали в условиях единых рынков задолго до предпринятой коммунистами попытки покончить с такими рынками. Упоминания данных истоков представляются важными для изложения событий и явлений настоящей книги не только по причине их большого значения для настоящего времени, но и к тому же потому, что они сыграли такую громадную роль в жизни Китая на протяжении XIX и XX веков.

Очертания настоящего возникают в прошлом. Сегодняшний Китай формируется его современными метаморфозами, через преобразования, отточенные в силу факторов как внешнего, так и внутреннего воздействия. Следовательно, историю следует рассматривать в качестве определяющего фона, дающего понимание сегодняшних отношений китайцев с внешним миром. В наше время кое-кто из историков использует беспокойное прошлое Китая для обоснования его авторитаризма или периодической демонстрации военной мощи на международной арене. А вот такого делать не стоит. Китай пережил кровавый XX век, когда сами китайцы нанесли себе больше вреда, чем все вторгавшиеся в их страну зарубежные державы, причём делали это с самыми пагубными последствиями на будущее. Китайцы могут токовать такое своё безрадостное историческое наследие двояко. Они могут вести себя с всё большей энергией по мере наращивания мощи своего государства и использовать эту мощь в той же манере, в какой иностранцы вели себя по отношению к Китаю, когда он выглядел слабой страной. Только вот такая враждебность для внешнего потребления, скорее всего, будет выглядеть признаком сохраняющейся слабости государства внутри своей страны, безуспешно борющейся с прошлым и в итоге остающейся по-прежнему неустойчивой. По второму варианту китайцам предстоит налаживать взаимодействие с остальными

ми народами в соответствии со своими собственными наследственными ценностями и опытом прошлого. Такому Китаю гарантирована внутренняя устойчивость, потому что китайцы смогут сосредоточить своё внимание на спокойных политических переменах и тем самым добьются формирования по-настоящему законного, а также гибкого правления. Только время должно показать, по какому пути двинется Китай, но, какое бы направление он ни выбрал, препятствия на нём будут возникать в силу логики истории этой страны.

Кое-кто из китайцев предпочитает выделять в истории своей страны циклический характер: за тысячи лет Китай шёл от процветания к упадку и последующему возрождению. Они считают, что теперь мы находимся в начале стадии возрождения, а Китай должен в скором времени занять центральное место в мире и стать мощной страной. И у них вызывает большое чувство гордости тот факт, что Китай во многих областях выходит на рубежи первой в мире державы. На историю человечества можно взглянуть с самых разных позиций, однако отметим одно вот такое базовое изменение по сравнению с XVIII веком: сегодня никто не ждёт возврата прошлого, во всяком случае в том виде, в каком оно уже случилось быть. В нынешних условиях принято больше смотреть в будущее, чем в прошлое. Китайцев это касается тоже, даже тех, кто верит в продолжительные циклы развития. Будущие отношения Китая с миром по форме могут составить возврат к некоторым событиям прошлого, но по содержанию всё будет, несомненно, совершенно новым.

Глава 1

МЕТАМОРФОЗЫ

В первой половине XIX века в Китае одно за другим начались преобразования, навсегда изменившие образ этой страны. Хотя некоторые изменения имели местные корни, подавляющее большинство перемен привязывались к новым контактам с Западом. Причём развивающиеся в XIX веке отношения не стоит считать простым результатом влияния Запада и китайской реакции на него. Китай в то время переживал сложный период перемен, когда вырабатывались новые подходы к формированию китайских лекал. Так как Цинское государство подвергалось нажиму изнутри и снаружи, для семей и частных лиц расширялись возможности в сфере таких видов деятельности, как торговля, учёба, религиозные отношения, ради которых приходилось выезжать за рубеж или как минимум общаться с иностранцами или знакомиться с иностранными идеями в самом Китае. Особенность существования Китая в XIX веке, таким образом, заключалась не только в наступлении империализма и эры разрушений, но и в появлении нового, представлявшего собой гибрид внутренних факторов и веяний извне. Кое-что из этих гибридных образований получало развитие, тогда как Цинская империя ввергалась из одного кризиса в следующий. В результате создавались предпосылки для многого из того, что случилось позже.

Определяющим фактором для метаморфоз Китая в XIX веке послужило ослабление положения государства в этой стране. Свою роль играли поражения Цинов в вооружённых стычках с Западом, но не стоит забывать о важных исторических свя-

зях с бедственным положением династии после смерти императора Цяньлуна в 1799 году. Маньчжуры попытались управлять своей страной и её соседями методами, которые до них не применял никто из правителей, и к началу XIX века им стало сложно контролировать территориально переросшую правителей империю. Казна истощалась, военные устали от боевых действий на территории сопредельных стран, а население проявляло всё большее недовольство полицейским государством, постепенно терявшим своё предназначение. Рамки, внутри которых приходилось править Цинской династии, изменились, поэтому для решения задач, возникавших в новых условиях, требовался сильный император и радикальный пересмотр его политики. Вторжения войск Запада на территорию Китая, начавшиеся с Опиумной войны в 1839 году, лишили империю в начале века времени на перемены, на которое могло рассчитывать подавляющее большинство народа. Тем не менее Цины отставали свои позиции как внутри Китая, так и за его пределами; они не пасовали перед внутренними или внешними противниками, даже когда те объединялись в борьбе против императора. По мере возникновения политических кризисов в Китае представители династии многому учились и осознали, как удержать власть и как повернуть новые идеи в свою пользу. Только вот у государства больше не получалось контролировать знания, как это удавалось делать в XVIII веке. Наоборот, пришлось противостоять революции в распространении информации и опыта практической деятельности, которая постепенно охватывала всю страну. Эта революция в мыслях и поступках стала первым прорывом на пути к новой форме китайской современности, возникающей в постоянном взаимодействии с внешним миром.

Китайцы, имевшие дело с иностранцами в 1800 году (на четвёртый год правления императора Цзяцина), в подавляющем большинстве случаев считали их всё ещё одной из групп

субъектов династии Цин. Их империя простиралась широко, и на её территории жили народы с разным цветом кожи, говорившие на разных языках и исповедовавшие разные религиозные учения. Притом что физические границы этой империи определялись слабо, политическая власть Пекина распространялась практически на всю Азию от Корейского полуострова до гор Тянь-Шаня в Средней Азии и от озера Байкал в Сибири до побережья Бирмы (Мьянмы). За основным кольцом имперского правления простирались страны-данники. Правители всех этих стран в той или иной форме признавали сюзеренитет цинского императора, но в основном самостоятельно занимались своими государственными делами. Прямое политическое влияние цинского императора распространялось на Корею. В дальних странах — Таиланде и Непале — положение данников выглядело скорее церемониальным, хотя соблюдалось добросовестно. Однако на периферии власть Цинов ослабевала. Во Вьетнаме, официально числившемся страной-данником Китая, Цины практически утратили свой авторитет, так как ошибочно поддерживали проигравшую в гражданской войне сторону.

Обстановка на южных границах в 1800 году складывалась в обычной для Китая форме подъёмов и спадов в отношениях с соседями. С одной стороны, Цинская империя одинаково воспринималась китайцами и иностранцами как центр всего региона, прежде всего с точки зрения культуры и политики. С другой стороны, за китайским императором сохранялось бесспорное последнее слово в местных спорах вокруг власти внутри любой страны-данника. К концу XVIII века цинская династия уже не достигала прежних успехов во всех зарубежных экспедициях. Так, в 1760-х годах император Цяньлун попытался вмешаться в дела Бирмы и сохранить эту страну в сфере китайского влияния. Та экспедиция провалилась и потребовала больших затрат (погибло как минимум 70 тыс. китайских солдат), а бирманцы отстояли свою самостоятельность. Война с только что объединившимся Вьетнамом в 1780-х годах вообще привела к катастрофе (так

же как и такое же вторжение спустя двести лет). Неудачно спланированная и в конце концов оказавшаяся бесполезной попытка определить исход внутреннего мятежа во Вьетнаме стоила Китаю нескольких тысяч жизней. Вьетнамский король в скором времени попросил у китайского императора прощения и подчеркнул желание его народа снова платить дань цинскому двору в Пекине. Однако урон престижу Цинов в то время можно назвать значительным.

Кое-кто из историков представляет несостоятельность Китая в навязывании своей региональной гегемонии в конце XVIII века как следствие его внутреннего ослабления. Подавляющее большинство приводимых при этом аргументов не выдерживает исторической проверки, ведь и поражение американцев во Вьетнаме двумя веками позже трудно оправдать последствиями подъёма внутреннего протеста в США. Цинская династия одержала бы во всех этих схватках верх, но её подвели отсутствие политической целесообразности и стратегическая недалёковидность. Разумеется, внутри страны к 1800 году появились определённые сложности, но ни одна из них не достигала масштаба, способного серьёзно отразиться на внешней политике Пекина. Главная причина затухания инерции во внешней политике состояла в неспособности аппарата к принятию решений, так как император Цяньлун состарился и потерял интерес к нововведениям. Как результат, в немногочисленной группе приближённых, отвечавших за принятие внешнеполитических решений, возник идейный вакуум. Что же касается авторитарной политической системы в целом, то мощь цинского Китая определялась способностями или амбициями его правящей верхушки.

Император Цяньлун правил на протяжении 60 лет и в 1796 году отрёкся от престола. Однако даже после сложения императорских полномочий отказываться от власти этот пожилой человек не собирался. Он сошёл с трона только потому, что не хотел оскорблять память своего знаменитого деда императора Канси более продолжительным, чем дедово, правлением. Дряхлея, Цяньлун оставался источником власти

до самой своей кончины в 1799 году — к тому времени ему уже исполнилось 88 лет. На протяжении всей своей жизни Цяньлун верил в возможность военного решения многих приграничных проблем Китая. Поначалу его военные кампании приносили победу. Утверждая (и, вероятно, свято в это веря), что он поступает исключительно в интересах укрепления границ Китая, а не территориальных приобретений своей империи, к 1750-м годам он взял под свой контроль практически всю Среднюю Азию и отправил войска следить за горными перевалами в Индию, заставив власти Непала признать сюзеренитет Пекина. Внутри империи он укрепил цинскую власть на Тибете, в Монголии, а также в богатой провинции Сычуань. Однако военные экспедиции были делом дорогостоящим и не проходили даром для самого императора. К концу 1760-х годов Цяньлун утратил свой талант к заключению сделок и поиску компромиссов, который в недавнем прошлом часто помогал ему добиваться крупных побед. Из-за нарастающей непреклонности и отстранённости от мира за пределами цинского двора он утратил навыки успешного правителя, которыми когда-то обладал.

Сын Цяньлуна император Цзяцин (1796—1820) и его внук император Даогуан (1820—1850) оказались слабыми руководителями, не располагая государственным умом первых императоров династии Цин. Цзяцин, приходящийся Цяньлуну пятнадцатым сыном, когда в возрасте 39 лет наконец-то стал полноправным императором Китая, проявил себя справедливым и относительно незатейливым правителем. Отец выбрал его третьим своим наследником (оба предшественника погибли ещё до отречения Цяньлуна от власти). Первые годы своего правления император Цзяцин посвятил искоренению двух главных недугов правления отца: официальной коррупции представителей власти и религиозного фанатизма кое-кого из его субъектов. Некоторый успех в обуздании взяточничества послужил укреплению его популярности, но личная власть императора при этом ослабла. Его попытки подавить религиозный фанатизм принесли ещё меньше

пользы. Прежде всего, он потерпел поражение в борьбе с сектой буддистских милленариев Общества Белого лотоса, пользовавшихся поддержкой бедных поселенцев в Центральном Китае. Военная кампания против них истощила казну и тянулась восемь лет до 1804 года, пока генералы его отца не взялись за дело и не применили свои старые методы, заключавшиеся в сочетании переселения жителей с укреплением населённых пунктов, а также мобилизации местного ополчения для борьбы с мятежниками.

В конечном счёте Общество Белого лотоса император Цзяцин разгромил. Однако его критиковали как за преувеличение значения мятежа, так и за неуклюжесть в его подавлении, из-за чего мятеж Белого лотоса приобрёл видимость крупномасштабного восстания против правления Цинов. Многие считали движение Белого лотоса спровоцированным самими Цинами, но послужившим подрыву их авторитета. Его отец умудрялся представлять самые бессмысленные свои интервенции победами, а Цзяцину не удавалось даже сохранить значение своих побед. Поэтому авторитет императора падал. В 1803 году на улице на него напала толпа, а в 1813-м группа злоумышленников попыталась взять штурмом Запретный город. В 1820 году Цзяцин внезапно умер (сообщалось, что его убила молния, когда он шёл к одному из летних дворцов). Один из его советников заметил по этому поводу, что способ ухода из жизни императора выглядит самым ярким его шагом из всех когда-либо им предпринимавшихся.

Во время правления Цзяцина образ императора в Китае заметно потускнел, и слабость престола преследовала его сына и наследника Даогуана на протяжении всех 30 лет, проведенных им на престоле. Даогуан отличался благими намерениями, с одной стороны, и слабой волей — с другой. Он часто болел и предпринимал внезапные перемены в политике в зависимости от содержания последнего доклада или самой свежей поступившей ему рекомендации. По мере ослабления своего правления он всё больше становился заложником влиятельных придворных группировок. Его дядя, кузены, жёны,

министры и дворцовые слуги сбивались в мощные группировки, боровшиеся между собой за власть и влияние. Сам же император искал подсказки в практической деятельности своих великих предков — деда Цяньлуна и особенно прапрадеда Канси, а также пытался внедрять новые церемонии и порядки. Беда же была в том, что основатели династии Цин были новаторами (хотя и прятали свои нововведения под личиной возврата к великим традициям), а Даогуан беспомощно силился вернуть Китай в славное прошлое, которого он не понимал, и при этом наблюдал за сползанием своей империи в хаос и порабощение иностранцами.

Историки разработали целый ряд объяснений экономических и социальных трудностей Китая в XIX веке, небольшое число которых внешне выглядит основанным на изучении первоисточников. Среди причин этих трудностей называют последствия чрезмерного роста населения, истощение ресурсов, унаследованную техническую отсталость и отсутствие рыночных механизмов. Недостаток таких представлений заключается в том, что они слабо подтверждаются документальными свидетельствами, обнаруженными в последнее время. Например, авторы новых исследований показывают, что продуктивность сельского хозяйства Китая в XVIII веке ничуть не отличалась от показателей всех остальных ведущих районов мира. Уровень жизни населения практически всех плодородных областей Китая (в нижнем течении реки Янцзы) был приблизительно таким же, как в подавляющем большинстве плодородных регионов Европы (Англии) в тот же период истории. Что касается роста населения, коэффициент рождаемости в Китае увеличивался темпами, сопоставимыми с темпами роста европейского населения, причём самыми населёнными становились экономически благополучные области. Притом что экономический рост и увеличение населения требовали всё больше ресурсов, экологическая обстановка в Китае была не многим хуже, чем в Европе. В некоторых об-

ластях она выглядела даже гораздо благополучнее, во многом благодаря высокой отдаче и дешевизне транспорта. Технология, которую использовали крестьяне и ремесленники, находилась на достаточно высоком уровне, чтобы обеспечивать достойную производительность (в мировых сопоставимых показателях), то есть отмечался высокий уровень отдачи в аграрном секторе и ремесленном производстве.

К началу XIX века китайская экономика если не процветала, то обладала устойчивостью. Её рост прекратился, и только технические преобразования могли обеспечить прорыв из застоя. Поскольку внутренняя политика оставалась относительно стабильной и крупные войны удавалось предотвращать, радикального обнищания народа можно было не опасаться. Не грозили и крутые перемены типа тех, что охватили Европу между 1750 и 1850 годами. Политические волнения, войны между государствами, дешёвые и доступные энергоносители, а также ресурсы из Америки потребовали внедрения новых технологий взамен старых и послужили локомотивом расширения единого капиталистического рынка. Иначе говоря, исключение коснулось Европы (особенно Англии), а не Китая.

Из выпавших на Китай в XIX веке катастроф немало относилось к экономическим или социальным бедам, однако практически ни одну из них не стоит связывать с присущей этой стране слабостью в развитии её империи. Совсем наоборот: они возникли вследствие провалов в управлении государством, иностранного вооружённого вторжения, войн и восстаний. В хозяйственной системе Китая XIX века тем не менее наметилось две основных тенденции, требующие особого внимания, и по ним можно понять действие экономического фактора на внешнюю политику. Первая тенденция — относительное обнищание периферии из-за развала государства. Вторая — изменение системы внешней торговли Китая, которая прежде велась через богатые прибрежные области, а теперь переместилась в основном (но не исключительно) в Юго-Восточную Азию. Обе эти тенденции привязывались конечно же исключительно к политическим со-

бытия. В совокупности они привели к перерождению Китая, районы которого в середине и конце XIX века оказались в гораздо более неравноправном положении и лишились объединяющих связей, которые имелись веком раньше. Перестал существовать организуемый государством транспорт, из-за чего в невыгодном положении оказались районы вдоль экономических границ от Шаньдуна через Северный Китай и среднее течение Янцзы до крупных рек на юге, куда в XVIII веке переехала масса китайцев, занявшаяся добычей сырья для экономически развитого центра. Тем временем из-за увеличения объёма внешней торговли ряд этих областей утратил constitutive преимущества: рис из Юго-Восточной Азии, например, вытеснил рис из Хунани, поступающий в растущие города вдоль побережья реки Янцзы.

В целом структуру народного хозяйства в Китае XIX века экономисты характеризуют неравномерным развитием. Некоторые отрасли экономики при этом росли достаточно быстро, зато другие погружались в застой или даже исчезали. Решающую роль играло географическое положение, ведь богатые приграничные области становились ещё богаче, даже если на какое-то время их развитие сдерживалось из-за войны. А бедные районы и расположенные на периферии скатывались в нищету, по меньшей мере относительную, и становились особенно опасными с точки зрения вооружённых конфликтов и вызванных ими социальных смещений.

Определяющим фактором состояния китайской экономики на протяжении XIX века оставалось неравномерное развитие, а решающую роль играли вооружённые вторжения Запада на территорию этой страны, из-за которых она распалась на две части. Ключом к экономическому развитию Китая стало создание в 1840-х и 1850-х годах внутри страны управляемого иностранцами капиталистического ядра. На то, чтобы иностранные товары и способы производства достигли подавляющего большинства китайцев, потребовалось ещё одно столетие. И пока экономика Китая оставалась преимущественно аграрной (практически до сегодняшнего дня), общение с иностранными

территориями и народами начало служить коренному преобразованию не только в области производства товаров, рабочего пространства и потребления, но и в сфере восприятия китайцами своей системы хозяйствования.

Такое коренное изменение коснулось Китая не только изнутри; то же самое происходило среди китайцев за рубежом. На протяжении всей истории Китая его народ выезжал в другие страны в поисках работы, приключений или лучшей жизни для себя и своих родных. Как и в случае с народами любых других стран, человеческая любознательность и стремление к достижениям побуждали часть китайцев брать на себя чрезмерные риски при освоении и заселении незнакомых государств. Для китайцев первая крупная волна эмиграции началась в конце XV века, когда получила расширение торговля с Юго-Восточной Азией. Изначальные китайские поселения во Вьетнаме, Камбодже, на Филиппинах, Яве, в Малайзии и Таиланде связаны с коммерцией, и они располагались вдоль торговых путей, связывавших Китай с этими странами, расположенными к югу от него. Невзирая на всевозможные попытки Китайского государства отбивать охоту к внешней торговле и эмиграции (на заре Цинской династии за попытку самовольного выезда за рубеж отрубали голову), существовали разнонаправленные факторы, заставлявшие всё больше народа покидать свою родину. После ослабления Цинами в середине XVIII века запретов на выезд за рубеж китайцы второй волны эмиграции создали крупные китайские поселения по всей Юго-Восточной Азии.

За сотню лет, к середине XIX века, как минимум миллион человек покинули Южный Китай и попытались осесть в областях, где чиновникам империи их было не достать. По сравнению с массовой внешней эмиграцией европейцев эта цифра представляется небольшой, однако она оставила заметные следы в истории самого Китая и осваиваемых китайскими переселенцами стран. В подавляющем большинстве случаев новые эмигранты отправлялись в местности, где уже обосновались небольшие китайские колонии,

и часто, как это характерно для эмигрантов из любой страны, они старались отыскать родичей из своих мест или кланов. В некоторых областях Таиланда и Явы новых эмигрантов становилось больше, чем местных жителей. Заключение браков с местным населением началось практически сразу же, но в китайских семьях до нашего времени сохраняются присущие только китайцам черты. Китайцы наладили надёжные общественные и торговые связи, соединяющие их родные места в Китае с районами, где они обосновались.

Характер эмиграции изменился после 1850 года из-за дальнейшего ослабления Цинского государства. Благодаря новым контактам с иностранцами и устранению эмиграционных ограничений китайцы стали выезжать в новые регионы и по другим причинам. Наряду с большим числом китайцев, отправлявшихся в Юго-Восточную Азию между 1850 и 1875 годами, наметился поток эмигрантов в новых направлениях: на Гавайи, в Соединённые Штаты Америки и Канаду (17% суммарного числа китайских эмигрантов), на Кубу (11%) и в Перу (9%). Отправлявшиеся в эти новые страны китайцы часто заключали контракты с иностранными компаниями и отправлялись работать на аграрные плантации или горнодобывающие предприятия. В подавляющем большинстве случаев новым эмигрантам предстояла более тяжёлая судьба, чем их предшественникам. Однако дома в то время жизнь была ещё труднее, и многие люди горели желанием отчаяться на переезд за пределы своей родины, хотя бы на какое-то время.

На протяжении XVIII и XIX веков подавляющий поток эмигрантов из Китая шёл с юга, особенно из прибрежных провинций Гуандун и Фуцзянь. Эмиграция из этих областей создала своего рода плацдарм для образования на их территории западных опорных пунктов, через которые люди из прибрежных районов китайского юга двойной нитью привязывались к расползающейся по планете мировой экономике. Эмигранты служили этой экономике у себя дома в качестве купцов, рабочих и потребителей. Они к тому же обслуживали новые торговые пути, находя применение сво-

им знаниям местных обычаев в подчас сомнительной для себя роли среди иностранных купцов и колонистов. Ближе к концу XIX века во всех восточных областях Азии, а также в некоторых районах Северной и Южной Америки именно китайские труженики и купцы обеспечивали сцепку между местными хозяйственными системами и деловыми кругами. Эти сообщества китайской диаспоры должны были играть решающую роль во внешней политике Пекина и иногда в самой истории Китая. Они сформировали глобальный Китай (часто не одобряемый Западом и китайцами в равной мере) и сыграли главную партию в качестве посредников, передающих умения и идеи между инородными мирами.

Отправлявшиеся за рубеж китайцы попадали в сложный мир соперничества этнических и социальных групп, враждебных традиций и беспорядочных форм правления. Но обстановку в оставляемом ими Китае с точки зрения определения принадлежности и представлений тоже простой не назовёшь. Теперь все знают, что за последние пять тысяч лет население внутри основной китайской территории проживания и вокруг неё определяло свою этническую принадлежность самыми разными путями. Группа населения КНР, сегодня осознающая себя китайской народностью хань, к которой нынешнее китайское правительство причисляет 92% народа, живущего в их стране (и практически 20% общего населения нашей планеты), изначально сформировалась в центре северной части Китая наших дней главным образом в бассейне реки Хуанхэ. Примерно в 2000 году до н. э. она стала культурно доминирующей народной массой на гораздо более обширной территории под управлением династии Хань. Во время правления этой династии и после неё культурная традиция ханьцев распространилась на остальную территорию нынешнего Китая, прежде всего на юг и на запад. Расселение ханьцев происходило в результате захвата территорий, ассимиляции местного населения и (особенно после распада династии Хань) через принудительную миграцию

из мест зарождения народа. Китаизация юга страны стала в большой степени результатом исхода с севера беженцев, покидавших родные места из-за краха северных царств эпохи после династии Хань. К 1800 году как раз шёл такой процесс культурной и этнической унификации (хотя в некоторых районах Китая он продолжается и сегодня)¹.

Определение национальной принадлежности представляло болезненную проблему для Цинского государства. Императорская семья принадлежала к маньчжурам, и в случае необходимости её представители выпячивали свою «самость» по сравнению с китайцами. Спаянность внутренней группировки внутри «цинского предприятия» в известной степени зависела от её отстранённости от океана китайцев, которыми она правила. Но в то же время Цинское государство представляло собой империю, составленную из множества различных этнических групп. И вельможи выработали сложный кодекс поведения для каждой из них. Некоторые из этих конкретных групп определялись по языку и традициям. К ним относились сами маньчжуры, монголы, тибетцы, а также многочисленные народности на юге Китая, такие как мяо (в Индокитае их зовут хмонгами), баи или даи (таи). Другие категории населения рассматривались с точки зрения религиозной принадлежности: мусульмане, культурно относящиеся к китайцам, казахи, исповедовавшие буддизм ламаистского толка, и разнообразные религиозные группы среди населения Юньнани, Гуанси, Гуйчжоу или Тайваня. Подавляющее большинство цинских императоров добросовестно пытались изучать такие группы населения, поэтому учили их языки и вникали в особенности религиозных верований. Но даже труженику Цяньлуну пришлось признать, что иногда он путал своих казахов со своими турками и поэтому не мог обращаться с ними согласно назначенному Цинами протоколу.

Все эти дефиниции давались с большим трудом. Даже представители элиты населения, считавшегося численным большинством народа империи (то есть те, кто владел китай-

ской письменной традицией, принадлежал к конфуцианской общественной организации и располагал наследственными связями с территориями зарождения китайской нации), в начале XIX века с определённой сложностью могли с достаточной точностью определить, кого следует считать «китайцем». Поскольку в Китае отсутствовала концепция нации, сходная с концепцией, которую медленно внедряли в Европе, такие понятия, как «мы» и «наша земля», относились к чьим-то деревням, областям или провинции, а не к стране. Причём в Европе подальше на запад крестьяне свою страну принимали ближе к сердцу, чем жители Китая.

Исключение не коснулось даже стержневой китайской культуры. До конца XIX века необыкновенно открытыми оставались государственные испытания, считавшиеся важной предпосылкой для поступления на службу императору. Представители элиты всех групп могли выдвигать своих лучших сынов, если те исповедовали китайскую культуру и проявляли желание хранить и обогащать свои верования и этническую особенность. Сама империя претендовала на всеобщность и роль ключа ко всем значимым цивилизациям. Только вот для подавляющего большинства народа сохраняла справедливость древняя поговорка: «До неба высоко, до императора далеко». То есть, не ставя под сомнение легитимность имперского государства, народ в первую очередь признавал местную власть или вождей своего клана.

Простого ответа на вопрос, что это означало для китайца в тот период истории, не существует. Подавляющая часть народа ощущала своё своеобразие сразу по нескольким признакам. Судя по письменным свидетельствам, практически одновременно вполне можно было себя считать немножко китайцем, чуть больше сычуаньцем или кантонцем (гуанчжоусцем) и слугой империи (или даже её заклятым врагом). Своёобразие и привязанности во многом походили на эклектическую религию, исповедовавшуюся в сельских храмах по всему Китаю. Можно перечислить множество богов и несколько религиозных обрядов, но ближе всего к человеку сто-

яли его предки и местные деятели, символизирующие его землю и деревню предков. И если в сердце империи определение своеобразия давалось с трудом, то на её окраинах оно вообще претерпевало самые причудливые метаморфозы. Китаец мог сегодня с пеной у рта доказывать свою национальную принадлежность, а завтра говорить о ней гораздо спокойнее. Всё зависело от возможностей или протекции, предоставляемой Китаем.

Итак, а кто же, по мнению китайцев, относился к иностранцам? Ответ зависит от того, разумеется, кому вы его задаёте. Для подавляющего большинства тех, кто жил в Центральной Китайской долине или вышел из них, иностранцами считались люди, по своей культуре не относящиеся к китайцам, даже притом, что само определение «по своей культуре китаец» относилось к понятиям весьма оспариваемым. В отсутствие современного национального самосознания и в условиях жизни при династии, представители которой подчас кичились своим зарубежным происхождением, узкое определение того, что представляется *«ней»* (родным) или *«вай»* (чужим), людям в Китае XVIII и XIX веков казалось не совсем подходящим. При всём при этом Цины унаследовали у предыдущих государств систему ценностей, которую китайцы называли *«хуа и гуань»* (китайцы и варвары). Что в культурном контексте означало «китайское превосходство и отсталость остальных народов». На протяжении веков при таком мировоззрении у китайцев сложился определенный взгляд на другие народы и их существование. Как форма культурного этнологического центризма в то время он, похоже, был сильнее любых сходных европейских явлений во многом потому, что его на протяжении пятисот или более лет разделяла большая часть элит ближайших соседей Китая.

Во время династий Мин и Цин формирование китайских воззрений на иностранцев подвергалось влиянию двух основных источников: рассказы китайских путешественников, возвращавшихся из-за границы, и иностранцев, прижившихся в Поднебесной. От первых поступала масса письменных отчё-

тов о заморских странах. В подавляющем большинстве таких книг появлялись новеллы, пересказанные по несколько раз, и, как и в томах, выпущенных в свет в Европе, особенно в XVIII веке, в них зачастую содержалось столько же замечаний о Китае, сколько о предметах, якобы изложенных в них. Как правило, речь шла о Китайской империи как середине трёх концентрических колец. Сразу за этим центром находились народы и страны окраины Китая, то есть колонии или подверженные влиянию китайской цивилизации государства. Второе кольцо содержало тех, кто не воспринял китайскую культуру, но при этом, пусть от случая к случаю, платил дань китайскому императору. Третье кольцо составляли те, у кого отсутствовали отношения с Китаем и его цивилизацией, неизвестные народы, о которых существовали только лишь редкие сведения. Не стоит удивляться тому, что живущие далеко от середины вселенной (в виде Китая) народы представлялись как чужаки и варвары. В изобилии передавались сказки о самых сумасбродных верованиях, половых извращениях и людоедстве. «Внешние варвары» дурно пахли, одевались неподобающим образом и выглядели очень странно. В некоторых случаях эти «дикири» были ближе к животным, чем к людям. В отношении таких народов политика Цинского государства строилась согласно древним принципам, состоявшим в том, чтобы «держатъ их за пределами империи, не приглашать внутрь её, воздерживаться от управления ими или их просвещения, не признавать их страны»².

Знания китайцев о географии мира значительно расшились в XVIII веке. Притом что карту Азии составили ещё в XII веке, а ряд целостных европейских карт имелся как минимум с конца XVI века, именно в период правления императора Цяньлуна учёные приступили к постижению более точного представления о местонахождении Европы и о том, как она выглядела через свои публикации. Поскольку все карты империи до середины XVIII века, понятное дело, составлялись так, что центром вселенной ставился Китай (грандиозный десяти томный атлас «Хуан Цин чжигунту» — «Карта народов-

данников императора Цинов», 1761 г.), атласы поновее содержали более подробную информацию о европейских странах, иногда даже довольно-таки точную. В 1794 году географ Чжуан Тинфу напечатал свиток, на котором не только дал точную географию Европы, но и описание европейских стран с характеристикой отношений между ними. Мастерски используя культурный компромисс, в своём труде Чжуан в центр мира поставил Китай и высоко оценил западную картографию как инструмент осуществления всемирно-исторического процесса, позволяющий всем народам воздать должное китайскому императорскому двору³. Как и на Западе, изготовление карт в императорском Китае предполагало не просто точную передачу изображения географических объектов, но и восхваление своей культуры и власти.

В XVIII и начале XIX века в китайских представлениях об иностранцах хорошо известные стереотипы в отношении приграничных азиатских областей смешались с шаблонами по поводу открывающейся морской периферии. Точно так же, как при знакомстве европейцев с народами из внешнего для них мира, определение цивилизованного или варварского поведения рассматривалось китайцами через призму суждений, уже сформировавшихся в ходе общения с европейскими «чужаками». Примечательно, что особенности, данные монголам или казахам, появились в первых китайских описаниях о голландцах или шведах. Точно так же, как сложившиеся стереотипы в отношении ирландцев часто переносились английскими писателями на коренных американцев или африканцев, китайские стереотипы, относящиеся к знакомому миру, переносились на новые для китайцев открывающиеся миры. По мере увеличения для китайцев окружающего мира их этнографы пытались объяснить его с помощью узнаваемого через слегка избитые привычки ума. Когда о европейцах стало известно больше, китайцы их воспринимали как «дикарей» нового вида. Для китайцев они считались «чужими», то есть народами издалека, ставшими объектами изучения китайцами «нравов жителей западных стран» (оксидентализ-

ма в противовес ориентализму), забавных своим отличием от китайских и пугающих в силу своего происхождения за пределами их цивилизации.

Из европейских государств первые регулярные внешние отношения Китая возникли с Россией. На самом деле можно возразить в том плане, что первые внешние сношения Китая (в некотором западном смысле) тогда возникали с другой занятой территориальными приобретениями империей, наползающей на Восточную Азию с севера. В самом начале правления Цинов охотники и купцы, заявлявшие о своей принадлежности к русскому царю, уже появились у границ Китая. Император Канси предпринимал серьёзные попытки взять под свой контроль восток Средней Азии, а его внук Цяньлун завершил его дело. Он был достаточно осведомлённым о Западе человеком и испытывал тревогу по поводу русской мощи, чтобы принять решение об усмирении новых племён своих варваров методами, отличавшимися от тех, что применялись раньше.

В 1689 году наперекор рекомендации многих своих советников император Канси заключил Нерчинский договор, ставший первым в истории Китая документом, напоминавшим европейские соглашения между государствами. Тем самым он не только признал существование иностранного монарха — в данном случае русского царя, который не состоял с ним в отношениях данника, но и согласился, по крайней мере в принципе, с демаркацией линии границы между двумя государствами по реке Амур. Величайший из цинских императоров показал себя как человек практичный, ведь ему крайне важным было сохранение Россией нейтралитета, пока он занимался разгромом западных монголов в лице джунгар. Тут уместна аналогия с сегодняшней Шанхайской группой, созданной в XXI веке китайцами и русскими для проведения совместной политики против мусульманских «террористов» Средней Азии. Тогда же император Канси и его преемники стремились занять Россию разговорами о торговле и терри-

тории, чтобы её руководство старалось оставаться в стороне, пока Цины подчиняли своему господству земли от Кашгара до Улан-Батора. Данный договор принёс громадный успех обеим империям, хотя чжунгары, к 1750-м годам уничтоженные до последнего мужчины, женщины и ребёнка, с таким выводом могли бы поспорить.

С конца XVII до середины XIX века Китаю и России, представлявшим собой два великих имперских предприятия на севере и востоке Азии, удалось не только избежать войны, но и наладить сотрудничество, пусть и не достигшее широкого размаха. В 1727 году русские и китайцы подписали Кяхтинский договор, которым подтверждались и нормировались положения предыдущего пакта. В Пекине согласились раз в три года пускать в свою столицу две сотни русских купцов, а также не противились развитию приграничной торговли (которая к концу XVIII и началу XIX века велась в основном по частной инициативе). Экономическая важность такой торговли была весьма значительной, особенно для России. К концу XVIII века 10% внешней торговли России приходило через границу с Китаем. Вплоть до конца XIX века торговая выгода доставалась китайцам. Русские продавали меха (в Китае высоко ценились соболь, тигр и волк), а китайцы экспортировали готовую продукцию: шёлк и керамику, а позже хлопчатобумажные изделия и мебель. Царский генерал Александр Васильевич Суворов воевал против Наполеона (так у автора. — *Примеч. пер.*) под знамёнами, сшитыми из китайского шёлка⁴.

Пока Цины у себя дома старались выдавать свои отношения с русскими как с данниками, эти отношения совершенно очевидно весьма отличались от расчётов Китая со всеми остальными странами. Как это часто случается в дипломатии, мелкого притворства может хватить надолго: эти первые китайские «дипломатические» отношения отличались завидной стабильностью, так как каждая из сторон видела в них то, что хотела увидеть. Советники русского царя верили, что со временем китайцы сами перейдут в союзники к русским в ущерб

остальным европейским державам. Цинская знать рассчитывала на то, что, избавившись от русских, они смогут продолжить свою колонизацию принадлежащих Китаю территорий Средней Азии. И хотя из двусторонней торговли китайцы извлекали выгоды больше, зато русские получали ценившиеся у них высоко товары. Расширение китайско-русской торговли не привело к тем проблемам, которые западные историки увидят в торговле через провинцию Гуанчжоу с Западом. Наоборот, православные священники, служившие в Пекине, окормляли паству небольшой русской общины и не занимались обращением в свою веру самих китайцев. Как и иезуиты век спустя, они служили толкователями культа, а не собирателями душ. В результате отношения между двумя империями оставались свободными от любой конфронтации вплоть до того момента, когда Цины в середине XIX века, уже пострадавшие от внутренних мятежей и войн против Британии, не стали жертвами нового раунда переговоров, навязанных русским империализмом.

К 1800 году Китай представлял собой торговую империю на протяжении длительного времени, несмотря на то что при всём его громадном размере вполне естественно, что основная торговля велась внутри границ Китайской империи или с ближайшими соседями. Купцам приходилось покрывать огромные расстояния, а обмен информацией шёл медленно и с большими затруднениями. Однако организация наземного и водного транспорта по сравнению с Западом была совершеннее. Все формы торговли находились под государственной опекой и нормировались, а в случаях, требующих неотложной помощи, и природных бедствий чиновники обеспечивали поставки всего необходимого пострадавшему населению, тем не менее по всей империи получали распространение разнообразные виды частной или наполовину частной торговли, на которые распространялись налоговые льготы или, скорее, пренебрежение налогами. Представители двора относились к

делу купцов с присущим им чванством, и поэтому к внедрению достойных торговых налогов они подходили спустя рукава. По мере охвата торговлей практически всех областей страны плодились частные банковские учреждения и сложные посреднические услуги.

Цины в начале XIX века уступали контроль частному сектору даже в сфере внешней торговли. Одна из причин того, что власть китайцев в своём регионе проявлялась через физическую дань, состояла в том, что такая практика позволяла правителям демонстрировать своё могущество с помощью иностранных предметов роскоши. Императоры публично объявляли о полной самодостаточности Китая, при этом они любили позировать для портретов, где их рисовали в мехах из Сибири или с музыкальными инструментами из Юго-Восточной Азии в руках.

На самом деле с середины XVIII века Цины последовательно открывались для энергичной внешней торговли, грубо подразделявшейся на три сферы. В основе первой сферы лежали даннические отношения. Так, торговля в Таиланде росла вдоль путей, изначально проложенных для доставки подношений императору по морю через порты провинции Гуандун. После того как в 1720-х годах Цины отменили запрет на участие китайцев в морской внешней торговле, львиная доля поставок пошла из Гуандуна и Фуцзяни или из китайских общин в Юго-Восточной Азии. К началу XIX века общий принцип взимания дани в прагматичной манере смешался с торговлей. Китайские короли, попытавшиеся ввести монополию на внешнюю торговлю, очень крепко заработали на продаже китайцам импортных товаров типа шёлка, чая и меди. Китайские купцы процветали за счёт перепродажи импортных китайских сушёных товаров и риса.

Вторые две сферы торговли касаются сделок с европейскими державами. Кяхтинский протокол открыл и послужил регулятором торговли с Россией в приграничной зоне, которая с конца XVII века оставалась на зависть всем устойчивой. Третья сфера доставляла больше головной боли: к середине

XVIII века китайский император постарался организовать торговлю морем силами европейских купцов по гибкой системе, унаследовавшей элементы торговли с Россией и отношений с государствами-данниками. Эта кантонская система, как её называли в обыденной жизни, базировалась на открытии порта в Гуанчжоу (Кантоне) в качестве единственной гавани, свободной для торговли с транспортными судами западных стран. Иностранцы, в своём большинстве принадлежащие к британской Ост-Индской компании (ОИК), могли прибывать только на сезон торговли с октября по март и должны были получать китайское разрешение во время транзита через португальскую колонию Макао, а потом вставать на якорь при Хуанпу южнее города Гуанчжоу. Там им разрешалось устанавливать связь с официальными китайскими купцами. С китайской стороны такую торговлю организовывал управляющий морской таможней провинции Гуандун, назначаемый непосредственно императором. Он выдавал лицензию местным купцам, а также принимал у них пошлины и сборы и только после этого давал разрешение на отплытие каждого иностранного судна. Другими словами, китайские купцы отвечали за поведение экипажей каждого судна, с которыми они имели дело.

К концу XVIII века в Гуанчжоу начался значительный рост торговли, в большой степени подогревавшейся повышением среди англичан спроса на китайский чай. После того как солдаты Ост-Индской компании в интересах Англии провели колонизацию Бирмы, в рамках организации англичанами азиатской торговли началось внедрение Южного Китая в развивающийся мировой рынок: товары из Южной Азии, такие как хлопчатобумажные изделия, ввозились через Гуанчжоу, а британскими судами в Европу вывозились чай, фарфоровые изделия и шёлк. Китайские купцы и посредники, вовлечённые в это дело, богатели и, что главное, могли налаживать свои собственные деловые связи, простиравшиеся от дельты реки Чжуцзян вверх по её течению, вдоль морского побережья и по великим китайским рекам, а также до областей Юго-

Восточной Азии, где у них уже существовали связи. Так появился современный мир, и кое-кто из китайцев уже находил своё место в нём. И сами Цины, несмотря на их меркантилистский подход к внешней торговле, обнаружили пошлины и сборы, поступающие через гуанчжоускую систему, слишком соблазнительными, чтобы подвергать эту систему гонениям, ведь суверенитету их империи ничто не угрожало.

Лёжа на смертном одре, император Цяньлун горевал о том, что ему не удалось наладить уравновешенных отношений с иностранцами, о которых он мечтал с первых своих дней у кормила власти. Ему досталась система безупречно отлаженных церемоний и учреждений, которые рационально подходили для ведения китайцами дел с внешним миром в середине XVIII века. Но к завершению своего правления этот постаревший император увидел, что мир меняется, а, реагируя на его изменения, Цяньлун и его преемники расходятся в двух противоположных направлениях. Одно вело в убежище сложившихся традиций в обращении Цинов с чужаками; второе требовало открытости новым формам общения. В практической торговле китайцы выбрали перемены, но перемены заведомо неторопливые и тщательно просчитанные. В сфере дипломатии они то метались в поисках новых форм внутри идеологической конструкции, а в другой раз демонстрировали превосходство, высокомерие и неприимиримость, свойственные предыдущим и настоящим императорским предприятиям повсюду.

К началу XIX века у китайцев не оставалось времени на внесение изменений в свой подход к отношениям с внешним миром. В 1793 году, как раз перед началом войн, которые должны были занять Европу на предстоящие двадцать лет, британское правительство направило в Китай своего первого официального представителя. Ему поручили вести переговоры о налаживании торговых и дипломатических отношений. Ирландец Джордж Макартни, возведённый в Британии в дво-

рянское достоинство за его достижения по службе на Карибах и в Индии (позже его назначили губернатором Южной Африки), и сопровождающие его лица получили приглашение посетить летний императорский дворец Жэхэ, где от них ждали подношений по случаю дня рождения императора, которому исполнилось 18 лет. Император Цяньлун и его советники проявили большой интерес к миссии Макартни, разрешили им опустить обычную дворцовую церемонию и устроили британцам аудиенцию с самим императором. Однако это английское посольство с треском провалилось, когда лорд Макартни попытался произвести на китайский двор впечатление и показал его вельможам свои астрономические приборы, — китайцами его поступок был воспринят как большая дерзость. Катастрофа случилась, когда британцы потребовали новых уступок по принятому ритуалу, включая беспрецедентную вторую встречу с самим императором. Всё это случилось раньше, чем британская делегация собралась представить китайцам свои предложения. Терпение Цяньлуна лопнуло, когда Макартни попросил цинских вельмож об общем сокращении запретов в торговле, а также о разрешении на постоянное британское присутствие в Пекине и открытии товарных складов на морском побережье. Посольство Макартни вернулось домой с пустыми руками.

Провал миссии Макартни послужил предзнаменованием будущих событий. В 1816 году, когда Наполеоновские войны стали достоянием истории, британские послы вновь прибыли в Китай. Новое посольство 1816 года во главе с лордом Амхерстом потерпело ещё большую неудачу, чем предыдущее, зато вызвало тревоги среди советников императора Цзяцина по поводу намерений англичан в Южном Китае. Их беспокойство касалось беспрепятственной торговли с участием иностранцев, расползавшейся от побережья во внутренние области страны. К тому же тревогу у них вызывали иностранные миссионеры, прибывающие в Китай всё нарастающим потоком. Ко времени смерти императора Цзяцина в 1820 году китайских вельмож уже беспокоила пер-

спектива нападений британского флота с моря. Одной из причин тревоги по поводу военной опасности называли то, что англо-американская война 1812 года достигла китайских морей, когда британцы поднимались на борт американских судов у побережья Китая. Император заметил по этому поводу, что, «когда две небольших страны устраивают дразги за морями, Небесной империи до них дела нет». Но если они приходят со своими войнами в Китай, «тогда нам следует не только потопить их корабли, но к тому же приостановить торговые отношения с ними»⁵.

Невзирая на обострение в начале XIX века опасений по поводу связей между внешней торговлей и иностранной мощью, китайцы выступали за то, чтобы сохранить некоторый вид торговой системы. Просто она представлялась слишком доходным делом, чтобы от неё отказываться. В 1818 году император Цзяцин постановил, что «варварам, подчиняющимся нашим нормам, мы делаем снисхождение; варварам же, нарушающим наши нормы, мы показываем нашу силу... Нам не стоит напрашиваться на войну. [Однако] при этом нельзя показывать своё малодушие, которое подвигнет их на противозаконные поступки»⁶. Советники его преемника принца Даогуана придерживались этой же самой стратегической линии. Но при всём увеличении объёмов торговли в 1820-х и 1830-х годах Китайским государством так и не были приняты меры по созданию соответствующей службы. А старые учреждения («Хуэйтун сыигуань», или «Палата по делам вассальных территорий», находящаяся в ведении ответственного секретаря Совета по ритуалам, и «Лифаньюань», в ведении которого находились зависимые монгольские территории и надзор за назначением амбаней во Внешнюю и Западную Монголию, Кукунор и Тибет) в новых условиях оказались беспомощными. Двор остро нуждался в достоверной разведывательной информации о зарубежных державах, однако она отсутствовала из-за непрекращающейся борьбы дворцовых группировок на всём протяжении правления императора Даогуана. В то же самое время жесткая позиция в

отношении всего иностранного позволяла получить влияние на недалёкого императора, ведь многие его советники проявляли всё больше недовольства определёнными товарами, которые иностранцы ввозили в Китай.

Главную головную боль Даогуану и его советникам доставлял опиум. Разные виды наркотических препаратов потреблялись в Китае и других странах с незапамятных времён, а с начала правления династии Мин опиум, главным образом поступающий из Юго-Восточной Азии в виде товара или подати, становится любимым практически среди всей элиты успокоительным и обезболивающим средством. В начале XIX века потребление опиума, ведь это был доступный, популярный и предлагавшийся в изобилии препарат, достигло угрожающего масштаба, поэтому власти встревожили последствия одурманивания народа. Чиновники заявляли, что потребляющие этот наркотик мужчины становились ленивыми и женоподобными, а также что неограниченное курение опиума представляет угрозу благополучию государства. Император Цзяцин в 1813 году сетовал на то, что «раньше только городское отребье приобретало опиум и курило его, скрываясь ото всех. А сегодня его употребляют все слуги, сторожа и чиновники. Это на самом деле отвратительно»⁷.

К второй половине 1810-х годов в Пекине приступили к поиску более действенных методов выполнения полного запрета императора на ввоз опиума, объявленного в 1796 году⁸. Только вот обострение озабоченности администрации императора по поводу опиумного дурмана, окутавшего его народ, совпало по времени с решением руководства британской Ост-Индской компании считать контрабанду опиума главным делом своего предприятия в Китае. На протяжении жизни практически двух поколений сальдо торгового баланса этой компании с Китаем оставалось пассивным, а теперь появился шанс поправить свои дела с помощью такого товара, который не только пользовался повышенным спросом, но и к тому же поставлялся в изобилии из Британской Индии. Для англичан торговля с Китаем вдруг обратилась выгодным и важным с точки зрения объёма делом.

Индия представляла собой колониальное предприятие, в рентабельности которого многие в Британии сомневались, а теперь оно начало давать доход за счёт государственной монополии на изготовление опиума. Чуть позже на продаже наркотика в Китае нажились частные инвесторы, барыш которых вырос после отмены в 1833 году монополии ОИК на торговлю. В 1820-х годах ввоз опиума на территорию Китая увеличился в три с лишним раза. В Пекине заметили отток крупных объёмов серебра из Китая в виде платежа на опиум и испугались грозящей инфляции с обнищанием государства.

Император Даогуан, унаследовавший трон в 1820 году после гибели от молнии его отца, считал необходимым запретить опиум. Возможно, он знал, о чём идёт речь, ведь в молодости будущий император попробовал опиум и другие зелья. К началу второго десятилетия его правления борьба с наркотиками стала главным делом этого относительно нерешительного монарха, пытавшегося искоренить в своей стране разложение, казнокрадство и вероломство. Пока многие его советники предлагали легализацию, то есть объявление победы в борьбе против наркотиков, а потом обложение налогами импортёров, изготовителей и потребителей, сам император и большинство представителей двора от этого ничего не получали. Они подозревали, что ввоз опиума осуществлялся в соответствии с планом иностранцев по ослаблению Китая и установлению господства над ним. Наравне с христианством наркотики помогали отвлечению внимания народа от истинной ценности жизни, заключавшейся в служении Цинскому государству, а также преданности императору и его наместникам.

После нескольких лет колебаний по поводу проблемы опиума Даогуан решил ударить по пункту его ввоза. В 1838 году он направил в Гуанчжоу своего особого уполномоченного с не совсем чёткими указаниями прекратить контрабанду опиума. А в выбранном ими человеке двор получил больше, чем рассчитывал: один из высокопоставленных чиновников Китая Линь Цзэсюй, раньше служивший наместником императора в Хунани и Хэбэе, принимал близко к сердцу опиумную

заразу для народа территорий, которыми он управлял. Сразу по прибытии в Гуанчжоу в марте 1839 года Линь без промедления приступил к развёртыванию намеченной операции на своей территории и сразу арестовал 1700 известных китайских контрабандистов опиума. Затем он попытался заставить иностранцев, в основном британцев и американцев, заполнить свои громадные склады для опиума чаем по фиксированной цене. Когда те отказались, Линь ввёл свои войска в западный анклав, конфисковал весь опиум, который удалось обнаружить, и уничтожил его за стенами города. Китайские солдаты перемешали больше 1200 тонн наркотика с известью и солью, а потом сбросили его в реку Чжуцзян. Линь к тому же потребовал выдать ему иностранцев, нанесших увечья или убивших китайских сотрудников полиции во время мятежа, и чтобы иностранцы подписали обещание больше никогда не ввозить опиум контрабандой. Представители британских властей на все требования императорского уполномоченного ответили отказом и приказали всем иностранным купцам покинуть Гуанчжоу. Они рассчитывали на то, что остановка импортных операций заденет интересы китайцев больше, чем интересы их собственной империи.

Линь Цзэсюй не собирался уступать угрозам западного эмбарго, точно такие же настроения складывались при дворе в Пекине. Императорский наместник попытался было вызвать к здравому смыслу и направил послание королеве Виктории. «Предположим, субъект права другой страны должен прибыть в Англию с торговыми целями, — написал Линь. — От него, безусловно, потребуют выполнять законы Англии, и такое положение нисколько не меньше распространяется на нашу Небесную империю! Теперь в нашей империи принята норма, согласно которой любому коренному китайцу, продающему опиум, грозит наказание в виде смертной казни... Подумайте и представьте на минутку: если вы, иностранцы, не привезёте опиум к нам, где нашему китайскому народу достать его для перепродажи?»⁹ Британцы ответили, поменяв предмет спора. Для них сам конфликт представлялся совсем

не из-за унижительных фактов контрабанды наркотика. Дело, как его обозначил британский министр иностранных дел лорд Пальмерстон, касалось чести его страны, свободы торговли и, в конце концов, определения ответа на вопрос, правила чьей империи должны превалировать.

Схватка между китайцами и англичанами, часто называемая Опиумной войной, началась в марте 1839 года. Поводом для неё послужило не то, что китайцы остановили судоходство иностранцев. Её развязали потому, что цинские власти попытались обеспечить безопасность судам, прибывшим из-за границы, чтобы нарушить введённый англичанами запрет на ввоз импортных товаров в Китай. Когда посланник императора Линь Цзэсюй выселил купцов, подчинившихся британскому эмбарго, из Гуанчжоу, они нашли убежище в португальском порту Макао в устье реки Чжуцзян. Однако власти данного порта испугались предоставить им кров на длительное время, и подавляющее большинство иностранных купцов с семьями оказались на расположенном неподалёку острове Сянган, который сами иностранцы называли Гонконгом. Бежавших купцов разозлила катастрофическая с финансовой точки зрения политика английского руководства, и они потребовали принять жесткие меры против тех, кто продолжал торговать с китайцами. В ноябре 1839 года зарегистрирована попытка британских кораблей остановить свой собственный барк «Ройал Саксон» (никак не меньше), на котором с Явы в Гуанчжоу следовал груз риса на пути домой из Австралии, куда на нём отправили осуждённых уголовников. Китайские моряки вышли на защиту этого парусного судна, но британцы открыли огонь и потопили четыре китайских сампана. Таким было зловещее начало вооружённого конфликта, из-за которого навсегда поменялась внешняя политика Китая.

Полномасштабная война была не нужна ни Китаю, ни Британии. Но в Лондоне господствовало убеждение в том, что им необходимо отстаивать британские принципы и интересы, а в Пекине никто не сомневался в потребности проучить англичан. Министрам британского правительства под нажимом

оппозиции в палате общин требовалось предложить ответ в поддержку свободной торговли и безопасной коммерции таким образом, чтобы никто их не обвинил в прямом попустительстве опиумному бизнесу. Пальмерстон во главу угла своей политики поставил навязывание эмбарго военными средствами. Он со своими коллегами считал Британию того времени мировой державой, достаточно мощной, чтобы внедрять прогресс среди отсталых народов. Располагая военно-морскими базами в Адене, Сингапуре, Индии и на Шри-Ланке, британцы могли посылать свои корабли в Восточную Азию, а также обеспечивать их материально-техническое снабжение на всём пути перехода морем. Сомневающийся по поводу перспектив боевых столкновений с императорскими армиями на суше, лорд Пальмерстон всё-таки верил в превосходство британского флота, даже в условиях проведения операций вдали от пунктов снабжения и без поддержки с берега.

Переговоры, начавшиеся незамедлительно в начале 1840 года, оказались «диалогом глухих». Когда они провалились, британцы летом того же года осадили Гуанчжоу, заняли ключевые города на побережье провинций Фуцзянь и Чжэцзян, а также двинулись на север. Через год иностранные корабли контролировали устье реки Янцзы и южный вход в Великий Китайский канал наряду с несколькими мелкими городами в дельте, среди которых был будущий Шанхай. Сражения в Центральном Китае приобретали всё большее ожесточение по мере того, как император Даогуан, опасавшийся за безопасность своей столицы, вводил в действие лучшие маньчжурские войска Цинов. Но эти войска не могли помешать англичанам в использовании своего флота, берущего под свой контроль хозяйственные артерии в сердце империи. Тем временем на юге Китая изо дня в день нарастал хаос. В 1842 году император попросил о мире, главным образом тревожась о последствиях продолжения войны для страны, в том числе собственно о сохранении своей династии.

Цинская империя впервые потерпела поражение в войне потому, что её противник располагал превосходством в огневой

мощи, маневренности и организации военно-морского флота. Китайские войска могли в ряде наземных стычек удержать свои позиции, как правило в силу численного превосходства. Однако железные пароходы британцев с мелкой осадкой наподобие «Немезиды» (*Nemesis*), оснащённые артиллерией точного боя, подавляли любое сопротивление в море и на берегу. Главные силы Цинов воевали храбро, обычно сохраняя достойную дисциплину. Местные формирования, однако, не слишком горели желанием защищать власть, как они это понимали, попавшую в беду¹⁰. Техническое превосходство британского флота выглядело очевидным. К тому же китайцам пришлось принимать участие в войне, совершенно новой для них по всем признакам. Однако, несмотря на очевидные боевые возможности британских боевых кораблей, подавляющее число цинских наблюдателей считали их пиратскими судами или, как принято говорить сегодня, кораблями террористов, а не флотом другой империи. Враг оказался сильным, считали при дворе императора, но вряд ли его хватит надолго.

По крайней мере, на ближайшую перспективу вельможи двора Даогуана предсказали судьбу британского флота в китайских водах правильно. Британцы никогда не собирались завоёвывать большие области Китая, и правительство вигов (либералов) в Лондоне с радостью признало мир, как только в Пекине отказались от принципов, послуживших причиной войны в первую очередь. Нанкинский договор между Британией и Китаем подписали в августе 1842 года. По его условиям, Цины согласились открыть для прямой торговли между иностранцами и китайцами порт Гуанчжоу и ещё четыре порта севернее Шанхая. Остров Гонконг уступался англичанам на вечные времена, и китайцы согласились заплатить 21 миллион серебряных долларов в виде репарации английским купцам, выдворенным из Гуанчжоу. По условиям договора, заключённого на следующий год, подданным Британии предоставлялась полная экстерриториальность, то есть полное освобождение от действия местных законов на всех субъектах этой страны на территории Китая.

Подписанными договорами с Британией Цинам предоставлялся шанс провести перегруппировку сил и обдумать свои подходы как к обороне империи, так и к своим собственным подданным. Многие чиновники на севере страны и в её столице, ещё не прочувствовавшие на себе войны, предпочли закрыть глаза на последствия случившегося. Такой роскоши не досталось народу на юге Китая, где население поддерживало Цинов или растущее число их врагов.

Получилось так, что в 1842 году не только впервые за последние 200 лет китайский режим потерпел поражение в войне, но и к тому же в первый раз за 150 с лишним лет на юге Китая прошли масштабные военные действия. Среди населения с его социальной и этнической разнородностью, у которого сохранялось остаточное сопротивление законности правления Цинов, в скором времени возникли неприятности. В областях на юге Китая, особенно на окраинах провинций Гуандун и Гуанси, у населения иногда возникали граничные чувства к ним. То есть там сложилось беспокойное общество, состоящее из множества групп, причём общество, терзаемое конфликтами, соперничеством и застаревшими обидами. Император всегда находился где-то совсем далеко. Теперь же с возникновением Опиумной войны он оказался не только далеко, но и потерпел поражение. И сверх того ходили рассказы, свидетельства и слухи о подавляющей мощи иностранцев, а также провалах империи.

Такое изменение отношения среди народа на юге Китая должно было оказать особенно сильное воздействие на судьбу империи. Однако первое поражение Цинов откликнулось эхом по всей их стране. Чиновники и интеллектуалы стали сомневаться в своей безусловной вере в Цинов как непрекращаемых и повергающих в трепет правителей. С самого первого момента, когда стало ясно для осведомлённых, что империя проигрывает войну с иностранцами (несмотря на очень сложную и упорную пропагандистскую кампанию Пекина,

опровергавшего какие-либо потери вообще), многие китайцы сделали шаг прочь от цинского предприятия. Когда маньчжуры проигрывали, им вдруг припомнили некийтайское происхождение и узурпацию китайского трона. Во многих уголках страны распространялись рассказы о том, как простые люди сопротивлялись англичанам, а маньчжуры в это время спасались бегством (что практически противоречит сообщениям, которые поступали из зарубежных источников о происходящем в Китае). Терпя одно поражение за другим, маньчжуры становились козлами отпущения за ослабление империи, которую собирали их предки, а тем временем многие китайцы вдруг обнаружили своё несогласие практически со всем, что Цины когда-либо пытались воплотить в жизнь.

После поражения в 1942 году жителям китайских городов пришлось иметь дело с растущим иноземным присутствием. Кое-кто из представителей элиты, общавшихся с европейцами, считал само их присутствие позорным и унижительным. Учёный и чиновник из Фучжоу Линь Чанъи, принадлежавший к клану наместника Линь Цзэсюя времён Опиумной войны, обнаружил в конце 1840-х годов, что живёт через улицу от британского представительства в своём родном городе. В дневнике он по этому поводу записал следующее:

«К северо-востоку от моего кабинета находится павильон. Окнами он выходит на храм Цзицуй, стоящий на горе Хэйшишань, где сейчас прячется стая голодных орлов. Там они устроили свои гнёзда и поселились. Всякий раз, когда я останавливаю свой взгляд на этом месте, его вид вызывает у меня чувство отвращения и горечи. Сразу появляется желание схватить мощный лук и выпустить по ним смертоносную стрелу. Но увы! Мой дротик никого не убьёт, и я в отчаянии отказываюсь от своего намерения. Чтобы как-то себя утешить, я нарисовал картину, которой дал название „Застрели орлов и загони волков“. Поэтому я назвал свой кабинет Павильоном для стрельбы по орлам»¹¹.

Демонстрация британской мощи вдоль китайского побережья вызвала не только стремление народа империи к сопро-

тивлению. К тому же возник неожиданный расцвет интереса к Западу. Получая из первых рук информацию участников войны с обеих сторон, авторы множества китайских публикаций с 1840-х годов освещали события в Европе глубже, чем когда-либо раньше. В 1844 году Вэй Юань, работавший в тесном контакте с наместником Линь Цзэсюем в Гуанчжоу, опубликовал ряд материалов своего патрона об иностранцах в трактате «Географическое описание заморских государств». (Самому Линь Цзэсюю его записи в ссылке в Синьцзяне, куда его отправили Цины после 1842 года в наказание за якобы развязывание войны,годились мало.) Вэй Юань к тому же первым из китайцев призывал императора оснастить свои вооружённые силы современной военной техникой западного производства для защиты побережья. В 1850-х годах начали появляться первые переводы научных трудов. Публиковали их миссионеры и помощники миссионеров в основном в Шанхае и Гонконге.

Между тем как роль миссионеров в развитии отношений Китая с Западом и обогащении знаний китайцев о европейцах всегда оценивалась весьма высоко, количество новообращённых христиан среди местного населения оставалось совсем небольшим. При этом Цины с начала 1800-х годов уже представляли себе угрозу со стороны иностранцев и пытались всячески пресекать деятельность миссионеров. Однако их усилия по большому счёту оказались тщетными. На фоне протестантского религиозного пробуждения в Британии и Соединённых Штатах Америки в 1820-х и 1830-х годах, а также оживления торговли христианские миссионеры получили самые благоприятные условия для проповеди свих убеждений на окраинах Китайской империи. Первая полная Библия на китайском языке вышла в свет в Британской Индии в 1822 году, а за последовавшие тридцать лет появились остальные её варианты. При всей по-прежнему малочисленности новообращённых, хотя деятельность западных миссионеров после Опиумной войны существенно расширилась, их хватало, чтобы вызывать раздражение у китайских чиновников. Вполне обоснованно один китайский мандарин заметил, что «подав-

ляющее большинство этих неграмотных и сбитых с толку людей посещают европейские молельни в силу необходимости. Их привела в эти молельни нищета и потребность поделить-ся своим горем»¹².

Настоящая угроза сложившемуся порядку вещей тем не менее исходила не из миссионерских молелен, а от новых воинствующих форм религиозных заблуждений, порождённых в самом Китае. Среди неприкаянных личностей, подхваченных мощным потоком перемен в Южном Китае, находился молодой человек по имени Хун Сюцюань. Хун родился в 1814 году в деревне к северу от Гуанчжоу. В настоящее время она оказалась на границе нового поблёскивающего стеклом и металлом международного аэропорта этого города. Но даже в начале 1800-х годов жители родной деревни Хун Сюцюаня общались с представителями внешнего мира: её население делилось на две части между носителями кантонского наречия и языка народности хакка; к тому же уже сложились связи с международной торговлей через громадный порт Гуанчжоу.

В молодости Хун отличался живым умом, и им гордились родственники. В 1836 году его отправили в Гуанчжоу для сдачи экзамена на ранг цинского гражданского чиновника первой ступени, и его родственники надеялись через него повысить свой социальный статус. Свой экзамен Хун провалил, повторил попытку на следующий год, и снова у него ничего не получилось. Хун вернулся в свою деревню и, убитый горем, занемог. Между приступами того, что в наши дни медики называют психической депрессией, он прочёл библиотеку трактатов, которую ему в Гуанчжоу подарил американский миссионер-протестант. Наш молодой человек познакомился с кратким курсом христианства с упором на обращение человека и религии к Богу как нравственное усилие. Все следующие пять лет Хун Сюцюань представлял себя своим соседям народности хакка в качестве духовного наставника. По крайней мере, таким наставником он себя ощущал. В своей дерев-

не большинство населения видело в нём обузу для его родни. В 1843 году, когда после поражения Китая в Опиумной войне жизнь в близлежащих провинциях оставалась полностью дезорганизованной, Хун Сюцюань объявил себя сыном Бога и младшим братом Иисуса Христа. Он предпринял большой поход в провинцию Гуанси, где рассчитывал найти единоверцев, преданных его небесному отцу. Точно так же, как многие основатели эсхатологических сект последних двух тысяч лет, Хун относился к людям неуравновешенным, взявшимся проповедовать в смутные времена. Своими проповедями он привлекал людей нищих, обездоленных, напуганных и создавал из них огромную армию, разгромить которую представлялось делом трудным для любой земной власти.

Представители цинской власти несколько раз пытались арестовать Хуна, но преданные адепты всякий раз его отбивали. К 1850 году он поменялся ролями с теми, кто преследовал его и его последователей. Мобилизовав 20 тысяч мужчин и женщин в качестве воинов Бога, Хун Сюцюань осадил несколько городов на юге Центрального Китая. На следующий год он объявил о создании на территории Китая христианского государства, которое назвал Тайпин Тяньго, или «Небесным царством великого спокойствия». Участники движения тайпинов преследовали две взаимосвязанные цели: отстранить маньчжуров от власти и передать всю полноту власти Хун Сюцюаню с его старшим братом Иисусом. Восстание тайпинов продолжалось тридцать лет, в результате погибло как минимум 20 миллионов человек, а также подверглись опустошению южные, центральные и восточные области Китая.

В основе истины, проповедовавшей Хун Сюцюанем, лежало ревизионистское толкование Библии, а главная роль в его учении принадлежала ему самому. Маньчжуры провозглашались дьяволами, которые требовалось изгонять из Китая или убивать. Китайцам предстояло заново организовать своё общество на фундаменте своих собственных традиций, осознанных в свете Священного Писания Хуна. Мятежники-тайпины верили в возможность достижения великого по-

коя, когда Небесное царство объединится со своим зарубежным братством в общее христианское государство. Такая религиозная истина оказалась привлекательной для её многочисленных последователей во времена бедствий, а не в силу своего религиозного содержания, обещающего неправых выставить в роли правых. Против общественного аспекта их проповеди, однако, к тому же выступили практически все представители местной элиты, которые к концу 1850 года вставали на сторону Цинов в борьбе с тайпинами.

Подавляющее большинство европейцев в Китае считали Хун Сюцюаня смутьяном и богохульником¹³. Его движение тайпинов мешало развитию торговли, на которую рассчитывали иностранцы, поэтому руководство практически всех зарубежных стран с большой готовностью помогало войскам императора в подавлении мятежников, по крайней мере за хорошие комиссионные. На востоке Китая большую помощь Цинам оказывала наёмная армия под командованием сначала американца Фредерика Таунсенда Уорда (Варда), а потом британца Чарльза Гордона (который позже лишился головы в Судане на войне с армией Махди). Для европейских правительств, и для британского в особенности, слабая Цинская империя, привязанная к внешней торговле с помощью приемлемых соглашений, выглядела гораздо более привлекательной по сравнению с режимом лютого и пламенного культа, хотя и основанного на принципах христианской Библии.

По мере радикализации воззрений Хуна и активизации борьбы проповедников среди тайпинов помельче представители местной элиты в Центральном Китае наконец-то в 1864 году смогли мобилизовать достаточно сил для разгрома мятежников. В 1860-х и 1870-х годах к тому же удалось постепенно подавить остальные отряды повстанцев, появившиеся после поражения Цинов со стороны британцев. Громадными усилиями империи мятежников народности нянь на востоке Центрального Китая, мусульман в Юньнани и Синьцзяне, а также местных бунтовщиков на всём протяжении юга страны удалось постепенно усмирить или вытес-

нить в горные местности с пустынями, где кое-кто из них ради выживания встал под другие знамёна.

Люди, возглавлявшие все эти повстанческие движения, очень часто черпали вдохновение в помеси китайских и зарубежных идей. Их можно назвать людьми «новыми», каких раньше в Китайской империи не встречалось. Притом что мятежники принадлежали к новой породе, поражение им нанесли люди тоже новой формации, такие как генерал из Хунани Цзэн Гофань и его протеже Ли Хунчжан. Прежде всего они били повстанцев не по поручению Цинов, а ради спасения своих родных провинций и тем самым спасения Китая. Они стремились к восстановлению величия Китая с учётом опыта Запада, а также одновременному сохранению Китайского государства и общества в соответствии с их традициями.

Навязывание Западом своих правил торговли Китаю в начале XIX века вылилось в стычку между китайской и Британской империей, из-за которой произошло серьёзное ослабление Цинского государства. При этом затухание центральной власти кое-кому из китайцев принесло пользу, зато остальное население пострадало из-за исчезновения важных государственных услуг. Но одновременно с увеличением бед для Цинов внутри Китая начались преобразования в хозяйственных и общественных отношениях. Проводимые главным образом снизу, они возникли благодаря силе и жизнеспособности китайского общества на выходе из XVIII века, а также в результате западного вторжения в XIX столетии. Эти процессы перемен могли выглядеть совсем не такими болезненными, если бы не катастрофические войны тех времён. Именно войны и последовавшие за ними страдания народа послужили открытию китайского общества для внешнего мира, и именно из-за них китайцы попали в экономическую кабалу, а их общество подверглось разорению.

В начале XIX века внешняя политика Китая практически полностью и значительная часть его внутренней политики

созрела для внесения в них изменений. В Европе и Северной Америке перемены в науке и технике послужили созданию мощных вооружённых сил, которые с точки зрения власти пользовались у Запада большим предпочтением, чем во всех остальных обществах людей. В самые первые десятилетия века европейцы положили практически целое поколение, терзая свой континент в войнах, развязанных вслед за Французской революцией. Навоевавшись, власти западных стран занялись внешней торговлей, и первыми в список государств, которые следовало открыть для европейских купцов, они записали Китай с Японией. К тому же мало кто сомневался в наличии на территории Китая и Японии общественных групп, уже готовых к присоединению к торговым сетям, которыми западные компании оплетали Индийский океан и западную акваторию Тихого. В Китае, особенно на его юге, сложились группки народа, весьма осведомлённого в переменах, происходящих за пределами Азии, и изъявляющего желание заработать на этих переменах.

Тот факт, что Цинам удалось подавить тайпинов и прочих мятежников середины XIX века, имеет определяющее значение для понимания внешней политики Китая в последующие десятилетия. Цинская империя продемонстрировала мощный потенциал к продлению своего существования. Для многих китайцев их империя служила залогом стабильности и определённости, даже пусть им не нравились маньчжуры. Призывы к «самостоятельному усилению» (означающему во многом следование европейским путём — «вестернизацию») и сохранению исконно китайской традиции, выдвинутые Цинами после разгрома мятежников, восставших против них, нашли положительный отклик у многих, причём не в последнюю очередь потому, что в том разгроме приняли участие военные деятели — выходцы из других народов, а не маньчжуры. И, даже поступаясь властью, Цины больше боялись обычного населения своей империи, чем мятежников и иностранцев, вместе взятых. Ведь их жестокость в случае опасности в Китае демонстрировалась снова и снова все двести с лишним лет.

* * *

На фоне максимального ослабления цинов в 1856 году, когда банды тайпинов продвигались на север Китая, западные державы избрали продолжение своей войны против Поднебесной ради получения новых торговых концессий. В ответ на негостовчивость цинского двора британские и французские войска высадились в портах на севере Китая и двинулись на Пекин. Продвижения вперёд у западных союзников сначала не получилось, но в 1860 году нажим удалось усилить. Последнее сражение монгольской конницы Цинов произошло на западной окраине Пекина у моста Балицяо. Оборонявшихся маньчжуров разгромила французская артиллерия, выставленная на прямую наводку. Военные потери Цинов составили где-то тысяч пять человек, но и потери европейских союзников оказались весьма ощутимыми. Пленных с обеих сторон не щадили, погибло и большое количество китайских мирных жителей, встретившихся на пути наступления западного альянса¹⁴.

После взятия Пекина британские и французские генералы приняли решение сжечь садово-дворцовый комплекс Юаньминъюань, построенный императором Цяньлуном во времена высочайшего расцвета Цинской империи. Сотни дворцовых сооружений — художественные павильоны, пагоды, храмы и библиотеки — горели на протяжении нескольких дней, а солдаты с офицерами постарались вытащить из них как можно больше ценнейших трофеев. Один французский солдат сделал такую дневниковую запись: «Я стоял ошеломлённый, поражённый и озадаченный тем, что происходило перед моими глазами. Как-то вдруг сказки из „Тысячи и одной ночи“ показались мне вполне достоверными в этой жизни. Два с лишним дня я ходил по шелкам, бриллиантам, керамике, изделиям из бронзы, скульптурам и сокровищам стоимостью больше 30 миллионов! Думаю, мы не видели ничего подобного с тех пор, как варвары разграбили Рим»¹⁵.

Глава 2

ИМПЕРИАЛИЗМ

Три поколения после поражения Цинов от Британии в войне 1839—1842 годов отношения Китая с остальным миром определялись империализмом и вмешательством других государств в дела этой страны. Некоторой части китайцев экономические и общественные порядки, насаждаемые присутствием иностранцев, предлагали новые возможности в сфере торговли, путешествий и социального прогресса. Как нам ещё предстоит увидеть, многие структуры — коммерческие и прочие, функционировавшие внутри западных имперских конструктивных элементов, по происхождению и в своём действии были китайскими. Что же касается конфуцианской элиты, однако, то вторжение зарубежных империй в Восточную Азию служило поводом для отчаяния. Презрение представителей западной культуры к китайской традиции и их нападки на Китайское государство вызывали тревогу и унижение. На протяжении ещё ста лет или около того — как раз до конца XX века — происходил процесс проникновения в аграрный Китай ценностей, товаров и форм обмена, созданных в результате общения с Западом. И одновременно создавалась платформа для преобразований в сфере идеологии и политики, которых народ этой страны не видел со времён буддистской революции VI века и цинской революции XVII века соответственно. А первым актом разворачивающейся новой драмы стала конфронтация между Цинской империей и противниками этой империи, обнаружившаяся теперь в самом сердце китайской территории.

Исход противоборства между Китаем и зарубежными империями в середине XIX века совсем ещё не определился. Существует повод считать так, что, если бы не внутренние задачи, стоящие перед китайской империей, она могла продержаться перед внешней угрозой в первоначальном виде дольше. Так случилось, что из-за мощных восстаний Цины ослабели до крайней за все времена степени и представители зарубежных империй уловили момент их крайней слабости. Многие европейцы предсказывали скорый крах Китайского государства либо из-за внутренних восстаний, либо в силу внешнего нажима. При этом часто проводились параллели с Османской империей, когда происходило поэтапное отделение частей поменьше от целого, пока не осталась некоторая «голая основа».

Но в 1870-х и 1880-х годах произошло незаурядное оживление Цинов. Всё выглядело так, будто элиты внутри империи непредвзято взглянули на свою культуру и приняли решение встать на её защиту. В основе их политики «самоусиления» лежала идея о том, что западную форму — в военной области и научно особенно — можно объединить с китайской сущностью, то есть конфуцианством. Для своей защиты китайцы могли бы использовать западное вооружение и технику и при этом сохранить свою душу. То есть непоколебимой опорой империи должна оставаться китайская культура. Трудно сказать, спасло ли Китай «самоусиление» от натиска империалистов на новом уровне, но вполне вероятно, что на Западе получили удовлетворение от уже достигнутых целей и с окончанием великих китайских восстаний от новых поползновений иностранцы на время отказались. Не оставляет сомнений разве только то, что меры, разработанные Ли Хунчжаном и остальными реформаторами, позволили уберечь Цинов от их внутренних врагов и продлить их правление ещё на некоторое время. Кое-кто из высокомерных маньчжуров называл первую часть наступившей эпохи реставрацией Тунцжи по имени пятилетнего мальчика, ставшего императором в 1861 году. Они рассчитывали на то, что новый император войдёт в историю как японский император Мэйдзи,

правивший в эпоху радикальных преобразований, носящую его имя.

Однако императору Тунчжи не суждено было сравняться с императором Мэйдзи — шанса на это ему не выпало, так как он умер в 1875 году, когда ему исполнилось 19 лет. Взрослый император Китайской империей больше не правил; преемнику Тунчжи императору Гуансюю, когда тот взойшёл на трон, было четыре года; после него императору Сюантуну — последнему императору Пуи — было два. Власть за троном всё больше переходила к матери Тунчжи вдовствующей императрице Цыси, отличавшейся стойким консерватизмом и сложившимися убеждениями. Как и подавляющее большинство императорской родни, Цыси была отнюдь не в восторге от западного влияния — чем больше она узнавала о Западе (а узнала она весьма многое), тем меньше он ей нравился. Она и её двор предпочитали сократить до минимума воздействие на своих подданных иностранных учений и методов. Цыси считала, что следование западному пути (даже в вопросах обороны страны) будет означать отказ от своей культуры, составлявшей смысл и суть Китая. В результате должна была разразиться катастрофа.

Такое сложное положение Цинов лучше всего познаётся в свете того, что происходило в остальных странах Азии в конце XIX века. Притом что европейцы часто следовали схемам и обычаям, установленным азиатами, они постепенно занимали центральное место в коммерции и делах региона, а их компании и валюты обретали господствующее положение. В малайском мире (на территории сегодняшней Малайзии и Индонезии) расширялось влияние Британии и Нидерландов, Франция поработала Индокитай, а Соединённые Штаты оккупировали Филиппины. И за одно только поколение после того, как Запад заставил японцев открыть свои границы для торговли и западного влияния, Япония становится империалистической державой сама по себе.

Тем временем Британия оставалась главной иностранной державой в Китае. Под её контролем находились ключевые

базы и склады для развития торговли — Сингапур, Гонконг и по большому счёту Шанхай, на которых держалось британское главенство. Но пока под контролем Британии находилась структура хозяйства, китайцы обеспечивали его инфраструктуру, ведь склады для восточноазиатской торговли все находились в китайских городах и управлялись в равной степени китайскими сетями и британскими властями.

Тогда как Запад увязал в Китае, по всему остальному миру начали распространяться сами китайцы в качестве путешественников и эмигрантов. В конце XIX века можно было наблюдать не только за великими столкновениями между Китаем и Западом в военной, дипломатической, научной и торговой областях. Были к тому же десятилетия, когда Китай выходил на международную арену при резком увеличении эмиграции и туризма. Во всё большей степени мир рассматривался китайскими глазами в прямом смысле этого выражения, когда китайские переселенцы, проезжие и эмигранты расселялись по всей планете, причём они не пропускали ни одной области. С появлением зарубежной диаспоры возникали новые вопросы по поводу того, что значит быть китайцем, а также разницы между «китайцем» и «иностранцем». Таким образом, основная часть настоящей главы посвящается разнообразным формам текучести и гибридности, а также появлению новых сетей, общин и институций, предназначенных придать современный вид отношениям между людьми, которые ощущали себя разными путями и по различным причинам на шкале между китайцем и некитайцем.

Великие восстания против правления цинов в 1850-х и 1860-х годах обеспечили западным державам благоприятные возможности, чтобы потребовать у китайского правительства новые концессии. Но даже когда судьба Цинов в конце 1850-х годов висела, казалось бы, на волоске, их вельможи отказывались идти на новые уступки, касающиеся суверенитета. По крайней мере официально. Наоборот, в Пекине тя-

нули с выполнением положений соглашения 1842 года, на которые их заставили согласиться. По этой причине в 1857 году британцы снова начали военные действия против Китая. Они якобы предприняли отражение китайских войск, служащие которых поднялись на борт гонконгского судна «Стрела», но на самом деле англичане уже взяли в привычку требовать у ослабевшего маньчжурского правительства всё больше и больше. К концу того же года британские войска под командованием лорда Эльджина и французские войска Жана Баптиста Гроса захватили Гуанчжоу, сломив робкое сопротивление гарнизона этого города. Несчастливого китайского наместника Е Минчэня взяли в плен. Е Минчэнь, который чуть было не погиб от голода в плену у британцев в Калькутте два года спустя, не совсем справедливо прославился среди жителей Гуанчжоу под кличкой Шесть Нет: не вести переговоров, не защищаться, не воевать, не умирать, не сдаваться и не отступить.

После того как войска западного альянса двинулись на север от Гуанчжоу, императорский двор в Пекине запаниковал и выслал делегацию, представители которой согласились на расширение прав иностранцев на территории Китая. Иностранцам теперь можно было свободно открывать посольства в Пекине, ездить по всей стране без ограничений и плавать по реке Янцзы. Китайские участники переговоров к тому же возложили на своё правительство обязательство выплатить огромные репарации. Но когда британские послы в 1859 году потребовали разрешить военное присутствие иностранцев в Пекине, китайцы, вместо ясного ответа, напустили тумана, и война возобновилась. На этот раз Цины, мобилизованные ещё на борьбу с тайпинами, к боевым действиям подготовились лучше, и первая попытка британцев подойти к столице Китая была отбита, причём они потеряли четыре канонерские лодки. А летом 1860 года на севере Китая высадились британские и французские войска численностью почти 20 тысяч человек. Выставленное против захватчиков цинское войско (на этот раз состоявшее в основном из монголов и маньчжуров) оказало упорное сопротивление, но европейская артиллерия решила исход кампании, и

иностранные войска с боями подошли к Пекину. Заняв китайскую столицу, иностранцы разграбили город и злонамеренно сровняли большую часть императорского летнего дворца с землёй. Мародёрство 1860 года в китайской столице вошло в историю как крупнейшее преступление грабителей XIX века, когда сокровища, составлявшие гордость Пекина, оказались в западных музеях изобразительного искусства.

Пока британцы использовали свои победы над Цинами для укрепления своего диктата в торговле с Китаем, русские занимались территориальными приобретениями во внешней Маньчжурии и вдоль тихоокеанского побережья. В 1858 году, то есть в разгар тайпинского восстания, а также во время войны Китая с Британией и Францией, свои требования к Пекину предъявила Россия. Русские смогли навязать пересмотр линии границы и тем самым взяли под свой контроль территорию размером с Францию и Италию, вместе взятые. Для Цинов новый русский экспансионизм представлялся таким же угрожающим, как и британский, потому что Китай граничил с Россией на суше, и можно было ждать поползновений на свою территорию на протяжении четырёх тысяч миль от Средней Азии до Кореи. Таким образом, когда в Москве в 1860-х годах попытались на территории Синьцзяна навязать мусульманский сепаратистский режим, Цины приняли превентивные меры. Собрав силы как на последний решительный бой, они в 1878 году всё-таки разгромили выступавшие за независимость банды, тем самым, хотя бы на время, резко ослабив влияние России у своих северных рубежей.

На юге Цинам приходилось иметь дело с расползающейся вширь Французской империей, претендующей на индокитайских данников Китая. В 1874 году в Париже претендовали на подавляющее влияние во всём Вьетнаме, и участники местного китайского повстанческого движения (Цины никак не могли возразить французам), окопавшиеся на севере Вьетнама, в скором времени вступили в борьбу с регулярными войсками Франции. Когда Париж в 1883 году формально взял власть над всей страной, войска Цинов с севера вторглись на её террито-

рию. Затем продолжилась какая-то запутанная война, в ходе которой французские войска высадились на Тайване и побережье провинции Фуцзянь, где они уничтожили практически весь заново построенный китайский флот. Но с учётом напряжённости в европейской политике властям Франции приходилось проявлять осторожность, чтобы не насторожить представителей остальных западных держав в Китае, прежде всего Британии. Выдворив китайские войска из Вьетнама, французский командующий попытался войти в провинцию Гуанси, но Цины в 1885 году пошли в контрнаступление и заставили флот захватчиков вернуться в Ханой. То поражение вызвало волну недовольства у французских политиков, вылившуюся в отставку правительства премьер-министра Жюль Ферри. И даже если угроза новых военных действий вынудила Пекин уступить контроль над Индокитаем Парижу, Тонкинская и Синьцзянская кампании доказали самим китайцам и иностранцам, что даже при всей своей слабости Цины могут выступать достойным любого врага противником.

Так получилось, что в Гонконге китайцы приобрели первый опыт зарубежного колониального господства. Даже притом, что с конца XIX века большее значение с точки зрения развития торговли и промышленности придавалось Шанхаю, именно в просторной гавани устья реки Чжуцзян сложился образец гибридных китайско-европейских сообществ. Этот город служил одновременно хранилищем товаров и убежищем для страждущих. Через него облегчалась британская торговля на всей южной территории Китая, а по населению Гонконг становился китайским городом, в который стекались народы со всей страны, представленные беженцами, диссидентами, предпринимателями и прочими желающими разбогатеть людьми. За счёт прибывающих со всей страны китайцев население города в 1860 году превысило 120 тысяч человек, из которых на иностранцев приходилось не больше трёх тысяч.

Как и во всех британских колониальных городах, жизнь в Гонконге была вполне прилично налажена, но его окраины, где процветало мздоимство и жестокая эксплуатация, выглядели, мягко говоря, весьма запущенными. В основание этого города были заложены громадные парадоксы и большое лицемерие. Западные миссионеры проповедовали среди китайцев добродетели, а иностранные купцы соблазняли их опиумом. Британцы исповедовали закон и порядок, хотя захватили китайскую территорию грубой силой. Китайцы тянулись в Гонконг ради благоприятных возможностей, ждущих их в городе, им не принадлежащем, и были готовы терпеть унижения как жители второго сорта согласно своему месту в строгой расовой иерархии. Зато им предоставлялся шанс покинуть мир, распадающийся вокруг них по всему Китаю. Со временем они создали свои собственные организации, подобные тем, что появлялись в китайских диаспорах по всему миру, хотя Гонконг оставался территорией их же страны.

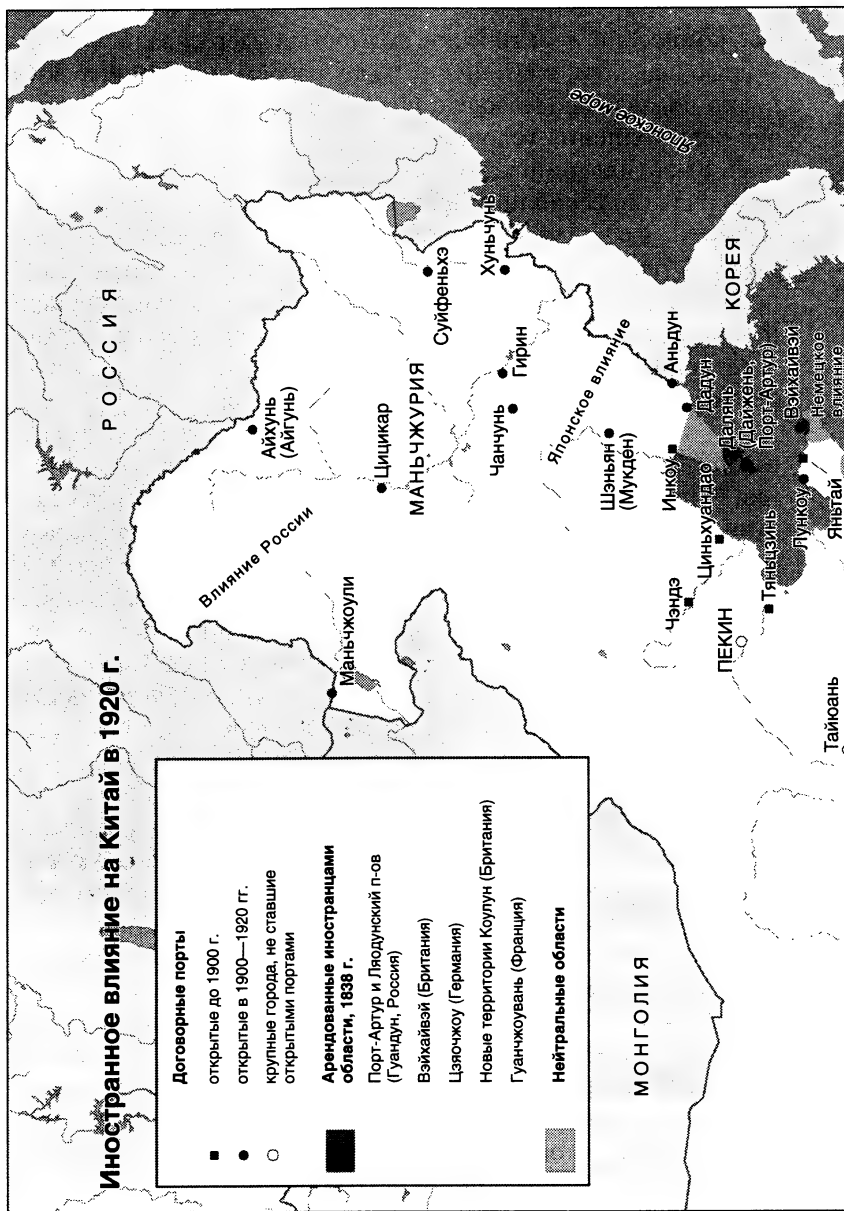
В центре внешней торговой деятельности Гонконга стояли крупные торговые дома. Многие из таких фирм — «Жардин», «Матесон, Баттерфилд и Свир», «Хатчисон» — пришли из британской торговли в Индии после роспуска в 1834 году Ост-Индской компании и обосновались во многих китайских портах, открытых для торговли в силу международных соглашений. Однако их влияние в Гонконге было как нигде ещё определяющим, ведь здесь они не только составляли основу экономики (а по сути, и политики), но и служили обоснованием существования самой колонии. С самого начала эти торговые дома представляли собой транснациональные организации, во главе которых стояли английские (или, как в случае с фирмой «Жардин», шотландские) предприниматели, но сотрудниками служили китайцы, индийцы, европейцы и американцы. К концу XIX столетия они числились основными посредниками между китайцами и иностранцами не только в Гонконге, но и по всей территории Китая. Произошло такое не в последнюю очередь в силу их укрепляющегося контроля над китайской банковской системой.

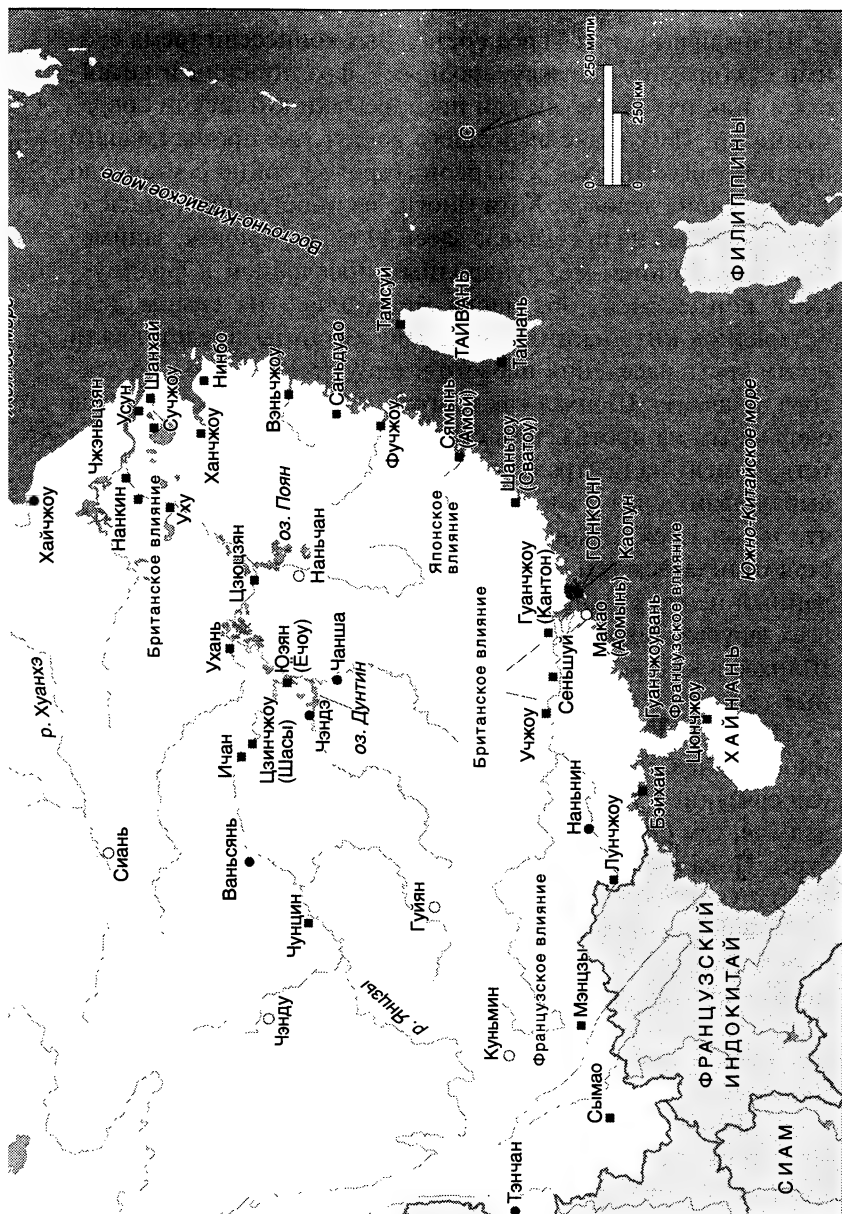
В Гонконг китайцев со всей страны влекли не только экономические возможности, но и к тому же возможности получить образование. Для начала, приличное образование его обладателю обещало экономические блага. Как и в других местах, внутри китайских сообществ основателями частных школ выступали родственники и организации, но в 1850-х и 1860-х годах всё больше школ открывалось также при зарубежных миссиях и образовательных обществах под руководством иностранцев. В начале 1870-х годов жители Гонконга получили финансируемую правительством начальную образовательную систему, в учебные заведения которой поэтапно увеличивали приём китайцев. Притом что в самом начале в этих школах упор делался на изучении китайской классики, Библии и азов английского языка, с конца XIX века в программе обучения появилось место для науки. Колледж для подготовки учителей открылся в 1881 году, медицинская школа — в 1887-м, а университет — в 1910-м. Для многих китайских родителей относительно несложный доступ к просвещению в колонии стал веским аргументом в пользу переезда в Гонконг и внесения своего вклада в его экономику.

Гонконг служил в качестве удобной базы для британской экспансии на территории Южного Китая. Но его экономическая роль в первые сто лет существования уступала роли крупных иностранных территориальных концессий, взятых силой у Цинской империи по всей стране после войн конца XIX столетия. На момент максимального расцвета такой колониальной системы, сложившейся к началу Первой мировой войны, существовало сорок восемь так называемых договорных портов, где иностранцам предоставлялось право селиться, вести торговлю и пользоваться статусом экстерриториальности при своих собственных консулах. В крупнейших договорных портах существовали концессии или поселения, практически полностью находившиеся под иностранной юрисдикцией, со своей собственной администрацией, обычно подотчётной своему консулу. Такая сложная система эксплуатации породила внутри Китая уменьшенный вариант фактических империй.

Все концессии практически полностью удерживались с помощью шантажа: в китайских водах находились канонерские лодки подавляющего большинства западных держав, и в случае невыполнения условий завоевателей те редко отказывались от артиллерийского обстрела китайских городов. При этом ряд концессий приобрёл для Китая и китайцев такую же важность, как и для их иностранных обитателей (если не большую). А при всем неравноправии и насилии по замыслу они принесли в Китай расширенное понимание западного права и способствовали делу глобализации международного права через попытку подведения юридической почвы под международное присутствие внутри Цинской империи.

О роли концессий китайцы и иностранцы написали много вздора. Вместо жесткой и упорядоченной модели для подчинения Китая из системы так называемых договорных портов получилась разве что громоздкая, сложная и часто бестолковая машина реагирования на события, происходившие в конце XIX и начале XX века. В продвижении коммерции подавляющее большинство договорных портов никакой роли не играло. Некоторые из них, такие как итальянская концессия в Тяньцзине, были образованы исключительно ради того, чтобы потешить национальную гордость европейских держав, практически не располагавших связями с Китаем; население остальных из них составляли практически исключительно китайцы, потому что иностранные купцы считали более удобным жить за пределами западной юрисдикции со своими китайскими слугами, любовницами и деловыми партнёрами. По-настоящему что-то значили крупные концессии в Шанхае, Тяньцзине, Гуанчжоу и Ухани, а особый случай представляли арендованные немцами и русскими области Циндао и Харбина. Разнообразные районы в этих городах, будь то под китайским или европейским контролем, сослужили большую службу в превращении Китая в современное с точки зрения экономики, культуры и политики государство. Со своей сложной системой управления и социального общения они стали местом зарождения гибридности и гибкости современного китайского общества.

Шанхай выделился среди остальных концессий тремя своими секторами — «международным», французским и китайским. Как раз там возникли предпосылки китайской современности. Население выросшего вокруг уже процветавшего порта нового Шанхая к Первой мировой войне составляло 1,3 миллиона человек. Хотя многие из иностранцев, численность которых не превышала здесь 40 тысяч человек, занимались управлением международным поселением и французской концессией, обе части мегаполиса на самом деле оставались китайскими городами; китайцы представляли почти треть населения первого и одну десятую второго сектора. Значение Шанхая как торгового города представлялось очевидным на протяжении столетий. Этот город находится в устье Янцзы на центральном побережье, а основные районы выращивания чая и изготовления шёлка находились от него, что называется, рукой подать. Однако с конца XIX века он стал отличаться тем, что превратился в основной промышленный центр страны. На его развитие поступала половина всех зарубежных инвестиций, предназначавшихся Китаю, и в Шанхае в китайскую экономику начали внедрять иностранные технологии, товары и вкусы.

Первые 50 лет концессия существовала под господством иностранцев, но китайцы обеспечивали работников для взаимосвязанных торговых путей, предоставляли товары и, чем дальше, тем больше, укомплектованные рабочими мануфактуры. Пока Цины с трудом прокладывали себе путь в международную систему самостоятельных, признанных государств и отчаянно пытались натравливать друг против друга изводящие их страны, вдоль побережья Китая и на великих его реках образовались сообщества людей нового рода. То были сообщества, внутри которых стремительно зарождались новые идеи и принципы жизни, последовательно распространявшиеся на весь Китай. Дело касалось самых разнообразных сфер, от освещения улиц и строительства складов компаний, прокладки водопроводных труб и внедрения религиозных убеждений до возведения судостроительных вер-

фей и открытия учебных заведений. Иностранцы и китайцы с самого начала оказались привязанными друг к другу общим делом. В обычной жизни общение и наблюдение постепенно привело к появлению чего-то нового для всех.

В то время как иностранцы создавали лицо своих районов китайских городов, остальные переселенцы в урбанизированном Китае строили городские районы по своему вкусу. С середины XIX до начала XX века население многих китайских городов выросло в два раза, так как запрет Цинов на переезд в города и проживание в них постепенно перестал выполняться. К тому же возникло больше возможностей для ведения хозяйственной деятельности. Одной из наиболее важных причин бурной урбанизации в конце эпохи Цинов называют состязание между носителями китайских и зарубежных систем хозяйствования, обмена товарами и методиками преподавания. Свою роль сыграло ослабление официальных запретов, особенно полезным оно оказалось для роста предприятий, организаций и подготовки кадров, сделавших города привлекательными для переселенцев. Переезжающие в города молодые люди, где бы они ни селились: в районах под китайской или иностранной юрисдикцией, — начинали осознавать себя совершенно по-новому в качестве рабочих, торговых посредников, лавочников или представителей интеллигенции. Ничего подобного не могло случиться, если бы власть Цинов с их недоверием к свободным городам не менялась по своей сути.

Внешнее проявление перемен, встречавших людей, вновь прибывающих в Шанхай, Ухань или Тяньцзинь сто лет назад, было бы практически сверх их меры доверия. Их воображение поразили бы (если не испугали) не только широкие улицы, трамваи и трамвайные пути, телеграфная техника, кинотеатры и танцзалы. Скорее всего, удивление вызвало бы то, как одеты некоторые люди — в юбках, блузках и костюмах, а не в халатах — и как они жили — самостоятельно,

а не с родственниками. Всё это показалось бы странным и новым. Разумеется, пощекотало бы нервы присутствие иностранцев, а также виды и запахи города нового качества, в котором развитие производства и транспорта опережало привыкание человеческого сознания. Поразило бы воображение и появление новых товаров на прилавках — от зеркал до мыла, от велосипедов до фотоаппаратов, от корсетов до электрических фонариков. Иногда они находили бы свой путь в древние космологии. Например, когда зеркала устанавливались в коридорах для отпугивания злых духов. Чаше ими восхищались, и, когда было к месту, их копировали местные производители с доработками для сбыта местных рынков и под местные вкусы.

С конца XV века роль купца в урбанизированном Китае возросла, но она приобрела новое значение в конце XIX столетия, когда Китай начали втягивать в расплывающуюся вширь мировую экономику. В центре проходившего экономического преобразования стояли компрადоры (от португальского слова «покупатель»), то есть китайцы, выступавшие в качестве посредников между двумя культурами в области торговли с иностранцами. Они занимали свою нишу в этом деле как организаторы переговоров, деловые помощники или скупщики товаров из глубинки для западных компаний. Как ни странно, обладая сравнительными преимуществами в виде культурных навыков, прежде всего в знании языка, компрадоры превратились в проводников нового типа экономической рациональности в городах, где накопление капитала и обладание материальным достатком стало главным показателем статуса человека. Конфуцианское учение, в соответствии с которым благородство, искренность и общественные отношения провозглашались такими же важными понятиями, как хозяйственная выгода, постепенно оттеснялось на второй план наравне с положением учёных и даже императорских чиновников¹.

В планировке китайских городов конца XIX и начала XX века не могли разобраться ни старые, ни новые их жители.

По мере того как Цины, совершенно справедливо гордившиеся планировкой своих городов, теряли непререкаемую власть, им на смену стали приходить новые формы управления, причём в некоторых случаях построенные на прецедентах, созданных давно. Одной из таких форм в урбанизированном Китае существовали заведения типа «хуэйгуань» (постоялые дворы) или «тунсянхуэй» (гостиницы) с названиями из родных мест, на которые ориентировались рабочие, переехавшие в город из соответствующей местности, провинции или области. В городах наподобие Шанхая, Тяньцзиня и Ухани такие заведения создавали в районах китайских городов, где селились земляки, где использовался их диалект и где подавали привычную для них еду. Главное, через такие заведения можно было общаться с земляками за границей. Однако при всём своём влиянии организаторы заведений для земляков постоянно боролись между собой за право сотрудничества с торговыми и профсоюзными организациями, а также с тайными обществами всевозможных направлений от подрывных агитаторов до уголовных банд и теми, кто находился где-то между ними. Новый урбанизированный Китай представлял собой территорию, где официальное право исполнялось только на словах, со сложными связями во времени и пространстве, где навести порядок было практически невозможно в силу того, что объект приложения усилий властей обнаруживался с большим трудом².

В 1832 году судебный врач шотландец Уильям Жардин, подрабатывавший торговлей опиумом, и его земляк Джеймс Матесон основали предприятие, которому было уготовано судьбой стать крупнейшей иностранной компанией, или *хуном*, в Китае XIX века. Правления компании «Жардин, Матесон и К°» первоначально находились в Гонконге и Шанхае, а филиалы располагались на протяжении всех основных торговых путей на территории Китая, между Китаем, Японией и Юго-Восточной Азией, а также между Восточной

Азией и Европой. Во многом эта фирма была первой в Китае транснациональной компанией с гибридной структурой, в которой повторялись принципы построения прочих *хунов* иностранцев. В правлении и совете директоров числились исключительно иностранцы, но предприятия компании располагали прочными связями с китайскими компрадорами, служившими каналами взаимодействия с основными китайскими производителями товаров и розничными торговцами. Эти компрадоры на самом деле предоставляли львиную долю капитала, на который существовало всё дело. Уильям Жардин нанял агентов — главным образом европейцев — во всех крупных портах на побережье моря и вдоль основных рек; а эти агенты располагали своими собственными сетями китайских купцов, с помощью которых они вели своё дело. Компании наподобие фирмы Жардина открывались ради обеспечения, понятное дело, максимальной прибыли их зарубежным инвесторам, поэтому без торговли опиумом они существовать не могли. Её структура в одинаковой мере была и китайской, и европейской, а ведение дел в ней было бы невозможным без участия тысяч китайцев, дававших ей выход на рынки и торговые пути, проложенные задолго до того, как первый шотландец ступил на землю Поднебесной.

Одной из таких сфер в форме раньше существовавших китайских сетей, к которым приспособились европейские торговые дома, была торговля со странами Юго-Восточной Азии и внутри этих стран. Во многих случаях зарубежные компании просто встраивались в торговые структуры, которые китайские диаспоры создавали на протяжении многих поколений. Новички в этом деле предоставляли дополнительный капитал и надёжные связи с Европой. Но тогда как европейцы между 1850 и 1914 годами занимались колонизацией Юго-Восточной Азии, китайцы предоставляли мелких торговцев и чиновников низового уровня для объединения разрозненных колониальных приобретений в общее целое. Сингапур превратился в узел региональной торговли и поэтому в китайский город на территории Юго-Восточной

Азии, хотя под британским управлением. В Батавии (Джакарте) и Сайгоне (городе Хошимине) китайские торговцы предоставляли ключевые услуги голландским и французским колониалистам, иностранным компаниям, основанным в этом регионе, и компаниям, функционирующим с территории Китая. При этом что представители элиты Юго-Восточной Азии и европейцы опасались китайского влияния и соперничества, они уже зависели от растущих рынков, которые китайцы помогли им открыть. В Британской Малайзии, например, компания «Юйжэньшэн», торговавшая китайскими лечебными препаратами с 1870-х годов, связала полуостров с Южным Китаем самыми разными видами услуг от банковского обслуживания до поставки продовольственных товаров и наёмных рабочих.

Новые банки западного образца, открытые в Шанхае и Гонконге, тоже подошли под старые китайские традиции кредитования и капиталовложений. На их основе сформировались мощные каналы финансирования. Между различными учреждениями налаживались тесные связи, а ссуды и ценные бумаги перетекали по каналу из крупных банков в мелкие банки, потом в китайские банки нового типа и китайские банки старого типа. Число китайцев, в той или иной форме вовлечённых в деятельность банков, в XIX веке стремительно росло даже за пределами городов в сельской местности. Эти банки, разумеется, к тому же обслуживали торговые дома, как крупные, так и мелкие. Компрадор У. Жардина в Фучжоу, например, продавал акции по поручению Гонконгско-Шанхайской банковской корпорации (HSBC), числившейся самым крупным финансовым учреждением западного типа. Деятельность HSBC началась в 1865 году с предоставления клиентам арендных помещений в Гонконге при наличии капитала на пять миллионов гонконгских долларов. К 1880-м годам эта фирма была крупнейшим банком в Китае с филиалами и агентствами по всей стране. Через него гонконгская администрация от имени британского правительства вела счета в Китае, Японии, Малайзии и Сингапуре. Через HSBC

производилась эмиссия банкнотов в Гонконге и Таиланде. Самое главное, что он обслуживал китайское правительство, через него шло распоряжение практически всеми государственными займами между 1874 и 1920-ми годами; в процессе таких операций его акционеры получали существенную прибыль. На протяжении длительного периода войн и революций в Китае в XX веке предпочтительными банками для китайцев, обогатившихся за счёт наступления капитализма, оставались крупные финансовые учреждения под руководством иностранцев, такие как HSBC. После того как после краха Цинской империи в 1911 году все иностранные банки в Китае превратились в относительно рискованные предприятия, связь между западными методами банковского обслуживания и китайским капиталом только укреплялась. Ивен Камерон, служивший директором шанхайского правления HSBC, в 1890 году хвастался тем, что «за последние 25 лет наш банк занимался крупным делом с китайцами в Шанхае, достигавшим, осмелюсь вам сказать, сотен миллионов таэлей [китайских долларов]. И нам не пришлось познакомиться с несостоятельным китайцем»³.

Где-то в начале XX столетия иностранное вмешательство в китайскую промышленность начало догонять иностранное вмешательство в торговлю. Одна из причин такого отставания состояла в том, что до 1890-х годов иностранцам не разрешались инвестиции в промышленное производство на Китайской земле. Вторая заключалась в сопротивлении китайцев внедрению западного хозяйственного права; только в 1904 году они приняли концепцию ограниченной ответственности корпораций⁴. Первые китайские промышленные предприятия развились из существовавших тогда компаний — в основном по изготовлению ремесленных товаров. В 1970-х годах цинское правительство и провинциальные власти приступили к налаживанию связей с частными компаниями под лозунгом «гуаньду шанбань» (официального надзора и хозяйственного управления) в рамках политики самоусиления. На многих из таких предприятий, созданных по принципу «казённо-част-

ных» корпораций, — таких как Китайская коммерческая пароходная компания (основанная в 1872 году), «Арсенал Цзянань» (1865 г.), Шанхайский комбинат хлопчатобумажной одежды (1878 г.) и «Рудники Кайпин» (1877 г.) — применялись западные технологии. И даже пусть ряду таких компаний удалось на удивление всем провести инженерный анализ технологии изготовления с целью раскрытия секретов фирмы, чтобы понять и организовать выпуск иностранного оборудования, их руководству оказалось трудно соперничать с принадлежащими западным владельцам поставками и импортом. С наступлением нового столетия произошло стремительное увеличение иностранных инвестиций сначала в горнодобывающую промышленность, а потом в выпуск продовольственных товаров, энергетику и текстильное производство. Центром промышленного производства стал Шанхай. Многие из таких предприятий быстро росли и становились высокорентабельными.

В Китае всегда существовал избыток крестьян, желающих работать в городах, но условия труда на появляющихся предприятиях как у иностранных, так и у китайских работодателей очень часто были ужасными. Работать приходилось по много часов, условия жизни предоставлялись скверные, а оклады относительно затрат на проживание в городах были низкими. Больных и беременных работников увольняли, а на самые грязные или опасные работы нанимали детей. Женщин, с началом нового столетия прибывавших в города в растущих количествах для работы в текстильной отрасли, их начальники принуждали к сожителству, и к тому же им приходилось отправлять большую часть своего жалованья родителям в свои деревни. Многие китайцы становились наёмными рабочими не по своей доброй воле, а потому, что их родственники и вожди кланов решали за них, а другие стремились в города за свободой от опеки семьи, которую им навязывали. Как и в остальных странах на заре индустриализации, фабричная жизнь в Китае была многотрудной и опасной, зато иностранцы в городах уничтожили моно-

полию аграрного сектора и подарили надежду на богатое вознаграждение тем, кто добровольно отказывался от нравственных стандартов прошлого.

Многие китайцы впервые стали знакомиться с иностранцами, которые выступали в качестве миссионеров. Когда императора в середине 1800-х годов принудили открыть ворота своей страны, в договорных портах начали открываться христианские миссии, и странствующие миссионеры отправились практически во все уголки Китая. Несмотря на официальное и общественное негодование китайцев, через христианские миссии шёл активный культурный и просветительский обмен. Значительной сферой миссионерских предприятий стали образование и наука, а не религия. Тем не менее христианская вера оказала глубокое воздействие на некоторую часть китайского общества, точно так же как многие религиозные сплавы и культурные толкования, возникшие в результате общения китайцев с европейскими миссионерами.

В то время как социальная и экономическая разруха в Китае XIX века служила плодородной почвой для проникновения новой трансцендентальной веры, из-за связи христианства с иностранной агрессией призыв европейских миссионеров мало кого трогал. Хотя на многих производили положительное впечатление личная храбрость и жертвы, принесённые иностранцами и китайскими христианами, куда больше народа чувствовало отвращение к требованиям, выдвигавшимся иностранными правительствами ради обращения китайцев в христианскую веру. Когда французы объявили себя защитниками всех католических миссионеров в Китае или когда британцы или немцы устраивали месть за нападения на христиан, ни в какую доброжелательность, за счёт которой могла расширяться христианская паства, никто из китайцев уже не верил. Ощущение того, что христиане представляли одну из западных сил, пришедших, чтобы

уничтожить существующий в Китае порядок, тоже убивало их дело. В одной деревне за другой возникали конфликты, часто кровавые, когда христиане отказывались жертвовать средства на народные гулянья или на содержание местного храма. В ряде областей за сообщениями об осквернении церковей следовали известия о разрушении храмов или изобращений, служащих предметом религиозного почитания. Отношение конфуцианского чиновничества к христианам оставалось радикально отрицательным. Одному христианину, доставленному к мировому судье провинции Шаньси после скандала на улице, когда тот отказался пожертвовать на ежегодное китайское оперное представление, задали вопрос, из какой он страны. Когда тот ответил, что он считает себя подданным Цинов, судья не сдержался:

«Если ты числишься подданным Цинской династии, тогда почему же ты стал последователем заморских дьяволов и их раскольнической религии? Ты не заплатил за представление, когда тебя попросили жители твоей деревни, и тебя избили. Так как же ты осмелился возбудить против них иск? Ты безоговорочно должен был внести пожертвование на представление. Если ты этого не делаешь, никто тебе не позволит жить на земле Цинов. Тебе придётся покинуть нашу страну и переехать за границу»⁵.

Некоторой симпатии христианские миссионеры (как и коммунисты позже) добились у представителей двух групп населения — женщин и национальных меньшинств. Даже притом, что положение женщин могло казаться благополучным в ряде областей и кланов, особенно на юге, в целом они в Китае XIX века считались самой большой угнетённой группой населения. Они не пользовались правами, которыми пользовались мужчины, и оставались в подчинении своих отцов, братьев, мужей и даже сыновей. Для самых угнетённых женщин христианство с его акцентом на выборе и личном спасении казалось выходом из рабства, но часто через разрыв с родственниками или даже с общиной. Среди некоторых национальных меньшинств, таких как народ-

ность мяо, обитавшая на юге Китая, или коренное население Тайваня, тоже насчитывалось относительно большое число новообращённых. После окончания тайпинского движения группы среди народности хакка присоединились к местным миссиям — таким, как швейцарско-немецкая Базельская миссия, чтобы обороняться от мстительных соседей, представляющих другие народности. Одной из групп хакка подобного рода был клан Дэна, из которого позже вышел ключевой руководитель Коммунистической партии Китая сам Дэн Сяопин.

Знакомство китайцев с христианством, начавшееся в XVI веке, проходило через европейских католиков, но подавляющее большинство миссионеров в XIX веке представляли британские или американские протестанты. То были молодые люди — мужчины и женщины, вдохновлённые Великим пробуждением в Соединённых Штатах Америки и евангелистским возрождением в Британии. Кое-кто из наиболее влиятельных из этих миссионеров больше заботился о внедрении западных образовательных идеалов, чем о спасении душ. Роберт Моррисон, командированный в Китай Лондонским миссионерским обществом, начал выпускать книги на китайском языке в 1830-х годах. Илия Бриджмен, присланный в Китай Американским советом уполномоченных для иностранных представительств, в Гуанчжоу выпускал журналы на английском и китайском языках. В отличие от подавляющего большинства армейских офицеров, дипломатов и купцов многие миссионеры знали китайский язык, поэтому они выступали переводчиками и толкователями Китая представителям Запада и Западу жителям Китая. Кое-кто из них после выхода в отставку стали первыми наставниками студентов по Китаю в западных университетах. Джеймс Легг начинал в качестве шотландского миссионера в Гонконге, перешёл на работу первым профессором китайского языка в Оксфорд и выполнил прославившие его переводы конфуцианской классики. Не многие сообщества когда-либо делали такой мощный акцент на ценности просвещения в его

самых разнообразных формах, как это было в цинском Китае. По сравнению с остальным миром уровень начального образования китайского населения оценивался весьма высоко. Где-то от трети до половины мужчин и до 10% женщин умели читать. В крупных городах насчитывалось много школ, но для желающих учиться там существовал жесточайший отбор. Практически все китайцы знали, что путь к успеху пролегал через грамотность, знание классики и сдачу положенных экзаменов. Семьи, чьи родственники служили чиновниками и богословами, пользовались льготами, однако в каждом поколении несколько семей победнее могли отправить своих сыновей для прохождения системы императорских испытаний и получить статус, о котором их предки могли только мечтать. Неудивительно, что целые кланы собирали средства на обучение своей молодёжи в школах, обслуживающих их районы или новые поколения, а также чтобы устроить особо одарённых мальчиков в частные, государственные или официальные учреждения, а то и в императорскую академию⁶.

В конце XIX века изменилось не столько особое место образования в обществе, сколько его содержание и организация. Наряду с разнообразностью школ, существовавших по меньшей мере со времён династии Сун, теперь в Китае открылись школы миссионерских сообществ и светские школы, директорами которых часто служили китайцы, в дополнение к классическому образованию сосредоточивавшие своё внимание на науке. После 1900 года к тому же повсюду стали появляться школы для девочек. Самая важная установка политики самоукрепления, выработанной Цзэн Гофанем, Ли Хунчжаном и другими выдающимися деятелями Китая в 1860-х годах, заключалась в том, что идеальной личности следовало сочетать суть китайского учения с привнесёнными формами западной науки и техники. На протяжении 1870-х и 1880-х годов появились академии, где преподавались западные науки. Открывались они рядом с новыми верфями или арсеналами, поставлявшими оружие

Цинам для защиты их империи. Но ещё в XX веке, однако, подавляющее большинство китайцев долгие годы продолжали посещать школы, где западные науки, география или языки преподавались без системы и поверхностно, зато главной целью ставилось совершенствование личности через штудирование конфуцианских трактатов. Но кое-кому из студентов, раньше получивших подготовку сверх конфуцианского курса, предстояло стать решающими для будущего своей Родины творцами перехода между двумя весьма разными воззрениями на человеческое существование.

К 1870-м годам всё больше китайцев выезжало за рубеж за системным образованием. Накапливавшиеся знания передавались своему народу первопроходцами, которые уехали за границу раньше. То есть такими людьми, как Жун Хун (известный на Западе под именем Юн Вин), в 1854 году окончивший Йельский колледж и ставший первым китайцем с американским дипломом о высшем образовании. По их примеру семейства государственных чиновников и частных лиц стали отправлять молодых людей в Америку и Европу, а чуть позже, как мы увидим, ещё и в Японию. Одну из важных государственных инициатив разработал Цзэн Гофань и назвал её китайской образовательной задачей. Для выполнения этой задачи с 1872 года и дальше в Соединённых Штатах Америки прошли обучение сто двадцать китайских юношей. С точно такой же целью молодых людей посылали в Германию, Британию и во Францию. Точно так же, как больше сотни лет спустя, когда в 1980-х и 1990-х годах следующая мощная волна китайских студентов хлынула за границу, некоторые из них остались за границей, зато остальные вернулись в Китай, чтобы добросовестно служить своей стране в качестве врачей, учителей, судостроителей, служащих, а также железнодорожных и горных инженеров.

Самый выдающийся из обученных на Западе студентов конца XIX столетия — Сунь Ятсен — в 1911 году удостоился звания первого президента Китайской республики. Как и подавляющее большинство южан, отправившихся за моря,

тринадцатилетний Сунь в 1879 году переехал из Гуанчжоу на Гавайи, где его старший брат добился успеха в торговле. Сунь получил образование в Гонолулу, причём он учился в той же школе, которую триста лет спустя окончит Барак Обама. Затем Сунь Ятсен отправился изучать медицину в Гонконг и стал одним из первых выпускников нового медицинского колледжа.

В качестве примера можно привести судьбу ещё одного юноши, отправленного на учёбу в Америку в 1870-х годах. Это Тан Шаои, окончивший курс Колумбийского колледжа в Нью-Йорке. Тан стал ведущим специалистом по связи Цинской эпохи, дипломатом и губернатором провинции. После падения династии он служил премьер-министром и министром финансов, а также главным советником Сунь Ятсена и Чан Кайши. В 1938 году на него было совершено покушение, когда он попытался вести переговоры с японцами. Ещё вспомним Жун Шанцяня, получившего образование в государственной средней школе Хартфорда. Он поступил на службу в цинскую армию, воевал в звании капитана, был ранен на войнах с французами и японцами. Потом Жуна назначили начальником железной дороги. Он дожил до очень преклонных лет и умер в Шанхае в 1954 году. Тан Шаои, Жун Шанцянь и другие китайские первопроходцы обучения за рубежом оказали большую услугу Китаю, причём у себя на родине многим из них пришлось служить при трёх разных правительствах.

К началу XX века просвещение в Китае представлялось плодородной почвой для знакомства между местным населением и иностранцами. Масса переводной иностранной литературы увеличилась, соответственно активизировалось влияние зарубежного просвещения. В школы и университеты внутри иностранных поселений, а также в иностранные университеты китайских городов, такие как университет Яньцзин в Пекине (сегодняшний Пекинский университет) и Гуанчжоуский христианский университет (в 1916 году переименованный в университет Линнань), поступало всё больше и больше

китайских учащихся. В 1911 году в Пекине открыт Университет Цинхуа, служивший в основном подготовительной школой для студентов, которые позже учились в университетах США на государственную стипендию. Новые группы студентов старались воспользоваться такими выгодными для себя перспективами; к 1905 году в протестантских миссионерских школах обучалось 10 тысяч девушек⁷. Знакомство носителей разных культур через школы и университеты служило формированию лица Китая XX века тем влиянием, которое оно оказывало на умы молодых людей, кому предстояло прийти к управлению своей страной. К 1905 году, когда Цины отменили стандартные экзамены ввиду «требующих дополнительных усилий затруднений наступивших времён», китайское просвещение уже находилось на пути превращения в симбиоз конфуцианских дидактических ценностей и эмпирических предметов, сохранившийся до сегодняшнего дня⁸. Темы для последних государственных экзаменов (утверждённые на внеочередной сессии, проведённой в Кайфыне в 1902 году) подтверждают такое слияние:

РАЗДЕЛ 1:

освещение военной стратегии в трактате Гуань-цзы (725—645 гг. до н. э.);

политика императора Вэньди династии Хань (179—156 гг. до н. э.) в отношении Южного Вьетнама;

применение права в империи;

методы оценки деятельности чиновников;

предложения Лю Гуанцзу (1142—1222 гг.) по приданию устойчивости династии Южной Сун.

РАЗДЕЛ 2:

западный акцент на туризм как способ познания мира;

применение японцами западных программ для образовательных учреждений;

опыт банковской деятельности разных зарубежных стран;

охрана порядка и роль законов;

промышленная основа богатства и власти⁹.

Под влиянием западной науки и медицины в XIX столетии началось медленное изменение китайских взглядов на природу и человеческий организм. Притом что к 1900 году обмен шёл в полном смысле в обоих направлениях, западные подходы проникли в китайские представления о вселенной и месте человека в ней в невиданной до сих пор манере. Можно предположить, что данная сфера стала самой важной в общении между китайцами и западным миром. В науке и медицине китайцы пользовались своими собственными традициями, сложившимися на протяжении тысячи лет. С расширением сферы общения китайцев с Западом их врачи и ученые начали овладевать новыми предметами знаний в областях от гинекологии до астрономии, которые послужили перенастройке их понимания жизни и её физических условий. К началу XX века интеллигенция Китая приняла участие в тех же героических поисках научной истины, которые вели европейцы, американцы и прочие азиаты с применением тех же мер и стандартов.

Поскольку многие из радикальных прорывов в знаниях по всему миру случились, как раз когда расширились контакты китайцев с Западом, рост научных достижений в виде общей сферы исследований практически с самого начала не обошёлся без участия китайцев. Одним из наглядных примеров стала общественная гигиена. Когда британские войска заняли Тяньцзинь, солдаты засыпали траншеи, проходившие рядом с их лагерем, так как их напугали ядовитые испарения — «миазмы», исходящие от стоячей воды. При этом они ненароком перерезали дренажную систему города, из-за чего случилось бурное подтопление и массовая эпидемия¹⁰. Но тут кое-кто из молодых британских военных врачей начал сомневаться в том, что китайский метод поддержания чистоты в городе служит мощнейшим средством по предотвращению эпидемий. Польза от санитарной профилактики была открыта примерно в одно и то же время в Европе и Китае, поэтому совместными усилиями европейских и китайских врачей удалось предотвратить некоторые

из самых прямых угроз здоровью, возникающих из-за роста китайских городов.

Как и в остальных сферах знаний, ключевая роль в передаче достижений западной медицины и науки китайской общественности принадлежала миссионерам. В 1838 году американец Питер Паркер в Гуанчжоу организовал Медицинское миссионерское общество, где китайские студенты узнавали о передовых для того времени западных методах ухода за пациентами. Британский миссионер Бенджамин Гобсон выпустил в китайском переводе краугольные труды западных учёных. Совместно с китайскими переводчиками, в том числе с математиком Ли Шаньланем, Б. Гобсон составил книги по астрономии (1849 г.), хирургии (1857 г.) и медицине внутренних болезней (1858 г.). Тянувшиеся к новым знаниям китайские медики и учёные по вполне понятным причинам не хотели отказываться от традиционных методов и ещё долго в XX веке относились со здоровым недоверием к разделам западной хирургии и фармакологии. Одарённый оптик и химик из города Уси Сюй Шоу, вдохновлённый западной химией и в 1850-х годах занявшийся экспериментами, часто выступал за сочетание китайской и западной медицины. Но вот по мере увеличения числа китайцев, получивших образование в западных учреждениях (в Китае и за границей), началось укрепление господства западных подходов к науке.

Переводы или сборники иностранных знаний оставались доступными совсем немногим китайцам, поэтому среди простого народа изменение восприятия западной медицины и науки проходило гораздо медленнее. В последней трети XIX века кое-кто из иностранцев и китайцев начал выпускать научно-популярные журналы, а самый важный из них составлял знаменитый англиканский миссионер Джон Фрер. Он работал на арсенале Цзяннань и в середине 1870-х годов основал Шанхайский политехнический университет. Его «Гэчжи хуэйбянь» (в переводе «Китайский научный и технический журнал») пользовался популярностью не толь-

ко в учёном сообществе¹¹. В письмах читателей к редактору прослеживается растущая осведомлённость о новых формах толкования; некий читатель из Цинчжоу в 1880 году обращал внимание редакции журнала на то, что «авторы китайских книг утверждают, будто радуга — это неправильное «ци» Небес и Земли, [вызванное] затянувшимся взаимодействием солнца и дождя: это — взаимодействие тех, должен был воздержаться от участия во взаимодействии... Как учёные объяснят такое толкование?»¹². Даже в преподавании старые привычки отмирали с трудом. Писатель Го Можо поведал об одном своём учителе, который примерно на грани веков неправильно прочёл второй иероглиф в выражении «*тяньжань цзинсян*» (естественные условия), и у него получилось «*тяньлун цзинсян*» (явление небесных драконов). Потом он в ходе своей лекции приводил массу примеров того, как сказовые создания бороздили воздушное пространство¹³.

На протяжении своей истории китайцы путешествовали совсем не меньше, чем представители других народов. Но последние 200 лет они ездили больше, посетили больше мест, и самих путешественников стало больше, чем было раньше. Прорыв для нового массового отъезда из Китая произошёл в XIX веке, когда совпали такие факторы, как усиление иностранного влияния, появление новых видов транспорта и ослабление государства, создавшие исключительно благоприятные условия, чтобы осмелиться отправиться за рубеж. Сохранилось совсем немного письменных свидетельств о своих приключениях тех, кто воспользовался такими возможностями, — всех мастей торговцев, рабочих и эмигрантов. Но даже воспоминания путешественников из числа китайской элиты, тех, кто на самом деле их написал, как правило, остались без внимания. Как минимум по сравнению с множеством опубликованных дорожных заметок западных искателей приключений о поездке в Китай. Китайцы видели своими глазами в Европе, обеих Америках,

Западной Азии и Африке ту же непередаваемую экзотику, культурную странность, терялись в догадках и многое не понимали, впрочем, как и иностранцы в Китае. Путешествия, без сомнения, служили накоплению знаний, как через личные ощущения, так и через написание дневников. Но в Китае, как и где-либо ещё, они были и остаются знаниями, переданными в конкретном культурном контексте, то есть через глаза путешественника соответствующим его уровню образования образом переводятся все поступающие в его сознание впечатления.

Одним из первых великих китайских авторов книг о путешествиях считается Ван Тао, родившийся неподалёку от города Сучжоу. Этот учёный муж попал в беду с войсками Цинов во время тайпинского восстания и бежал в Гонконг. Там он познакомился со странноватым шотландским миссионером Джеймсом Леггом, который уже занимался первым своим переводом китайской классики на английский язык. В 1867 году Легг пригласил Вана съездить с ним в Шотландию, и Ван отправился в долгое путешествие в Европу через Сингапур, Шри-Ланку, Пинанг, Аден, Каир и, наконец, прибыл в Марсель. Потом он провёл несколько недель в Париже и Лондоне, а затем прибыл в шотландский город со звонким названием Доллар, где прожил два года и стал свидетелем бурной индустриализации. Эти годы он работал с Леггом над переводом Книги песен (*Ицзин*) и Книги ритуалов. Ван Тао, который после возвращения из Европы к тому же посетил Японию, составил подробные дневники о своих путешествиях, которые опубликовал, когда Цины разрешили ему вернуться в Китай.

Первые китайские путешественники в Северную Америку испытали ещё большее замешательство от увиденного, чем те, кто посетил Европу. Те китайцы, кто посетил обе эти части света, пребывали, быть может, в ещё большем недоумении. «Англичане и американцы представляются близкородственными народами, у них много общего, но к тому же их многое отличает. И больше всего они отличаются сво-

ей манерой поведения», — заметил один из первых послов Китая в Вашингтоне У Тинфа¹⁴. Тех, кто приезжал в Соединённые Штаты Америки, озадачивала политика демократии: как может осуществляться, многие задавались вопросом, коллективное принятие решений в области административного правоприменения, когда в экономических делах господствует такой предельный индивидуализм? При всём множестве наречий, мраке и неразберихе индустриализации северных городов, а также споров по поводу этнических, расовых, социальных и политических проблем в середине XIX века многие китайцы после посещения Америки в своей стране предлагали добиваться гармонии и стабильности. Но в то же самое время китайцев бесконечно удивляли технические новинки США, особенно железные дороги и пароходы. «Поезд, — писал гость США из Маньчжурии Цзыган в 1868 году, — легок, не прыгает и движется быстрее Лецзы [из сказки даосов], оседлавшего ветер. По постройке он напоминает деревянный дом... По обеим сторонам вагона находятся по ряду окон с тремя слоями стёкол, полотняными занавесками и деревянными ставнями для предохранения от ветра, дождя, света или тьмы»¹⁵. После поездки на «огненной колеснице» Цзыгану захотелось познакомиться с ней поближе, и он отправил в Китай подробное описание того, как строятся железные дороги.

Многие китайские путешественники сначала видели на Западе своего рода противоположность Китаю, где китайские ценности и нравы представлялись перевернутыми с ног на голову. Кое-кто из посетителей этих уголков планеты писал, что иначе быть не могло, ведь Европа и Америка всё-таки находились на противоположной от Китая стороне мира. Другие путешественники искали объяснения того, что им представало на Западе, в китайском прошлом. Они пытались отыскать периоды в китайской истории, напоминавшие по организации и внешнему виду то, что они наблюдали за границей, и строили предположения о том, могли ли иностранцы черпать вдохновение в той или иной эпохе дли-

тельного развития Китая. Больше всего китайцев занимало отсутствие сыновней почтительности, а также скорее морального, чем материального оправдания предпринятых иностранцами действий. «Дело не в том, что наши императоры или главные министры каждой из династий представляются не такими грамотными, как западные деятели, — восклицал Лю Сихун в 1876 году во время пребывания в Лондоне, — просто никто из них не стремился открывать небеса или раскапывать землю, бросая вызов природе ради личного обогащения. Наши дальновидные предки тоже заботились о будущем, но не так, как англичане, мчащиеся со всей скоростью ради получения преимуществ»¹⁶.

Кроме иностранных языков, еды, привычек и гигиены, остававшихся загадкой для китайских путешественников, их постоянно удивляло то, что народ западных империй предпочитает погоню за материальными благами нравственному самосовершенствованию. Китайцы, находящиеся на Западе, сообщали скорее в недоумении, чем с возмущением об иностранных политических системах, о роли женщин в обществе и о шкалах расовой иерархии. И у них вызывало тревогу выживание Китая в столкновении с такими непохожими и мощными странами, какие существовали на Западе. Наблюдая за продолжающейся индустриализацией в Соединённых Штатах Америки и ряде стран Западной Европы, китайские свидетели этого процесса часто отмечали губительные последствия применения новых технологий. Загрязнение окружающей среды, изменение ландшафта, а также мимолётность образа действия, методов и стиля жизни — всё это поражало китайских гостей Запада. Хотя справедливости ради стоит заметить, что западные товары им нравились, а мощь и полезная отдача западной промышленности внушала им просто страх. Многие из тех, кто приезжал в качестве посетителей, оставались навсегда либо ради лучшей жизни для них самих и родственников в зарубежных странах, какой в Китае им не светило, либо из страха за судьбу Китая в его противостоянии с Западом. А то и из-за

ненависти к режиму Цинов. Но даже в рассказах подавляющего большинства тех, кто вернулся на родину, народы Китая и Запада всё-таки поменяли своё мировоззрение: вместо одного Китая в центре вселенной, а также его как судьи в сфере нравственности, традиций и вкусов их мир теперь представлялся гораздо более просторным и более равноправным. Здесь предлагалось больше вариантов выбора, а китайцы могли служить носителями разных убеждений, политических взглядов и государственной принадлежности.

Представление о китаеццентристском мировом порядке в Восточной Азии просуществовало ещё долго. К 1870 году новая империалистическая система просматривалась вполне ясно даже теми, кто больше всех возражал по поводу нового порядка вещей. Понаблюдав за изменениями внутри Китая и увидев слабость Цинов, иногда даже с близкого расстояния из миссий в столицу империй или в случае с Юго-Восточной Азией — в Гуанчжоу, власти стран-данников последовательно переориентировались на мир господства западных держав. Даже руководители стран, культурно и географически самых близких Китаю, — Вьетнама, островов Рюкю и Кореи — почувствовали в своих отношениях с зарубежными странами наступление новой эпохи. Для тех, кто находился подальше, наподобие Бирмы или Таиланда, официальное завершение их отношений с Цинским государством пришло с запозданием. Перед этим они ещё долго платили дань. Цинский мировой порядок прекратил своё существование таким же случайным манером, как и зародился. То есть вразрез с попытками китайцев дать своё толкование новым событиям в пределах формальных рамок церемонии и прецедента.

Как мы увидим в следующей главе, корейский случай представлялся самым драматичным и губительным выходом из китаеццентристской системы. Ещё один пример относится к островам Рюкю (или, по-китайски, Люцю) — протяжённо-

му в виде серпа архипелагу, лежащему между южной оконечностью Кюсю и Тайванем. На протяжении без малого 300 лет монархи Рюкю числились данниками Цинов и подчинялись правителям южной японской провинции Сацума. К 1870-м годам позиции Китая на этих островах скатывались вниз, и соответственно повышались шансы предоставления Рюкю фактической самостоятельности. Продолжая переговоры по этому вопросу с китайцами на протяжении целого десятилетия, японцы в 1872 году объявили о своём единоличном суверенитете над данными островами. Потом в 1875 году расположили на них свой военный гарнизон, а в 1879 году аннексировали весь архипелаг Рюкю, отменили на нём монархию и передали его в состав японской префектуры Окинава. Попытки Китая обратиться за посредничеством США и Британии провалились. Утрата Рюкю независимости стала прологом к последующим событиям.

В далёком Таиланде правители тоже осознавали, что ведающее место Китая в Восточной Азии стремительно исчезает. Когда в 1853 году тайская миссия прибыла в Гуанчжоу с данью, очень немногие тайцы и китайцы подозревали, что это была последняя демонстрация формального признания тайским монархом своего подчинённого положения по отношению к Цинам. Министр тайского короля по связям с Китаем (обычно на эту должность назначали чиновника китайского происхождения) объяснил позицию Бангкока, и его объяснение в середине 1860-х годов получило подкрепление в примирительном письме генерал-губернатору Гуанчжоу:

«Сиам и Пекин долгое время находились в дружеских отношениях, и каждый раз, когда приходило время платить дань, Сиам никогда не забывал её послать, чтобы не нанести вреда дружбе, поддерживавшейся на протяжении такого длительного периода времени. Однако [в 1853 г.]... на [посланников] Сиама... напали бандиты, насильно отобравшие все дары императора, вручённые в ответ двору Сиама... Когда наступил сезон муссонов в год Зайца [1856]... то есть

пришёл срок дани Китаю, мы узнали, что мятежники доставляют ещё больше бед, чем доставляли прежде. И поэтому от передачи дани пришлось отказаться. Потом [в 1860 г.]... наступило время снова отправлять дань Китаю. На этот раз пришли известия о том, что город Кантон осаждён англичанами, а самого генерал-губернатора в нём нет. Если бы из Сиамы отправили посланников, тогда некому было их принять. Позже [в 1862 г.]... стало известно, что англичане и французы подошли к Пекину и что Пекин занят большой войной¹⁷.

К 1870-м годам тайцы поняли, что старые порядки больше не вернутся. Они приступили к реорганизации своей китайской оброчной торговли, которая всегда была больше торговлей, чем данью, морскими путями, теперь находящимся под контролем Британии и Франции. Только в 1882 году Бангкок по-настоящему решился на провозглашение официального прекращения своего подчинённого отношения с Цинами.

С учётом манеры, в которой империалистическими державами применялись положения международного права для обоснования своего закабаления Цинского государства, у китайцев почти не было причин верить в то, что какое-либо из их государств-данников будет на равных правах принято в западную систему самостоятельных стран. При этом китайские руководители практически с момента первых нападений войск Запада проявили самый живой интерес к западному международному праву. Главы ключевых трудов, таких как трактат *Law of Nations* («Право народов или принципы естественного права») Эмерика де Ваттеля, написанный в 1758 году, перевели к 1840-м годам, когда вовсю шла первая англо-китайская война. Но после иностранного вооружённого вторжения в конце 1850-х годов стала очевидной потребность для Китая в изучении принципов, на которых западные державы пытаются строить свою внешнюю политику. В 1864 году пресвитерианский миссионер Уильям Мартин перевёл на китайский язык трактат американского дипломата Генри Уитона

Elements of International Law («Элементы международного права», изданные в 1836 г.). Несмотря на провинциальную веру Уитона — в отличие от универсализма Ваттеля — в то, что международное право представляет собой памятник материальной культуры христианской цивилизации, великой совет Цинов счёл его труд полезным для себя. Обращение совета к императору звучало так:

«Мы, Ваши министры, проверили данную книгу по иностранному праву и обнаружили, что она кое в чём отличается от китайской системы. Но в ней встречаются абзацы, представляющиеся полезными... Мы, Ваши министры, возражаем против использования таких книг и следования им и сказали [Мартину], что в Китае существуют свои собственные законы и ведомства, поэтому было бы неуместным обращаться за умом к авторам иностранных книг. Мартин, однако, обратил внимание на то, что избранные законы Цинской династии переведены в иностранных странах, но китайцы ни разу не попытались потребовать от иностранных стран следовать им.

Не может такого быть, чтобы просто [по факту перевода на китайский язык] иностранной книги китайцев заставили следовать описанным в ней традициям»¹⁸.

К 1890-м годам некоторая часть китайских вельмож стала рассматривать международное право в качестве инструмента отстаивания интересов своей империи. Ли Хунчжан, по поручению Цинов принимавший участие во многих международных переговорах (и вынужденный вести их с японцами после войны 1895 года), говорил: «Международное право принадлежит всем нациям на планете. Те, кто им следует, могут пребывать в покое; те, кто ими пренебрегает, пусть ждет беду»¹⁹. Кое-кто из учёных заявлял, что международное право ничем не отличается от принципов, вошедших в каноны «Весны и осени» — «Чунь цю фань-лу» (в период 722—481 гг. до н. э.) или эпохи Воюющих царств (403—221 гг. до н. э.), когда Китай распался на несколько государств. Относительно данного периода истории в конфуцианском учении существует масса комментариев. Одна-

ко эти сравнения не помогли китайским дипломатам подготовиться к отстаиванию интересов своей страны. Не пригодился и язык, на котором преподавались первые переводы, в которых часто применялись термины китайской этики, касающиеся межличностных отношений, и не могли отражать текучести закона и его подчинения власти.

При всей достойной уважения системе направления посланников в зарубежные страны и значительном багаже знаний о соседних государствах Цины не стремились к тому, чтобы обзавестись постоянными представительствами Китая за границей. В отличие от Европы, начавшей такую практику с XVII века, цинские императоры отказывались признавать власти других стран (даже в теории) равными себе и достойными практически постоянного общения. Поэтому им не нужны были дипломаты в европейском понимании сути такого сословия. После западной интервенции и великих мятежей середины XIX столетия Цинам пришлось внедрять западную традицию, хотя и с большим раскаянием. Принц Гун, приходившийся императору Даогуану шестым сыном и в 1860-х годах сыгравший главную роль в приходе к власти вдовствующей императрицы Цыси, такими словами убеждал двор в важности отправки посланников за рубеж:

«Я верю в то, что за последние годы власти иностранных государств прекрасно осознали особенности Китая, а знания китайцев о внешнем мире остаются скудными. Противоречие состоит в том, что на территории Китая находятся иностранные дипломатические представители, а китайские миссии за рубежом полностью отсутствуют. По этой причине сложилась ситуация, когда иностранные дипломаты в Китае попирают наши правила и поступают неподобающе, а мы можем разве что пытаться умиротворять их. Мы не можем требовать от них должного поведения, поэтому следует попробовать другой подход. Сложившаяся ситуация постоянно тревожит и беспокоит меня»²⁰.

Компетентный, но не всегда отличавшийся благопристойным поведением принц Гун к тому же представлял кру-

ги, стоявшие за созданием в 1861 году первого министерства иностранных дел Китая — Цзунли Гэго Ямынь, сокращённо — Цзунли-ямынь. Хотя в самом начале это ведомство считалось временным и относилось ко вторым по важности службам в императорской бюрократии, но скоро Цзунли-ямынь превратилось в центрального посредника между цинским двором, провинциями, военными и иностранцами. При нём открылся колледж переводчиков (*Тунвэньгуань*), где готовились будущие дипломаты, где они изучали иностранные языки и западные учения. Этот колледж превратился в один из центров перевода и издания иностранных трудов по всем предметам от физики до международных отношений.

Как и Цзунли-ямынь, Служба императорской морской таможни тоже появилась в результате китайского сотрудничества с Западом. В ней служили иностранцы, и её часто использовали те же иностранные державы для сбора репараций с Китая после войн и вооружённых стычек. Но её сотрудники к тому же выполняли переводы, выполняли социальные и статистические исследования, а также помогали в формировании китайского почтового ведомства. В конце Цинской эпохи на неё уже смотрели не как на навязанное иностранцами учреждение, а на важный источник государственного дохода и школу подготовки китайских чиновников. Изменение мнения китайцев о таможне произошло во многом благодаря её генеральному инспектору ирландцу Роберту Харту, прослужившему в данном ведомстве с 1861 по 1907 год. За время своей долгой службы этот человек из Портсадауна в Северной Ирландии превратился в главное доверенное лицо пекинского двора среди иностранцев. В то время как его чиновники, представлявшие двадцать с лишним стран, приводили китайцев в ярость, колеся по лагунам иностранных концессий (а часто и по крупным судоходным рекам с прибрежными районами), Харт служил примером иностранца, который превыше всего ценился как преданный слуга Цинов.

К 1900 году Цины приступили к созданию разветвленной сети своих миссий за рубежом. Их первые посольства открылись в 1877 году в Лондоне, Берлине и Токио, а потом в 1878 году в Вашингтоне и Москве. В этих посольствах служили подготовленные дипломаты из Тунвэньгуани и другие императорские чиновники. Часть посольств оказались достойными возлагавшихся на них задач, но были и представительства скорее обременительные для пекинской казны. При всех многочисленных поводах для расстройств по поводу растратывания денег и потерянной в ходе доставки информации Цины увидели среди своих послов людей выдающихся способностей. Среди них следует выделить Го Сунтао, назначенного первым послом в Лондон. Он считается ведущим самостоятельным политиком Цинов, принимавшим участие в организации мер Цинов по подавлению восстания тайпинов. Сын цинского вельможи Цзэн Гофана — Цзэн Цзицзэ, управлявший китайской политикой во времена великих мятежей, сменил Го Сунтао на его посту в Лондоне, а позже служил в Париже и Москве. В начале 1880-х годов Цзэн Цзицзэ к тому же занимался улаживанием с китайской стороны дипломатических неурядиц и вел переговоры в Санкт-Петербурге о заключении соглашения с Россией. Дипломаты калибра Цзэн Цзицзэ пользовались влиянием в Пекине потому, что они не только давали достоверную информацию о мощи Запада, но и к тому же делали акцент на конфуцианском подходе к мировым делам. Глядя на Лондон, Цзэн Цзицзэ доверил своему дневнику такие мысли:

«Точно так же, как можно себе представить Древний Китай, глядя на Запад сегодня, можно представить будущее Запада, сравнивая его с сегодняшним Китаем. Разумеется, наступит день, когда всё вернётся к первоначальному положению вещей и когда никто не будет искать своеобразия или сложности, а будет искать только простоту, потому что материальные ресурсы ограничены и недостаточны для удовлетворения потребностей всех стран мира»²¹.

* * *

На протяжении последних лет XIX столетия в центральных областях Китая последовательно открывались новые представительства иностранцев, выступавших в качестве купцов, миссионеров и чиновников. Цинское государство колебалось между приёмом новых поселенцев и представительствам государств, стоящих за ними, а также сопротивлением иностранному присутствию. На местном уровне китайцы и иностранцы общались иногда в духе сотрудничества, а иногда между ними возникали конфликты. Но всегда присутствовало раздражение по поводу привычек и взглядов друг друга. К 1900 году точки соприкосновения китайцев и представителей Запада во вкусах и технологиях, появившиеся в городах, послужили дальнейшему разделению Китая на две части: на громадные сельские просторы, где наличие иностранцев едва проглядывалось или отсутствовало вообще, и на архипелаг урбанизированных островов, где развивалась новая общественная формация. Этот новый Китай представлялся интернациональным, располагал представительствами в Юго-Восточной Азии и в обеих Америках, а также людьми внутри страны, живущими одновременно в соответствии с китайскими и западными привычками. Однако народ этого Китая не верил в себя, так как представлял собой явление западного империализма, но иногда искренне верил в возможность спасения своей нации с помощью зарубежных методов, денег и машин. С началом XX века возникла напряжённость между новым и старым, между сельским и городским Китаем, и напряжение усугублялось присутствием иностранцев. Возникла угроза раскола страны.

Иностранное присутствие в конце XIX века ослабляло Цинское государство, так как лишало его части автономии, но зато оно же помогало сохранять его, поскольку иностранцы предпочитали империю любым её врагам. Многим обозревателям всё это казалось безупречными условиями эксплуатации: западные державы пользовались слабостью Цинов, чтобы добиваться у них уступок, и одновременно предохра-

няли их от окончательного краха и продлевали свою эксплуатацию китайцев. На самом деле всё представлялось несколько сложнее. Цины приноровились к маневрированию между иностранными державами в поисках преимуществ и сознательно не стали инструментом обеспечения иностранцами своих интересов. Вельможи двора питали надежду и ждали дня, когда Китай достаточно окрепнет для изгнания иностранцев. Одновременно верхушка китайского общества сама по себе поднаторела в использовании Цинского государства в своих шкурных интересах и прикрывала личное обогащение государственным делом. Сложился климат острого политического и экономического соревнования, в котором иностранцы пользовались многими преимуществами, но далеко не всеми.

Тем временем иностранные концепции и идеи волнами поступали в Китай, поднимая на гребень тех, кто стремился покинуть свою страну и заботился только о себе. Как это случилось на Западе, революционные рассуждения часто крутились вокруг взаимоотношений между наукой и обществом, подпитывая веру в то, что теория развития видов Чарльза Дарвина распространяется на человеческое сообщество. Май Мэнхуа, родившийся в 1875 году, отражал взгляды европейских и американских социальных дарвинистов:

«Представим развитие всех цивилизаций на Земле. Не найти ни одной, образовавшейся без борьбы. Китай всю жизнь просуществовал без борьбы, и его народ никогда не собирался бороться. Поэтому неудивительно, что Китай не располагал возможностями для развития. Сегодня, однако, [китайский народ] ведёт борьбу с другими народами. XX век, несомненно, стал для китайцев благоприятным периодом развития и временем, когда можно будет восстановить древнюю китайскую цивилизацию»²².

Глава 3

ЯПОНИЯ

Самую важную роль в определении внешней политики Китая в начале XX века сыграли отношения Пекина с Токио. Япония — маленькая страна по сравнению с Китаем, территория которого в 25 раз больше её островной части. Примерно во столько же раз Земля больше Луны. И взаимодействие двух этих стран напоминает взаимозависимость Земли и Луны. Японцам постоянно приходилось ощущать на себе силу притяжения своего гигантского соседа. Хотя Японские острова никогда не входили в сферу непосредственного управления со стороны Китая, тем не менее китайская культура, идеи, письменность и религия заимствовались японцами на протяжении тысячи с лишним лет. Японский неоконфуцианец XVII века Кумадзава Банзан назвал Китай «царством срединного свечения» и «родителем детей, то есть восточных, южных и западных варваров, как гора становится родителем детей реки»¹. Но и Китай подвергался влиянию своего культурного последователя.

Начиная с середины XIX века китайцы черпали в Японии вдохновение и видели в её народе вероятного союзника в борьбе против Запада. С середины 1880-х годов, однако, цинское руководство заподозрило в своём восточном островном соседе противника и угрозу. В 1894—1895 годах между двумя этими странами случилась убийственная и разрушительная война за влияние в Восточной Азии, принесшая первое в истории Цинов поражение Китая от другой региональной державы. Корея и Тайвань перешли под протекторат Японии (и позже стали её колониями), а Китай оказался в унизи-
тель-

ном на весь регион положении. Со свержением Цинов многие японцы считали Китай утратившей порядок и устойчивость страной. Они представляли себе своего гигантского соседа в виде объекта для усиления западного влияния и поэтому старались распространить на него власть Японии ради укрепления японской торговли, спокойствия и идеологии. Японии на территории Китая в глазах её правящей верхушки принадлежала цивилизаторская миссия. Точно так же думали руководители европейских держав, навязывая свою волю народам Африки и Южной Азии.

На протяжении периода Токугава в Японии с 1603 по 1868 год общение населения этой страны с внешним миром находилось под запретом, но торговля с Китаем в том или ином объёме продолжалась всегда. Многие ведущие японские интеллектуалы того времени, как при дворе сёгуна в Эдо (Токио), так и при дворе императора в Киото, преклонялись перед Китаем как центром мироздания восточноазиатского конфуцианства. Практически точно так же к своему великому соседу относились их коллеги-правители в Корее или во Вьетнаме. Однако с конца XIX столетия японское мышление медленно стало смещаться в направлении нативизма (шовинизма), означавшем выделение естественности, бережливости народа и индустрии своей собственной страны с противопоставлением этих черт извращённости, праздности и притворству китайцев. После того как Цины понесли потери в борьбе с Западом и в ходе подавления крупных мятежей в середине XIX века, такое новое, причём негативное отношение переросло в постоянную японскую критику Китая. Опустившись в статусе из центра мироздания до положения обыкновенной страны, Китай теперь представлял собой отвратительный пример того, что японцы не хотели бы видеть в своей стране: раскол, унижение народа, превращение Поднебесной в «империю только по названию», парию. Всё больше японцев видели, что из-за их

внешней похожести на китайцев страдания этих заморских соседей принижали достоинство жителей Японских островов тоже. Спасение Китая, находящегося в его нынешнем состоянии мерзости и унижения, в первой половине XX века превратилось для японцев в расовое дело.

С начала XX века и до 1920-х годов восприятие китайцами Японии тоже менялось, причём в самом широком диапазоне. До середины XIX века китайцы видели в японцах восточных варваров, добровольно отрезавших себя от добросовестного общения с их имперским центром и кто поэтому отличался глупостью или плутовством, а то и тем и другим одновременно. Потом ощущение того, что собой представляли японцы, начало стремительно меняться. Теперь китайцы, посетившие Страну восходящего солнца с наступлением эпохи Мэйдзи, отмечали готовность японской элиты заимствовать западные знания и технические достижения. Кое-кто из китайцев обвинял японцев в предательстве истинного конфуцианского видения мира. А многие говорили, что японское общество сошло с ума, позволив калечить безупречный природный ландшафт уродливыми коробками фабрик и судоверфей. Остальные люди, прежде всего те, кто самоотверженно выступал за активизацию реформы по западному образцу в самом Китае, видел в Японии пример, причём пример азиатского общества, преобразующегося в нечто более мощное и совершенное. После войн и конфликтов по всему Китаю созрело опасение по поводу растущей мощи Японии, но при этом восхищение достижениями своего восточного соседа наполнило души части китайцев верой в свои силы сделать что-то подобное. Такое раздвоение в отношениях определяло китайско-японские связи в конце XIX и начале XX века, а потом оно постепенно породило сложное единство вражды и ненависти.

В конце XIX столетия Китай и Япония прошли через ряд политических перемен, получивших название реставрации. В Японии реставрация Мэйдзи на самом деле представляла собой кардинальный слом, навсегда изменивший экономиче-

скую, социальную и политическую модель этой страны. При режиме сёгуната Токугава, который, как и Цины, правил с XVII века, Япония была изолированным от внешнего мира обществом, ориентированным на самодостаточность. Но с 1860-х годов начались принципиальные преобразования, в результате которых на протяжении жизни одного поколения японцы покончили с международной замкнутостью и вывели свою страну в разряд главной региональной державы. Изменения в Японии проводились под предлогом восстановления прямого правления императора Мэйдзи, но группа фактических правителей, пришедших к власти после свержения сёгуната Токугава в 1868 году, хотела увести свою страну в новом направлении, так как требовалась реакция на растущую угрозу со стороны Запада и недовольство внутри японского общества. В отличие от реставрации Тунчжи в Китае, проводившейся во многом сходных сложных условиях, реставрацию Мэйдзи возглавили лидеры, желавшие спланированного разрыва с прошлым ради спасения Японии. Опасавшиеся перспективы установления иностранного контроля и растущей нестабильности внутри страны представители элиты Мэйдзи взялись за создание новой Японии: заинтересованной в поддержании контактов с другими странами, индустриально развитой, располагающей мощными вооружёнными силами и ориентированной на поддержание спокойствия.

Глубину изменений в Японии с 1960-х по 1970-е годы трудно переоценить, и поэтому сложно винить китайских руководителей за недооценку ими возможных последствий, грозящих им со стороны японцев. Благодаря инициативам правительства и воодушевлению народа Япония стала выглядеть совсем по-новому от причёсок и одежды до книг, транспорта, землевладения, просвещения и военной машины. Затем в начале 1880-х годов страна сделала шаг к новой конституции и парламентской политической системе. Во внешней политике главная цель Токио в эпоху Мэйдзи заключалась в отмене неравноправных договоров, навязанных западными странами за десять лет до реставрации. Однако лидеры Мэйдзи думали,

что для этого Японии следует более полноценно вмешаться в дела на Азиатском континенте и показать её способность проводить дипломатию в отношениях со своими соседями новыми методами. Одновременно с созданием новой, централизованной, подготовленной по западной программе армии и флота олигархи эпохи Мэйдзи начали сбор информации о возможных путях перестройки международных отношений в Восточной Азии ради усиления Японии с её заявкой на самостоятельность в делах с западными державами. Притом что реставрация Мэйдзи послужила возрождению Японии, цинская реставрация Тунчжи растаяла как мираж. Группа государственных деятелей при императоре Тунчжи (ключевой фигурой среди них считается вдовствующая императрица Цыси) представляла себе опасности, грозившие их режиму, а также продемонстрировала свою жизнеспособность через подавление тайпинов с прочими мятежниками и приступив к восстановлению Китайского государства. При всём глубоком политическом расколе между ним, всей подозрительности друг к другу и чрезмерной осторожности в проведении намеченных реформ по полному восстановлению цинской власти, как мы уже видели, с точки зрения поиска точек соприкосновения между китайцами и Западом большие достижения присутствовали. В 1870-х годах среди ведущих деятелей Китая и иностранцев существовало ощущение того, что китайцы должны найти путь для движения вперёд, уникальный в своём роде, но слишком длинный и полный опасностей и провалов. Главные деятели эпохи Тунчжи, такие как принц Гун и мандарин Ли Хунчжан, верили в то, что спасение Китая лежит на пути неоконфуцианского самоусиления. При этом предусматривалось использование западной технологии для защиты и сохранения конфуцианского Китая. Броской фразой для модернизации стала: «Китайская сущность — западная форма». Китайский стержень китайского учения остался прежним. Как сформулировал конфуцианский философ Фэн Гуйфэнь: «У варваров нам надо позаимствовать только одно: крепкие корабли и меткое оружие»².

Ли Хунчжан, считавшийся величайшим китайским политическим и дипломатическим деятелем с 1870 года до конца XIX века, выводы Фэн Гуйфэня по поводу кораблей и оружия разделял полностью. Без модернизации вооружённых сил, говорил он, Китай так и останется жертвой иностранных держав. Родившийся в 1823 году в аграрной провинции Аньхой, Ли получил классическое образование, в 1847 году сдал экзамен на чиновничий чин и оставил свой след в борьбе против тайпинов, а также мятежников народности нянь. Получив пост генерал-губернатора провинций Хэбэй и Хэнань, в том числе столицы Пекина, он возглавил работу над масштабной программой по побуждению императорского двора на ввоз западной техники и опыта её эксплуатации для строительства арсеналов и судостроительных верфей. Как и Чан Кайши в XX веке, Ли Хунчжан возлагал главную надежду на то, что Пекину удастся удержаться от войн до тех пор, пока Китай не станет достаточно сильным, чтобы себя защитить.

Главной внешнеполитической проблемой для Ли Хунчжана, когда он сосредоточил власть над императорским двором в своих руках, стала Япония. Вопреки тому, что самим правителям Мэйдзи навязали несправедливые договоры с Западом, они очень скоро предприняли попытку заставить китайцев согласиться на такую же несправедливость. Цины же, наоборот, подготовили проекты соглашений, взаимовыгодных с точки зрения приобретения новых территорий. Когда в 1870 году начались переговоры, Ли Хунчжан сделал такую дневниковую запись:

«Япония, не находящаяся в зависимости от Китая, совершенно отличается по сравнению с Кореей, Рюкю и Аннамом [Вьетнамом]. То, что японцы выступили с требованием открытия торговли без предварительного согласования поддержки западных держав, доказало их самостоятельность и добрую волю. Если китайцы откажут японцам на этот раз, их дружбу мы потеряем, и они могут даже попросить у Запада вмешательства в их пользу. В таком случае китайцам будет трудно отказать снова. Враждебная Япония может стать даже

большим источником бед, чем западные державы из-за её географической близости. Следовательно, в интересах Китая вести дела с Японией на дружеских и равноправных принципах, а также направить на Японские острова специальных уполномоченных для присмотра там за китайцами, слежения за движениями японского правительства и насаждения гармоничных отношений между двумя нашими государствами»³.

Только вот договоров, предназначенных регулировать отношения между двумя этими странами, японцам было недостаточно. Руководство Японии понимало, что западные державы занимались захватом остающейся Восточной Азии в целях изоляции их островного государства. Участники следующей японской миссии в Китай во главе с одним из молодых вожakov Мэйдзи — Созэзимой Танэоми — в 1873 году попытались расширить позиции Японии вдоль китайского побережья через объявление права отправлять японские войска для наказания населения Тайваня за его нападения на японские торговые суда. В китайском Цзунли-ямынь (МИД) поступили недальновидно и решили это дело заболтать с помощью заявлений о том, что, дескать, на острове Тайвань обитают внешние и внутренние варвары и что только последние находятся под китайской юрисдикцией. Китай, другими словами, не отвечал за действия прибрежных внешних варваров, которые как раз нападали на японские суда. Японская реакция несла в себе столько угрозы, что ею можно было отравить отношения с Китаем на два поколения вперёд:

«Если иностранные державы оккупировали земли коренных жителей под предлогом устроенной этими жителями бойни и если эти земли коренных жителей превратились, как французские территории во Вьетнаме, Макао и Гонконге, а также как расширение сферы влияния России от бассейна реки Амур, в наши северные границы, тогда нашим южным берегам будет угрожать опасность, в том числе нашим островам в этом районе»⁴.

В 1874 году японцы использовали невнятные заявления китайцев о своём суверенитете, чтобы направить карательную

экспедицию на Тайвань. Таким образом, впервые новая японская армия и военно-морские силы отправились за моря. Эта экспедиция закончилась полным провалом, потому что от болезней японских военнослужащих на острове погибло в десять раз больше числа убитых ими жителей Тайваня. В скором времени японцы удалились восвояси. Но при этом стоит обратить внимание на один важный момент: если японцы хотели, они могли отправить свои войска вдоль всего побережья Китая, причём помешать им Китайское государство было не в силах. Такой вывод не предвещал китайцам на ближайшие несколько десятков лет ничего хорошего.

Китайское и Японское государства на протяжении всего XX столетия рассматривались в их столицах в качестве непримиримых врагов друг друга. Но перед конфликтом между ними существовали сотрудничество, восторг и передача знаний. Кое-какие контакты такого рода сохранялись наперекор вражде государств даже во времена войны и оккупации. Вплоть до окончания Второй мировой войны многие настроенные на реформы китайцы считали японские знания по предметам техники, науки, политики и международных связей более подходящими для применения в Китае, чем то, что поступало непосредственно с Запада. В некоторых случаях такие «японские уроки» оказывались результатом заблуждений. Ведь китайские наблюдатели исходили из того, что определённые разделы знаний причислялись к японским по происхождению просто потому, что они поступали в Китай из Японии. Причём их японские поставщики настаивали на своей причастности к ним (хотя на самом деле эти японцы позаимствовали их, скажем, из немецких журналов, впервые увидевших свет парочку лет до этого момента). В других случаях китайцы хотели верить в то, что новые вещи были японскими по происхождению, так как было проще убедить окружающих в их уместности, когда они уже находились в обороте в конфуцианском обществе. Однако под-

час передача знаний из Японии была настоящей в том смысле, что законы, учреждения и технологии, возникшие изначально на Западе, пришли в Китай после адаптации под японские нужды.

Япония времён императоров Мэйдзи и Тайсё (1912—1926) служила мощной мастерской идей. Посетителей со всего мира поражала энергия японского народа. Шёл разговор о спорах и слухах, сотрясавших Токио, и о том, как правительство бесцеремонно проводило реформу, ломая даже самые древние устоявшиеся правила. Образ Японии, причём не только среди азиатов, представлялся в виде громадной лаборатории реформы, в которой власти их собственных стран могут почерпнуть вдохновение или понимание в зависимости от направления выбранного пути. Для части китайцев японское стремительное превращение виделось путеводной звездой, за которой им тоже хотелось идти, и реальной альтернативой тому, что они наблюдали как за робкими шагами к переменам цинского Китая. Китайские купцы, торговавшие в японских прибрежных городах под защитой навязанной Западом экстерриториальности, туристы, студенты и растущая колония политических беженцев в один голос сообщали на родину о высокой скорости и успехе в деле преобразования Японии.

Подавляющее большинство идей, поступающих в Китай из Японии, относилось к науке. Такая передача происходила практически на платформе сборочного конвейера. Японские книги, трактаты, заметки, журналы и журнальные статьи переводились на китайский язык и использовались наряду с текстами, переведёнными с европейских языков. К тому же всё больше писалось трудов на китайском языке теми, кто учился за границей или вместе с иностранцами на территории Китая. Японские тексты представляли особенно высокую ценность для учёных периода заката Цинов, потому что наравне со своими коллегами на противоположной стороне Восточно-Китайского моря они искали практического применения новым открытиям в химии, физике, биологии и медицине. Но прочие идеи тоже имели хождение. Например,

при императоре Мэйдзи обсуждались концепции гражданства и прав личности. И они нашли путь в китайские аудитории через японские публикации. Первый перевод на китайский язык трудов Жан-Жака Руссо был осуществлён в Японии в конце 1870-х годов⁵, а за ним последовало великое множество других переводов, в том числе работ кое-кого из немецких философов XIX века, среди которых был Карл Маркс. Как мы увидим позже, политические идеи, переданные через Японию, сыграют решающую роль в судьбе Китая XX века.

Японское просвещение приняло устрашающие формы для понимания китайцами своего собственного места в мире через международное право. Японские и западные учёные, занимавшиеся Восточной Азией, пришли к заключению о том, что Китай не может выступать в качестве потенциального партнёра в международных делах по причине отсутствия у него надёжной правовой системы. Кое-кто из представителей китайской элиты с таким выводом согласился, а правительство занялось несколькими проектами по переводу текстов, посвящённых международному гражданскому и частному праву. Практически все основные китайские тексты по частному праву вышли из-под пера Ямады Сабуро с кафедры права Токийского университета, который за свою долгую жизнь к тому же служил президентом университета Кейдзё в Сеуле во время японской оккупации. Терминология Ямады вошла в китайский словарь и используется до сих пор. В одной сфере за другой японские концепции проложили путь в китайский язык независимо от состояния дипломатических отношений между этими двумя странами. Станным образом близость, возникшая в силу межгосударственного конфликта, сделала японское общество ещё более привлекательным для многих китайцев. Как мы увидим дальше, именно после войны между двумя странами в 1894—1895 годах на самом деле началось открытие китайцами современной Японии. Лян Ци-чао, бывший одним из ключевых реформаторов Китая на рубеже веков, даже умудрился воспринять с энтузиазмом свою политическую ссылку в Японию в 1898 году:

«Я нахожусь в Японии... в силу нынешних печальных обстоятельств уже на протяжении нескольких месяцев, учу японский язык... и читаю японские книги. Книги, которые я никогда не читал раньше, слепят мне глаза. Идеи, которых я не знал раньше, смущают мой рассудок. Всё здесь воспринимается так, будто видишь солнце после пребывания в тёмной комнате или будто в пересохшее горло льётся вино. Меня настолько переполняет счастье, что я боюсь его сдерживать в себе, поэтому я его выпускаю наружу с криком и призываю моих соотечественников: те, кто жаждет новых знаний, вместе со мной учите японский язык!»⁶

А как же остальная Азия реагировала на смещение влияния в пользу Японии? Ключом к китаеццентристской системе в регионе с точки зрения культуры, политики и организации служила Корея. По признаку солидаризации она была ближе к Китаю, чем любая другая независимая страна. Конфуцианские философы Кореи помогали в создании совместной интеллектуальной повестки дня. Они писали по-китайски и считали свою страну тесно связанной с Китайской империей, но всё же отличающейся от неё. Корейские элиты на протяжении длительного времени служили мостом между Китаем и Японией, по которому идеи передавались свободно и часто. Китайская письменность пришла в Японию через Корею в IV веке н. э., буддизм пришёл тем же путём два столетия спустя, а потом пришли бумага и книгопечатание, изготовление шёлка и керамики. С изменением миропорядка в середине XIX века, а потока идей на противоположное направление корейцы не захотели отказываться от своей судьбы, в которой Китаю принадлежало центральное место. Большое число конфуцианских философов обратилось к правительству с просьбой не нарушать установленный порядок признанием Японии как равного Китаю участника международных отношений. В одной такой петиции 1881 года формулируются их взгляды на традиционное положение Кореи и опасности, связанные с его изменением:

«В наших отношениях с Китаем мы являемся страной-данником. На протяжении двухсот лет мы платили дань... и

поддерживали свою веру как зависимое государство. Если нам придётся согласиться с официальными сообщениями из Японии, в которых используются такие почётные выражения, как „император” и „императорский”, представьте Китаю, сомневающийся в нашей покорности. Что нам сказать в своё оправдание?»⁷

С 1864 года Кореей от имени своего малолетнего сына короля Коджона правил принц Ли Хаын, вошедший в историю под титулом тэвонгун (великий принц, принц-регент). Тэвонгун считал, что для Кореи всё большую угрозу представляют западные державы с Японией, и он попытался провести централизацию власти для организации сопротивления. Он воевал с французами во время их высадки в 1866 году и с американцами в 1871-м, но сын отстранил его от власти в 1873 году, когда достиг совершеннолетия. Король Коджон хотел провести переговоры с иностранцами, и его подталкивали к этому из Пекина. При этом китайцы рассчитывали сделать вид, будто выступают за открытие Кореи для внешней торговли, и одновременно сохранить нетронутым положение своей страны как сюзерена. Такой подход очень напоминает отношения между КНР и КНДР в наши дни.

Элита в Японии при императоре Мэйдзи единством идейных взглядов не отличалась. С самого начала политических перемен в Токио японские деятели опасались, что западное господство над Кореей может послужить могильщиком нового японского эксперимента. Особую тревогу среди них вызвали сообщения о выдвижении русских к корейской северной границе. Горячие головы японского режима, такие как Саиго Такамори (который позже выступит против порядков Мэйдзи и получит по заслугам), в 1873 году предложили вторжение Японии на территорию Кореи и оккупацию этой страны. Тем самым можно покончить с иностранным соперничеством, отомстить корейцам за нанесённое оскорбление японскому императору и с толком занять делом тысячи неприкаянных самураев. Предложение Саиго поддержки не получило, но японцы активизировались на поприще получения

доступа к ресурсам и рынкам Кореи. В сентябре 1875 года корабль японских ВМС «Уньё» подошёл к корейскому острову Канхвандо в устье реки Ханган, ведущей к столице Кореи — Сеулу. Корейцы обстреляли этот корабль из пушек, за что японские морские пехотинцы высадились на Канхвандо и разрушили всё, что попало им под руку, а также перебили по ходу дела множество тех же корейцев. По результатам премьерного применения нового императорского флота министры японского правительства потребовали подписания с Кореей договора западного типа, составленного по образцам соглашений, которые Японию и Китай принудили заключить с западными державами. Притом что по договору 1876 года после инцидента у Канхвандо экстерриториальности японцы не получили, зато им удалось открыть Корею для своих купцов. Главное заключалось в том, что японцы обращались с Кореей как с независимым государством и пренебрегали её положением данника перед Китаем.

Как и в Китае с Японией, 1880-е годы стали временем беспокойной корейской политики. Пока традиционная элита боролась за неизменность своего правления и сохранение каких-то связей с Китаем, появилась новая группа реформаторов, кого точно так же, как и их единомышленников в Китае, вдохновлял пример Японии. Для противников коренных перемен Япония теперь превратилась во врага. «Совершенно очевидно, — писал один из них, — что японцы и европейцы ничем не отличаются. Кто же им поверит, когда они заявляют о том, что они японцы, а не европейцы?» Однако для корейских реформаторов, среди которых следует упомянуть харизматического молодого пламенного патриота Кима Ок Кюна, дважды посетившего Токио, Япония считалась необходимым союзником в борьбе за мощную и независимую Корею. Спустя два года после того, как китайцы встряхнулись и послали свои войска в Сеул, корейские реформаторы предприняли попытку переворота. В надежде на занятость Китая войной с Францией, когда Пекину будет не до вмешательства в дела Кореи, Ким Ок Кюн добился за-

верений японского посла в помощи. Однако план покушения на ведущих руководителей правительства провалился, а китайские и лояльные корейские войска взялись за мятежников, которые после трёх дней сопротивления отступили в город Инчхон, где погрузились на японское судно, направлявшееся в Йокогаму. На тот момент китайско-корейский альянс казался спасённым⁸.

При всех возникших затруднениях в отношениях с западными державами на южных рубежах империи вельможи китайского двора остерегались без особой нужды дразнить японцев на корейском направлении. В Пекине придерживались стратегии наступления на двух направлениях. Пользуясь победой традиционалистов и китайских войск над мятежниками, они нарастили численность китайского гарнизона в Сеуле и отправили туда одного из своих самых талантливых полководцев — Юань Шикая — представителем императора. Этот дерзкий двадцатилетний офицер из Хэнани, дважды проваливший экзамен на первичное звание чиновника империи и поэтому избравший военную карьеру, стал своего рода китайским наместником китайского монарха в Корее. Он въехал в королевский дворец и ночевал в комнате рядом с опочивальней короля Коджона. Для Юань Шикая его двенадцать лет службы в Корее послужили карьерным трамплином, вынесшим его в кресло президента Китая и практически императора его родины. Но его задача в Сеуле отнюдь не ограничивалась навязыванием интересов Китая и поддержанием шаткой корейской монархии. Он к тому же отвечал за то, чтобы корейцы после провалившегося переворота должным образом выстраивали свои отношения с японцами и не спровоцировали интернационализацию корейской политики в будущем.

В деле укрепления устойчивости ситуации в Корее Юань Шикаю повезло не очень. Даже притом, что в 1885 году между Сеулом и Токио был согласован протокол, в котором корейский король извинился за ущерб японской собственности во время военных действий год назад и было разрешено раз-

мещение небольшого японского гарнизона в корейской столице, участники прямых переговоров между Китаем и Японией о ситуации на Корейском полуострове свели практически на нет всю работу Юань Шикая. Текстом Тяньцзиньской конвенции между двумя странами предусматривался отказ от агрессии в отношении Кореи через радикальное ограничение численности войск, разрешённой Китаю и Японии на Корейском полуострове. На самом деле эта конвенция послужила подрыву роли Китая как сюзерена с одновременным лишением корейцев стимула договариваться с обоими своими мощными соседями. Следующие десять лет, когда в корейской политике расширился раскол, а пример Японии внушал всё больше оптимизма реформаторам, роль китайских представителей в Сеуле уходила на второй план.

К началу 1890 года корейское общество переживало дробление. На юге на власть претендовали поборники новой религии под названием «Тонхак» (Восточное учение). Проповедники тонхак призывали корейский народ к сопротивлению иностранному влиянию в условиях бед, свалившихся на его страну. «Народ — это корневая система нашей нации, — говорилось в их брошюрах. — Когда её корни вянут, нация лишается сил... Мы не можем сидеть и наблюдать, как наша нация исчезает»⁹. Определяя корейцев в качестве самостоятельной и осознающей себя нации, тонхаки, представленные в своём подавляющем большинстве земледельцами из беднейших областей страны, поддерживали новую тенденцию в Сеуле, где ряд чиновников хотел не только реформирования своего государства, но и делал акцент на корейскую особенность по сравнению с народами остальных стран региона. Такой новый корейский пламенный патриотизм для китайцев, японцев и традиционалистов двора в Сеуле представлялся опасным. Когда тонхаки в 1894 году вышли на улицы столицы, король Коджон попросил у китайцев помощи в подавлении демонстрации, в которой он увидел мятеж. Ли Хунчжан, отвечавший в Пекине за внешнюю политику Китая, пообещал помощь, предварительно

уведомив о своём решении Токио в строгом соответствии с Тяньцзиньским протоколом. Японцы ответили отправкой собственных войск якобы для обеспечения безопасности своих граждан. К июню 1894 года все условия для китайско-японской войны созрели.

Полномасштабный конфликт в Токио и Пекине сначала попытались предотвратить. После высадки семи тысяч военнослужащих японцы пригласили китайцев сформировать совместную комиссию для реформирования корейского правительства. В Пекине от такого предложения отказались. Многие ведущие цинские вельможи считали, что для умиротворения Японии на корейском направлении Китай сделал достаточно. Они надеялись, что Китай после двух десятилетий самоусиления набрал достаточно сил, чтобы разгромить «восточных варваров». Такие воинственные настроения получили поддержку усилившейся при дворе в 1880—1890-х годах фракции, представители которой заявляли о том, что собственные реформы Китая продвинулись достаточно далеко и что китайский дух вот-вот окажется утраченным. Активисты Цинлюдан, или Партии пуристов, как называли себя эти чиновники, думали, что компромисс с иностранными державами во внутренних и даннических делах ведёт Китай к отказу от своей цивилизации через подмену приличия и праведности варварскими традициями. Представители Цинлюдан часто обращались к вдовствующей императрице Цыси с просьбами отменить планы, выдвинутые Ли Хунчжаном и остальными умеренными реформаторами. Цыси, опасавшаяся, что молодой император Гуансуй поддастся уговорам и согласится на радикальные реформы ради отстранения её от власти, по ключевым вопросам войны или мира со своей стороны чаще соглашалась с консерваторами, поддержала она их и в 1894 году.

Дилемма для Ли Хунчжана состояла в том, что он не мог заручиться прямой поддержкой со стороны западных держав, а пуристы в Пекине настаивали на войне, при этом японцы пользовались присутствием своих войск для уста-

новления контроля над Сеулом. Когда король Коджон в конце июля отверг японские планы по реформированию его правительства, японские солдаты ворвались в королевский дворец, захватили силой королеву с детьми и использовали новый рычаг (в виде августейших заложников) для возвращения к власти Тэвонгуна. Тогда Тэвонгун провозгласил независимость Кореи и объявил войну Китаю. Когда Ли Хунчжан направил китайское подкрепление в Корею на зафрахтованном британском пароходе «Гаошэн», японские ВМС 25 июля 1894 года отправили его на дно, и 950 китайских солдат утонуло. Уклоняться от войны больше не имело смысла.

В китайско-японской войне 1894—1895 годов впервые вводились в дело армия и флот Китая нового западного типа. К тому же то был первый вооружённый конфликт между Китаем и Японией за последние три сотни лет, положивший начало враждебности, определившей внешнюю политику Пекина на предстоящее столетие¹⁰. Однако каким-то причудливым образом эта война сама по себе и последующие два десятилетия стоят порознь от двух отдельных периодов китайско-японских отношений. Причём китайцы и японцы могли вести кровопролитную и страшную войну, а восхищение со стороны китайцев успехами японцев в построении государства и армии нового типа с потерями, которые нёс Китай, не пропадало. Наоборот, те жертвы, которые понёс Китай, очень часто выставлялись виной Цинской династии и её неспособности следовать примерам, подаваемым Японией. Кое-кому из китайцев японская модель представлялась порочным путём, проверенным её победой: то, что не должно было случиться и поэтому не могло случиться в конфуцианском мире, когда младший брат побил и опорочил своего старшего брата, тем не менее случилось. Всё случившееся послужило доказательством упадка и разложения Китая. Для народов от Кореи до Бирмы та война послужила перераспределению власти в их регионе и перевернула сложившийся миропорядок с ног на голову.

С самого начала победа Японии никоим образом не гарантировалась. Китайские войска в Корее отличались вполне приличной подготовленностью к войне, а ВМС Китая почти в два раза превосходили по размеру флот Японии. Гражданское и военное руководство в Токио переживало по поводу исхода своего предприятия, а их стратегия во многом определялась нанесением решающих ударов по цинской военной машине и тем самым навязыванием ей целей войны Японии, которые заключались в удалении рычагов влияния Пекина из Кореи. Затяжная война, боялись они, будет выгодной Китаю, поскольку он истощит материальные и людские ресурсы Японии. Первые сражения на суше в южных областях Кореи прошли в соответствии с замыслом руководства Японии, но оно беспокоилось о том, что случится на севере, где китайские войска были сильнее. А больше всего они переживали о том, что будет происходить на море.

В сентябре 1894 года японские подразделения высадились на побережье в районе Инчхона, где находился порт корейской столицы Сеула. Через 60 лет здесь сойдут на берег солдаты американского генерала Дугласа Макартура. И точно так же, как во время последующей корейской войны, китайские войска сосредоточились на обороне севернее, собрав основные свои силы вокруг города Пхеньяна, расположенного в 120 километрах севернее столицы Кореи. Китайские войска обладали превосходством в численном отношении, в их составе находились отборные подразделения, сформированные по западному образцу, безупречно вооружённые и подготовленные, а также усиленные традиционной маньчжурской конницей, обученной вести бой с противником мечами и кавалерийскими пиками. Но когда 15 ноября началось сражение, китайцы стали уступать противнику по таким показателям, как организованность, материально-техническое снабжение и огневая мощь. Действиям китайцев в обороне не хватало согласованности, к тому же боеприпасы подходили к концу, так стандартизация оружия в китайских подразделениях отсутствовала. Маньчжур-

ская конница шла в атаку волна за волной, но её выкашивала японская артиллерия. В разгар кровопролития японские артиллеристы отмечали редкую храбрость солдат цинской армии старого типа. Японцы осадили Пхеньян, навели тяжёлые орудия на главные силы его гарнизона, и китайские офицеры сдались на милость победителя. В этом сражении пали смертью храбрых 2 тысячи цинских военнослужащих, японцы потеряли 700 человек убитыми, и армия императора Мэйдзи продолжила наступление дальше на север.

На следующий день северный флот Китая встретил боевые корабли Японии мористее устья реки Ялуцзян на границе между Поднебесной и Кореей. Опять формально китайские силы выглядели сильнее японской группировки. ВМС Цинов, особенно их северный флот, считался гордостью империи того времени. Цинским двором были потрачены громадные суммы денег на приобретение кораблей за рубежом и сооружение судоверфей для их обслуживания. Самые крупные корабли северного флота линкоры немецкой постройки «Динь-юань» и «Чжэнь-юань» считались самыми мощными кораблями своего времени (при водоизмещении 7,5 тыс. тонн они были крупнее самого большого американского броненосца «Мэн»). Только вот китайские матросы и морские пехотинцы по сравнению с японскими коллегами отличались слабой профессиональной подготовкой, а их офицеры, в том числе европейские офицеры, служившие на китайских кораблях, не владели военно-морской тактикой на том уровне, на котором ею владели японские военные мореходы. Два флота сошлись, и китайцы потерпели поражение, так как уступали японцам в военном мастерстве и тактике ведения боя. Показательно, что во время боя командующий китайской группой кораблей адмирал Дин Жучан (бывший тайпин, перешедший на службу империи) получил тяжёлое увечье от осколка снаряда своего собственного корабля, ударившего в командный мостик, когда он стоял на нём. К концу четырёхчасового боя четыре китайских корабля пошли на дно, а все остальные получили се-

рьёзные повреждения. В условиях, когда их армия отходила под ударами противника, а северный флот практически прекратил своё существование, Цины приступили к поиску пути выхода из войны.

Японское руководство в Токио обсуждало варианты выхода из войны или её продолжения. Победили сторонники продолжения войны, ведь у них в запасе находились убедительные аргументы в пользу того, что Японии представилась бесценная возможность создать военное окружение, способное предохранить их страну от будущих поползновений Запада, прежде всего со стороны России. Теперь японские войска вторглись в Маньчжурию сразу с моря и с суши, а также высадились на побережье Шаньдунского полуострова и острова Тайвань. Остатки китайского северного флота капитулировали в феврале 1895 года. Адмирал Дин покончил с собой. На следующий месяц начались мирные переговоры, на протяжении которых советником Цинов выступал бывший госсекретарь США Джон У. Фостер (дед Джона Фостера Даллеса, которому предстояло сыграть заметную роль в следующей войне Китая в Корее). По условиям Симоносекского договора от Пекина требовалось признать независимость Кореи (под японской опекой), выплатить возмещение понесённого ущерба на 133 миллиона долларов (в сто с лишним раз больше, чем на нынешние доллары), уступить Тайвань, острова Пэнху и Ляодунский полуостров Маньчжурии Японии; открыть ещё несколько договорных портов на реке Янцзы и разрешить японцам заведовать фабриками на территории Китая. Если бы не провалившееся покушение, организованное японцами на жизнь главы китайской делегации пожилого Ли Хунчжана, смутившее правительство в Токио, окончательные условия мирного договора могли оказаться гораздо более обременительными для Китая. Даже после дипломатического вмешательства России, поддержанного Францией и Германией, потребовавшей у Японии вернуть Ляодунский полуостров, эта война служила проклятым наследием уходящей Китайской империи.

Поражение в войне против Японии породило у китайской правящей верхушки глубокое ощущение надлома. Но при всём практически единодушном видении проблемы в слабости Китая по поводу исправления ситуации общего мнения как-то не складывалось. Для вдовствующей императрицы и подавляющего большинства вельмож двора Китай уже слишком далеко отступил от конфуцианского учения, и только за счёт возвращения этого духовного стержня их империя могла восстановить подобающее ей место в мире. Достойным ответом на такой грех народа внутри империи и снаружи от неё предлагалось обращение к справедливости и здравому смыслу, а через них — к естественному порядку вещей. Если китайцы начнут строго придерживаться конфуцианских заветов, тогда со временем все невзгоды уйдут сами собой. Блеститель нравов в правительстве Китая — Чу Чэнбо — сообщил двору, что «наша беда не в отсутствии толковых институций, а в отсутствии откровенного сознания»¹¹.

Только вот для многих китайцев, ставших свидетелями унижения их страны, простое обращение к традиционным принципам представлялось делом бессмысленным. Требования радикального реформирования системы власти слышались во всех уголках империи. Представители элиты помоложе чувствовали, что Китаю не быть, если не внести существенных изменений в построение его общества и государства. Соискатели государственного чина, прибывшие для прохождения испытаний в Пекин, как раз собрались в столице, когда поступили известия о поражении китайской армии, и они пошли на единственный в своём роде шаг, отказавшись от цели, которая их привела сюда, — совершенствования конфуцианских знаний. Вместо этого они в первых рядах потребовали реформы. Один из них — тридцатисемилетний Кан Ювэй из Гуандуна из знатной семьи философов и чиновников — склонил многочисленных таких же соискателей к подписанию петиции с протестом по поводу Симонсекского договора и с призывом к радикальному реформированию китайского правительства. Так возник

мятеж грамотных масс молодых представителей элиты, от которых Цины не могли просто так отмахнуться, особенно когда в стихийном движении за реформы начали образовываться ячейки и дискуссионные клубы. Такой процесс происходил и в самой столице, и в провинции, поэтому правительство из страха перед последствиями не осмелилось на подавление его участников. Во многом ощущая себя реформатором в пределах конфуцианской традиции, Кан Ювэй оглядывался на границу, и прежде всего на Японию, в поиске примера того, как китайцы через нововведения и осмотнительное их внедрение смогли бы найти для своей страны достойное место в международной системе государств. «Анализ всех государств в мире, — написал Кан в 1898 году к годовщине трона, — должен показать, что государства, прошедшие через реформы, стали сильнее, зато отказавшиеся расстаться со своим прошлым государства — сгинули...

Причины наших нынешних бед заключаются в нашей преданности старым институциям и в незнании путей внедрения перемен. В эпоху состязания между государствами внедрение методов, подходящих для времён всеобщей унификации и свободной конкуренции, напоминает ношение мехов летом или пересечение реки в высокой карете... В результате можно только получить лихорадку или утопиться... Я умоляю Ваше величество обратиться к установкам Петра Великого России для формулирования наших целей и взять преобразования Мэйдзи в Японии в качестве эталона для наших реформ. Время и место реформирования Японии близки нам, а их религия и традиции похожи на наши. Японский успех у всех на виду, их примеру совсем не трудно следовать»¹².

Молодой император Гуанской, на протяжении длительно-го времени находившийся под пятой вдовствующей императрицы и вельмож её двора, послушал реформаторов и летом 1898 года поступил в соответствии с рекомендациями Кан Ювэя. В период активных перемен Кан Ювэй с благословения императора не только изменил структуру центрального правительства, но и сформировал новые государственные

структуры, в ведение которых отдал военных, развитие образования по западному образцу и совершенствование государственных финансов. Сам император провел продолжительную беседу с Ито Хиробуми, служившим премьер-министром Японии во время войны с Китаем. На какой-то короткий момент Китай вроде бы двигался в направлении коренных реформ типа Петровских в России или эпохи Мэйдзи в Японии. Гуансюй явно торопился. Выдержка из одного его указа выглядит так:

«Наши учёные в настоящее время лишены солидной и практической научной базы; наши ремесленники лишены научных консультантов; при сравнении с другими странами мы скоро увидим, насколько мы слабы. Неужели кто-нибудь думает, что наши войска так же тщательно вымуштрованы или организованы, как подразделения других армий? Или что мы способны победоносно им противостоять? Изменения надо вводить в соответствии с потребностями момента... Повторяя в уме правила нравственного поведения мудрецов и умных людей, мы должны положить их в основу, на которой можно возводить новые и более совершенные сооружения. Мы должны предоставить нашему старому режиму современное оружие и западную организацию; мы должны подбирать наших офицеров армии в соответствии с западными методами военной подготовки; мы должны сформировать начальную и среднюю школы, колледжи и университеты по образцу тех, что существуют в зарубежных странах; мы должны отменить „вэньчан“ (литературные этюды), овладеть знаниями древней и современной истории мира, адекватным пониманием нынешнего положения дел с особым акцентом на правительства и учреждения стран пяти великих континентов; и мы должны освоить их искусство и науку»¹³.

Только вот со своими предложениями по поводу конституции и Национального собрания Кан Ювэй зашёл слишком далеко, чтобы представители консерваторов с ними согласились. Осознав, что только она одна может предотвратить хаос в своей империи, Цыси в сентябре 1898 года осуще-

ствила дворцовый переворот и положила конец реформам ста дней. И на репрессии она совсем не поспешила. Изолировав императора Гуансюя на островке одного из озёр внутри Запретного города (кстати, неподалёку от того места, где держали под домашним арестом председателя КНР Лю Шаоци во время Великой культурной революции), вдовствующая императрица не только обратила вспять все реформы, но и к тому же приказала казнить целый ряд реформаторов. В том числе младшего брата Кан Ювэя. Для Цыси и приверженцев традиций речь в 1898 году шла о сохранении их личной власти и защите Китая от нападения изнутри, которое могло оказаться опаснее любых поползновений внешних врагов. Они так считали, что реформы для их империи вредны, если с внедрением этих реформ утрачивается конфуцианская душа. К всеобщему удивлению, в том числе самого Кан Ювэя, гнев вдовствующей императрицы его не коснулся, и ему удалось с помощью британских чиновников скрыться в Гонконге. Его главный подручный — Лян Цичао — бежал в Токио на борту японской канонерки. Соединившись в Японии, они создали организации, целью существования которых провозглашалось проведение коренных реформ на родине. Кан и Лян к тому же приступили к переводу на китайский язык большого количества европейских книг, уже имевшихся в переводе или кратком изложении на японском языке. За последующее десять лет к их делу присоединились прочие изгнанники и китайские студенты, прибывшие в Японию для приобретения знаний в учебных учреждениях, специально открытых для них японскими властями. В институте Кобун, числившемся самым крупным из них, в 1900 году расширенный западный курс освоили больше семи тысяч молодых китайцев. Среди них стоит назвать Лу Синя, которому суждено было стать выдающимся писателем КНР, и одного из основателей Коммунистической партии Китая (КПК) Чэнь Дусю. В 1905 году на территории Японии насчитывалось больше восьми тысяч китайских студентов, причём кое-кто из них обучался в лучших новых японских

университетах. В университете Хосэй их обучали по специальной программе курса администрации и права. Остальным преподавали курс науки, техники, сельского хозяйства или, как в случае с Чан Кайши, который позже будет семь лет воевать с Японией, военное дело и порядок проведения операций. Слова для обозначения понятий и термины в китайском и японском языках самым тесным образом переплетались в единое целое. Тысячи слов для обозначения основных понятий от «наука» (кэсюэ) и «право» (фалу) до «республика» (гунхэ) до «социализм» (шэхуэйчжу'и) пришли в китайский язык через японский (то есть язык, по большому счёту основу письменности которого составляют иероглифы, изначально позаимствованные в Китае).

В первом десятилетии нового столетия китайцы в Японии и других странах обсуждали два ключевых понятия — патриотизм и республиканизм. Незнакомые с западной концепцией нации, с трудом доходившей до их сознания, китайцы в своём подавляющем большинстве предпочитали верить в то, что они жили в империи, управляемой в соответствии с древними принципами и удерживаемой от распада общей культурой. Даже Кан Ювэй думал о китайцах совсем не как о нации. Он хотел внедрения конституции и системы представительства народа во власти, но при этом выступал за сохранение империи. Однако такому его толкованию противоречил японский пример. Разве не упор японцев на их уникальность как нации, не акцент на крепости кровного родства и наследия, объединявших их, помог превратить Японию в страну с рациональным и целеустремлённым населением? Разве не европейцы и их новые мыслители делают акцент на универсальном применении национальных государств в международных отношениях? Китайские философы помоложе, такие как Чжан Бинлинь, открыто выступали за свержение Цинов и провозглашение Китайского национального государства:

«Сегодня пять миллионов маньчжуров правят четырьмястами миллионами ханьцев только потому, что на основании

обветшалых традиций ханьцы представляются тупыми и неграмотными людьми. Если в один прекрасный день ханьский народ проснётся, тогда маньчжуры уже больше не смогут мирно существовать на нашей земле, как австрийцы в Венгрии или турки на территории бывшей Восточной Римской империи. В человеческой природе заложена любовь к своей собственной расе и поиск выгоды для себя»¹⁴.

В отличие от Японии, где правящую династию можно назвать объединяющим нацию фактором, в Китае утвердилась династия, в которой патриоты видели источник многих бед. Но если свергнуть Цинов, тогда кто должен прийти им на смену? Кое-кто из потомков последней китайской династии Мин всё ещё находился под рукой, но Мины, понятное дело, себя не оправдали, когда в XVII веке уступили власть маньчжурам.

Китайский республиканизм, тесно связанный с новым спором по поводу демократии и представительства, развиваясь в ссылке, прежде всего на территории Японии. Хотя одним из первых его поборников выступал Сунь Ятсен, с самого начала своего изгнания помотавшийся по многим странам. Как и многочисленные идеи, ставшие предметом жарких споров и разногласий на рубеже веков, китайское понимание демократии представляло собой сплав западных моделей с ранними китайскими размышлениями, в первую очередь о правах народа и составе двора. А кое-какие изначальные конкретные предложения по китайской республике поступили от японских интеллектуалов, которые советовали в Китае внедрить политическую систему, которую они хотели видеть в Японии, но не осмеливались сформулировать вслух её принципы. В 1905 году активисты нескольких китайских революционных кружков основали Союзную лигу — Тунмынхой. В своём манифесте, написанном одним из учеников Сунь Ятсена — Ху Наньминем, автор сделал акцент на варианте республиканизма своего учителя:

«То, что абсолютная монархия в настоящую эпоху — система несостоятельная, доказательства не требует. Поэтому

вполне естественно, что деятели, в XX столетии предлагающие новые формы правления, должны нацеливаться на искоренение элементов абсолютизма. Раньше в Китае случались одна революция за другой, но никаких позитивных результатов они не принесли, так как политическая система оставалась без изменения. Таким образом, Мины свергли монгольскую династию, но через три сотни лет китайская нация снова находится на спаде. Потому что, несмотря на свержение иностранного правления и установление китайского режима, автократическая форма правления оставалась нетронутой. К разочарованию народа. Мы можем свергнуть маньчжуров и учредить наше государство, так как [уже] достойное развитие получили китайские патриотизм и демократическое мышление»¹⁵.

Даже пусть эта небольшая группа революционеров подтвердила свою правоту в том, что Китай с точки зрения политики его власти вторгается в тёмный лес, они совершенно не понимали китайского патриотизма и демократии. Манифест Тунмынхоя с отзывами на него Герберта Спенсера и Джона Стюарта Милля (переданными через своих связных Накамуру Кейю и Фукудзаву Юкити) предназначался Китаю будущего, а не настоящего. Тезисы о нации и правлении, почерпнутые китайцами в Японии, сыграют ничтожную роль в ускорении предсмертной агонии Цинской империи, ведь сама эта империя, хотя и в истощённом виде, всё ещё располагала достойным арсеналом идеологического и настоящего оружия для своего предохранения.

Победа Японии в 1895 году в войне против Китая означала, что Китай больше не служит центром международных отношений в Восточной Азии. При этом, однако, совсем не факт, что им вместо Китая стала Япония. Как и опасались лидеры движения реформ эпохи Мэйдзи, руководство европейских держав и Соединённых Штатов Америки намеревалось предотвратить господство в регионе одной какой-то державы, в том числе державы азиатской. Точно так же, как европейцам было не дано осознать последствий поразитель-

ного подъема Японии, до японцев тоже не дошло, что все западные державы могут единым фронтом выступить против их страны. А поскольку европейцы уже взяли под свой контроль практически весь остальной мир, японцам требовалось укреплять своё превосходство в пределах своего региона. Так в 1896 году писал один из многочисленных японских либералов Токутоми Сохо, пользовавшийся большим авторитетом среди китайцев в Японии:

«Наша нация не должна допускать, чтобы страны Дальнего Востока становились жертвой великих держав Европы. Наша нация не должна мириться с погружением Восточной Азии в болото разброда. Перед нами стоит задача источать яркий свет цивилизации за пределами наших берегов и нести блага цивилизации нашим соседям. Перед нами стоит задача прокладывать путь отсталым странам до того пункта, от которого их народы смогут управлять ими самостоятельно. Перед нами стоит задача по поддержанию мира в Восточной Азии для этой цели. Как человек получает призвание, точно так же нации вручается её миссия»¹⁶.

Отсчёт лет XX века продолжался, а в Японии отменяли один за другим либеральные и конституционные принципы, которые с самого начала внушали азиатам, проживающим в Токио, желание им следовать. Китайцев, обожавших Японию, к тому же тревожили продолжающееся порабощение японцами Кореи и оккупация Тайваня. В начале века китайцев меньше всего беспокоила Япония, так как европейские державы всё настойчивее расширяли территории под своим контролем внутри их собственного Китая. Несмотря на войну и китайские потери, японцы после всего, что они натворили, покинули области, оккупированные внутри Китая. Что характерно, те же порты, через которые японцы покидали территорию Поднебесной, — Люйшунь (Порт-Артур) и Далянь на Ляодунском полуострове, Циндао и Вэйхайвэй на побережье провинции Шаньдун — перехватили те

же европейцы (первые два — русские и два остальных — немцы и британцы соответственно). Особую тревогу цинскому правительству доставляла политика экспансии России, так как русские, прокладывая железнодорожные ветки с поселениями вдоль них от иностранных опорных пунктов в Харбине и Шэньяне (Мукдене) в сторону морского побережья, явно нацеливались на контроль над всей Маньчжурией. Для цинского императорского клана речь при этом шла не просто о какой-то территории, а об обороне региона, считавшегося землёй их предков.

Хотя собственные притязания Санкт-Петербурга на влияние в Маньчжурии начались всего-то десять лет назад, русская экспансия точно так же злила японских вождей, как и Цинов. Но пока у Цинов отсутствовала (по большому счёту) сила для оказания сопротивления, Токио располагал одновременно и желанием, и средствами активного реагирования. В поисках противовеса русской мощи в Восточной Азии японские руководители подписали договор о заключении союза с европейским противником России — Британией и приступили к массивному наращиванию военной мощи. Поскольку японцы больше заботились о сохранении за собой Кореи, чем завоевании самой Маньчжурии, они предложили русским соглашение, положениями которого обе страны обязывались соблюдать неприкосновенность зон влияния друг друга. Правительство императора Николая II японских эмиссаров отправило восвояси. Император назвал их «обезьянами», а японскую армию «детской забавой». То есть он явно набивался на войну¹⁷. Нападение японцев произошло 8 февраля 1904 года, а декларация войны прибыла в Санкт-Петербург, когда японские ВМС нанесли серьёзный урон русскому дальневосточному флоту на внешнем рейде Порт-Артура. После высадки подкрепления в Корею японская армия двинулась на север в сторону Маньчжурии. Пока русские дожидались свежих войск из Европы, Токио фактически уже выиграл эту войну, установив превосходство на море и тесня русскую армию дальше в глубь суши. Взяв Порт-Артур, японцы в на-

чале 1905 года после решающего сражения изгнали русских из Шэньяна, а в мае в битве у острова Цусима разгромили русский Балтийский флот, только что завершивший переход морем на протяжении 18 тысяч миль. В Цусимском сражении русские потеряли восемь боевых кораблей и пять с лишним тысяч матросов. Японские потери составили 116 человек. Русский самодержец попросил мира.

Для Китая исход Русско-японской войны оценивался по двум направлениям. Продвижение России в глубь Китая остановилось, зато Японии — ускорилося. Кое-кто из советников при дворе (при достаточном количестве революционных оппонентов) считал, что такой результат можно назвать лучшим из двух зол: ведь выгнать японцев, как они думали, будет легче, чем русских. Однако такой исход войны следовало уравнивать удручающим фактом того, что крупная война, иногда на Западе несколько с преувеличением называемая «мировой войной — 0», велась на китайской территории совершенно без участия Китайского государства. Когда в Портсмуте штата Нью-Хэмпшир назначили заседание мирной конференции под эгидой администрации Теодора Рузвельта, китайскую делегацию даже не пригласили принять в ней участие. По условиям Портсмутского договора собственность России в Маньчжурии передавалась Японии вместе с южной оконечностью острова Сахалин. Суверенитет над китайской территорией оставался за Цинами, но последствия войны были очевидными: Япония превратилась в главную силу на севере и северо-востоке Поднебесной. Кстати, за Портсмутский договор Нобелевскую премию мира в 1906 году получил воинственный «берейтор» Рузвельт, считавшийся самым недостойным лауреатом такой премии, пока её в 1973 году не получил Генри Киссинджер.

О том, что должно случиться дальше, можно было судить по большому недовольству Портсмутским договором во всех трёх странах. В Японии ощущение того, что территориальные приобретения этой страны несоизмеримы с военной победой, стали причиной массовых беспорядков патриотов в Токио и

других городах, из-за которых правительству пришлось подать в отставку. В России поражение в войне стало поводом для революции 1905 года, после которой русский царь отказался от притязаний на безграничную власть. А в Китае очевидная беспомощность Цинов в защите национальной территории привела к общественному негодованию, заставившему режим согласиться на принятие конституции и избрание Национального собрания. Сразу после Первой мировой войны в Европе правительства стран региона увидели, что патриотизм может оказаться палкой о двух концах, способной ударить по ним, если она оказывается в руках тех, кто видел в революции панацею от всех бед их страны. В Китае Цины впервые увидели главную угрозу их правлению не в иностранных державах, а в их собственном народе.

Ключевой причиной протеста среди китайских патриотов была японская оккупация Тайваня. Цины добивались суверенитета над этим островом с конца XVII века, однако народ Тайваня так и не включили полностью в Китайскую империю до тех пор, пока в 1895 году остров не уступили Японии. Во многом Тайвань представлял собой типичную приграничную область, где местная и цинская юрисдикция не совпадали и где немногочисленные чиновники, командированные на этот остров, очень скоро осознали, что ради поддержания хоть какого-то мира и стабильности им выгоднее ладить с местными носителями власти и мириться с местными понятиями правосудия с порядком. В конце XIX века население Тайваня оценивалось в 2,5 миллиона человек и состояло в основном из китайцев, чьи предки переехали на остров с континента. Подавляющее большинство тайваньских китайцев обитало в городах вдоль западного побережья, а основную часть острова и гористое восточное побережье заселяли тайваньские коренные жители. После первой и бесславной японской высадки на остров в 1875 году китайские власти попытались подкрепить свою претензию на Тайвань с помощью прокладки шоссейных и железных дорог, строительства школ, а также развития торговли

и аграрного сектора. Когда в 1895 году этот остров уступили Японии, новые хозяева встретили сопротивление местной элиты, занявшейся созданием мятежной Республики Тайвань (первой китайской республики на территории империи и первой республики в Восточной Азии). При этом целью ставилось сохранение острова в качестве китайской территории через обращение к принципам народного суверенитета. Но, раздавленная японской мощью и сброшенная со счетов мировыми правительствами, эта республика через считанные месяцы прекратила своё существование.

Побыв первой азиатской республикой, Тайвань превратился в первую колонию Японии. Японские руководители прекрасно знали, что власти великих западных держав следят за каждым их шагом. Большой вопрос состоял в том, сможет ли правительство азиатского государства обустроить современную колонию и успешно её эксплуатировать. В Японии, так же как и в Соединённых Штатах Америки, получивших зависимые территории (в том числе Филиппины) примерно в то же самое время, мнения разделились. Кто-то выступал за полную ассимиляцию с переводом тайваньцев на японский язык общения, а также привитие им японской культуры и даже внедрение своей политики. Их оппоненты считали, что дело касается слишком значительных национальных расхождений, чтобы их соединить, а островом следует править отдельно от остальной Японии по его собственным законам и с сохранением политической системы. На начальном этапе колонизации победили поборники второго подхода. Колониальные чиновники видели в Тайване экзотическую и необустроенную территорию, которую населяют три основные группы. Это китайцы, которые должны вернуться на материковый Китай; китайцы, которым предстоит доказать лояльность Токио, и коренные жители, которых следует поселить в резервациях в тех же условиях, в какие американцы загнали индейцев.

Подавляющее большинство китайцев на Тайване очень скоро начали работать при новых порядках колониальной

системы. Для кого-то приход японцев означал новые деловые возможности или улучшение условий для ведения сельского хозяйства. Практически для всех новые программы обучения, общественного здравоохранения и местного управления обещали значительное повышение уровня жизни. Следовательно, значительное число тайваньцев одобряло новые меры по интеграции и ассимиляции, предложенные либеральным политическим руководством Японии после Первой мировой войны. Всё новые представители тайваньской элиты получали образование в японских университетах, начинали носить японскую одежду и использовать японское право для предохранения своих деловых владений (в том числе на китайской территории, где они могли пользоваться японскими правами экстерриториальности). С 1920-х годов стремительно растущая элита Тайваня всё чаще пользовалась двумя языками, как это можно наблюдать по развитию определённо тайваньской литературы, произведения которой написаны на китайском или японском языке. Такая литература способствовала формированию ощущения индивидуальности населения. Деловые возможности, а также социальная и политическая стабильность на острове тоже стали приманкой для народа с материка. В 1936 году, то есть за год до следующей китайско-японской войны, на Тайвань прибыло 60 тысяч китайцев для устройства на работу или для постоянного проживания¹⁸.

Когда в 1937 году между Китаем и Японией снова началась война, перед многими тайваньцами встала сложнейшая дилемма, пролеглая между двумя корнями их происхождения. В 1920-х и 1930-х годах на острове складывалось самостоятельное китайское руководство. Но оно разделилось на тех, кто выступал за широкую автономию Тайваня под господством Японии, и тех, кто мечтал о соединении с материком. Больше 200 тысяч тайваньцев записались добровольцами в японские вооружённые силы, а многие из их соотечественников роптали по поводу попыток Токио провести во время войны принудительную ассимиляцию. Тут среди прочего сто-

ит отметить практически ничем не прикрытые предложения по внедрению на Тайване синтоистской веры и требование к китайцам использовать японские имена¹⁹. Как в колониальном предприятии, на Тайване, как и в Гонконге, сложились условия для образования новых черт народа, но к тому же существовала опасность утраты этих черт с изменением сил, определяющих ход истории. Оставаясь всё теми же китайцами, тайваньцы превратились одновременно в приобретателей выгоды и жертв подъёма Японии.

Отношения с Японией представлялись критически важными на конечной стадии правления реформаторов Цинской империи, а также на протяжении периода неустойчивости и поиска новой политической системы, пришедшей на смену империи в 1912 году. Подъём японского влияния повлёк за собой отношение к политике Токио как образцу и источнику поддержки китайских лидеров всех политических оттенков. Поборники конституционной формы правления, входившие в окружение Кан Ювэя, выступали за то, чтобы народ Китая черпал политическое вдохновение у Японии императора Мэйдзи. Революционеры, группировавшиеся вокруг Сунь Ятсена, восхищались военной и экономической мощью Японии, а также мечтали о японских фондах для воплощения в жизнь своих замыслов. Представители организаций китайских раскольников-диссидентов разделяли такие взгляды (а также всевозможные, существовавшие в промежутке между ним) обычно открывали свои представительства в Токио, где пользовались множеством предоставляемых им там свобод и японскими подачками. Тем временем новая политика административной реформы, объявленная Цинами в 1901 году, была тоже построена с оглядкой на опыт практической деятельности японцев. Примерно в 1910 году можно было обнаружить, что приверженцы Цинов и их противники выдвигали друг против друга лозунги, позаимствованные у реформаторов Мэйдзи предыдущего

поколения. Когда противники Цинов кричали: «Реформу государству и почтение императору», его сторонники парировали: «Только заграница спасёт Китай».

Напуганные укреплением господства Запада в Восточной Азии, власти в Токио в 1910 году приняли решение присоединить Корею полностью к своей империи и назначить ей статус японской провинции. С учётом небывалого подъёма корейского патриотизма в тот момент такое решение представлялось совсем неподходящим с точки зрения сохранения приличных отношений между двумя народами. Даже корейцы, испытывавшие к Японии самые восторженные чувства, отказались сотрудничать с новыми властями. По крайней мере, так случилось в самом начале. Теперь внимание Токио быстро переместилось с Сеула на Пекин, где тот же самый хаос и развал, привлекая внимание иностранцев к Корее, теперь явно поглощал Китай. Чтобы не упустить своего, японцы вступили в Первую мировую войну в качестве британского союзника ради попытки отобрать немецкие владения на территории Китая. В ноябре 1914 года, когда немецкие войска капитулировали перед японскими ВМС, Токио достался стратегический плацдарм на Шаньдунском полуострове. Но всё равно правительство Японии боялось поражения от западных держав после завершения войны, как это уже случилось в 1895 и 1905 годах. Поэтому в январе 1915 года японцы выступили с набором требований, которыми предусматривалось обозначить Китай как территорию особого влияния Токио.

«Двадцать одно требование» Японии, как этот документ вошёл в историю, воспринимались как классический случай дипломатического просчёта. Министры китайского кабинета вносили пункт за пунктом, чтобы учесть мнение каждого из них, и получился текст, в соответствии с которым в случае одобрения Китай становился фактическим протекторатом Японии. Токио доставался не только полный контроль над Шаньдуном, но к тому же японцы укрепляли своё положение в Маньчжурии и распространяли свою власть на прибрежную провинцию Фуцзянь, расположенную напротив

захваченного японцами Тайваня. Подразделения китайской армии и полиции должны были перейти под японское начало. Китайцам к тому же предписывалось не предоставлять прочим державам новые концессии вдоль побережья своей страны и дать японцам разрешение на прокладку железных дорог в южных провинциях Китая. Представители союзных держав, в том числе старого сподвижника Японии в лице Британии, выступили с протестом, когда узнали содержание этих условий, так как в Токио попытались вести соответствующие переговоры втайне ото всех. В конечном счёте японцам пришлось с позором отступить, сохранив за собой очень немного сверх того, чем они уже владели. Даже того, что им удалось приобрести, пришлось добиваться у слабого китайского правительства через угрозу войной.

«Двадцать одно требование» считается водоразделом в китайско-японских отношениях. Для многих китайцев они служили символом агрессивности Японии, превратившейся в главную угрозу независимости Китая. Ведь японцы относились к их стране совершенно так же, как к Корее накануне аннексии. По всей стране прошли демонстрации протеста студентов в связи с японским гнѐтом, а японские товары перестали покупать из-за бойкота. В результате произошло одновременное ослабление правительства Юань Шикая и его оппозиции: Юаня — потому что он предложил сотрудничество с Японией, а в стане оппозиции просто произошёл губительный раскол. Сунь Ятсен выступил с не получившей популярности инициативой, попытавшись переиграть режим Юань Шикая в Пекине предложением позволить Токио наложить запрет на любое дипломатическое соглашение, заключѐнное Китаем, если он вернѐтся в кресло президента. Результатом стало широкое разочарование среди китайцев помоложе представителями правящей верхушки независимо от их политической ориентации, которые слишком заигрывали с Японией.

Важной причиной того, почему Пекину разрешили вступить в Первую мировую войну в качестве союзной державы

в августе 1917 года после отказа Соединённых Штатов от статуса нейтрального государства, было изменение отношения к Японии одновременно на Западе и в Китае. К тому времени большое число китайских тружеников привлекли к работе за союзников, сражающихся на фронтах в Европе. Тогда случилась самая массовая и сосредоточенная за все времена перевозка китайских рабочих на новый для них континент. Она должна была вызвать глубокие последствия с точки зрения распространения знаний о Европе даже в самые глухие уголки Китая. А многие участники такого перемещения китайцев вернулись на родину воодушевлёнными новыми мыслями и обогащёнными знаниями. Дипломатическое вознаграждение Китая за присоединение к войне на стороне победителя выглядело совсем нещедрым, однако ведь статьёй 156 Версальского договора 1919 года подтверждалось владение Японией бывшей принадлежавшей Германии территории в Китае. Такое решение вызвало в Китае массовые демонстрации протеста и обеспечило фон для возникновения «Движения четвёртого мая» (Усы-юньдун), активисты которого попытались внедрить новое национальное сознание, которому предназначалось содействие в перемене подхода Китая к миру в годы между войнами.

На протяжении веков маньчжурские правители Китая старались сохранить северо-восточную часть своей империи, где находится Маньчжурия, в качестве своего собственного заказчика и не пускали туда жить китайских переселенцев. Несмотря на суровые зимы, Маньчжурия считается очень красивой областью Китая. Её озёра, леса и огромные запасы полезных ископаемых издавна привлекали наиболее отважных китайцев, но внутри существовала как бы внутренняя граница, манившая обещаниями лучшей жизни на противоположной её стороне. Когда Цины в XIX веке оказались в осаде своих внешних и внутренних врагов, многие китайцы переехали в Маньчжурию и начали освоение её плодород-

ных угодий. Но не только китайцы мечтали о северо-восточных провинциях их империи. Сначала приехали русские, а потом и японцы, под тем предлогом, что эта территория никому не принадлежит и что поэтому они могут её заселять. В 1850-х годах Россия отвоевала у Китая восточное побережье Маньчжурии, которое стало русским тихоокеанским Приморьем, а столицу этого края русские называли Владивостоком (Покорителем Востока). После 1905 года японцам досталась южная часть Маньчжурии, а русским до сих пор принадлежит её север. Между двумя этими державами подписано несколько секретных соглашений по поводу демаркации границ зон влияния, как в Маньчжурии, так и в Монголии. Это была цинская территория, жители северной части которой в 1912 году провозгласили самостоятельность под покровительством России. Южная же часть подпадала под усиливающийся контроль Японии. Маньчжурия и соседние доминионы казались утраченными для Китая землями. После революции 1911—1912 годов судьба Маньчжурии стала объединяющей идеей для китайских патриотов и для лидеров, которые сами были выходцами из этого региона. Для многих китайцев поэтапное выдавливание интересов Китая из данной области было хуже иностранной оккупации, происходившей по всей стране. Европейские прибрежные концессии, как думали многие люди, можно было вернуть, и поэтому они считались явлением временным. Зато проникновение в северо-восточные провинции может оказаться процессом необратимым, потому что хозяйничавшие там народы приходились Китаю соседями. Они нацеливались на то, чтобы отнять Маньчжурию у Китая навсегда. По всей стране возвращение «китайской Маньчжурии» превратилось в боевой клич для тех, кто хотел сформулировать значение китайского патриотизма. Кое-кто из писателей утверждал, что проверка человека на принадлежность к китайскому народу состоит в выяснении его желания пролить свою кровь за возвращение северо-восточных земель и восстановление целостности территории Китая.

Когда в 1917 году большевики свергли русский царский режим и приступили к построению социалистического государства, они в одностороннем порядке провозгласили намерение вывести все русские войска с китайской территории и отменить неравноправные договоры с Китаем. Такие обещания, причём по большому счёту выполненные, вызвали в Китае самый положительный отклик, а многие молодые китайцы воспылали симпатией к советскому коммунизму. Ситуация в Маньчжурии после 1917 года, однако, становилась всё хуже. Вместе с западными державами на только что провозглашённое Советское государство напали и японцы, чтобы распространить своё военное влияние на весь регион вместе с Китаем. На протяжении 1920-х годов японцы в ненадёжном союзе с китайским местным милитаристом Чжан Цзолинем установили господство над всеми областями Маньчжурии.

На первом этапе японского контроля над тремя северо-восточными провинциями он представлялся прежде всего экономическим. Используя громадный аграрный потенциал региона (в том числе с выселением части китайских крестьян с их земли), японцы основали экспортно ориентированный сельскохозяйственный сектор, производящий переработанные и сырые сельскохозяйственные товары. Японскими компаниями были образованы мелкие, но всё более важные для хозяйства предприятия, выпускавшие текстильные и бытовые товары. К 1928 году 32% всего экспорта Китая поступало из Маньчжурии²⁰, и экономика всего этого региона всё сильнее привязывалась к Японии на внутреннем и внешнем рынке. В том году японцы приступили к обеспечению самоокупаемости официальных связей, соединяющих северо-восточные провинции и остальной Китай. Считая, что Чжан Цзолинь стал препятствием на пути этого процесса, местные офицеры императорской армии подложили фугас под железнодорожный вагон японского производства и взорвали своего бывшего союзника, тем самым показав всем, насколько далеко могут пойти японцы

ради ужесточения своей хватки на горле Маньчжурии. Чувствуя, что Токио чем дальше, тем больше терял контроль над действиями своей армии за рубежом, министры японского правительства стали опасаться подъёма китайского патриотизма и нового решительного режима Чан Кайши. К тому же возникли опасения по поводу последствий глобальной депрессии на Западе для Японии и целей развития этой страны. Реакция властей Японии состояла в максимальном напряжении сил для сохранения Маньчжурии в качестве своей исключительной сферы влияния, даже если ради этого придётся принять участие в войне за неё.

В Китае подросло новое поколение, и Япония из страны, представлявшей самый вдохновенный пример построения нового государства и общества, превратилась в главную угрозу существованию Китая. В 1920-х и 1930-х годах всё ещё встречались люди с обеих сторон, призывавшие к налаживанию отношений, отличающихся меньшей конфронтацией и более тесным сотрудничеством. Сунь Ятсен в одном из своих последних выступлений в 1924 году утверждал, будто Японию и Китай всё ещё связывали кровные узы и общие интересы:

«Какую проблему можно попытаться разрешить с помощью общеазиатской политики? Эта проблема состоит в том, как прекратить страдания азиатских народов и как остановить агрессию мощных европейских стран. Одним словом, общеазиатская политика представляет собой дело освобождения угнетённых азиатских народов. [Мы] призываем к отмщению за всё недостойное, совершённое в процессе переворота, направленного против нашей цивилизации по праву сильного, и ставим перед собой целью поиск цивилизации мира, равенства и освобождения всех рас. Сегодняшней Японии пришлось познакомиться с западной цивилизацией права сильного, но за ней ещё сохранились признаки восточной цивилизации права справедливости. Теперь остаётся узнать, останется ли Япония ястребом западной цивилизации права

силы или вернётся в цитадель Востока. Таким видится выбор, стоящий перед народом Японии»²¹.

Но поскольку императорская Япония пошла по пути сохранения своей роли как великой державы за счёт Китая, призывы к сотрудничеству стали стихать, а политика Токио всё больше поноситься их же соотечественниками. Движение китайских патриотов, сформировавшееся в годы между войнами, всё больше пропитывалось отношением к Японии как к смертельному врагу Китая, и такое отношение сохраняется у многих китайцев даже сегодня. Вместо новой Восточной Азии, в которой Китай и Япония выступали бы партнёрами, как многие мечтали в XIX столетии, этот регион в XX веке превратился в арену кошмарных конфликтов, конфликтов, которые к 1930-м годам казались нескончаемыми.

Такому грустному исходу можно назвать несколько наиболее весомых причин. Поскольку руководители обеих стран в конце XIX столетия отказались от своих систем верований и традиций, очень скоро пришлось убедиться в том, что у китайцев и японцев обнаруживается всё меньше общего. Конфуцианство народа Японии, возникшее в Китае, но развившееся вполне самостоятельно на протяжении 250 лет эпохи Токугава, утратило роль связи, так как старые понятия и представления подверглись мощному идейному гнёту. Прошли 1890-е годы, и китайское общество стало постоянным предупреждением многим японцам в виде того, что кое-кто нынче называет «несостоятельным государством», то есть неуправляемой территорией, с которой исходят беззаконие, недуги и террористические вылазки. То, что по расовому восприятию японцы и китайцы выглядят тесно связанными народами (по крайней мере с западной точки зрения), только усугубляет всё дело. Ведь японцам удалось всё то, что китайцам оказалось не под силу до такой степени, что китайское общество к 1920-м годам превратилось в своего рода антагонистическое японскому явление. Китай стоял грязным, зато Япония сияла чистотой и гигиеной. Китай оставался отсталым, а Япония подавала всем

пример прогресса. Китай был слабым, а Япония — сильной страной. Китай выглядел непредсказуемым, а Япония отличалась целеустремлённостью политики.

Японские и китайские патриоты в равной степени позаимствовали многие стержневые понятия из идей, завезённых с Запада. Но даже после этого они очень отличались по своему характеру. В Японии сложился некий национальный патриотизм, кое в чём похожий на новый патриотизм, обнаруженный в Германии и Италии, а также ряде стран Восточной Европы. Для определения всех японцев в качестве одной этнической группы в их государстве была принята своя религия (синтоизм), внедрена единая образовательная система и создана армия, проповедовавшая новый наказ. Он звучал так: все японцы едины, связаны вместе родословной и территорией (то, что немцы называли *Blut und Boden*) для проживания в общем национальном государстве. В Китае такой национальный патриотизм было сложно даже представить. В Китае перемешалось всё, что можно, а не только группа людей, связанных вместе своего рода наследием предков. Китай представлял собой особую культуру, а также империю. И потребовался продолжительный период времени (на самом деле до наших дней), чтобы китайцы в полной мере ощутили себя одним народом, основными признаками которого считаются место проживания и особенности его внешности. Тем не менее того китайского патриотизма начала XX века, ориентированного на государство, вполне хватало, чтобы остальные народы это почувствовали, и особенно японцы, чьё вторжение на территорию Китая объяснялось отсутствием достойного Китайского государства.

Для японцев отношения с китайцами во многом определялись страхом перед европейским господством. В начале XX века мощь Японии достигла такого уровня, что кое-кто из представителей японской элиты поверил, будто выживание их страны зависит от создания своей собственной империи наподобие ведущих западных государств и сохранения открытости внешнему миру. Для носителей такого образа

японского мышления, переросшего в милитаризм 1930-х годов, Китай представлялся объектом покорения и подчинения. Но встречались к тому же японцы, свято верившие в восточноазиатское сотрудничество как барьер на пути Запада и кто полагал, что Япония способна помочь Китаю себя защитить и построить новое государство в тесной кооперации со своим восточным соседом. По мнению представителей обеих групп, Япония должна была заниматься Китаем: покоряя его, либо в качестве примера Японии предстояло предотвратить превращение Поднебесной в западный доминион, враждебный Японии.

В Китае ощущение затянувшегося состояния слабости, возникшего среди части представителей элиты в начале XX века, накладывалось на отношения с Японией. Теперь кое-кто из китайцев воспринимал Японию как главную причину проблем их страны. Китай ослаб потому, что Япония усилилась. Токио не только пользовался бедственным положением Китая, но и подавлял его и продлевал такое его состояние. Выходя за рамки традиционных стереотипов, некоторые китайцы начали подозревать, что, только разрушив Китай, Япония могла занять его место господствующей державы в Восточной Азии. Попытки, предпринимаемые японцами по созданию империи вместо Китая, выглядели настолько порочными на фоне естественного порядка вещей, что воспринимались в качестве наиболее сложных проблем, стоящих перед Китаем. Даже если всё бывало наоборот или существовало где-то ещё, в регионе не оставалось места для двух держав одновременно. Такое отношение к Японии оставалось в душе кое-кого из китайцев даже после зрелищного краха их противника во Второй мировой войне.

Глава 4

РЕСПУБЛИКА

В начале XX века Китай пережил серию политических катаклизмов, которые должны были определить всю его внешнюю политику наперёд. В 1900 году большая группа простых китайцев организовала массовые протесты по поводу иностранного присутствия, которые вылились в мятеж ихэтуаней, известный на Западе как Боксёрское восстание (но которое следовало бы назвать Боксёрской революцией). В 1911 году представители провинциальных правящих кругов по всей стране восстали против Цинов, а из-за бунта военных матери последнего китайского императора, четырёхлетнего Пуи, пришлось объявить о его отречении от престола. Императорским декретом Китай провозглашался республикой, хотя совсем немногие люди знали, что значит слово «республика» (новое китайское слово для обозначения данного понятия — «миньго» — переводится как «народная страна» или «народ и страна»). Неужели новым порядком предусматривались выборы и представительное правление? Или им предусматривалось предоставление бразд правления самым квалифицированным специалистам? А созрел ли Китай для республиканизма, или возобладают старые эталоны покровительства и поклонения? Неужели республика тогда в Китае означала, что каждый за себя, предусматривала роспуск центральной власти, отказ от конфуцианства и, наконец, раскол самой страны? И смогут ли новые власти скроить новую страну, в которой сохранится её китайский стержень и которая встанет в один ряд с остальными странами мира?

С 1900 года и до конца 1920-х годов в Китае сменилось множество разных форм правления, заморских интервентов и провинциальных центров власти. Цинскую империю сменило несколько слабых центральных правительств, которые постепенно утрачивали всю полноту власти практически по всем направлениям за пределами Северного Китая, и сохраняли её только вокруг столицы — Пекина. Заморские державы, и особенно Япония, приобретали ещё больше власти на территории Китая, чем во время правления Цинов (хотя при возникшем политическом хаосе Китай не представлял такого интереса для зарубежных инвесторов, какой мог бы возникнуть у них при других, более благоприятных обстоятельствах). Ключевыми политическими фигурами стали местные правители, в том числе представители национальных меньшинств, которым зачастую фактически принадлежал контроль над политикой и торговлей на территории их областей. То было время грандиозных перемен, как в обычной жизни народа, так и в восприятии китайцами самих себя и своей страны.

Для понимания внешней политики Китая в такой бурный период требуется осознание двух фактов действительности. На протяжении всего этого периода и вразрез со всеми встающими задачами и во внутренней, и во внешней политике в Китае как государстве центристских сил сохранилось достаточно, чтобы не разрушить внешний вид центральной власти, обладающей мандатом на поддержание международных отношений. Это имело значение, так как остальным странам было гораздо легче отобрать у Китая внешние провинции, если бы правительства такого рода не претендовали на своё право представлять всю страну. Замечательный факт, что нынешние границы Китая практически не отличаются от границ Цинской империи в годы её затухания, служит доказательством непреложного значения идеи единого государства, даже когда Китайская республика совсем ослабевала. К тому же представляется важным понять, что заморские великие державы выступали за полное расчленение Китая. Даже

японцы, приближавшиеся к обретению полной власти над Маньчжурией, выступали против создания на территории южнее Великой Китайской стены зон иностранной оккупации, потому что в Токио (вполне разумно) боялись такого раздела китайской территории. Ведь западные государства всегда будут пользоваться привилегией перед Японией. А западные державы, в том числе русских и советских правителей, энергично использовали местных властителей, представителей фракций или политических партий в своих целях. Следя друг за другом, чтобы не упустить благоприятный момент, они в совершенстве освоили работу через китайских чиновников, готовых заключить с ними наиболее выгодные сделки, и поэтому предпочитали существование слабого центрального правительства его полному упразднению. Западные предприниматели понимали, что некоторое отсутствие единства в Китае служит благом для дела, а полное расчленение страны чревато внутренней и внешней борьбой за власть, ничего полезного, кроме вреда, торговле с Китаем не обещающей.

Второй основной факт действительности в начале XX века состоял в усилении китайских возможностей во всех сферах общественного строя. После поражений и унижений в схватках с Западом на протяжении созревания практически двух поколений китайцы взялись за дело, как они часто этим занимались. То есть занимались приспособлением китайских средств к иностранным концепциям, внедрением иностранной техники (и использованием её китайскими методами), образованием через учёбу у иностранцев, а также изобретением новых форм власти и осознанием самих себя. К 1937 году в экономике Китая развился сектор западного типа, открытый для остального мира. Промышленность, горная добыча, транспорт, связь, финансы и банковское обслуживание приобретали всё больше международных черт в сфере технологии, управления и форм собственности. Несмотря на то что этот сектор составлял весьма небольшую часть (по некоторым оценкам, процентов десять) китайской

экономики, в которой господствующая роль по-прежнему принадлежала сельскому хозяйству, его зримые проявления становились всё заметнее. Арсеналы и верфи, фабрики и железные дороги служили доказательством появления чего-то нового и чуждого Китаю. Новые товары, манеры поведения и методы работы распространялись по всей стране, в том числе на области, находящиеся весьма далеко от мест, где внедрялась в жизнь китайская современность¹.

В начале XX века подавляющее большинство китайцев осознавало, что мир, в котором они жили, меняется, но им, понятное дело, виделась неодинаковая перспектива от этих перемен. Кое для кого из них — например, многих чиновников и интеллектуалов — такие перемены представлялись простой катастрофой; их мир, отличавшийся прекрасной организацией и правильностью, с Цинской империей и китайскими традициями в его сердцевине, опрокинулся. Для остальных китайцев новый мир открывал новые возможности, новые пути для организации своей жизни, шансы для путешествий или познания того, чего для них раньше не существовало. Но для подавляющего большинства китайцев, неграмотных и привязанных к земле своим происхождением или договорными обязательствами, изменения никак от них не зависели, зато определялись установившейся в их деревне властью, происхождением народа, путешествовавшего через места их проживания, или военных, требовавших от них пропитания. Мир менялся, и это был мир, изменения которого служили расколу народа, подчас по его воле, а иногда против этой воли.

В октябре 1898 года небольшая группа крестьян образовала движение, открывшее новый насильственный этап противостояния между Китаем и Западом. Участники этого движения черпали вдохновение в боевых искусствах и тайных обществах, давно существовавших в их области восточнее Шаньдуна. Эти люди называли себя ихэтуанями или бойцами

Дружины справедливости и мира. А иностранцы называли их боксёрами (по названию одного из направлений этого восстания «Кулак во имя справедливости и согласия»). Эта группа на протяжении долгого времени вела борьбу за право на местный храм, ставший яблоком раздора между христианами и приверженцами других верований общины. Для боксёров беды их области, а именно вторжения иностранцев, обращение в христианскую веру, паводки и засухи, происходили из одного источника — готовности китайцев терпеть поражение от иностранцев, и особенно уступать проповедникам чуждой им религии без сопротивления. Ихэтуани мечтали об очищении Китая от несправедливости, навязываемой им иностранцами, и собирались освободить свой край и всю страну от унижения Западом кровью и огнём.

Внешне боксёры выглядели одинаково странно и в глазах китайцев, и для иностранцев. С их красными повязками на голове и кожаных сапогах, их верой в колдовство, их заклинаниями, криками и песнопениями они выделялись даже в беспокойном обществе, где секты и тайные организации возникали буквально повсюду. Возьмём для примера безумных монахов в Сычуани, сестёр Иисуса в Гуандуне, потомков династии Мин в Фуцзяни и буддистов в Шаньси, веривших в нирвану на земле, ниспосылаемую человеку благодаря повторению мантр и постоянному курению опиума. У Цинов не хватало рук, чтобы ловить и казнить тех, кто в смущении народа или притязании на власть заходил слишком далеко. Но к боксёрам отношение было иным. При всех их чудных и подчас зверских поступках внешне они вроде бы самым непосредственным образом отражали недуги китайского общества и предлагали шанс молодым китайцам из простонародья проявить на деле свой патриотизм и свою храбрость. Немцы в Шаньдуне приживались во всё большем количестве, и они одновременно с помощью своих миссионеров проявляли большую жестокость по отношению к коренному народу. При таком раскладе Цыси и представители цинских консерваторов не торопились призывать ихэтуаней к порядку, ведь как

раз в отношении государства они проявляли абсолютную преданность.

Участники боксёрского движения нападали на иностранцев, европеизированных китайцев и особенно на китайских христиан. Тем самым они внесли глубокий раскол в общество и развязали войну, убившую последние остатки международного уважения к цинскому режиму. Во многих районах Китая, прежде всего на его севере, сообщения об ихэтуанях подпитывали текущие конфликты между китайцами, связанными с внешним миром, и теми, кто сопротивлялся развитию таких связей. Результатом стали яростные столкновения. Авторы западных литературных памятников сосредотачивают внимание на убийстве европейских миссионеров и китайских христиан. Но за три года Боксёрского восстания только около четверти из 120 тысяч всех убитых приходится на христиан, а на иностранцев — 250 жертв. Остальные убитые иностранными войсками или китайскими солдатами, примкнувшими к ним, были китайцами, не принявшими христианства. Точка зрения обычно определяется выбранным ракурсом для обозрения события. Так, когда в 2000 году в Ватикане причислили к лику святых 116 католиков, погибших от рук ихэтуаней, чиновники китайского министерства иностранных дел называли тех же самых людей «злонамеренными грешниками, насильовавшими, грабившими и служившими агентами западного империализма»². Кое-кто в погибших в Китае христианах видит святых праведников, другие люди считают их грешниками, тогда, как и сейчас, выступавшими против естественного порядка вещей³.

Первые группы ихэтуаней начали проникать в Пекин весной 1900 года. В цинском государстве уже тогда по поводу боксёрского вопроса появились признаки точно такого же раскола, как и тот, что возник два года назад в связи с задачами реформы. В некоторых областях чиновники и военное командование преследовали банды ихэтуаней или, по крайней мере, пытались поддерживать мир между христианами и их противниками, а также помогали иностранцам

переезжать в безопасные места. Зато в других районах командиры военных формирований и чиновники присоединялись к ихэтуаням либо потому, что им приходился по душе призыв к борьбе с христианством на своей земле, либо из страха за последствия для них, если они выступят противниками народного движения. К началу июня цинские солдаты и бойцы народного ополчения в Пекине приняли участие в нападениях на церкви, школы и больницы западного образца, а также дома иностранных граждан. При дворе вдовствующая императрица Цыси всё больше проникалась симпатией к доморощенным боксёрам, хотя до поры до времени публично не одобряла их движение. Продолжалось это, пока корабли европейских ВМС не обстреляли китайские форты, а их морская пехота не предприняла попытку высадки в Тяньцзине, где колония иностранцев тоже страдала от набегов ихэтуаней. 21 июня Цыси от имени бесправного императора Гуансюя издала указ: «Нам на помощь пришли наши предки, и Бог ответил на наше обращение, ведь никогда ещё не отмечалось такого всеобщего проявления преданности трону и патриотизма народа. Со слезами на глазах мы объявили войну за наши родовые святыни»⁴.

Объявив войну, двор приказал всем своим войскам объединиться с народным ополчением и вооружёнными бандами, включая ихэтуаней, и выступить на защиту своей империи. Многие воинские командиры и местные правители этому приказу не подчинились. На юге страны практически все они пообещали предоставить защиту живущим там иностранцам, если иностранные войска со своей стороны откажутся от нападения. Прочие давние цинские советники, ненавидевшие ихэтуаней, отошли от государственных дел. Практически вся опора армии на севере на самом деле выполняла приказы, однако и к концу июня дипломатическое сообщество и прочие иностранцы в Пекине оказались в осаде в своём посольском квартале, расположенном в центре этого города. Кафедральный собор Непорочного Зачатия сгорел дотла 13 июля с многочисленными жертвами; три с

лишним тысячи человек в Северном кафедральном соборе больше двух месяцев отражали единичные нападения. Посол Германии, высокомерный и отчаянный прусский офицер барон Клемент фон Кеттелер отправился в Цзунли-ямынь, где он собирался выразить официальный протест, но его застрелили насмерть на улице прямо в паланкине.

В самые первые дни августа 1900 года на улицах Пекина шли бои. Соседние строения вокруг посольского квартала сгорели до основания, даже огромная императорская библиотека академии Ханьлинь. Иностранные войска численностью 18 тысяч человек шли из Тяньцзиня на китайскую столицу, по мере продвижения ведя бои с императорскими частями и отрядами ихэтуаней. Европейцы жгли города с деревнями и погубили десятки тысяч человек гражданского населения. Для многих вновь прибывших иностранных солдат и офицеров любой китаец, даже женщины и дети, казался переодетым ихэтуанем, а слухи о зверствах, с каким уничижались европейские миссионеры и их родственники, подогревали в них жажду крови. В глазах иностранных лидеров Китай выглядел первым в истории «недееспособным государством». И западная интервенция в 1900 году представлялась первым выступлением «коалиции доброй воли», означавшей в данном случае альянс основных западных стран и Японии, против китайского «варварства» и нежелания Цинского государства признать «цивилизованные» нормы правления и общественного поведения.

Союзные войска вошли в Пекин 14 августа полными триумфаторами. Цыси со своим двором бежала в Сиань, и вся ярость агрессора досталась обычным жителям Пекина. Русские и французские солдаты взялись вырезать китайских мирных граждан. В соседнем с Пекином городе пятьсот девушек и молодых женщин решились на самоубийство после изнасилования иностранными солдатами или из страха перед такой участью для себя. «Существуют вещи, о которых нельзя писать и которые нельзя публиковать в Англии, потому что тогда наша западная цивилизация покажется про-

сто вывеской для прикрытия дикости», — отмечал британский журналист Джордж Линч, ставший свидетелем действий европейских оккупантов. Китайскую столицу, в том числе императорские дворцы, они просто подчистую разграбили. Отданные приказы командования иностранных войск и поведение их солдат вызвали скандал во многих странах, принявших участие в совместной операции возмездия на территории Китая. Автор заметки в крупнейшей японской газете сетовал на то, что армия его страны «якобы предназначена стать армией для предохранения человечества и справедливости через рассуждения о цивилизации. Наши соотечественники особенно гордились такой честью после войны 1894—1895 годов... Нынешний грабёж... сводится к самому глубокому бесчестью наших военных, самому постыдному национальному позору Японии»⁵.

Вразрез с всеобщей критикой поведения европейских военных в Китае практически все сторонние наблюдатели (и достаточная часть китайского городского населения) винили за ужасы лета 1900 года тех же ихэтуаней и вельмож цинского двора. Ещё больше, чем какое-либо предыдущее событие, восстание ихэтуаней послужило выводу Китая из западной международной системы отношений. Китай превратился для Запада в государство-изгой, центр зла 1900 года, руководство которого посмело оказать сопротивление повсеместному колониальному господству европейцев от Судана до Афганистана и Кореи. Вдовствующая императрица, отчаянно цеплявшаяся за власть, призвала постаревшего Ли Хунчжана на последний поклон, чтобы договориться с ним о спасении Цинского государства и её собственном возвращении в Пекин. В Китае вводился иноземный диктат через так называемый «Боксёрский протокол», подписанный в сентябре 1901 года. Фактически Срединное государство превращалось в протекторат союзных держав, вмешавшихся в его внутренние дела. Вводился строгий запрет на ввоз вооружений, а авторитетнейших членов правительства, сочувствовавших боксёрам, отправили в ссылку или казнили. Китайские фор-

ты на подступах к Пекину сровняли с землёй, а на дорогах между китайской столицей и морским побережьем выставили гарнизоны иностранных войск. Весь государственный доход Китая направлялся на выплату громадной контрибуции союзным державам, причитавшейся в рассрочку на четыре года и в суммарном виде почти в четыре раза превышавшей годовой доход Китайского государства за 1900 год. Цинов сделали заложниками политических и экономических интересов Запада с Японией⁶.

Кроме Японии основными новичками в такой схеме эксплуатации Китая стали Соединённые Штаты Америки и Германия. Вынужденные существовать в пределах выстроенной в основном англичанами системы, Вашингтон и Берлин тем не менее избрали два собственных направления для проведения своей политики, направления, имевшие последствия для Китая ещё долгое время в XX веке. С 1980-х годов в Соединённых Штатах существовали устойчивые подозрения в том, что из-за имперских амбиций остальных держав американским деловым людям со своими интересами на китайский рынок не пробиться. Автор статьи в газете «Филадельфия-пресс» заявил, что «будущее нельзя ставить под угрозу... На территории Китая проживает четвертая часть рода человеческого. Свободный доступ к нему со стороны наших торговцев и промышленников представляется жизненно необходимым для нашего светлого будущего». В замечаниях по поводу так называемой «политики открытых дверей», адресованных великим державам в 1899 году, тогдашний госсекретарь США Джон Хей предупреждал «разнообразные державы, требующие для себя особые „сферы интереса“, что они должны пользоваться абсолютным равенством в обращении со своими купцами и мореходами в пределах таких „сфер”»⁷. Руководство Соединённых Штатов стремилось закрепить доступ американских товаров и капитала на китайские рынки даже притом, что не проявляло стремления к огораживанию своих

собственных районов правления и господства. Немцы, объединённые в 1871 году в мощное имперское государство, избрали более традиционный путь получения от Китая территориальных уступок, но при этом они преследовали конкретные цели модернизации на немецкий лад, а также требовали торговых привилегий. После июньского убийства двух немецких миссионеров на территории провинции Шаньдун ВМС Германии в 1897 году взяли под свой контроль порт Циндао, а к началу XX столетия немцы навязали свою власть населению практически всего Шаньдунского полуострова и ставили перед собой целью превращение его в образцовую колонию под управлением из Берлина.

После испано-американской войны 1898 года началось формирование собственной заморской империи США, тогда включавшей Кубу и Филиппины. Однако американцы воздерживались от попыток насаждения зон своего влияния в Китае. Свою роль при этом играла идеология, ведь подавляющее большинство американцев питали большое отвращение к колониализму (и запутанным отношениям с людьми других рас, которыми пришлось бы заниматься). К тому же существовало опасение своей слабости, так как Соединённые Штаты проигрывали Британии и остальным империалистическим державам, уже укрепившимся на территории Китая, в силе. Гораздо выгоднее в таком случае для американцев было выступать поборниками высоких принципов свободной торговли в качестве краеугольного камня своей политики. В примечаниях к «политике открытых дверей» содержалось требование права на свободную торговлю для всех стран в пределах сферы влияния и даже в пределах концессий, предоставленных иноземным державам в Китае. Правительством США к тому же было выдвинуто требование к великим державам обеспечить китайскую «территориальную и административно-хозяйственную целостность». Но даже если представители остальных держав с радостью признавали правильность позиции США на словах, принципы открытых дверей на их политике в Китае практически не

отразились. Госсекретарь Джон Хей дал президенту Уильяму Мак-Кинли следующие разъяснения: «Изначальная слабость нашей позиции заключается в следующем: мы не хотим заниматься ограблением Китая лично, и состояние общественного мнения у нас не позволит нам вмешиваться силой оружия ради предотвращения ограбления этой страны другими. К тому же никакой армией мы не располагаем. Рассуждение журналистов о „нашей известной всем принципиальной позиции, дающей нам право диктовать миру свою волю“, представляет собой откровенную ерунду»⁸.

Интерес в США к китайскому рынку поугас, но совсем не исчезал никогда. Положения политики открытых дверей, оставшиеся нетронутыми на протяжении войн и революций в начале XX века, касались решимости американцев любыми путями остаться в Китае, как бы их ни пытались оттуда выставить представители остальных держав. По мере укрепления Японии такого рода настрой требовал повышения градуса противоречий между ней и США. Методами дипломатии их конфликт предотвратить не получалось. Несмотря на меморандумы о взаимопонимании, подписанные между Японией и США в 1917 году (договор Лансинга—Исии) и во время Вашингтонской военно-морской конференции 1921—1922 годов (Договор девяти держав), концепция открытых дверей оставалась скорее мировоззрением, чем фактом реальной жизни. Настойчивость американцев по поводу права на торговлю и коммерческую деятельность в Маньчжурии, например, и их готовность оказать поддержку гоминьдановскому правительству в Китае после 1928 года заставили Токио смотреть на Вашингтон как на главного врага с точки зрения положения Японии на Азиатском континенте.

Для американцев с их повышенным интересом к внешнему миру Китай к тому же превратился в самый желанный объект для проведения реформ и модернизации. Мощное движение за реформы дома надёжно прижилось в 1890-х годах. Миссионеры, медицинские работники, экономисты, инженеры и предприниматели отправились в Китай с бага-

жом знаний, почерпнутых из опыта американского эксперимента. После провозглашения Китая в 1912 году республикой американцы поверили в то, что республиканское наследие США для китайцев должно было иметь особое значение. Только вот первые контуры по улучшению жизни должны обозначиться в самом Китае. Некоторую часть американской доли от боксёрской контрибуции перечислили на обучение китайских студентов в Соединённых Штатах. Ещё часть потратили на учреждение американского колледжа в Пекине, который позже преобразовали в университет Цинхуа (выпускниками Цинхуа числится несколько видных деятелей китайских коммунистов, и в их числе председатель КНР Ху Цзиньтао). Точно так же пышным цветом распустились прочие образовательные предприятия, главным образом открываемые миссионерами. Яньцзиньский университет в Пекине возглавлял Джон Лейтон Стюарт, которого позже назначили послом США в Китае. Для Яньцзиньского университета приобрели бывшие императорские сады между старым и новым летним дворцом и на этой территории основали современный по тем временам колледж, который теперь находится в составе главного учебного заведения страны — Пекинского университета. Американские миссионеры и просветители к тому же помогли в основании Нанкинского университета, университета Святого Иоанна в Шанхае и университета Линнань в Гуанчжоу⁹.

У многих китайцев с Соединёнными Штатами Америки сложились отношения любви-ненависти. Привлекательными для китайцев были американские идеалы и помощь, а отвращение вызывал американский расизм и порождаемые им запреты на иммиграцию. Простые китайцы не могли взять в толк, почему европейские колониалисты, взявшие под своё правление целые континенты, даже не пускают китайских иммигрантов на такие территории. В 1905 году китайцы в своей стране и за её пределами объявили бойкот американским товарам, чтобы повлиять на политику США и заставить цинские власти последовательно добиваться раз-

решения на въезд китайских иммигрантов в Соединённые Штаты. Тот бойкот никак не повлиял ни на подход в Вашингтоне к этому делу, ни на желание в Пекине смириться со сложившимся положением вещей. Зато многих людей насторожили американский расизм и цинское бессилие. Они поняли, что «открытые двери» открыты только в одну сторону. Китай стал открытым для американского капитала, зато Соединённые Штаты оставались закрытыми для китайского народа. Осознание такой несправедливости привело к разочарованию Америкой, и это разочарование будет ещё аукаться многим грядущим поколениям.

Немцы, как и американцы, опоздавшие с установлением своего влияния в Китае, попытались повторить то, что уже делали англичане и французы. Немецкое предприятие в Шаньдуне, однако, отличалось от английского и французского по нескольким важным направлениям. В нём упор делался на совершенствование и придание Китаю современного вида. В этом плане оно несло гораздо больше сходных черт с американским идеализмом. Для немцев проникновение миссионеров и имперская экспансия шли рука об руку. Правительство в Берлине несколько лет присматривалось к порту Циндао как своей военно-морской базе, а расположение немецких христианских миссий, чьё существование в Шаньдуне спровоцировало боксёрское движение, планировалось с оглядкой на имперскую экспансию. Немецкие колонии тоже должны были послужить образцом колоний, более совершенных во всех отношениях по сравнению с тем, что создавали остальные европейские державы. Немецкий губернатор в Шаньдуне докладывал в Берлин в 1905 году о том, что «задачи, которые мы, немцы, решаем в данной колонии, стоящие в наиболее важной сфере культурной жизни современных народов, просвещения... [должны] в значительной степени влиять на душу и характер местного населения, а также служить инструментом внедрения на территории всей провинции... немецких знаний и немецкого духа»¹⁰. С самого начала и до перехода в руки японских союзников Британии в

1914 году концессия в Циндао и в акватории прилегающей бухты Цзяочжоу находилась в ведении командования немецкого военного флота. Оно решало задачи по отстаиванию интересов Берлина в Восточной Азии и цементированию власти Германии над этой областью через крупномасштабные проекты предприятий, строительство образовательных учреждений, налаживание медицинского обслуживания населения и миссионерские поселения. Как и в подавляющем большинстве колоний, немецкие предприятия в Шаньдуне одновременно привлекали местное население и отталкивали его. Высокая отдача и крепкая организованность деятельности немцев производили на китайскую правящую верхушку самое благоприятное впечатление, но её представители желали овладеть этими достоинствами и тем, что немцы достигли с их помощью в уступленной им провинции, для Китая. Первый президент Китайской республики Сунь Ятсен в 1912 году посетил китайских студентов немецких учебных заведений и призвал их учиться у народа Германии:

«Студентам следует брать Германию в качестве эталона для нового Китая... Китайцы при всей своей культуре, уходящей на несколько тысячелетий в глубь истории, не смогли достичь ничего такого, что можно сравнить с сотворённым [здесь] немцами за предоставленные им двенадцать лет. Улицы, строения, порты, санитарная профилактика — всё служит свидетельством усердия и честолюбия. Всё, что наши учащиеся видят здесь, должно вызывать у них желание сотворить нечто подобное, и своей целью они должны поставить распространение такой модели на весь Китай, достижение точно такой же степени совершенства на территории своей Родины»¹¹.

Притом что владения на территории Китая у Германии отобрали после Первой мировой войны, интерес к этой стране как потенциальному союзнику у китайских республиканцев сохранился вплоть до развязывания следующей мировой войны. Немецкие советники, среди которых числился один из вождей провалившейся в Германии попытки переворота пра-

вого толка 1920 года Макс Бауэр, помогали привести в порядок финансы и армию снова набиравшего силу движения Го-миньдана, в конце 1920-х годов обещавшего взять под свой контроль свою страну. В 1930-х годах при Чан Кайши немецкие советники продвинулись в первые ряды тех, кто поддерживал новое руководство. Бывший генерал прусской армии Ганс фон Сект занимался программой подготовки офицерского состава для китайских вооружённых сил. Во всех военных академиях и подавляющем большинстве воинских частей служили прикомандированные к ним немецкие офицеры. Из Германии поступали специалисты и займы для строительства в Китае железной дороги, стремительно расширялась немецко-китайская торговля, и Германия превратилась в крупнейшего государственного кредитора Поднебесной. Когда последний из немецких военных советников Александр фон Фалькенхаузен в 1938 году покинул Китай после поражения Германии от Японии, Чан Кайши по-прежнему считал Пруссию классическим образцом для своей страны будущего¹².

В начале XX века перед Китаем стоял выбор не только союзников, но и формы государственного правления. Переход к республике западного образца вызвал большие сомнения. На протяжении первого десятилетия нового столетия Цины всеми силами отстаивали свою империю от покушения на её существование со стороны многочисленных внешних и внутренних врагов, и многие наблюдатели рассчитывали на их успех в этом деле, ведь раньше им это так часто удавалось. Автор заметки в лондонской газете «Таймс» в 1900 году отметил, что «самое большое удивление вызывает то почтительное смирение, с которым представители заморских держав выражают презрение в адрес... китайского внешнеполитического ведомства. Всё выглядит так, будто возвратились старые времена исключительности британского трона, отвергающие любой намёк на равноправие во время аудиенции, предоставленной иностранным представите-

лям...»¹³ Сами Цины прекрасно осознавали, что иностранцы находятся от них в зависимости с точки зрения достижения ими чего-то стоящего в Китае, и надеялись обратить такую зависимость на пользу своей династии. И они к тому же хотели показать своему народу, будто их правительство обладает волей для удержания подданных в полном подчинении, способно провести необходимые реформы и потребовать уважения со стороны остальных держав. Всё это должно было создавать видимость процесса модернизации монархии. К 1910 году и иностранцы, и революционеры одновременно забеспокоились о том, что Цины будущего окажутся теми же знакомыми им Цинами, но более организованными и лучше вооружёнными.

15 ноября 1908 года скончалась вдовствующая императрица Цыси. За день до этого закончил свой земной путь её племянник император Гуансюй. Говорили, что императора отравили те, кто не хотел его возвращения к власти как полноценного правителя. Вдовствующая императрица правила двором на протяжении сорока семи лет. Судя по её собственным заявлениям, последние годы своей жизни она готовила династию к очередной схватке за власть, как это случилось во время великих мятежей середины XIX века. Она пошла на признание конституционного принципа и скромных реформ с расширением представительства в административных учреждениях провинций. С помощью таких мер цинская правящая верхушка рассчитывала подкрепить притязания своей династии на власть в центре. Цыси к тому же отменила систему квалификационных испытаний для чиновников императора и приступила к серии административных реформ, разработанных на основе отчётов чиновников, посетивших Соединённые Штаты Америки, Европу и Японию. Уже в 1901 году, то есть сразу после Боксёрского восстания, Цыси назначила новый курс последовательной реформы:

«Слабость Китая возникла из-за косности традиции и жёсткости нормативных актов. У нас в избытке расплоди-

лись посредственные чиновники, зато остро не хватает мужей одарённых и храбрых. Нормы права используются серыми личностями в качестве средства самозащиты, а также извлечения выгоды государственными служащими, превратившими их в источники обогащения. Государственные чиновники обмениваются многочисленными документами, и при этом они никогда не соприкасаются с реальностью. Возможность назначения способного человека на достойную должность пресекается нормами права настолько строго, что даже человек исключительного таланта остаётся без дела. Народ страны сбивается с правильного пути явлением под названием своекорыстие, а всё на свете душит прецедент»¹⁴.

Первым плодом данной реформы стала новая служба международных отношений. После упорного нажива иностранцев на смену Цзунли-ямынь пришло ведомство под названием Вайубу (министерство иностранных дел по-китайски), образованное в 1901 году. Во многом Вайубу стало образцом того, как должны функционировать остальные новые министерства Китая. Тогда как Цзунли-ямынь вменялось заниматься вопросами внешней политики — всеми, от сыра до железных дорог, новому министерству делегировались полномочия исключительно внешних отношений китайского правительства. Задачей данного ведомства ставилась отмена действия договоров, навязанных Китаю силой. К тому же его чиновникам вменялось в обязанность следить за всем, что может послужить интересам Цинской династии, прежде всего доступ к кредитам, технике и военному оснащению. Кое в чём порядок взаимодействия с границей, на который ориентировалась новая цинская политика (синьчжэн), напоминала политику «четырёх модернизаций» Коммунистической партии Китая, принятую вслед за её левацкими катастрофами 1960-х и 1970-х годов.

Административная и конституционная реформа 1906 года представляла собой попытку придания государству европеизированного вида в глазах заморских соперников Китая. К тому же она служила уступкой тем, кто требовал расширения на-

родовластия у себя на родине. Факты говорят о том, что новые порядки строились на результатах двух «конституционных экспедиций». Обе группы посланников посетили Японию, США и Европу. Деятельность одной из них сосредоточивалась на Германии, второй — на Британии и Франции. Состоялись встречи с местными политиками и специалистами. В Лондоне члены делегации провели беседы с молодым историком Лондонской школы экономики Перси Ашлеем, который рассказал о разнообразных ветвях британской власти¹⁵. В конечном счёте предпочтение досталось японской модели. В августе 1908 года Цины пообещали своему народу в ближайшие девять лет внедрить конституционное правление, но с акцентом на полномочия исполнительной ветви власти, означающей саму Цинскую династию. Представители двора и их сторонники предполагали поэтапное проведение всей реформы, иначе империи грозила утрата той сути, которая отличала её от остальных стран мира. И тогда, ясное дело, Цины рисковали потерять свою власть над Китаем.

После смерти Цыси вся императорская родня, двор и высший эшелон цинской бюрократии сосредоточили усилия на сохранении своего правящего положения. Главные тревоги у них были связаны отнюдь не с революционной оппозицией, к тому времени практически поголовно отправленной в ссылку или в могилу. Настоящую угрозу представляли провинциальные и местные милитаристы (военные правители), способные в союзе с иностранцами расколоть Китай на части. Политика Цинов состояла в ослаблении провинциальных правителей и укреплении центральной власти всеми имеющимися под рукой средствами. В рамках такой политики Цины сформировали местные съезды для подрыва авторитета местных правителей в свою пользу. Они использовали внешние заимствования для приобретения контроля над всей железнодорожной сетью Китая, часть которой находилась в ведении заморских компаний или провинциальных властей. Цины надеялись выиграть время для завершения своего варианта реформы, но одновременно готовились к решающему сражению.

* * *

Решающий момент наступил в октябре 1911 года. Группа революционеров, проникая в армейские ряды гарнизона в городе Ухань, 9 октября ненароком взорвала мясную лавку на территории русской концессии этого города, где они готовили взрывные устройства для применения против Цинов. Сотрудники китайской полиции задержали двух злоумышленников и обнаружили у них подробные планы восстания¹⁶. Вечером следующего дня главари подпольной организации попытались как-то спастись. Прекрасно осознавая, что Цины будут безжалостно их преследовать, молодые офицеры захватили главный оружейный склад, напали на канцелярию губернатора и объявили о своей принадлежности к Китайской республике. Спустя три дня беспорядочных стычек город Ухань полностью перешёл в их распоряжение. Мятежники направили телеграммы в соседние провинции с призывом громить Цинов и создавать республику. К концу ноября стало ясно, что Цины находятся в большой беде. Подавляющее большинство милитаристов провинций южнее Янцзы связали свою судьбу с революционерами, и борьба за власть складывалась совсем не в пользу Пекина.

Решающую роль в определении исхода китайской революции играла международная обстановка. Однако, в то время как многие китайцы, в том числе и сами Цины, рассчитывали на помощь великих держав цинскому правительству в разгроме его врагов, как это случилось в 1860-х и 1890-х годах, на этот раз практически все они были слишком заняты другими делами, чтобы уделить необходимое внимание Китаю. Власти Соединённых Штатов Америки не могли оторвать глаз от мексиканской революции у своих границ. Французы и немцы занимались выяснением отношений в Северной Африке. В России как раз состоялось покушение на председателя Совета министров. А в Британии занимались «подвешенным парламентом» и поиском путей выхода из конституционного тупика в связи с проблемой правления в Ирландии. Только японцы склонялись к интервенции, но

правящая верхушка страны никак не могла решить, кому в Китае стоило бы оказать поддержку. Им нравилась идея монархического конституционного правительства (как в самой Японии), но они знали, что за счёт поддержки местных милитаристов можно распространить влияние Японии на новые территории Китая. Под занавес британцы выступили по необходимости заступниками китайского правительства, так как оно могло послужить гарантом стабильного функционирования английских предприятий в Китае. Англичане готовы всегда поддержать кого угодно, кто сможет сохранить целостность страны, даже на короткое время. И, как всегда, подход властей Британии оказался решающим для всех остальных заинтересованных сторон.

К концу 1911 года англичане подыскивали самую достойную кандидатуру, способную обеспечить единство Китая, — цинского генерала Юань Шикая, того самого героя китайско-японской войны и наместника императора в провинции Чжили (после 1928 года — Хэбэй), на территории которой находится Пекин. Юань Шикай в 1909 году оказался в опале цинского двора, где боялись его возвышения. Теперь его назначили премьер-министром и командующим цинской армией. К декабрю его войска дошли с боями до Ухани, и революционерам пришлось сесть за стол переговоров. Генерал Юань знал, что тогдашний конфликт ведёт в тупик. Он смог взять Ухань, но подчинить себе Южный Китай ему не удалось. К тому же ему хотелось избежать обвинения в новом пролитии китайской крови за династию, в дело которой он больше не верил. К началу 1912 года Юань Шикай вел доверительные переговоры с руководством новой республики, к тому времени обосновавшемся в Нанкине.

Юань Шикай считается защитником интересов Запада, хотя именно китайские революционеры освоили западные политические идеи и воплотили их в жизнь на территории своей страны. В южных городах Китая открыто пропагандировались самые разные политические доктрины от анархизма до конституционного монархизма. Многие среди самых

красноречивых революционеров дошли до того патриотизма, который сформировался на протяжении предыдущего десятилетия. Во всех бедах Китая они обвиняли Цинов, которых теперь бранили как «маньчжуров». Ху Наньминь, выступавший ключевым сторонником Сунь Ятсена, в 1906 году писал: «Маньчжурское правительство представляется злом потому, что это — порочная раса, которая узурпировала нашу власть, но их проявления зла не ограничиваются несколькими политическими мерами, а коренятся в природе этой расы, которую нельзя ни устранить, ни реформировать»¹⁷. Молодой революционер Цзоу Жун, погибший в застенках в 1905 году, сформулировал те же самые выводы в своей записке, получившей широкое распространение в 1911 году. Взывая одновременно к памяти легендарного основателя Китая и отца американской нации, он написал:

«Отметём тысячу лет деспотии во всех её формах, отбросим в сторону тысячу лет рабства, освободимся от гнёта пяти миллионов с лишним человек обросшей шерстью рогатой маньчжурской расы, очистим себя от 260 лет мучительной и не отступающей боли, чтобы земля китайского субконтинента стала безупречной, а наследники Жёлтого императора превратились в Вашингтонов. Потом они снова восстанут из мертвых к жизни, они поднимутся с восемнадцатого уровня ада до ворот тридцать третьего дворца небесной сени, во всём своём величии и богатстве достигнут зенита, представленного единственной в своём роде и несравненной целью — революцией. Как же возвышенна эта революция, как же грандиозна!»¹⁸

Как и следовало ожидать, после китайской революции народ начал охоту на цинских чиновников неханьского происхождения. В Ухани их погибло десять тысяч человек. К 1920-м годам очень немногие китайцы признавались в поддержке Цинов или принадлежности к цинской аристократии¹⁹.

Теперь на смену монархическим пришли республиканские принципы. Только вот представители разных полити-

ческих группировок толковали их совсем по-разному. Сунь Ятсен и его сторонники из Революционного союза (Тунмынхоя) выступали за президентскую республику с выборной исполнительной властью, отвечающей практически за всю деятельность государства. Многие революционеры из центральной и южной части Китая склонялись к федеральной республике с мощной позицией администрации провинций. Купцы в городах требовали парламентской республики, в которой представительство могли бы получить разнообразные общественные и политические объединения. Активистов практически всех этих групп объединяло ощущение неограниченных возможностей, открытых революцией. Они чувствовали, что в Китае можно повторить то, что совершилось в Японии, но в более грандиозном масштабе, и что при новой политической системе Китай станет богатым и мощным государством. Заморские примеры зачастую применялись совершенно безотносительно китайских реалий; как один учёный муж это сформулировал: «Ни одна из особенностей китайской интеллектуальной жизни за десять лет или около того до 1911 года так не бросалась в глаза, как иностранное влияние»²⁰. Пока китайские революционеры ломали копья в споре по поводу конституции, цинские военные и чиновники готовились к жизни без империи.

Китайцев, пользовавшихся властью в обществе на протяжении последней пятилетки цинского правления, представляли высокопоставленные чиновники и капиталисты. Часто так случалось, что чиновники выступали одновременно в качестве капиталистов, и наоборот. Как и в Китае на закате эры маоистов или в Советском Союзе перед крахом коммунизма, многие чиновники обогатились за счёт приятелей внутри империи и за её рубежами. Одним из них можно назвать Юань Шикая, ведь он занимался несколькими производственными предприятиями на севере Китая²¹. Сыновья этого провинциального губернатора в Шанхае управляли легендарной в текстильной индустрии Китая фирмой под названием «Прядильно-ткацкий комбинат Хуасинь». Ком-

мерческие интересы таких предприимчивых чиновников, чем дальше, тем больше привязывались к ограничению власти Цинов. Они боялись, что вновь окрепшие мандарины двора накажут их за казнокрадство и своекорыстие. По мере повышения важности промышленного производства, коммерции и торговли нити, привязывавшие китайскую верхушку к монархии, всё больше изнашивались и истончались.

Решающую роль в успехе революции сыграла китайская диаспора за пределами империи. Известия о странных событиях в Ухани застали Сунь Ятсена в шести тысячах миль от места происхождения в городе Денвере штата Колорадо, где он выпрашивал деньги для своего дела у местных китайцев. То был конечный пункт путешествия Суня, во время которого он во имя китайской революции посетил все уголки западного мира. Важность заморского фактора подтверждается тем, что он поспешил не назад в Китай сразу же в октябре 1911 года, а сначала отправился в Лондон и Париж договариваться о займах на построение новой республики. Ничего-то он не получил, зато вернулся на родину, окрылённый заверениями в том, что ни Лондон, ни Париж не собираются вмешиваться в китайские дела на стороне Цинов. В сопровождении своего американского главного военного советника, полуторометрового горбатого «генерала» и планетарного стратега Гомера Ли Сунь Ятсен наконец-то на Рождество 1911 года прибыл в Китай. По приезде его избрали временным президентом Китайской республики, республики без территории, оружия или больших денег, кроме тех, что предоставили сердобольные заморские китайцы²².

Продолжение истории образования Китайской республики разочаровывает своей незатейливостью. Юань Шикай обманул своих цинских хозяев, когда в феврале убедил вдовствующую императрицу Луньюю в том, что единственный путь для спасения жизни императорской семьи лежит через опубликование прокламации в поддержку республиканской системы правления. После долгих споров при дворе и под

гарантии личной безопасности Лунъюй 12 февраля 1912 года от имени шестилетнего императора выпустила знаменитый Высочайший указ:

«Вследствие мятежа республиканской армии... империя стала напоминать котёл с бурлящим кипятком, а на наш народ обрушились невиданные страдания... В настоящее время совершенно очевидно, что сердца большинства народа требуют республиканской формы правления: население провинций Юга первым поддержало такое дело, а генералы на Севере пообещали свою поддержку. В выборе людских сердец видится воля небес. Как можем мы сопротивляться воле миллионов ради славы одной семьи? Исходя из вышеизложенного... мы, его величество император, настоящим указом облекаем суверенитетом народ и принимаем решение в пользу республиканской формы конституционного правления. Мы поручаем Юань Шикаю все полномочия по организации полноправного временного республиканского правительства и ведению переговоров с командованием республиканской армии о методах объединения, для обеспечения тем самым мира для народа и покоя для империи, а также для образования единой Великой Китайской республики на основе объединения пяти народов, а именно маньчжуров, китайцев, монголов, магометан и тибетцев с их территориями как общего целого»²³.

Став президентом с согласия Цинов и при этом сохранив преданность северной армии, а также получая крепнущую поддержку зарубежных правительств, генерал Юань теперь располагал практически всеми картами для игры, на кону которой стояла власть. Сунь Ятсен покинул свой пост временного президента на следующий день после отречения Цинов от престола. Юань Шикай в качестве нового президента Китайской республики взял в свои руки бразды правления и в Пекине, и в Нанкине. Двести шестьдесят лет цинского правления завершилось совсем не триумфально, а международная роль Китая оставалась неопределённой как никогда за всю богатейшую историю этой страны.

* * *

Первый эксперимент Китая по построению республики на европейский манер удачным никак не назовёшь. Намучившись с полемикой и составлением конституции, Юань Шикай попытался вернуться к прежней системе государственного устройства, а себя провозгласить императором. Ничего из этого у него не получилось, так как в 1916 году он скончался от неизлечимой болезни. Величайшая сложность для генерала Юаня состояла в том, что ему не удалось чётко и ясно сформулировать для других или даже для себя самого, что собой должен представлять Китай. Империю с претензией на национальное государство? Коалицию разных народов, которые в силу продолжительного формирования исторической традиции оказались в одной стране? Юань, как и его преемники исторического периода, получившего название Эры милитаристов (1916—1928), не смог сделать достойный выбор из множества концепций построения Китайского государства и разработки его политического будущего. Его заморские советники, которых было много, особенно американцев, поддерживали смутное внушённое самому себе предсказание, будто «Китай не был готов к демократии в любом её виде. Один из них, ставший потом президентом университета Джона Хопкинса, — Франк Гуднау, который служил при Юань Шикае главным консультантом по правовым вопросам, считал, что китайцы никогда на самом деле не знали никакого другого правления, кроме монархии в соответствии со старинными обычаями. Китайский народ... в настоящее время не способен в какой-либо значительной мере к общественному сотрудничеству... При таких условиях единственное в духе политической реформы, что можно довести до конца, — это назначить для полновластного руководителя ведомство, в котором более или менее адекватно обеспечить представительство слоёв населения, осознающих общие интересы... Представляется предельно сомнительным, будто настоящего прогресса в наведении конституционной власти в Китае можно достичь

с помощью чрезмерно энергичного отказа от традиций прошлого, через попытку... установления формы правления, в которой при всей её оправданности в других странах не учитывается особая история Китая, а также общественные и хозяйственные условия этой страны»²⁴.

Масса китайцев, особенно из тех, кто на протяжении десятилетий боролся с Цинами и уповал на демократическую революцию, выступили против такого варианта. Вытесненные на обочину жизни местными правителями и военными руководителями, они сохранили свою преданность западной демократии. Старший помощник Сунь Ятсена по имени Сун Цзяожэнь, на жизнь которого люди генерала Юаня совершили покушение в 1913 году, перед кончиной сказал своему вождю, что «фундамент нации всё ещё не затвердел, а жизнь народа так и не улучшилась. Я умираю с глубоким прискорбием. И смиренно надеюсь, что ваше превосходительство продолжит борьбу за честность, справедливость и демократию, чтобы наш парламент смог принять бессмертную конституцию»²⁵. Как это ни парадоксально, новой партии, которую товарищ Сун помогал создавать под названием Гомиьндан (Национальная народная партия), предстояло сыграть ключевую роль в объединении и усилении Китая, а вот до честности, справедливости и демократии у её активистов руки по-прежнему не доходили.

Для заморских держав главной задачей после 1912 года оставалось поддержание видимости наличия в Китае централизованной власти и одновременное ведение дел с кем угодно, кто владел властью на местах, ради сохранения и продвижения своих коммерческих интересов. Пекинские правители держались на плаву за счёт международного заёмного консорциума; при этом самым важным с завидным опережением остальных выступал консорциум во главе с Британией, предоставивший несколько крупных ссуд, в числе которых заём 1913 года в размере 25 миллионов долларов в пользу Юань Шикая для его режима. Взаимообразно западные банкиры и министры правительств их стран требо-

вали, чтобы весь китайский доход от таможенных сборов и тарифов помещался на счета зарубежных банков в Шанхае и использовался сначала для уплаты процентов по зарубежным ссудам, а также остающимся военным контрибуциям Цинской эпохи. С помощью такой уловки центральное правительство Китая не только лишалось львиной доли остающейся бюджетной независимости. К тому же иностранные финансисты получали возможность влияния на китайскую политику путём передачи части собственного дохода Китая тем, кто им больше нравился на текущий момент. Один китайский обозреватель описал это безобразие следующим образом: всё здесь выглядит так, будто практически все государственные доходы Китая направляются в громадную финансовую систему под управлением иностранцев, из которой только мелкая их часть поступает на расходы самой страны. Министры правительств многих стран третьего мира, пострадавших от долгового паралича 1980-х годов, легко узнали бы такое явление, испытанное ими на собственной шкуре.

Вплоть до 1928 года власть в Пекине самым запутанным образом переходила от одних к следующим политикам или милитаристам. Они устраивали схватки за овладение центральной властью, но такая власть значила всё меньше и меньше. Притом что в Китае сохранялось правительство, признанное остальными государствами, настоящая власть всё больше уходила в провинции или группы провинций, пользующихся полной самостоятельностью, кроме названия государства. Ключевые провинции категории Хунани, Гуандуна и Сычуани абсолютно не подчинялись пекинскому правительству. Кое-кто из провинциалов видел, что центральные власти проявляют такую удручающую беспомощность, что независимость провинций оставалась единственной рациональной альтернативой. Китай, считали эти провинциалы, слишком большая страна, чтобы поддаваться реформированию. Ведь Китай представлял собой империю, а не простое государство, а власть можно заставить отчитываться перед

народом только при наличии политических единиц помельче, сплочённое, а также при условии более плотного культурного и языкового сплочения. Как это случилось в Европе. Молодой хунанец Мао Цзедун занялся поиском автономии. «Наша Хунань, — писал он в своём дневнике в сентябре 1920 года, — должна проснуться».

«У хунаньцев остаётся единственная альтернатива — хунаньское самоопределение и самоуправление; построение хунаньцами на своей территории провинции Хунань „Хунаньской республики“. Более того, я искренне считаю, что ради спасения Хунани, ради спасения Китая, ради перспективы сотрудничества с остальными освобождёнными народами всего мира ничего иного нам не остаётся. Если у хунаньского народа не отыщется решимости и смелости для превращения независимой Хунани в страну, тогда никакой надежды для Хунани не останется»²⁶.

На заре республиканской эры, когда озабоченность по поводу политического будущего Китая ощущалась чрезвычайно остро, китайцы пользовались большей свободой для освоения мира, чем когда-либо раньше. Четверть миллиона молодых мужчин и женщин каждый год покидали свои деревни и перебирались работать в города. Там они знакомились с населённым самыми разными народами миром, с господством в нём заморских денег, китайской предприимчивости, а также энергичными повадками и явлениями моды. Невзирая на драконовские запреты, введённые заморскими властями на переезды, китайские студенты и рабочие всё-таки вырывались в зарубежные страны. Многим из них предстоит вернуться обогащёнными новыми предложениями по поводу будущего Китая. Для китайцев, пекущихся в первую очередь о своём государстве и его превосходстве над остальными государствами, период времени после падения Цинов представлялся этапом развала и чрезвычайной опасности. А вот для тех, кто ценил «политическую гибридность» и отсутствие всестороннего государственного контроля, это время доставляло большое удовольствие.

* * *

С падением Цинской империи тут же открылась проблема прогнозирования будущего Китая. Особенно остро этот вопрос стоял для территорий, покорённых Цинами, — для Монголии, Тибета и большей части Средней Азии. Но он к тому же вышел на передний план для населения многих областей на юге и северо-востоке Китая, где Цины провели китаизацию и включение территорий в состав своей империи. Кое-кто из активистов, пропитавшихся национальным патриотизмом точно так же, как китайские революционеры, требовал немедленной самостоятельности. Другие деятели выступали за автономию и особые права в составе Китайского федерального государства. В подавляющем большинстве административных образований проходимцы всех мастей и милитаристы предпринимали попытки использования местнического патриотизма, заморских интересов и усилий Пекина по укреплению своих позиций. По всему периметру бывшей империи группы населения, которые Цины насильно включили в состав Китая, старались разработать свою собственную политику и признаки своеобразия.

Беда в том, что определение своеобразия Китая всегда представлялось задачей весьма сложной, и она отнюдь не облегчилась после свержения Цинов. Когда Цины отражали заморских захватчиков и подавляли мятежников в центре своей страны, они тем самым продолжали напоминать о себе народам, проживающим вдоль границ империи. Понятно, что для многих руководителей позднего периода правления Цинов потребность в сохранении неприкосновенности границ, подавлении мятежей национальных меньшинств и отстаивании чьей-то исключительности для всех представлялась решающей задачей. Ведь их Китай без всего этого выглядел обреченной на гибель страной, даже если бы им удалось успешно преодолеть все остальные испытания. В 1908 году Цины отправили войска, чтобы взять под свое прямое правление столицу Тибета город Лхасу. За несколько лет до этого похода власти вразрез со своей предшество-

вавшей политикой стали стимулировать китайских переселенцев на освоение монгольских степей. В далёкой западной провинции Синьцзян центральные власти смогли подавить массовые беспорядки и установить жёсткий контроль над местными активистами мусульманского движения. Цины хотели доказать, что даже после своего поражения войсками Запада и Японии они оставались силой, с которой должны считаться все те, кто вынашивал планы объединения якобы разъединённых народов или отделения от империи.

В 1912 году с Цинами было покончено, и те, кто видел своё будущее вне состава единого Китая, получили свой шанс. Их задача облегчалась через поддержку со стороны заморских держав, власти которых из собственных политических соображений выступали за отделение приграничных провинций и вывод их из-под власти Пекина. В ряде случаев власти этих держав выдвигали отторжение нужных им провинций в качестве предварительного условия признания нового республиканского правительства. Русские настаивали на полной независимости севера или Внешней Монголии, британцы — на автономии Тибета, японцы (как мы увидим, с меньшим успехом) — на самоуправлении областей северо-востока. Требование только русских властей выполнилось полностью, однако и тут дело скорее не в силе русских, а в решимости монгольских вождей сепаратистов, которые в декабре 1911 года опубликовали декларацию независимости:

«В настоящее время мы часто слышим о том, что на южных территориях маньчжуры и китайцы устраивают беспорядки и готовятся к свержению нынешней маньчжурской династии. Так как наша Монголия была изначально самостоятельным государством, мы теперь решили... образовать новую независимую нацию, основанную на нашей старой традиции, без вмешательства в наши собственные права. Нами больше не будут править маньчжурские или китайские чиновники. После лишения их всех прав и полномочий мы ультиматумом по поводу их возвращения на родину под занавес положили конец их власти, хотя отправкой чиновни-

ков домой мы не собираемся наносить вреда китайским купцам, которые находятся в китайских торговых городах... Всем вам следует жить спокойно в гармонии и безо всякой настороженности. В связи с этим мы и выпускаем настоящую декларацию»²⁷.

Новый глава государства в Северной Монголии пришёл к власти в звании богдыхана. Он считался религиозным деятелем, призывавшим к единству монголов на фундаменте общей принадлежности к буддизму. Его обоснование самостоятельности Монголии с 1912 года большой затейливостью не отличалось: он утверждал, что Китайскую республику нельзя считать наследницей Цинской империи. Все народы в пределах захваченной Цинами территории теперь получили равные права для провозглашения собственных государств. Протестуя в принципе, правительство Юань Шикая после энергичного сопротивления всё-таки поддалось нажиму со стороны России и в 1913 году признало автономию северной части Монголии, хотя эта территория осталась «под протекторатом Китая»²⁸. Для китайских патриотов такое соглашение с Россией по Монголии выглядело ещё одним доказательством слабости их республики. Точно таким же доказательством, как и удовлетворение требований Японии. Для монгольских патриотов данное соглашение послужило причиной фактического разделения их страны пополам, когда южная её часть осталась под непосредственной властью китайцев, а независимости по самой её сути предоставлено не было. Победителем в полном смысле этого слова вышла Москва. Ей досталась обширная зона влияния в Средней Азии, и была остановлена дальнейшая экспансия Японии в этом регионе.

На Тибете, где буддизм тоже служил мощной объединяющей силой, ситуация в 1911 году во многом напоминала обстановку в Монголии. Отличие состояло в том, что роль России здесь играла Британия. С капитуляцией Лхасы перед войсками Цинов основной духовный и светский глава Тибета в лице тринадцатого далай-ламы отправился в ссылку

на территорию Британской Индии, откуда он попытался заручиться поддержкой Лондоном тибетской независимости. После восстания в Лхасе в связи со свержением Цинов далай-лама вернулся домой и опубликовал документ, фактически послуживший декларацией независимости:

«Маньчжурская империя рухнула. У тибетцев появилась надежда на изгнание китайцев из Центрального Тибета. Я тоже спокойно вернулся в мою законную, священную страну и в настоящее время как раз занимаюсь изгнанием остатков китайских войск из Докхама в Восточном Тибете. Теперь китайские намерения по колонизации Тибета и установлению отношений покровительства растаяли, как радуга в небе. Обретя снова для самих себя период счастья и мира, я теперь назначаю всем вам следующие обязанности, которые следует выполнять самым добросовестным образом: покой и счастье в этом мире можно поддерживать только лишь через сохранение веры в учение Будды... Тибет — это страна, располагающая богатыми природными запасами; только вот она отстаёт по развитию от остальных территорий. Мы — малочисленная, религиозная и независимая нация. Чтобы выжить в этом мире, нам придётся оборонять свою страну. Судя по опыту предыдущих вторжений иностранцев, наш народ может столкнуться с определёнными трудностями, на которые он не должен обращать внимания. Для защиты и сохранения самостоятельности нашей страны каждому из нас и всем нам вместе предстоит добровольно заняться тяжким трудом. Гражданам нашего субъекта мирового права, проживающим рядом с границей, следует проявлять бдительность и оповещать правительство через специальных посыльных обо всех подозрительных событиях. Наши субъекты должны воздерживаться от масштабных столкновений между двумя государствами по причине мелких инцидентов»²⁹.

Точно так же, как богдыхан в Монголии, далай-лама добился далеко не всех поставленных перед своим народом целей. Англичане заставили режим Юань Шикая послать представителей на съезд в летнюю столицу Индии город Шимлу

для обсуждения статуса Тибета, однако участники пекинской делегации отказались идти на уступки. Они настаивали на цинском видении отношений подданных в пределах бывшей империи: «Тибет представляет собой неотъемлемую часть территории Китайской республики. Следовательно, представители Тибета или Великобритании не имеют права на попытки нарушения территориальной целостности нашей страны. И все права Китая, записанные в любых документах, существовавшие в связи с его территориальной целостностью, требуют уважения со стороны представителей Тибета и признания властями Великобритании»³⁰.

В завершение переговоров китайцы отказались подписать какое бы то ни было соглашение, положениями которого Тибету даруется автономия. Одним из аргументов выдвигалось то, что тибетцы и англичане перестарались с демаркацией границ. Определение границ Тибета было и остаётся даже более сложным делом, чем привязка границ Монголии. С опорой на исторические прецеденты правительство Лхасы могло бы претендовать на обширные территории, на текущий момент принадлежавшие китайским провинциям Сычуань и Цинхай, которые кое-кто из тибетцев называет Восточным или Внутренним Тибетом. Именно настойчивость далай-ламы на включении Внутреннего Тибета в новое самостоятельное государство погубила всё дело трёхсторонних переговоров. Вместо этого представители Лондона соорудили британскую юридическую фикцию и подписали примечание с представителями далай-ламы, режим которого они признали самостоятельным. А те признали включение в Британскую Индию крупного участка территории, который теперь составляет штат Аруначал-Прадеш.

После революции 1911 года республиканцы Китая больше всего боялись народа Синьцзяна. В XVIII веке Цины покорили эту обширную территорию на северо-западе, и её население пришлось снова усмирять ценой больших потерь за несколько лет до революции 1911 года. Новые руководители в Пекине прекрасно знали, что обе кампании были

весьма обременительными и что мусульманские кланы в этом районе отличаются большой склонностью к мятежу и пользуются поддержкой со стороны России. Поэтому Юань Шикай только поразился, когда события в этой окраинной провинции повернулись самым неожиданным образом. Цинский вельможа Ян Цзэнсинь, назначенный в Синьцзян из юго-западной провинции Юньнань, взял власть в столице этой провинции городе Урумчи с помощью цинских войск. Наместнику Яну удалось установить личную диктатуру, построенную на страхе. Однажды во время официального приёма он прямо за столом приказал обезглавить двух подозреваемых противников. Мусульмане и китайцы Синьцзяна боялись Ян Цзэнсиня, а он тщательно охранял свою власть от русских, проявляя повиновение на словах китайскому центральному правительству. Многие в Пекине думали, что им неожиданно очень повезло с таким правителем в провинции на далёкой западной границе.

Однако Ян Цзэнсиню не удалось разрешить проблему Синьцзяна в интересах китайского правительства. Воодушевлённые идеями пантюркизма и современных форм мусульманского учения, поступающими из Индии и с Ближнего Востока, всё больше молодых уйгуров и казахов начали осознавать себя жителями мусульманского Туркестана, половину которого оккупировали русские, а вторую половину — китайцы. После русской революции движение за независимость развилось по обе стороны границы, и представители Советов, разгромив басмачей на своей территории, всегда были рады оказать осмотрительную поддержку настоящим и потенциальным повстанцам в Синьцзяне. Вплоть до коммунистической революции в Китае Синьцзяном продолжали править местные китайские наместники, даже притом, что последний из них в лице маньчжурского генерала Шэн Шицая питал большую симпатию к Советскому Союзу³¹. Таким образом, даже на недавно покорённой территории в трёх с лишним тысячах километров от Пекина границы бывшей империи оставались нетронутыми.

Раз уж Китайская республика представляла собой своего рода эксперимент по внедрению гражданского правления на фундаменте некоей формы общественного представительства, тогда со временем и в пределах общей системы существовала возможность политической проработки принципов своеобразия, культуры и религии. Но даже тогда представление об объединённом государстве в рамках границ старой империи получило бы с трудом понимание на её периферии, ведь на центральных территориях, где происходила смена власти в 1912 году, господствовал китайский патриотизм. Как раз тот патриотизм, который в общественном сознании связывал китайскую суть с одной национальной принадлежностью. Если восстание 1911—1912 годов оказалось необходимым в силу подавления Цинами китайского большинства, тогда справедливо вести речь о подавлении китайцами монголов, тибетцев и мусульман, с которым необходимо покончить через создание политических образований для этих угнетённых национальностей. Такое, в конце-то концов, произошло после краха Оттоманской и Австро-Венгерской империй. Только вот в Китае переход от империи к республике (даже к такой «похабной» республике, как при Юань Шикае и его преемниках) случился без отделения областей с неханьским населением. А тем временем китайское большинство слишком плотно занялось определением и пересмотром своего своеобразия, чтобы отвлекаться на размышления о более широких последствиях собственной революции.

Что есть Китай? Для людей, достигших совершеннолетия в период перемен в конце Цинской эпохи и на заре республики, ответы на этот вопрос выглядели сложными, волнующими и пугающими. Принадлежал ли Китай своему национальному большинству, теперь свободному от господства маньчжуров? Был ли он родной провинцией и народом, который родился в этой провинции? Или он представлял собой, как притворялись республиканцы, все народы, жившие

в пределах бывшей империи от Маньчжурии до Средней Азии и вниз до тропической границы с Бирмой? Был ли Китай в первую очередь некоей идеей или культурным явлением и только потом государством или даже обществом? А если это было своеобразное культурное явление, погибало ли это культурное явление под натиском Запада и погибнет ли Китай вместе с ним? Попытки осознания, что представляет собой Китай, находились в центре культурного и политического возрождения после Первой мировой войны. Этот период в китайской истории часто называют эпохой движения 4 Мая, начавшейся после студенческих выступлений против унижений Китая иностранцами, развернувшихся в этот день 1919 года. С того дня ведётся отсчёт нового периода в отношениях Китая с внешним миром через создание явлений определённо гибридной культуры, политических движений и государственных образований. Стартовавшее как жест отчаянного протеста, движение 4 Мая проложило путь для тех, кто считал себя свидетелями гибели «старого Китая».

Пекинские власти рассчитывали на то, что после окончания войны им что-то достанется за участие в ней на стороне союзников. Они надеялись на то, что заморские державы откажутся от некоторых привилегий, присвоенных ими внутри Китая. Власти и миллионы простых китайцев поверили американскому президенту Вудро Вильсону, чьи «Четырнадцать пунктов» убедили многих в том, что Первая мировая война велась ради самоопределения и равенства наций. Писатель Чэнь Дусю, который позже выступил основателем Коммунистической партии Китая, назвал В. Вильсона «добрым человеком мира номер один» и прорицателем новой эры, в которой «мощь утрачивает свою надёжность, а справедливость и благоразумие больше нельзя отрицать»³². В листовке, написанной китайскими студентами в США, содержится мольба об американской поддержке:

«Четыре сотни миллионов человек ждут вынесения в Париже приговора по вопросу жизни и смерти; и от этого вердикта будет зависеть судьба прочного мира на планете. На-

род Китая молит только о честной игре и здравом суждении. В интересах мира во всём мире и ради четырёхсот миллионов человек смертный приговор никак не могут допустить представители просвещённых держав, прежде всего Соединённых Штатов Америки, к кому народы Китая питают глубочайшее доверие и кем был предложен справедливый план Лиги Наций»³³.

Однако на Версальской конференции китайцам не только не удалось отозвать бывшие немецкие концессии под управление Пекина, но и, что куда важнее, не получилось заручиться общим согласием на отмену нормативно-правовых актов, положениями которых иностранцам предоставлялись права экстерриториальности внутри самого Китая. Принцип самоопределения, по всей видимости, на китайцев или прочие цветные народы, кроме японцев, которые освоили политические уловки Запада, не распространялся. Когда бывшие китайские концессии в Шаньдуне в мае 1919 года достались Японии, по китайским городам прошла мощная волна протестов, а дом одного из министров, подписавшего соглашение 1915 года с Токио, китайцы сожгли дотла. Правительство выглядело ни на что не годным перед возмущением населения, когда университетские студенты в Пекине и Шанхае первыми выступали против беспомощности и унижения Китая на международной арене³⁴.

Движение 4 Мая сформировалось как раз тогда, когда многие китайские интеллектуалы пытались представить себе новый Китай и его место в мире. Именно труды этих интеллектуалов вдохновляли студентов на протесты в 1919 году, хотя их культурные и политические воззрения совпадали далеко не всегда. Для одних, разделявших воззрения Чэнь Дусю, требовалось подправить государственную политику Китая: государство должно было заботиться о своих гражданах. Для других из отряда писателя Лу Синя настоящей революцией виделась культурная революция: без отказа от бесполезных знаний, пустых форм и фраз, без отказа от уважения традиций в Китае не получится образование современного, высо-

копроизводительного и справедливого общества. Кое-кто предлагал отказаться от самого классического письменного китайского языка, которым всегда владела только элита страны. Всё чаще такие люди, как Чэнь Дусю и Лу Синь, предпочитали писать на просторечном языке и придумывать новые китайские названия заморским предметам. Начальный пункт для них особой надежды не внушал. Для Чэнь Дусю «большинство нашего народа пребывает в летаргическом сне и не представляет, что не только наша нравственность, политика и техника, а даже самые распространённые товары для повседневного использования совсем не подходят для борьбы. От всего этого придётся избавляться в процессе естественно-го отбора»³⁵. Лу Синь высмеял европеизированную китайскую буржуазию и её бесполезность в своём рассказе «Счастливая семья»:

«Естественно, семья состоит из мужа и жены — хозяина и хозяйки, вступивших в брак по любви. Их брачный контракт содержит больше сорока условий, уходящих в самые мелкие детали, чтобы они пользовались исключительным равноправием и абсолютной свободой. Более того, они оба получили высшее образование и принадлежат к культурной элите... Вернувшиеся из Японии студенты вышли из моды, так что пусть они принадлежат к категории вернувшихся из европейской страны студентов. Хозяин дома постоянно ходит в заморском костюме с всегда снежно-белым воротничком. Волосы его жены спереди постоянно закручены вверх наподобие воробьиного гнезда, её жемчужно-белые зубы постоянно торчат изо рта, но носит она китайское платье»³⁶.

Реакцией на уныние, возникшее после действий студентов и других демонстрантов, выступивших с протестом в 1919 году, стал призыв к созданию новых форм китайской культуры, а также нового, мощного, единого и справедливого государства. Старый революционер Лян Цичао задал прямой вопрос: «В чём состоит наше предназначение?» И дал такой ответ: «В развитии нашей цивилизации вместе с Западом и в обогащении западной цивилизации нашими достижениями та-

ким образом, чтобы достичь слияния и преобразования их в новую цивилизацию»³⁷. А в политике появились новые и притом радикальные тенденции с акцентом на необходимости сделать Китай богатым и сильным в пределах бывшей империи. Вдохновение внушали русская революция и демократические преобразования в Германии, а также расширение движения освобождения от колониального гнёта по всей Азии. Светлое будущее обещал социализм, и кое-кто из китайцев хотел принять участие в его построении. Ли Дачжао, который вместе с Чэнь Дусю занимался созданием Коммунистической партии Китая (КПК) в 1921 году, предлагал «взглянуть на место Китая среди других наций. Тогда как остальные народы уже продвинулись от свободной конкуренции к социалистическому коллективному обществу, мы только собираемся пуститься в пройденный другими странами путь, то есть пойти по их стопам. При таком раскладе, если мы собираемся приноровиться к другим народам ради сосуществования с ним, нам потребуется сократить путь через скачок к социалистической системе хозяйствования и обеспечение нужной меры успеха»³⁸. На фоне движения 4 мая народ Китая в глазах кое-кого избавился от отчаяния и почувствовал безграничные возможности.

Среди тех, кто почувствовал в 1919 году новые возможности, оказался «старый боевой конь», неутомимый Сунь Ятсен, после отставки с поста президента Китайской республики в 1912 году проводивший время в воспоминаниях о своей революционной молодости. На протяжении практически четырёх лет он отсиживался в Японии и, к ужасу многих своих сторонников, продолжал получать подачки от Токио даже притом, что угнетение китайцев со стороны японцев только усилилось. Сунь Ятсена совсем не волновало, откуда поступала поддержка, ведь ему нужны были средства на формирование новой революционной организации. Его связи с США ещё больше укрепились, когда он женил-

ся на двадцатидвухлетней девушке Сун Цинлин, получившей образование в Уэслианском (методистском) колледже и приходившейся дочерью одному из богатейших жителей Шанхая. (Её отец Чарли Сун приплыл в Бостон безбилетным пассажиром американского судна в 1879 году и заработал на издании дешёвых переводов.) Но пример отнюдь не Японии или Соединённых Штатов Америки в конечном счете подвиг Сунь Ятсена на новую попытку покорения Китая своей воле. Им стала большевистская революция в России, то есть то же самое событие, убедившее таких деятелей, как Чэнь Дусю и Ли Дачжао, в том, что будущее принадлежит социализму. Никогда не разделявший коммунистических воззрений Сунь Ятсен начал восхищаться Советами за их высокую отдачу, их беспощадную целеустремлённость и обещание превратить отсталую страну в страну богатую и сильную. Ему к тому же пришёлся по душе социальный подтекст коммунизма советского типа, хотя в нём он увидел в первую очередь инструмент усиления государства. В 1920 году Сунь и его восстановленный Гоминьдан вернулись в Гуанчжоу с новым отрядом сторонников и слабым влиянием на жизнь в этом городе с его ближайшими окрестностями.

Новый Гоминьдан во главе с Сунь Ятсеном отличался от прежней организации значительно укреплённой централизацией и усиленной милитаризацией. Сторонники Суня признали его пожизненным вождём своей партии и временным президентом Китая. Это звание он уже примерял на парочку месяцев в 1912 году. Идеология его партии строилась на «Трёх принципах» Сунь Ятсена: национализме, народовластии и «народном благосостоянии». Но, невзирая на очевидное влияние на формирование таких идей со стороны китайских леваков и Советского Союза, гоминьдановский вождь признавал необходимость для развития Китая в привлечении зарубежного капитала и налаживании торговли. Сунь планировал распространить кампанию по объединению страны дальше на её север. Добившись успеха в этом деле, руководство нового Китая должно обратиться за внеш-

ними заимствованиями для обустройства путей сообщения, стимулирования промышленности и освоения целинных земель в Монголии, Синьцзяне и на Тибете. В своей книге «Международное развитие Китая» президент Сунь писал:

«В моей Схеме международного развития я предлагаю все доходы от промышленного развития направлять сначала на выплату процента и доли владельца иностранного капитала, вложенного в дело; потом на повышение оплаты труда и, в-третьих, на совершенствование или наращивание технического оснащения производства. Кроме этих отчислений остальной доход должен пойти на общественные нужды в виде пониженных цен на все товары и государственные услуги. Таким образом, все должны получить возможность в равной степени пользоваться плодами современной цивилизации... В общих чертах моё предложение состоит в том, чтобы заставить капитализм в Китае построить фундамент для социализма. То есть эти два экономических фактора человеческой эволюции должны в будущей цивилизации существовать бок о бок»³⁹.

Главная проблема Сунь Ятсена в начале 1920-х годов заключалась в том, что идей у него хватало, причём ряд из них ничем не отличался от положений китайской реформы наших дней, а крепкой властной базой он не располагал. Его навыки устраивать свары с теми, от кого он зависел с точки зрения поддержки, разумеется, общему делу не помогали. В 1922—1923 годах его на время выгнал из Гуанчжоу местный правитель милитарист Чэнь Цзюньмин, в молодости разделявший анархистские взгляды, который верил в автономию провинций и отрицал правомерность насаждения центральной власти силой оружия. Сунь попытался договориться с остальными местными властителями, но они понимали, что, поддержав Гоминьдан, они лишатся всей полноты своей власти и возможности личного ведения дел с заморскими государствами. По этой причине на его предложение стать их президентом они ответили вежливым отказом. Его переговоры с представителями Японии и западных держав за-

вершились не лучше: иногда эти представители предоставляли ему кое-какие средства, но не проявляли желания поддерживать его планы объединения Китая или признавать Сунь Ятсена президентом его страны. Готовясь к военной кампании на севере Китая в ближайшее время, Сунь обратился к представителям этих держав с просьбой хотя бы не мешать ему в достижении его целей. Предстоящая война, заверял их Сунь Ятсен, будет «войной не между Севером и Югом Китая, а схваткой между милитаризмом и демократией, между изменниками и патриотами. Симпатия народа Севера к намерениям и целям руководства Юга подтверждается тем фактом, что там прошли спонтанно организованные демонстрации и бойкоты под теми же лозунгами и с теми же целями»⁴⁰.

Пусть обращения Сунь Ятсена к великим державам за помощью в деле подрыва их собственных позиций в Китае могли звучать наивно, зато его аргумент в пользу общественной поддержки целей Гоминьдана по всей стране выглядел соответствующим действительности и справедливым. Переход от беспомощности к призывам к действию, которое возглавили активисты движения 4 мая, послужил на пользу планам Суня в провинциях, о которых он знал мало и где ячейки его партии отсутствовали. В требованиях крестьянских ассоциаций, часто возглавляемых городскими студентами, иногда среди прочего звучала поддержка Сунь Ятсену и его национализму. Бастующие железнодорожные рабочие на севере хвалили патриотическую политику Гоминьдана и осуждали своих собственных начальников за корыстолюбие и вероломство. Активисты организаций в городах, представлявших собой комбинацию политических групп новых поветрий и профсоюзов с более традиционными оттенками, местных организаций и банд, выступали за единый Китай и отмену привилегий, которыми пользовались иностранцы. Крупные забастовки 1922—1923 годов в основных городах от Гонконга и Тяньцзиня проходили под патриотическими лозунгами. Китайские журналисты, учителя и лидеры сту-

денческих объединений отстаивали новый, энергичный патриотизм, при котором массовые организации становились блюстителями высокой морали нации. К середине 1920-х годов настроения во многих частях Китая изменились настолько, что Гоминьдан превратился в силу, с которой считались и сами китайцы, и иностранцы. В достаточно тревожном тоне сотрудник британского внешнеполитического ведомства докладывал, что Гоминьдан «давно обладает организацией мирового масштаба с отделениями и связанными сообществами по всей планете... Идеиная платформа этого общества всегда отличалась предельным демократизмом, и в своих программных установках его вожди заявляют о приверженности социализму. Сунь Ятсен... каждый раз отличается кокетством со всеми тонами революционных сантиментов, результатом чего стало то, что [в рядах Гоминьдана] стремительно множатся секции экстремистов-революционеров... и в настоящее время их численность и влияние достигли такого уровня, что представители данных секций фактически захватили контроль над партийной организацией. Это общество находится в тесном контакте с коммунистической партией Голландской Ост-Индии и с индийскими революционерами. В результате её руководство в некоторой степени узурпировало идею паназиатского движения с главной целью разгрома Британии как великой деспотической державы, чинящей тиранию [так] на территории всей Азии, и поэтому главного препятствия на пути к демократии во всём мире. Опасность таких действий усугубилась из-за тесных связей, установленных за последние несколько лет между этим обществом и Советским Союзом. [Гоминьдан] получает крупные пожертвования из Москвы, а секция экстремистов заражена большевистскими идеями и настроениями»⁴¹.

К началу 1920-х годов у нового Гоминьдана появилось пользующееся поддержкой населения дело и мощный союзник в лице Советского Союза. Русская революция послужила изменению политического ландшафта в Восточной Азии ни-

чуть не меньше, чем в Европе. Советские вожди выступали за национальное самоопределение и социальную справедливость. Москва служила не только центром нового государства. Она стала символом достижения целей, приобретших международное звучание. Среди них: устранение колониального гнёта, власть пролетариата и радикальная культура. В Китае русский большевизм питал идеи движения 4 мая, а молодых китайских интеллектуалов сводили с ума внешние проявления западных государств, что можно назвать вполне справедливым и предъявить в качестве образца развития, обещавшего современность и равенство. Заявление большевика Льва Михайловича Карахана (Караханяна), служившего заместителем народного комиссара по внешним делам, сделанное им в июле 1919 года, отозвалось волнами одобрения во всей китайской политике: «Правительство рабочих и крестьян тем самым объявляет утратившими силу все соглашения, заключённые с Японией, Китаем и бывшими их союзниками, соглашения, которые должны были позволить российскому правительству с царём и его союзниками поработать народы Востока, и в частности народ Китая, через запугивание или подкуп этих народов ради шкурных интересов капиталистов, финансистов и русских генералов»⁴². Неудивительно, что кое-кто из китайцев поверил, что Россия становится образцом государства будущего.

Для многих молодых мужчин и женщин большевистская революция в России означала обещание новой жизни. Они хотели принять участие в международном движении, представленном Советским Союзом. Вдохновленные китайскими социалистами типа Чэнь Дусю и Ли Дачжао, ставшими их вожаками, эти молодые люди образовывали городские радикальные группы и постепенно вливались в организацию с централизованной структурой, которая на съезде, созванном на территории французской концессии в Шанхае в 1921 году, была преобразована в Коммунистическую партию Китая. Деньги и организационный опыт для этой новой партии предоставляли работники Коминтерна — Коммунистического

интернационала, созданного в 1919 году в Москве В.И. Лениным для руководства коммунистическим движением за пределами России. Однако китайский коммунизм сохранил корни в питательной среде самых разнообразных китайских мечтаний и чаяний. Китайское понятие коммунизма на письме, позаимствованное из японского языка, выражено словом *гунхэ*, то есть «общая собственность», но как достичь такой цели с помощью марксистской доктрины, никто чётко себе не представлял. Все первые годы существования КПК она объединяла небольшую, подчас лишённую единства, группу единомышленников, и её целью было оказание содействия Сунь Ятсену в осуществлении его революции. «Великое дело революции представляет собой весьма сложный предмет, тем более в Китае — стране, находящейся под двойным гнѐтом заморских держав и доморощенных милитаристов, — написал в своём труде молодой вахтѐр библиотеки Пекинского университета Мао Цзэдун, оказавшийся среди основателей КПК. — Единственное решение состоит в том, чтобы обратиться к купцам, рабочим, крестьянам, студентам и учителям всей нашей страны, а также к тем, кто составляет нашу нацию и кто страдает под общим гнѐтом, чтобы сформировать плотно спаянный единый фронт. Только тогда эта революция приведѐт к победе»⁴³. Представители Советского Союза видели свою главную задачу в Китае в наращивании военной и организационной мощи движения Сунь Ятсена, а коммунистам отводили роль активного отряда внутри этого массового движения. Обоснование такого подхода лежало в идеологической и практической плоскости: В.И. Ленин и его преемники считали, что Китай нуждается в революции национальной буржуазии и только потом можно вести речь о социализме. И Гоминьдан, если брать в расчѐт политические взгляды его активистов и национальный престиж Сунь Ятсена, как раз подходил для роли авангарда такой революции. Вразрез с большим оптимизмом, с которым Сунь Ятсен принимал помощь Советского Союза, он всегда держал политическую дистанцию с Советами и коммунистами. Однако он с

большой радостью принял помощь Советского Союза в образовании военной академии Хуанпу в Гуанчжоу, начальником которой служил один из любимчиков Суня молодой Чан Кайши. Там советские военные консультанты параллельно учили вождей Гоминьдана. В том числе Ван Цзинвэя, позже служившего главной марионеткой Японии в Китае, а также китайских коммунистов, таких как Чжоу Эньлай, ставший премьером Госсовета, и будущий маршал КНР Е Цзяньин, спустя 50 лет принявший участие в свержении левацкой «банды четырёх». Реорганизацию войск Гоминьдана возглавил красный командарм Василий Константинович Блюхер. А в подготовке политической реорганизации партии заметную роль сыграл опытный сотрудник Коминтерна Михаил Маркович Грузенберг, называвший себя Бородиным. К 1925 году представители Советского Союза помогли превратить Гоминьдан совсем в другую партию, гораздо более сильную, чем она была раньше.

Главные продолжатели дела В.И. Ленина в Москве Л.Д. Троцкий и И.В. Сталин не оставляли Гоминьдан без внимания, но к тому же держали про запас вариант обращения к правительству в Пекине или отдельным местным милитаристам, которые могли послужить обеспечению интересов Советского Союза. По поводу Л.М. Карахана, который пообещал вернуть Китаю находящуюся в ведении русских Китайско-Восточную железную дорогу безо всякого возмещения, Л.Д. Троцкий написал, что он «не понимает, почему отказ от империализма должен предполагать отказ от наших прав собственности... [и] почему китайские крестьяне должны пользоваться железной дорогой за счёт русских крестьян... Россия тоже очень бедная страна, и она совершенно не в силах раздавать существенные пожертвования ради расположения народов, находящихся под колониальным или полуколониальным гнётом»⁴⁴. После того как И.В. Сталин в игре за советскую власть искусным манёвром победил Л.Д. Троцкого, акцент на корректировке целей китайской революции в советских интересах и интересах политики Москвы проявил-

ся в ещё большей степени. И.В. Сталин сразу же потребовал от китайских коммунистов наладить сотрудничество с левым крылом в Гоминьдане, чтобы укрепить его влияние внутри этого движения. Потом, когда противники коммунистов в Гоминьдане приступили к нападкам на КПК за фракционную деятельность, советский вождь заявил, что политическое будущее китайских коммунистов он видит исключительно в составе Гоминьдана. Сталинская политика послужила буквально выживанию китайского национального альянса в лице Гоминьдана, зато небольшая группа членов КПК лишилась доверия своих союзников и вызвала у них большое недоверие.

Первые попытки объединения Китая вооружённым путём у Сунь Ятсена закончились провалом. К концу 1924 года, однако, сам Сунь и многие его советники, а также подавляющее большинство заморских обозревателей сочли, что благоприятный момент для Гоминьдана наступил. Местные правители на севере Китая совсем перегрызлись за право возглавить республику. Военная мощь Гоминьдана за счёт советской поддержки многократно окрепла. И что представляется решающим фактором, кое-кто из местных властителей на юге счёл, что Гоминьдан на текущий момент обрёл такую силу, что налаживать сотрудничество с ним стало выгоднее, чем выступать его противником. Для Суня политическая ситуация выглядела очень неустойчивой, и он, верный своей натуре, использовал такую оказию, чтобы очередной раз поменять своё решение. Таким образом, он уехал из Гуанчжоу на север и предпринял новую попытку в расчёте на признание северными милитаристами его верховенства без боя. По пути он остановился в городе Кобе (Япония), где выступил со своей самой верноподданнической Токио речью за все времена и показал, что под советским каблуком никак не находится. По прибытии в Тяньцзинь Сунь Ятсена сразила болезнь. Он скончался в Пекине 12 марта 1925 года, а у его постели в тот момент находились самый преданный ученик Ван Цзинвэй и главный советник из СССР М. Бородин (Грузенберг). Ему было 59 лет. На смертном одре он призвал своих сторонников

к сплочению, написал просоветское последнее письмо и подтвердил свою веру во Христа.

Но тех, кто думал, что дело Гоминьдана закончилось с уходом в лучший мир этого блистательного, хотя не всегда последовательного человека, ждал большой сюрприз. Весной 1925 года практически весь Восточный Китай захлестнула волна антиимпериалистических демонстраций, которая впервые явно пошатнула устойчивость системы, созданной заморскими державами для порабощения Китая после 1911 года. 30 мая сотрудники британской полиции на территории международной концессии в Шанхае застрелили девять студентов, вышедших на демонстрацию. В других городах сотрудникам иностранной полиции тоже пришлось стрелять по участвовавшим в демонстрациях студентам и рабочим, которые угрожали вторжением в здания ключевых учреждений заморской власти. Забастовок и баррикад становилось всё больше. Сопротивление ширилось спонтанно, но иногда их организаторами выступали сторонники Гоминьдана или коммунисты. Пекинское правительство, глубоко расколотое и не признаваемое северными соперниками, с которыми только что закончилась скоротечная, но кровопролитная гражданская война, проявляло полное бессилие. И для всех участников демонстраций, переросших в движение 30 мая, Сунь Ятсен предстал мучеником за национальное дело и предвестником нового, мощного и единого Китая⁴⁵. Поэт Вэнь Идо, прославившийся как экспериментатор в стиле гиперболизма, обратился к народу областей Китая, находящихся под иноземным гнётом, и рассказал о его стремлении снова присоединиться к своей родине:

Ты знаешь, что настоящим именем моим никогда не было
Макао?

Я слишком долго оставался разлучённым с тобой, Мама.

Они присвоили моё тело,

Но моя душа всегда принадлежала тебе.

О, Мама, я помнил тебя на протяжении трёхсот лет.

Зови меня моим детским именем, зови меня Аомынь.

Мама! Я хочу вернуться домой, Мама!

Молодые лидеры Гоминьдана в Гуанчжоу и их союзники коммунисты начали понимать, что на фоне мученического подвига Сунь Ятсена, советской поддержки, политического хаоса на севере и Движения 30 мая вызрели самые благоприятные условия для наступления на Пекин. Авторитетный начальник академии Хуанпу генерал Чан Кайши сообщил о скором начале военной экспедиции на север Китая. Он поверил, что время Гоминьдана пришло. Чан Кайши к тому же настоял на том, чтобы действовать в честь кончины Сунь Ятсена, перед которым преклонялся, ради отмщения за убийство заморскими войсками китайских мирных жителей в Шанхае, Ухани и где бы то ни было ещё. Чан Кайши видел себя естественным выбором руководителя военной кампании. К тому же в свои 38 лет он поверил самым мистическим образом в то, что его жизнь посвящена делу освобождения Китая от господства заморских колонизаторов.

Чан Кайши родился в 1887 году неподалёку от договорного порта Нинбо в провинции Чжэцзян к югу от Шанхая. Он прошёл военную подготовку в Японии и два года отслужил в японской армии. По возвращении в Китай после революции 1911 года Чан стал одним из доверенных порученцев Сунь Ятсена и на службе своего наставника начал курсировать между Шанхаем и Японией. После переезда Суня в Гуанчжоу Чана назначили одним из начальников службы военного ведомства, и постепенно президент всё больше доверял ему обеспечение своей личной безопасности. Представления Чана о Китае особой сложностью не отличались, зато надёжно охранялись. Он желал своей стране единства, порядка и военного могущества — все эти ценности внушили ему с детства воспитанием в строгом конфуцианском духе и в ходе военной подготовки на территории Японии. Кончина Сунь Ятсена стала громадным потрясением для Чан Кайши, и он представил себя на месте почившего вождя воплощающим в жизнь мечту учителя о новом Китае.

Северный поход, начавшийся в июле 1926 года, в скором времени принёс оглушительную политическую и военную

победу. Агитаторы от Гоминьдана и коммунистов вместе с местными патриотами, не принадлежавшими ни к какой партии, обеспечили образование подпольных комитетов и подготовили приход революционной армии с помощью стачек и демонстраций под патриотическими лозунгами. Военная стратегия, разработанная Чан Кайши, В.К. Блюхером и остальными военными руководителями Гоминьдана, оказалась исключительно успешной: продвигаясь на север тремя основными колоннами, участники Северного похода одного за другим разгромили своих врагов, причём многие местные вожди нашли гораздо более разумным покориться, чем воевать. Всё более важную роль играла пропаганда. Наперекор всем различиям в общественных и политических целях каждый из участников военной экспедиции Гоминьдана нёс в народ лозунги патриотизма и национального возрождения. Эти лозунги были простыми: «Китаем должны править китайцы», «Да здравствует Сунь Ятсен!», «Да здравствуют три народных принципа!», «Да здравствует национальная революция!». Сражения приобретали всё больший размах по мере приближения революционной армии к основным городам Центрального Китая. Поэт Го Можо, воевавший в рядах революционной армии на подступах к Ухани, наблюдал павших солдат, «распластавшихся по обеим сторонам насыпи железной дороги... В соседних озёрах... плавали бесчисленные трупы — кто-то лицом вверх, кто-то лицом вниз, кто-то на боку»⁴⁶.

Ухань пал перед войсками Гоминьдана в октябре 1926 года, и при Ван Цзинвэе было назначено новое национальное правительство. Ликованию патриотов не было предела. Го Можо наблюдал «потoki групповых, партийных и национальных флагов; все хором пели „Интернационал“, „Марш авангарда“ и „Марш революции“; выкрики лозунгов и „ваньсуй“ [да здравствует], речи перед собравшимися»⁴⁷. Однако новое правительство Ухани левого толка не пользовалось уважением Чан Кайши. Его войска приближались к Шанхаю, а Чан всё меньше верил в цели своих союзников коммунистов. Ещё в

Гуанчжоу между гоминьдановцами и коммунистами появилась неприязнь. Чан Кайши подозревал коммунистов в планировании ими его убийства. Но причиной раскола их союза оказался неожиданный успех Северного похода. В КПК и Советском Союзе видели в Чан Кайши потенциального военного диктатора, своеобразного китайского Наполеона. Генерал, со своей стороны, начал всё больше переживать по поводу того, что после освобождения Китая от западного влияния руководство КПК и представители левого крыла Гоминьдана сдадут его страну под надзор Советского Союза. В дневниковых записях Чан Кайши всё чаще критиковал своих советников из СССР: «Я отношусь к ним со всей искренностью, а они отвечают обманом»⁴⁸. Коммунисты публично порицали Чана и, пока не подошли его войска, готовились отобрать у него контроль над Шанхаем. Приближалось время противостояния между КПК и Гоминьданом.

Чан Кайши нанёс удар первым. Министры правительства Ухани левого крыла распорядились его арестовать, только у них на это отсутствовали полномочия. Солдаты Чана, как только вошли в Шанхай, ответили введением военного положения в этом городе. Затем Чан Кайши действовал по плану, совершенно очевидно подготовленному заранее за несколько месяцев с целью разгрома КПК и свёртывания влияния левого крыла Гоминьдана. За считанные дни его сотрудники и члены разнообразных организаций, преданных Чану (в том числе нескольких банд из прибрежных городов), захватили или перебили практически всё руководство КПК и десятки тысяч рядовых партийцев, а также сторонников леваков. Даже притом, что несколько партийных вождей (таких, как Мао Цзэдун, бежавший в горы на юге Китая) избежали резни, КПК как организация на несколько лет прекратила свою деятельность. В Москве И.В. Сталин громогласно потребовал революционной мести в Китае. Этот советский руководитель старался не показывать, что именно он настоял на сохранении союза КПК и Гоминьдана, приведшего к расправе над китайскими коммунистами.

Уханьское правительство мало-помалу капитулировало. К весне 1928 года Чан Кайши уже считался бесспорным лидером Гоминьдана. На протяжении 1928 года последний видный местный милитарист присягнул на верность новому режиму, и тем самым Гоминьдану досталась номинальная власть над всем Китаем, за исключением Маньчжурии. Северный поход Сунь Ятсена, осмеянный за три года до его начала как видение слабоумного авантюриста в клубах опиумного дыма, увенчался такой убедительной победой, какую не мог предполагать его зачинщик в самых светлых своих мечтах.

Успех Северного похода и подъём китайского патриотизма стали большим потрясением для заморских наблюдателей. Зрелище, когда местные милитаристы, укрепившиеся в своём положении за счёт внедрения местничества, теперь менялось в пользу объединения Китая, свободного от иностранного господства (или же эти властители испугались выступить против такого общественного посыла), и тут же происходил пересмотр взглядов на будущее. Британцы, которым грозили самые большие потери, боялись организации китайских людских ресурсов по советскому образцу. «С Россией мы фактически находимся в состоянии войны», — писал несменяемый помощник министра иностранных дел Великобритании сэр Вильям Тиррел в декабре 1926 года⁴⁹. Особенно их пугала перспектива утраты Шанхая. Глава британского внешнеполитического ведомства охарактеризовал складывающуюся ситуацию так: «В силу громадного масштаба нашего интереса, его потеря будет иметь далекоидущие катастрофические последствия для нашей позиции в Азии, а также она может вызвать исключительно серьёзную реакцию в Индии и Японии»⁵⁰. Кое-кто из западных обозревателей воскрешал в памяти картины Боксёрского восстания и предупреждал о скорой бойне иностранцев, в ходе которой пощадят разве что русских. Для охраны концессий в Шанхае британцы послали 15 тысяч солдат — для Лондона это была битва за цивилизацию против мятежных китайцев и их коварных русских хозяев.

* * *

Ни в Лондоне, ни в остальных заморских столицах не понимали, до какого предела пойдёт Чан Кайши и его Гоминьдан в качестве хозяев своего собственного дома. Никто при этом не обратил внимания на разгром КПК. К концу 1928 года всем местным милитаристам пришлось заявлять о своей преданности правительству Чан Кайши даже притом, что власть Гоминьдана на территории окраинных провинций бывшей империи оставалась весьма призрачной вплоть до начала в 1937 году китайско-японской войны. За десять лет своего правления из Нанкина руководство Гоминьдана создало то, что сегодня мы назвали бы государством национального развития, которое, невзирая на казнокрадство и неудовлетворительное ведение дел, отличалось самым успешным управлением Китаем с середины XIX века. Повторяя в политике методы авторитарного правления Советского Союза и Италии (а позже и Германии), правительство Чан Кайши старалось внедрять западный и японский опыт развития, но без заимствования их идеологических принципов. Невзирая на неблагоприятную внешнюю экономическую конъюнктуру конца 1920-х и всех 1930-х годов, правительство Гоминьдана смогло обеспечить внушительный рост в городских секторах экономики. Кое-кто заявляет, будто этот рост случился по большому счёту вопреки политике Гоминьдана, чем благодаря ей. Однако совершенно ясно, что без относительной стабильности, достигнутой новым правительством, вряд ли получилось такое стремительное развитие на ряде направлений китайского народного хозяйства, какое наблюдалось на протяжении так называемого Нанкинского десятилетия.

Свою внешнюю политику Чан Кайши ориентировал на скорейшее восстановление полного китайского суверенитета. При достижении этой цели он наметил два основных стратегических направления: возвращение в состав Китая всех внешних провинций и отмену прав экстерриториальности для иностранцев. При воплощении в жизнь этих стратегических целей Чан Кайши добился некоторых успехов,

но в основном его преследовали неудачи, обусловленные главным образом постоянным и нарастающим противодействием со стороны Японии. Чан Кайши начал с того, что сообщил руководству держав-концессионеров о намерении к 1 января 1930 года в одностороннем порядке упразднить кабальные для Китая права экстерриториальности иностранцев. Но, столкнувшийся с нежеланием Запада вести переговоры и ослабленный нависшей угрозой войны с Японией, он оказался не в том положении, чтобы выполнить свою угрозу. Из-за неуступчивости западных держав, а также их узколобой сосредоточенности на своих правах и привилегиях европейское руководство не удосужилось оказать помощь в укреплении Китая как противовеса Японии в Восточной Азии. Запад придерживался близорукой и примитивной политики, основанной на опасении того, что Гоминьдан в конечном счете окажется в тисках Советского Союза. Британцам их путь виделся совершенно очевидным. «У меня нет ни малейших сомнений, — писал В. Тиррел, — в необходимости построения нашей политики на допущении о том, что нашим врагом выступает Россия, а не Япония. Больше всего мы должны бояться России с точки зрения коммерческой конкуренции»⁵¹.

Точно так же, как после краха второго китайско-советского альянса в 1960-х годах, Запад очень долго раскачивался, пока не осознал, что раскол между Гоминьданом и Советским Союзом в 1927 году произошёл на самом деле и навсегда. Они не увидели ни решимости Чан Кайши вернуть права Китая, попранные Советами, ни его убеждённости в том, что китайских коммунистов необходимо истребить всеми имеющимися под рукой средствами, так как они представляют собой «пятую колонну» Москвы внутри Китая. Когда И.В. Сталин в 1929 году отказался вести переговоры о передаче Китайско-Восточной железной дороги в Маньчжурии Китаю, Чан Кайши попытался захватить её силой, развязав скоротечную приграничную войну с СССР. В ноябре 1929 года Красная армия под командованием В.К. Блю-

хера, служившего в своё время главным военным советником Гоминьдана в Гуанчжоу, одержала решающие победы в Северной Маньчжурии. Эта железная дорога находилась в распоряжении СССР до 1931 года, пока её не уступили японцам. Но сталинская политика точно так же провалилась, как и политика западных держав, ведь косвенно благодаря такой политике происходило усиление Японии, и назревала опасность прямого противостояния между двумя странами в будущем. Попытки советского руководства по мобилизации китайских коммунистов на выполнение своих задач в Маньчжурии, в том числе проведение отбитых наступлений вооружённых отрядов КПК на города юга, уничтожили какие-либо шансы тех же китайских коммунистов, если они ещё сохранялись, на сотрудничество с Гоминьданом. Зато Чан Кайши ещё раз убедился в вероломстве и неблагонадёжности КПК.

Тогда как Советский Союз представлял опасность для гоминьдановского Китая, Япония виделась для него смертельной угрозой. Поскольку единственной зарубежной страной, которую Чан Кайши знал и уважал, была Япония, то в ней он, как и его учитель Сунь Ятсен, видел идеального союзника. Вместе Китай и Япония могли составить паназиатское товарищество по развитию, с помощью которого потом постарались бы избавиться от западного господства. Только вот японская военщина не позаботилась о том, чтобы предоставить ему шанс для испытания его устремлений к взаимопониманию. Как только гоминьдановские войска двинулись на север для завершения процесса объединения Китая, Токио отправил в Шаньдун подкрепление на защиту там своих завоеваний. С началом боёв в столице провинции городе Цзинани в апреле 1928 года подразделения японской императорской армии атаковали войска Чан Кайши, и китайские потери превысили полторы тысячи человек. В Маньчжурии японцы боялись подъёма китайского патриотизма, под влиянием которого местный правитель-милитарист Чжан Сюэлян объявил о своем признании правительства в Нанкине.

Тот факт, что японские офицеры устроили покушение на жизнь его отца Чжан Цзоля и убили его несколько лет назад, без сомнения, сыграл в пользу решения Чжан Сюэляна перейти на сторону Гоминьдана. Японское руководство, а также командование в Корее и Маньчжурии видели, как крепнет Советский Союз и что он с Гоминьданом слугит факторами дестабилизации ситуации в Северо-Восточной Азии.

Чан Кайши считал Маньчжурию неотъемлемой территорией Китая. И сдавать её он не собирался. Но ему надо было дождаться своего момента. Китай не мог противостоять Японии до тех пор, пока его не объединят и не подготовят в военном отношении. В начале 1930-х годов Чан Кайши всё ещё хватало внутренних забот. Среди недовольных лидеров Гоминьдана и местных правителей наблюдалось брожение, угрожавшее его власти, к тому же активисты КПК, пусть даже значительно ослабленной, продолжали проводить вылазки из укрытий на юге Китая. Китайские войска не отличались ни достойной подготовкой, ни добротным оснащением. Но массовое перевооружение и внедрение программы воинского обучения, которым занимались немецкие советники Чан Кайши, начинало приносить неплохие плоды. В Маньчжурии нарастала напряженность, и офицеры японской армии, расквартированной в Шэньяне, в сентябре 1931 года заложили фугас рядом с полотном Южно-Маньчжурской железной дороги, обвинили в этом солдат Чжан Сюэляна и напали на китайский гарнизон этого города. Повинуясь предельно ясным приказам из Токио, подразделения японской армии на территории Маньчжурии покинули свои казармы, расположенные вдоль этой железнодорожной ветки, и за неделю захватили практически все крупные города данной области. Чан Кайши оказался в безнадёжном положении, так как руководство Советского Союза старалось избежать конфликта с Японией, а правительство в Токио против воли допускало военное завоевание Маньчжурии. Многие соотечественники разносили его в пух и прах за отказ в 1931 году от полномас-

штабной войны с Японией, но с учётом отсутствия внешней поддержки у руководства Китая на самом деле не оставалось другого выбора. Своим ближайшим соратникам Чан Кайши говорил, что войны с Японией не избежать. Однако выживание Китая зависит от оттягивания начала этой войны как можно дольше.

В 1912 году очень немногие китайцы или иностранцы давали новой республике большие шансы на выживание. На неё смотрели как на аномалию, ведь её правительство опиралось на демократические принципы в стране, где 80% населения оставалось неграмотным, и на конституционный строй в стране, народ которой на протяжении всей истории знал только неограниченную монархию. Однако республика всё-таки сохранилась, хотя и в совсем другой форме, чем предполагали её основатели. Борясь за своё выживание, она подвела Китай ближе к остальному миру. Она дала стране форму правления, достойную признания западным сообществом (несмотря на разнообразные её особенности). Продолжалось движение к более открытому внешнему миру обществу, в котором частные лица и группы населения могли делать свой собственный выбор в области торговли, перемещения и отношений дружбы. И на территории такой республики в Китае появилась возможность внедрения зарубежных идей и практического опыта, создания образовательной сети, которой предстоит сыграть решающую роль в последующие мрачные десятилетия.

Можно назвать две главные причины, почему Китайская республика устояла, и обе они связаны с внешними факторами. Она спаслась благодаря китайскому национальному патриотизму, который пророс в его современной форме в 1910-х и 1920-х годах. Этот патриотизм потребовал поставить ему на службу государство в качестве стержня, и его многие поборники всегда оказывали поддержку тем властям, кто, по их мнению, отстаивал интересы Китая.

И новой республике к тому же повезло с международной обстановкой, сложившейся в её время: в годы Первой мировой войны власти ведущих империалистических стран Запада сосредоточились на делах в Европе, и из этой войны они вышли ослабленными, пусть даже на какое-то время. Как и во время Наполеоновских войн и на протяжении холодной войны, слабое Китайское государство сохранилось потому, что главные западные хищники занимались другими странами. Благодаря бедам международной системы к тому же у Китая появился шанс наладить сотрудничество с остальными заморскими изгоями, главным образом с Советским Союзом и Германией.

При таком внешнеполитическом раскладе главную угрозу представляла Япония. К началу 1930-х годов появилась масса доказательств того, что китайский патриотизм и японский экспансионизм ужиться не могут, даже несмотря на многочисленные попытки с обеих сторон обратиться к общему культурному и расовому наследию. Как это ни парадоксально, но скатывание Японии к конфронтации со всем миром открывало новые возможности для республики в Китае. Патриотическая реакция населения Китая служила дальнейшему сплочению страны, пусть даже не всегда удавалось преодолеть разногласия по поводу стратегии. А главный вывод Чан Кайши, сделанный в 1931 году и сохранивший свою силу дальше, о том, что «противоестественные» амбиции руководства Японии приведут его к беде и послужат созданию мощной коалиции для воздания их стране должного, предусматривал шанс для Китая стать одним из учредителей нового послевоенного международного сообщества. Другими словами, вожди Китая начали видеть себя участниками мировой системы, которая, несмотря на их отказ стать его частью, может обеспечить Китаю большие выгоды.

К 1937 году, когда началась полномасштабная война против Японии, Китай превратился в участника мировых событий, о чём его руководители в начале века не могли даже догадываться. Его нормативно-правовая система постро-

лась по западным образцам. Западные товары нашли путь в самые отдалённые уголки страны. В основание народного образования легли заморские подходы и идеи. Молодое поколение совсем по-иному ощущало себя китайцами. Они больше не считали себя обособленным народом, а требовали того же обращения, как с другими людьми где бы то ни было, и рассчитывали на одинаковые возможности для всех. Только вот 1930-е годы были не совсем благоприятными для созревания очередного поколения в Китае или где-то ещё. В это десятилетие многие разделяли ощущение отсутствия цели, решимости, особого китайского вклада в мировые дела и чувство дурного обращения в мире, где диктатура правила бал. Когда под напором японской агрессии сформировался китайский патриотизм, у тех, кто попал в транснациональные сети, раскинутые в городах, начали появляться большие сомнения. Когда наступила война, даже многие из образованных молодых людей в Шанхае, Тяньцзине, Пекине и Гуанчжоу (как раз те, кто по вечерам переодевался в европейское платье и слушал джаз) пришли к убеждению в том, что единственное лекарство от недугов Китая можно найти только в самом Китае.

Глава 5

ИНОСТРАНЦЫ

В первой половине XX века Китай открылся для внешнего мира и, можно сказать, стал интернациональной страной. В 1900 году местные уроженцы и приезжие иностранцы видели в Китайской империи стоящее особняком государство, но к концу 1940-х годов эта страна влилась в капиталистический мир расширяющихся рынков, а также перемещения народов и идей. В таком преобразовании видную роль сыграли иностранцы, поселившиеся в Китае. Прибывавшие из всех уголков планеты и представлявшие все области знаний, а также все профессии, они участвовали в изменении Китая до неузнаваемости (хотя не всегда в направлениях, одобряемых подавляющим большинством китайцев). Среди них встречались миссионеры и предприниматели, советники и искатели приключений, революционеры и беженцы. Кто-то прибывал в расчёте на скорое обогащение, зато многие доживали в Китае до конца своих дней. Но в каждом конкретном случае они оставляли свой след в истории Поднебесной и, в свою очередь, менялись под влиянием тех китайцев, с которыми имели дело. Причём зачастую своей деятельностью они оказывали заметное влияние на жизнь в Китае и окружающий мир, и это влияние ощущается до сих пор.

До середины XX века отношения между китайцами и иностранцами внутри Китая характеризовались кричащим неравенством. Практически все иностранцы пользовались правом экстерриториальности, то есть их правовые отношения на территории Китая регулировались исключительно судами, назначаемыми властями их собственной страны.

Многие из них жили на территории концессий или особых поселений внутри китайских городов, делами которых заведовали советы с господствующим преобладанием иностранцев, а власть отправляли там иностранные чиновники. Классическое колониальное общение состояло в том, что между собой китайцы презирали иностранцев и надсмехались над их привычками, а на публике им приходилось выражать восхищение всеми заморскими штучками. Такая нездоровая и подчас расистская форма общения часто стояла препятствием на пути близких личных отношений между китайцами и иностранцами, зато совсем не мешала обмену взглядами и практическими умениями, со временем становившемуся всё более энергичным.

Количество иностранцев в Китае менялось с каждым годом в зависимости от условий внутри этой страны и на международной арене. Но среднюю их численность в первой половине XX века можно предположить в пределах от 300 тысяч до полумиллиона человек (быть может, вас удивит, но в 2005 году иностранцев в КНР насчитывалось примерно столько же)¹. Из них около половины составляли японские граждане; число англичан, пользовавшихся наибольшим влиянием, никогда не превышало 15 тысяч человек. В суммарном виде больше 100 тысяч человек приехали в Китай в качестве беженцев из беспокойной Европы, где среди прочего случилась русская революция и немецкие нацисты организовали преследование евреев. Подавляющее большинство иностранцев селилось в городах, хотя и не всегда на территории иностранных концессий. В Харбине и Шэньяне поселилось много русских, а позже — японцев. Больше всего иностранцев облюбовало Шанхай — в 1932 году их здесь насчитывалось 70 тысяч человек. К тому же иностранцев можно было встретить в сельской местности, обычно эти были миссионеры, учителя или лавочники, селившиеся в окраинных областях Китая. Благодаря присутствию иностранцев на китайцев как из рога изобилия поступали впечатления от внешнего мира, и эти впечатления воодушевля-

ли многих из них искать более тесную связь с заморскими воззрениями и знаниями.

Некоторые области страны находятся совсем далеко от центра. На эти области иностранцы хотели распространить полную свою власть — захваченный англичанами Гонконг, португальская колония Макао, а также завоёванные японцами Тайвань и Маньчжурия (особенно после 1931 года). Именно там в полной мере пустил корни опыт колониального скрещивания культур, причём представления о том, что было китайским и что иноземным, становились всё более расплывчатыми на вид. Талантливый китаец в Гонконге становился британским подданным и получал образование в Оксфорде, Кембридже или Лондонской школе экономики. На Тайване молодое поколение китайцев заимствовало японский язык и культуру, а кое-кто переезжал между материковым Китаем, Японией и Тайванем. Во всём — от искусства до бейсбола — на острове прижились японские вкусы и привычки. Потомки китайских эмигрантов иногда возвращались из внешнего мира: многочисленные прекрасно обученные родившиеся за рубежом китайцы со всех континентов прибывали в Китай на протяжении всего XX века, и кое-кто из них сыграл ведущую роль на своём месте в стране, которую покинули их предки. Несмотря на войну и постоянные политические перемены первая половина XX века была эпохой открытости Китая внешнему миру, временем, когда иностранцы заложили ключевые предпосылки для развития этой страны².

В первой половине XX века львиная доля внешней торговли Китая всё ещё находилась в руках иностранцев. Власти ведущих заморских держав устанавливали тарифы на ввозимые в Китай товары, а министров китайского правительства просто уведомляли о свершившемся факте. В 1917 году в Китае насчитывалось 92 города, открытые для прямой торговли с заморскими странами, на территории около половины которых существовали иностранные концессии или поселения, где иностранцы получили право жить, торговать

и владеть недвижимым имуществом. Все иностранцы, кто жил на территории таких концессий, платили налоги местной заморской администрации, а не китайскому правительству, властям провинции или города. Земля, на которой создавались концессии, отчуждалась у её владельца и сдавалась в аренду заморским державам на вечные времена, а потом властями этих держав отдавалась в субаренду частным лицам или организациям. Китайцам на территории таких концессий, как правило, запрещалось владеть землёй, но кое-кто приобретал её через доверенных лиц. Удобные для деятельности подрывных элементов государства всех мастей — честолюбивых капиталистов, революционеров и религиозных фанатиков, — эти концессии широко ими использовались, так как на их территории действовал статус экстерриториальности. Арестовать там китайца местные власти могли только с разрешения заморского консула, в ведении которого находилась данная территория. Поэтому учредительный съезд КПК созвали в помещении бывшей миссионерской школы на территории французской концессии в Шанхае, а не на территории, подвластной китайскому правительству.

Самая большая концессия находилась в Шанхае, но остальные поселения иностранцев совсем не отличались от этой концессии с точки зрения космополитизма и сложности устройства. На территории северного порта Тяньцзиня существовало семь заморских национальных управлений с тремя английскими муниципальными округами. На территории Ухани, раскинувшейся по берегам реки Янцзы, изначально открывалось четыре концессии, выглядевшие как европейские городки в миниатюре с православными соборами, английскими таможенными конторами, немецкими пивоварнями и французскими ресторанами. Ухань представляла собой, писал европейский турист в 1920-х годах, «шумный город, предельно европейский по своей архитектуре и планировке, даже пусть и окружённый Китаем. Среди китайских фанз он стремился ввысь, там открылось несколько

кинотеатров, но показывали в них исключительно американские кинокартины; автомобили высокомерно спешили туда и обратно по набережной реки»³. Покой обитателей концессий, всех без исключения расположенных на реках или морском побережье, охраняли экипажи иностранных кораблей, осуществлявшие патрулирование круглые сутки. При всей скромности иноземного военного присутствия оно могло оказаться смертельно опасным. Дипломатией канонерок предусматривался обстрел китайских городов до тех пор, пока власти заморских держав не настаивали на своём. Для использования в Китае английские инженеры оснастили Королевский флот кораблями «блошиного класса» или малотоннажными манёвренными судами, вооружёнными шестидюймовыми орудиями (калибра 152 мм). При наиболее важных концессиях или поселениях назначались небольшие гарнизоны иноземных войск. К тому же японские войска находились на Тайване и в Маньчжурии, британские — в Гонконге и французские — в Индокитае. Иностранные владения в Китае надо было надёжно сторожить.

Основные иностранные концессии отличались рациональной автономностью. Иностранцы подчас гордились тем, что им совсем нечасто приходилось общаться с простыми китайцами по делам своих предприятий. Эту задачу они перепоручали своим китайским посредникам. Но даже при этом на удивление большое число иностранцев, живших в Китае, выучивали местные наречия достаточно хорошо, чтобы на них общаться. Многие из них к тому же по достоинству оценили китайскую еду (неудивительно, ведь наиболее распространённой иностранной кухней была английская), а также китайское изобразительное искусство и эстетику. Межличностные отношения всех форм процветали вразрез с запретами, предусмотренными колониальными порядками. Китайцы и иностранцы встречались как приятели, учителя и ученики или любовники. Британский генеральный консул в Шанхае сэр Сидней Бартон бегло говорил по-китайски, а также как никто другой знал представителей деловых

вого и чиновничьего сообщества своего города. Богатейший магнат от недвижимости Шанхая Силас Хардун (получивший при рождении в багдадской еврейской семье имя Салех Харун) женился на китайке Ло Цзялин и числился главным благодетелем буддистской общины своей метрополии. Чем дальше, тем больше, даже при всём желании держаться друг от друга подальше, обычаи и соблазны современного города сводили китайцев и иностранцев вместе на гоночных трассах, в танцзалах и кинематографах.

Но не все иностранцы в Китае относились к состоятельным «гражданам мира». Кое-кто из них, особенно японцы и корейцы, переехавшие в Маньчжурию или на Тайвань, или русские, переселившиеся из России перед большевистской революцией 1917 года, прибыл в статусе колониста. Кто-то приехал в качестве беженцев, например русские после 1917 года или немецкие евреи после 1933-го, а кто-то ещё и в качестве слуг империи. Это были индийцы и малайзийцы в Шанхае и Гонконге, жители Северной Африки и Индокитая на территории французских концессий и на территории арендованной французами прибрежной области в провинции Гуандун под названием Гуанчжоувань. Притом что зона Южно-Маньчжурской железной дороги, Ляодунский полуостров и вся Южная Маньчжурия считались открытыми для японских поселений и капиталовложений, а также при существовавшем предпочтении японцам при назначении советников местных китайских властей, совсем неудивительно, что половина иностранного населения Китая числилась подданными Японской империи. Задолго до провозглашения в Токио в 1932 году марионеточного государства на территории Маньчжурии под названием Маньчжоу-Го власть в японском псевдогосударстве на северо-востоке Китая принадлежала Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. Её руководство занималось управлением фабриками и рудниками, пароходствами и складами, а также строительством школ, больниц и предприятий коммунального хозяйства. Среди сотрудников этих предприятий насчитывалось очень много корейцев.

Для многих китайцев, перебравшихся на территорию иностранных концессий для работы слугами, метельщиками улиц или фабричными мастеровыми (и тем более для тех, кому просто пришлось проходить мимо), соблазны мира иноземцев состоялись с ужасом его ценностей и образа поведения. Алчность, эксплуатация человека человеком и погоня за деньгами ради статуса вызывали одинаковую гадливость и у конфуцианцев, и у радикалов. В Пекине, где поселение иноземцев — посольский квартал — располагался всего лишь в нескольких шагах от входа в древний императорский дворец на площади Тяньаньмэнь, многих китайцев оскорбляло то, что банками, магазинами, больницами, церквями и гостиницами этого квартала могли пользоваться исключительно иностранцы. И даже если существование надписей «Вход для собак и китайцев запрещён» в шанхайских парках относится к сплетням, китайцев на самом деле не пускали во многие клубы, в парки и на стадионы в иностранных поселениях как минимум до конца 1920-х годов. Писатель-эссеист Ян Ибо увидел Шанхай как «бурлящий котёл... Я надеюсь до основания разрушить этот старый Шанхай, расколоть этот восточный бастион империалистического господства, чтобы навсегда похоронить золотые мечты заморских упырей-кровососов»⁴. Для Яна и подавляющего большинства китайцев эти иностранные концессии оставляли неизгладимое впечатление постоянного гнёта заморских оккупантов, получавших редкую материальную выгоду для себя и своей страны за счёт Китая.

Просторы Китая — вещь известная, и перемены достигали его удалённых областей с разным напором. Путешественник, посетивший китайскую глубинку в 1930-х годах, продвигаясь по великому торговому пути в Среднюю Азию или вдоль окраин северных равнин из Шаньси к горным перевалам Сычуани, мог бы рассказать, что с момента западного вторжения сельская глубинка изменилась очень незначительно. Но если

тот же путешественник отправился по основным рекам, вдоль морского побережья или посетил любые города этой страны или городки на юге, в дельте реки Янцзы, в Шаньдуне или Маньчжурии, картина перед ним предстала бы совсем иная. Он увидел бы закрепившиеся на месте перемены, воплотившиеся в одежде народа, его жилище и во взаимопроникновении традиций различных социальных групп, видов хозяйственной деятельности и технологий, внедрённых в жизнь китайцев с лёгкостью, способной вызвать глубокое восхищение у многих туристов. Таким же поразительным показался бы народ, ставший объектом перемен. Даже революционеры, рассчитывавшие использовать инструменты этого нового мира для свержения своих хозяев, одевались по западной моде, читали труды заморских авторов и выступали поборниками политических теорий, позаимствованных за рубежом.

Предметы материального производства перемещались вместе с идеями, и подчас эти предметы обгоняли саму идею, на основе которой их производили. В Китае начала XX века товары, изготовленные благодаря промышленной революции в Европе и Северной Америке, стараниями посредников, занимавшихся сбытом импорта, попадали в самые глухие уголки страны. Торговые посредники обеспечивали этими товарами сельские ярмарки, скитающихся где попало купцов или городские магазины. Велосипеды, электрические батарейки, стекло, телефоны, фонари, хлопчатобумажная ткань, кожаная обувь, парфюмерия, наручные часы, фотография и радиоприёмники — все эти заморские, а потому современные товары вызывали такой же восторг в Китае, в какой они приводили на несколько десятилетий раньше жителей континентов, где их создали. Практически сразу же китайцы начали приспособливать такие товары к своему собственному жизненному укладу. Совсем скоро самые ходовые из них начали выпускать в Китае для внутреннего потребления, а потом и на экспорт. Никого из тех, кто изучал историю внедрения иностранных товаров в Китае в начале XX века, совсем не удивят темпы, с которыми эта

страна через три поколения превратится в локомотив экспортного производства, когда политический маятник качнётся снова в сторону предпринимательских ценностей и взаимодействия с внешним миром. Правда, возникшее в народе желание приспособиться к стремительным переменам тоже встретило сопротивление. Поэтому поиск пути объединения всего китайского по происхождению с иностранным, то есть завезённым, озадачил многих наблюдателей, в глазах которых городской Китай выглядел готовым к восприятию всего современного.

Дома, в которых люди жили и работали, тоже претерпели целую серию усовершенствований на современный лад. К 1930-м годам практически во всех городах и даже в некоторых деревнях появились образцы строений нового типа, отличавшиеся современностью и практичностью, с огромными застеклёнными окнами, электрическим освещением и отоплением, сконструированным по стандартам, разработанным архитекторами Чикаго, Парижа или Лондона. В авангарде, понятное дело, шли жители городов, и особенно Шанхая, где вдоль береговой линии поднимались высотные здания. В 1908 году английский архитектор Вальтер Скотт впервые в Китае оснастил лифтом гостиницу «Палас». Напротив, через улицу, в 1929 году открылась тринадцатизэтажная гостиница «Катей», на последнем этаже которой находились личные апартаменты родившегося в Багдаде финансиста сэра Виктора Сассуна. В то время это было самое величественное здание в Китае. К началу 1930-х годов Шанхай превратился в центр современной архитектуры, где мировые светила этого вида прикладного искусства и интерьера соревновались, кто сдаст быстрее своё творение в эксплуатацию. Но стили менялись и в остальных уголках Китая тоже. В Пекине с начала века новые административные здания сооружались главным образом в европейском стиле, а первым появилось временное парламентское здание республиканцев немецкого архитектора Курта Роткегеля⁵. К началу 1910-х годов китайские архитекторы в Китае начали

конструировать новые проекты зданий, в которых, как и у их западных коллег, в деталях учитывались сложившиеся в архитектурном стиле международные тенденции. Хотя кое-кто из архитекторов, как иноземных, так и китайских, пытался экспериментировать с внедрением в проекты их новых зданий элементов классического китайского стиля, практически все клиенты предпочитали переезжать в строения, отвечавшие их представлениям об удобстве в большей мере, чем дома старой конструкции.

Стили в одежде менялись точно так же радикально, как и в архитектуре. В 1880-х годах практически вся китайская знать носила европейское платье только по особым случаям, а тридцать лет спустя большинство населения городов и даже кое-кто в деревнях Китая носили именно такую одежду. Но носили китайцы европейскую одежду на свой лад, подчас удивительный для стороннего наблюдателя своим вплетением китайских элементов в европейские стили, китайскими дополнениями образцов ввезённой из-за океана моды, заимствованием одежды друг у друга разными классами, нациями и даже иногда полами. Если верить автору статьи в шанхайском журнале «Шэньбао» 1912 года, тогда «китайцы носили заморские одежды, а иностранцы одевались по-китайски. Причём мужчины наряжались женщинами, а женщины мужчинами, проститутки носили форму студенток, а студентки выглядели как проститутки». Резкий рост объёма китайского производства хлопчатобумажной одежды, а также поступление швейных машин с талантливыми русскими и немецкими портными в 1920-х годах вызвали революцию в моде Китая. Сообщения о новых веяниях моды распространялись по всей стране через иллюстрированные журналы и рекламу. Народ Китая начал одеваться иначе по тем же самым причинам, что и народы во всём мире, но желание выглядеть лучше появилось в силу вполне конкретного посыла. В Китае этот посыл звучал так: «Мы — новая нация»⁶.

При этом можно выделить два примера проявления моды «новой нации». После 1910 года среди женщин получил по-

пулярность стиль ципао в виде длинного платья без рукавов, а для мужчин шили костюм-двойку типа чжуншань, возрождённый в дешёвой форменке в стиле френча Мао Цзэдуна, который после победы коммунистов должны были носить мужчины и женщины. Стиль ципао представлял собой европеизированный вариант платья маньчжурского дворянства XIX века. Он стал пользоваться популярностью потому, что сочетал в себе китайские и европейские особенности, его можно было воспроизвести дёшево и дорого из любого вида материала, а также потому, что такое платье можно было сделать открытым и закрытым в зависимости от требований ситуации. Костюм чжуншань отличался теми же самыми особенностями. За образец для него взяли униформу немецкого военного училища, которую Сунь Ятсен увидел в Японии, а название для него взяли по почётному имени Суня — Чжуншань, то есть «Срединная гора»⁷. Сам Сунь Ятсен начал носить такой простой костюм в 1920 году, тем самым он пытался подчеркнуть необходимость единообразия и милитаризации Китая ради победы национальной революции. К началу 1930-х годов такой стиль стал обязательным в одинаковой степени и для гоминьдановцев, и для коммунистов. По крайней мере, так одеваться предписывалось, когда диктовала политическая необходимость. Положение человека в такой униформе определялось по покрою или количеству перьевых авторучек, торчащих из левого нагрудного кармана.

Китайская материальная культура в XX веке отличалась всё более широким внедрением электричества, впрочем, то же самое наблюдалось в подавляющем большинстве стран. Иноземное смешивалось с местным до такой степени, что в скором времени их уже нельзя было отличить друг от друга. Иногда, как это случилось с платьем ципао или костюмом чжуншань, многие китайцы поверили в то, что последнее время ввозимые товары имеют китайское происхождение и появились в Китае в древние времена. Иногда такие заблуждения служили предлогом для нападок на тех, кто пытался

одеваться по-другому. Но по большей части такая эклектика в стиле одежды, архитектуры и потребительских привычек в обществе, где подавляющая часть народа осознавала свою разнородность, приживалась самым естественным образом. Общение со всем иностранным в Китае происходило в условиях энергичных общественных перемен, когда сплошь и рядом происходило смешение традиций и привычек. В этом смысле изменение китайской материальной культуры происходило по таким же шаблонам, как во всех остальных уголках планеты, где перемены обрушивались на головы подавляющего большинства народа стремительно и неожиданно. Серьёзного отличия между тем, что пережили крестьяне во Франции, Италии или те, кто работал на земле в западных областях Соединённых Штатов Америки, а также их китайские товарищи по эксперименту, не наблюдалось. Несколько десятилетий разницы во времени часто мешают оценке процессов, во многом одинаковых по содержанию. В городах, где формировались понятия того, что представляется современным, наблюдалось ещё больше сходства. В середине XX века китайская городская жизнь приобретала практически те же особенности городов повсюду от Парижа и Берлина до Нью-Йорка и Токио. И первое среди современных китайских городов место занимал Шанхай.

Китайская новизна создавалась в Шанхае. Жители этого важного города, лежащего в дельте реки Янцзы, формировали гибридные «выкройки» в области техники и организации жизни, вкусов и стиля, определившие облик современного Китая. Шанхайская новизна всегда ставилась под сомнение. Кто-то из китайцев питал отвращение к этому мегаполису из-за преклонения его жителей перед всем иноземным и нравственного смятения, а также из-за его способности поднимать шум вокруг своих представлений о явлениях местного, национального или подлинного характера. В восприятии правителей Китая от вдовствующей императрицы Цыси до вели-

кого кормчего Мао Цзэдуна Шанхай был грязной, всем доступной потаскухой, услугами которой пользовались только те, кто к приличному сословию не принадлежал. В нём отсутствовали порядок, удобство и китайский дух. В 1949 году Мао Цзэдун и коммунисты серьёзно обсуждали возможность ликвидации этого города и переселения его обитателей в сельскую местность, как это сделал Пол Пот со своими согражданами. Однако для подавляющего большинства китайцев, посетивших этот город, живших в нём или о нём мечтавших, Шанхай представлялся символом существования, которого они желали для себя и своих детей, — быть может, более чистого, упорядоченного, чем их собственный город. Но с тем же динамизмом, развлечениями и богатствами, отличавшими его от других городов Китая.

В 1936 году Шанхай с его тремя с половиной миллионами обитателей считался одним из крупнейших городов мира. Большая часть центра города находилась в пределах международного поселения (состоявшего из первоначальных английской и американской зон). Причём с его восемью квадратными милями оно приблизительно в два раза превышало площадь французского поселения на южной окраине. Большинство населения обитало в старом китайском городе за пределами иностранных поселений или в обширных промышленных зонах на востоке или в трущобах, раскинувшихся на окраинах города. Все, кто мог себе это позволить, пользовались правом проживания в иностранных колониях-поселениях. Однако только иностранные граждане, владевшие землёй на определённую сумму денег, составлявшие к началу 1920-х годов примерно 10% от всего иноземного поселения города, пользовались избирательным правом на выборах в руководящий орган международного поселения под названием муниципальный совет Шанхая. К этому муниципальному совету в начале XX века перешли полномочия иностранных консулов, и важность его собственного управления тоже выросла. Гражданской службе муниципального совета Шанхая, состоявшей в основном из британцев и британских индийцев, поручалось заниматься

поддержанием правопорядка, коммунальными предприятиями, дорогами и, чем дальше, тем больше, школами с больницами. Вплоть до 1927 года дела гражданского или уголовного суда в колонии-поселении, даже касавшиеся деяний китайцев, рассматривались так называемым смешанным судом, в котором с китайским судьёй заседал заморский консультант, и этот консультант определял исход слушаний. Шанхай со всеми его пригородами можно назвать городом-гибридом, где, быть может, 70 тысяч иностранных граждан, подчас объединённых представителями китайской знати, всё больше стремилось к тому, чтобы прекратить вмешательство Китайского государства в свои дела (к такому подходу, кстати сказать, заморские консулы относились с большой настороженностью).

Иностранцы, прибывавшие в Шанхай, очень скоро находили пути, чтобы держаться вместе. У них существовала возможность вступить в клубы для современных европейских развлечений, такие как балльные танцы или игра в бридж, куда совсем не пускали китайцев. И пусть местных жителей не пускали за те же столы или на те же танцплощадки, увлечения и вкусы иностранцев на них всё равно оказывали своё влияние. Мао Цзэдун всегда любил танцевать под европейскую музыку, а последняя должность, которую занимал Дэн Сяопин в 1990-х годах, была председателем китайской Ассоциации игроков в бридж. На остальные ассоциации возлагались более широкие задачи. Юношеская христианская ассоциация, образованная в Китае в 1890-х годах, достигла своего расцвета в 1920-х годах, когда её активисты занимались воплощением в жизнь масштабных общественных образовательных программ, в том числе санитарным просвещением, трудовым обучением, организацией спортивных мероприятий и занятиями по английскому языку. Изначально исключительно зарубежная организация Юношеская христианская ассоциация привлекала всё больше китайцев, и многие радикальные лидеры Китая конца 1920-х годов признавались в том, что благодаря ей во многом обогатили свои знания.

Не в последнюю очередь благодаря предоставленной издателями иностранных поселений протекции в Шанхае зародилась современная журналистика Китая. Сотрудники англоязычных газет, таких как «Норт-Чайна дейли ньюс», основанная в 1850-х годах, и отличавшаяся погоней за сенсацией «Шанхай ивнинг пост и меркьюри», выходявшая с 1920 года, выступили в роли основателей китайских газет типа «Шэньбао» (1871 г.), «Дяньшицзай» (первое иллюстрированное издание вышло в 1880-х годах), а также бульварных газет формата «Либао» (1935 г.), принадлежавших газетному магнату Чэн Шиво и выходявших тиражом больше 200 тысяч экземпляров⁸. К 1930-м годам в Шанхае сложился превосходный рынок периодических изданий, выпускавшихся на китайском, английском, немецком, русском, японском, польском языках и идиш. Шанхайские издательства, занимавшие самое важное место в Китае, часто принадлежали иностранным и китайским владельцам, но занимались их выпуском китайские редакторы.

Перед 1949 годом Шанхай часто называли «Городом грехов», и вполне оправданно, даже притом, что понятие греха часто определяется теми, кто видит его в культурном и междоусобном кровосмешении. Главный грех в глазах многих китайцев заключался в вопиющем неравенстве одних и показном богатстве других. И вину за него возлагали на иноземное присутствие. Иностранцами, и особенно англичанами, грех часто связывался с телесными утехами, обычно в ситуациях, когда одним из партнёров выступал китаец или китаянка. Авторы многих новых рассказов о Шанхае пытались обратить особое внимание читателей на порочность ночной жизни и развлечений, приобретение товаров и увлечение азартными играми. Но «Шанхай по ту сторону неоновых огней» представлялся не таким простым явлением, как казалось на первый взгляд, ведь неоновые огни виднелись буквально по всему городу⁹. Любой человек, способный это себе позволить, мог принять участие в том или ином развлечении, предлагаемом в Шанхае, если оно не запрещалось законами расовой

дискриминации. Шанхайцы могли посещать 37 синематографов, ипподромы для конских и собачьих бегов или крупные развлекательные центры, такие как «Да Шицзе» и «Великая Китайская стена» на улице Эдуарда VII с их ресторанами, танцевальными площадками, театрами, цирком и казино. Или они шли за покупками либо любоваться витринами магазинов вдоль Нанкинской трассы, где напротив друг друга на этой самой оживлённой улице Азии стояли два громадных универсальных магазина — «Уинг Он» и «Синсир». Людей, одетых не так, как надо, или выглядящих как «не тот сорт», выбрасывали наружу, как это сегодня происходит в торговых мегапассажах Шанхая. Но после такой расправы желание сюда вернуться не пропадало, даже если через какое-то время оскорблённые души примыкали к революционным обществам, чтобы бороться с безнравственностью и гнётом того же Шанхая.

Владельцы обоих громадных универсальных магазинов Шанхая брали свои первые уроки в сфере коммерции за рубежом. Братья Го Юэ и Го Цюань, учредившие фирму «Уинг Он», жили в Австралии, где перешли в христианство и начали работать торговцами зеленью, овощами и фруктами. Когда они в 1900 году вернулись в Китай, то поселились в Гонконге и начали расширять сеть предприятий своей империи именно оттуда, а в Шанхае вскоре открылся их основной филиал. Универсальный магазин «Синсир» появился примерно так же. Фирму тоже основали два брата — Ма Инбяо и Ма Юнцань, жившие в Австралии и потом перебравшиеся в Гонконг. Братья Го и братья Ма были выходцами из соседних деревень, расположенных рядом с Макао в провинции Гуандун. Они даже женились на сёстрах из одной семьи, одна из которых по имени Хо Цинтан числится соучредителем Молодёжной женской христианской организации в Китае. Китайские купцы типа братьев Го и Ма в XX веке заложили свои собственные традиции, основанные на новой свободе перемещения и способности ладить с иностранцами ради собственного обогащения, а также пропа-

ганды своего собственного понимания современного Китая. Они учились делу у сотрудников иностранных компаний, с которыми работали, и помогали строить совместные китайско-европейские торгово-промышленные предприятия.

Крупные иностранные компании в Китае в начале XX века тоже подверглись преобразованиям. Через тесное сотрудничество с китайскими посредниками компания «Жардин и Матесон» переросла в многопрофильную корпорацию, предприятия которой наряду с торговлей специализировались на эксплуатации причалов, складов и хлопчатобумажных комбинатов, разработке месторождений полезных ископаемых и выполнении заказов проектных организаций. В её составе значились собственные железные дороги и судоходные компании. В 1907 году её преобразовали в общество с ограниченной ответственностью, значительная доля капитала в которое поступила от китайцев, а в 1912-м её правление перевели в Шанхай. Предприятиям «Жардин и Матесон» поручали самые разные заказы, но главным образом они были связанными с транспортировкой товаров в самом широком понимании этой услуги. Через предоставление транспортных и сопутствующих услуг эта фирма соединяла Британскую Индию, Малайзию, Сингапур и Австралию с Китаем и Японией. Находящиеся через реку от Шанхая пристани «Жардин и Матесон» в Пудуне (где теперь обосновался новый финансовый центр города) стали центральной точкой одной из крупнейших торговых сетей мира. В каждом мало-мальски заметном китайском городе находилось агентство «Жардин и Матесон», уполномоченное заниматься транспортными, страховыми, а часто и банковскими услугами. Главное состояло в том, что владельцы «Жардин и Матесон» создали китайскую сеть предприятий, вышедших далеко за пределы работы компраторов, работающих с компаниями напрямую. Во многих уголках страны, и не в последнюю очередь в Гонконге, мелкие китайские предприятия росли за счёт связей с «Жардин и Матесон» или компаний её масштаба, которые предоставляли услуги, необходимые для расширения их дела.

Китай оставался благодатной страной для иностранных инвестиций до самого начала 1930-х годов. Невзирая на внутренние политические завихрения, владельцы компаний находили в Китае благоприятные возможности для обогащения. Они к тому же ценили отсутствие мощной центральной власти, способной обуздать их аппетиты. К концу 1932 года, например, приблизительно пять процентов французских капиталовложений за рубежом поступало в Китай (что почти в десять раз превышает уровень таких инвестиций в 2000-х годах)¹⁰. Львиная доля доходов этих компаний, полученных в Китае, до самих китайцев никогда не доходила. Зато знания, принесённые с собой такими крупными транснациональными игроками, как «Стандарт ойл», «Шелл», «Швейные машины Зингера», «Бритиш Американ тобакко», обеспечили коренные преобразования китайского предпринимательства, особенно с точки зрения модели хозяйствования и управления. Прошли те дни, когда представители китайской знати искали примирения между конфуцианской моралью и предпринимательской хваткой. К 1920-м годам практически все они поверили в то, что конфуцианский акцент на ценностях семьи, иерархии, личной ответственности и рачительности вполне можно приспособить к принципам управления, позимствованным у Запада. В своём подавляющем большинстве американские прорицатели «научного управления» с послевоенных лет с большой охотой обучались в Китае (более того, в Европе или Японии они ничего особенно полезного не находили). Практически все лидеры китайских деловых кругов осознали, что в условиях соперничества с иностранными компаниями без рационализации и реорганизации никак не обойтись. В некоторых случаях китайские боссы эксплуатировали своих рабочих гораздо жёстче, чем иностранцы, что подогревало ненависть народа к иноземной системе капитализма. По мере того как рабочие прибывали в Шанхай и прочие крупные города в поисках места на фабриках, кое у кого из них появилась мечта о другом мире, в котором средства производства принадлежат им самим.

Определяющую капиталистическую основу, на создание которой в Китае потребовалось много времени, составляло общество с ограниченной ответственностью. Китайцы предпочитали частную собственность, принадлежащую одной семье, и у подавляющего большинства компаний был очень узкий круг совладельцев, состоящий из близких родственников и проверенных компаньонов. Из-за нехватки банковских кредитов и громоздкой структуры капитала частного партнёрства в Китае не удавалось избавиться от дефицита оборотного капитала вплоть до китайско-японской войны в 1937 году.

Только со временем китайские предприниматели на самом деле научились расширять сферу деятельности и сохранять контроль над своими компаниями или, если им хотелось этого, отдавать этот контроль под максимально возможный барыш. Люди дела после того, как преобразовывали свои фирмы в акционерные общества, научились присматривать за своими акционерами. В стране со слабой правовой защитой такого рода применение принципов Конфуция представлялось необходимым и доходным предприятием. Мастером в этом деле считается Ли Хуншэн, начинавший свою предпринимательскую деятельность в китайско-британской горнодобывающей компании, а потом он образовал свои собственные высокодоходные цементные и спичечные компании. После серии слияний и поглощений его спичечная компания «Хун-Сун» превратилась в ведущее предприятие своего профиля. В 1936 году он сформировал производственно-сбытовой союз национальных производителей спичек Китая, по своей сути являвшимся картелем, которому правительство поручило контролировать цены и производство. В 1930-х годах, как и сегодня, дело в Китае шло наилучшим образом, когда к нему привлекали правительство.

Что же касается транспорта, то к началу 1930-х годов железные дороги приобрели для деловых кругов такую же важность, как водные пути. Часть железных дорог проложили за счёт иностранных компаний или государств, а другой их частью занимались представители смешанных китайско-за-

рубежных консорциумов, средства в которые с китайской стороны почти всегда вкладывали частные лица и провинциальные власти. Министры правительства Китая, как до, так и после 1927 года, стремились стимулировать развитие железнодорожного транспорта, а иностранцы точно так же с большим желанием покупали облигации государственного займа или выдавали нужные ссуды. Несмотря на отказ китайского правительства от выполнения своих обязательств в 1920 и 1929 годах, а также чуть было не случившийся его дефолт в 1935-м, иностранные банкиры и инвесторы продолжали предоставлять кредит. Поступление денег в Китай продолжалось благодаря высоким процентным ставкам и отсутствию большого выбора выгодных вариантов в неспокойное для мировой экономики и время. К тому же существовала надежда на то, что строительный комплекс сыграет роль стимулятора китайского рынка, на который давно облизывались все заморские хозяйственники. Расчет при этом делался на то, что в будущем китайские потребители начнут покупать заморские товары, что отвечало повседневным интересам представителей зарубежного капитала, проявленным к этой стране перед Второй мировой войной.

Крупнейшей иностранной компанией в Китае до 1945 года числилась принадлежащая японцам Южно-Маньчжурская железнодорожная компания, или корпорация «Мантецу». Под управлением своего учредителя-президента Гото Симпэя, служившего в своё время губернатором Тайваня, эта компания сыграла роль ключевого элемента преобразования Северного Китая в современную область под японским господством. Корпорация «Мантецу» представляла собой концерн частных предприятий с долевым участием правительства и прочными связями с Японским государством. Её инженеры заново построили железные дороги региона с использованием оборудования американского изготовления, а потом проложили ветки до угольных шахт, морских гаваней, гостиниц и складов. С 1910-х годов её сотрудники занялись строительством школ, библиотек, больниц и предприятий коммунального хозяйства

для создания благоприятных условий проживания переселенцев на территории японских и корейских колоний-поселений. Специалисты её научного направления создали крупнейшее на территории Китая за все времена современное научно-исследовательское учреждение, деятельность которого сосредоточивалась на сельском хозяйстве и аграрных предприятиях промышленного масштаба. К началу 1930-х годов «Мантецу» превратилась практически в самостоятельное государство на территории Маньчжурии. На её предприятиях выпускали сталь, керамику и стекло, муку и кулинарный жир, вырабатывали электроэнергию и изготавливали химическую продукцию. Она стала крупнейшей компанией не только в Китае, но и в Японии. «Мантецу» совершенно справедливо считается удачным примером колонизации Китая Японией. Но к тому же она играла роль козырной карты Токио, когда требовалось доказать западным странам, что Япония и японские деловые круги внесли достаточный вклад в модернизацию Китая, к чему все они стремились.

В начале 1900-х годов заморские купцы и владельцы компаний передавали китайцам знания о капитализме, рынках и управлении предприятиями. Однако путь развития, на котором они настаивали, всегда вызывал споры. Для многих, кто славил добродетели старого Китая, купцы, инвесторы и управляющие предприятиями были людьми подозрительными, потому что они пеклись о прибыли компании, а не о личном достоинстве. Юным радикалам капитализм представлялся особенным злом потому, что в нём воплощалась та форма эксплуатации, которую иноземцы старались внедрить в Китае. Но в самую первую очередь роль деловых кругов представлялась неоднозначной ввиду того, что слишком маленькая часть товаров, которыми они занимались, достигала крестьянского большинства, разве что в виде промышленных товаров, которые многие хотели бы приобрести, но единицы могли себе их позволить. В этом проявлялась суть новой рыночной системы хозяйствования, при которой предпочтение отдавалось городам в ущерб сельской местности и в аграрных

районах всё резче становились линии социального раскола, так как знать переезжала в городские центры. Для многих китайцев заморские купцы и пропагандируемые ими товарные ценности превратились в символы расслоения населения современностью, к которой они стремились, и общественной организации, вызывающей у них негодование. При этом никто не отрицал важности иностранцев и их товаров. Не многие из крестьян знали, кто такой Сунь Ятсен, зато практически все слышали о компании «Бритиш Американ табакко» благодаря производимым на её заводах сигаретам¹¹.

С новой системой хозяйствования пришла новая система банковских услуг. Банки в Китае существовали самое меньшее со времён династии Сун (960—1279), но с конца XIX столетия основными финансовыми учреждениями на территории Поднебесной стали мощные западные банки. Банковская корпорация Гонконга и Шанхая (HSBC, или «Хуэйфэн») основана в Гонконге в 1865 году. «Хуэйфэн» функционировала согласно Британской хартии в качестве британского банка для обслуживания Восточной Азии. Однако этот банк в том виде, как он получил известность в Китае, был больше чем просто британское финансовое учреждение. За последующие десятилетия он превратился в главного банкира китайского правительства, китайских и заморских предпринимателей в Китае, а также для проведения трансакций между торговыми партнёрами от Токио до Бангкока. Через него проводилась эмиссия собственной валюты, внедрялись новые банковские и бухгалтерские регламенты, а также готовились банкиры со знанием китайского языка, которые позже работали в Азии и по всему миру. Его основатели видели в «Хуэйфэне» инструмент эксплуатации Китая через предоставление китайскому правительству ссуд на выплату военных репараций западным державам. Но его сфера полномочий расширилась, и он играл роль локомотива индустриализации этой страны и создания нового финансового сектора.

С самого открытия британские директоры этого гонконгского банка искали новые пути получения максимальных

доходов. Чтобы заработать на коммерческом развитии этой страны, они осознали необходимость среди прочего в предоставлении кредитов через традиционные китайские банки. Несмотря на растущее присутствие данного банка через филиальные отделения в разных уголках Китая, местные банки продолжали служить посредниками вплоть до середины XX века, превращаясь в канал передачи знаний на встречах направлениях китайского банковского сектора. Хотя руководящий персонал по-прежнему составляли исключительно европейцы, но всё большее число китайцев служили в банке на различных уровнях, пользуясь преимуществами экстерриториальности (для своего дела, а то и для собственной выгоды), предусмотренной работой на иностранные учреждения. Ради сохранения британской юрисдикции правление «Хуэйфэн» оставалось в Гонконге, даже когда основная часть его операций в 1912 году была связана с Шанхаем.

К началу первого десятилетия XX столетия в Китае появлялись свои собственные банки и финансовые учреждения. Однако во главе этих предприятий, как правило, всё ещё стояли иностранцы, даже в центральном банке, известном с 1912 года как Банк Китая. В этих банках в основном применялись регламенты корпорации «Хуэйфэн», и во всех регионах страны они росли очень быстро. Вопреки отсутствию достойного банковского надзора (или толковой нормативной правовой базы на этот случай) руководители китайских банков западного пошиба определяли для себя границы сферы деятельности далеко за пределами, на которые рассчитывало подавляющее большинство обозревателей. Они заботливо обслуживали китайские компании и часто имели возможность отстоять себя в случае хищнических поползновений со стороны властей. К началу 1930-х годов министры гоминьдановского правительства осознали, что эти банки играют решающую роль в развитии Китая. Ими предоставлялись кредиты, когда заморские банкиры в них отказывали. Они служили главными агентами по распоряжению государственными финансами Китая, когда на про-

тяжении десяти лет один кризис сменялся новой бедой. Министры правительства и представители высших слоёв общества могли недолюбливать финансовые институты западного стиля, но к 1937 году при проведении наиболее значимых для них мероприятий они попали в их полную зависимость.

Беду капиталистического финансирования Китая легче всего увидеть на примере неизжитых проблем в сфере практического ведения частных счетов. Вплоть до конца XIX века фундаментом внутреннего учёта в Китае считалась система простой бухгалтерии, которой предусматривался широкой простор для учёта неденежных, реальных форм стоимости, в том числе ценности товарищеских отношений или сотрудничества с местными чиновниками. Конфуций со своими идеалами сделал документирование прибыли делом нежелательным, а из-за страха перед злоупотреблениями властей разглашение бухгалтерских записей перед кем-либо кроме владельцев предприятия стало событием практически невысказанным. После введения первого общего правила счёта в 1918 году в подавляющем большинстве частных компаний и местных банков предпочитали прежние методы и игнорировали западную бухгалтерию по методу двойной записи. Тем самым китайцы создали буфер, оградивший их от капиталистических методов экспансии. Даже в Гонконге и Сингапуре прорыв к профессиональному ведению бухгалтерского учёта произошёл в 1960-х годах, а в остальном Китае связь между предоставлением официальной финансовой отчётности и финансовой ответственностью остаётся смутной и слабой даже сегодня.

Религией в Китае власти занимались без особого рвения, за исключением редких случаев, когда правительству требовалось ввести её в какие-то рамки или укрепить свой авторитет. Скорее она служила средством выживания для нищего и обездоленного народа тем, что придавала смысл его

жизни на этом свете и давала надежду на благополучную загробную жизнь. Такую роль на протяжении веков играл буддизм, позаимствованный китайцами в Индии. Христианство, тоже завезённое из-за рубежа, стало в Китае влиятельной религией в XIX веке. До возрождения интереса к религии в последние 20 лет период между 1900 годом и 1920-ми годами выделялся в истории Китая как десятилетия христианства. На протяжении этого времени от двух до трёх миллионов китайцев превратились в приверженцев этой заморской веры, паства которой зародилась в чреве миссионерских предприятий и достигла масштаба местного явления. Но миссии продолжали оказывать влияние на жизнь в Китае, причём наиболее заметное через открытые при них школы и университеты. Эти учреждения не могли обеспечить появление большого числа китайских христиан, как пламенно надеялись миссионеры. Зато обучение в таких заведениях оставило свой след в душах тех, кто занимался преобразованием Китая в конце XX века, пусть даже в направлениях, которые их учителя западных миссий вряд ли одобрили бы.

В Китае обнаруживаются следы христианства, относящиеся к XVII столетию. Иезуитские миссионеры, главным образом из Макао и Японии, пытались укорениться на территории Китая в XVI и XVII веках. После двух катастроф, случившихся в XIX веке в форме вдохновлённого Христом движения тайпинов и восстания против христиан боксёров, католики в Китае приступили к тщательному восстановлению своей структуры. В некоторых случаях христианские общины сохранились со времён ранней евангелизации, в редких случаях — с начала XVII века. В остальных китайских областях католические миссионеры взялись за кропотливый труд по обращению в свою веру, который возглавили священники лазаристы и иезуиты. Многие миссионеры-католики сосредоточили свои усилия на работе в городах, где они открывали учебные заведения, больницы и сиротские приюты, такие как школа Святого Игнатия в Шанхае. В Китае провели многие годы выдающиеся европейские католи-

ки-интеллектуалы. Так, философ, палеонтолог и геолог Пьер Тейяр де Шарден посвятил этой стране двадцать лет своей жизни. И всё равно католицизм как религия распространялся преобладающим образом в сельской местности, в районах, где находились состоявшиеся китайские католические общины, а также там, где служили авторитетные китайские и иноземные священники. Такие центры китайского католицизма, подавляющая часть которых существует и даже иногда увеличивается сегодня, можно обнаружить по всей стране, хотя особое распространение католицизм получил среди национальных меньшинств на юге, в Фуцзяни, Чжэцзяне, в ряде областей Хэбэя и Северо-Востока.

Наиболее стремительное распространение в начале XX века получило христианство в виде протестантизма. Сунь Ятсен был христианином, его крестили американские миссионеры-конгрегационалисты ещё в отрочестве. Чан Кайши обратился к христианству в 1930 году, и его методизм сохранял для него важность до конца жизни (несмотря на то что его критики называли маршала ещё одним «ярким христианским милитаристом»). Сила христианства самого Чан Кайши заключалась в большой степени в противоречии того, как Евангелие представлялось многими протестантскими миссионерами. Одним из них был Ч.Т. Стадд из «кембриджской семёрки» выпускников Кембриджского университета, посвятивших свою жизнь миссионерской деятельности в Китае. Истинный христианин, утверждал Ч. Стадд, должен посвятить свою жизнь борьбе. «Кто-то стремится прожить жизнь на расстоянии распространения мелодии церковного пения или звона колокола капеллы; мне же по душе труд в обители для спасения душ рядом с адом»¹². Как и его предшественники в XIX веке, Ч. Стадд со своими сподвижниками сочетал свою христианскую миссию с расширением знаний о Китае. Основатель журнала «Тайм» Генри Р. Люс служил пресвитерианским миссионером. В Китае он провёл тридцать лет, работал в основном в университете Цилу столицы провинции Шаньдун города Цзинани. За счёт средств из фонда Рокфеллера Г. Люс

помог превратить Цилу в один из самых знаменитых университетов Китая. В его медицинской школе, открытой в 1911 году, проходили полный курс медицинского обучения китайские юноши и девушки. Самая известная медицинская школа в Китае тоже была миссионерским предприятием — это основанный в 1901 году Хакеттский медицинский колледж для женщин в Гуанчжоу. Его выпускники определяют курс медицинской науки в Китае вплоть до настоящего времени. Неудивительно, что кое-кто из китайских женщин видел в христианстве путь к освобождению от оков патриархального общества.

Из всех миссионерских университетов один выделялся особым статусом, ведь ему предстояло стать нынешним самым знаменитым учреждением высшего образования. Университет Яньцзин, образованный в 1919 году в Пекине от слияния пяти христианских колледжей, представлял собой либеральное академическое заведение высочайшего уровня. Продолжительное время его существования университет возглавлял американец, миссионер-пресвитерианин в Китае Джон Лейтон Стюарт, родившийся в Ханчжоу в 1876 году. Получив средства от американских фондов и инвесторов, Дж. Стюарт купил старый цинский парк культуры и отдыха на севере Пекина, в котором разместил современный университет. Сегодня здесь находится главный студенческий городок Пекинского университета. Многие его выпускники 1920-х и 1930-х годов стали ведущими политическими деятелями Китая, по крайней мере со стороны коммунистов. Когда Лейтон Стюарт в трагический период своего пребывания послом США в Китае попытался завязать переговоры с коммунистами в 1949 году, напротив него за столом сидел бывший студент университета Яньцзин Хуан Хуа, который в КПК занимал важную должность специалиста по внешнеполитическим вопросам и занимался пропагандой антиамериканских лозунгов¹³.

Одновременно с активным обращением китайского населения в христианскую веру в начале XX века к тому же

шёл процесс так называемой индигенизации (отуземливания) этой религии. В епархиях всех религиозных течений без исключения китайские священники и главы религиозных орденов постепенно сменяли иностранцев или служили рядом с ними. Как ничто другое усилило эту тенденцию Шаньдунское возрождение конца 1920-х годов, во время которого обитателям христианских общин внушали следовать Святому Духу ради познания эмоционального и непосредственного опыта Бога. Ускорителем этого движения выступала норвежский миссионер, якобы пятидесятник Мари Монсен, но очень скоро оно перекинулось на новые китайские христианские общины, в некоторых из которых начали практиковать трансцендентальные сюжеты, позаимствованные из китайских религий типа буддизма и даосизма. Среди христианских сект с такими названиями, как «Истинная церковь Иисуса», «Семья Иисуса» и «Малая паства», появилась заметная группа местных проповедников, кое-кто из которых пользовался авторитетом как внутри Китая, так и за его пределами. Ведущим деятелем возрождения в Азии и Европе стал основатель «Малой паствы» («Церкви небесного мира») Ни Тошен (известный как Вочман Ни — буквально «Сторож Ни»). Из-за подозрительного отношения коммунистов и гоминьдановцев к церквям «нового толка» у китайских христиан и последователей прочих верований возникли значительные сложности. Проповедники категории Вочмана Ни занимались китаизацией христианства, потому что второе пришествие Христа, по их убеждению, должно было произойти в Китае. Остальным предстояло ответить на вопрос, нравится ли им такой посыл или нет¹⁴.

Отношения между христианством и патриотизмом в Китае середины XX века простыми не назовёшь. На пике патриотической агитации в середине 1920-х годов многие радикально настроенные китайцы считали христианство инструментом порабощения западного империализма, а также узким и нетерпимым вероисповеданием. Они заявляли, что практически все христианские учения точно так же, как ислам, буддизм и

даосизм, учёными считаются отжившими своё и что современный человек в такого рода суевериях не нуждается. Зато их оппоненты в то же самое время видели китаизированную форму христианства одним из признаков возрождения Китая. Почему бы этой религии не послужить тем же целям в Китае, как она послужила почти две тысячи лет на Западе, где благодаря христианству жизнь неустроенных людей обрела цель и смысл, а также установилась стабильность в неустроенные времена? Китайские христиане видели себя спасителями своей страны, даже пусть их оппоненты опровергали такой взгляд.

При всех китайских правительствах в XX веке за скоротечным исключением времён цинской авантюры с ихэтуанями и сумасбродства Великой культурной революции Мао Цзэдуна служили иностранные советники. Кто-то из них служил своим хозяевам добросовестно и принёс большую пользу режиму, который представлял. Кто-то оказался как минимум таким же казнокрадом и нерадивым человеком, как и большинство китайских государственных служащих. Но без старания этих иностранных советников большая часть инфраструктуры Китая и властная организация в этот период выглядели бы совсем по-иному. Государственный доход тоже резко сократился бы, ведь даже притом, что иностранцы, занимавшиеся сбором налогов и тарифов, делали это за китайское правительство, чтобы оно могло погасить ссуды иностранных учреждений. Но и за вычетом таких сумм у государства оставалась крупная часть его дохода. Управление соли, чиновники которого собирали налог на соль, причитавшийся и с её производителей, и с импортёров, в 1920-х годах давало почти 20% государственного дохода. Однако гораздо важнее следует назвать то, что эти советники обучали специальности китайцев, с которыми работали и тем самым открыли новые пути для гражданского правления в Китае, некоторые из них сохранились до наших дней.

Точно так же, как и других странах, на протяжении XIX столетия попавших под гнёт европейских государств, основные иностранные советники в Китае занимались сферами дипломатии, права и военного дела. Позже их начали прикомандировывать к различным китайским государственным ведомствам от производственно-технической базы до здравоохранения, просвещения, языковой реформы и до пропаганды. На закате Цинов и на заре республики большинство советников составляли японцы, а в начале правления коммунистов — в основном советские специалисты. Ведущий учёный Японии в области международного права Арига Нагао служил при правительстве Юань Шикая. Он родился в Осаке в 1860 году, а право изучал в Германии и Австрии. Арига считал суверенитет ключевым элементом государственности и высказывал убеждённость в том, что для отстаивания своего суверенитета китайцам нужна централизация. Озабоченный тем, что экспансионистские устремления японского правительства противоречат всем международным и внутренним нормам его страны, он хотел, чтобы она их придерживалась. Поэтому Арига посоветовал Юань Шикаю прибегнуть к силе и удержать отторгнутые провинции под властью Пекина. Он к тому же в 1915 году ходатайствовал перед японским правительством по поводу 21 требования и призывал его министров не пытаться действовать на Китай принуждением. За такой совет он едва не поплатился жизнью от рук японских ультранационалистически настроенных террористов¹⁵.

Преемники сэра Роберта Харта на посту главного инспектора китайской морской таможенной службы всегда числились среди ближайших иностранных советников при разных китайских правительствах. Данную службу образовали для контроля над таможенным доходом Китая в интересах Запада, но в XX веке она превратилась в неотъемлемое ведомство китайской центральной власти. По судьбе последнего иностранного главного инспектора Лестера Нокса Литгла можно представить себе такое преобразование.

Л. Литтл родился в Род-Айленде в 1892 году, а в Китае он провёл сорок лет. Сначала он служил клерком в таможенном ведомстве, а потом возглавил таможенное управление, занял пост советника по внешней политике и в конечном счёте (после Второй мировой войны) — должность главного инспектора. В таком качестве Лестер в 1949 году вместе с Чан Кайши бежал на Тайвань. Сотни его коллег сделали точно такую же карьеру. Итальянец Луиджи де Люка числился самым талантливым в Китае специалистом в сфере торговых и тарифных переговоров. Француз Теофиль Пири практически создал современную китайскую почтовую службу. Норвежец Йохан Мунте служил таможенным чиновником, военным советником и банкиром. Всю свою службу они посвятили Китаю, неплохо устроились в жизни и со своей стороны сделали большой вклад в развитие этой страны.

Иностранцы возглавляли ещё одно не менее важное, чем морская таможня, ведомство Китайской республики — Солевую инспекцию. Её основатель в лице бывшего руководителя департамента акциза в индийской государственной службе сэра Ричарда Дейна в 1910-х годах организовал управление, функционировавшее при китайском правительстве, но остававшееся независимым от остальных ведомств. В этой инспекции, укомплектованной китайскими и иностранными специалистами, предлагались весьма неплохие оклады денежного содержания, она отличалась чёткой иерархической структурой и перспективой подъёма по служебной лестнице и даже пенсионным обеспечением по старости. Заботливое руководство пользовалось абсолютной преданностью своих наёмных работников. Укреплению этого ведомства служили принципы движения персонала и увольнения тех, кого уличили в таких пороках, как кумовство и казнокрадство. Не меньшую важность представляли благотворные ценности, через которые организационные идеалы воплощались в конкретные административные направления политики. Передовой опыт Солевой инспекции перенимал ещё один видный иностранный советник — француз Жан Монне. Ж. Монне

работал в Китае с 1934 по 1936 год. Он служил председателем Китайского государственного комитета по привлечению кредитов для китайских компаний, а также иностранных компаний для вложения капитала на территории Китая. Этот француз-космополит помог в основании Финансовой корпорации развития, состоявшей из крупнейших китайских банков и государственных ведомств. Её задачей ставилось финансирование перспективных предприятий. Ж. Монне позже стал одним из ведущих основателей Европейского союза¹⁶.

Появление иностранных советников означало, с одной стороны, слабость власти Китая, и его силу — с другой. Кого-то из китайцев возмущало их присутствие, так как они считали, что оно принижает достоинство собственной страны и создаёт впечатление, будто Китай зависит от иностранцев. Они к тому же подозревали этих иностранных советников в том, что на самом деле они всегда будут в первую очередь работать в интересах своих правительств; а когда, что называется, припрёт, они могут оказаться банальными агентами иностранной разведки или посредниками, выполняющими волю властей своих родных стран. Но встречались и другие китайцы, хвалившие тех представителей среди иностранных советников, кто не брал взяток и добросовестно трудился, кто вносил свой вклад в создание государственных учреждений через внедрение новых форм управленческих и хозяйственных навыков. Министры нового патриотического правительства Китая при Гоминьдане и Чан Кайши осознавали потребность в моделях того, как строить современное государство, к которому они стремились. Они нуждались в новом государстве. А такое государство нуждалось в защите от его противников.

Гоминьдановскому правительству, пришедшему к власти в 1927 году, требовалась современная армия. Чан Кайши сам был человеком военным, и он хотел для Китая такие же вооружённые силы, какими располагали Япония, Соединённые

Штаты Америки и Европа. Предназначение такой армии виделось не только в защите страны и его политического строя. В ней к тому же должна была воплотиться форма современности, в которую верил Чан Кайши, в виде тщательно отрегулированного государства, с иерархической системой управления, предметной подготовкой специалистов и чёткой регламентацией жизни народа. Он желал видеть армию ключевым элементом своего нового государства не просто потому, что каждый гражданин нуждался в ней как средстве защиты. Она должна была стать символом в миниатюрном виде того общества, которое, как верили Чан Кайши и многие его современники, может сотворить современный Китай. А путь, ведущий к такой армии, лежал через наиболее толковую подготовку военнослужащих, организованную заморскими инструкторами.

Самое заметное влияние на военное дело в гоминьдановском Китае оказывали немцы. Представители нацистского политического строя продолжали сотрудничество, налаженное в 1920-х годах, и А. Гитлер в 1934 году отправил в Китай Ганса фон Секта, занимавшего во времена Веймарской республики пост главнокомандующего рейхсвером. В Китае фон Сект возглавил комитет немецких советников, занимавшихся предоставлением помощи в области хозяйственного планирования и военного дела. Сменивший фон Секта в 1935 году генерал Александр фон Фалькенхаузен сосредоточил внимание на планировании применения и боевой подготовке китайской армии. А. Фалькенхаузен, считавшийся одним из лучших немецких стратегов своего поколения, сразу же увидел, что в крупном сражении против Японии у Китая нет ни шанса на победу. Он посоветовал Чан Кайши бросить все ресурсы на планирование предстоящей войны и разработку стратегии изматывания противника, предусматривавшей принуждение японцев к ведению войны по всей территории, народ которой они хотят покорить. Немцы пообещали к 1938 году обучить военному делу солдат и офицеров двадцати двух пехотных дивизий и к началу 1940-х годов помочь в

создании военно-морских сил Китая. Немцы к тому же предоставили китайцам доступ к передовым образцам оружия и военной техники, которые китайцам иначе приобрести было негде. С точки зрения немецких властей с вооружением Гоминьдана нацистская Германия становилась мировой державой и получала выход на стратегические полезные ископаемые Китая.

Нацистская диктатура Германии виделась Чан Кайши своего рода современным явлением, которое ему импонировало. И пусть он никогда не был нациал-социалистом, налаженный гитлеровцами порядок ему, безусловно, нравился. Он к тому же верил в то, что Германия и Китай очень близко подходили друг другу. Обе страны считались на Западе отверженными нациями, и теперь они находились в стадии возрождения. Главный немецкий инструктор при телохранителях Чан Кайши Вальтер Стеннес вместе с другими немцами убедил китайского вождя в такой близости двух стран. В. Стеннес сам в своё время принадлежал к нацистскому движению, но в 1931 году порвал с А. Гитлером, так как проповедовал идею более радикальной социальной революции в Германии. По вполне понятным причинам В. Стеннес держался подальше от официальных немецких советников в Китае, зато пользовался большим влиянием на Чан Кайши и главу гоминьдановской полиции Дай Ли. В. Стеннес оставался в Китае до 1949 года, даже после того, как из-за союза А. Гитлера с Японией фон Фалькенхаузену в 1938 году пришлось против своего желания покинуть Поднебесную. Сын Чан Кайши — Цзян Вэйго, обучавшийся военному делу в Германии, — оставался в Берлине как раз до самого вторжения немцев на территорию Польши в 1939 году. (Старший сын Чан Кайши — Цзян Цзинго, как ребёнок буквально совсем другой эпохи, обучался в Советском Союзе, где жил до 1937 года¹⁷.)

Ради создания собственных военно-воздушных сил, а в этом деле немцы помочь не могли, Чан Кайши обратился к США. К 1934 году американцы поставили Китаю значитель-

ное количество военных самолётов, и полковника Джона Джоуэтта, отвечавшего за боевую подготовку военно-воздушного корпуса армии США (как в то время называли ВВС США), назначили главным инструктором новых китайских ВВС. В 1937 году, когда полковника Джоуэтта сменил Клэр Шеннолт, китайцы располагали 645 боевыми самолётами, сведёнными в двенадцать тактических эскадрилий, несколькими авиационными заводами, школой лётчиков и 250 лишним аэродромами. Руководил китайскими ВВС практически на всём протяжении войны против Японии, как в период якобы нейтралитета США, так и после нападения в 1941 году на Пёрл-Харбор, капитан Шеннолт, карьера которого в военно-воздушном корпусе армии США складывалась совсем не гладко¹⁸. Тем временем регулярной подготовкой полиции в Китае тоже в основном занимались американские советники по главе с А.С. Вудсом. А. Вудс служил в городе Беркли штата Калифорния под началом легендарного полицейского начальника Августа Фольмера, который числится «отцом современной правоприменительной деятельности». Чан Кайши считал, что методам работы американской полиции принадлежит будущее, хотя при этом (или именно поэтому) ему не нравились проявления нравственной распушенности американского общества.

Когда гнёт со стороны Японии усилился, Чан Кайши обратился за помощью и к своему старому противнику. Чтобы получить выход на военные поставки, он в 1932 году возродил отношения с Советским Союзом. И.В. Сталин понимал, что предоставление помощи китайскому гоминьдановскому правительству, невзирая за его борьбу против китайских коммунистов, можно назвать единственным способом, с помощью которого Москве удастся укрепить свою безопасность в условиях военной угрозы со стороны Японии. После того как летом 1937 года началась война Китая с Японией, из Советского Союза начала поступать полномасштабная помощь. Уезжавших немцев сменяли советские консультанты и технические специалисты. Иосиф Виссари-

онович отправил в Китай несколько своих выдающихся деятелей, в числе их следует упомянуть Павла Семёновича Рыбалко, которому предназначено было судьбой стать главным специалистом Второй мировой войны в стратегии применения танков; Павла Фёдоровича Жигарева, позже командовавшего советскими ВВС, и Василия Ивановича Чуйкова, бравшего в 1945 году Берлин. В.И. Чуйков, владевший китайским языком и состоявший в группе поддержки Гоминьдана в период существования первого советского альянса в начале 1920-х годов, производил очень сильное впечатление на китайских командиров, которые видели в нём воплощение воли к победе. Василий Иванович верил в способность китайцев не только оказать сопротивление японцам, но и создать современные армии в большом масштабе, причём такие, как он написал в своих мемуарах, которые в мире никто ещё не видел¹⁹.

Генерал Чуйков во многом служил звеном связи в период первого вмешательства коммунистов в дела Китая в начале 1920-х годов и второго — перед войной с Японией в 1937 году. В.И. Чуйков служил молодым военным советником во время Северного похода гоминьдановцев в 1926 году вместе с многочисленными советскими офицерами, помогавшими создавать и оснащать армии китайских патриотов, а потом своих союзников в лице китайских коммунистов. С 1920-х по 1940-е годы к Китаю было приковано внимание революционеров левого толка со всего мира, в подавляющем большинстве своём принадлежащих Коммунистическому интернационалу. Коммунистическую партию Китая основывали и формировали по указке заморских радикалов, которые распространили своё влияние на всё множество китайских организаций, обществ и тенденций движения мысли. Они служили связью между русской революцией и Китаем, между европейскими и североамериканскими марксистами, а также их единомышленниками китайцами. Их можно без особой натяжки назвать самыми влиятельными иностранцами с точки зрения будущего развития Китая.

Формирование Китайской коммунистической партии в 1921 году произошло во многом благодаря большевистской революции 1917 года. На учредительном съезде КПК большим авторитетом в вопросах формирования программы и стратегии пользовался представитель Коминтерна голландец Хендрикус Сневлит (в Китае известный под именем Маринг). Самое главное заключается в том, что он настоял на создании единого фронта новой партии с Гоминьданом. Х. Сневлит, живший в Индонезии (тогдашней голландской колонии), представлял Коммунистическую партию Индонезии на учредительном конгрессе Коминтерна в Москве, и лично В.И. Ленин выбрал его в качестве помощника в деле создания коммунистической партии в Китае. Его преемник в качестве представителя Коминтерна Михаил Маркович Бородин разработал программу функционирования этого единого фронта и организацию советской помощи Гоминьдану. Перед прибытием в Китай М.М. Бродин, как старый большевик и опытный деятель Коминтерна, доказал свои навыки организатора в США, Мексике и Британии. Он верил в прочность союза между Гоминьданом и гораздо меньшей по размеру КПК, причём со временем китайские коммунисты должны были помогать в деле патриотической революции, а заодно привлекать новых сторонников и приобретать влияние.

Для представителей Коминтерна и зарубежных радикальных сторонников коммунизма в Китае стало катастрофой истребление чанкайшистами практически всей КПК в конце 1920-х годов. И.В. Сталин избрал поверхностное оправдание, состоящее в том, что Китай просто не готов для социализма, но многие приверженцы международной социалистической программы внутри Коминтерна питали надежду на возрождение КПК. Главным представителем Коминтерна в Китае в начале 1930-х годов служил Манфред Штерн, командовавший интернациональной бригадой в годы испанской гражданской войны под псевдонимом Эмильо Клебер. Задача М. Штерна заключалась в налаживании союза между КПК и представителями левого крыла гоминьдановской оппозиции, а также в

разработке стратегии для китайских коммунистов по поиску пути возвращения в города из своих разрозненных сельских опорных пунктов. Эта стратегия Штерна себя не оправдала. Следующему представителю Коминтерна старому коммунисту Отто Брауну пришлось помогать КПК уклоняться от полного разгрома перед наступлением армии Гоминьдана. Как это ни покажется странным, но во время Великого северного похода отрядов коммунистов на север в 1934—1936 годах как коммунистам, так и их преследователям помогали немецкие советники: О. Браун находился на стороне КПК, а Александр фон Фалькенхаузен — на стороне Гоминьдана. Говорят, Мао Цзэдун впоследствии утверждал, что на стороне Гоминьдана служили лучшие немцы²⁰.

Кто-то из иностранцев приехал в Китай по велению души, а не по поручению Коминтерна. Американская журналистка Анна Луиза Стронг приехала в эту страну, чтобы писать репортажи о китайской революции, что называется, изнутри. Её судьба служит наглядным примером таких иностранцев, тем более что она прижилась в Китае и умерла там в 1970 году. Дочь министра из Небраски миссис Стронг в 1920-х годах ездила в Советский Союз. «Станет ли Москва, — писала она в 1935 году, — центром ещё и для сотен миллионов представителей жёлтой и смуглой расы к югу и востоку от Азии? Пусть другим, но всё-таки таким же, как для их братьев крестьян в Советском Союзе?» А. Стронг вышла замуж за русского и служила ведущим пропагандистом советской системы. Её самой печально известной на Западе книгой считается «Новая советская конституция: исследование социалистической демократии», вышедшая в свет в разгар сталинских репрессий в 1937 году²¹. Она верила, что только через социалистическую революцию и альянс с Советским Союзом можно спасти Китай от краха, а также подарить надежду миллионам бедных людей, с которыми она познакомилась во время путешествия по их стране.

В начале XX века в Китай тянуло ещё и революционеров из других азиатских стран. Вождь вьетнамских коммунистов

Хо Ши Мин (в то время больше известный под псевдонимом Нгуен Ай Куок), родившийся в 1900 году в уезде Намдам провинции Нгеан, выучил китайский язык, так как воспитывался в конфуцианском духе. 1910-е годы он провёл в основном в Европе и Америке. Хо Ши Мин числится одним из учредителей Коммунистической партии Франции, а в 1924 году его по поручению Коминтерна отправили в Китай. В Китае он прошёл курс обучения в военной академии Хуанпу в Гуанчжоу, начальником которой служил Чан Кайши, а Чжоу Эньлай числился при нём политическим комиссаром. Он женился на китайке и жил в одном доме с М.М. Бородиным. Изгнанный из Китая после переворота Чан Кайши, устроенного в 1927 году, Хо Ши Мин в 1929 году тайно вернулся в эту страну для работы с товарищами из КПК в Шанхае и Гонконге. Он провёл время с 1938 по 1945 год в отрядах КПК на юге Китая, при этом в 1942—1943 годах находился в гоминьдановской тюрьме. Всю свою жизнь он оставался близким человеком для китайских лидеров коммунистов.

Ещё более тесные отношения с Китаем связывают Ким Ир Сена, после 1945 года ставшего вождём народа Северной Кореи. Он родился в 1912 году, рос в христианской корейской семье в Маньчжурии и учился в школе города Гирина, где началась его деятельность как борца с японской оккупацией Кореи. В 1931 году, когда Киму исполнилось 19 лет, он вступил в КПК, на короткий срок попал в японскую тюрьму и вступил в партизанский отряд китайских коммунистов. К концу 1930-х годов он командовал отрядом партизан численностью около ста человек в основном корейцев, действовавших на юге и востоке Маньчжурии с редкими чисто символическими заходами на территорию Кореи. В 1940 году, когда японцы со всей серьёзностью взялись за них, вождей отряда Кима вывезли в Советский Союз, где он прошёл подготовку по программе обучения командного состава Красной армии. В 1945 году Ким Ир Сен вернулся в Корею в качестве президента, которого советского руководство выбрало для его страны. Ким как руководитель сфор-

мировался жизнью в Китае, и его понимание этого соседа Кореи помогло ему выстраивать внешнюю политику в период холодной войны²².

На протяжении XX века на китайский язык перевели громадные количества трудов заморских авторов, и читатели ряда таких переводов оказали глубокое влияние на жизнь в Китае. Авторы переводов сначала сосредоточили своё внимание на трудах, посвящённых проблемам науки, религии, правления, политики и общества. Как мы уже видели, особое влияние на жизнь в Китае оказывали научные труды иностранных авторов. Таким образом, за одно поколение в научном мировоззрении цвета китайского общества произошли изменения, проложившие путь дальнейшему обогащению знаний китайского народа и ввозу техники в страну из-за рубежа. Практически таким же авторитетом как наука пользовались книги по теории права и общества. Американский философ и просветитель Джон Дьюи преподавал в Китае с 1919 по 1921 год, и его переведённые труды приобрели очень большую популярность среди читателей. Через перевод трудов Дж. Дьюи жители Китая тесно познакомились с западной философской традицией. К началу 1910-х годов в Китае к тому же появились переводы трудов Карла Маркса и Фридриха Энгельса, выполненные в основном с японского языка²³.

К 1920-м годам перевод с иностранных языков становится в Китае делом весьма масштабным. В основных издательских домах выпускались крупные справочники западных каноников, подчас состоявшие из сотен томов, которые пользовались популярностью в семьях китайской буржуазии. Можно себе представить, насколько некоторые переводы были далёкими от подлинника, а кое-какие из них — откровенно ужасными. В некоторых случаях переводчики меняли сюжетную линию иностранных произведений художественной литературы. Невзирая на такие умышленные искажения, иностранная беллетристика в Китае пользовалась растущим спросом.

Особая популярность выпала на долю русских писателей XIX века Льва Николаевича Толстого, Фёдора Михайловича Достоевского, Ивана Сергеевича Тургенева. Однако не меньше читали произведения советской литературы и западных авторов, касавшихся проблем общества, таких как Генрик Ибсен или Джордж Бернард Шоу. Но однозначно первое место по популярности занимала детективная и лёгкая развлекательная литература. По тиражу самым любимым китайцами западным писателем перед войной считался сэр Артур Конан Дойль. Его рассказы о Шерлоке Холмсе вдохновили китайских писателей заняться его жанром. Самым заметным из них можно назвать Чэн Сяоцина с его новеллами о шанхайском мастере сыска Хо Сане и его преданном партнёре Бао Лане. При всей их занятости социальными пороками, отличавшей от оригинала, Хо и Бао совсем не уступают своим английским коллегам в профессии и ловко раскрывают интриги китайского дна общества 1920-х годов²⁴.

Самым доступным видом искусства XX века служило кино, и в Китае оно играло такую же роль, как везде на планете. Кинокартины начали демонстрировать в Китае в 1898 году, а первый синемаграф открылся в Шанхае в 1908-м. К 1920 году синемаграфы появились во всех более-менее крупных китайских городах, даже в их рабочих кварталах. Львиная доля кинокартин поступала из Америки, и такое кино стало средством знакомства с жизнью в Соединённых Штатах для подавляющего большинства китайцев. Героями кино для китайцев служили ведущие американские актёры и актрисы, и у Голливуда заимствовались многие элементы стиля и моды. На заре китайской киноиндустрии многое бралось из американских лент, переделанных на китайский лад в исполнении китайских актёров. Одной из популярных актрис такого кино была Цзян Цин, ставшая женой Мао Цзэдуна. В 1922 году даже сняли кино о (выдуманном) посещении Китая Чарли Чаплином. К 1933 году на территории этой страны открылись представительства по распространению товара всех основных кинокомпаний США. В удалённых деревнях, где

подавляющее большинство жителей не знало грамоты, а также никогда не выезжало за рубежи своей страны, кино показывали с помощью кинопередвижек. Народ готов был добираться несколько дней, чтобы посетить такие мероприятия. Для многих китайцев, с которыми познакомился автор книги в конце 1970-х годов, воспоминания о периоде жизни до КНР связывались с просмотром американского кино, когда объектив кинопроектора направлялся на белёную стену дома, выходящую к деревенской площади.

Иностранное присутствие в Китае распространялось на все остальные виды искусства точно так же, как на китайское кино. Китайские деятели искусства знали о заморской технике и стиле на протяжении веков, но к концу XIX века эти знания проявились во всех творческих формах и родились многочисленные синтетические стили. Китайские художники и скульпторы превратились в мастеров смешения западных и европейских мотивов и стилей точно так же, как китайские мастера керамики уже это делали для внешнего рынка на протяжении поколений. Тем временем в конце Викторианской эпохи на Западе последним криком моды стало коллекционирование китайского фарфора. Особую ценность представляли фарфоровые изделия времён династии Мин (1368—1644). За таким коллекционированием последовало изучение и уточнение иностранцами представлений о китайском искусстве. Модернизм в литературе и искусстве на Западе родился на примере восточноазиатских образцов; мастера изобразительного искусства от Клода Моне до Пикассо и Матисса черпали вдохновение из китайских источников, а Эзра Паунд и остальные поэты составляли свои произведения в китайском стиле. Влияние в музыке тоже шло на встречных направлениях. Западная классическая музыка звучала в китайских городах как один из символов современности, а европейская тональная система применялась для написания музыкальной партии для китайских инструментов. Несколько современных композиторов в Европе, среди которых пионерами можно назвать Игоря Фёдоровича Стравинского и

Густава Малера, использовали в своих произведениях элементы китайской музыки. Но на протяжении 1930-х годов ни один жанр музыки так не связывал Восток и Запад, как джаз. Шанхай превратился в центр джаза, где заморские (в большинстве своём американские) и китайские оркестры составлялись и объединялись. Это город считался идеальным местом для выражения настроения с помощью джаза²⁵.

Первая Китайская всемирная выставка в 1929 году предназначалась для демонстрации китайцам и иностранцам современного Китая. На протяжении четырёх месяцев всеобщее внимание было приковано к прекрасному городу Ханчжоу на озере Сиху, где можно было посмотреть, что способны производить китайцы и как новые технологии содействуют развитию китайского предпринимательства. Эта выставка располагалась в восьми основных залах, где можно было познакомиться наряду с прочими экспонатами с планами нового правительства, произведениями китайского традиционного искусства и современными эскизами, сельскохозяйственной продукцией, а также техникой, текстильными, фармацевтическими товарами и изделиями ещё 96 отраслей промышленности. Организаторы той выставки рассчитывали на то, что она послужит средством пропаганды китайских товаров и стимулом развития экспорта. А поскольку её проведение совпало по времени с началом Великой депрессии на Западе, то на неё обратили особое внимание представители большого числа иностранных компаний, надеявшихся на увеличение своей доли на китайском рынке. И пусть по сравнению с Парижской и Чикагской всемирной ярмаркой выставка на озере Сиху выглядела небольшой, зато она позволила показать китайцев людьми, готовыми к внедрению более жесткого варианта управления, сложившегося во внешнем мире²⁶.

Подавляющее большинство преобразований XX века в Китае произошло благодаря международному влиянию на образование, передовой подготовке специалистов и научным

исследованиям. Как мы уже видели, ключевую роль в таком преобразовании сыграли христианские учреждения, но не стоит забывать о целом ряде других действующих лиц: университетов, заморских учителей и специалистов, а также транснациональных школ учёных и исследователей, как китайских, так и иностранных. Для радикалов в Китае цель заключалась в создании современного государства, причём в случае необходимости — на фундаменте заморских концепций и с помощью иностранцев. Чэн Дусю, избранный первым генеральным секретарём КПК в 1919 году, следующим образом высказался по поводу мисс Демократии и мисс Науки:

«Ради мисс Демократии мы должны отказаться от конфуцианского учения и ритуалов, ценности воздержания, устаревшей морали и устаревшей политики. Ради мисс Науки мы должны отказаться от старого искусства и старых религиозных верований. Ради обеих мисс Демократии и Науки мы должны отказаться от „национальной сути“... Сколько же восстаний случилось и сколько крови пролито на Западе ради мисс Демократии и Науки до того, как эти две дамы постепенно вывели европейцев из мрака в светлый мир? Мы свято верим в то, что только они могут воскресить Китай и вывести его из всего нынешнего мрака, где пребывает его политика, нравственность, учёность и мышление»²⁷.

К началу 1930-х годов Китай получил свою первую современную единую школьную систему. Ею предусматривалось обязательное шестигодичное начальное образование с централизованным программным управлением, приблизительно напоминающее американскую модель. На самом же деле, разумеется, доступность начального образования зависела от района страны. Денег на школу в Китае не хватало, к тому же на провинциальном уровне и в школьных советах процветало казнокрадство. Попытки гоминьдановцев поставить под свой контроль принадлежащие иностранцам учебные заведения совершенствованию образовательной си-

системы Китая тоже не помогли. Невзирая на все эти проблемы, новое поколение, появившееся на свет где-то в 1920 году, росло в условиях образовательных возможностей, которые предыдущим поколениям китайцев доступными не были. И это поколение предоставленными ему возможностями воспользовалось в полной мере²⁸.

Быстрее, чем любые другие аспекты китайского просвещения, по указке иностранцев удалось преобразовать университеты. Мы уже узнали о роли христианских университетов и миссионеров в становлении светских учреждений. Одновременно стремительно расширялся приём абитуриентов в государственные университеты. Самым крупным и престижным вузом считался Пекинский университет. В 1952 году произошло его слияние с Яньцзиньским университетом Лейтона Стюарта. Им руководили два выдающихся ректора — Цай Юаньпэй, занимавший этот пост с 1917 по 1927 год, и Цзян Мэнлинь, служивший в той же должности с 1930 по 1937 год. Цай Юаньпэй получил классическое образование, в 1907 году отправился в Германию на учёбу и потом стал самым известным деятелем просвещения в Китае. Цзян Мэнлинь в 1917 году защитил учёную степень доктора философии Колумбийского университета; он выступал за слияние заморского и китайского подходов к обучению. О своих целях он написал так:

«К стволу конфуцианской системы знаний, которая начинается с постижения вещей или природы и ведёт к человеческим отношениям, мы должны привить черенок западной системы научных знаний, которые начинаются с того же постижения вещей, но к их взаимным связям ведут другим путём. Как и на Западе, нравственная сфера будет сосуществовать в Китае с интеллектуальной, но одна будет служить стабильности, а другая — прогрессу»²⁹.

Самые заметные подвижки в познании в современном Китае происходили в физике, химии и биологии. Предпосылками для этого служили совокупность переводов трудов западных авторов, работа иностранных преподавателей, толковые

программы обучения и возможность приобретения знаний за рубежом. Кое-кто из историков науки к тому же говорит, что китайцы были подготовлены к использованию в своих интересах последних научных достижений, так как у них отсутствовали традиционные подходы, стоявшие на пути новых идей. Сразу после внедрения западной науки она казалась свежим и новым явлением. Как наглядный пример этого можно привести теорию относительности в физике: когда Альберт Эйнштейн в 1922 году посетил Китай по приглашению Цай Юаньпэя, его принципы уже признало большинство учёных китайцев. Ведущий китайский физик следующего поколения У Даюй, который тоже служил в Пекинском университете, подготовил целую плеяду китайских учёных, получивших международное признание. Среди них Ли Чжэндао и Ян Чжэньнин, удостоенные Нобелевской премии в 1957 году за открытия в области элементарных частиц. Меньше чем за 50 лет китайская наука претерпела громадные преобразования.

Достижения в обучении наукой отнюдь не ограничивались. В начале XX века сам китайский язык подвергся фундаментальному изменению, а реформаторы при этом воспользовались заморскими моделями. Классический письменный китайский язык, служивший знати, в котором отсутствовал разговорный эквивалент, постепенно заменили разговорной речью байхуа на основе пекинского диалекта. Хотя на протяжении как минимум двух веков уже существовало разговорное письмо, именно перевод Библии конца XIX столетия послужил распространению такого опыта в народе. Итогом последней крупной схватки между противниками и сторонниками иностранного влияния считается поражение во многом классического китайского языка. Противники реформы предупреждали, что с внедрением нового типа языка погибнет истинная культура Китая. Сторонники, постепенно одержавшие победу в 1920-х годах, обосновывали свою позицию новыми формами китайского патриотизма, как его сформулировал Ху Ши во время обучения в Корнеллском университете в 1916 году:

«Сегодня нам нужен язык, на котором можно читать, говорить, петь, слушать, диктовать. Язык, на котором можно читать тексты вслух и не делать перевода на разговорный язык. Язык, посредством которого можно делать заметки и не переводить на книжный язык. Язык, на котором можно выступать с трибуны, а также со сцены. Язык, который поймут даже деревенские старухи, женщины и дети, когда мы будем им читать на нём. Любой язык, не отвечающий всем этим требованиям, живым языком называть нельзя, и его ни при каких обстоятельствах нельзя назначать государственным языком нашей страны»³⁰.

Споры по поводу языка можно назвать показательными с точки зрения дебатов начала XX века, развернувшихся вокруг китайского образования. Представители разных групп предлагали двигаться в диаметрально противоположных направлениях, часто под влиянием соответствующих иностранных концепций. Кое-кто из учёных предлагал совсем отказаться от китайского языка в качестве государственного языка и заменить его английским. Тем временем Цюй Цюбо в Москве работал над фонетическим алфавитом, основанным на изобретениях советских учёных для своих азиатских республик. Он в конечном счете превратился в сегодняшнюю латинизированную версию алфавита для китайского языка. Разумеется, Китай не стал уникальной страной, где пришлось заниматься классическим наследием в условиях современных обстоятельств. На память тут же приходят Греция и арабский мир. Но решение, навязанное китайцам, представляется типичным по своему подходу к современности через замену письменного языка записанной речью их столицы. Тем самым обучение одновременно становится более трудным и более доступным.

В результате общения китайцев с народами остального мира к тому же навсегда изменилась роль китайских женщин и самой семьи. Притом что их относительное положение отличалось в зависимости от местности и общественной группы принадлежности, женщины в цинском Китае нахо-

дились в кабале патриархальной системы, построенной в соответствии с иерархией в семье от отца вверху и вниз к мужу, а также первенцу-сыну. Им обычно отказывали в получении образования за пределами семейного дома, а роль женщины ограничивалась воспроизводством потомства и поддержанием уюта в доме, как правило под присмотром деспота-свекрови или мужа, которого китаянка не выбирала. Даже в период сорокалетнего правления вдовствующей императрицы Цыси (как-никак женщины) в её время не признавали необходимости изменения общего положения китайских женщин. Приверженная традиции императрица Цыси, говорят, добровольно взяла на себя бремя всем ненавистой свекрови. Однако к концу XIX века до китайцев стали доходить известия о движении эмансипации женщин на Западе. Молодые патриотки из знатного сословия, многие из которых получили образование в школах при европейских религиозных миссиях, начали настаивать на новой для себя роли в обществе и политике. Для многих консервативно настроенных китайцев эмансипация женщин по западному лекалу представлялась самым опасным проявлением иностранного влияния, ведь речь, как они думали, шла о разрушении семьи и к тому же, соответственно, об уничтожении Китая.

С самого начала агитация за права женщин Китая в основном связывалась с правами политическими. Активисты обоих полов верили в то, что положение женщин должно поправиться, если им предоставить возможность для участия в создании нового государства на фундаменте патриотизма. Ярким примером такой бескомпромиссной революционерки можно назвать поэтессу Цю Цзинь, боровшуюся с цинским травестизмом и сложившую голову на плахе в 1907 году. Она верила в то, что после свержения Цинов китайские женщины должны обрести достойную роль в обществе. В дальнейшем оптимизма у феминистов обоёго пола поубавилось. В годы расцвета движения 4 мая корень проблемы женщин виделся в китайском обществе, причём независимо от государства,

стоявшего над этим обществом. Под влиянием европейских идей яростным гонениям подверглись такие установления, как договорные между родителями браки и патриархальный надзор. В своём знаменитом эссе по поводу пьесы Генрика Ибсена «Кукольный дом» Лу Синь размышляет, куда Нора ушла из дома, и делает вывод о том, что ключом к благотворным изменениям в обществе может послужить экономическая самостоятельность женщин. Мао Цзедун, которого тоже женили родители по сговору, был врагом всех таких соглашений. В 1919 году он написал о девушке, перед обручением покончившей с собой: «В западной семейной организации отец и мать признают свободную волю своих сыновей и дочерей. В Китае такое не принято... Родители мисс Чжао предельно откровенно принуждали её полюбить того, кого она любить не хотела... в этом видится своего рода половое насилие... Китайские родители поголовно косвенно насилуют своих сыновей и дочерей»³¹.

Отношения между китайцами и иностранцами тоже легли бременем на систему семейных связей Поднебесной. В XIX веке заморские мужчины брали китайских городских женщин себе в любовницы и бросали их, когда возвращались на родину. Типичные для колониального присутствия, такие отношения отличались явным неравенством, зато во многих случаях китайские женщины приобретали знания и материальное благополучие, о которых иначе они не имели бы понятия. В XX веке гораздо чаще такие отношения перерастали в брачные союзы до конца жизни супругов даже при всём сохраняющемся отрицательном отношении на Западе к межрасовым семейным союзам. В 1927 году британский комиссар полиции в Шанхае заявил, что «смешанные браки противоречат интересам полиции»³². Но всё равно подобные союзы возникали, и китайцам с иностранцами приходилось с ними мириться. Кое-кто из китайских жён иностранных граждан становились своего рода культурными посредниками. Анна Шеннолт, родившаяся в 1925 году и до замужества за американским генералом Клэром Шеннолтом носившая

имя Чэнь Сянмэй, играла заметную роль в китайско-американских отношениях на протяжении пятидесяти лет. Сын Чан Кайши Цзян Цзинго во время своего длительного изгнания в России женился на советской гражданке Вахревой Фаине Ипатьевне. Известная под именем Цзян Фанлян, эта женщина стала первой леди Китайской республики на Тайване.

Для китайцев и европейцев положением попроще любовь, минуя национальные и культурные границы, представлялась делом трудным, но всё более распространённым. Заморские солдаты в Китае брали в жёны китайских девушек: после Второй мировой войны в США из Китая со своими американскими мужьями уехало девять тысяч китайцев. Большое количество браков было заключено во времена, когда нормами американского иммиграционного права китайцам всё ещё запрещалось проживание в стране мужей. Многие иностранки в Китае выходили замуж за китайцев, и не только в городах, но к тому же в сельской местности, особенно в деревнях провинций Гуандун и Фуцзянь. Шотландская новозеландка Мари Юэ, урожденная Фергюсон, в 1890 году приехала с детьми в деревню к своему мужу в Тайшань, где её дети и выросли. Её семья считается транснациональной, принадлежавшей к глобальному Китаю, речь о котором пойдёт в следующей главе. Но одновременно её семья была явлением местного значения, ведь само существование заморских жён меняло быт деревень, в которых они жили, в большей степени, чем местные жители готовы были это признать³³. Иногда межкультурное напряжение становилось непереносимым. Эстер Чаоин, отец которой был китайским студентом в Лондонской школе экономики, а мать — выходцем из низов Лондона, питала симпатию к обоим своим родителям:

«Моей матери из рабочего класса было совсем нелегко представить, что нёс с собой брак с сыном китайского мандарина. Она была слишком молодой и совсем ничего не знала о различии культуры Востока и Запада, чтобы попы-

таться хотя бы как-то приспособиться к обычаям китайской жизни. Родственники моего отца прогнали его только за то, что он женился на «заморском дьяволе». Обстоятельства для молодых супругов складывались так, что их брак не состоялся»³⁴.

Любовь между китайцами и иностранцами оказывала своё воздействие на международную историю в регионе и мире в целом вразрез со всеми межкультурными трениями. Точно такую же важность для Китая представлял спор по поводу новых форм отношений между мужчинами и женщинами, а также между представителями разных поколений. Для части народа иностранец заключал опасность, для других его представителей дело касалось свободы и шанса в жизни. В Китае такие суждения менялись на протяжении всего столетия, и однозначного отношения к роли иностранцев не сложилось поныне. Мао Цзэдун, ненавидевший организованные браки, сказал своё слово в изменении роли женщин в Китае, но тоже попытался сократить общение китайцев с внешним миром. При этом он делал всё, чтобы усложнить жизнь транснациональных семей или разделить супругов. Но даже Мао со своей политикой не смог полностью разорвать узы международных семей в Китае или принизить ценность китайских семейных отношений. В конечном счёте, семейная любовь была важнее концепции нации, патриотизма или идеологии.

Существует множество подчас противоречивых вариантов толкования роли иностранцев в истории Китая до 1949 года. Кое-кто из наблюдателей сосредоточивает внимание на аспекте колониальной эксплуатации, характерной, по их мнению, для первого периода внедрения капиталистической новизны в Китае. При таком мрачном взгляде получается так, что независимость и государственность Китаю вернулись только с изгнанием иностранцев после 1949 года. Есть те, кто находит в сотне лет общения китайцев с иностранцами с 1850 по 1950 год больше положительного, чем отрицательно-

го, а также проявляет тенденцию к тому, чтобы делать акцент на том, будто взаимоотношения с иностранцами сыграли свою роль в создании современного Китая. Поиск истины в этой дискуссии затрудняется тем, что коммунистические власти Китая вычеркнули из истории своей страны подавляющее большинство иностранцев (исключение коснулось только небольшой группы их любимчиков). Студенты автора книги сегодня часто не могут себе представить степени, до которой Китай был открытой для внешнего мира страной до 1949 года, или решающей роли, которую иностранцы сыграли в развитии Китая. С другой стороны, тем не менее иностранцы подчас не понимают всей глубины чувства унижения, которое сегодняшние китайцы испытывают, озираясь на прошлое своего народа. По крайней мере, видя его в том варианте, который им предлагают. Ведь концессии, экстерриториальность, финансовые репарации и высокомерное поведение иностранцев в Китае представлялись бы оскорбительными примерами взаимодействия с внешним миром для народа любой страны, к тому же они особенно возмущают поколение китайцев, воспитанное на санкционированном властями патриотизме.

На самом деле иностранцам в Китае досталось несколько не меньше дел, чем самим китайцам. Кто-то приехал сюда из своей любви к Китаю и его народу. Кто-то приехал за душами во имя Христа или за коммерческой выгодой. Кто-то стал китайцем (как некоторые китайцы стали иностранцами). Кто-то приехал ради любви, а кого-то привела сюда жажда мести и разрушения. Их судьбы служат свидетельством свершений прошлого и как эти свершения соединялись в одном деятеле. Вспомните, например, о багдадском еврее Силасе Хардуне, прожившем в Шанхае шестьдесят лет, заработавшем состояние на освоении объектов недвижимости и торговле хлопком. А умер он самым богатым жителем этого города. Притом что он числился британским подданным (хотя в Британии он ни разу не был), мужем китаянки (притом что едва говорил на её языке), похорони-

ли его по еврейскому и буддистскому ритуалу. Хардун занимался всем, что вызывало подозрение вельмож империй и ярость националистов. Его нельзя назвать ни иракцем, ни китайцем, ни британцем, зато он принёс огромную пользу Китаю. Любая попытка ура-патриотов вычеркнуть его или равных ему по масштабу личности «иноземцев» из истории Китая послужит только обеднению сложной её реальной канвы.

Отношения между «китайским» и «иноземным» в XX веке к тому же следует рассматривать в контексте исторических перемен в сфере политики, а также терминологии. Полный суверенитет на самом деле вернулся Китаю не в 1949 году, как часто говорят. Шаг за шагом нетвёрдой походкой Китай его обрёл между 1925 и 1946 годами во время нахождения у власти Гоминьдана. Именно в этот период времени, то есть задолго до прихода коммунистов к власти, таможенная автономия и иностранные концессии вернулись в распоряжение тогдашнего правительства Китая. Новое правительство Поднебесной хотело планировать будущее своей страны соответственно патриотическим принципам и негодовало по поводу «хаоса», позволившего иностранцам и китайцам определять свою судьбу. Исход войны с Японией и победа коммунистов стали просто последним гвоздём, забитым в гроб «века заморского господства» в Китае.

Глава 6

ЗАРУБЕЖЬЕ

Невзирая на неодобрение властей, всё больше китайцев в конце правления цинской династии путешествовали за границу, ездили в гости за рубеж и оседали в иностранных государствах. Ручеёк китайской эмиграции XVIII века в XIX столетии превратился в полноводный поток, причём главным его направлением стала Юго-Восточная Азия. Из двадцати миллионов или что-то около того китайцев, уехавших в заморские страны перед 1949 годом, около половины в середине XIX века и каждый десятый с лишним в 1920-х годах отправились в страны, расположенные южнее Поднебесной. На Малаккский полуостров, находившийся под господством англичан, переехало от шести до семи миллионов китайцев, в Голландскую Ост-Индию переселилось их от четырёх до пяти миллионов человек, и во Французский Индокитай — где-то два—четыре миллиона человек. Три с половиной миллиона китайцев переехало в Таиланд, и миллион — на Филиппины. На остальные страны мира, включая обе Америки, приходится два с половиной миллиона китайских иммигрантов. Волна китайской эмиграции считается значительной, но всё-таки выглядит небольшой по сравнению с масштабом оттока населения из европейских стран. Здесь уместно напомнить о том, что европейцы захватывали и осваивали территории трёх чужих континентов, по ходу дела практически истребляя местное население, а цели китайского переселения ограничивались погоней за коммерческими преимуществами, появлявшимися в основном вдоль торговых путей, прокладываемых представителями

европейских империй. Теперь подведём итоги: сегодня за пределами Европы проживает больше 350 миллионов человек европейского происхождения, а китайцев за пределами КНР насчитывается всего лишь 40 миллионов человек. Даже если посчитать китайские поселения в приграничных зонах Поднебесной (в Маньчжурии, Синьцзяне, Внутренней Монголии, Юньнани и на Тибете), то всё равно получится, что численность приезжих и их отпрысков здесь гораздо меньше, чем европейцев за пределами Европы. Следовательно, значение китайской зарубежной диаспоры заключается не в её численности (исключение составляют некоторые области Юго-Восточной Азии), а в её влиянии, оказанном на жизнь народа в странах, куда китайцы переехали жить, и особенно на развитие самого Китая.

Как и в Европе, в китайской среде существовали различные виды эмиграции. Побудительными факторами переселения в другие страны служили нищета, войны, природные катастрофы; притягательными можно назвать благоприятные коммерческие возможности, получение образования, освоение пустующих земель. Подавляющему большинству китайцев, отправившихся за рубеж, приходилось преодолевать попытки не пустить их туда, куда им хотелось, при этом практически все они прибывали в зарубежные страны нищими. Эти китайцы научились селиться на окраинных территориях империй, где было легче прижиться и где обещались благоприятные экономические перспективы в будущем. Таким образом, повествование о китайских поселениях за рубежом по большому счёту служит описанием распространения европейских путей морской торговли в бассейне Южно-Китайского моря и через Тихий океан. Новая глава открывается со сдачей в эксплуатацию в 1869 году Суэцкого канала, связавшего Европу с Азией более коротким маршрутом. Путешествия на такие протяжённые расстояния по-прежнему чаще организовывали китайские, чем иностранные агентства. Китайским переселением с самого начала занимались прежде всего сами китайцы.

Как и везде, переселение народа из Китая часто происходило в два этапа. Люди переезжали в города в поисках работы, а потом отправлялись в рубежные страны. Эмиграция по большому счёту была делом добровольным в том плане, что эмигранты сами принимали решение отправиться за рубеж, хотя вербовщики прославились тем, что шли на всевозможные уловки или даже на похищение рабочих ради выполнения своих вербовочных квот. Подавляющее большинство переселенцев устраивалось на полевых работах или чужих фабриках; они выращивали хлопок или сахарный тростник, добывали полезные ископаемые или прокладывали тоннели, изготавливали боеприпасы или продовольственные товары. Кто-то из китайских эмигрантов устраивался портным, поваром или прачкой. Они занимались самой разнообразной деятельностью, впрочем, как и европейские переселенцы. Подавляющее большинство китайцев за рубежом оставались в нищете, и гораздо более значительная их часть, чем европейских скитальцев, в конечном счёте возвращалась жить в свои родные городки. Кому-то везло очень разбогатеть, особенно в Юго-Восточной Азии или, но только в редчайших случаях, в обеих Америках, да и то в конце XX века. Однако число богатых китайцев всегда было гораздо меньше, чем считали многие жители стран, где они поселились.

В потоке китайской эмиграции можно выделить несколько волн, хотя общая её статистика показывает постепенный рост до момента экономического спада или введения запретов на иммиграцию. Поток эмиграции удвоился в конце 1870-х годов, а следующие её подъёмы приходится на годы после революции 1911 года и 1920-е годы. Количество женщин-эмигрантов резко увеличивалось начиная с 1920-х годов. Это означает, что за границей поселилось больше китайских семей. В некоторых случаях тем не менее китайские мужчины-эмигранты, кто мог себе это позволить, заводили семьи за границей и в Китае в форме разнообразного сожительства. Степень объединения между китайцами, кто избрал или получил разрешение остаться за рубежом, определялась услови-

ями конкретной страны, при этом она практически не отличалась от сообществ европейской эмиграции первого и второго поколений: очень скоро они начинали считать себя местными жителями (но при заметном сохранении собственной китайской особенности).

Огромное большинство китайских переселенцев прибыло в зарубежные страны из южных и ещё больше из прибрежных провинций Гуандун и Фуцзянь. Отправляясь из одних и тех же портов, эти южные китайцы уходили в разные пункты назначения. Почти треть первоначальной эмиграции в Юго-Восточную Азию поступила из Фуцзяни, а больше половины переселенцев обеих Америк прибыло сюда из Гуандуна. Как и в Китае, переселенцы всегда объединялись в братства или организации, которые обеспечивали им протекцию и своеобразную форму коллективного волеизъявления на их новой родине. Сначала создавались так называемые гунсо, что в вольном переводе можно назвать гильдиями или торговыми ассоциациями. Первыми создавали свои организации купцы и посредники, так как они обладали большей по сравнению со своими земляками властью. За гунсо следовали хуэйгуани или тунсянхуэи, представлявшие собой разнообразные виды организаций земляков, члены которых присматривали за китайцами из одной области, деревни или клана. Потом шли баны (сообщества) и хуэи (объединения). Последние считались группами взаимопомощи или политическими собраниями (такими как Гоминьдан), но в некоторых случаях они представляли собой преступные группировки, позже получившие известность как подпольные организации или триады. Способность китайцев к организации соотечественников и взаимопомощи облегчала их жизнь за рубежом, с одной стороны, но могла означать эксплуатацию человека человеком внутри самих общих — с другой.

Наиболее значительная роль китайской эмиграции состояла в том, что она служила конвейером для передачи идей и технологий между Китаем и остальным миром. Китайцы, жившие за рубежом, возвращались домой, обогащённые но-

выми задумками и намерениями; они повторяли опыт других народов в туризме, основывали новые предприятия и организации. Вместе с иностранцами, поселившимися в Китае, они внедряли новые товары и вкусы, а также новые представления о том, как должен жить народ. Они организовывали посещение другими китайцами мест своего проживания за рубежом, открывали китайские школы и создавали корпоративные сети. К концу XX века транснациональные китайские семьи часто процветали в нескольких местах сразу — например, в Гонконге, Калифорнии и Сингапуре или в Лондоне, на Тайване и в Шанхае. Происхождение корней Китая как великой экономической державы после 1980 года нельзя объяснить без существования сети, предоставленной такими семьями. Они служили и служат связующим звеном, на котором держатся отношения Китая с остальным миром, как в благополучные, так и в худшие времена.

Страны бассейна Южно-Китайского моря — Наньян (не путать с городским округом в провинции Хэнань КНР) — стали наиболее притягательным пунктом назначения китайской эмиграции в XVIII столетии и оставалась им всегда. В китайском понимании Наньян означает всю территорию сегодняшней Юго-Восточной Азии до далёкой Австралии и восточного побережья Индии. Торговля и небольшие поселения китайцев в некоторых уголках этого региона возникли несколько столетий назад. В Брунее находится склеп китайского посланника XIII столетия, а в Нанкине сохранилась могильная плита султана Брунея XV века. Локомотивом отношений на протяжении веков служили коммерческие интересы; как мы уже познакомились с китайским пониманием уплаты дани императору в Пекине, она всегда предусматривала торговлю. В конце XVIII столетии по мере расширения европейского колониального господства группы китайцев начинают обустриваться в Юго-Восточной Азии, а в XIX веке этот ручеёк переселенцев становится постоянным потоком

народа, перемещающегося туда и обратно между Китаем и ЮВА. Ни в одной другой части света китайская иммиграция не была такой массовой, как в данном регионе и самом Китае.

Очень большая группа китайских переселенцев прибыла в Юго-Восточную Азию из провинции Фуцзянь. Сегодня их потомки составляют примерно половину всех китайцев в Индонезии и Малайзии. Эта прибрежная провинция вполне может служить отображением китайской эмиграции как таковой в миниатюре. Её население, сегодня достигшее 36 миллионов человек, состоит из нескольких диалектных групп и групп народностей. С точки зрения социально-бытовых условий группы эти отличаются огромным разнообразием: на территории провинции живут богатые купцы в городах у морского побережья и очень бедные крестьяне в глубине материка, где выживание всегда было делом трудным. Около четверти населения приходится на китайскую народность хакка, совершенно определённо отличающуюся от остальных народностей и поселившуюся в Фуцзяни в XIV веке. Начиная с XVIII века фуцзяньцы основали свои колонии на Тайване, где сегодня они составляют около 70% населения. Владевшие прекрасными навыками мореходов и располагавшие товарами на продажу (так, английское слово tea (чай) пришло из фуцзяньского диалекта — «тэ») фуцзяньцы предпринимали протяжённые экспедиции к окружающим странам и протоптали тропинку трудовым переселенцам. В наши дни в каждой деревне Фуцзяни найдутся семьи с заморскими родственниками, и многие жители таких деревень провели какое-то время в зарубежных странах.

подавляющее большинство китайцев, переселявшихся в Юго-Восточную Азию, отправлялись туда в качестве рабочих, и даже если кто-то привозил домой коммерческие навыки, практически все оставались нищими людьми. По сравнению с жизнью в родных провинциях конца XIX и в XX веке китайцы, перебравшиеся в Юго-Восточную Азию, считали, что им крупно повезло. На протяжении длительного периода времени им везло с точки зрения политической стабильности и

сложившейся благоприятной экономической конъюнктуры. К тому же они пользовались своей относительной самостоятельностью и возможностью отправлять домой денежные переводы. Соответственно, число таких переселенцев росло. Сегодня около трети (7,5 млн человек) населения Малайзии причисляется к выходцам из Китая. В Индонезии их число оценивается в 3% (6 млн человек), в Таиланде — 10% (6,5 млн) и на Филиппинах — 2% (2 млн человек). В султанате Бруней четверть его населения, оцениваемого в 400 тысяч человек, — китайцы по происхождению. Повсюду в этом регионе от Индокитая до Бирмы в деловых и промышленных кругах представлена верхушка из потомков китайских переселенцев. К концу XX века китайские иммигранты сделали заметный вклад в преобразование стран Юго-Восточной Азии в современные государства.

Наньянские китайцы оказали громадное благотворное влияние на Китай. Даже в период японской оккупации Поднебесной или в ходе сумасбродных экспериментов Мао Цзэдуна у властей полностью оборвать связи китайцев Юго-Восточной Азии с их родиной так и не получилось. Деньги, письма и иногда люди находили для себя путь в пределы родины. В лихие времена самые отважные китайцы поднимались по реке из Гонконга или пересекали пролив с Тайваня, не спрашивая у властей виз и прочих документов. С началом периода реформ в конце 1970-х годов старые связи с Юго-Восточной Азией быстро восстановили. Вместо К. Маркса или председателя Мао на стенах многих деревень в Гуандуне и Фуцзяни теперь красуются портреты их заморских благодетелей. В эти провинции, главным образом через Гонконг, потоком хлынули инвестиций. Тайская компания «Чароен Покпанд фудс», числящаяся среди крупнейших иностранных конгломератов на территории КНР, была образована в 1921 году, когда Сюэ Ичу и его братья родом из города Чэнхай в провинции Гуандун открыли в китайском квартале Бангкока магазин семян «Чиа-Таи». Они ввозили в Таиланд семена и овощи из Китая, а вывозили в Гонконг

свинину и яйца. Сын Сюэ, взявший тайское имя Данин Чераванонт, числится самым богатым подданным королевства Таиланд, и он поддерживал близкие отношения со всеми китайскими руководителями со времён Дэн Сяопина.

По мере укрепления патриотического чувства населения Китая и стран Юго-Восточной Азии в XX веке китайское присутствие в этом регионе приобретало для Пекина всё большее значение, а местным властям доставляло всё больше головной боли. Наньянские китайцы выступили в качестве главных сторонников Гоминьдана, а после Второй мировой войны кое-кто из них пополнил ряды местных коммунистических партий. Китайских революций 1911—1912 годов и борьбы Гоминьдана за власть в 1920-х годах не могло не случиться без содействия китайцев Юго-Восточной Азии. В этой связи Сунь Ятсен назвал диаспору заморских китайцев «повивальной бабкой революции». Деньги, поступившие из китайских организаций ЮВА, спасли от забвения замыслы Сунь Ятсена в неблагоприятные годы его отставки от власти и весьма пригодились во время гоминьдановского переворота 1928 года. Одновременно китайский патриотизм в КНР вселил в кое-кого из китайцев ЮВА новое ощущение национальной принадлежности, которой стоило гордиться. Ведь они теперь считались выходцами не из каких-то там китайских деревень или провинций, а из пробудившейся Поднебесной. Тогда как большинство наньянских китайцев стремилось к некоему объединению, представители ряда их групп гордились своим положением сторонних наблюдателей.

С крушением колониальных держав после Второй мировой войны по всей Юго-Восточной Азии расплодилось новые государства с ярко выраженной национальной принадлежностью, и ситуация для китайского меньшинства здесь заметно осложнилась. Практически, как и в ситуации с европейскими евреями в первой половине XX столетия, на заморских китайцев начались нападки за то, что они, мол, располагают чрезмерными богатствами, хотя такие обвинения можно было предъявить совсем немногим из них. А ещё

их поголовно подозревали в принадлежности к коммунистическим агентам, хотя таковых среди китайских переселенцев отыскать было непросто ввиду малочисленности. В Малайзии довольно-таки много простых китайцев оказались замешанными в восстании под знамёнами Коммунистической партии Малайи, причём большинство примкнуло к нему из опасения оказаться на задворках независимого малайского государства. После подавления этого восстания малазийским китайцам пришлось смириться с жизнью в стране, где их лишили всякого политического влияния. В других странах всё повернулось куда хуже. После военного переворота 1965 года в Индонезии несколько тысяч индонезийских китайцев перебили за просто так даже притом, что политики они никак не касались. Но самые кровавые расправы над наньянскими китайцами происходили в странах, где коммунисты Китая поддерживали те самые власти, которые потом взялись за своё китайское население. В Камбодже после 1975 года красные кхмеры, пользовавшиеся помощью КПК, уничтожили половину китайского кхмерского населения. Во Вьетнаме после объединения Севера и Юга по китайским купцам и владельцам торговых лавок прошёлся каток борьбы с буржуазным наследием, организованной руководителями коммунистического режима. И эта борьба переросла в кампанию расовой дискриминации потомков китайских переселенцев. Половина вьетнамских китайцев покинула Вьетнам; каждые шесть или семь из десяти беженцев, отчаливших в лодках от берегов Южного Вьетнама, были китайского происхождения. На севере этой страны как минимум 200 тысяч человек ушли через границу в КНР.

В остальных странах налаживание отношений китайцев с коренными народами проходило, по крайней мере внешне, вполне благополучно. На Филиппинах китайцы преуспевали и принимали активное участие в политической жизни. Кстати, в роду героя борьбы за независимость Филиппин Эмильо Агинальдо и президента Бенигно Акино-младшего (третьего) можно обнаружить китайские корни. На Филиппинах откры-

ты китайские школы и выходят газеты на китайском языке, а практически все молодые китайцы пользуются богатствами филиппинской культуры через владение китайским или тагальским языком, а то и обоими сразу. В Таиланде, при всём негодовании в этом королевстве по поводу китайского влияния, основные банки и львиная доля промышленности находятся под управлением выходцев из Китая. В этой стране как таковой как минимум у трёх тайских премьер-министров можно обнаружить примесь китайской крови, в том числе у одиозного Таксина Чиннавата, чей прадед родился в городке Мэйчжоу провинции Гуандун. Великой тайной, всем известной, но не обсуждаемой в Бангкоке, считается тот факт, что корни тайской августейшей семьи тянутся к иммигрантам из Гуандуна в XVIII столетие. В Таиланде, как и практически во всех странах Юго-Восточной Азии, китайское присутствие вплетено в ткань самих народов, и патриотам любого разлива его не так уж легко вытравить.

Националисты не оставляли заморских китайцев, даже вернувшихся в Поднебесную. В 1930 и 1940-х годах японские оккупанты считали их британскими или американскими лазутчиками. Гоминьдановцы старались привлекать тех, кто вернулся на родину, к участию в политике модернизации Чан Кайши, а если те не соглашались, тогда их объявляли изменниками. Но самый тяжкий для заморских китайцев период в Китае выпадал на великие кампании коммунистов, проводившиеся с конца 1950-х годов до середины 1970-х, когда любое подозрение в наличии связи с иностранцами могло означать немедленный смертный приговор. Селянам на побережье моря приходилось вступать в схватки с «красногвардейцами» (хунвейбинами), пытавшимися расправиться с представителями их клана, вернувшимися из-за границы. Пусть притом, что связи с родственниками или друзьями за границей совсем не обрывались никогда, даже в самые мрачные времена Великой культурной революции, китайцев, живших и работавших за рубежом, после возвращения в Китай встречали с большой настороженностью. По иронии судьбы

они становились жертвами пламенного патриотизма, который многие из них или их предшественников помогли воспитать на фундаменте заморских представлений, завезённых в Китай в начале XX века.

На сегодняшний день сознательное отторжение гражданами Китая соотечественников, живших за границей, практически ушло в прошлое. Однако всё ещё сохраняются препятствия, которые китайцы, путешествующие между странами, вынуждены преодолевать, чтобы к ним терпимо относились в Китае, но представление о том, что можно жить за границей и тем не менее оставаться китайцем, получило более-менее широкое распространение. Для тех, кто видит себя где-то китайцем, а также ощущает свою принадлежность к межнациональной сети или семье, положение сохраняется как бы неуравновешенным. Космополитизм как принцип воспринимается китайскими патриотами любой закваски с большими оговорками. При этом целые области вдоль южного побережья Китая всё ещё зависят с точки зрения хозяйственного развития от семейных уз с заграницей. В таких *цяосян*, или родных деревнях эмигрантов, насчитывается большое количество родившихся за границей китайцев или жителей, проживавших какое-то время в других странах, которые теперь вносят решающий вклад в китайское народное хозяйство через передачу навыков или открытие компаний. Более того, они оказывают содействие экспортно ориентированной экономике через родственников или деловых партнёров в Юго-Восточной Азии, Каталонии или Белфасте. Даже самым пламенным китайским патриотам очень сложно парировать такой фундаментальный аргумент в пользу связей *цяосян* или проявлений межгосударственного сотрудничества.

Только лишь в одном месте за пределами Китая китайцы на самом деле составляют большинство населения, а также служат ведущей силой в политике и предпринимательстве. Это — Сингапур, ставший колонией англичан на самой око-

нечности Малаккского полуострова в 1819 году и служивший деловым перевалочным пунктом, а также стратегической сторожевой заставой для контроля над Малаккским проливом. Когда создавался Сингапур, там уже существовало значительное китайское население, обслуживавшее связи с Батавией (ныне Джакартой), Пинангом и Малаккой. К 1840-м годам Сингапур уже выглядел преимущественно китайским городом, деятельность жителей которого вращалась вокруг торговли и транзита. В 1880-х годах он стал портом для приёма китайских рабочих, прибывающих, чтобы возделывать плантации и осваивать месторождения полезных ископаемых, открытые колониальными властями на Малаккском полуострове и прилегающих островах. Эксплуатация вновь прибывающих из Китая наёмных рабочих достигала такой степени жестокости, что англичане создали в поселениях так называемые «китайские протектораты», где первым регентом служил Уильям Пикеринг. У. Пикеринг, как ветеран китайской службы морской таможни, владевший сразу мандаринским и фуцзяньским диалектами, смог самостоятельно убедить местных китайцев в выгоде, которую им обещала протекция со стороны Британской империи.

И выгоду они получили, или, по меньшей мере, те из них, кто старался. В самом начале XX века китайцам принадлежали каучуковые плантации и опиумные хозяйства, банки и торговые компании, парохозяйства и машиностроительные фабрики. Пока большинство китайцев оставалось таким же нищим, как и остальные обитатели Сингапура, кое-кто из них использовал этот город в качестве двойного перевалочного узла: ввозили дешёвую рабочую силу из Китая, овладевали европейскими навыками, занимали капиталы и пользовались деловыми возможностями, предоставляемыми Британской империей. Неудивительно, что китайская буржуазия Сингапура проявляла к британскому трону буквально маниакальную преданность. Надпись на статуе британской королевы, которую представители китайских организаций преподнесли Виктории на её золотой юбилей в

1887 году, акцентирует внимание на «верноподданнических чувствах китайских подданных её величества и их благодарности за благодеяния во время её правления». За заслуги перед империей кое-кого из выдающихся китайцев возвели в рыцарское достоинство. Окончивший полный курс Кембриджского университета юрист сэр Сун Вансян основал несколько школ и газет, сэр Чэнь Чжэньлу из Малакки занимался основанием предприятий и китайских организаций.

А сэр Чэнь Чжэньлу к тому же служил маяком направления, которому следовали многие китайцы Юго-Восточной Азии. Последовательный сторонник империи перед Второй мировой войной, после окончания этой войны он превратился в апологета независимого Малазийского союза с входящим в его состав Сингапуром. Ещё один пример нового рода мышления представляет Чэнь Цзягэн. Уроженец Фуцзяни, он переехал в Сингапур в 1890 году и заработал громадное состояние на каучуковом производстве, за что его звали «малайский Генри Форд». Но к концу 1930-х годов его всё больше занимала работа по оказанию помощи пострадавшим от войны, а в 1950 году после победы КПК в Китае он переехал в Пекин, где в 1961 году скончался. Движение в двух направлениях — объединение в пределах Малайзии с преобладанием в ней малайцев, с одной стороны, и преданность китайскому патриотизму, с другой — в конце 1940 и 1950-х годов грозило подорвать позиции Сингапура. Но в 1965 году после двух незадавшихся лет в составе федерации Сингапур исключили из Малайзии из-за отказа его властей следовать государственной политике налогообложения и предоставления квоты для малайцев на государственной службе. С тех пор городом-государством правили представители партии «Народное действие» (ПНД) сначала в лице премьер-министра Ли Куан Ю (Ли Гуаньяо), а с 2004 года его сына Ли Сяньлуна.

Правление ПНД Сингапура предполагает назначение авторитарного правительства, организацию социального попечения и сосуществование народов многонационального государства, во главе которого должен стоять признанный всеми

деятель (меритократия). Под видом демократии Ли Куан Ю на самом деле добивался создания регламентированного государства, в котором экономическое развитие ставится выше либеральной политики. Изначально числившаяся социал-демократической партией партия «Народное действие» в конце 1970-х годов начала дрейф в сторону хозяйственной системы свободного рынка. Наблюдая за благоприятной динамикой в Гонконге, премьер Ли Куан Ю сделал вывод, состоящий в том, что «государственное соцобеспечение и субсидии притупляют стремление индивидуума к успеху в жизни». «Я с большим интересом наблюдал, — написал он в дневнике, — за той лёгкостью, с какой гонконгские рабочие добивались повышения своих окладов в моменты укрепления хозяйственной конъюнктуры и соглашались на их понижение во время экономического спада. Я принял решение отказаться от курса политики социального попечительства государства, который моя партия унаследовала или позаимствовала из политики британской лейбористской партии»¹. К 2000-м годам Сингапур, 77% населения которого составляют этнические китайцы, наряду с Гонконгом считался ведущим государством по показателю свободного рынка даже притом, что его правительство продолжало распоряжаться почти 60% общего валового внутреннего продукта (ВВП).

На востоке по ту сторону океана, когда в 1848 году до Китая дошли известия о золотой лихорадке на территории Калифорнии, в фантазиях китайцев начали всплывать горы золота. Как и народы во всех остальных частях света, китайцы мечтали поучаствовать в накоплении богатств в районе, который они называли Цзиньшань — «Золотая гора». За последовавшие десять лет тысячи китайцев перебрались на Западное побережье США и на запад Канады. Небольшая колония китайцев существовала в Северной Америке почти сто лет — кто-то переехал сюда с Филиппин вместе с испанцами, другие переехали вдоль торговых путей, ведущих к берегам обеих Америк. Но

именно в 1848 году обозначилась линия большого перелома. К 1880 году на территории США проживало больше 100 тысяч китайцев, занимавшихся самыми разнообразными делами: горной добычей, прокладкой железных дорог, пошивом одежды, изготовлением консервов, сельским хозяйством или предоставлением таких услуг, как стирка и приготовление еды. Гораздо большее число китайцев погостили в Северной Америке и потом вернулись в Китай. В Южном Китае, население которого пережило трудные времена из-за мятежей и голодных лет, наиболее авантюрно настроенные путешественники, питавшие надежду навсегда перебраться жить за океан, воспылали мечтой о «Золотой горе».

Китайская мечта о том, чтобы с ними в Северной Америке обращались как с остальными переселенцами, так и осталась несбыточной. Во время экономического спада в 1870-х годах агитаторы-расисты обвинили китайцев в том, что они отобрали работу у белых американцев, и начали требовать запретить въезд переселенцев из Китая. Наибольшую активность проявляли профсоюзные лидеры Западного побережья: основатели Партии рабочих Калифорнии привлекали в свои ряды пролетариев под лозунгом «Китайцы — вон из нашей страны!». В брошюре, изданной в 1879 году, изгнание китайцев называлось делом жизни или смерти: «Либо мы выгоним китайского раба и уймём зажавшегося аристократа, либо сами в скором времени превратимся в рабов»². В свидетели приглашали к тому же интеллектуалов всех мастей. Поэт Баярд Тейлор, он же писатель-путешественник и переводчик «Фауста» И.В. Гёте, писал так:

«Моё взвешенное мнение состоит в том, что китайцы с нравственной точки зрения относятся к самому униженному народу на нашей планете... Все пороки, в других странах едва знакомые, в Китае настолько пустили корни, что местные жители на них просто не обращают внимания. Эти пороки составляют поверхностный уровень, а под ними лежат глубины... бесправия настолько поразительные и ужасные, что по поводу их характера даже страшно заикаться. В че-

ловеческой природе существуют некоторые мрачные тени, которых мы естественно стараемся не касаться [и которые] вызвали у меня мощное отвращение к китайской расе. Их прикосновение заразно, и, пусть моё мнение покажется грубым, справедливость к нашей собственной расе требует, чтобы китайцам запретили селиться на нашей земле»³.

В 1882 году американское правительство запретило въезд китайцев на территорию США. То было единственное ограничение в истории конгресса, введённое в отношении всех граждан конкретной страны без исключения. Запрет на въезд китайцев в США оставался в силе до 1943 года, когда китайским чиновникам удалось убедить своего союзника в войне его отменить. Изгнание китайцев послужило замедлению роста населения, хотя американцам так и не удалось сократить общее число китайцев в Соединённых Штатах Америки (или Канаде, где иммиграцию запрещали с 1885 по 1947 год). Внутри китайских общин такая расистская агитация против их обитателей заставила провести переоценку ценностей и вызвала соответствующий протест. Кто-то из китайцев считал, что они стали объектами нападков из-за принадлежности к другой культуре, отличающейся традициями и языком, и ответили тем, что либо уехали из США, либо попытались быстро смешаться с местными жителями. Кто-то начал борьбу. В США, как и в самом Китае, китайцы выступили против запретительных мер, выглядевших несправедливыми и расистскими. Когда протесты традиционных китайских объединений в США себя не оправдали, появились новые организации, такие как Китайская лига за равные права в Нью-Йорке и Альянс китайских граждан Америки в Сан-Франциско. В начале XX века новое поколение родившихся в США китайцев располагало возможностью для повышения общественного статуса, однако после обрыва связей со старой страной из-за запрета на свободу перемещения у них возникли сразу экономические и культурные проблемы, на преодоление которых требовались огромные усилия.

Сегодня китайцы составляют одну из самых успешных групп иммигрантов на территории США и Канады. Больше половины молодых китайцев старше 25 лет получили диплом об окончании колледжа (против четверти у остального населения), а доход их семей оценивается выше среднего. Даже несмотря на сохраняющуюся дискриминацию, пример преуспевающих китайских предпринимателей Америки или учёных, таких как Джеффри Янг (основатель фирмы «Яху!» — Yahoo!) или Стив Чен (учредитель Ютуба), обеспечил подъём общего представления об успехе в жизни до того уровня, что кое-кто из молодых китайцев в США теперь боится причисления к категории компьютерных фриков и зануд. Подавляющее большинство китайского населения в США по-прежнему начинало свой путь к благосостоянию с самых низов общества. Из трёх с половиной миллионов человек больше трети американских китайцев рождались за рубежом, всё больше в Китайской Народной Республике. После переезда в Штаты подавляющему большинству китайских иммигрантов приходилось бороться за выживание и часто браться за работу, требующую меньшей квалификации, чем они располагали при въезде в эту страну. Светлого будущего, о котором мечтали все приезжие из-за рубежа, требовалось ещё добиваться практически всем китайцам, перебравшимся в США с 1980-х годов.

Одним из районов США, где китайцы подвергались меньшей дискриминации в целом и где сегодня они составляют более значительную часть населения, чем в любом другом штате, считаются Гавайи⁴. Китайцы уже прилично прижились на этих островах ещё до аннексии их Вашингтоном в 1898 году. Даже притом, что американские власти здесь тоже попытались провести выселение, очень немногие китайцы покинули Гавайи под нажимом дискриминации. Остались они потому, что здесь существовали более выгодные возможности получить работу, и особенно потому, что система образования для разных народов, которой занимались в основном миссионеры, внушала их детям надежду на благополучное будущее. Гавайи превратились в важную трибуну для китай-

ских политиков и предпринимателей, а также ключевое звено связи между китайцами в ЮВА и в США. К тому же здесь китайцы в массовом порядке заключали браки с представителями других этнических групп гораздо раньше, чем в остальных штатах США. Вероятно, на Гавайях, находящихся на полпути в Азию, китайцы и другие этнические американцы обнаружили, что здесь гораздо проще начинать процесс сотрудничества и распространения своего дела на остальные континенты. И это в конечном счёте принесёт им благосостояние.

Из-за постоянных попыток европейцев вытеснить их из зон умеренного климата планеты кое-кто из китайцев подчас сначала селился в тропиках. Таким образом, можно встретить давние китайские общины в Юго-Восточной Азии, Океании и на Карибах. В нескольких странах китайские переселенцы сыграли важную роль в качестве рабочей силы и как основатели торговых сетей. Они к тому же наладили связи между Китаем и удалёнными уголками мира, что часто представлялось удивительным и всегда радостным. И такие связи в ряде случаев сохранились до нынешнего дня. Когда, например, бразильский политический лидер с китайской родословной прибывает с официальным визитом в Китай, в дело вступает некий фактор, означающий гораздо больше того зерна кровного родства, которое объединяет гостя и представителей принимающей стороны. Для китайцев их гость освещает историю многовекового участия их страны в мировых делах. Гостю его визит служит напоминанием о достойном гордости наследии. Ему скорее предоставят возможности, редко достающиеся всем прочим иностранным гостям. Главное заключается в том, что в ходе такого рода визитов возникают связи, которые обе стороны захотят укреплять.

Больше всего китайцев на территории Латинской Америки можно найти в Перу и на Кубе. В Перу подавляющее большинство китайцев прибывало в качестве контрактных рабочих начиная с 1850-х годов. Они трудились в крайне суровых условиях на плантациях сахарного тростника, залежах гуано

или строительстве Андской железной дороги. Практически все они чувствовали к себе отношение немного лучшее, чем к рабам; их обманывали при начислении зарплаты, пороли или мучили голодом за малейшее нарушение правил. Китайские иммигранты, представленные исключительно мужчинами, всё больше теряли душевное равновесие из-за ужасных условий жизни и проявлений откровенного расизма по отношению к ним. Во время Второй тихоокеанской войны 1879—1883 годов, когда Чили выступили против Боливии и Перу, все китайцы, кто только мог, перешли на сторону чилийских захватчиков, в которых они видели своих освободителей. Кто-то из них служил в армии адмирала Патрисио Линча, который поверхностно познакомился с жителями Гуанчжоу во время «опиумных войн». Погибло около одной тысячи китайцев, причём большую их часть перебили перуанцы африканского происхождения⁵.

На протяжении XX столетия перуанские китайцы постепенно добились уважения и благополучия. Большинство из них женились на перуанках, а кто-то прижился в городках бассейна Амазонки, где занялся торговлей или фермерским хозяйством. Сегодня перуанцы с какими-никакими китайскими корнями (около 15% населения Перу) считают своё этническое происхождение большим преимуществом перед другими согражданами. Кто-то из них занялся подключением Перу к международным сетям торговли и финансами, а кто-то ушёл с головой в политику. Китайским происхождением могут похвастаться два последних премьер-министра Перу — Хосе Антонио Чанг и Виктор Джой Вей.

Ещё одной страной Латинской Америки, куда китайцы прибывали в массовом порядке, была Куба. С 1847 по 1874 год на этот остров переехало как минимум 125 тысяч китайцев для работы в основном на плантациях сахарного тростника. С ними обращались практически так же жестоко, как с теми, кто переехал в Перу, поэтому китайцы выразили недовольство своими испанскими хозяевами и обратились с жалобой к китайскому императору: «Милость его величе-

ства не имеет границ, как океан, и простирается до всех уголков мира... Мы, простые подданные, — смиренные и глупые труженики, объединённые несчастной судьбой. Молодёжь, попавшая в ловушку на земле вдали от дома; взрослые, тратящие свою жизнь понапрасну в иноземной стране. Нам стыдно, что мы нищие и хворые. Мы с прискорбием признаём, что жестокое местное правительство проводит нечеловеческую политику. Поэтому мы осмеливаемся обратиться к тебе со своими обидами»⁶.

Когда их мольбы к своему императору остались без ответа, китайцы на Кубе примкнули к остальным участникам мятежа. В Первой войне за независимость 1870-х годов в рядах кубинских войск сражались две тысячи китайцев. Кое-кто из китайских солдат должен был располагать боевым опытом, быть может, как участники Тайпинского восстания. И они играли заметную роль в борьбе за освобождение Кубы вплоть до 1902 года. На памятнике павшим китайцам в Гаване можно прочесть такую надпись: «Среди китайцев на Кубе не было ни одного дезертира, не нашлось ни одного предателя». Но, несмотря на благодарность их новой нации, жизнь китайцев на Кубе налаживалась очень медленно. Многие китайцы в расстроенных чувствах в 1950-х годах примкнули к мятежным отрядам Фиделя Кастро. Самые известные из них в лице Армандо Чоя, Густаво Чуя и Мойзеса Сио Вонга дослужились до генералов кубинской армии, а потом воевали в Венесуэле, Анголе и Никарагуа. Подавляющее большинство кубинских китайцев, однако, прекрасно понимали, что их ждёт при политическом строе Ф. Кастро, поэтому сейчас на Острове свободы их осталось меньше семи тысяч человек. Остальные бежали с Кубы за лучшей судьбой во Флориду или Нью-Йорк.

На англоязычные Карибские острова прибыло гораздо меньше китайских переселенцев, чем в Перу и на Кубу, зато коммерческих возможностей там оказалось гораздо больше. В этих государствах сложились мощные китайские организации, а также многочисленные общины, давшие лидеров деловых кругов китайского происхождения. В Гайане первым

президентом этой страны с 1970 по 1980 год служил Артур Чжун. Он числится самым первым этническим китайцем, возглавившим государство за пределами Азии. Наибольшего внимания заслуживает массовое возвращение высокообразованных китайцев последнего поколения с Карибских островов домой в Китай. Но ещё раньше можно вспомнить любопытнейший пример возвращения на родину, когда Юджин Чен, родившийся в Таиланде, несколько раз в 1920—1930-х годах назначался на должность министра иностранных дел Китая, хотя китайским языком он не владел. Один из его сыновей — Перси Чен — воспитался убеждённым коммунистом и одним из видных китайских представителей Коминтерна (служил под русским именем Персей Евгеньевич Чен). Даже в самом Китае и соседних с ним странах китайцы с Карибских островов оставались космополитами.

На островах Океании первые китайцы появились в качестве матросов, коков и плотников судов. На Фиджи, Самоа, Новую Гвинею и Таити китайцев завозили из провинции Гуандун для работы на плантациях или в строительстве. Сегодня на островах Океании насчитывается около 20 тысяч человек с китайскими корнями, причём они играют значительную и всё более важную роль в деловой и политической жизни своих государств. На Фиджи практически все гостиницы и рестораны принадлежат китайцам с Фиджи, из ЮВА и КНР. Сэр Джулиус Чэнь дважды служил премьер-министром Папуа — Новой Гвинеи. Нынешнего президента Кирибати зовут Аноте Тонг. Гастон Тонг Санг стал президентом Французской Полинезии. Дома предков этой троицы находятся на небольшой территории к северо-востоку от Гуандуна.

Любимыми для временных и постоянных переселенцев из Китая странами считались Австралия и Новая Зеландия. Только вот, как в США и Канаде, власти белой расы этих государств всё упорнее старались китайцев к себе не пускать. На въезд иммигрантов в Новую Зеландию наложили ограничения с 1880-х годов, а практически невозможным он стал с начала 1900-х годов, так как одним из законов предусматри-

валось такое условие на въезд, как способность прочесть сотню английских слов вразбивку. К 1910-м годам прилагались согласованные усилия по вытеснению с островов даже уже натурализовавшихся граждан китайского происхождения. Положение китайцев в Австралии от Новой Зеландии ничем не отличалось. Где-то в середине XIX столетия китайцев на этом континенте привлекали возможности трудоустройства или приобретения навыков, а лет через пятнадцать власти нового государства, опиравшегося на расистский фундамент, постарались от них избавиться. Ситуация в Австралии отличалась тем, что в некоторых сферах рабочего движения прививаемая властями ненависть к китайцам распространения не получила и системной дискриминации властей китайские труженики в Австралии смогли организовать достойный отпор. Родившийся в Австралии журналист Вивиана Чоу (Чжоу Чэнгуй), числившийся одним из ведущих газетных издателей в Китае 1930-х годов, ничего удивительного здесь не нашёл: «Отправьте китайца в Америку, и он постарается стать монополистом в строгом соответствии с взятым для себя честолюбивым образцом. Пошлите его в британский Сингапур, и он постарается стать подрядчиком с прицелом на дворянское достоинство... Переправьте китайца в Австралию, и он выйдет в вожди рабочего движения или пламенные агитаторы «за рай для трудящихся»⁸.

Куда бы за границей они ни отправились, везде на планете китайцев ожидало европейское господство. Во всех колониальных империях и их национальных отростках в Северной и Южной Америке, Австралии и Восточной России европейцы держали бразды правления в политике, экономике и военном деле. Большинство китайцев стремилось работать и жить за пределами Европы, где предоставлялось больше возможностей и где проще прижиться, а на самом Европейском континенте их ждали всевозможные прелести, с одной стороны, и ужасы — с другой. На тех, кто попадал

в европейский мир, производила громадное впечатление, вплоть до глубокого потрясения, мощь западной промышленности и вооружения. Их восхищали товары, доступные тем, кто мог их себе позволить, а также вызывала буквально головокружение скорость и энергия перемен на производстве и в ландшафте. При всём при этом в Европе их удручало отсутствие всеобщих нравственных норм и человеческой чистосердечности, а также возмущала откровенная расовая дискриминация китайцев. Европа представляла собой загадку тем, что влекла и отталкивала одновременно.

Китайцы приезжали в Европу на протяжении веков, и кое-кто из них там оставался жить. Китайское население в таких британских портах, как Ливерпуль, Бристоль и Лондон, появилось в XVIII веке, так же как и в Париже, Москве и Санкт-Петербурге. Подавляющее большинство первых поселенцев занималось всевозможными видами торговли, а к концу XIX века к ним присоединились новые иммигранты из их родных областей. В это время в основных европейских городах образовались небольшие китайские кварталы. Первый большой наплыв китайцев в Европу, однако, составили не рабочие, а студенты, до 1890-х годов прибывавшие сотнями человек в год. В начале XX века больше всего китайских студентов отправлялось в Германию, поменьше — во Францию и Британию. Большинство из них изучало инженерные или технические предметы, кое-кто из китайских выпускников оставался в Европе, и из них на этом континенте образовалось ядро китайской интеллигенции. Китайцы из Гонконга и Сингапура по вполне очевидным причинам отправлялись главным образом в Британию. К 1960 году в Британии насчитывалось около 40 тысяч китайцев, а сейчас их там живёт в десять раз больше. Китайские иммигранты во все времена крепче всех остальных стран Европы любили Британию.

Поездки китайцев в Европу возобновились после 1980 года, когда Китай снова открыли для общения с внешним миром. Кто-то отправился туда туристом, причём наибольшей популярностью у китайских путешественников по свету поль-

зуются Британия и Италия. Кто-то решил остаться жить в Европе. В итальянском городе Прато в области Тоскана китайское население в настоящее время превышает 25 тысяч человек, то есть составляет около 15% его жителей. Китайцы в Прато трудятся на предприятиях швейной промышленности. В Венгрии перед падением коммунизма в 1989 году числилось девять зарегистрированных китайцев, а теперь их 27 тысяч человек. По мере сокращения собственного населения Европы новые китайцы могут сюда приехать за приличной зарплатой и достойными условиями труда, принятыми в Европейском союзе. Хотя культурная привлекательность вроде бы сходит на нет. Одну китайскую туристку, копившую всю жизнь деньги на поездку во Францию в 2007 году, ждало большое разочарование. Автор заметки в журнале «Шпигель» описал это так: «Юной девушкой Лю начала восхищаться французами как людьми, с которых стоило брать пример, так как они отличаются изысканностью и изяществом. А теперь она стоит на Елисейских Полях с видеокамерой в руках и не видит в них ничего особенного: перед ней толкнутся парижане, причём многие из них совсем не стройные, зато весьма неряшливо одетые. Вдоль улицы ветер гонит обрывки газет и пластиковые пакеты. «Моя мечта развеялась в прах», — посетовала она по поводу всего увиденного во время туристической поездки»⁹.

Больше 90% всех китайцев-эмигрантов занялись простыми видами неквалифицированного труда. Они чистили леса, осваивали месторождения полезных ископаемых и укладывали пути железных дорог. В ряде стран, как мы узнали, они работали на плантациях, где выращивали сахарный тростник, хлопок или опийный мак. Хотя большинство переезжало за границу по собственной воле, кое-кого насильно вовлекли в это дело, а кое-кто из молодых китайцев отправился за лучшей долей, чтобы попробовать свои силы, пока не состарился. Значительную часть, возможно, где-то до трети суммарной китайской эмиграции, привлекли наёмными работниками в составе трудовых бригад на ранней стадии

их пребывания за рубежом на сроки от семи до восьми лет и больше. Многие из тех, кто выехал за границу, вернулись в Китай, хотя кое-кто снова отправился туда, прожив какое-то время на родине. Подавляющее большинство китайских эмигрантов так никогда и не разбогатело, разве что набралось опыта и впечатлений, не доступных их родственникам и соседям, вся жизнь которых прошла дома, за исключением тех немногих, кто решился на путешествие.

Что же касается прочих групп переселенцев, китайцы часто рассчитывали пожить за границей некоторое время, а потом вернуться в Китай. Такие гости иностранных государств часто становились постоянными эмигрантами и резидентами. Они находили работу, создавали семьи, приравнивались к местному образу жизни и обрастали тысячами связей, удерживавших их в новой для них стране. Обращает на себя внимание количество тех, кто говорил, что отправляется за границу на время, а сам оставался там навсегда. Назовём факторы отталкивания и притяжения заграницы: расизм и жестокая эксплуатация в новых странах, попытки выгнать китайцев после завершения действия трудового договора, с одной стороны, и привязанность к семье, предкам и родным полям на родине — с другой. Для подавляющего большинства неграмотных китайских переселенцев знакомство с чужими обычаями и обществом вызвало потрясение. Им было трудно привыкать к отношениям и поведению (не говоря уже о пище), к тому же они тосковали по дому. Одного из них, прибывшего в Нью-Йорк где-то в 1900 году, предупреждали о том, что ему предстоит встреча с людьми, которые отличались «дикостью, лютостью, порочностью. И они совершенно не уважают нравственные заповеди Конфуция и других мудрецов; они совершенно не почитали своих предков, зато делали вид, будто умнее своих отцов и дедов. Им нравилось бить людей, грабить их и даже убивать. На улицах Гонконга многие из них появлялись неприлично пьяными. Они общаются дикарским рыком, напоминающим рёв тигра или буйвола. Их мужчины и женщины живут вме-

сте, как животные, вне брака и не хранят верности, а их бесстыдство достигает такой степени, что они ясным днём ходят по улице под ручку»¹⁰.

И всё равно китайские переселенцы прибывали. Точно так же, как те, кто покинул свои деревни, чтобы работать на фабриках в китайских городах, они часто находили свою новую среду обитания отталкивающей, зато она содержала возможности, каких было просто не найти в их деревнях. Их переезд обычно оплачивали родственники, уже устроившиеся за границей, или можно было взять кредит на билет, чтобы отправиться в путешествие. Полученный долг потом перепродавался работодателю в новой стране, а за него работник расплачивался своим трудом. На транзите эмигрантов наживались многочисленные посредники, представленные в основном самими же китайцами, и на путях движения переселенцев из Китая за границу образовались целые сети соответствующей диаспоры. Расплата по таким долгам отнимала много времени, зато многие работники при этом овладевали навыками, которые пригождались им потом за границей или дома.

Эксплуатацию китайских мигрирующих рабочих в новых для них странах можно назвать просто бесчеловечной. Кое-где китайцев истязали работой сильнее остальных бригад иностранцев. Причиной такого отношения следует назвать расовую дискриминацию и возможность попользоваться несчастными селянами, ничего не знающими о стране пребывания и её законах. К тому же не стоит забывать о безграничной эксплуатации китайцев самими китайцами, переехавшими в ту или иную страну раньше. В ряде китайских общин за рубежом расплодились преступные банды и даже образовались землячества или общества взаимопомощи, главари которых использовали труд вновь прибывающих переселенцев для обогащения своих старейшин, организуя работы или проживание за дополнительную плату. Многие новые иммигранты должны были беспрекословно слушаться указаний тех, кто приехал раньше их. Даже притом, что поразительно большое число

семей китайских эмигрантов во втором поколении вполне преуспевало за счёт своего собственного труда, их отцы и матери часто с большим трудом узнавали правду кое о ком из своих соотечественников. Как и в самом Китае, прикрытием для эксплуатации себе подобных прекрасно служили формулы «конфуцианских ценностей» и «общего блага».

Реакция переселенцев на ужасные условия труда подчас выражалась в неповиновении и мятежах. Образ смиренного китайского кули за границей при пристальном рассмотрении во многом не подтверждается. Китайцы не только примыкали к движению сопротивления своим угнетателям, как все это видели в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, но иногда и сами организовывали такое сопротивление. В местах, где было сложно присоединиться к уже существующим трудовым союзам (потому что участники этих самых профсоюзов выступали против китайской иммиграции), китайцы создавали свои собственные китайские организации для борьбы с иностранными, а также китайскими работодателями.

Конфликты внутри общин китайских переселенцев, которые местные власти старались списывать на семейную вражду или бандитские ссоры, носили классовый характер. Многие иммигранты, кто вернулся и сыграл заметную роль в китайских революциях, приобрели необходимые навыки, организуя движение сопротивления китайских рабочих в Европе. Товарищ Чжу Дэ, служивший в Китае солдатом, переехал в Берлин в 1922 году и занялся там организацией революционных кружков китайских рабочих. Кстати, в КПК он вступил несколько позже. После возвращения на родину в 1928 году он помогал создавать Народно-освободительную армию Китая. Несколько коллег Чжу Дэ по организации китайских коммунистических кружков в Европе воевали против Ф. Франко во время гражданской войны в Испании; в Испании служило около сотни китайцев со всей Европы¹¹.

Китайцы сыграли заметную роль в войнах, охвативших мир в XX столетии, причём не только в войнах на территории

Поднебесной. Во время Первой мировой войны многие воевали в Европе, а с развязыванием Второй мировой войны китайцы и люди с китайскими историческими корнями сражались на всех фронтах. Война приносит разрушения и одновременно открывает новые возможности. Многие китайцы Америки во время Второй мировой войны в первый раз ощутили на себе обращение как с равными, ведь в военное время их навыки оченьгодились. «После войны мир стал другим для всех без исключения. Не только для нас, но прежде всего для китайского народа. Жить всем стало гораздо лучше», — сказал американский китаец Томми Вонг, служивший механиком на корабле Тихоокеанского флота США¹². Война, особенно война, в которой США и Китай выступили на одной стороне, послужила мощному уравниванию национального меньшинства, находившегося в угнетённом положении. В отличие от японских граждан американские китайцы от Второй мировой войны только выиграли.

Зато во время Первой мировой войны китайцы познакомились с войнами иностранцев и их методами уничтожения себе подобных. Около 150 тысяч китайцев мобилизовали на работы на Западном фронте в Европе, и как минимум 50 тысяч граждан Поднебесной служили на Восточном фронте в России. Ту мобилизацию провели специально по распоряжению китайского правительства, рассчитывавшего выслужиться перед союзными державами, которые, как предполагали в Пекине, должны были победить в войне. Первые китайские рабочие прибыли во Францию в августе 1916 года официально в качестве наёмных работников частных компаний, так как за Китаем в той войне всё ещё сохранялся нейтралитет (в Пекине тянули с объявлением войны Берлину до августа 1917 года). По мере увеличения потерь альянса в живой силе спрос на китайских рабочих рос в геометрической прогрессии. К завершению войны китайцы служили не только во французской армии, но и в армиях России, Британии и США тоже. Они копали траншеи и оборудовали аэродромы, работали на заводах боеприпасов, на металлургических комбина-

тах и в рудниках, а также помогали хоронить павших солдат. На Западном фронте или по дороге к нему погибло как минимум три тысячи китайцев. Сколько китайцев сложило свои головы на Востоке — никто не знает.

Жизнь китайских рабочих в Европе во время Первой мировой войны лёгкой не назовёшь. На Запад завербовалось много студентов и учителей, жаждавших посмотреть Европу, а не представителей рабочего класса. Работа предстояла изнурительная, и выполнялась она в условиях жёсткой военной дисциплины, под нищенское вознаграждение и с многочисленными видами штрафов. После работы китайцы должны были возвращаться в охраняемые лагеря, но лагерный порядок в скором времени рухнул. Многим пришлось испытать на себе, что такое европейский расизм, когда их осмеивали на улице или награждали пинками собственные командиры производства. Репортёр газеты «Таймс» в своей заметке писал, что «способного работника... китаёзу, как и кяффира, после работы следует держать за загородкой. При правильном обращении он особого беспокойства не доставляет, хотя и увлекается азартными играми, зато не напьётся допьяна и не совершит насильственного преступления, а продемонстрирует послушание и смирение. Однако его следует оградить от общения с европейцами, так как его тянет на всякие хитрости и выкрутасы... Его к тому же приучили к британским правилам гигиены, чистоты и дисциплины»¹³. Неудивительно, что многие китайцы терпели своё пребывание в Европе как затянувшиеся муки во имя своего Китая. В песне, часто слышавшейся в лагерях, излита грусть их обитателей:

Густая туча скрывает солнце,
И лёгкие капли, оставляя влажные следы,
Предупреждают: нас ждёт нудный день¹⁴.

Но в целом в беспросветных мучениях просматривались важные исключения. В начале 1917 года открылись вечерние курсы, и, по крайней мере на Западном фронте, стали выхо-

дить китайские газеты, приносящие известия из дома. Китайские рабочие научились организовывать совместные действия, и вот состоялась первая стачка с выдвижением требований по поводу неудовлетворительных условий работы, низкой заработной платы и фактов откровенной расовой дискриминации. Расширилось общение с французскими и бельгийскими гражданами. Многие из китайцев обзавелись местными подружками, которых потом взяли в жёны. Рабочий по имени Чжан Чансун из провинции Цзянсу женился на своей французской подружке в 1920 году; в браке они прожили шестьдесят лет и воспитали тринадцать детей. Часть китайцев оставалась в Европе ещё долгое время после завершения войны. Просто отсутствовали средства для отправки их в Китай, а те пользовались возможностью для приобретения актуальных навыков. Три с лишним тысячи китайцев остались во Франции навсегда и присоединились к соотечественникам, приехавшим сюда студентами. Все вместе они образовали первые в Европе китайские профессиональные союзы.

Между Китаем и странами — участницами Первой мировой войны существовало множество малоизвестных международных связей. Одна из них состояла в транспортировке китайских рабочих на Западный фронт в Европу, проходящей через Канаду. Канадские власти прилагали все усилия, чтобы предотвратить дезертирство и братание между простыми канадцами и следовавшими транзитом китайцами. А для этих китайцев такие рейсы служили шансом открыть Канаду, ведь эта страна со временем станет одной из любимых у китайских эмигрантов. Неисследованным фактом истории остаётся судьба китайских рабочих на Восточном фронте. Практически все они, скорее всего, прибывали из восточных областей Российской империи или из находящихся под властью русских районов Маньчжурии, и посылали их на западные границы России уже с 1915 года. Многие китайцы как раз там примкнули к армии, в частности, после русской революции, когда подавляющее большинство пошло воевать за большевиков в Прибалтике и на румын-

ском фронте. При всех их заслугах перед большевиками пережившие войну китайцы попали под каток сталинских репрессий из-за их иностранного происхождения, когда как минимум одиннадцать тысяч их представителей подверглись аресту и восемь тысяч человек — принудительному переселению в восточные районы СССР¹⁵.

Кроме рабочих ещё одну крупную группу китайцев, отправившихся за рубеж, составили студенты. С момента отправки первых студентов по инициативе правительства в конце XIX века и до бурного проявления китайского таланта студентов известнейших в мире вузов в XX столетии кое-какие наиболее важные связи Китая с остальным миром прошли как раз через образовательные учреждения за рубежом. В качестве особой группы студенты отличались повышенной мобильностью по сравнению с остальными представителями населения КНР, ведь подавляющему их большинству пришлось переехать в новые города Поднебесной, а кое-кому — отправиться за границу.

Вместе с ними отправились в путешествие их фантазии, среди которых стоит упомянуть новые представления о том, как лучше делать дела и как эти дела должны обстоять. В то время как рабочие заселяли иммигрантские общины Китая, студенты были им достойным примером. Они нагляднее остальных групп показывали народам мира, что такое Китай, а жителям Китая они сообщали о том, каков он, этот окружающий мир.

Резкий рост числа китайцев, отправляющихся за границу на учёбу, начался с наступлением XX столетия. Уже к 1911 году в заморских странах собралось как минимум десять тысяч китайских студентов, причём большая их часть обучалась в Японии и США. Хотя во время депрессии и войны с Японией их число сократилось, вполне возможно, что к 1949 году за границей училось по меньшей мере 150 тысяч китайцев. Из них где-то половина вернулась в КНР. К 2010 году общее количество тех, кто учился за пределами Китая, превысило полтора миллиона человек. Но за первые двадцать пять лет

после того, как Китай начал открываться для внешнего мира в 1978 году, только четверть обучавшихся на Западе студентов вернулись в свою страну¹⁶. Что же касается тружеников, то многие студенты, обучавшиеся за границей, проводят свою жизнь между Китаем и другими странами, обзаводясь семьями, которые можно считать одновременно китайскими и космополитическими. За исключением периода с 1950 по 1980 год, практически все китайские студенты отправлялись за границу по собственному почину на деньги в основном своих родственников, а не государства. И большинство из них преуспели, овладев иностранным языком и чужой культурой, чтобы занять близкие к высшим позициям своего класса места.

Почти все китайские студенты, отправившиеся за границу, отличались большим патриотизмом или приобрели это чувство позже. Один из них в послании своему приятелю, студенту в США, в 1915 году подчёркивал сложности положения китайца их поколения: «Мы родились где-то в 1894 году. Разве тебе не говорили, что 1894 год означал для Китая? То был год китайско-японской войны за господство над Кореей... Все унижения свалились на нашу страну, когда мы ещё издавали свои первые крики. Разве ты не понимаешь, что родился во время, когда твоя страна погибала?.. Осознав себя народом погибающей нации, мы инстинктивно хотим знать, что нужно сделать для спасения Китая»¹⁷.

Студентов, родившихся за десять лет где-то около 1894 года, а потом отправившихся за границу и вернувшихся домой, чтобы попытаться спасти Китай, было очень много. Среди них можно назвать главных вождей коммунистов Цай Хэсэня (1895 г. р.), Чжоу Энъяля и Лю Шаоци (1898 г. р.), Ли Лисаня (1899), Ван Мина и Дэн Сяопина (1904 г. р.), посетивших за границу в качестве студентов. Что же касается их старших товарищей первого поколения, один только Мао Цзэдун в молодости не ездил за границу. У него не нашлось на это денег и возникли непреодолимые трудности в овладении иностранными языками.

Цай Хэсэнь, Чжоу Эньлай, Лю Шаоци и Дэн Сяопин находились в числе 1600 студентов, отправленных во Францию между 1919 и 1921 годами в рамках программы по обучению китайских студентов за заработанные ими деньги. Организаторы этой программы из числа радикальных деятелей сферы просвещения Китая рассчитывали на налаживание контактов, необходимых студентам в успешном поиске работы на французских фабриках (после войны во Франции возникла острая нехватка рабочих рук), чтобы заработать деньги на последующее поступление в вузы. Чжоу Эньлай прибыл в Марсель в 1920 году с надеждой поступить в университет Эдинбурга, однако ему пришлось провести три года в Париже, где он работал на машиностроительном заводе фирмы «Рено», а с 1921 года занимался организацией кружков коммунистов. Когда Дэн Сяопин в 1920 году приехал во Францию, ему исполнилось всего лишь шестнадцать лет. На протяжении пяти лет он трудился на фабриках пригородов Парижа, где ему привили вкус к рогаликам, игре в бридж и чтению. В 1926 году он отправился в Москву, чтобы примкнуть к вершителям мировой революции.

После прихода к власти в Китае коммунистов основная масса китайских студентов поехала на учёбу в Москву. Студенты, обучавшиеся в Советском Союзе в 1950-х годах, отправлялись туда за счёт государства и поэтому находились под бдительным политическим надзором. В основном они изучали науку и технику, причём в ряде случаев их заранее назначали на службу в учреждения или на заводы в Китае, где им предстояло трудиться после получения диплома. Практически все, кто учился в Советском Союзе, вспоминали это время с большим удовольствием. Они получали советскую государственную стипендию, в несколько раз превышающую по размеру их потенциальную китайскую зарплату (да и размер стипендии советских товарищей-студентов тоже). Они добросовестно учились, но к тому же у них оставалось время на развлечения, и, невзирая на попытки надзирателей из КПК регламентировать их жизнь, они крутили любовь. Проблемы

возникали, когда приходило время этим китайцам возвращаться на родину с более жесткими общественными и политическими условиями, отличавшимися многочисленными ограничениями. Кураторы из КПК твердили им о «необходимости самоограничения в любовных делах, корректном отношении к противоположному полу; жениться во время обучения запрещается». Тысячам китайцев пришлось оставить своих подружек в СССР, и в подавляющем большинстве случаев влюблённые больше друг друга не видели. Быть может, именно по этой причине наравне с полученным образованием жизнь в Советском Союзе оставила глубокий след в душах китайских студентов, сохранившийся на долгие годы после крушения китайско-советского альянса. Ещё в 2002 году треть состава правящего политбюро центрального комитета коммунистической партии числилась выпускниками учебных заведений Советского Союза или стран социалистического содружества, поэтому во многом их подход к жизни и политике остался совершенно определённо советским¹⁸.

С 1980 года число китайских студентов в зарубежных странах буквально взлетело ввысь. В эти 1980-е годы большая часть молодых людей отправилась в Соединённые Штаты Америки, где многие из них решили остаться, тем самым обогатив американские академии и наукоёмкие отрасли промышленности первоклассными специалистами. Позже популярностью стали пользоваться и другие государства, но предпочтение китайскими студентами по-прежнему отдавалось странам, где родным языком считается английский. Так, в 2010 году из тех, кто собирался на учёбу за границу, 43% китайских абитуриентов изъявляло желание отправиться в США, 19% — в Британию и 12% — в Австралию. В таком выборе совершенно очевидную свою роль сыграл язык, однако существуют к тому же убедительные указания на то, что китайцам по душе тесное общение между профессорско-преподавательским коллективом и студентами, которым славятся американские или британские университеты. Из тех, кто хотел отправиться в Британию в 2010 году, большинство выбрало изучение предпринима-

тельской деятельности; практически 70% выбрали предметы хозяйственно-экономической направленности на уровне как минимум магистра¹⁹. Даже после экономического подъёма, начавшегося в 1990-х годах, большинство выпускников старается хотя бы на время оставаться за границей. Как и в случае с представителями остальных стран с развивающейся рыночной экономикой, патриотизм, демонстрируемый китайскими студентами за границей, никак не мешает им пользоваться возможностями, когда они им предоставляются.

Китайцы за рубежом в XX веке оказывали громадное влияние на политическую судьбу своей родины. Как бы часто ни повторяли прописную истину, будто все изменения в Китае поступают извне, существуют все основания считать, что ни в одной другой крупной стране внешняя диаспора и изгнанники не сыграли такой значительной роли в выборе нового жребия для своего народа. Противники цинского правления черпали силы за границей, как и гоминьдановцы в 1910—1920-х годах. Коммунисты не только питались вдохновением за рубежом, но и получали денежные средства с военной подготовкой у иностранцев. Революционеры-рыночники с 1980-х и 1990-х годов поддерживали связь с китайской диаспорой. Противники нынешнего политического строя сплачивают свои ряды за пределами КНР и во многом берут пример с оппонентов Цинов. Заграница всегда служила китайским революционерам плацдармом для первоначального формулирования своих мечтаний и питания надежд.

Отец-основатель Китайской Республики Сунь Ятсен за границей — на Гавайях, в США, Канаде, Японии, Европе и странах ЮВА — провёл двадцать с лишним лет. За границей он получил образование, работал и собирал деньги на революцию, а эти деньги ему давали состоятельные китайцы Гавайев и Сингапура. Его старший брат Сунь Мэй превратился в преуспевающего владельца скотоводческого хозяйства в Кула на Мауи. Сунь Ятсен женился на девушке из прослав-

ленной в США китайской семьи — на Сун Цинлин, получившей образование в Уэслианском колледже города Мейкона штата Джорджия (её сестра Сун Мэйлин была замужем за Чан Кайши). В 1896 году сотрудники китайского посольства в Лондоне схватили Сунь Ятсена, и после его освобождения (благодаря шумихе, поднятой британскими газетчиками) он издал книжку с претензией на сенсацию под названием «Похищение в Лондоне!», сделавшую его имя известным всем китайским интеллектуалам. Революцию Суня можно считать практически полностью подготовленным за границей историческим событием. Как нам уже известно, он чуть было не пропустил настоящую революцию 1911 года, так как в это время работал на дело той же революции в Колорадо. Он напоминал американской аудитории о заморском вмешательстве в их собственную революцию и пытался продать облигации, под которые он обещал десятикратное вознаграждение после своего прихода к власти в Китае: «Чтобы гарантировать успех нашего дела, помочь нашему движению, избежать ненужных жертв, а также предотвратить недопонимание и вмешательство со стороны иностранных держав, мы должны обратиться к народу Соединённых Штатов Америки, прежде всего за вашей помощью и поддержкой, как моральной, так и материальной, потому что вы служите родоначальниками западной цивилизации в Японии; вы принадлежите к христианской нации; мы собираемся взять с вас пример для нашего нового правительства; и, прежде всего, вы боретесь за свободу и демократию. Мы надеемся найти среди вас многочисленных Лафайетов»²⁰.

Для следующего за Сунь Ятсеном поколения центром китайской революции за границей служил Советский Союз. Многие китайцы отправились в эту страну на учёбу, и кое-кто из них принял советское гражданство. Одним из таких переселенцев был сын Чан Кайши Цзян Цзинго, который позже занял кресло президента Тайваня и провёл крупные демократические преобразования. Цзян Цзинго прибыл в Москву на учёбу в 1925 году и двенадцать лет провёл в СССР, где какое-

то время работал инженером на уральском заводе. Ли Лисань, получивший образование во Франции и исполнявший обязанности генерального секретаря ЦК КПК, отправился в Москву в 1931 году, где оставался на протяжении тринадцати лет. Во время Великой культурной революции, провозглашённой Мао Цзэдуном, товарища Ли затравили хунвейбины, и он покончил с собой²¹. Ванн Мин, считавшийся фаворитом Коминтерна и выступавший против возвышения Мао Цзэдуна в руководстве КПК, проявил достаточно благоразумия, чтобы остаться в Москве после курса лечения в 1956 году. Последние двадцать лет своей жизни он прожил в СССР и все эти годы осуждал диктатуру председателя Мао.

Дальше мы ещё узнаем, что китайская диаспора сыграла решающую роль в преобразовании Китая после 1978 года. Первой страной, в которую отправился Дэн Сяопин после избрания высшим руководителем КНР, был Сингапур. Дальновидный руководитель этого города-государства, убеждённый антикоммунист Ли Куан Ю, чьи предки, как и предки Дэн Сяопина, принадлежали к народности хакка и жили в провинции Цзянси, даже не знал, чего ожидать от такого визита. Достопочтенный Ли вспоминает, как во время первого их совместного обеда товарищ Дэн повернулся к нему и поздравил с тем, что «вы прекрасно постарались на благо Сингапура»: «Я сказал: «О! Что вы имеете в виду?» Он уточнил: «Я побывал в Сингапуре по пути в Марсель в 1920 году. Местечко здесь, надо признаться, было паршивое. Вам удалось кардинально всё здесь поменять». Я поблагодарил его за такие слова: «Спасибо вам. Что бы мы ни делали, у вас получится лучше. Ведь мы — всего лишь выходцы из безземельного крестьянства юга Китая. А среди вас находятся сановники, писатели, мыслители и все светлые головы Поднебесной. У вас всё получится лучше...» Через считанные недели авторы статей в газете «Жэньминь жибао» перестали называть власти Сингапура лакеями американцев, а стали называть Сингапур прекрасным городом, городом-садом с удобной жилой застройкой, чистым местом. В Пекине меняли политическую линию. А

власти КНР приступили к проведению «политики открытых дверей». Всю свою жизнь он оставался коммунистом, но в возрасте 74 лет ему удалось убедить своих ровесников, участвовавших в Великом северном походе, вернуться к рыночной экономике»²².

После подавления демократически настроенных участников протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году у Китая появилось пятое поколение революционеров за границей. Символом студенческого движения стал один из ведущих астрофизиков Китая по имени Фан Личжи, когда он выпустил эссе с призывом к демократизации Китая. Жизнь его закончилась в ссылке на территории США. Железнодорожный рабочий из Шаньси Хань Дунфан, возглавлявший зарождавшееся было движение независимых профсоюзов, после лечения в США живёт в Гонконге (как он однажды сказал автору книги, «в Китае, но не совсем») и оттуда продолжает свою раскольническую деятельность. Ван Дань в восемнадцать лет студентом исторического факультета Пекинского университета занимался организацией демократического протеста 1989 года. В 2008 году он защитил диплом доктора философии Гарвардского университета, куда он попал после семи лет тюремного заключения в китайской тюрьме. Как и их предшественники, эти люди надеются вернуться в Китай и сделать свою страну лучше. Их положение выглядит безнадежным, но точно в таком же положении в своё время находились молодые Сунь Ятсен и Дэн Сяопин.

Многие заморские китайцы, даже те, кто ни разу не ступал на землю Китая, мечтают однажды приехать на землю своих предков. Многие китайцы, отправившиеся было за границу, возвращаются в Китай и пытаются прижиться дома. Даже притом, что по статистике их численность сокращалась на протяжении жизни последних двух поколений, существуют все основания верить в то, что после энергичного оживления хозяйственной жизни в Китае всё больше народа захочет вернуться на родину. Вся беда в том, понятное дело, что непросто возвращаться в страну, которую вроде бы знаешь, но где

тем не менее реальность поворачивается совсем иначе, чем себе её представляешь. Тогда как многие из тех, кто вернулся в Китай, добились успеха, зато значительное количество пришло в КНР полное надежд и патриотизма, а получилось так, что родная страна отвергла их добрые намерения, к тому же в ряде случаев их жизнь и жизнь их семей превратилась в ад.

Поколение тех, кто вернулся в начале XX века, в большинстве своём устроилось в Китае совсем недурно, но к концу их жизни многое из того, чего они добились, пошло прахом из-за войны и революции. Братья Го и братья Ма, жившие в Австралии и вернувшиеся в Китай, чтобы основать торговые предприятия под товарным знаком «Уинг Он» и «Синсир», дожили до 1940-х годов и умерли в Гонконге во время японской оккупации. Их предприятия на территории континентального Китая конфисковали коммунистические власти. Жун Ижень, унаследовавший одну из крупнейших в Китае текстильных компаний, созданную ещё в конце эпохи Цин, в 1950-х годах лишился своего имущества, а во время Великой культурной революции его подвергли репрессиям, били и восемь лет заставляли работать чистильщиком. В 1978 году Дэн Сяопин вызволил его из лагеря по перевоспитанию и попросил применить свои знания в сфере развития промышленности и корпораций, за счёт которых Китай должен разбогатеть. Жун Ижень основал государственное предприятие под названием «Международная китайская торгово-инвестиционная компания» — CITIC. Его сын Жун Чжицзянь числится среди самых богатых людей Китая.

Но не всем вернувшимся китайцам удалось избежать репрессий. Чжэн Нянь, заключившая брак с мужем, когда они оба в 1930-х годах учились в Лондонской школе экономики, вернулась для работы на фирме «Шелл» в Китае и не стала уезжать после революции 1949 года. В 1960-х годах всё их имущество конфисковали, дочь убили хунвейбины, а саму Чжэн Нянь посадили в тюрьму и пытали на протяжении шести лет по обвинению в шпионаже в пользу Британии. Когда она попыталась защититься от обвинений в том, что училась за гра-

ницей, и упомянула о принадлежности к социалистическому кружку фабианцев при Лондонской школе экономики, тюремщики только посмеялись ей в лицо. «Ленин развенчал социалистов-фабианцев как сторонников реформ, — сказал один из них. — Их нельзя причислять к настоящим социалистам, так как они не признавали насильственной революции. И не пытайтесь искать у нас расположения к себе... Все руководящие сотрудники иностранных фирм служат шпионами»²³.

Получившие образование за рубежом архитекторы, кто вернулся строить новый социалистический Пекин, во время Великой культурной революции тоже подверглись гонениям. Родившийся во Франции модернист Хуа Ланьхун (Леон Хуа), работавший с Ле Корбюзье в 1930-х годах, в 1949 году отправился в Китай, которого никогда раньше не видел, и получил назначение на должность заместителя руководителя градостроительного бюро Пекина. В 1950-х годах Хуа следил за сносом города времён династии Мин. Позже его подвергли репрессиям как пропагандиста европеизации, и на протяжении двадцати лет он занимался строительством надворных сооружений для сельских коммун, когда его периодически выставляли для публичного унижения как представителя «неправильной архитектуры». В 1977 году Хуа Ланьхун, в конце концов, смог вернуться во Францию. Как это ни парадоксально, его дочь, французский архитектор Хуа Синьминь, теперь выступает главным хранителем того, что осталось от старого Пекина после реализации разрушительных планов, которые её отец помогал воплотить в жизнь в 1950-х годах²⁴.

Кое-кто из вернувшихся в КНР пользовался защитой КПК даже в годы разгула мракобесия Великой культурной революции. Отец китайской ракетной программы Цянь Сюэсэнь, работавший в США, и получивший в Германии образование физик-ядерщик Ван Ганьчан, в своё время к тому же служивший заместителем директора совместного института ядерных исследований Варшавского договора в Дубне, публичного унижения избежали. Однако заместителя Цяня — блистательно подготовленного в Германии инженера Чжао Цзючжана —

хунвейбины в 1968 году затравили так, что он пошёл на самоубийство. Даже кое у кого из самих активистов Великой культурной революции можно было проследить корни за рубежом. Родившаяся в Бруклине, американка в третьем поколении Тан Вэньшэн (Нэнси Тан) приехала в Китай с родителями в 1950-х годах и получила работу переводчика английского языка при самом Мао Цзэдуне. В министерстве иностранных дел она стала ведущим активистом культурной революции. Вместе с племянницей председателя Мао по имени Ван Хайжун она помогала в определении внешней политики КНР в начале 1970-х годов.

Нынешним китайцам, возвращающимся в КНР, не так уж грозит беда, как их предшественникам, тем не менее даже сейчас они остерегаются откровенно высказывать своё мнение. Многие из них располагают американскими грин-картами или другими видами разрешений для постоянного проживания за границей. Даже те, кто никогда не жил за пределами Китая, стремятся приобрести вид на жительство за рубежом. Основатель ведущей в КНР пивоваренной компании «Вахаха» Цзун Цинхо, заслуженно числящийся богатейшим гражданином своей страны, обладает грин-картой. И пусть кое на кого из тех, кто вернулся из-за границы, его соотечественники смотрят с подозрением, это подозрение основано больше на зависти, чем на политике. Полмиллиона или около того заморских студентов, вернувшихся домой за последние тридцать лет, как правило, живут совсем неплохо, а кое-кто из них у себя на родине разбогател и стал знаменитым. Единственная сфера, где они представлены явно недостаточно, — это политика. Руководство КПК всё ещё не верит согражданам со связями за границей. Бывший председатель КРН Цзян Цзэминь получил инженерное образование на автомобильном заводе имени И.В. Сталина, а бывший премьер Госсовета Ли Пэн изучал гидроэнергетику в Московском энергетическом институте, но сегодня магистров делового администрирования из Гарварда или Оксфорда к власти в Китае подпускают редко²⁵.

Глава 7

ВОЙНА

Восьмилетняя война с Японией служит событием, с которого начиналась современная история Китая для народов зарубежных стран. За предыдущие сотни лет эта страна никогда не отличалась исключительным миролюбием, но с 1937 по 1945 год многие китайцы почувствовали, что они воюют с противником, решившим удалить Китай с карты мира. С 1830-х до 1930-х годов война с иностранцами носила местный и случайный характер, а в борьбе против японской оккупации война шла повсеместно. Крестьяне сельских районов Шэньси и Фуцзяни страдали от этой войны ничуть не меньше городских жителей в Шанхае или Пекине. Для подавляющего большинства китайцев их первое знакомство с иностранцем состоялось, когда японский офицер лающим голосом отдавал приказания на незнакомом им языке. Неудивительно, что вовлечение Китая в мировую политику его населению особой радости не доставило, зато появились мифы и догматы, дожившие до сегодняшнего дня.

Война с Японией пришлось на момент, когда медленное развитие китайского национального патриотизма, начавшееся в конце XIX века, достигло своей высшей точки. Хотя правительство Китая при Чан Кайши по стратегическим соображениям предпочло бы оттянуть начало боёв с японцами, но при сложившемся на то время китайском общественном мнении у него не оставалось выбора, кроме как дать отпор сразу же, как только начались крупномасштабные сражения. Проявления китайского патриотизма в середине 1920-х годов находились на невиданном подъёме, однако именно когда

японцы напали на Маньчжурию в 1931 году, а в Токио потом объявили о превращении её в самостоятельное государство под японской опекой под названием Маньчжоу-Го, в сердцах китайцев появилось желание дать всеобщий вооружённый отпор агрессии Японии¹. В этом смысле многие политические решения японцев перед 1937 годом и, понятное дело, после развязывания войны принимались на основе ложных представлений. Так, министры правительства в Токио боялись китайского патриотизма, но не осознавали того, что именно своими действиями, а не чем-то ещё они вселили новое ощущение самости народа Китая. С самого начала китайский патриотизм в качестве основы государственной политики ориентировался на отпор Японии.

Во время этой второй китайской войны, начавшейся в 1937 году, в противоречие вступило два отличающихся друг от друга представления о Китае. Одно из них, которого придерживались практически все японцы, сложилось в XIX столетии и состояло в том, что Китай — это скорее не государство, а географическая территория с множеством носителей власти на ней в лице враждующих правителей, местных милитаристов и заморских представителей. Сюда можно добавить разнообразные способы поддержания некоего подобия порядка. При этом развитие внутри Китая обеспечивают передовые державы, такие как Япония. И как раз с приходом национального центрального правительства в лице Гоминьдана с объявленной задачей сопротивления мерам японской политики возникла угроза развенчания образа Китая как страны с послушным и прагматичным подходом его властей к международным делам. Причём это сопротивление возникло в то время, когда многие японцы почувствовали, что они сами и их страна находятся в стеснённых обстоятельствах из-за нажима со стороны западных великих держав (в том числе Советского Союза) и по причине глобального экономического кризиса, устроенного капиталистами западного мира. Другого представления о Китае придерживалось растущее число молодых городских китайцев, а также их сверстников в ки-

тайской глубинке и за границей. Оно состояло в том, что Китай — это государство, представляющее китайскую нацию. Его естественные и узаконенные границы совпадали с границей Цинской империи. Его врагами выступали зарубежные страны, чьи власти не признают Китай равноправным государством, и прежде всего Япония, правители которой откровенно пытаются отхватить для себя ещё более крупный кусок китайской территории. Китайцы, считали они, должны объединиться в борьбе против японцев.

Последствия войны в Китае были катастрофическими. Погибло огромное количество солдат и мирных жителей, большая часть производственно-технической базы страны лежала в руинах. В боях Китай потерял два миллиона человек, а в результате прямого действия сражений погибло двенадцать миллионов китайских гражданских жителей. Остальные умерли от голода, от болезней и дурного обращения в китайской армии, утонули после разрушения дамб и плотин. Потери Японии составили 400 тысяч человек, воевавших в Китае (и ещё 1,5 миллиона в других войнах, развязанных японцами вслед за агрессией в Китае). Во Второй мировой войне японцы потеряли 1,2 миллиона мирных жителей, в том числе 400 тысяч военнопленных после войны, главным образом в Маньчжурии и на территории СССР. К тому же 400 тысяч китайцев было убито в боях, когда они состояли в рядах японской армии на территории Поднебесной и в других странах Азии². Такие цифры производят ошеломляющее впечатление. Их должны были помнить в Китае и Японии на протяжении жизни двух поколений как доказательство утраты, вины и великого греха.

С политической точки зрения эта первая для Китая крупная война против иностранного агрессора, развернувшаяся на его территории со времён маньчжурского нашествия в 1930-х и 1940-х годах, навсегда изменила внешний вид всей страны. Эта война переломила хребет Гоминьдану, представлявшему китайский патриотизм на протяжении тридцати лет. Ущерб этой партии возник в основном в силу самих проходивших боёв, понятное дело. Но свою роль сыграли

гражданские задачи войны, которые гоминьдановскому государству оказалось не по силам выполнить. У КПК появился шанс для выживания, а потом и расширения её рядов, пока гоминьдановцы отвлеклись на войну против Японии. К тому же эта война послужила рычагом для сдвигов в громадном масштабе внутри страны как в социальной, так и политической сфере, когда власть традиционной знати превратилась в прах, а власть государства оказалась под вопросом и миллионы человек покинули насиженные места. Война, как это часто бывает, стала ускорителем для внедрения новизны, но совсем не обязательно в том современном виде, которого ждала подавляющая часть народа.

В самом начале 1930-х годов Япония оставалась изначально неустойчивым государством. Её политическую систему называли «правительством убийц по найму». Премьер-министра Хамагути Осати застрелили в 1931 году, его преемника Инукаи Цуёси — годом позже. Обоих убили представители правого политического крыла, активисты которого выступали за ужесточение диктаторского стиля правления внутри своей страны и расширение экспансионистской политики за рубежом. В 1936 году террор правого толка привёл к полному параличу японской демократии. Одна из причин такого резкого поворота вправо состояла в Великой депрессии, жестоко ударившей по японской экономике и вызвавшей первый глубокий кризис современной системы хозяйствования этой страны. Кое-кто из политиков и интеллектуалов и немало офицеров видели в этой депрессии злонамеренную попытку Запада остановить экономический подъём Японии. Японцы в 1920-х годах согласились со многими предложениями европейцев, касающимися ограничений в сфере вооружений, тарифов и международных организаций. А теперь их соперники предпринимали попытку использования для подрыва их экономики ограничений, введённых японцами добровольно. Японии, считали политики правого уклона, требуется ски-

нуть политическую систему, позаимствованную у Запада, переориентироваться на «азиатские ценности» и расширить свою зону господства на собственном континенте.

Первой на пути японской экспансии лежала Маньчжурия. Там в сентябре 1931 года офицеры токийской императорской армии воспользовались политической неразберихой в Японии, чтобы напасть на китайские войска в Шэньяне, а потом стремительным броском оккупировали весь остальной регион. Ни японское правительство, ни высшее командование армии палец о палец не ударило, чтобы остановить завоевательный поход бунтовщиков. Наоборот, в Токио поэтапно уступали намерениям радикально настроенных офицеров своей армии в Китае, называвшейся Квантунской. Во время боевых действий, последовавших за этим наступлением японцев, китайские войска на территории Маньчжурии очень скоро перешли к обороне, и в течение пяти месяцев японцы установили контроль над северо-восточными провинциями Китая. В отличие от прошлого на этот раз в Токио не поддались требованиям международного сообщества вывести свои войска. Наоборот, когда в Лиге Наций назвали их действия агрессией, японцы в марте 1933 года просто покинули эту международную организацию. Ещё до разрыва с Западом японцы приступили к созданию самостоятельного государства, в которое включили северо-восточные провинции Китая и назвали Маньчжоу-Го, или государство Маньчжурия. Практически всех прежних китайских носителей власти повыгоняли, а на их место назначили новую администрацию, всем обязанную японцам. Во главе поставили последнего императора династии Цин незадачливого Пу И, который теперь стал императором Кандэ, полученной им по наследству родины. Роль императора Маньчжоу-Го в восточноазиатской системе, создававшейся японцами, большой затейливостью не отличалась: в какой-то момент Пу И выполнял вычурный якобы японский ритуал, после которого его стали считать младшим единокровным братом японского императора Хирохито³.

Провозглашение Маньчжоу-Го стало одним из важных событий на международной арене 1930-х годов. Оно подтолкнуло слабое гражданское правительство Японии к согласию на новую форму государственной организации, главную роль в которой играли военные, а целью ставилась заморская экспансия. Такие перемены послужили укреплению китайского патриотизма и убеждения молодого поколения китайцев в наличии у них цели, заключавшейся в достижении единства и централизации государства. К тому же провалились все попытки международного сотрудничества в Северо-Восточной Азии, а властям новых держав в регионе в лице США и СССР пришлось сосредоточиться каждому по-своему на обуздании японского экспансионизма. С учётом нежелания Москвы дать отпор Токио и неспособности Вашингтона сделать то же самое без поддержки европейских держав к середине 1930-х годов уже не требовалось особого пророческого дара, чтобы увидеть, как Северо-Восточная Азия скатывается к войне. Появление международной коалиции, направленной против Японии, сдерживало то, что внимание властей всех великих держав отвлекала ситуация в Европе и возвышение нацистской Германии. В Японии тоже внимательно следили за тем, что творили руководители Германии на своём континенте. А те как раз применяли гегемонистские методы интеграции, способные помочь в противостоянии попыткам великих держав обуздать Берлин.

Следовательно, Маньчжоу-Го предназначалось стать символом нового вида японского империализма, в котором на передний план выдвигаются экономическое развитие и государственная служба. Для такого дела Японию тщательно подготовили. Ещё до мирового кризиса 85% японских зарубежных инвестиций направлялись в Китай, а из китайских инвестиции японцев 85% приходилось на Маньчжурию. С 1932 по 1941 год японцы инвестировали в Маньчжурию гораздо больше денег в относительном выражении, чем власти любой из западных держав в свои колонии. К 1945 году они превышали суммарные японские инвестиции

в Корею, Тайвань и остальной Китай, вместе взятые. Выпуск промышленных и сельскохозяйственных товаров вырос в три раза, а самый стремительный рост отмечался в производстве машин, инструментов и потребительских товаров. Министры правительства Маньчжоу-Го и их японские советники направляли огромные капиталовложения к тому же в транспорт, образование населения и здравоохранение. Тем самым они предлагали населению, на протяжении десятилетий страдавшему от войн и экономического хаоса, совершенно новый порядок хозяйственного развития. Неудивительно, что кое-кто, особенно среди традиционной знати, выбрал для себя тесное сотрудничество с новым государством и его заморскими покровителями.

К началу 1930-х годов население Маньчжурии почти на 90% состояло из китайцев и мелких групп корейцев, маньчжур, монголов и русских. Во время существования Маньчжоу-Го такая пропорция изменилась совсем незначительно, за исключением доли корейцев, которые могли свободно переселяться из захваченной японцами Кореи. Их колония выросла очень заметно. Значительное большинство китайцев в Маньчжурии по-прежнему считали, что территория, на которой они жили, остаётся неотъемлемой частью Китая. Пока готовность взяться за оружие для отстаивания нового государства проявляли только мелкие группы китайцев, негодование и пассивные формы сопротивления этому государству существовали повсеместно. Японские военные ответили репрессиями и насилием, в том числе принудительной конфискацией земли в пользу новых предприятий сельского хозяйства, поставленного на промышленные рельсы. Даже притом, что японцы предпочитали называть Маньчжоу-Го многонациональным развивающимся государством, в котором все национальные группы могли и должны играть свою роль, китайцы понимали, что пользы им от нового порядка досталось меньше всех.

Провозглашение Маньчжоу-Го знаменовало собой новый этап японской экспансии, а также, в известной мере, по-

явление новой Японии. В своей конфронтации с Западом действия Токио больше напоминали американские или советские методы господства над другими государствами, чем навязанные порабощённым народам договорённости с британской или французской империей. Паназиатская стратегия развития, которую руководству Японии пришлось выдвинуть на предстоящие двенадцать лет до 1945 года, стала смыслом жизни, а то и причиной гибели многих молодых японцев. Она к тому же пришлась по душе кое-кому из китайцев ввиду её антизападной направленности и благодаря успехам японцев в модернизации своей страны. Однако, как и в гитлеровской Европе, в японской Азии на вершине лестницы развития могла находиться только одна лишь нация. Для тех, кто жил в тени «империи солнца», единственный путь к новизне лежал через полное подчинение Японии. А это было практически невозможным процессом, так как такое подчинение уводило в сторону от возрождающегося национального патриотизма, которого азиатские народы всё больше в себе находили.

Начиная с 1920-х годов и дальше вождь Гоминьдана Чан Кайши главную угрозу единству и целостности Китая видел в Японии. При всём его восхищении умением японцев вести вооружённую борьбу генералиссимус Чан осознал, что они могут повернуть эти свои бойцовские качества против Китая, если в Токио примут такое решение. В 1931 году он уже знал, что начало войны приближается, и старался всячески оттянуть его как можно дальше, чтобы обеспечить своему режиму время на завершение дела объединения Китая и на приобретение зарубежных союзников. Как бы на него ни клеветали тогда и сейчас, но политика Чан Кайши сыграла свою роль в том, что её разработчик знал лучше всех. А он знал, насколько слабым был Китай по сравнению с Японией, а также что единственный путь к спасению своего патриотического предприятия лежал через оттягивания всеми средствами начала

вооружённого столкновения. Всё начало 1930-х годов вразрез со значительным сопротивлением со стороны его друзей и врагов в Китае Чан Кайши строго следовал положениям своей стратегии. Он не ввязывался в полномасштабную войну с японцами до тех пор, пока деваться ему уже было совершенно некуда. И тогда он предсказал затяжную схватку, на кону которой стояло само существование Китая. То была война, в которой китайцы ничего не стоили без единства, оружия и содействия иностранцев.

С наступлением 1930-х годов правительству Гоминьдана досталась страна более крепкая, чем она была до них на протяжении двадцати лет с точки зрения единства, но значительные её области практически откололись в виде самостоятельных автономий. Наряду с Маньчжурией, где японцы установили своё владычество, во Внешней Монголии сепаратисты провозгласили коммунистический общественный строй, который Чан Кайши совершенно справедливо считал марионеточным режимом Советского Союза. В Синьцзяне Чан Кайши приходилось бороться с уйгурскими повстанцами и плюс отрядами, числившимися союзниками Страны Советов. Усмирив и тех и других, он в 1937 году уступил власть в этой провинции гоминьдановскому генерал-губернатору Шэн Шицаю, который связал свою судьбу с Москвой, так как китайскому правительству предстояло решающее сражение с японцами. На Тибете власти от имени малолетнего далай-ламы обратились к англичанам в Индии за помощью, нужной ради сохранения своей самостоятельности от Китая. На юге провинция Юньнань при губернаторе-милитаристе Лун Юне пользовалась положением полуавтономии, а в Гуанси правили Бай Чунси с Ли Цжунжэнем. Чан Кайши всё ещё было весьма далеко до полного объединения Китая. И к тому же не стоит забывать о его самой трудноразрешимой проблеме в лице коммунистов, которые выжили в резне, устроенной им в 1928 году, и теперь вели беспокоящие партизанские вылазки в приграничных районах Цзянси и Фуцзяни.

Коммунисты для Чан Кайши составляли отдельную категорию претендентов на его власть в Китае. Предельно уверенный в себе генералиссимус верил в то, что этнические сепаратисты или местные милитаристы в конце концов должны подчиниться центральному правительству, формированием которого он занимался. Но коммунисты подчиняться не станут в силу их политической идеологии, отвергающей такого рода уступку. Они руководствовались, совершенно справедливо считал он, своими политическими представлениями и опирались на связи с Советским Союзом. Поэтому они будут сопротивляться до конца, пока не подвергнутся вооружённому уничтожению. Таким образом, главной целью своих военных операций в 1934 году он назначил базы КПК, в ходе кампании он вытеснил основные силы коммунистов с юга, и коммунистам пришлось совершить переход на запад и восток Китая, а сохранившиеся их отряды к концу 1935 года оборудовали новые базы в безлюдной части провинции Шэньси. Коммунистам снова удалось выжить, но едва дыша.

Именно этот Великий северный поход, как называли китайские коммунисты своё бегство с юга Китая, стал основополагающим мифом об обновлении КПК в годы Второй мировой войны. Во время этого отступления у китайских коммунистов к тому же появился новый вождь в лице Мао Цзэдуна, который оставался великим кормчим с 1936 года до самой кончины сорок лет спустя. Председатель Мао привёл основную часть отрядов КПК в Шэньси, и в столице, провозглашённой там в местечке Яньань, всё большим авторитетом пользовались Мао Цзэдун и его политические воззрения. Даже при всей своей воинственности товарищ Мао, мечтавший о формировании на севере новых армий и реванше над Чан Кайши, подчинялся указаниям представителей Коминтерна и приказам И.В. Сталина, которого теперь было опасно ослушаться, так как штаб КПК находился на севере Китая, то есть вблизи принадлежащей Советскому Союзу территории. А Иосиф Виссарионович требовал от руководства КПК образовать с Чан Кайши новый единый

фронт борьбы с Японией, считавшейся к тому же наиболее опасным противником СССР. Товарищ Мао роптал, но не видел иного выбора, как только подчиниться, тем более что сам он видел пропагандистскую выгоду в призыве к объединению усилий для оказания сопротивления Японии.

Потом, в декабре 1936 года, всё встало на свои места. Чан Кайши отправился в северо-западные штабы своей армии в Сиани, чтобы дать распоряжение тамошним войскам возобновить наступление на позиции отрядов КПК. Как это часто случалось раньше, генералиссимус Чан рассчитывал на то, что ему не составит никакого труда покончить с коммунистами. А получилось совсем наоборот: местные офицеры во главе с милитаристом Чжан Сюэляном, которого японцы вытеснили из Маньчжурии, взяли Чан Кайши в заложники. Они хотели заставить генералиссимуса санкционировать совместные с КПК и другими китайскими самостоятельными отрядами действия против Японии. Чан Кайши был вне себя от ярости, но пережил измену с присущим ему хладнокровием. Он заявил своим пленителям, что скорее застрелится, чем пойдёт у них на поводу. Очень скоро Чжан Сюэлян осознал, что он очень оплошал, став на пути Чан Кайши. Из всех словёв китайского общества к нему поступили требования отпустить своего национального героя. Практически весь народ Китая выразил уверенность в том, что только под руководством Чан Кайши можно организовать отпор Японии. В это дело вмешались даже И.В. Сталин и представители Советского Союза, так как считали, что остальные альтернативные Чан Кайши лидеры с меньшей вероятности успеха возглавят войну против японцев. Чжоу Энлай как второй после Мао Цзэдуна человек в иерархии КПК отправился в Сиань, чтобы договориться об освобождении гоминьдановского вождя. И пусть председатель Мао кипел от злости, наблюдая за тем, как его заклятый враг ускользает у него из рук, он прекрасно знал, что И.В. Сталин пристально следит за каждым его действием и что деваться ему некуда. Возможно, что в глубине души он соглашался с большинством своих соотечественни-

ков: при Чан Кайши теплится слабая надежда на поражение японцев хоть в какой-то отдалённой перспективе, но без него никакой надежды не оставалось.

Чан Кайши вернулся в свою столицу Нанкин на заснеженное Рождество 1936 года в сопровождении того, кто его брал в заложники, — «молодого маршала» Чжан Сюэяна (который мог бы предпочесть остаться в Сиани, зная он заранее о предназначенной ему судьбе любимого пленника генералиссимуса на протяжении многих десятилетий). Чан Кайши пообещал коммунистам прекращение огня и единый в самых туманных выражениях фронт против Японии. Он поделился с ближайшими советниками своим крайним возмущением по поводу того, что, как он их назвал, кучка милитаристов и предателей разрушила его планы выиграть время перед вступлением в борьбу с японцами. Но Чан Кайши к тому же признал, что время для него уходит впустую. Ещё до «сианьского инцидента» он признался в своём дневнике в том, что «жизнь» может не предоставить времени из тех двух лет, необходимых ему на подготовку страны к войне. Если бы выбор заключался в утрате власти над своей собственной страной или войне против Японии, генералиссимус без малейших колебаний предпочёл воевать.

Кое-какое сотрудничество в урезанном виде, направленное против Японии, удалось наладить к лету 1937 года. Представители китайских центральных властей и местные правители приступили к совместной работе. Начиная с 1935 года агитаторы КПК занимались пропагандой единого фронта борьбы китайского народа с японцами, а теперь даже кое-кто из ближайших соратников Чан Кайши использовал этот лозунг. Призывы дать отпор Японии послужили дальнейшему укреплению положения Чан Кайши в Китае, но, понятное дело, получили предельно отрицательную реакцию в Токио и Маньчжоу-Го, где даже политики и офицеры умеренного толка поверили в то, что китайский патриотизм достигает край-

ней степени возбуждения, поэтому война уже не за горами. Власти Японии по-прежнему ощущали на себе сдерживающее действие международной изоляции. О поддержке более жёсткой китайской позиции говорили не только представители правящих кругов США и Британии, но также заклятого врага Японии в лице Советского Союза. Даже власти Германии, технически числившейся союзником Японии, не торопились отзывать из Китая своих советников.

Министры японского правительства договорились ослабить нажим на политический строй Чан Кайши и попытаться предотвратить войну. Однако напряжённость на севере Китая нарастала. Особенно взрывоопасная обстановка возникла в провинции Хэбэй вокруг Пекина, где с середины 1930-х годов японские подразделения Квантунской армии сооружали полосу укреплённых районов между Маньчжоу-Го и остальным Китаем. Вечером 7 июля 1937 года юго-западнее Пекина проходили внеплановые учения японских войск. Когда японские военнослужащие приблизились к месту, где сейчас протекает пятое кольцо пекинской окружной шоссеиной дороги, китайские солдаты открыли по ним огонь. Обнаружив отсутствие одного из своих сослуживцев, японцы потребовали пропустить их людей в ближайшее полевое укрепление, чтобы поискать его там. Пока китайские офицеры принимали решение, артиллеристы Квантунской армии обстреляли упомянутое сооружение и заняли важный мост Лугоуцяо (или, как его называют по-английски, мост Марко Поло), ведущий к Пекину. Китайцы возмутились и к утру силой вернули себе этот мост, а когда японские командиры потребовали извинений за инцидент, на уступки не пошли. Спорадические столкновения продолжались до 26 июля, когда представители императорской японской армии объявили о прекращении огня. Даже после того, как вооружённые стычки удалось практически остановить, гоминьдановские офицеры отвергли японские требования, которые расширились и предусматривали полный вывод китайских военнослужащих из спорного района.

Совсем скоро после начала вооружённых столкновений в Хэбэе Чан Кайши понял, что время пришло: война, которой он боялся и к которой готовился, стояла у порога. Он не мог приказать командованию своих войск принять японские требования. 30 июля он заявил, что «единственный доступный нам теперь курс пролегает через направление масс всей нации на борьбу до последнего по единому плану». Видя слабые японские войска на севере Китая, генералиссимус принял решение ответить ударом там, где располагались его самые боеспособные части, а находились они в Шанхае и его окрестностях. По приказу командующего войсками гарнизона Шанхая Чжан Чжичжуна, который поддерживал связь с руководством КПК и представителями Советского Союза, гоминьдановскими ВВС был совершён налёт на японский флагманский корабль — броненосный крейсер устаревшей постройки «Идзумо», стоявший на рейде Шанхая. В результате налёта китайских самолётов корабль не пострадал, зато для Токио он означал объявление полномасштабной войны, и корабельные орудия японского флота повернулись в сторону китайских позиций, оборудованных в городе. В радиообращении к своим согражданам Чан Кайши сказал, что «в условиях не имеющей предела экспансии Японии Китай вынужден, не располагая другим выбором, действовать в интересах самообороны [и] с этих пор защищаться вооружёнными силовыми методами»⁴. Сражение за Шанхай продолжалось с переменным успехом два месяца, причём солдаты обеих армий старались держаться подальше от иностранных концессий. К началу ноября японцы овладели городом и двинулись в направлении тогдашней китайской столицы — Нанкина.

В этот момент японцы пытались сравнивать действия гоминьдановского правительства с политикой цинских властей во время Боксёрского восстания, но тем не менее изоляция Токио на международной арене после развязывания войны только усугублялась. Под предлогом формального альянса с нацистской Германией японцам удалось добиться

возвращения немецких советников Чан Кайши домой. Однако старые японские союзники в лице англичан теперь рассматривали их в качестве напавшей стороны. Власти США тоже склонялись к безоговорочному осуждению Токио, хотя до поры до времени воздерживались от участия в коллективных действиях. В речи от 5 октября 1937 года с порицанием политики Японии американский президент Франклин Рузвельт осудил «те нарушения договоров и то пренебрежение к присущим человеку инстинктам, сегодня служащие возникновению международной анархии и неустойчивости, от которых не уклониться с помощью изоляции или нейтралитета».

Тем временем советские власти, предвосхищая войну на два фронта одновременно с Германией и Японией, приступили к осуществлению мер противодействия растущей мощи своего восточного соседа. И.В. Сталин не только согласился вооружать китайцев, он к тому же отправил самолёты и лётчиков воевать с японскими военно-воздушными силами. За первый год китайско-японской войны власти Советского Союза предоставили китайскому правительству 348 самолётов-бомбардировщиков, 542 истребителя, 82 лёгких танка, 2118 автомобилей различного назначения, 1140 артиллерийских орудий, 9720 пулемётов и 50 тысяч винтовок. Летом 1939 года подразделения Советского Союза и Японии сошлись в сражении на монгольской территории у озера Халхин-Гол вблизи границы Маньчжоу-Го и Монголии, получившем название «Номонганский инцидент». Японские войска потерпели сокрушительное поражение от Красной армии под командованием генерала Георгия Константиновича Жукова. Потери советских войск оцениваются в девять тысяч человек, а японских — как минимум в два раза больше⁵.

Ввязавшись в войну против Китая в 1937 году, Япония добилась как раз того, чего многие её руководители надеялись избежать: международной изоляции, поражения со стороны СССР, а также массированного отвлечения людских и

материальных ресурсов на сомнительные цели. Притом что императорские армии теснили противника ценой огромных потерь, зато с китайской стороны Чан Кайши не только мобилизовал весь свой народ, сплотившийся под его руководством, но и к тому же пользовался симпатией всего мира. До японского правительства постепенно доходило, что китайский генералиссимус не собирался прекращать войну и надеялся на поддержку международного сообщества. Зимой 1937/38 года в Токио пришли к выводу о том, что эта война будет отличаться от их войн в Китае прошлого, когда китайская сторона шла на переговоры, потерпев поражение в самом начале вооружённых столкновений. Японцам предстояли тяготы затяжной и ожесточённой современной войны. Один японский солдат после высадки на китайском побережье в 1937 году сделал в своём дневнике такую запись: «Меня переполняло ощущение большой удачи и признательности Богу за благополучную высадку на эту землю, если вспомнить кровь и слёзы солдат морской пехоты и передовых подразделений. Я помолился духам жертв этой войны и, повернувшись лицом к императору, находившемуся далеко-далеко на востоке, ощутил, насколько благодарен своей стране Японии. Я смог ощутить весь ужас этого явления под названием война»⁶.

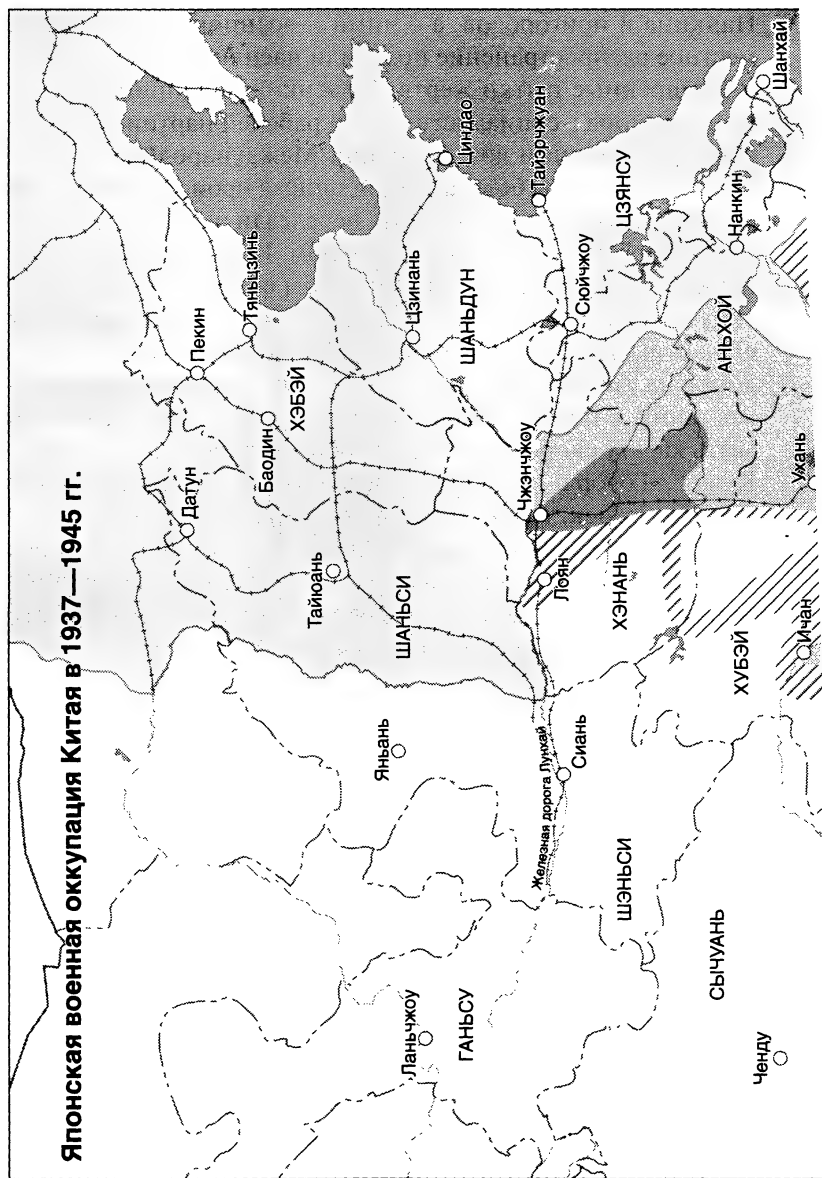
Самые ожесточённые бои китайско-японской войны пришлись на осень 1937 года в районе между Шанхаем и гоминьдановской столицей Нанкином. Нанкин обороняли лучшие подразделения Гоминьдана, но и они, постепенно обескровленные, оставили город. Японская армия осадил столицу 7 декабря, и Чан Кайши призвал её оборонять до последней возможности. После ряда сражений у стен города японцы 13 декабря прорвались внутрь, а китайским его защитникам пришлось ретироваться. Следующие полтора месяца в захваченном городе творились самые жестокие за все годы Второй мировой войны кровавые бесчинства против мирного населения. Японские солдаты при попустительстве или даже по приказу своих командиров истребили 200 тысяч жителей

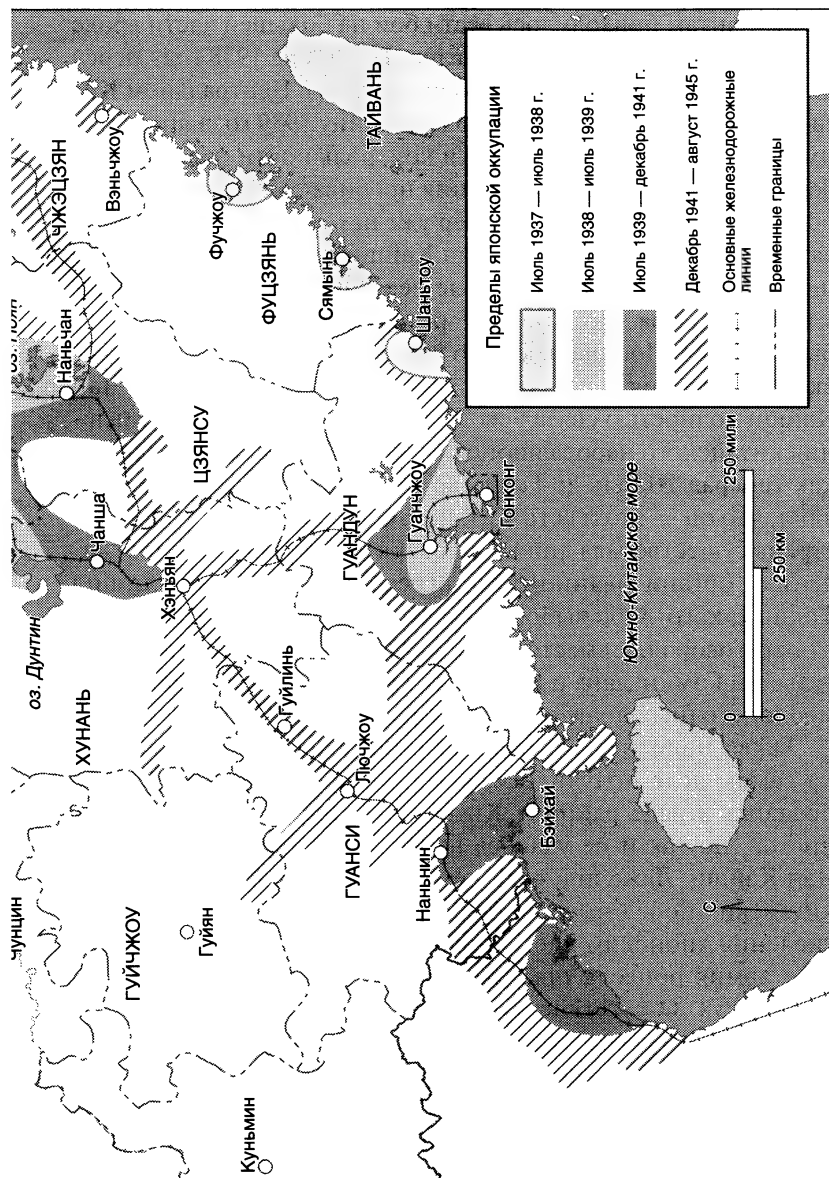
Нанкина и пригородов, а с ними и военнопленных. Повсеместное распространение получили насилие над женщинами и изощрённые пытки жертв. Немецкий предприниматель и член национал-социалистической рабочей партии Йон Рабе, организовавший и возглавивший Международный комитет Нанкинской зоны безопасности, описал происходящее в этом аду так: «Два японских солдата перелезли через ограду сада и уже собирались вломиться в наш дом. Когда я появился, они начали оправдываться тем, что якобы видели, как два китайских солдата карабкались на ограду. Я показал им значок своей партии, и они ушли тем же путём, что пришли. В одном из домов на узкой улочке за моей садовой оградой изнасиловали женщину, а потом ранили штыком в шею. Мне удалось вызвать карету скорой помощи, чтобы отправить её в больницу Кулоу... Говорят, прошлой ночью изнасиловали тысячу женщин и девушек, только в одном нанкинском дамском колледже изнасиловали почти сотню девочек. Повсеместно только и говорят, что об изнасилованиях. Пытавшихся вступить за жертв мужей или братьев стреляли на месте. Повсеместно можно было наблюдать проявления жестокости и зверств японских солдат»⁷.

Отыскать оправдания таким кровавым бесчинствам казалось невозможным. Японские солдаты пришли в ярость из-за того, что китайская армия давала отпор после стольких многих лет послушного поведения. Они мнили себя выше и лучше китайцев, поэтому, увидев гибель своих товарищей от китайских пуль, дали волю жажде мести и наказания. Вся ответственность за случившееся лежала на офицерах, командовавших японской императорской армией, и прежде всего на дяде императора князе Асаке Ясухико, возглавлявшем тогда эти войска.

Известия о нанкинской резне, как в историю вошли эти массовые убийства, послужили сплочению китайского общества на сопротивление японским захватчикам. На протяжении 1938 и 1939 годов японские армии одерживали победу за победой по всей стране, однако китайский фронт держался,

Японская военная оккупация Китая в 1937—1945 гг.

и оккупантам приходилось вести бои на большей части вроде бы покорённой территории Китая. В октябре 1938 года перед японцами пали крупнейшие города Ухань в Центральном Китае и Гуанчжоу на его юге. Ближе к концу 1939 года японской императорской армии достался контроль почти над всем побережьем Китая, и её соединения пробивались во внутренние области на юге и востоке. Север уже находился в руках завоевателя. В Токио ждали, что Чан Кайши предложит капитуляцию или как минимум срочные переговоры по условиям заключения мира. Но в это время генералиссимусу отступить было некуда. Поставив себя во главе китайского патриотического движения в решающий момент его испытания, Чан Кайши полностью связал свою судьбу с исходом сопротивления китайского народа японским захватчикам. Точно так же, как генерал Шарль де Голль во Франции, Чан Кайши объявил, что он — это и есть Китай, что в те роковые месяцы его страна существовала лишь благодаря его заботам и сопротивлению, организованному им агрессии Японии. Он лишил Токио какого-либо выбора, и самураям пришлось отказаться от переговоров, а вместо них попытаться уничтожить правительство Гоминьдана и расколоть Поднебесную на несколько марионеточных политических образований.

Такая политика оказалась японцам не по силам. У них на самом деле получилось, как нам ещё предстоит узнать, посадить в ряде районов Китая правителей-коллаборационистов, но так и не удалось нанести решающее поражение Чан Кайши. Даже при всей немногочисленности и редкости китайских побед на поле боя в результате упорного сопротивления японским наступательным операциям императорская армия понесла тяжёлые потери, а её солдаты утратили боевой дух. Отсутствие чётко обозначенной линии фронта, так как обороняющаяся сторона, представленная Гоминьданом и КПК, перешла к партизанской войне, в ряде случаев стало причиной чрезмерной растянутости японской группировки с обнажением путей подвоза предметов снабжения и военных сторожевых постов. Руководство в Токио по-

прежнему верило в возможность для себя навязывания окончания войны военными средствами. Однако победа от них ускользала и маячила во всё более отдалённом будущем, а китайское сопротивление разрушало надежды на внезапный всеобщий триумф Японии.

Как бы там ни было, но первые два года войны с Японией обошлись Китаю неимоверно дорого. Кроме боевых потерь, на гражданское население обрушились все тяготы и войны, и военной разрухи. В июне 1938 года, когда министры Чан Кайши, чтобы остановить японское наступление, приняли решение разрушить ирригационные сооружения на реке Хуанхэ, паводком на территории провинций Хэнань, Цзянсу и Аньхой было охвачено 93 тысячи квадратных километров полей. В результате как минимум миллион человек погибло и ещё три миллиона китайцев лишилось крова. В результате перемещения военных беженцев население многих провинций севера и центра Китая поразил голод. Доведённые до отчаяния сельские жители покидали нажитые места, чтобы избежать боёв, расправ или принудительного набора на военную службу. Вместо обещанного им порядка японские захватчики насаждали анархию в областях сельской местности, где вели борьбу за власть с разнообразными китайскими вооружёнными отрядами. Невзирая на жертвы, которые требовались от населения, гоминьдановский политический строй всё-таки выжил.

В 1939 году у Чан Кайши и его всё более выматывавшихся солдат оставалось лишь желание, по меньшей мере, не впасть в полное отчаяние. Гоминьдановцам удалось перевести кое-кого из своих людей в новую столицу военного времени подальше от боёв в западную провинцию Сычуань, а также сохранить верность основных руководителей на местах в свободных от оккупации областях запада и юга Китая. А японцы всё ещё не избавились от страха перед СССР и держали часть своих наиболее боеспособных войск на севере, и они не принимали участия в боях с китайскими отрядами, а оставались в резерве на случай нападения Красной армии.

* * *

В конце лета 1939 года международная обстановка для войны в Китае кардинально поменялась, причём совсем не в пользу Гоминьдана. В последних числах августа между Советским Союзом и Германией было заключено соглашение о сотрудничестве в сфере решения европейских проблем — так называемый пакт Молотова—Риббентропа. Спустя считанные дни Гитлер оккупировал Польшу, и началась Вторая мировая война. И пусть японцев сначала потряс этот сговор идеологических противников и то, что их немецкий союзник не позаботился сначала посоветоваться с ними, зато подписание советско-германского договора устранило для них опасность с северного направления и позволило им сосредоточить все силы на войне в Китае. К тому же Гоминьдан утратил советскую поддержку его военным усилиям. Два года и четыре изнурительных месяца Китаю пришлось вести войну с Японией в одиночку. Это время стало испытанием китайского патриотизма на прочность и Гоминьдана на излом.

Получив свободу для продвижения в глубь Китая, японцы в конце 1939 года перешли в наступление сразу на нескольких фронтах. В Центральном Китае они с нескольких направлений вторглись в пределы провинции Хунань, и даже притом, что их попытка завладения столицей городом Чанша провалилась, они кардинально укрепили своё стратегическое положение. К концу года японцы захватили провинцию Гуанси. Её столица Наньнин пала в январе 1940 года. Главная беда для Чан Кайши состояла в том, что кое-кто из местных правителей на севере, с давних пор поддерживавших связи с его партией, такие как Янь Сишань в Шаньси, договорились с командованием японской армии о сепаратном перемирии. Международная обстановка для ведения этой войны со стороны Гоминьдана тоже складывалась отнюдь не благополучно. В июле 1940 года англичане, готовые к сотрудничеству с японцами на ряде направлений своей внешней политики, когда после вступления в силу советско-

германского пакта отношения между Берлином и Токио явно испортились, временно закрыли дороги через Бирму, по которым в Чунцин доставлялись необходимые предметы снабжения. Одновременно французские власти во Вьетнаме, теперь уже лояльные правительству марионетки Германии в Виши, остановили поставки с юга. А в конце сентября 1940 года случилась очередная катастрофа: японцы и немцы создали военный альянс в рамках так называемой оси Берлин—Токио. Его предназначение, согласно тексту договора, состояло «во взаимной поддержке и сотрудничестве в деле приложения своих усилий на территории великой Восточной Азии и областей Европы соответственно. При этом участниками оси ставится главная задача по установлению и поддержанию нового порядка вещей, предназначенного для обеспечения взаимного процветания и благополучия имеющих к этому отношение народов»⁸.

Японцы отметили свой очередной прорыв на международной арене массированной бомбардировкой Китая, впрочем, как и немцы — бомбардировкой Британии. Уничтожив военно-воздушные силы Китая, японцы приобрели полное господство в воздухе. И китайские мирные жители своих городов на собственном опыте убедились в губительных последствиях наметившегося развития событий. Назначив марионеточное правительство в Нанкине, в Токио поверили в то, что Чан Кайши наконец-то удастся принудить к соглашению о перемирии. Но генералиссимус продолжал воевать, невзирая на массовое дезертирство из его рядов в Центральном Китае и учащающиеся случаи неподчинения полевых командиров, в том числе коммунистов, с которыми в самые мрачные моменты борьбы с Японией его правительству пришлось устроить несколько боёв. И опять Чан Кайши спасла всё та же чрезмерная растянутость японских боевых порядков. В случае попытки японцев провести широкое наступление их войска на фронте оказывались без флангового прикрытия, и захваченные территории приходилось оставлять из-за проблем в сфере материально-технического

снабжения. Наглядным примером такого оперативного расклада служит сражение при Шаньгао на юге Китая весной 1941 года. Солдаты императорской армии выполнили все поставленные перед ними боевые задачи, но всё им равно пришлось отступить на исходные позиции с тяжёлыми потерями, так как возникли непреодолимые трудности в снабжении передовых частей, слишком оторвавшихся от тыловых баз.

Советский Союз фактически отошёл от вмешательства в эту войну в Азии, поэтому Чан Кайши искал новых союзников. Он знал из опыта побед Германии в Европе, что свою единственную настоящую надежду он может связать только с Соединёнными Штатами, и он всеми силами старался убедить Вашингтон предоставить помощь Китаю. Осенью 1940 года американцы наконец-то прислушались к его мольбам, и в ноябре генералиссимус получил первый транш американского кредита. Весной 1941 года, как раз когда гоминьдановцы вели самые отчаянные сражения на юге и в центре Китая, администрация Франклина Рузвельта распространила своё соглашение по ленд-лизу, по которому снабжалась Британия в самые мрачные её дни, на Поднебесную. Американские волонтеры сели за штурвалы самолётов-истребителей с китайскими опознавательными знаками, доставленных из США. Хотя Чан Кайши прекрасно знал, что американцы не собираются посылать на китайско-японскую войну свои вооружённые силы, зато постепенно ужесточающиеся санкции Вашингтона в отношении Токио убедили его в том, что Ф. Рузвельт видел в Японии растущую угрозу позициям США на Тихом океане. Когда в апреле 1941 года японские представители подписали с делегацией СССР пакт о нейтралитете, к Чан Кайши пришло осознание того, что японцы не собираются наступать на юг Китая, а попытаются взять под свой контроль Юго-Восточную Азию. Он предположил, что они должны вступить в войну с американцами и британцами, в ходе которой Токио «напросится на своё собственное поражение». Китайцам надо было только не-

много продержаться, и «ситуация в Тихоокеанской зоне переменится»⁹.

После 1937 года в Китае впервые за всю его историю прошла всеобщая мобилизация под лозунгом защиты нации и проявления патриотизма. С учётом позитивных факторов, благодаря которым началось укрепление политического строя Гоминьдана, можно сказать, что дела у этой партии пошли на лад. Самое главное состояло в том, что гоминьдановцы избежали военного краха, который, судя по итогам начальных месяцев войны, маячил перед ними. В отличие от остальных войн с заморскими захватчиками в Китае, связанных начиная с 1840-х годов, сломить боевой дух солдат этой страны с первых боёв японцам не удалось. Наоборот, на подавляющем большинстве участков фронта китайские войска ценой огромных потерь удерживали свои позиции, сражаясь с противником, далеко превосходящим их в техническом отношении и с точки зрения уровня боевой подготовки.

Нападение Германии на Советский Союз в июне 1941 года на несколько недель лишило китайских лидеров покоя. Они пытались установить, означает ли расширение масштабов войны в Европе к тому же её расширение в Азии. Но японцы не проявляли ни малейшего стремления к войне с СССР, и в скором времени они пришли к заключению о том, что немцам не удастся справиться со своими новыми противниками в тот срок, на который рассчитывали в Берлине. Внутри Китая главные последствия от нападения А. Гитлера на Советский Союз заключались в восстановлении союза между китайским правительством и коммунистами. Вожди КПК теперь получили указания из Москвы присоединиться к тотальной войне против агрессоров и их сателлитов. Даже притом, что Чан Кайши так и не удалось заставить КПК играть нужную ему роль в войне с Японией, теперь, по меньшей мере, его избавили от главного источника головной боли на свободной от оккупации территории Китая. К тому же он понял, что Советский Союз, занятый борьбой

за собственное выживание, перестал служить Китаю военным помощником.

Японские верхи в Токио всё больше расстраивала воля китайцев к сопротивлению. К началу весны армейские офицеры, предлагавшие напасть на США и Британию, чтобы пресечь, как они их понимали, попытки Запада по обузданию Японии, в исключительно открытом политическом споре одержали победу. Через завоевание Юго-Восточной Азии кое-кто из японских составителей планов рассчитывал принудить китайцев к капитуляции, а потом было рукой подать до ресурсов, необходимых им для расширения военных действий. Неудачу императорской армии в достижении крупных успехов на территории Китая в конце 1941 года объясняли потребностью в разгроме противников на новых фронтах. В частном порядке многие японские офицеры говорили о «китайском болоте». Разгром западных держав в Азии с помощью военно-морских сил послужил бы удалению из памяти военных унижений, пережитых ими на китайском фронте, и преданию Японии статуса державы, несущей азиатам новизну современности. Ранним утром 8 декабря 1941 года помощник разбудил Чан Кайши и совсем не удивил его только что полученными известиями. Как ни у кого ещё в китайском руководстве, у генералиссимуса сложилось убеждение в том, что рано или поздно японцы должны двинуться на юг. Уяснив полный масштаб трагедии нападения на Пёрл-Харбор, он отправил президенту Ф. Рузвельту личное послание: «В нашей общей борьбе на новом фронте мы предлагаем всех себя и всё, чем располагаем, чтобы встать с вами плечом к плечу и стоять до тех пор, пока Тихий океан и весь мир не избавится от проклятия грубой силы и бесконечного вероломства»¹⁰. Даже стремительное наступление японцев в Юго-Восточной Азии не испугало генералиссимуса, хотя падение почти без сопротивления Сингапура 15 февраля стало для него большим сюрпризом. Чан Кайши надеялся на то, что англичане окажут более упорное сопротивление и продержатся подольше.

Учитывая то, что японцы в Китае держали две трети своих войск, генералиссимус с полным правом мог гордиться собой: ведь он держал главный фронт сопротивления японцам, во всём регионе пытавшимся установить новый порядок.

Больше всего Чан Кайши боялся, что в результате южного наступления японцев прекроются каналы снабжения Китая через Бирму. На воинскую доблесть англичан он не надеялся. Когда британский командующий индийскими войсками фельдмаршал Арчибальд Вейвелл продемонстрировал нерешительность при приёме подкрепления в виде дивизий, которые Чан Кайши предлагал отправить на север Бирмы в начале 1942 года, генералиссимус отчитал его такими словами: «Вы и ваши офицеры понятия не имеете о том, как воевать с японцами. Сопротивление японцам — это вам не подавление мятежей в колониях, не колониальные захваты. Японцы — это воины серьёзной великой державы... Провоевав с ними многие годы, мы, китайцы, как никто другой, научились это делать. В этом деле вы, англичане, ничего не понимаете, и вам следует учиться у китайцев ремеслу ведения боёв с японцами»¹¹. Во время своей встречи с этим одноглазым английским фельдмаршалом Чан Кайши должен был почувствовать, насколько с поры его молодости изменились понятия мощи и союза: Китай уже не числился презренным сторонним наблюдателем мировых процессов, а Британия утратила своё положение на вершине мировой политики. Даже когда английские войска в мае 1942 года отошли на территорию Индии, оставив на произвол судьбы прибывшие китайские дивизии, которым пришлось уворачиваться от противника и оставить Бирманское шоссе, ведущее в южную провинцию Китая Юньнань, Чан Кайши даже не расстроился. Он знал, что китайское военное присутствие в Бирме подкрепляет его вывод о том, что Китай представляет собой великую державу, сопоставимую по мощи только лишь с одной державой, на самом деле способной оказать помощь Гоминьдану, — США.

После японского налёта на Пёрл-Харбор китайско-американский союз стремительно укреплялся. Даже после закрытия

Бирманского шоссе союзники поставляли американские предметы снабжения, военное снаряжение и советников «через Горб» — так назывался воздушный мост из Северной Индии в Китай над Гималаями. Без помощи США возникали большие сомнения в том, что власть Гоминьдана пережила бы последние три года этой войны. И всё же у Чан Кайши существовали все причины питать недовольство к стратегии альянса в отношении Китая. Вплоть до 1945 года на Гоминьдан приходился в среднем где-то один процент от помощи США своим союзникам. Причина этого состояла не только в трудностях доставки. Участники альянса к тому же видели главную стратегическую цель на Европейском континенте. Их основные ресурсы в первую очередь использовались в войне против Германии, только после победы в Европе их направили против Японии. Чан Кайши, понятное дело, по поводу такой стратегии особой радости не испытывал, как и по поводу военных рекомендаций, получаемых им от главного американского военного советника генерала Джозефа Стилвелла. Ворчливого янки Дж. Стилвелла, презиравшего китайские военные усилия, даже близко нельзя было подпускать к руководству гоминьдановскими генералами. Они обвиняли его в саботировании поставки военных грузов и американских войск, а также в одновременном навязывании бесполезной обороны. А он критиковал китайцев за коррупцию, расточительность и несостоятельность. К 1944 году Дж. Стилвелл уже находился буквально на ножах с генералиссимусом, которого называл Карапузом. После одной особенно острой перепалки американский генерал составил такие вирши:

Я долго ждал момента для отмщения,
И, наконец, настал мой звёздный час:
Взглянув Карапузу прямо в глаз,
Я врезал ему сапогом в таз¹².

Однако разногласия, возникшие у Чан Кайши с Дж. Стилвеллом, не должны принижать роли тесного сотрудничества, развившегося между китайскими и американскими войска-

ми в последние годы Второй мировой войны. Американцы обучили и вооружили лучшие воинские соединения Чан Кайши, его разведывательные службы и офицеров обслуживающих частей. Несмотря на то что его генералы недолюбливали американское общество и культуру, генералиссимус знал, в чью пользу смещается мировая власть. И он видел громадные шансы в таком смещении для Китая.

Главная польза, почерпнутая Китаем из своего первого союза с США, заключалась в укреплении его положения на мировой арене. Во время встречи, проходившей в Каире в ноябре 1943 года на пути Ф. Рузвельта в Тегеран, Чан Кайши сидел за одним столом на равных с президентом США и британским премьер-министром, хотя его не пригласили на обсуждение европейских дел и отношений с Советским Союзом. Он к тому же заручился обещаниями продолжения американской помощи Китаю после войны и постоянного союза с ведущими мировыми державами. Согласно официальному протоколу Государственного департамента США, «президент Ф. Рузвельт предложил, чтобы после войны между Китаем и Соединёнными Штатами заключили определённые договорённости. По условиям этих договорённостей обе стороны должны были прийти на помощь друг другу в случае внешней агрессии, а на различных базах в Тихом океане предусматривалось размещение необходимых воинских контингентов Соединённых Штатов, способных в полной мере разделить ответственность за предотвращение агрессии»¹³. Нуждаясь в китайской помощи для победы в войне на Тихом океане, Ф. Рузвельт придал Китаю под властью Чан Кайши статус одного из союзников «Большой четвёрки» с делегированием особого права в решении по поводу оккупации Японии, а также будущего Кореи и Юго-Восточной Азии. Задолго до переговоров в Каире, в январе 1943 года, американцы и британцы отказались от права экстерриториальности своих граждан в Китае. Гоминьдановцы гордо заявили, что они вернули Китаю достойный его статус: «Мы, китайская нация, после пятидесяти лет кровопролитных

революций и пяти с половиной лет приношения жертв в войне сопротивления, в конце концов изменили вековую историю скорби неравноправных договоров в победную констатацию факта отмены всех этих неравноправных договоров»¹⁴.

Любое общество, подвергнутое потрясениям массированных боевых действий, страдает не только в ходе войны, но и на протяжении многих лет после её завершения. Китай исключением не стал. Повсеместно, куда дошли японские армии, они несли страдания китайским мирным жителям в форме кровавых злодеяний войны, голода или унижения иностранного господства. Но те, кто прошёл через эту мясорубку, защищая китайскую власть, то есть Гоминьдан, тоже разделили страдания своего народа. Вероятно, от болезней и голода во время войны умерло больше гоминьдановских солдат, чем их полегло на поле боя. Оставаясь без тылового снабжения, гоминьдановцы конфисковали у своих крестьян жалкие товары и аграрную продукцию. И по мере того как война шла к своему завершению, всё больше крестьянских коммун в Китае заботились не о том, кто ими правит, а как предотвратить голод и убийства в своих деревнях. Население многих областей видело в японцах просто представителей одной из внешних сил среди многих, причём большее озлобление этого населения иногда вызывало поведение китайских солдат, а не японских.

В экономическом выражении война против Японии обернулась для Китая просто катастрофой. Значительная часть того, что построили в начале XX века в виде объектов связи и сообщения, промышленности, орошения, лежало в развалинах. Получило широкое распространение такое мнение, будто области, специализирующиеся на выращивании основной аграрной продукции, в военное время страдают меньше более сложных хозяйственных комплексов, но в Китае середины XX века данное предположение не подтверди-

лось. Та война с Японией послужила кульминацией столетия бесправия китайского аграрного труженика, когда возможность выживания крестьянина постоянно уменьшалась. Торговать, а торговля всегда играла в китайской аграрной экономике ключевую роль, стало труднее, а в некоторых областях от этого занятия пришлось просто отказаться. Удобрения и вода доставались не в полном объёме. В 1942—1943 годах на провинцию Хэнань обрушился большой голод. Тогда из-за военных закупок в условиях засухи погибло от двух до трёх миллионов человек, а ещё три миллиона лишились крова. Несмотря на голод, поразивший крестьян этой провинции, китайские военные продолжали реквизицию зерна и набор тружеников села в армейские ряды. Американский журналист Теодор Уайт описал всё это так: «Вдоль дороги лежали мёртвые тела. Девушка не старше 17 лет, стройная и симпатичная, лежала на влажной земле с синими губами смерти; глаза она так и не закрыла, и в эти глаза моросил дождь. Люди нарубили дрова и сложили их на обочине дороги для обмена на еду; торговцы предлагали купить листья по доллару за пучок. Собака раскопала могильный холмик и добралась до человеческого трупа. Напоминавшие привидения мужики с поверхности стоячих водоёмов снимали зелёную слизь для пропитания»¹⁵.

Война сорвала с насиженных мест 60—90 миллионов китайцев, ставших беженцами. Кто-то из них, чтобы как-то выжить, переселился в города, где возникла новая городская среда, как в оккупированной зоне, так и на территории под властью Гоминьдана. Широкое распространение получила преступность и безудержная эксплуатация человека человеком, а жизнь для беженцев и обитателей городов в равной степени утратила малейший порядок¹⁶. Даже тот, кто попытался наладить сотрудничество с властями, потерял к этому делу интерес из-за неразумных требований государства и неопределённости с точки зрения будущего. Выбор, сделанный сегодня, завтра может оказаться предельно нелепым, а поведение, похвальное в обществе с утра одного дня, на

следующее утро может послужить поводом для смертного приговора. Для запуганных жителей перенаселённых городов во время войны выбор стоял не столько между сотрудничеством с врагом или сопротивлением ему, сколько между жизнью и смертью или как минимум сохранением имущества и скатыванием в полную нищету. Питавшие ненависть к японцам и чувствовавшие себя брошенными гоминьдановским правительством практически все городские китайцы, и богатые, и бедные, встретили окончание войны растерянными последние иллюзии и подавленными людьми.

Невзирая на общую неспособность принести пользу своему населению, гоминьдановцы смогли добиться увеличения производства и организовать народ, подчас против его воли, на отпор врагу. Проблема гоминьдановского правительства состояла, разумеется, в том, что две трети населения и почти весь его доход пришлось потратить на войну. Точно так же, как любое другое правительство, гоминьдановцы стремились реагировать на сложившуюся постоянно критическую ситуацию укреплением централизации и повышением отдачи (которые часто требовали жестокости) власти. Власти к тому же с большим толком для себя использовали опыт специалистов, вернувшихся в Китай из патриотических соображений и рекомендовавших ужесточение государственного контроля. Ряд методов, использованных коммунистами позже для управления Китаем, сначала подвергли проверке гоминьдановцы во время войны против Японии. Наиболее популярными мерами вождей Гоминьдана в военное время оказалось введение производственных квот, контроль цен и милитаризация населения (хотя после войны почти все они собирались провести либерализацию корпоративных порядков). Только вот при всех призывах властей к единству и самопожертвованию их главной проблемой оставалось распоряжение собственными финансами. Гоминьдан лишился практически всей своей довоенной базы налогового обложения, располагавшейся в производственных и относительно зажиточных восточных прибрежных районах, то есть в за-

нятых японцами областях. Таким образом, во время войны какой-либо налоговой стабильностью китайские власти никогда не пользовались. Новые налоги, особенно новый земельный налог, взимавшийся с 1942 года, считались нечестными и представлялись попыткой переложить главное бремя войны на тружеников села на остающихся под властью Гоминьдана территориях.

Война с Японией послужила одновременно созданию и разрушению Китая¹⁷. С одной стороны, получили развитие идеи централизма, повышения дееспособности и обновления государства, которые дали плоды в конце XX столетия, то есть когда эта война давно ушла в историю и при новом коммунистическом правительстве. С другой стороны, многие районы Китая подверглись полному разрушению с уходом населения, а народ получил прививку европейского образа жизни, отличающегося развязностью поведения и безжалостностью. Тем, кто все эти испытания пережил, война представлялась скорее средством разрушения и несения потерь, чем обновления и модернизации. Она принесла китайцам страдания нового уровня и превратила их страну (то есть в глазах самих её жителей) в, образно говоря, девку, над которой западные державы надругались и бросили.

От этой войны в Китае выиграла разве что коммунистическая партия. Японская угроза послужила спасению коммунистов от расправы со стороны Гоминьдана. Во время войны сложились условия для создания новых партийных баз на северо-западе Китая в тылу чрезмерно растянутых позиций японской армии, где государственная власть гоминьдановцев отсутствовала. Когда война только начиналась, КПК представляла собой небольшую группу единомышленников, а в 1945 году в ней насчитывалось 1,2 миллиона членов и 900 тысяч человек под ружьём, то есть стала силой, с которой приходилось считаться. Однако при всём численном росте КПК обращала на себя внимание способность активистов этой

партии организовать работу со всеми слоями китайского общества через централизованную систему принятия решений. Эта война позволила Мао Цзэдуну и группе обеспечения его руководства решать одновременно сразу две разные задачи: заставлять всех членов партии подчиняться тайной и закрытой внутренней организации, сплочённой вокруг председателя Мао, с одной стороны, и создавать внешний вид умеренной и коллегиальной политики — с другой. Дело касается поразительного перевоплощения, с помощью которого коммунисты обернули ужасы войны себе на пользу и преуспели в китайской политике после её завершения.

Руководство КПК выступало за единый фронт борьбы с японцами, но сразу после начала войны было совсем непонятно, как поведёт себя эта партия. Представители Коминтерна требовали от китайских коммунистов оказать военное давление на японцев, но товарищ Мао пропускал мимо ушей все призывы повести широкомасштабную вооружённую борьбу с противником, поступавшие и от И.В. Сталина, и от Чан Кайши. Вместо этого он перенёс акцент на партизанскую тактику действий, подразумевающую, как правило, тихое высиживание в тылу японских войск и мирное построение КПК как партии. С 1939 по 1945 год бойцы отрядов КПК брались за оружие либо для сохранения своей собственной территории, либо ради мести японцам за их злодеяния в отношении мирного населения областей в их тылу, где коммунисты вели политическую пропаганду. Коммунисты погубили больше китайцев, будь то гоминдановцев, коллаборационистов или просто бойцов местных вооружённых отрядов, оказавшихся на их пути, чем уничтожили японцев. Однако председателю Мао требовалось поддерживать добрые отношения с Москвой, поэтому в конце 1940 года он организовал кампанию под названием «Битва ста полков». То была реакция не просто на неоднократные обращения И.В. Сталина, но и на требования его собственных командиров. Эта «Битва ста полков» замышлялась как серия наступательных операций на позиции японцев в Север-

ном Китае, но они были слабо согласованными, и их итог чуть было не стал катастрофическим для коммунистов. Бойцов китайских коммунистических отрядов полегло в четыре раза больше, чем японская императорская армия потеряла своего личного состава. А когда всё закончилось, японцы со всей жестокостью отомстили местному населению.

К 1941 году отряды товарища Мао уже практически развязали гражданскую войну на уничтожение Гоминьдана. Тяжелейшие бои шли в провинции Аньхой, где Чан Кайши решил остановить экспансию КПК и принудить коммунистов к признанию его власти. Однако победы гоминьдановских войск оказались недостаточно убедительными, чтобы обуздать коммунистов, и отвлекали большие силы с японского фронта. До конца войны товарищ Мао на словах пламенно поддерживал политику Коминтерна и призывал к укреплению единого фронта, а также формированию нового коалиционного правительства, но на деле сосредоточивал усилия на расширении зоны влияния КПК. Руководитель Коминтерна Георгий Димитров в декабре 1943 года сказал Мао Цзэдуну, что он считает меры КПК «по свёртыванию борьбы против иностранных оккупантов в Китае наряду с явным отходом от программы единого национального фронта» «политически ошибочными». Но председатель Мао не отступил от своей политики примата внутренних дел над внешними советами, и она принесла колоссальную отдачу¹⁸.

Вместо забытой политики единого фронта с Гоминьданом председатель Мао провозгласил свою стратегию единого фронта в пределах районов, находящихся под контролем КПК. Вместо истребления землевладельцев и предпринимателей с разделом участков и конфискацией сбережений, как это делалось раньше, теперь коммунисты провозгласили свою умеренную политику сокращения ренты, коллективного ведения хозяйства, ограничения цен и увеличения кредитования. В целях организации национального сопротивления руководство КПК разработало политику в интересах каждой категории населения: крестьян (гарантии достойного пропи-

тания), землевладельцев (получивших деньги и стабильные цены), владельцам компаний (им были обеспечены предсказуемые налоги и право собственности) и рабочих (обещание минимальных окладов). Вместо наследия К. Маркса и В.И. Ленина в партии начали обсуждать «разумное налоговое бремя». В западных приграничных областях провинции Шаньдун местные жители, занимавшиеся промыслом соли, воспользовались ослаблением государственного контроля военного времени, чтобы не вносить налоги по возмутительно высоким ставкам, и за счёт этого достигли зажиточности. В этом районе КПК приобрела большую популярность среди населения своими обещаниями отстоять местное благосостояние и сокращение налогов. В остальных частях страны активисты партии вербовали сподвижников и солдат посулами стабильности, которую КПК принесла туда, и наказания пособников захватчиков¹⁹. Другими словами, война обеспечила практически идеальный фон для расширения коммунистами своего влияния на китайское население.

Занимаясь укреплением своей партии, председатель Мао с последователями проводил внутрипартийную кампанию по ликвидации старых соперников-коммунистов. И они добились безраздельной и беспрекословной преданности тех, кто вступил в КПК после 1937 года. Такие кампании, известные как *чжэнфэн*, или упорядочение стиля в работе партийных организаций, сопровождалось критикой, арестами и даже казнями тех, что отвергал новые тактические приёмы партии, а также подменой партийной литературы и программ трудами товарища Мао по этим проблемам с изложением его понимания исторического предназначения КПК. Вместо марксистского интернационализма, из которого родилась эта партия, товарищ Мао и его сторонники предлагали труды, в которых роль партии состояла в избавлении китайского народа от многовекового поношения и унижения. Вместо марксистского материализма в КПК начали проповедовать тем, кто хотел это слушать, предположение о том, что освобождения можно добиться силой воли. Ки-

тай, утверждал товарищ Мао перед своей внутривластной аудиторией, силен и богат. Он силен потому, что китайские коммунисты принесли его народу революционный дух, способный дать ему свободу.

Пока коммунисты спланировали свои ряды, Гоминьдан на глазах распадался на фракции. Многие его активисты сомневались в непререкаемости авторитета Чан Кайши. Одним из таких сомневающихся можно назвать Ван Цзинвэя. Прежде он числился среди ближайших единомышленников Сунь Ятсена и ключевой фигурой, стоявшей у основания китайского народного движения. В 1910 году его поместили в цинские застенки, а освободился Ван Цзинвэй после революции 1912 года народным героем. Потом в годы республики он несколько сроков служил премьер-министром. Склонявшийся к левому крылу в Гоминьдане (во многом в духе самого Сунь Ятсена) товарищ Ван выступал за сотрудничество с КПК и считался ярким противником империализма, даже после того, как Чан Кайши в 1927 году взялся за истребление коммунистов. В результате Ван Цзинвэй превратился в главного соперника Чан Кайши внутри их партии, а личные отношения между этими двумя лидерами становились всё хуже и хуже. В 1937 году Ван Цзинвэй было присоединился к правительству, переехавшему в Сычуань, но там огорошил многих своих коллег заявлением о том, что западные империалистические державы представляют для Китая по большому счёту угрозу куда значительнее, чем Япония, которая, в конце-то концов, относится к тем же азиатским государствам. К 1939 году, когда он находился в Ханое, где сотрудники секретной службы Чан Кайши попытались его убить, Ван Цзинвэй целиком связал свою судьбу с японцами. В марте 1940 года он возглавил преобразованное им правительство Гоминьдана в Нанкине. В ноябре Ван подписал мирный договор с Японией, которым признавалось Маньчжоу-Го и предоставлялись японцам особые

права на территории, захвата которой они добивались. На самом деле власть Ван Цзинвэя на протяжении пяти лет её существования без поддержки Токио ничего собой не представляла.

Но при всей его репутации предателя Ван Цзинвэй выступал в качестве совсем не простой марионетки в руках японцев. В результате политического дрейфа 1930-х годов его снесло от туманного социализма и прибило к позиции, где он делал акцент на азиатские расовые ценности и сотрудничество в борьбе против господства западных держав. Ван считал, что китайцы напрасно тратят свои силы на войну с Японией. Вместо этого они должны присоединиться к великой восточноазиатской сфере взаимного процветания, которую в Токио вот-вот должны были образовать, а также построить свою державу по образцу и подобию Японии. В январе 1943 года марионеточное правительство Ван Цзинвэя объявило войну европейскому альянсу и оставалось во многом спорным союзником Японской империи вплоть до её капитуляции в августе 1945 года. И пусть этим коллаборационистам удалось набрать солдат для ведения боёв на стороне японцев, все прекрасно понимали, кто тогда задавал тон. Законность Вана даже внутри его собственного правительства строилась только лишь на его искусстве уговаривать японцев причинять Китаю вреда меньше, чем они иначе могли бы причинить. Членов «преобразованного» Гоминьдана в целом считали изменниками, но такими изменниками, которые могли кому-то принести даже пользу.

Цель подавляющего большинства китайцев во время войны представлялась понятной и незатейливой: народ стремился выжить. Они искали выход для себя и своих родных, чтобы им не причинили вреда солдаты армий, с которыми они встречались. В городах Китая, по большей части занятых японцами, для этого подчас требовалось заключение временного соглашения с захватчиками. Практически никто не хотел связываться с режимом Ван Цзинвэя, и не только потому, что его министры считались изменниками, но и потому, что он

считался бесполезным. Если требовалось иметь дело с новым режимом, многие предпочитали обращаться непосредственно к японцам. Разумеется, тотальное сотрудничество с врагом в оккупированном японцами Китае было занятием таким же сложным, как в захваченной немцами Европе. Центральное место в идеологии оккупантов занимало их собственное национальное или этническое превосходство, и даже те, кто захотел перенять японские идеалы, не могли стать японцами. В районах Китая, особенно больше других пострадавших во время социальных и политических передряг начала XX века, жители испытывали большое желание работать под властью новой заморской державы. Прежде всего это касалось представителей знати, видевшей в японцах спасение от непокорных крестьян и рабочих. Но даже тех, кто пытался найти идеологическую платформу, допускающую сотрудничество с захватчиками, часто отпугивали японские зверства и санкции. Как и в занятой немцами Восточной Европе — на территории Литвы, Польши, Украины, — предавать свой народ не всегда было просто или безопасно.

В городах после завершения боёв захватчики сразу старались найти пути восстановления промышленного производства. Сначала японцы проводили «добровольную» конфискацию китайских предприятий и передавали их в ведение армейских подразделений или японских деловых конгломератов — дзайбацу. Однако объём выпуска по сравнению с довоенным уровнем всё равно упал в два раза, и расчёты правительства в Токио на использование промышленных мощностей в Китае в интересах достижения своими армиями самообеспеченности и оказания помощи в снабжении японских войск где-то ещё оказались несбыточными мечтами²⁰. Общая промышленная отдача снизилась по причине затруднений в области снабжения, а китайские рабочие к тому же особым трудовым энтузиазмом не горели. Но японское производство в Китае по сравнению с довоенным уровнем тоже сократилось. Перед войной половина текстильных комбинатов в Шанхае принадлежала японцам, и в ходе боёв

многие из них подверглись разрушению. Представители дзай-бацу отказывались инвестировать в Китай, ведь многие обнаружили, что их капиталовложения не приносят прибыли. Как и у всех захватчиков, в запасе у японцев оставалась только политика кнута и пряника. Китайским владельцам разрешили распоряжаться своими фабриками, если они окажут содействие военным усилиям оккупантов. Многие так и сделали. Однако в стратегических отраслях производства, толкование которых расширялось по ходу войны, японские военные установили прямой контроль через корпорации, поставляющие продукции прямо на фронт. Ни тот, ни другой подход к успеху не привёл. В интересах императорской армии прошла конфискация практически всех судов и поездов на нужды войны, поэтому на этом рынке работать было некому. И назначение цен тоже не оживляло производства. Вплоть до 1945 года японцы не могли решить классическую дилемму оккупанта: захватчику хотелось увеличить производство. Их коллаборационисты искали управляющих, обязанных им с политической точки зрения. А рабочие кляли неучей-управляющих, связавшихся с врагом, а также саму оккупацию. При таком раскладе успеха ждать не стоит.

В сельской местности вариантов существовало не намного больше, чем в городах. Местная знать шла на сотрудничество с захватчиками, но толк от него получался минимальный. Её представители возмущались режимом Ван Цзинвэя, но пользы от этого было тоже мало. Они мечтали о стабильности, но японцы либо не могли, либо не хотели её обеспечивать. Ситуацию в одном уезде можно назвать показательной. Перед 1930-ми годами население Нэйхуана в северной провинции Хэнань страдало от всевозможных гражданских войн. Но за несколько лет до нападения японцев гоминьдановцы последовательно обуздали бандитов, коммунистов и тайные сообщества. С приближением японцев в 1937 году гоминьдановские правители ушли на юг. Заключённые вырвались из тюрьмы и взяли штурмом государственные складские учреждения. Бандитские группы действовали совершенно открыто.

Однажды в марте 1938 года, когда войска императорской армии готовились взять уезд под свой контроль, между двумя группами бандитов произошло столкновение совсем рядом с передовым отрядом японцев. Захватчики подумали, что подвергаются нападению со стороны вооружённых жителей соседней деревни, переловили всех попавшихся под руку мужчин, раздели их догола, загнали в дом, облили его керосином и подожгли. Пытавшихся спастись из пламени несчастных людей застрелили на месте. Ни за что погибли восемьдесят селян. На протяжении войны мирное население этого уезда грабили уголовники, захватчики и те, кто выдавал себя за власть. Гоминьдановцы никакой защиты предоставить не могли. Неудивительно, что сельские жители в этой области с радостью согласились на охрану со стороны КПК, когда её отряды в 1944 году начали действовать на территории уезда²¹.

Японская армия в 1942—1943 годах особыми успехами отличиться не смогла. Многие обозреватели каких-то значительных событий на китайском фронте до конца войны не ждали. Однако японское Верховное командование планировало поменять сложившееся положение вещей. Японцы знали, что для победы в войне с Китаем им в первую очередь требуется вывести из борьбы Гоминьдан. В 1944 году они приступили к крупнейшей на Азиатском материке наступательной операции с намерением сломить китайское сопротивление и установить прямые сухопутные сообщения между Северным Китаем и Юго-Восточной Азией. Японские составители планов практически добились их воплощения в жизнь. К началу 1945 года гоминьдановская власть оказалась в жутком положении, и, несмотря на победы альянса на Тихом океане и в ЮВА, ей грозило поражение в войне, но тут поступили сообщения о внезапной капитуляции Японии.

Как это часто случается на войне, японские специалисты по планированию не смогли договориться по поводу самой важной задачи, названной ими операцией «Итиго» («Номер

один»). Кто-то делал акцент на обеспечении путей подвоза, кто-то — на разгроме Гоминьдана. По мере развития наступления они начали было склоняться к тому, чтобы важнейшей назвать вторую задачу, а первую оставить на потом. Правительство гоминьдановцев в Чунцине переживало острый социально-экономический кризис, разразившийся в 1944 году и лишивший их ресурсов для решительного сопротивления. Попытки этого правительства по сбору новых налогов себя не оправдали, но зато предельно разозлили народ. Все виды запасов подходили к концу, и на подвластной Гоминьдану территории начался голод. В таких условиях вполне естественно, что сопротивление набору в войска стало только энергичнее. Половина всех дезертиров и мятежей против набора в армию зарегистрирована как раз в последний год войны. Главное достижение гоминьдановцев в виде союза с США для подавляющего большинства населения мало что значило. Почему, спрашивали люди, американцы так скупно помогают Китаю? Если в Вашингтоне смогли принять решение о направлении значительных своих сил в Бразилию для её охраны от вторжения войск оси, почему они не послали ни одного солдата регулярной армии воевать в Китай? А реакция гоминьдановцев на финансовый кризис в форме печатания денежных знаков привела к неконтролируемой инфляции и обнищанию практических всех без исключения, в том числе собственных сторонников. Все эти беды, вместе взятые, стали причиной лишения поддержки правительства Чан Кайши в его войне до предельно низкой точки, когда она была нужнее всего.

Операция «Итиго» началась в апреле 1944 года. Меньше чем за месяц японцы вытеснили гоминьдановские войска из провинции Хэнань. Они к тому же взяли столицу Хунани город Чанша, который китайцы удерживали с 1939 года. Затем японские войска с юга вошли в провинцию Гуанси, в ноябре заняли Гуйлинь и двинулись с юга и востока на оплот Гоминьдана в Сычуани. Успех операции «Итиго» в большой степени обеспечивался слабым планированием боевых действий со стороны американских советников Чан Кайши.

И тут же обнаружилась степень того, как экономическая и политическая несостоятельность Гоминьдана лишала его способности к сопротивлению врагу. Даже когда японцы начали терять наступательный напор весной 1945 года в силу необходимости переброски своих войск в ближайшие к своей стране акватории Тихого океана, контрнаступление Гоминьдана по большому счёту облегчения не принесло. Подавляющее большинство китайцев всё ещё видели в Чан Кайши своего героя, однако право его партии быть во главе на заключительной стадии войны всё больше подвергалось сомнению.

В отличие от Гоминьдана коммунисты смогли воспользоваться войной для пополнения рядов своей партии. Когда в ходе операции «Итиго» японцы изгнали гоминьдановцев из важнейших областей Центрального Китая, коммунисты получили возможность образовать свои собственные политические учреждения в тылу растянутой линии фронта армии Японии. К тому же они могли в случае необходимости нападать на отдельные гоминьдановские подразделения, как коммунисты это делали в приграничной зоне провинций Шаньдун и Цзянсу. К своему собственному удивлению, представители КПК также провели первые встречи с американцами. Пресытившись осторожной стратегией Чан Кайши, в Вашингтоне попытались привлечь на свою сторону в борьбе с Японией кое-кого из остальных носителей власти в Китае, в том числе коммунистов. Советские представители передали Мао Цзэду, что И.В. Сталин рассчитывает на продолжение союза СССР—США после завершения войны, и председатель КПК истолковал американские инициативы как прелюдию перед формированием новой международной конструкции. Коммунисты с помощью американцев рассчитывали подтолкнуть Чан Кайши и остальных антикоммунистов к компромиссу в определении послевоенного будущего Китая. Надежды коммунистов укрепились, когда представитель президента Ф. Рузвельта при Чан Кайши тщеславный и предельно наивный юрист из Оклахомы Патрик Хёрли во время своего отважного визита к коммунистам поставил

свою подпись под требованием, составленным самим товарищем Мао, о формировании в Китае коалиционного правительства. П. Хёрли к тому же пообещал руководству КПК поставки из США в свете подготовки, как подумал председатель Мао, к высадке американцев на побережье²².

Но отнюдь не посещение П. Хёрли, как сам он называл, «индийской территории» больше всего подорвало положение Гоминьдана. И не провал данной партии во время правления страной на протяжении войны. Всё дело было в ощущении, распространившемся прежде всего среди представителей просвещённого класса Китая, того, что международная система, к которой активисты Гоминьдана так истово стремились примкнуть, обещала Китаю очень мало пользы. Сотрудничество китайцев с капитализмом в глобальном масштабе какого-либо счастья им не принесло, и многие люди тосковали о новой хозяйственной политике, которая после войны принесёт выгоду китайскому народу. Как и остальные народы, измученные войной, китайцы в 1945 году мечтали о мире и разрешении внутренних проблем своей страны. Если Чан Кайши обладал способностями для воплощения чаяний своего народа в жизнь, то народ бы за ним пошёл. Если нет, китайцы начали бы искать ему замену.

В феврале 1945 года Ф. Рузвельт, У. Черчилль и И.В. Сталин собрались в Ялте, чтобы наметить контуры послевоенного устройства мира. На этот раз Чан Кайши на встречу глав государств, как это было в Каире в 1943 году, не пригласили, и его крайне возмутило такое пренебрежение к нему. Он негодовал по поводу того, что Китай снова, как всегда, используют в качестве разменной монеты в игре великих держав. Но всё равно он нашёл исход встречи в Ялте полезным для себя. Генералиссимус осознавал военную слабость своего политического строя и боялся, что вступление Советского Союза в войну с Японией может иметь катастрофические последствия для единства Китая. Поэтому он требовал от Вашингтона повлиять на роль

СССР в ЮВА и американских гарантий выгодного ему поведения Москвы в соответствии с предоставленными ей полномочиями по условиям секретного ялтинского протокола. Чан Кайши к тому же хотел скорейшего завершения войны и знал, как и Ф. Рузвельт, что только наступление Красной армии на японцев может приблизить конец этой войны. Осуждение генералиссимусом Ялтинской встречи, такое же, как осуждение её со стороны генерала Шарля де Голля, которого тоже на неё не пригласили, было делом формальным, не затрагивающим её сути. Он хотел договориться с советским руководством, хотел сделать это побыстрее, но ему нужны были американцы, чтобы определить рамки сотрудничества.

Секретная часть Ялтинского договора, заключённого 11 февраля 1945 года, относительно Японии, согласованная после того, как И.В. Сталин получил практически всё, что он хотел по Европе, говорила сама за себя:

«Главы трёх великих держав — Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Великобритании — договорились о том, что через два или три месяца после капитуляции Германии и прекращения войны в Европе Советский Союз должен вступить в войну против Японии на стороне альянса при условии, что: существующее положение Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики) должно сохраниться... торговый порт Дайрен [Далянь] должен получить статус международного с гарантией исключительных интересов Советского Союза в этом порту и восстановлением аренды Порт-Артура как военно-морской базы СССР; Китайско-Восточная железная дорога и Южно-Маньчжурская железная дорога переходят в совместную эксплуатацию через создание объединённой советско-китайской компании, притом что гарантируются исключительные интересы Советского Союза и сохраняется суверенитет Китая над Маньчжурией... Предполагается, что настоящий договор относительно Внешней Монголии, а также портов и железных дорог, упомянутых выше, требует согласия со стороны генералиссимуса Чан Кайши. Президент должен принять меры, чтобы обеспечить такое со-

гласие по рекомендации со стороны маршала И.В. Сталина. Главы трёх великих государств договорились о том, что эти требования со стороны Советского Союза будут безоговорочно выполняться после разгрома Японии. Со своей стороны представители Советского Союза выражают свою готовность заключить с Национальным правительством Китая пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем с целью оказания помощи Китаю вооружёнными силами, предназначенными для освобождения Китая от японского ярма».

После капитуляции Германии в мае 1945 года началось состязание между теми, кто установит мир в Восточной Азии. Представители Гоминьдана отправились в Москву договариваться с советским руководством, однако эти переговоры явно ни к чему не вели. Власти США всё больше тревожила напряженность с СССР в Европе, и Чан Кайши старался использовать это беспокойство, чтобы заручиться поддержкой американцев ради самых минимальных уступок И.В. Сталину. Тем временем представители советского вождя настаивали на максимально возможном контроле над послевоенной Маньчжурией. Генералиссимуса предупредили о том, что, если власти СССР не получают требуемого, они просто могут предпочесть иметь дело с представителями КПК или отложить своё наступление на армию Японии.

6 августа американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму и убили там 80 тысяч человек. Через три дня они использовали ещё одно ядерное взрывное устройство над городом Нагасаки, когда жертвами стало 60 тысяч мирных жителей. В тот же день войска Советского Союза перешли в наступление на японские воинские соединения в Маньчжурии. И.В. Сталин не мог больше ждать, так как он рассчитывал на свою долю от поверженной Японской империи. Представители Чан Кайши на переговорах подписали соглашение с Советским Союзом, предоставлявшее И.В. Сталину всё, что ему полагалось по Ялтинскому пакту, получили заверения в том, что в Москве будут иметь дело только с китайским правительством Гоминьдана. Японцы согласились на безогово-

рочную капитуляцию уже на следующий день, хотя Иосиф Виссарионович для ровного счёта не останавливал действия Красной армии ещё две недели и дал своим войскам возможность освободить как можно более обширную территорию.

За один месяц в середине 1945 года международная ситуация в Восточной Азии кардинальным образом поменялась. После капитуляции Япония как самостоятельное государство прекратила существование, при этом на территории Китая, в том числе в Маньчжоу-Го и на Тайване, оставалось 2,3 миллиона японских солдат и почти полтора миллиона человек гражданского населения. Советские войска заняли Маньчжурию и северную часть Кореи, куда вошло больше 400 тысяч военнослужащих Красной армии. Власть коллаборационистов закончилась. Гоминьдановские войска при поддержке своих американских союзников готовились взять под контроль весь Китай. Военной добычи КПК вроде бы не предназначалось. Притом что его партия выдохлась, а армия стояла на коленях, Чан Кайши всё равно чувствовал себя победителем. Теперь он собирался строить единое и мощное централизованное государство, ускользавшее от него на протяжении двадцати лет. Но сначала ему предстояло отправить японцев на родину и покарать китайцев, которых считал изменниками. При всём своём желании обрушить на них суровую кару генералиссимус старался вести себя предельно терпимо с бывшими противниками, готовыми согласиться стать добропорядочными гражданами нового гоминьдановского государства. Под суд отправили около 25 тысяч коллаборационистов, или меньше 0,005% от населения Китая. Это — предельно мало, если сравнить с той же статистикой во Франции (под суд отдали 1% населения) или в Норвегии (больше 3%), хотя в этих странах боевые действия велись в гораздо меньших масштабах, чем в Китае. Тем не менее большие перемещения материальных благ случились в результате конфискации и штрафов, назначенных промышленникам и предпринимателям, обслуживающим японцев в оккупированных ими городах. Такие меры кое-кто в народе считал скорее источником

в одинаковой степени и для наполнения карманов возвращающихся гоминьдановских чиновников, и для пополнения государственной казны. Можно сказать, что ведущие коллаборационисты легко отделались. Даже второй человек в маррионеточном правительстве Ван Цзинвэя, которым числился Чжоу Фохай, избежал смертного приговора (сам Ван умер в 1944 году). Большинству лидеров предателей среди национальных меньшинств жизнь сохранили. Князь Дэмчигдонров, возглавлявший поставленное японцами сепаратистское правительство Внутренней Монголии, которого все боялись, доживал свой век хранителем исторического музея административного центра автономного района города Хух-Хото. Император Маньчжоу-Го и он же последний император Цинской династии Пу И после освобождения из советского плена работал в ботаническом саду, а затем архивариусом в национальной библиотеке Пекина. Если они только не становились жертвами показательных судов, главные предатели и приспешники японцев в Китае получили больше шансов выжить, чем коллаборационисты Второй мировой войны в других странах.

К моменту завершения войны Китая с Японией международная обстановка уже переменилась. Из Восточной Азии ушли как великие державы, не только Япония, но также Британия с Францией и Германия. Остался Советский Союз, теперь мощный, как никогда. А США превратились во вторую основную державу, обладающую контролем над Японией и питающую большой интерес к Юго-Восточной Азии как с точки зрения природных ресурсов, так и относительно морских путей сообщения. Представители всех китайских политических группировок при выборе своего пути к власти должны были учитывать такой новый политический расклад на мировой арене. Как и лидеры в остальных странах, политики в Китае не могли знать, сохранится ли в какой-либо форме сотрудничество между США и СССР после войны или возникнет противостояние.

Ответ на это вопрос, знали они, должен определить, какую выгоду могут принести внешние отношения.

Внутри Китая авторитет Чан Кайши достиг невиданных высот. Хотя многие люди с возмущением вспоминали, как гоминьдановцы вели войну — допускали неоправданные потери, из рук вон плохо руководили хозяйством, подавляли народовластие, тем не менее мало что из этого вменяли в вину лично генералиссимусу. По всей стране Чан Кайши воспринимался как настоящий национальный герой, который знал, когда вступить в войну, и находил мужество стоять на своём, несмотря ни на что. Понятно, что укреплению его авторитета на родине служило заметное международное положение самого Чан Кайши и Китая. Американский президент Гарри Трумэн признал Китай великой державой и предоставил этой стране одно из пяти мест постоянных членов Совета Безопасности ООН. Советский вождь Иосиф Виссарионович Сталин официально признал правительство Чан Кайши в качестве центральной власти Китая и публично призвал представителей всех остальных партий, в том числе китайских коммунистов, наладить и поддерживать с ним сотрудничество. В 1945 году Китай находился на грани возвращения ему положения главного государства в регионе, и Чан Кайши готовился образовать единый Китай, о котором он, как и многие другие китайцы, мечтал с детства. Патриотизм, отказ от соглашательства и международное сотрудничество, говорил он своим согражданам, укрепили Китай, и теперь всем предстояло светлое будущее.

«Моя искренняя вера состоит в том, — говорилось в победном послании генералиссимуса, в котором повторялись конфуцианские ценности, близкие его сердцу, — что все люди на Земле — где бы они ни жили: на Востоке или на Западе, и какого бы цвета ни была их кожа, — в один прекрасный день сойдутся в одну семью. Мировая война — явление неделимое, и мир во всем мире тоже понятие неделимое. Он вызвал к жизни международное понимание и взаимное доверие, которые послужат мощной преградой на пути будущих войн»²³.

Глава 8

КОММУНИЗМ

Китайский коммунизм родился из-за страха перед будущим, который многие китайские интеллектуалы почувствовали где-то во время подъёма движения 4 мая в 1919 году. Для спасения своей страны им требовался достойный образец, на примере которого можно было бы сделать Китай богатым и сильным государством. Причём государством, способным служить маяком для остальных наций, а не оставаться изгоем. Те, кто принимал участие в движении 4 мая и воспитал в себе коммунистов, признали за такой образец Советский Союз. Для них, а они представляли меньшинство, В.И. Ленин и Советы уже построили на развалинах русской империи современный тип страны в виде нового Советского государства, сочетавшего в себе передовую новизну с социальной справедливостью. Для молодых китайцев типа Мао Цзэдуна советский коммунизм представлял собой реализованную возможность без сопутствующих потерь: страна, считавшаяся империей, сохранилась, зато возродилась в качестве нового государства, обеспечивающего равноправие и справедливость для всех. Конфуцианская идея высокой нравственности сроднилась с новизной коллективной власти и техники, поддерживаемой системой Советов, то есть новизны куда более передовой, чем находилась в распоряжении империалистических держав, унижавших Китай в прошлом. Этот пример в качестве средства и цели служил безупречным инструментом для тех, кто в него поверил.

Необходимо ещё и ещё раз подчеркнуть, что первых китайских коммунистов скорее вдохновлял ленинизм, чем

марксизм. Их умы занимали организационные идеалы советской революции, а не пророчества К. Маркса по поводу мирового капитализма. Марксизм в Китае всегда оставался увлечением меньшинства в левом крыле, а не верой, вдохновлявшей всю партию целиком. Поколение основателей КПК и их ближайших преемников вплоть до конца 1980-х годов и прихода к руководству Дэн Сяопина занималось созданием организации и государства с применением инструментов, которые использовали В.И. Ленин и И.В. Сталин для построения современного и мощного Советского Союза. То есть таких инструментов, как однопартийная власть, стройная иерархия, милитаризация, а также жёсткая регламентация жизни товарищей по партии и всех граждан. Марксизм понимался как наука об обществе, которой предусматривалась бесспорная правота коммунистов, причём не только Китая, но и всего мира, в том, что человечество в конечном счёте должно продвигаться в своём развитии в сторону социализма. Только вот на подробное толкование новизны капитализма, дать которое попытался К. Маркс, китайские коммунисты особого внимания не обращали. До развязывания китайско-японской войны в 1937 году главную работу К. Маркса «Капитал» полностью перевести на китайский язык не успели¹.

Одна из причин того, почему марксизм остался на задворках освоения китайскими коммунистами, состояла в том, что их партию втянули в войну и на то, чтобы остановить бои и изучить теоретическое наследие, времени практически не оставалось. После 1928 года, когда Чан Кайши чуть было не уничтожил КПК, оставшиеся в живых сторонники этой партии ушли в горы и там занимались только тем, что отражали постоянные карательные экспедиции, предпринимаемые против них гоминьдановцами. Даже притом, что руководство КПК поддерживало связь с Москвой и Коминтерном, главной задачей всегда оставалось сохранение имеющихся боевых рядов и реорганизация новых, так как коммунистов выдавливали всё дальше на окраины Китая. Само возвышение Мао Цзэдуна было с определённой неохотой одобрено в Москве,

причём в знак признания того факта, что со своим талантом он спас партию от забвения, а не его навыков теоретика. Доказательств того, что товарищ Мао когда-то серьёзно изучал труды К. Маркса сверх кружковых пособий, переведённых на китайский язык в годы его молодости, не существует. Председатель Мао и руководство КПК, сформировавшееся в конце 1930-х годов, были бойцами, то есть в первую очередь мастерами, овладевшими искусством выходить из самых сложных и опасных складывающихся на войне ситуаций.

Главной проблемой для КПК перед Второй мировой войной была малочисленность её рядов. В 1928 году максимальная их численность составляла около сорока тысяч человек — капля в океане китайского населения. К 1937 году после Великого похода на север китайских коммунистов насчитывалось приблизительно столько же, хотя к ним примкнули ещё сорок тысяч солдат и гражданских лиц, не состоящих членами КПК. Без прорыва в привлечении в свои ряды новых членов и расширении территории своей деятельности китайским коммунистам нечего было даже мечтать о победоносной борьбе с Гоминьданом за власть в Китае. Этот прорыв, как нам уже известно, произошёл с нападением в 1937 году японцев на Поднебесную. После поражения гоминьдановской власти практически на всей территории страны и принятия Мао Цзэдуном (с согласия Коминтерна) решения сместить общественное восприятие его партии в сторону политического центра, а также сделать акцент в пропаганде на задачах защиты нации заявления от желающих вступить к КПК пошли валом. В 1938 году в ней состояло больше 200 тысяч членов. К 1945 году их ряды пополнились до 1,2 миллиона человек. Партия созрела для борьбы с внутренними и внешними врагами.

Как нам уже известно, такая позиция руководства КПК относительно политической умеренности и его обращение к нации представляли всего лишь одну сторону политики коммунистов в военное время. Вторая сторона состояла в формулировании и внедрении в мировом масштабе особой теории,

впоследствии названной маоизмом, или «Теоретическим наследием Мао Цзэдуна». В суровых условиях войны новообращённые коммунисты, да и партийные руководители тоже, проходили энергичную идеологическую обработку по программе политической подготовки, разработанной самим председателем Мао. Её сердцевину составляло освоение набора трудов В.И. Ленина, И.В. Сталина и Мао Цзэдуна, а также изучение истории КПК, главным деятелем которой выступал товарищ Мао. С помощью целенаправленных кампаний по чистке рядов, в ходе которых партийное руководство старалось искоренять любые формы самостоятельного мышления, центральное место в партийной жизни всё больше отводилось предписаниям Мао и самому «великому кормчему». Историки, занимавшиеся западной теологией, называли такое явление «логоцентрическим движением с характерно выраженными сектантскими чертами и назначением харизматического лидера»². Упор товарища Мао на самодостаточность, отвагу, самопожертвование и силу человеческой воли в 1940-х годах заменит в теории КПК ряд элементов марксизма. Лю Шаоци как надёжный помощник Мао подвёл черту под его теоретическими изысканиями на VII съезде КПК в 1945 году, созванном после семнадцатилетнего перерыва: «Мао — это не только величайший в китайской истории революционер и государственный деятель, но и величайший в китайской истории теоретик». Как это ни парадоксально, но по мере того, как КПК в восприятии народа становилась всё более умеренной и популярной, её внутрипартийная линия приобретала свой эзотерический и утопический вид, означавший громадные последствия для отношений Китая с остальным миром.

Окончание войны с Японией в августе 1945 года наступило неожиданно для всех. Оно ознаменовалось американскими ядерными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки, а также вступлением Советского Союза в эту войну. В начале этого месяца японская императорская армия наступала на военную

столицу гоминьдановцев город Чунцин в восточной провинции Сычуань, а отрядам КПК, несмотря на политические операции в тылу противника, оказалось делом весьма трудным достичь своих стратегических целей выдвижения в Маньчжурию и в центральные районы Китая. К концу августа ситуация коренным образом изменилась. Япония капитулировала. С помощью США вооружённые силы Чан Кайши стремительно овладевали городами, железнодорожными путями, основными населёнными пунктами и транспортными узлами, находившимися в руках японцев по всей стране. Американские командиры требовали от японских подразделений удерживать позиции до прибытия представителей Чан Кайши. В Москве члены делегации гоминьдановского правительства договорились с советскими чиновниками о передаче Маньчжурии под управление Чан Кайши, которая предлагалась в обмен на предоставление СССР баз под экономические и военные концессии. Китайских коммунистов полностью отстранили от мирного процесса, и их принуждали как из Москвы, так и из Вашингтона к достижению договорённостей с Гоминьданом.

Август 1945 года можно назвать самым неблагоприятным для Мао Цзэдуна периодом его политической деятельности. Все представления председателя Мао, сформулированные в ходе VII съезда КПК, превращались в пустой звук. Товарищ Мао рассчитывал на продолжение расширения авторитета КПК, с помощью которой коммунисты должны были получить возможность в послевоенное время объявить об автономии подконтрольной им территории и развернуть повсеместное политическое состязание с Гоминьданом. Вместо этого ему приходилось принуждать актив своей партии к ведению переговоров с Гоминьданом с позиции слабого партнёра и идти на уступки чанкайшистам просто ради предотвращения нападения со стороны гоминьдановских войск. Хвалёная послевоенная мощь коммунистов стремительно слабела до уровня влияния, которым они располагали в 1937 году, а перспектив его наращивания не предвиделось. Товарищ Мао называл виной своих неудач складывающуюся

международную обстановку и жалел о недостаточном внимании актива своей партии к изучению теории внешнеполитических отношений. Ответственность за своё поражение он возлагал на США. Но и роль И.В. Сталина он рассматривал с недоверием и сомнением.

Чан Кайши невероятно везло с международными альянсами, но его всегда расстраивали попытки собственных союзников подправлять китайскую политику. Он презирал посредническую деятельность, которой занимались бывший американский начальник штаба армии генерал Джордж К. Маршалл, которого президент Гарри Трумэн прислал в декабре 1945 года. Несмотря на все усилия Дж. Маршалла, генералиссимус продолжал оказывать на КПК вооружённое воздействие, как только те пытались увильнуть от переговоров с ним. Ценой мира Чан Кайши хотел добиться полной передачи вооружённых отрядов КПК в состав государственной армии и насаждения официальной власти на территории, временно занятой коммунистами. Когда советское руководство попыталось продлить оккупацию Красной армией Маньчжурии ради новых уступок со стороны Гоминьдана, Чан Кайши использовал свой союз с Вашингтоном для наращивания дипломатического нажима на Москву. При всём проявленном Дж. Маршалом таланте посредника генералиссимусу было совершенно ясно, что по мере нарастания напряжённости в советско-американских отношениях по всей планете именно его правительство в Вашингтоне рассматривали как основного союзника.

Лето 1946 года, когда мир скатывался в холодную войну между СССР и США, в Китае было временем принятия решения. Под напором со стороны Соединённых Штатов Америки и Британии И.В. Сталин распорядился о полном выводе в конце весны советских войск из Маньчжурии и вооружении отрядов КПК по мере выхода подразделений Красной армии. Поскольку советские войска ушли, а Иосиф Виссарионович больше не настаивал на переговорах с Гоминьданом, Мао Цзэдун приказал своим бойцам не пускать

воинские части китайского правительства в Маньчжурию и бороться «за каждую пядь земли». Руководители КПК надеялись на то, что советские власти помогут в снабжении и боевом обучении вооружённых отрядов их партии, чтобы они могли самостоятельно оказать сопротивление численно и технически превосходящим гоминьдановским войскам. Но прежде всего они рассчитывали на то, что военная организация китайских коммунистов сохранится после первого натиска чанкайшистской армии, обученной, оснащённой и пользующейся помощью Соединённых Штатов Америки.

Китайская гражданская война, продолжавшаяся с середины 1946 до начала 1950 года, определила внешнюю политику Китая на десять с лишним лет вперёд. Она послужила укреплению союза между китайскими коммунистами и Советским Союзом, и в рамках этого союза Москва не только постепенно превратилась в главную внешнеполитическую опору КПК, но и к тому же дала конкретный образец построения коммунистического государства. Благодаря этой войне власти США осознали слабость своих позиций в Китае, даже после всей той помощи, оказанной данной стране и её правительству. А итог войны стал причиной гонений на коммунистов, начатых в Соединённых Штатах и продолжавшихся полтора десятка лет. Но главное состоит в том, что в ходе гражданской войны в Китае проявилась слабость китайской государственной политики и стало ясно, что простым китайцам больше всего были нужны порядок и стабильность для жизни, которые, по их твёрдому убеждению, могло обеспечить только сильное, единое и соответствующее времени государство.

Повествование о ходе боевых действий этой войны и её международном значении особого труда не составит. С самого начала, то есть в 1946 и 1947 годах, чанкайшисты перешли в наступление и вытеснили отряды КПК практически со всей территории к югу от Великой Китайской стены, в том числе

из столицы коммунистов времён китайско-японской войны городка Яньань, которая пала в марте 1947 года. Коммунисты потерпели поражение, но полный разгром им удалось предотвратить. А потом наступил поразительный перелом. Ближе к концу 1947 года отряды коммунистов, теперь называвшиеся Народно-освободительной армией Китая (НОАК), перешли в Маньчжурии в контрнаступление, и на севере Поднебесной началась их реорганизация. К весне 1948 года чанкайшисты потеряли Маньчжурию, а с ней и наиболее боеспособные свои соединения. Весной 1949 года части НОАК форсировали реку Янцзы. Пекин пал в январе, столица Гоминьдана Нанкин — в апреле, и Шанхай — в мае. Гуанчжоу и Южный Китай коммунисты освободили в октябре. К декабрю 1949 года армии Гоминьдана подверглись разгрому в Сычуани, и их остатки продолжали сопротивление в немногочисленных районах запада и юга континентального Китая. К апрелю 1950 года коммунисты с советской помощью покорили Синьцзян. В октябре 1951 года соединения НОАК вступили в столицу Тибета город Лхасу, и вся территории бывшего цинского Китая, за исключением Внешней Монголии, народ которой провозгласил свой собственный социалистический строй, и Тайваня, где Чан Кайши подготовил свой последний оплот, находилась в руках коммунистов.

Так почему же китайские коммунисты победили в этой гражданской войне и какую роль в их победе сыграли международные отношения Китая? Коммунисты победили потому, что совершили меньше военных ошибок, чем гоминьдановцы, и потому, что Чан Кайши, экспериментируя с мощным, централизованным послевоенным государством, настроил против себя слишком много групп населения своей страны, представлявших носителями противоположных интересов. Гоминьдан как партия ослаб по причине поражений, понесённых во время войны с японцами. Тем временем коммунисты отточили ораторское мастерство таким образом, чтобы говорить разным группам китайцев точно то, что им хочется услышать, а также искусство подража-

тельного сходства с китайскими патриотами. Только коммунистов, говорили они, можно считать силой, определяющей судьбу всей нации. Чан Кайши изображали марионеткой в руках западного империализма. Из зарубежных стран власти США могли бы продлить агонию Гоминьдана в Китае за счёт предоставления более щедрой помощи, но спасти от гибели — никак. За счёт поэтапного наращивания помощи со стороны Советского Союза руководство КПК смогло организовать переход своих отрядов в наступление, но исход гражданской войны определялся отнюдь не в Москве. Генерал Дж. Маршалл дал всему этому точную оценку в 1947 году во время беседы с китайским послом о том, что Чан Кайши «создал для себя редчайшую проблему материально-технического снабжения своих войск. Он отдаёт противнику почти 40% своих предметов снабжения. Когда эта доля достигнет половины, ему придётся решать, разумно ли вообще снабжать свои войска?»³. Притом что между 1945 и 1950 годами американские власти предоставили чанкайшистскому правительству помощи на 1,9 миллиарда долларов, превышающие 40 миллиардов на нынешние деньги, они не имели возможности ни контролировать его политику, ни определять политическую траекторию Китая.

1 октября 1949 года на площади Тяньаньмэнь в Пекине Мао Цзэдун со своим жутким хунаньским акцентом провозгласил образование Китайской Народной Республики. День выдался холодный, но зато на небе не было ни облачка. Голос председателя Мао звучал тонко и пронзительно, ведь он хворал и ослаб. Возможно, на него повлияла важность самого события. Вместо исторической торжественной речи товарищ Мао просто перечислил имена своих ближайших сподвижников и их должности, доставшиеся им в новом правительстве. За неделю до этого, однако, он наметил программу правления КПК в своей речи перед участниками съезда Народного политического консультативного совета, представлявшего собой совещательный орган, сохранённый китайскими коммунистами по настоянию руководства Советского Союза, хотя

сам Мао Цзэдун хотел от него избавиться. Председатель Мао победоносно заявил: «Мы разгромили реакционное гоминь-дановское правительство, пользовавшееся поддержкой американского империализма».

«Наше дело войдёт в историю человечества, и оно будет служить символом того, за что теперь выступает китайский народ, составляющий четверть населения нашей планеты. Китайцы всегда считались великой, отважной и трудолюбивой нацией, и только в новейшие времена она отстала от передовых народов. И произошло это исключительно в силу угнетения и эксплуатации со стороны иностранного империализма и своих реакционных властей. На протяжении последних ста лет наши предки без остановки вели упорную борьбу против внутренних и заморских угнетателей... а теперь мы провозглашаем образование Китайской Народной Республики. С настоящего момента наша нация будет принадлежать к сообществу миролюбивых и свободолюбивых народов мира. И мы будем работать храбро и усердно над выхаживанием своей собственной цивилизации и её благополучия, а также одновременно будем бороться за мир во всём мире и свободу. Мы больше не позволим себя оскорблять и унижать. Мы выпрямили спину, и на колени нас больше не поставят»⁴.

Через девять недель после провозглашения своего нового государства товарищ Мао отправился из Пекина на встречу с И.В. Сталиным в Москву. Председателю КНР предстояла первая в его жизни поездка за рубеж. Эту китайскую делегацию вождь советского народа встретил весьма благосклонно. Тем не менее Мао Цзэдун пришёл в ужас оттого, что Иосиф Виссарионович не собирался заключать новый всеобъемлющий договор с КПК, а предлагал сотрудничество в рамках договора, заключённого с чанкайшистским правительством в 1945 году. Только энергичными усилиями китайцев и кое-кого из советников самого И.В. Сталина удалось убедить советского правителя переменить своё решение. 14 февраля 1950 года, когда Мао Цзэдун уже два месяца гостил в Москве и руководство в Пекине начало было волноваться, между дву-

мя странами был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. По условиям этого договора, советские представители пообещали оборонять Китай в случае нападения на него «Японии и её союзников» (предполагались США), а также оказать содействие в военной и гражданской сфере. Они к тому же договорились передать китайским властям безвозмездно русские концессии в Маньчжурии, приобретённые в 1945 году. Со своей стороны, китайцы в обмен на независимость Внешней Монголии, а также исключительное сотрудничество Советского Союза в Маньчжурии и Синьцзяне согласились образовать ряд акционерных обществ на паритетных началах обеих стран в самых разных сферах от консервирования продовольствия до авиации. Товарищ Мао получил соглашение на условиях, которые хотел, предусматривающее безопасность и помощь. Но в процессе ему пришлось пережить острое национальное унижение, ведь его расчёт на обращение как с равным партнёром со стороны руководства Советского Союза не оправдался.

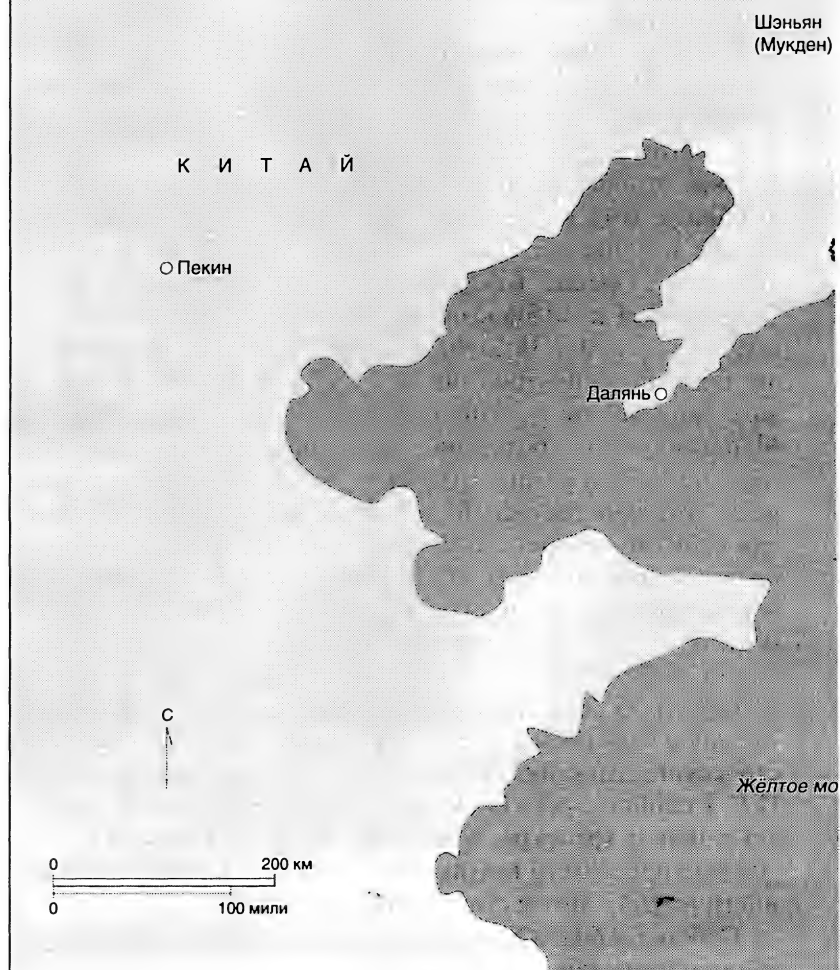
По большому счёту чудом одержанная победа послужила китайским коммунистам доказательством справедливости представления о предначертании судьбой их роли в жизни Китая. Они завоевали свою страну и теперь должны излечить её от всех недугов. Над ними стоял лидер, покоряющий сердца масс, в лице Мао Цзэдуна. Доброжелательностью и авторитетом, которым они пользовались среди практически всех слоёв китайского населения внутри страны и за рубежом, не располагало ни одно китайское правительство после свержения Цинов. На международной арене они порвали с западным империализмом и связали свою судьбу с Советским Союзом, как и всегда собирались это сделать. Так получилось, что история оказалась на их стороне, невзирая на неопределённость, которая их мучила по поводу того, как управлять современным государством. Их вожди успокаивали их: мол, всё в конечном счёте сложится благополучно, так как нападение империалистов можно будет предотвратить, а поддержка Советского Союза никуда не уйдёт.

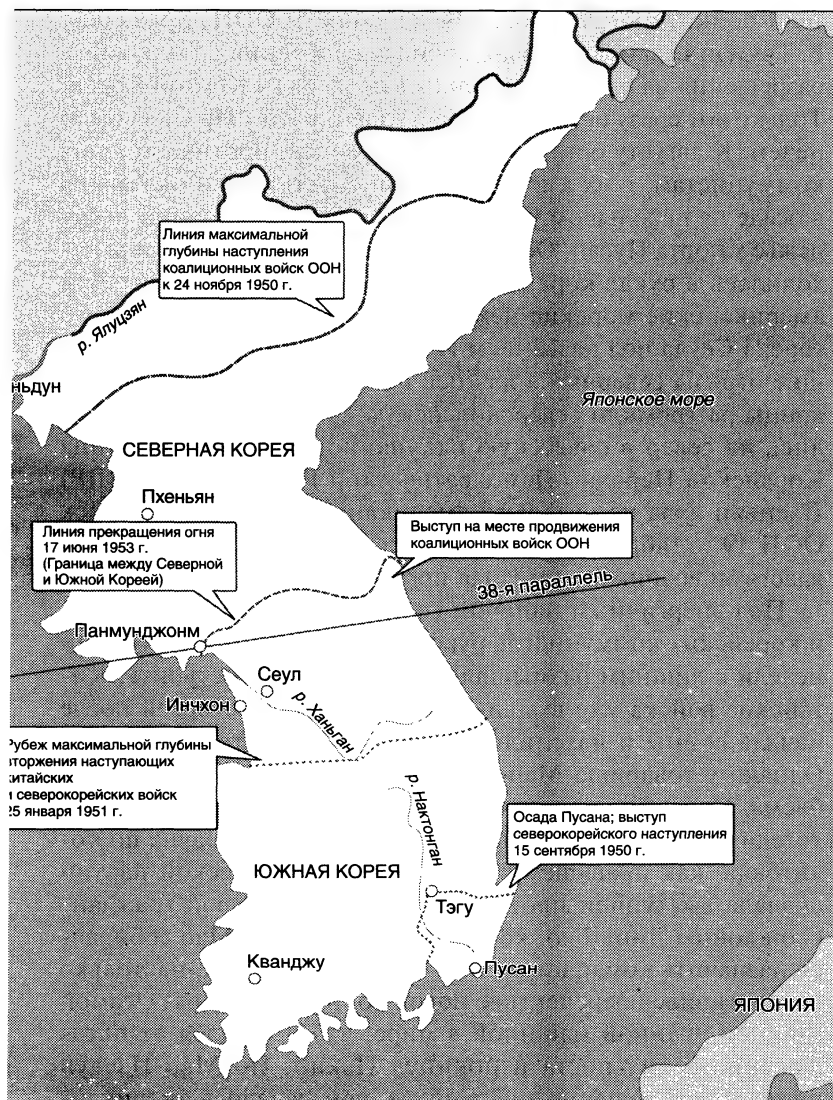
* * *

Руководители КПК, занятые построением своего нового государства, не могли предвидеть беды, поджидавшей на окраинах их империи. Территорию Кореи в конце Второй мировой войны поделили на американскую и советскую оккупационные зоны, и в скором времени на обеих частях этой страны появились враждебные друг другу политические системы. Между новой КНР и корейскими коммунистами, взявшими власть в северной части Кореи, находящейся под покровительством СССР, сложились душевные, но не близкие отношения. Корейскую войну новая власть КПК не выбирала, хотя в конечном счёте пришлось принимать решение на участие в ней. Как раз И.В. Сталин весной 1950 года разрешил вождю корейских коммунистов Ким Ир Сёну взяться за силовое объединение своей страны, как это получилось у Мао Цзэдуна в Китае. Советские руководители держали министров правительства в Пекине в курсе о ходе воплощения в жизнь планов Ким Ир Сёна, и товарищ Мао дал своё благословение на это предприятие в мае. Однако прямого участия китайских войск не предусматривалось, хотя председатель Мао подозревал вероятность развития событий вразрез с планами товарища Кима, о которых он и его советники из СССР говорили И.В. Сталину. Советские руководители знали о том, что в КПК надеются на некоторый мирный для Китая период, и Иосиф Виссарионович выбрал время для корейской войны, как раз чтобы проверить на деле преданность китайских коммунистов ему самому и Советскому Союзу как лидеру мирового коммунистического движения. Невзирая на московское соглашение, И.В. Сталин по-прежнему видел в КПК организацию интеллигентов и крестьян, лишённую рабочего класса как безусловно передового класса, без которого настоящей коммунистической партии существовать не может.

Переход отрядов Ким Ир Сёна через линию, разделявшую два политических строя Кореи, состоялся вечером 25 июня 1950 года. Воины корейской коммунистической армии стре-

Направления наступления в корейской войне

мительно двигались на юг. Поскольку советские представители бойкотировали Совет Безопасности ООН, президент Г. Трумэн незамедлительно добился одобрения резолюции и разрешения на применение силы в поддержку Южной Кореи. Только вот сразу остановить наступление Ким Ир Сена было нечем. К августу остатки корейских войск, противостоящих коммунистам, с их американскими советниками оказались в осаде на небольшом участке суши на юго-восточном побережье у порта Пусан. Остальная часть территории страны находилась в руках корейских коммунистов. Но 15 сентября американские морские пехотинцы высадились у портового города Сеула под названием Инчхон и раскололи наступающие отряды северных корейцев на две части. Потом американцы разгромили северокорейскую армию на юге и двинулись на север в советскую оккупационную зону. Столица Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) Пхеньян пала под ударами американских и союзных войск ООН 19 октября. Нежданно-негаданно перед маоистскими властями возникла серьёзная проблема.

Под энергичным напором со стороны советских властей и корейских коммунистов руководство КПК на протяжении недели с лишним размышляло над тем, как поступить. Китайские войска уже выдвинулись к границе с Кореей после начала войны и находились в готовности вступить в дело. Однако у товарища Мао возникла одна политическая проблема. После без малого пятнадцати лет войны все китайцы хотели мира. Даже большинство коллег Мао Цзэдуна по политбюро как правящему органу коммунистической партии сначала выступили против вмешательства. Герой гражданской войны Линь Бяо, которого председатель Мао собирался назначить командовать китайскими войсками, настолько воспротивился перспективе новой войны на этот раз с самой мощной военной машиной в мире, что отказался от предложенного ему поста и покинул Пекин. Но Мао Цзэдун принял своё решение ещё раньше, чем началось американское наступление на север Кореи. Ситуацию, когда амери-

канские войска продвигались к китайской границе, председатель Мао видел с точки зрения максималиста. «Нам придётся вступить в эту войну, — сообщил он своим товарищам по партии. — Вступление в эту войну должно принести большую пользу, отказаться от участия в ней грозит исключительно тяжёлыми потерями»⁵. Товарищ Мао хотел продемонстрировать солидарность с корейскими коммунистами и тем самым укрепить положение Китая внутри мирового коммунистического движения. Он к тому же считал важным для проведения внутренней и внешней политики его нового правительства, чтобы в Китае видели силу, готовую сражаться со своими врагами. Отнюдь не страх перед нападением США помог Мао Цзэдуну убедить своих товарищей во власти. Он взял верх в политбюро, призвав участников пленума к международной солидарности в борьбе с империализмом, к национальной гордости, и сделал он это ради укрепления своих собственных позиций как вождя китайского народа.

Ход корейской войны для КНР с военной точки зрения сначала складывался вполне благополучно. Располагая частью своих войск уже на месте вдоль южного берега реки Ялуцзян, китайцы имели стратегическое преимущество над американцами. Солдаты ООН не обогатились пока ещё опытом отражения атак китайских коммунистов непрерывными волнами, с которыми пришлось иметь дело, и в скором времени они откатились к исходной демаркационной линии, разделявшей две корейские политические системы. Однако внутри самого Китая ход этой войны вызывал среди населения самые губительные для коммунистов настроения. Измотанных войной солдат НОАК, кое-кто из которых прошёл пешком весь путь от Маньчжурии до юга Китая, везли назад на север, чтобы бросить в пекло не пользующейся популярностью войны за границей своей страны. Тем временем сразу с началом корейской войны американцы применили свои ВМС для предохранения остатков гоминьдановской власти на Тайване, и тем самым они на неопределённый срок пере-

несли объединение страны, которое китайцы считали неизбежным. Экономике страны пришлось переориентировать на военные нужды, и совсем немногие выгоды, на которые народ рассчитывал после внутренних раздоров, достались ему в тот конкретный момент истории. Для теоретиков КПК эта война послужила доказательством того, что социализм в Китае зародился в недрах куда более глубокой нищеты, чем они рассчитывали. И результаты конфликта в Корее, представлявшие собой запутанную тупиковую ситуацию, в своей основе послужившую подтверждением раньше существовавшего положения вещей, принесли явную выгоду коммунистам. Им удалось доказать, что Китай способен принять вызов мощнейшей державы мира и свести противостояние с ней к ничьей, что считалось плюсом с точки зрения авторитета КПК как патриотической организации. Укрепился союз с СССР, причём несмотря на звучавшие подчас жалобы по поводу скромной помощи Москвы КНР и КНДР во время корейской войны. Но главное заключается в том, что ведение войны с коалиционными силами ООН помогло партийным вождям достичь своей главной цели — покончить с мечтой об участии в мировых делах, вынашивавшейся многими китайцами.

Когда дело коснулось власти, руководство КПК предложило форму правления, ещё не виданную до сих пор в Китае. Партия отличалась крепкой дисциплиной, ориентированностью на развитие за счёт внутренних ресурсов, и её возглавлял лидер, покоряющий сердца масс. Её программой запрещались какие-либо ориентиры, позаимствованные за пределами самой партии, насаждался страх и негодование по поводу какого-либо внешнего влияния на её политику, как внутреннюю, так и внешнюю. Партийные теоретики составили псевдомарксистскую версию китайской истории, в которой все события прошлого вели к приходу Коммунистической партии Китая к власти. Всё, что происходило

в Китае и с Китаем с момента первых бед, пережитых Цинами из-за иностранцев в 1830-х годах, представлялось подготовкой правления коммунистов, а новая общественно-политическая система толковалась как логическое воплощение того, за что выступал китайский народ и как это определил председатель Мао. Стержнем такого варианта китайской истории служило (и служит до сих пор) следующее представление об освобождении: коммунисты освободили Китай от иноземного правления и его приверженцев среди жителей этой страны. Разумеется, на протяжении двадцати с лишним лет судьбой Китая распоряжалось патриотическое, а подчас даже ксенофобское правительство Чан Кайши, а многие китайцы с большим желанием общались с иностранными учителями, партнёрами или любовниками. Однако новый политический строй предназначался для ликвидации связей Китая с остальным миром самым всеобъемлющим и обдуманым образом, и к тому же предполагалось, что его существованию будет всегда угрожать любое значительное иностранное влияние, кроме партийных связей с Советским Союзом, сохраняющихся в Китае.

Первый шаг КПК состоял в том, чтобы избавиться от иностранцев, остававшихся в Китае. На первый взгляд эта задача виделась китайским коммунистам совсем простой. Ведь во время гражданской войны многие из иностранцев уже уехали. Те, кто занимался делом или торговлей, в скором времени разъехались по собственной инициативе, так как министры нового правительства не оставили им никакой возможности продолжать заниматься предпринимательством в коммунистическом Китае и получать прибыль. С точки зрения статистики руководители КПК рассчитали всё предельно точно, поэтому подавляющее большинство иностранцев покинули Китай добровольно или не противились депортации в 1950—1951 годах. Сложности обычно возникали с иностранцами, посвятившими Китаю большую часть своей жизни и руководившими больницами или школами. Чтобы заставить таких людей покинуть Китай, коммунистам

пришлось прибегнуть к политическому побуждению через их китайских единомышленников, коллег или друзей, которых заставляли публично критиковать своих заморских знакомых как «лакеев империализма» или «кровососов на теле китайского народа». Но даже после такой энергичной кампании некоторая часть прижившихся в Китае иностранных граждан, прежде всего миссионеров, предпочла остаться.

Вторым шагом намечалось нанести удар по предприятиям или организациям, напрямую связанным с иностранцами. Китайские власти обкладывали предприятия, находящиеся в долевом владении у иностранцев, огромными штрафами до тех пор, пока доля иностранцев не отходила государству. В некоторых случаях принадлежащие иностранцам предприятия просто подлежали конфискации или же владельцев предприятий обвиняли в сотрудничестве с японцами, и такие предприятия отнимали. Подобные обвинения особенно оскорбляли иностранцев, проводших годы в японских лагерях для военнопленных и решивших после войны остаться в Китае. Сложнее было заниматься заморскими благотворительными организациями. Например, Юношескую христианскую ассоциацию после того, как из неё выгнали управлявших ею иностранцев и христиан, стали выдавать за государственное учреждение. Врачей, учителей и миссионеров других организаций, чтобы в чём-то к ним придаться и облегчить себе задачу по их изгнанию, обвиняли в финансовых злоупотреблениях, половых извращениях или шпионаже. От кадровых работников КПК требовали насаждать враждебное отношение к иностранцам со стороны китайцев, работавших или общавшихся с ними, чтобы этих китайцев, располагающих нужным опытом, можно было проще привлекать к работе на правительство, когда власти совсем избавятся от тех же иностранцев⁶.

Третий шаг китайских коммунистов в борьбе с иностранным засильем сводился к попыткам ограничения доступа к иностранным книгам, кинокартинам и товарам. Выполнить такую задачу оказалось куда сложнее, чем избавиться

от присутствия иностранцев на территории КНР, вплоть до отчаяния партийных активистов в нескольких городах, даже когда во время корейской войны предъявлялись самые патриотические аргументы. Изъятие из библиотек и книжных лавок нежелательных книг иностранных авторов особого труда не составляло, но проводить его приходилось ночью, чтобы не привлекать внимания любопытных свидетелей. Беда состояла в том, что изданные труды, от которых хотело избавиться руководство КПК, как правило, снова появлялись на прилавках книжных киосков и антикварных магазинов. Оказалось, что жить без американского кино скучно, особенно городской молодёжи, чьи наиболее предприимчивые представители шли на любые уловки, чтобы тайно спасти копии и смотреть их дома. Хотя многие из девушек переоделись в «маоцзэдуновки» в знак присоединения к делу «великого кормчего», те, кто пользовался раньше импортными чулками, духами или губной помадой, скучали по таким товарам и даже были готовы покупать их у всевозможных контрабандистов. Однако на ввоз книг из-за рубежа ввели цензуру, издательства, звукозаписывающие компании и киностудии отошли в распоряжение государства, контрабандистов, привозивших губную помаду, публично постреляли, и китайские коммунисты постепенно взяли это дело под свой неусыпный контроль.

В рамках четвёртого шага кампании китайских коммунистов против иностранцев предусматривались террор и тюремное заключение. Кое-кого из иностранцев, отказавшихся покинуть пределы Поднебесной, арестовали, а кто-то провёл годы в лагерях по трудовому перевоспитанию. Против китайцев, отказавшихся поменять манеру своего поведения или взгляды, кто считал политику самоизоляции Китая идиотизмом или преступлением, кто просто поддерживал связи за рубежом или получил за границей образование, устраивали «борьбу» на публичных собраниях, в ходе которых сограждане избивали их, а также приговаривали к тюремному заключению или исправлению в трудовых лагерях. Партийное ру-

ководство стремилось показать на таких людях наглядный пример, принуждая их к самокритике и отречению от иностранного влияния. В некоторых случаях, даже при наличии обвинений по нескольким прегрешениям, кадровые работники хотели их перевоспитать таким образом, чтобы они стали добропорядочными гражданами КНР и служили своему народу. Обвиняемых по самым тяжким преступлениям людей, например молодого человека, читавшего вслух по-английски выдержки из американской Декларации независимости, или молодую женщину, попытавшуюся узнать, когда руководство КПК разрешит многопартийные выборы, казнили.

Причина успеха этих кампаний заключается не просто в сочетании террора, национализма и бремени истории. Прежде всего их успех обеспечила организация новой политической властью жизни китайских граждан невиданным до сих пор образом. Через комитеты соседей и информаторов представители государства внедрились во все сферы жизни народа, даже в отношения между родственниками и близкими друзьями. Области страны, в которые на протяжении нескольких сотен лет активно не вмешивались центральные власти, подверглись такой же регламентации, какая существовала везде в КНР. При этом практически не вызывает сомнения тот факт, что кадровые работники КПК пользовались безоговорочной поддержкой подавляющего большинства китайцев, выступавших в поддержку переустройства государства и проводимых социальных реформ. Коммунисты провели большую работу по облегчению положения женщин через отмену договорных браков, а также запретили использование несовершеннолетних девочек на тяжёлых работах или для утехи развратных мужчин. Фабричные рабочие получили нормированный рабочий день и повышение заработной платы. Крестьян освободили от вековой безжалостной эксплуатации со стороны землевладельцев. Большой похвалы, даже за пределами Китая, удостоилась кампания по искоренению опекуренния и проституции, а движение КПК за ликвидацию безграмотности с примене-

нием советского опыта считается самым показательным в мире. И подавляющему большинству народа не было дела до того, что пропали граммофонные пластинки с джазовыми записями и джазовые исполнители, а также что власти (дабы проще координировать свои мероприятия) ввели на всей территории страны единый временной пояс (пекинское время), в результате чего рабочий день фермеров на западе начинался в два часа ночи. Все эти нововведения служили созданию нового Китая по трафарету Советского Союза, или, как определил задачу Мао Цзэдун, «уборке в доме перед приёмом гостей».

Советники из СССР, служившие в Китае на протяжении 1950-х годов, называли подход китайских кадровых работников к опыту Москвы «психозом», то есть, вероятно, они имели в виду непоследовательность и ложное представление о действительности. Хотя такие оценки можно назвать чрезмерно преувеличенной критикой союза СССР и КНР, за десять с лишним лет принесшего признанные всеми плоды, кое-что из этой критики относилось как раз к советскому строю. Китайские коммунисты нуждались в советской помощи и старались брать с Советского Союза пример во всём. При этом руководство КПК опасалось малейшего советского влияния на массы Коммунистической партии Китая и поэтому стремилось пресекать, например, несанкционированные личные контакты между советскими представителями и китайцами на территории КНР. Проблемы китайской партийной верхушки, стремящейся использовать советский опыт и одновременно сберечь себя от советского влияния, усугублялись тем, что в рядах КПК отсутствовало единство взглядов на то, насколько непосредственно и оперативно следует использовать опыт великого северного соседа. С самого момента образования КПК лидеры этой партии масштаба Лю Шаоци (второй после товарища Мао руководитель) и Чжоу Эньлай (китайский председатель совета министров), а также специалисты по планированию и те, кто работал с советскими представителями в Маньчжурии или прошёл курс подго-

товки в Москве, видели в Советском Союзе завтрашний день КНР. Председатель Мао, с другой стороны, и кое-кто из его старых товарищей среди военных и партийных деятелей выступали в поддержку советской помощи и повторения советских примеров, но при этом считали необходимым подвергать советский образец тщательной проверке на предмет его пригодности для воплощения в жизнь конкретных планов КПК. Притом что товарищ Мао часто и эмоционально говорил о необходимости постановки зарекомендовавших себя иностранных решений на службу китайских интересов, на самом деле он откровенно боялся советского контроля над политическими процессами внутри своей партии.

При всём несовпадении взглядов руководителей КПК на их отношения с Советским Союзом не остаётся сомнений в том, что они хотели советской помощи и нуждались в ней. Не существует ни малейших сомнений и в искреннем восхищении китайских коммунистов советскими военными достижениями, совершенством политической организации и передовой техники. Главным в их глазах была новизна советов. Кадровые работники КПК, посетившие Советский Союз или читавшие о нём, видели в этом государстве его новизну и силу, но при этом оно не относилось к миру империализма и поэтому не составляло угрозы Китаю. Люди, критиковавшие западную современность в её капиталистическом виде, в каком она существовала, например, в Шанхае, но кто при этом находил привлекательным технику, товары и культуру передового капитализма, мог в советском опыте отыскать внушающую гордость новизну. Ужасные человеческие жертвы сталинского социализма в форме целенаправленно устроенного голода, массовых расстрелов, исправительно-трудовых лагерей члены КПК списывали со счетов как ложь империалистов или, в худшем случае, необходимую цену, без которой человеческого прогресса не достичь. В конце 1940-х годов для подавляющего большинства китайских коммунистов сам Советский Союз играл роль скорее идеологической мечты, своего рода образа бу-

душего Китая — процветающего, мощного и справедливого государства.

К концу 1940-х годов ряды КПК составляли две категории товарищей по партии. У руководства стояли убеждённые коммунисты 1920-х годов, те, кто воевал за свою партию и видел гибель друзей за общее дело. Они прониклись преданностью теории Мао Цзэдуна, состоявшей в изоляционизме и постоянном ожидании угрозы, а также готовности к очистке своих рядов от инакомыслящих раскольников. Они прошли очищение своих рядов в 1942—1943 годах, предназначавшееся для искоренения оппозиции правлению товарища Мао в партии. Они организовали во время гражданской войны первые коммунистические исправительно-трудовые лагеря для землевладельцев, буржуазных элементов и политических противников. Они знали и одобряли методы, использованные И.В. Сталиным для укрепления советской власти к северу от китайской границы. Вторую группу составляли партийцы последнего набора, многие из которых были молодыми и пришли из городов. Кое-кто из них покинул свои буржуазные семьи, чтобы принять участие в воплощении в жизнь дела коммунизма. Все они связали свою судьбу с КПК, но богатого опыта от этой партии они не приобрели. Партийные вожди нуждались в них и их служении, но они никогда до конца не доверяли молодым товарищам по партии и боялись того, что они могут привнести посторонний идеологический элемент в достигнутую с таким трудом чистоту рядов коммунистической партии. В процессе практического обучения на примере Советского Союза, как рассчитывали руководители КПК, можно будет создать механизм, с помощью которого удастся привлекать к общему делу новообращённых коммунистов и добиваться от них достойной отдачи на благо общего дела.

Так называемая советизация КПК, начатая в 1945 году, когда китайские партийные кадры получили возможность работать непосредственно с советскими коммунистами в Маньчжурии, и продолжавшаяся пятнадцать лет, означала

обучение методам построения государства и правящей партии. Товарищ Мао и его последователи совсем не собирались брать в свои руки и использовать государство, созданное гоминьдановцами. Они мечтали о новом государстве, построенном на примере Советского Союза, о полном разрыве с предшествовавшей историей Китая и с китайским государством, возникшим после революции 1911 года. Даже партийные руководители, преданные идее изучения собственного опыта КПК, осознали тот факт, что этот опыт не даёт им идейного фундамента для строительства современного государства. К 1949 году все планы социалистического Китая составлялись на основе советских моделей и с помощью специалистов из СССР. От застройки городов до аграрной реформы, от учреждений культуры до исправительно-трудовых лагерей, от патриотических мер до внешней политики новое социалистическое государство, которое хотели построить вожди КПК, создавалось на примере Советского Союза. Архитектуру их столицы, которой в 1949 году провозгласили Пекин, предстояло полностью преобразить на советский лад. Концепцию первых планов китайских коммунистов, посвящённых этому городу, они просто позаимствовали из сталинского Генерального плана реконструкции Москвы (1931—1935) с переложением на уже существующую старую планировку эпохи Мин. Связь с Советским Союзом предназначалась для масштабной перекатки иностранных знаний в Китай, а также обеспечения новому политическому руководству возможности порвать с бедственным прошлым быстро и однозначно.

Кое-кто из зарубежных обозревателей в 1949 году думал, что перед КНР стоит выбор внешней политики. Кто-то из американцев даже верил в то, что Китай может превратиться в самостоятельную державу и не будет сближаться с Советским Союзом. Их бы очень удивило такое откровение, насколько всеобъемлющей была ориентация китайцев внутри КПК в конце 1940-х годов на сотрудничество с советским руководством. С точки зрения внешней политики вопрос за-

ключался не в том, соглашаться ли с советской позицией или нет, а в том, чтобы как следует разобраться в настроениях советской номенклатуры и в полной мере безоговорочно их поддержать. Так, вспомним проблему отношений СССР с Югославией. Весной 1948 года И.В. Сталин очень скоро перешёл от одобрения к осуждению югославского коммуниста Иосипа Броз Тито и обвинению его в противодействии указаниям из Москвы. Сотрудники департамента внешних сношений КПК старались успевать за изменениями текущих настроений в Москве, особенно потому, что партия И.Б. Тито числилась единственной восточноевропейской партией, с которой у китайских коммунистов сложились независимые от третьей стороны отношения. Как только о сталинском разносе Тито стало во всех подробностях известно в КПК, товарищ Мао, гостивший в деревне Сибайпо («красной столице» в 90 км от Шицзячжуана), выпустил прокламацию, в которой использовал те же фразы советского вождя, которыми тот сформулировал своё осуждение югослава. Когда югославское правительство в 1949 году признало Китайскую Народную Республику, новому китайскому министерству иностранных дел поступило указание вернуть адресату письмо с этой грамотой. Китайские коммунисты не собирались отступать от сталинской точки зрения ни по одному вопросу как внутренней, так и внешней политики.

Китайско-советский альянс должен был оказать на Китай более глубокое воздействие, чем любой другой союз в современной истории этой страны. По большому счёту потребовалось больше тридцати лет на то, чтобы с 1970-х годов Китай под воздействием иностранного влияния других стран свернул с советского пути, да и то без особого успеха. Спустя десятилетия проведения политики так называемой открытости внешнему миру и реформ система просвещения населения, военная сфера, учреждения государства и партии по стилю своего функционирования остаются во многом советскими.

Почему же советский опыт прижился в Китае настолько прочно? Первая причина заключается в самой естественной ценности советской программы, которую она представляет для Коммунистической партии Китая. В конечном счёте она послужила фундаментом, на котором основана эта партия. Второй причиной можно назвать широту и глубину знакомства китайских коммунистов с советским опытом. И дело не только в том, что советская поддержка Китаю в относительном выражении числится самой крупной в истории человечества помощью, предоставленной одной страной другой, но и к тому же в том, что она поступила в период невиданного роста китайского государства. Ведь именно тогда десятки миллионов китайцев, практически незнакомых с иностранными моделями существования, впервые узнали о них через советские планы, общение с советниками из СССР или обучение в Советском Союзе.

И.В. Сталин, питавший по идеологическим соображениям недоверие к КПК, сделал так, чтобы программы гражданской поддержки Китая остались незавершёнными, зато продолжателем его дела Никита Сергеевич Хрущёв таких границ не придерживался и расстарался на славу. После кончины Иосифа Виссарионовича в 1953 году Н.С. Хрущёв поставил углубление союза с КНР в основу своего восхождения к власти. Никите Сергеевичу Китай представлялся совершенно очевидным союзником: это было крупное соседнее государство, возглавляемое убеждёнными коммунистами, стремящимися повторять советский опыт. Новым руководителям СССР сомнения И.В. Сталина относительно КПК служили примером развивающегося слабоумия пожилого вождя. Ни один здравомыслящий человек, любил напомнить Н.С. Хрущёв своим товарищам по партийному руководству, не упустил бы такой возможности. Первую свою важную зарубежную поездку Никита Сергеевич совершил в Китай в 1954 году. Для председателя Мао, а также для простых китайцев огромное значение имел тот факт, что новый глава Советского государства сам приехал в Пекин, а не ки-

тайские вельможи отправились на поклон в Москву. Таким образом, состоялась демонстрация той важности, которую новое кремлёвское руководство придавало Китаю, и уважения, испытываемого им к своим коллегам из КПК. Гораздо важнее то, что Н.С. Хрущёв пообещал Китаю гораздо больше советской помощи как в гражданской, так и военной области, чем мог себе позволить И.В. Сталин в самых смелых своих мечтах. Треть всех предприятий в соответствии с первым пятилетним планом социального и экономического развития КНР предполагалось построить с помощью Советского Союза или восточноевропейских стран, и оплата причиталась с них же. К 1955 году на СССР приходилось 60% общего торгового оборота КНР⁷.

Значение суммарной помощи советского блока китайским коммунистам между 1946 и 1960 годами переоценке поддаётся с трудом. Без неё первые шаги к построению современного Китая, которое предусматривалось программными документами КПК, сделать просто не удалось бы. Суммарная экономическая помощь с учётом ссуд с 1946 по 1960 год в ценах 1960 года оценивается в 3,4 миллиарда долларов США (или в 25 миллиардов долларов сегодня). Это в среднем чуть меньше одного процента от ВВП Советского Союза с разбивкой по годам. На самом же деле сумма трансфертов с 1954 по 1959 год и по стоимости, и в процентном отношении была значительно больше. В этой сумме не учитывалась стоимость переданных технологий, оплата труда специалистов из СССР в Китае или стипендии китайским студентам, обучавшимся в Советском Союзе. Даже за вычетом примерно 18%, поступивших от советских союзников, и около 15%, со временем возвращённых властями КНР, дело касается громадной программы передачи ресурсов, сыгравшей заметную роль для обеих стран⁸.

К середине 1950-х годов советников из СССР прикомандировали ко всем китайским министерствам, областным и провинциальным правительствам, а также к крупным промышленным предприятиям. Советские специалисты давали

рекомендации по всем аспектам жизни в новом Китае от работы с молодёжью и женщинами, национальными меньшинствами, военнослужащими и инженерами до образования, науки, горной добычи, обучения войск и общего состояния здоровья населения. Советники из СССР, как правило, находили общий язык с китайскими коллегами. Для китайцев, невзирая на попытки кадровых работников КПК предотвратить слишком пылкое братание, советские люди служили примером того, кем сами они хотели бы стать: образованными, убеждёнными людьми и квалифицированными в своей области специалистами. Для советских специалистов китайцы представлялись людьми, уважающими их самих и их опыт до такой степени, что хотели взять Советский Союз за образец для построения своего собственного государства. Возникло достаточно споров по поводу еды, отношений с противоположным полом, гигиены или положения в обществе. Но их можно было считать обычным явлением в отношениях представителей разных традиций. Но значение того, что делали эти советники, обычно затмевало возникающие проблемы, хотя страдающие одержимостью по поводу собственности партийные комиссары от обеих партий пытались делать из мухи возникающей трудности политического слона. На протяжении практически всех десяти лет существования китайско-советского альянса он себя оправдывал и служил выполнению задачи, на решение которой настроились обе стороны: на создание самого мощного в мире со времён расцвета Оттоманской империи антизападного союза.

Современному государству, на статус которого рассчитывало руководство КНР, требовались современные вооружённые силы. После окончания Второй мировой войны, когда Красная армия находилась на территории Маньчжурии, а Японская империя лежала в руинах, руководство КПК впервые за всё время существования своей организации приступило к созданию современной армии. Хотя военный опыт

китайской правящей партии формировался в предыдущие пятнадцать лет и к 1945 году нашёл своё воплощение в Китайской народно-освободительной армии, источник вдохновения на её организацию, а также на разработку стратегии находился в Советском Союзе. Перед провозглашением Китайской Народной Республики в советских военных академиях прошли подготовку около полутора тысяч китайских военнослужащих. Остальных обучили советские военные инструкторы в Маньчжурии между 1947 и 1949 годами. Вероятное число подготовленных в Советском Союзе с 1950 по 1960 год командиров НОАК можно оценить в девять тысяч человек. Количество подготовленных командиров на территории КНР могло быть во многие разы больше. В результате удалось создать современную китайскую армию, напоминавшую советскую Красную армию, служившую тем же целям внутри страны и ведущую боевые действия более или менее теми же способами.

Организацию новой Народно-освободительной армии Китая сознательно и прямо скопировали с армии Советской. Названия подразделений, звания, вооружение, тактические приёмы и даже военную форму китайцы взяли из советских учебников или на основе рекомендаций, разработанных инструкторами из Красной армии. Новые вооружённые силы КНР стали для партийного руководства предметом большой гордости. Они видели в них внушительное сочетание навыков вооружённого противоборства, приобретённых во время войны с японцами и китайской гражданской войны, с одной стороны, и обучения с помощью Советского Союза — с другой. Даром что кое-кто из китайских офицеров с большим трудом избавлялся от чересчур вольного и анархического подхода к военному делу, получившего широкое распространение перед наступательными операциями окончания гражданской войны в 1948 и 1949 годах. Им к тому же польстило повышение статуса, основанного на современной материальной части войск и на новой, выданной им униформе. К 1955 году советизация НОАК более или менее заверши-

лась с внедрением четырнадцати воинских званий, к которым склонным к уравниловке китайским солдатам было сложно привыкать.

НОАК превратилась не просто в надёжную военную машину, а в нечто, возможно, даже более важное. Она стала считаться школой социализма и самым эффективным в стране инструментом массового просвещения и общественного совершенствования. Всего лишь небольшую часть молодых людей страны призывали на два или три года в новые вооружённые силы на действительную военную службу. Существовали исключения для подавляющего числа молодых китайцев призывного возраста, начиная с освобождения от службы в армии студентов и до рабочих сельскохозяйственных коммун. Однако те 800 тысяч человек, кто приходил на службу в ней каждый год, получали образование, ездили по стране и узнавали что-то о своей родине, а также о новых символах веры в социализм и патриотизм. Большая часть годового бюджета КНР (в 1950-х годах — в среднем до 30%) тратилась на военные нужды, и вполне понятно, что часть этих средств, израсходованная на обучение офицеров с солдатами, позже себя оправдывала, так как этим людям предназначалось сыграть важную роль в общем прогрессе и развитии Китая.

Симбиоз военных и гражданских предметов оказался особенно важным для развития Китая в технической сфере. Патенты, образцы и программы подготовки в военной области, переданные Советским Союзом в 1950-х годах, играли решающую роль в развитии Китая на протяжении последующих двух десятилетий. Львиная доля советских технологий умышленно разрабатывалась для двойного применения — их можно было использовать и в военном деле, и для нужд гражданского сектора экономики. Китайские ВМС и ВВС развивались на основе советских моделей, зато технологии, преподававшиеся в военных академиях Китая, стали решающим фактором в обеспечении Китая возможностями в других областях, таких как ядерная энергетика, гражданская авиация и во многом

тяжёлое машиностроение. Первые гражданские самолёты китайского изготовления Ю-5 («Юньшу-5» или «Юнь-5») представляли собой копию русского лёгкого транспортного самолёта фирмы О.К. Антонова, биплана Ан-2, разработанного в 1940-х годах. При всей тихоходности этого самолёта, он как нельзя лучше удовлетворял потребности Китая благодаря своей универсальности и низким эксплуатационным затратам.

Китайская военная организация в её нынешнем виде создана по советскому образцу. Она превратилась скорее в громоздкое образование, способное на пробои стратегии величия, в котором с солдатами действительной срочной службы обращаются жёстко и удовлетворяют их только самые насущные потребности. До хаоса Великой китайской культурной революции НОАК находилась под контролем гражданских служащих, но потом она послужила главным противовесом в борьбе за власть внутри КНР, её подвергли идеологической чистке и сделали активным участником политической жизни республики.

Внедрение советской программы обучения в полном объёме началось в Китае после 1945 года. Даже без инициативы со стороны КПК восхищение советскими методиками подготовки и обучения специалистов существовало ещё во времена зарождения движения 4 мая. Во время Второй мировой войны советские педагогические методики в широком масштабе внедрялись в программу обучения студентов Китайского народного антияпонского военно-политического и Яньаньского университетов. В годы гражданской войны уроки Яньаньского периода получили дальнейшее развитие за счёт непосредственного общения с советниками из СССР по образовательным и техническим вопросам, особенно этот процесс проходил на северо-востоке. Участники Первого национального съезда высшего образования, созванного в июне 1950 года, на котором впервые на официальном уровне обсуждали изменения в системе просвещения

народа, выступили за полное преобразование китайской системы высшего образования в соответствии с советской моделью. Все заведения высшего и среднего специального образования предстояло передать в ведение министерства образования, молодых учителей отправляли в Советский Союз или укомплектованные советскими педагогами вузы в Китае для обучения педагогическим методам, и к тому же была принята широкая программа перевода советских учебников на китайский язык. Одновременно участники того съезда приняли постановление об отмене системы индивидуального обучения, при которой велась подготовка студентов. С той поры начинали своё существование развёрнутые заведения по коллективному обучению студентов, на которые возлагалась коллективная ответственность за политическое содержание их программы обучения⁹.

Из-за репрессий начала 1950-х годов полное внедрение этой программы в систему высшего образования 1950 года пришлось отложить до 1952/53 учебного года. К этому моменту предполагалось закончить коренную реструктуризацию всех учреждений. Так, в столице за счёт добавления факультетов Яньцзинского университета и университета Цинхуа сформировался новый Пекинский университет. Самым важным среди прочих событий считается образование Народного университета в Пекине, ставшего новым учреждением, где преподавались политические и общественные предметы. В нём велась подготовка студентов для продолжения обучения в Советском Союзе. Точно для таких же целей два поколения раньше возник университет Цинхуа, где готовили студентов для обучения в США¹⁰.

Оптовый импорт учебного курса и педагогической науки послужил источником больших надежд и вызвал немалые недоразумения. В ряде случаев вновь переведённые советские учебники пришли на смену американским или европейским пособиям, авторы которых лучше разбирались в предмете, и целое поколение китайских технических специалистов поплатилось за это слабым знанием профессии. К тому же сту-

дентам преподавали технологии, ещё не существовавшие в Китае или требующие знания предметов, изучения которых в китайских вузах налажено не было. Линия КПК на то, что трудовые навыки представляют такую же важность, как обучающие навыки, привела к тому, что в вузы на обучение попало огромное число молодых людей с недостаточным для этого уровнем знаний. Требованиями к системе образования, утверждёнными в первом пятилетнем плане социально-экономического развития КНР, принятом в 1953 году, предусматривались непосильные для вузов и техникумов задачи по подготовке громадного числа квалифицированных специалистов для промышленности. В этой связи произошло снижение требований к стандартам обучения. Постепенно складывалась система стремления к недостижимым вершинам, с одной стороны, и подтасовки результатов — с другой¹¹.

Ни в одну другую сферу сотрудничества не привлекалось так много советников из СССР, как в просвещение китайского населения. В целом на них производило гнетущее впечатление то, что они видели в судорожных попытках китайского руководства по реформированию своей системы обучения. Советские специалисты считали образование в Китае безнадежно отсталым. К середине 1950-х годов всё ещё сохранилось чрезмерное почитание учителей и пока не удалось обратить достойное внимание на политическое просвещение. Кое-кто из советских специалистов, оказавшихся в условиях функционирования централизованной бюрократии, предлагал проведение широкомасштабных кампаний, прежде всего по ликвидации безграмотности в сельской местности; они считали так, что с точки зрения затраты ресурсов слишком много внимания уделяется городам и высшему образованию. Они предлагали при этом методики, освоенные в советской Средней Азии и в Монголии в 1930-х годах. Прогресса в этой области можно и необходимо было добиться быстрее, чем предусматривалось первым пятилетним планом¹².

1955 год стал годом подведения итогов реформы китайского образования. С одной стороны, всё больше критики обру-

шивалось на руководство вузов за снижение стандартов обучения и подготовку специалистов, по своим профессиональным навыкам неспособных выполнить задания пятилетнего плана. Программы образования для взрослых, когда рабочие садились за парту, как в советских рабфаках, подверглись критике как нереальные и расточительные. А к концу года их практически отменили. С другой стороны, партийные руководители (и председатель Мао, вероятно, в их числе) проявляли растущее недовольство положением дел в образовательном секторе, но по другим причинам. Они чувствовали, что реформа образования проводится слишком медленно, при этом она не отвечает потребностям страны, и они относили такую инерцию на счёт отсутствия политических соображений. Одновременно усиливалось ощущение, разделяемое советскими специалистами, что сельская местность остаётся вообще забытой. Для исправления таких негативных тенденций предназначался так называемый «малый скачок», провозглашённый председателем Мао весной 1956 года¹³.

В 1956 году возникло расхождение подходов к образованию в Китае и Советском Союзе. Это явление нельзя объяснить просто осознанием руководством КПК необходимости китаизации или радикализации своей политики. Советские специалисты критиковали китайских составителей планов начала 1950-х годов, и во многом они разделяли многие тревоги председателя Мао, особенно когда дело касалось градуализма (как стратегии постепенности в осуществлении реформ, в достижении желаемых результатов) и отсутствия прогресса на селе. Подход «скачка» считается в равной степени советским и китайским изобретением. При переходе к фундаментальным методам навязывания перемен товарищ Мао и его соратники обращались как к сталинской политике в Советском Союзе середины 1930-х годов, так и к своему собственному опыту, приобретённому в Яньани. В апрельском номере газеты «Цзяошибао» («Учительской газеты») 1957 года автор статьи прослеживает происхождение «малого скачка» в сталинских методах 1929—1930 годов¹⁴.

Другими словами, уроки, преподанные советскими специалистами, не были ни всеобщими, ни посторонними для Китая. Идеологические основы благополучно преодолевали любые национальные различия.

Наряду с земельной реформой и реформой народного образования, вероятно, самая важная политика перемен новой власти проводилась в области градостроительного проектирования. Вразрез с марксистским происхождением КПК созрела как партия, руководство которой к жизни в городах относилось глубоко скептически. Как известно, Мао Цзэдун отказался сразу переехать в Пекин, когда коммунисты взяли этот город весной 1949 года, и предпочёл остаться со своими войсками в пригородном районе. Вынужденные брать города штурмом, китайские коммунисты не очень-то рассчитывали на поддержку их жителей, даже представителей пролетариата, которому так много внимания уделял сам К. Маркс. Аграрно-ориентированное руководство КПК считало крупные города Китая логовом порока и контрреволюции. В 1950 году в политбюро ЦК КПК даже шли горячие споры по поводу предложения главы северо-западного бюро ЦК КПК Гао Гана, пользовавшегося большим авторитетом в партии, разрушить Шанхай, а его обитателей, живших там до революции, отправить в сельскую местность на перевоспитание¹⁵.

В начале 1950-х годов представители новой власти в Китае и многие беспартийные интеллектуалы сошлись во мнении о том, что города следует переустраивать. Правительство настаивало на введении государственного надзора за городскими центрами ради установления над ними жёсткого контроля. Интеллектуалы верили в то, что градостроительное проектирование призвано улучшать условия жизни населения. Обе стороны сомневались во всех аспектах того, что они любили называть «старым Китаем», в том числе в достоинстве условий жизни в таких городах, как Пекин, Тяньцзинь и Ухань. Вопрос для них стоял так: можно ли эти города быстро преобразовать и сделать паразитические образования общества производителями общественного блага.

Если можно, тогда как это сделать? Проблема городов досталась КПК по наследству от Гоминьдана. Срочность решения этой проблемы усугублялась наплывом беженцев, ростом безработицы, инфляцией и острой нехваткой товаров. Производственная отдача городов продолжала падать все первые два года коммунистического правления¹⁶.

Точно так же, как китайские просветители позаимствовали советскую теорию образования, китайские планировщики городов обратились к советской теории градостроительной деятельности. Эту дисциплину разработали в 1930-х годах, и в наиболее полном виде она получила своё воплощение в 1935 году в Генеральном плане реконструкции Москвы. В середине 1930-х годов И.В. Сталин мечтал об изменении застройки Москвы таким образом, чтобы она могла служить символом социализма, давала больше разнообразной продукции и обеспечивала спокойную жизнь партийной верхушке. Этот город нуждался в централизованном управлении и более гибком функционировании его служб. Безоглядного сноса застройки старой Москвы, произведённого в 1920-х годах, было уже мало. Требовался системный план и сноса, и строительства, а не эксперименты с индивидуальными или бригадными проектами раннего коммунистического периода¹⁷. Сам, так сказать, замысел этого плана с переносом на китайскую почву обратился торжеством исторического варианта западной застройки.

Как это ни парадоксально, но именно беспартийные китайские интеллектуалы предложили кадровым работникам КПК конкретные советские идеи градостроительства. Эти интеллектуалы готовили национальные кадры для работы с растущим числом советников из Москвы. Чем больше убеждённых китайских коммунистов вникали в эти принципы, тем больше они им нравились. Партийным руководителям, не доверявшим своему городскому населению, зато, однако, восхвалявшим достоинства пролетариата, идеи советского градостроительства представлялись в высшей степени функциональными, а также теоретически безупречными. Широ-

кие проспекты и просторные городские площади обеспечивали беспрепятственное перемещение рабочих из дома на фабрику и обратно. К тому же они годились на случай ввода подразделений НОАК в центр города для подавления контрреволюционного восстания. Но прежде всего, похоже, партийных руководителей убедила слава, стоящая за всем этим. С перестройкой городов на советский лад в Китае впервые появятся городские центры, олицетворяющие современные формы с точки зрения планирования, функциональности и производительности. И они придут на смену городам старого Китая — с застройкой без системы, с городскими службами, функционирующим как попало и только на потребление без полезной отдачи¹⁸.

На протяжении 1950-х годов Пекин как город, лучше всего знакомый автору настоящей книги, служил символом внедрения новизны. Исключительный во многих отношениях город, так как его в 1949 году выбрали столицей КНР, Пекин к тому же превратился в витрину городского планирования коммунистического Китая. Когда начались работы по преобразованию Пекина в столицу, причём задолго до провозглашения Китайской Народной Республики в октябре 1949 года, в качестве образца сразу приняли Генеральный план реконструкции Москвы 1935 года. Первая бригада советских градостроителей, прибывшая в Пекин в сентябре 1949 года, помогла в этом деле, даже несмотря на разногласия с участниками совместных групп, назначенных для работы над Генеральным планом реконструкции Пекина¹⁹.

Главные расхождения во мнениях между китайскими и советскими проектировщиками возникли при выборе места для административных зданий руководящих органов партии и нового правительства. Кое-кто из китайских архитекторов и проектировщиков, таких как обучавшийся в США Лян Сычен, приходящийся сыном знаменитому китайскому реформатору Лян Цичао, предложили возведение совершенно нового административного центра за пределами Старого города в западной части Пекина. Товарищ Лян и его коллеги хотели

спасти от разрушения строения эпохи Мин и Цин, расположив новый центр подальше от Запретного города и старых императорских кварталов. В своих заметках тех лет он к тому же пишет о намерении заложить новый, модернистский с точки зрения архитектуры Пекин подальше от нагромождения и сложностей Старого города. Его сын помнит, что Лян Сычен «верил, что пришло время составления по-настоящему научно обоснованного, рационального плана города, потому что при социализме вся городская земля принадлежит государству и вся архитектурная работа находится под совместным управлением». Чем бы ни руководствовался сам товарищ Лян, близкие к руководству КПК проектировщики подчинялись другому мотиву в своём настаивании на новом месте строительства: они говорили, что партийному руководству будет просто не совсем спокойно в центре города, реконструкция которого до сих пор не проведена и где свободно скитаются «элементы старого Китая»²⁰.

Советские специалисты, со своей стороны, исходили из того, что переезд руководства страны будет указывать на его слабость. Красное правительство должно овладеть столицей и показать как символически, так и своей практической деятельностью, что оно стало хозяином положения. Ради превращения Пекина в Красный город, а Китая — в Красную страну, коммунисты должны находиться в центре города и страны, а не прятаться на задворках. Советских представителей поддержало подавляющее большинство тех, кто предоставлял новой власти рекомендации в сфере проектирования и архитектуры, в том числе получивший образование в Японии Чжао Дунжи, который позже разрабатывал проект Дома народных собраний, и архитектор с французским дипломом Хуа Ланьхун.

Мао Цзэдун согласился с советскими представителями в том, что руководство партии и правительства должно работать в центре китайской столицы. Поскитавшись тридцать лет своей революционной деятельности по стране, он уже устал прятаться по предместьям. «Получается так, что императоры

могут жить в Пекине, а мне нельзя!» — говорят, именно так председатель Мао в сердцах воскликнул, когда отвергал план Лян Сычена. Когда дело дошло до преобразования городов Китая, товарищ Мао и члены политбюро ЦК КПК осознали, что, какими бы преимуществами они ни пользовались, им самим придётся заняться непосредственно этой работой. Если коммунисты в Советском Союзе создали социалистические города, то и китайские коммунисты в своей стране могут сделать то же самое. А на Пекине он покажут главный пример. В работе согласно первому проекту Генерального плана застройки Пекина, наконец-то опубликованному весной 1953 года, весь город предстояло перестроить по координатно-решётчатой системе в соответствии со строгим принципом зонирования вокруг промышленного предприятия. Главная концепция этого проекта состояла в том, что Пекин должен был превратиться не просто в столицу КНР, но и в промышленный центр всей страны. Его население предстояло переселить в новые дома, построенные рядом с местом работы. Необходимо было обеспечить полное равноправие в получении услуг различными группами городских жителей, и львиную долю услуг предстояло предоставлять через сеть их рабочих подразделений. Ответственность за общее планирование возлагалась на муниципальную власть²¹.

Возникает соблазн предъявить обвинение в разрушении старого Пекина первым руководителям КПК и их советникам из СССР. Сюжет того, что на самом деле случилось, однако, гораздо запутаннее и сложнее. Этот Старый город не мог сохраниться при выполнении всех требований, предъявлявшихся к современному городу, который намечалось построить на его месте. Часть вины лежит на тех, кто энергично использовал не совсем подходящие китайскому городу советские модели. Но главная причина того, что Старый город пал, заключается том, что дело поручили подготовленным на Западе интеллектуалам, страдающим модернистским зудом и восхищавшимся советским вариантом городской застройки, способным обеспечить очень грубое

равновесие между потребностями стремительного развития и перспективными целями, к которым стремились новые власти. Тогда как Москве перед революцией предназначалась роль третьего Рима (Константинополь был вторым), Пекин должен был стать второй Москвой, только крупнее и современнее.

Создание символической и функциональной столицы представляло важность для нового китайского правительства, но такую же важность для него составляло согласование жизни обширной страны, заселённой бесчисленными национальными группами и народностями. И снова как нельзя вовремя пригодился бесценный советский опыт. Политика в отношении национальных меньшинств и народностей можно назвать сферой прикладной социологии, в которой китайцы свои подходы ближе всего скопировали с советских приёмов. И этому можно назвать массу причин. Национальная политика советских властей считалась весьма достойной не только китайцами, но и практически во всём мире. Кроме того, китайцы знали, что сам Иосиф Виссарионович проявлял особый интерес как раз к формулированию политики в отношении нацменьшинств. Грузин по происхождению, он в начале 1920-х годов служил комиссаром по делам национальностей и написал множество трудов на эту тему²². К тому же старый Китай, как и старая Россия, представлял собой государство-империю, населённое многочисленными этническими группами, и советские решения могли поэтому послужить практической программой для нового Китая.

Во время первых бесед с советскими представителями, состоявшихся после прихода китайских коммунистов к власти, заметное место отводилось национальному вопросу. Причину такого внимания можно отыскать в изобилии китайских нацменьшинств, через территории которых прошли отряды коммунистов во время гражданской войны, когда им пришлось общаться с гораздо более крупным, чем когда-либо

раньше, сегментом населения нацменьшинств своей страны. Бойцы отрядов КПК убедились в угнетенности и ужасных условиях жизни многих из этих групп, вызвавших сочувствие и желание выволить их из такого бедственного положения. Китайские коммунисты к тому же поняли, насколько сложно создавать союз с этими группами, веками питавшими недоверие к ханьцам, которое стояло на этом пути. Освобождение китайских меньшинств, таким образом, представлялось делом, не терпящим отлагательства, и его можно было выполнить, только убедив их в том, что новый Китай, в отличие от Китая при предыдущих правителях, становится государством, на самом деле представляющим интересы всех народов, его населяющих. При этом требовалось формирование нового центрального правительства²³.

Занимаясь улучшением условий жизни национальных меньшинств, руководители КПК настаивали на том, что Китай остаётся унитарным государством. И ни о каком федерализме речи не идёт. Такую цель диктовало само политическое происхождение КПК — она возникла в форме реакции на замыслы империалистов по расколу Китая. Вожди этой партии твёрдо верили в то, что при правильном выборе политики каждый, кто живёт на китайской территории, со временем будет чувствовать и думать по-китайски, как гражданин китайского социалистического государства. Столкнувшись с сопротивлением и недоверием к КПК, когда коммунисты попытались проникнуть в области, где на протяжении двух поколений установилось самоуправление, то есть на Тибете, в Цинхае, Синьцзяне и провинциях юго-запада, партийные руководители убедились в срочной необходимости консультации с советскими специалистами. Китайские коммунисты обратились непосредственно к теории и обнаружили (вполне справедливо до известной степени), что марксизм содержит сокровищницу мыслей по национальным вопросам, которая может послужить источником ответов на тревоги китайцев. Привлечение нацменьшинств к построению социализма с одновременным выкорчёвыванием великоханьского шовинизма

и невосприимчивости большинства к национальным нуждам «недоразвитых людей» — вот что представляли собой задачи, объявленные руководством КПК в качестве главных для создания нового Китая²⁴.

Советские специалисты, прибывшие в Китай в декабре 1949 года, не очень-то и рассчитывали на понимание с китайской стороны «передовых принципов марксизма» в обращении с национальными меньшинствами. Так как самые важные группы нацменьшинств — монголы, корейцы и народы северо-запада — жили в приграничных с СССР районах, кое-кто из этих советских специалистов перед прибытием в КНР своими глазами наблюдал за обращением китайцев с представителями меньшинств, и их собственный опыт подсказывал им готовиться к худшему. Советские специалисты часто ошибочно истолковывали тягу китайцев к знаниям как полное невежество. Тем временем сами китайцы подозревали советских руководителей в желании сохранить своё влияние на представителей нацменьшинств Китая даже после провозглашения КНР. Но в целом китайские руководители видели в СССР источник решения одной из главных проблем Китая и требовали от кадровых работников КПК добросовестно учиться у советских специалистов, а также штудировать марксистскую литературу на эту тему²⁵.

И китайскими коммунистами, и советскими специалистами двигало желание всё распределять по категориям и на всё приклеивать ярлык, подсчитывать и заносить в реестр, а также выполнять задачу окультуривания и преобразования. Каждое национальное меньшинство предстояло открывать снова. Способы определения национальной принадлежности, применявшиеся раньше, в условиях социалистического государства не подходили. Споры 1950-х годов по поводу того, какой группе населения следует присваивать статус признанного нацменьшинства в государственном масштабе, отличались пристрастностью и глубокой идеологической окраской. В центре спора стоял вопрос: а что составляет «народ» в социалистических условиях? Эти споры приобретали ещё боль-

ший накал, так как все его участники обращались непосредственно к положениям, сформулированным И.В. Сталиным в его статье 1913 года «Марксизм и национальный вопрос». В политике, рекомендованной руководством КПК, к тому же важная роль отводилась собственным прошлым взглядам на различные нацменьшинства Китая. Отношения коммунистов с тибетцами и мусульманами в 1930-х и 1940-х годах простыми назвать трудно. Многие коммунисты видели в традиционных вожаках общин заклятых врагов своей политической программы. Предпочитаемая ими политика, поддержанная китайскими этнографами, заключалась в проведении революций внутри таких групп населения через выявление и облечение властью их угнетённых крестьян, безземельных рабочих и рабов. Советские специалисты в целом с такой политикой соглашались, но призывали проявлять осторожность и обращали особое внимание на необходимость долгосрочного планирования при её проведении в жизнь. На первых порах, в 1951 и 1952 годах, случались стычки. И тогда китайские руководители, в том числе многие из тех, кто обладал каким-никаким опытом работы в районах проживания нацменьшинств, говорили, что, мол, сами советские коммунисты при проведении революции в районах проживания меньшинств в 1920-х и 1930-х годах особой осторожности не проявляли. Советские консультанты, со своей стороны, подозревали кое-кого из китайских коммунистов в приверженности великоханьскому шовинизму и стремлении причислить все меньшинства к великому ханьскому китайскому народу²⁶.

Согласование национальной политики СССР и КНР осложняли существовавшие раньше связи между советскими людьми и некоторыми группами населения на границе с Китаем. Китайские политические деятели в центре с самого начала своего правления разрывались между осознаваемой необходимостью овладевать советской политической и учебной теорией, посвящённой этому щекотливому вопросу, с одной стороны, и желанием внутри границ Китая укреплять китайское, а не советское превосходство — с другой.

При прочтении протоколов заседаний, обсуждавших на высшем уровне национальные вопросы, возникает такое ощущение, будто китайские собеседники в ходе этого обсуждения политики с советскими представителями часто сознательно подменяли примеры из жизни нацменьшинств, проживающих вдоль советской границы, примерами из жизни меньшинств, обосновавшихся внутри территории (или на других границах, таких как тибетцы). Но при всех возникающих иногда конфузах с обеих сторон, а часто и неловкостях советские представители в Китае понимали деликатные моменты в общении с китайскими коммунистами по поводу приграничных проблем. И при этом обращали их внимание на своё стремление оказать помощь уйгурам, казахам и монголам, живущим в Китае, в нахождении ими своего места внутри нового китайского сообщества народов²⁷.

Иногда принимаемые политические меры могли иметь непредвиденные последствия. Настойчивые требования китайских коммунистов провести «перерегистрацию» своих этнических групп после затянувшегося периода относительной автономии в начале XX столетия в 1950-х годах показали удивительные результаты. В ходе великого пересчёта народов сотрудники местных агентств иногда складывали хитросплетения сталинской теории таким образом, чтобы дать возможности для утверждения самостоятельности групп, которые раньше такими возможностями не наделялись. Даром что случившееся разделение на 56 национальностей было делом случайным и в некоторых случаях простым результатом решения, принятого в Пекине, а не на местах. Всё это означало, что ряд групп населения, никогда не располагавший собственными признанными непеременимыми атрибутами народности, внезапно оказался народами Китая с полноправным представительством его в парламенте под названием Всекитайское собрание народных представителей. Политические репрессии коммунистов могли обрушиться на кого угодно внутри границ Китая, но с признанием отдельных национальностей обеспечивалась неко-

торая степень предохранения от наиболее ужасных проявлений политических кампаний в КНР, по крайней мере, так было до Великой культурной революции, начавшейся в 1966 году²⁸.

Взгляды руководства КПК на внешний мир сформировались под влиянием представителей Советского Союза времён сталинского правления. Китайские партийцы испытывали глубокое чувство обиды, нанесённой европейскими, американскими и японскими угнетателями, эксплуатировавшими Китай. К этой гремучей смеси добавился опыт корейской и индокитайской войн, и появилось устойчивое ощущение существования рядом с опасными соседями и нахождения на фронтовой линии оказания помощи другим коммунистическим партиям в освобождении их стран. Главная опасность, угрожающая Китаю, по мнению руководства КПК, исходила от США. И если вспомнить американскую поддержку врагам КНР в лице чанкайшистов как до, так и после их бегства на Тайвань, и ожесточённую борьбу с американцами в корейской войне, то такую неприязнь сюрпризом не назовёшь. Но если попытаться учесть вклад США в развитие Китая в предвоенный период и решающую поддержку, предоставленную американцами в войне против Японии, абсолютное выпячивание американских злодеяний может показаться чрезмерным. Двумя главными источниками такой враждебности можно назвать отношение советского руководства к США как к главному врагу, а также проблемы, возникшие у китайских коммунистов в деле искоренения восхищения и любопытства, испытываемых городскими китайцами к американским товарам.

Китайские коммунисты видели себя авангардом глобальной борьбы в союзе с коммунистическими партиями, возглавляемыми Советским Союзом против империализма и капитализма. Даже если руководители КПК боялись внешнего влияния внутри своих рядов, они старались найти своё место ближайшего товарища по оружию СССР на мировой

арене и в качестве представителей главной социалистической страны Азии. Председателя Мао и его помощников радовало потепление международных отношений, которое преемники И.В. Сталина организовали в отношениях с Западом, так как они видели в нём пользу после многих лет войны. Китайские и советские представители единодушно поддерживали расчленение Вьетнама и объединили усилия, чтобы предотвратить планы Ким Ир Сена на развязывание новой войны на Корейском полуострове. Для китайцев то были временные, вынужденные меры в текущем противостоянии США и Западу. Тесное сотрудничество с Советским Союзом к тому же послужило укреплению положения Китая как самого авторитетного из союзников СССР, утешающего патриотические чувства членов КПК и самолюбие товарища Мао.

Китайские коммунисты поддержали возглавляемое Хо Ши Мином движение Вьетминь в борьбе его участников против повторной оккупации Индокитая после 1945 года. На протяжении всего послевоенного периода председатель Мао обращал внимание И.В. Сталина на то, что Вьетнаму (а не, например, Корее) отдаётся внешнеполитический приоритет КПК. После 1949 года на поддержку Вьетнама направлялось больше усилий китайских коммунистов, чем даже на подготовку взятия Тайваня. Причины этого лежат на поверхности. Во Вьетнаме коммунисты располагали реальным шансом на победу. И в таком случае к власти приходила группа, ближе всего стоявшая к КПК, чем все остальные зарубежные коммунистические партии. Помощь КПК Вьетнаму заметно активизировалась во время корейской войны, когда китайские военные советники заняли ключевые посты во вьетнамских отрядах до и во время сражения при Дьенбьенфу в 1954 году. Во время этого сражения, в котором вьетнамцы разгромили французов, товарищ Мао передал стратегический совет генералу Во Нгуен Зиапу, как он это привык делать своим собственным генералам на фронте Кореи. Во время заключения мирных соглашений по Индокитаю в Женеве представители КНР принимали

участие в заседании соответствующей конференции в качестве достойных гостей. Китайцы согласились с советскими товарищами на временную разделительную линию, необходимую для сохранения мира в этом регионе. Они заставили заупрямившихся было вьетнамцев согласиться на примирение. Чжоу Эньлай предупредил товарища Хо о разумности прекращения боёв с французами, чтобы укрепить свою власть на нынешних территориях и уже потом заняться расширением коммунистической зоны. Относительно французского премьер-министра левоцентристского толка Пьера Мендес-Франса товарищ Чжоу сказал Хо Ши Мину следующее: «Нам следует всеми средствами поддерживать правительство Мендеса, чтобы предотвратить его свержение военными элементами Франции»²⁹.

Точно такое же сдержанное отношение отличало подход китайцев к остальным странам третьего мира. Ориентированные на новую политику мирного сосуществования СССР как средства привлечения на свою сторону властей бывших колоний в качестве союзников в борьбе против Запада, китайцы ратифицировали Пять принципов мирного сосуществования индийского премьер-министра Джавахарлала Неру, провозглашавшие равенство наций и невмешательство во внутренние дела. В 1955 году китайцы приняли участие в Бандунгской конференции азиатских и африканских стран, на которой её участники провозгласили принципы неприсоединения (разумеется, к Западу, а не к Советскому Союзу). Секретными положениями китайско-советской внешней политики предусматривалось наряду с поддержкой национальных властей стран третьего мира, таких как правительство Дж. Неру в Индии, Сукарно в Индонезии и У Ну в Бирме, готовить коммунистические партии этих стран к взятию власти. Умеренность в том смысле, как её понимал Мао Цзэдун, представляла собой тактическое средство на время подготовки мира к революции.

У китайских коммунистов в середине 1950-х годов существовала ещё одна причина для умеренного подхода к Западу.

Мао Цзедун и Чжоу Эньлай надеялись, что в Вашингтоне откажутся от своего покровительства руководства Тайваня, либо когда они устанут от Чан Кайши, либо в результате грандиозного компромисса с Москвой. В 1954 году артиллеристы НОАК обстреляли занятые чанкайшистами острова у побережья КНР Цзиньмэнь и Мацзу и тем самым напомнили американцам о том, что они не отказываются от китайских островов, всё ещё находящихся вне пределов их контроля.

Отношения Китайской Народной Республики к внешнему миру нельзя понять без упоминания внешне бесконечных кампаний, изобретаемых вождями коммунистов для своих сограждан. В результате крупнейшая кампания под названием «Великая пролетарская культурная революция» конца 1960-х годов чуть было не поглотила в свою бездонную пучину саму коммунистическую партию. Но до тех пор жертвами становились настоящие или воображаемые враги политического строя, а также товарищи по партии, подозреваемые в инакомыслии. Эти кампании, образцом для которых послужили сталинские чистки рядов 1930-х годов, создавали ощущение постоянной угрозы и борьбы, способствовавшее радикализации политики внутри КПК. Такие политические меры к тому же помогли сформировать общество, где любые связи с границей считались опасными. Например, в 1958 году семнадцатилетнюю девушку отправили в исправительно-трудовой лагерь за то, что она сказала подруге: «Обувной крем американского изготовления на самом деле хорош». Обвинение против неё звучало так: «За преклонение и слепую веру в товары заморских империалистов»³⁰.

Сразу после прихода КПК к власти её активисты занялись искоренением всей действительной или потенциальной оппозиции их правлению. Их жестокость шла гораздо дальше всего того, что вытворяли Цины со своими врагами в начале и в середине своего правления в Китае. Для Цинов достойными уничтожения врагами считались в основном группы

населения, которые они к китайцам не относили. Жертвами активистов КПК, однако, становились свои же китайцы, практически никто из которых даже пальцем против своей партии не пошевелил (по-китайски говоря, даже угрожающе куайцзы для еды не поднял). Врагами провозглашались те, кто «выступает против пролетарской диктатуры, недоволен внешней политикой правительства и критикует движение по ликвидации контрреволюционеров»³¹. Репрессии начались, как только замаячила победа по полю боя в 1949 году, и усилились после начала корейской войны. В мае 1951 года Лю Шаоци объяснил верным курсу партии товарищам, что «как только гонги и барабаны сопротивления Соединённым Штатам Америки и помощи Корее начали издавать оглушающий звук, стало ясно слышно гонги и барабаны земельной реформы и подавления контрреволюционеров, и последние стало гораздо легче воплощать в жизнь. Без громких гонгов и барабанов сопротивления Соединённым Штатам Америки и помощи Корее сигналы земельной реформы (и репрессий в отношении контрреволюционеров) представляли бы собой непереносимый шум. Здесь землевладельца убили, а там ещё одного побили; повсюду поднимется суета... И тогда станет трудно делать дело»³².

Последствия от крупномасштабных убийств, совершавшихся во время этих ранних кампаний репрессий, в наших воззрениях на китайскую внешнюю политику часто недооцениваются. Не отставая от Советского Союза в преследовании внутренних врагов, о чём кое-кто старается не вспоминать, КПК докатилась до размаха сталинского террора, когда назначались квоты для каждой провинции с указанием, сколько контрреволюционеров следует обнаружить и расстрелять. Председатель Мао назначил ориентир в 0,1% от населения, но в ряде провинции местные коммунисты с их энтузиазмом перебили гораздо больше соотечественников. Список преступлений, караемых смертной казнью, возглавляло «предательское сотрудничество с империализмом», к которому к тому же причислялось такое преступление, как незаконное

пересечение государственной границы. Только в одном апреле 1951 года казнили больше десяти тысяч жителей провинции Гуандун. К концу мая 1951 года в южно-центральной провинции Хэнань, Хубэй, Хунань, Гуандун и Гуанси-Чжуанский автономный район, расправа настигла 200 тысяч человек. Не поддаётся подсчёту, сколько китайцев погибло или отправилось в исправительно-трудовые лагеря за первые пять лет коммунистического правления, но китайский историк Ян Куйсун обнаружил доказательства того, что погибло значительно больше 700 тысяч человек и 2,5 миллиона подверглись аресту, что товарищ Мао признал в 1957 году. Приемлемая оценка на период 1949—1955 годов находится где-то в пределах между четырьмя и пятью миллионами человек погибшими, причём больше половины из них подверглись казням³³.

К концу 1950-х годов в политике китайской правящей партии наметилось дальнейшее сползание влево. Население запугали до такой степени послушания, что незамедлительное повиновение последним партийным директивам представлялось естественным порядком вещей, даже для тех людей, кто сражался против гнёта или господства империалистов в 1930-х и 1940-х годах. Поведение в силу непреодолимого страха — осуждение друга, присутствие на публичной казни — подчас оправдывалось чувством национальной гордости или идеологической преданностью, казавшейся даже советским наблюдателям запредельной. Подавляющее большинство китайцев, а не только члены коммунистического партии просто *хотели* верить в новый политический строй и планы его руководства по стремительному преобразованию их страны в современное, рациональное государство. Даже притом, что мыслительные процессы народа в такого рода ситуациях — штука всегда сложная (что тут играет большую роль: страх, гордость или патриотизм, сложно сказать и в маоистском Китае, и в гитлеровской Германии, и в сталинском Советском Союзе), совершенно определённо, что готовность к жертвам ради общего блага, а к ним жители Китая готовы были всегда, про-

являлась в полную силу среди невинных жертв и настоящих преступников. В 1950-х годах существовала святая вера в то, что для создания нового Китая без террора и предельной дисциплины не обойтись. Кое-кто из советских специалистов находил пугающим тот факт, что руководство в Москве избавлялось от сталинского метода террора, а китайцы явно к нему шли. Выжившие узники советских лагерей как раз возвращались из Сибири, а китайские лагеря в Северной Маньчжурии и на дальнем западе в Ганьсу, Цинхэе и Синьцзяне, где эти лагеря существуют до сих пор, только-только начали наполняться. В некоторых случаях китайские лагерники бежали через границу в Советский Союз. Их без промедления возвращали назад.

Принимая во внимание то, что в маоистском Китае пытались делать, и применяемые при этом методы, можно было ожидать неоднозначной внешней реакции. В Соединённых Штатах Америки китайский террор, тесный альянс с Советским Союзом, а также ощущение тщетности и потери американской десятилетней помощи Китаю сошлись вместе, чтобы возникло видение этой страны как, образно говоря, самого порочного ребёнка безнравственной коммунистической семьи наций. Ощущение среди американцев провалившихся надежд на Китай было особенно сильным, и оно послужило появлению маккартистской истерии, когда американцев левых убеждений обвинили в том, что Китай «стал коммунистическим». Многие такие обвинения, чаще всего предъявлявшиеся ведущим американским специалистам по Азии, сопровождалось расистским подтекстом. Китайцы не могли самостоятельно решиться на приобщение к коммунизму — их должны были подтолкнуть к нему американские «красные» и советские «нечестивцы». Многие американцы боялись того, что китайцы, как дети, познакомившись с коммунистическим вероучением, доведут его до крайности и у себя дома, и в международном масштабе.

Пережив период открытости внешнему миру, Китай с точки зрения внешней политики вернулся в исходное положение, существовавшее приблизительно в 1900 году. «Красный Китай», как помощник американского госсекретаря по отношениям с Дальним Востоком Вольтер Робертсон его назвал, был «враждебным, агрессивным и наращающим свои военные способности... По всем стандартам национального и интернационального поведения [он был] при его нынешнем режиме... государством вне закона»³⁴. В то время как при Цинах сложился недееспособный политический строй, при котором их народ всё активнее познавал внешний мир, коммунисты пытались отгородить свой народ от заграницы, лишить его возможности путешествий и общения с иностранцами. Исключение распространялось на коммунистические государства, но и там под жёстким контролем. Неосведомлённость о том, что на самом деле происходит внутри Китая, послужила источником появления на Западе параноидального бреда по поводу этой страны. Раз уж КНР относилась к азиатским странам, которые в западном представлении отличались предрасположенностью к коллективизму, ей приписывали успехи в деле внедрения коммунизма даже в тех сферах, где советские руководители потерпели поражение. КНР проявляла агрессивность по отношению ко всему миру, и это проявилось в Корее, а теперь готовился захват Юго-Восточной Азии, считавшейся регионом ключевых западных интересов, в котором другая азиатская нация — японцы — пыталась безуспешно установить своё господство на протяжении предыдущих десяти лет. По большому счёту, когда мощь Китая подрастёт, что помешает даже японцам присоединиться к победоносному альянсу в Азии?

Такого рода бредовые представления послужили причиной отсутствия рациональной американской политики в отношении Китая в 1950-х годах. Вместо неё все три президентские администрации после Г. Трумэна использовали устаревший подход, в основе которого лежал страх перед внутренними

отголосками политических мер Вашингтона в отношении Пекина. А эти меры заключались в экономическом эмбарго, дипломатической изоляции и поддержке чанкайшистов на Тайване. Американские политики в известной степени облегчили председателю Мао его работу. Руководство КПК само хотело изоляции Китая и опасалось любого внешнего влияния внутри своей страны. Когда лейбористское правительство Британии в 1950 году попыталось установить с КНР дипломатические отношения, товарищ Мао даже общаться с их представителями не хотел до тех пор, пока на Тайване не закрыли все представительства Лондона. А когда британский премьер-министр консерватор Антоний Иден сам захотел посетить Китай в феврале 1955 года, чтобы расколоть лёд на пути двустороннего сотрудничества, товарищ Мао похвастался перед советским послом, что, мол, «руководство КНР умышленно дало такой ответ, что Иден должен отказаться от приезда к нам». Когда представители администрации Д. Эйзенхауэра в 1959 году продемонстрировали относительно миролюбивое отношение к Китаю, председатель КНР незамедлительно истолковал это как попытку подрыва его страны изнутри. Товарищ Мао предупредил своих помощников о том, что госсекретарь США Джон Фостер Даллес «хочет изменить такую страну, как наша. Он хочет устроить подкоп под нас и изменить нас таким образом, чтобы мы восприняли его идеи... Следовательно, американцы [всё ещё] не могут отказаться от попыток проявления агрессивности и экспансионизма с применением гораздо более изощрённой тактики... Другими словами, они хотят сохранить свой порядок и изменить нашу систему. Они хотят разложить нас через мирную эволюцию»³⁵.

В восприятии нового Китая снаружи и из Китая внешнего мира важную роль играл расовый фактор. Американские лидеры (и европейские тоже, но в меньшей степени) испытывали большую тревогу по поводу того, что Китай как страна жёлтой расы располагал более предпочтительными шансами, чем европейские коммунисты, в соблазнении сво-

им примером и смущении умов народов стран Азии и Африки, освобождавшихся от колониального гнёта. Советские правители начиная с И.В. Сталина и после него, наоборот, думали, что китайцы могут и должны вести пропаганду в третьем мире, где советским агитаторам самим будет действовать сложнее. Многие лидеры третьего мира в 1950-х годах видели в Китае своего потенциального союзника (решающим событием в этом смысле было участие китайских представителей в Бандунгской конференции) или даже пример неевропейского варианта социалистического развития, которому они сами хотели следовать. Мао Цзэдуну все эти подходы представлялись проблематичными. Он соглашался с Москвой, что Китаю принадлежит особая роль в третьем мире как проводника идей мирового коммунистического движения, но на особую модель он не претендовал. Он выступал с позиции марксизма-ленинизма в его чистом и незатейливом виде. Китайцы претендовали на влияние в глобальном масштабе, но американцы, по словам председателя КНР, «гонялись за привидениями», если верили, будто китайцы собираются вмешиваться в дела за пределами социалистического лагеря. И в конце концов руководители КПК пригласили в Пекин радикалов третьего мира и проявили готовность к развитию с ними отношений, но на основе предельно ясного понимания того, что марксизм-ленинизм остаётся единственным возможным лечением недугов развивающегося мира. Третьего пути не существовало, и китайцы в идеологическом отношении предельно определённо не собирались его прокладывать.

Ещё одну трудность для восприятия Китая сторонними наблюдателями составляли воззрения идеологов КПК на религию. В 1950 году всех христианских миссионеров выдворили с территории КНР, а их лечебные и образовательные учреждения передали в ведение государства. Кое-кого из иностранных миссионеров поместили в тюрьму, в том числе американского католического епископа Джеймса Э. Уолша, лишённого свободы на двенадцать лет. Практически поголов-

ному аресту подверглось китайское католическое священноначалие. Архиепископа Гуанчжоу Доминика Дэн Имина держали в заключении двадцать два года. Кардинал Игнатий Гун Пиньмэй провёл в исправительно-трудовом лагере тридцать лет. Христианские конфессии раздробили и преобразовали в «патриотические» религиозные организации. Судьба тибетских или монгольских буддистских иерархов в Синьцзяне, Ганьсу или ещё где угодно в Китае сложилась не намного благополучнее. Для китайских властей все эти гонения виделись путём к установлению безраздельного господства над своей страной. Но для многих заморских таких же прихожан, как и их подвергнутые репрессиям в Китае единоверцы, действия активистов КПК послужили причиной появления отращения и недоверия к китайской политической системе.

Общее представление, сложившееся в мире о Китае на ранней стадии коммунистического правления, можно назвать не совсем компетентным, но всё-таки достаточно точным. На Китае ставили эксперимент, потребовавший громадных человеческих жертв и обещавший безусловный провал. Но иностранцы со своей критикой КНР только укрепляли веру многих китайцев в правильности выбранного ими курса. Для них самое главное заключалось в том, что маоизм представлялся именно китайской теорией, а также что коммунистической партии удалось объединить страну и показать большинству её народа цель его существования. Сто лет китайское государство оставалось слабым, а теперь в КНР наконец-то строилось государство, способное обеспечить народу достойный уровень жизни и заслужить уважение на мировой арене. Большинству китайцев в 1950-х годах знания всего этого было вполне достаточно.

У руководства КПК как такового существовали все основания гордиться своими свершениями 1950-х годов. В корейской войне они не уступили США и свели её практически к ничьей. Они провели успешные кампании по разгрому вну-

тренних противников, осуществили коллективизацию сельского хозяйства и национализацию всех ключевых отраслей промышленности, а также при мощной советской поддержке с удовлетворительными результатами выполнили первый пятилетний план по производству. В сферах, на которые делался особый акцент в этом плане, — в выпуске чугуна и стали, добыче угля, производстве цемента, выработке электроэнергии и машиностроении — рост составил около 9% в год, а это считается большим достижением. Но всё равно руководство, и особенно товарища Мао, по-прежнему беспокоило будущее. Вразрез с достигнутым ростом отдачи сельское хозяйство не поспевало за промышленным ростом или увеличением населения. К концу пятилетки появились даже признаки замедления роста промышленного производства. К тому же, а это главное, председателя Мао и его советников не устраивал общий рост экономики Китая, так как они видели, какой долгий путь предстояло пройти, чтобы догнать передовые государства. К 1956 году возник и начал расширяться политический раскол между Мао Цзэдуном и кое-кем из молодых представителей руководства, с одной стороны, и традиционными марксистскими вождями калибра Лю Шаоци и Чжоу Эньлая — с другой. Первые настаивали на нововведениях и ускоренном преобразовании экономики, а вторые делали упор на необходимости следования пятилетнему плану, а также учёте успехов и ошибок советского практического опыта.

В феврале 1956 года советский правитель Никита Сергеевич Хрущёв потряс всех тех в мире, кто черпал вдохновение в Советском Союзе. В своей речи перед участниками XX съезда Коммунистической партии Советского Союза он подробно рассказал о размахе сталинского террора. Хрущёвские откровения сбили с толку руководство КПК и коммунистов всех остальных стран. Сам товарищ Мао первоначально решил, будто развенчание И.В. Сталина может послужить укреплению его шансов на превращение в единоличного вершителя судеб коммунистической доктрины в Азии, а потом и во всём мире. Как он позже рассказал советскому послу, со смертью

И.В. Сталина с него будто бы сняли смирительную рубашку. Руководство КПК полюбило Никиту Сергеевича за его утверждение того, что в отношениях с остальными партиями от Югославии до Китая Иосиф Виссарионович якобы навязывал «русский шовинизм». Впредь китайские коммунисты обрели свободу в формулировании своей собственной политики и ускоренном продвижении к социализму. Только вот у председателя Мао возникало всё больше беспокойства после того, как рабочие в Польше и Венгрии ближе к концу года попытались свергнуть свои коммунистические режимы, используя разоблачения XX съезда КПСС в качестве доказательства несостоятельности коммунистической теории. Товарищ Мао и многие китайские деятели почувствовали, что критика сталинской непогрешимости и культа личности в Советском Союзе может больно задеть КПК и культ её «великого кормчего». «Вы видите, куда завела мания величия И.В. Сталина, — горячился Хрущёв на трибуне съезда. — Он полностью утратил связь с реальностью»³⁶. Мао Цзэдун в Китае хотел добиться того, чтобы подобного вердикта о нём не поступило никогда.

Польские и венгерские события осенью 1956 года стали поводом для того, что китайцы впервые начали советовать Москве по ключевым проблемам внешней политики. Мао Цзэдун предупредил обитателей Кремля о том, что вооружённое вторжение в Польшу будет выглядеть как прецедент «серьёзного великодержавного шовинизма, которого нельзя допускать ни при каких обстоятельствах»³⁷. Но когда коммунистов начали убивать прямо на улицах Будапешта, китайские коммунисты выступили в поддержку, понятно, что незамедлительного, советского вторжения на территорию Венгрии. До конца того года советские и китайские коммунисты в равной мере пытались восстановить свой крепко пошатнувшийся авторитет. Согласно китайскому заявлению, воспринятому с большой похвалой советским руководством: «Единственная цель социалистической демократии состоит в укреплении дела социализма и всего трудового народа, предо-

ставлении пространства для применения его энергии в строительстве социализма и в борьбе против всех враждебных социализму сил... Критика должна служить задачам консолидации демократического централизма и укрепления партийного руководства. Она ни при каких обстоятельствах не должна нести дезорганизацию и путаницу в ряды пролетариата, как о том мечтают наши враги»³⁸.

Призрак Будапешта пугал руководство КПК по вполне понятным причинам. Осенью и зимой 1956 года впервые с 1949 года в самом Китае наблюдалось открытое сопротивление политике КПК и зажиму коммунистами народовластия. Сотрудники тайной полиции многих провинций докладывали о проходящих общественных выступлениях с требованиями улучшения условий работы, обеспечения народовластия и свободы слова. В донесении политбюро указывалось, что в ряде случаев в таких массовых мероприятиях принимали участие даже члены партии, повторявшие лозунги «Мы будем бороться до конца!» и «[Мы должны] осудить [кадровых работников] низового звена, а потом возьмёмся за верхнее звено!». Кое-кто из рабочих якобы даже заявлял такое: «Как [мы] видим, у нас не остаётся другого выбора, кроме как брать пример с Венгрии!»³⁹ Когда активисты партии, перейдя к обороне, приняли решение согласиться с предложением товарища Мао приступить к кампании большей открытости под названием «Движение сотни цветов», целью ставилось выявление своих противников, чтобы потом их уничтожить. К концу 1956 года сотни тысяч «правых буржуазных уклонистов» подверглись аресту и отправке в исправительно-трудовые лагеря.

Конец 1950-х годов оказался нестабильным периодом ещё и во внешней политике. Поскольку председатель боролся за возвращение инициативы внутри Китая через продвижение китайской революции в более радикальную фазу, он к тому же назначил новые и более энергичные политические цели в международных отношениях. Пришло время, решил товарищ Мао, для наступления коммунистов против Соеди-

нённых Штатов Америки и их союзников на фронтах третьего мира. В Вашингтоне от умеренности в отношении социалистического лагеря отказались. События в Венгрии и продолжающаяся «оккупация» Тайваня показали, как американцы собираются себя вести в моменты проявления коммунистами своей слабости. Во время своего второго визита в Москву и последней поездки за рубеж Мао Цзэдун призывал представителей принимающей стороны оказывать противодействие империализму. «Мне так представляется, — сказал председатель КНР, — что международная ситуация в настоящее время достигла нового поворотного пункта. Сегодня в мире дуют два ветра: восточный ветер и западный ветер. У китайцев существует поговорка „Либо ветер с востока одолеет ветер с запада, либо ветер с запада одолеет ветер с востока“. По своим параметрам, как я считаю, в нынешней обстановке ветер с востока одолевает ветер с запада. Другими словами, силы социализма всецело мощнее сил империализма». Бояться войны с империалистами, сказал товарищ Мао, ни малейших причин не существует: «В худшем случае погибнет половина человечества, зато вторая половина останется. Империализм прекратит своё существование, и весь мир станет социалистическим. Через несколько лет население планеты составит 2,7 миллиарда человек и даже определённо больше. Мы, китайцы, ещё не закончили нашего [социалистического] строительства, и нам нужен мир. Однако если империалисты настаивают на ведении войны, у нас не останется никакого выбора, кроме как определиться и сражаться до конца, чтобы потом продолжить строительство»⁴⁰.

Участники международной встречи коммунистических лидеров, перед которыми товарищ Мао зачитал своё обращение, погрузились в глубокое молчание, как только услышали перевод таких слов китайского председателя. Один молодой русский делегат, присутствовавший в зале заседаний тем вечером, позже сообщил автору книги, что ему показалось, будто перед ним появился оживший И.В. Сталин. Товарищ Мао

совсем не задумывался над смыслом сказанного или над тем, что половина населения мира должна исчезнуть.

Вернувшись из своей провальной с точки зрения политики поездки в Советский Союз домой, товарищ Мао задумался над тем, как организовать в Китае большой скачок вперёд. И осуществить его за счёт перевода на интенсивные рельсы выпуск продукции тяжёлой индустрии и сельского хозяйства одновременно. В Москве Мао Цзэдун хвалился, что китайское народное хозяйство обгонит британскую экономику за пятнадцать лет. С самого начала обсуждения новых производственных ориентиров со своими товарищами по партии весной 1958 года он требовал увеличения квот для подавляющего числа секторов экономики. Прочие деятели, придавленные авторитетом председателя Мао, его верой и революционным духом, верноподданнически поддакнули ему: мол, Китай может обогнать Британию в выпуске стали за семь лет, кое-кто пообещал пять лет или даже три года. Одержимый металлопродукцией как строительной основой новизны, товарищ Мао сказал им, что китайцам требуется совершить великий скачок в будущее, чтобы показать скептикам внутри страны, советским коллегам и империалистам истинные способности человека социализма. Мы, предупредил председатель Мао, живём в напряжённом мире, и китайцам необходимо как можно быстрее ликвидировать отставание, иначе им грозит уничтожение.

К концу 1950-х годов Китай и его внешняя политика кардинально отличались от того, что было десятилетие назад. Коммунисты внедрили новый политико-экономический порядок, позаимствованный у Советского Союза. Практически все связи с остальным миром, налаженные тщательно и постепенно за предыдущее столетие, пришлось порвать, а те, кто поддерживал их, погибли, отправились в исправительно-трудовые лагеря или иным способом лишились голоса. Изоляция Китая могла только ещё значительно усугубиться,

так как Мао Цзэдун приступил к реализации политики, ведущей к разрыву даже с социалистическими странами. Однако фундамент для изоляции Китая сооружался в 1950-х годах, когда началось строительство социализма.

Нетрудно представить, почему руководство КПК предпочло отход от международной ориентации поздней цинской и республиканской эпох. Вожди китайских коммунистов практически ничего не знали о загранице, так как двадцать лет вели борьбу с чанкайшистами в китайской глубинке. Ориентируясь исключительно на историческую литературу, партийные кадры видели в иноземном вмешательстве в дела Китая исключительно вред и унижения. Из более близких им времён они повторили полный разрыв СССР с Западом, возникший с момента его провозглашения. Они не понимали, что этот разрыв, с точки зрения В.И. Ленина, навязали его стране безжалостные европейцы со своей враждебностью и никто в России его особенно не хотел. Но самое главное состоит в том, что изоляция КНР возникла из-за сектантской по сути политики КПК. Эта партия отличалась жесточайшей дисциплиной, идейной ограниченностью и опорой на собственные силы, в которой председатель Мао становился совершенно непререкаемым вождём-провидцем. В условиях навязанной идеологической вражды, проявляемой руководством Соединённых Штатов Америки, Японии и Западной Европы в отношении нового Китая, изоляционистскими мерами и настроениями КПК предусматривалось, что новое государство должно расти вне рамок международных связей, кроме связи, налаженной альянсом с СССР.

Многие китайцы надеялись на расширение отношений с внешним миром в будущем, восстановленных с родственниками и друзьями за пределами КНР, на Тайване, в Гонконге или Макао, в Юго-Восточной Азии, а также везде, где существует китайская диаспора. Но им вполне хватало гордости за достижения своей страны, чтобы появилась массовая поддержка кадровым работникам КПК в их ненависти к иностранным вещам и идеям. По мере того как китайцы узнавали

больше о массовых экзекуциях, организованных коммунистами, и исправительно-трудовых лагерях, они просто начали скрывать эти партийные перегибы от посторонних глаз. Они верили в то, что такие методы, какими бы ужасными они ни казались, можно оправдать потребностями строительства нового современного Китая, который в конечном счёте встанет в ряд ведущих государств мира на равных правах. Кое-кто даже мог поверить в том, что Китай начинает обгонять другие страны в соревновании по достижению современного уровня социально-экономического развития. Но в предстоящем десятилетии их ждали новые мощные потрясения.

Глава 9

КИТАЙ В АВТОНОМНОМ ПЛАВАНИИ

На протяжении 1960-х годов Китай переживал период внешней изоляции и растущей несообразности внешней политики. После разрыва с Советским Союзом у китайцев заглохли все немногочисленные сохранявшиеся до тех пор международные отношения. Радикализм и причудливость внутренней и внешней политики председателя Мао придали Китаю вид государства, которое мы сегодня назвали бы несостоятельным, отличающимся хаотичностью, замкнутостью в своих перегибах, крайностью в шараханьях властей и редкими связями с внешним миром. При этом в промышленно развитых странах ростки так называемого маоизма пробивались с трудом (даже в таких из них, как Новая Зеландия и Норвегия). И прорастали они на почве социального протеста, а не программы товарища Мао, и на реальную политику их влияние распространения не получило никакого. Таких движений в третьем мире, поддерживаемых китайцами, становилось меньше, и пребывали они всё больше в изоляции. Руководители КНР ждали от вождей таких движений полного следования их внутренней политике, какой бы поворот или изгиб ни появлялся в эти бурные годы на их пути. Даже для тех, кто искренне стремился сохранить отношения союзников Пекина, такая задача казалась не из лёгких.

Эгоистичность китайцев во время Великой пролетарской культурной революции, затеянной Мао Цзэдуном в 1966 году с целью радикализации мер китайской политики и разгрома потенциальных противников, практически не знала границ. Простых китайцев убеждали в том, что только их руковод-

ству принадлежит знание правильного пути к революции, что их страна тем самым служит источником развития всего человечества и что они располагают ключом к светлому будущему. Этим ключом служил лично Мао Цзэдун и политический путь, который он изобрёл для Китая. Сам товарищ Мао после провала «Большого скачка» собрался любой ценой воспитать новое поколение китайцев, свободных от пут обычаев и традиций, в числе которых он видел нравственность, семейные узы и дружбу. Именно им, беспрекословно подчинённым его курсу, он собирался поручить продолжение революции даже после своего ухода в лучший мир. Их должны были отличать такие качества, как беспощадность, сила и храбрость, целомудрие с точки зрения иностранного и буржуазного влияния, а также готовность к жертвам на пути к полной победе коммунизма. Новая мечта председателя Мао состояла в полном отрыве Китая от его прошлого, доведении населения до состояния чистого листа, на котором можно было бы изобразить картины самой передовой новизны. Он видел путь в светлое будущее мощёнными телами тех, кто совершил прегрешения или просто попал под колесо прогресса. Последний пролёт лестницы товарища Мао в рай в виде его культурной революции поднимался среди штабелей трупов, которые складывали Сталин или Гитлер из людей в прошлом, а Пол Пот сложит в будущем.

Изоляцию Китая в 1960-х годах ввели сами руководители этой страны, и объективной нужды в ней не было. После разрыва с Москвой Пекин пользовался серьёзной симпатией со стороны третьего мира, причём в основном в плане расового единства. Китай представлялся прогрессивной азиатской державой, проводившей курс на борьбу с колониализмом, и его разрыв с (европейскими) Советами сначала придал КПК дополнительной привлекательности как партнёру радикалов третьего мира. Война с Индией в 1962 году, представлявшаяся войной как нельзя некстати, послужила отталкивающим фактором для многих умеренных деятелей

Азии и Африки, готовых было укреплять сотрудничество с китайцами. Но уже в 1964 или 1965 году Китай получил шанс засиять на сцене третьего мира, как это произошло во время поездки премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая по африканским странам или заключения соглашения о содействии в строительстве железной дороги между Танзанией и Замбией. К концу 1960-х годов, однако, китайцы свернули с пути былых достижений, и весь потенциал их влияния в Азии и третьем мире выдохся. Радикальные в прошлом власти стран от Ганы до Индонезии повернули вправо и китайских представителей со своей территории выдворили. Даже северные корейцы остались верными союзниками СССР, хотя и продолжали получать китайскую помощь (можно предположить, что с большим злорадством). К 1970 году в полной мере сохранился только один китайский альянс — с Северным Вьетнамом. Но и ему суждено было распасться (да ещё с каким треском!), как только в 1975 году пал Сайгон. КНР находилась в опасной изоляции (практически по собственной воле её руководства, стоит добавить), и её мечтавшая в бешенстве власть осознавала, что война, на этот раз с Советским Союзом, совсем не за горами.

Каким же образом революционный Китай дошёл до жизни такой? Причинами катастрофы можно назвать высокомерие Мао Цзэдуна, непродуманность планов социально-экономического развития КНР и её международную изоляцию. К лету 1958 года из партийного штаба в Пекине поступило указание кардинально повысить производственные показатели во всех отраслях народного хозяйства. Председатель Мао решил так, что с помощью «Большого скачка вперёд» можно стремительно подняться на новую ступень развития, и его вера стала главной темой в повестке для его партии. Ему поверили даже специалисты в области экономики, знавшие предмет намного лучше «великого кормчего». В сельской местности отменили все права на частную собственность, а крестьян согнали

в народные коммуны, призванные обеспечить повышение производительности труда аграриев. Внутри этих коммун все услуги организовали на коллективных началах, в том числе уход за детьми и заботу о престарелых людях. Во многих провинциях дети проводили шесть дней на попечении воспитателей, а по воскресеньям виделись с родителями. Делалось это для того, чтобы мужчины и женщины посвящали себя производственной деятельности без остатка. Крестьянам приказали заниматься гигантским проектом по освоению новых земель и улучшению качества уже возделываемой почвы, а собранный ими урожай отправляли в города и иногда за границу. Отсутствующие удобрения заменяли пеплом от сожжённых амбаров, надворных строений и общественных уборных (дошло и до собственного жилья крестьян), использовавшихся на полях.

Народ в подавляющем большинстве хотел верить в успех новой революции товарища Мао и работал до полного изнеможения. Бурным потоком хлынули слухи об аграрных чудесах: в Шэньси вырастили арбузы величиной с дом, а урожай картофеля в Хэнани вырос в шесть раз. Беда в том, что власти установили квоты на сельхозпродукцию, которую разрешалось вывозить из провинций, и опирались они на сугубо раздутую статистику урожая. Местные партийные руководители лукавили по поводу урожая ради возвращения благосклонности к ним со стороны начальства. В ряде областей КНР селян убедили в том, что они способны помочь металлургическим предприятиям за счёт сооружения печей в своих дворах, где можно плавить домашнюю утварь (дошло до того, что расплавили орудия труда), и тем самым преподнести подарок коммунистическому руководству. Поздней осенью 1958 года стало ясно, что в результате всех этих экспериментов на некоторых территориях страны начался просто голод. Зимой 1958/59 года среди крестьян пошёл голодный мор. К завершению кампании «Большого скачка» в 1961 году жертвы голода, болезней и изнеможения на территории КНР оцениваются в 45 миллионов человек, боль-

шинство которых составляли крестьяне. Речь идёт о крупнейшей в истории человечества рукотворной катастрофе, случившейся в основном по вине Мао Цзэдуна и остальных руководителей страны, не захотевших остановить объявленную ими кампанию, когда её пагубность уже можно было наглядно себе представить¹.

Советское руководство наблюдало за началом «Большого скачка» с большой озабоченностью. Даже если кто-то из советских экспертов воспринял методы КПК по навязыванию новизны в Китае силой с симпатией, более уравновешенные специалисты весной 1958 года слали в Москву предупреждения о значительных потенциальных человеческих жертвах маоистских хозяйственных упражнений. В частном порядке советники из СССР начали предупреждать своих китайских партийных коллег о пагубных последствиях «скачка». Позиция советских специалистов привела товарища Мао в ярость. Он решил использовать просьбу Москвы об активизации военного сотрудничества, чем уже занимались натовцы в Европе, чтобы дать выход своему недовольству и придать своей политике видимость отстаивания китайских национальных интересов. Советский посол в КНР, отличавшийся предельным долготерпением философ-марксист Павел Фёдорович Юдин, которого командировали в Пекин по просьбе товарища Мао, чтобы обсуждать с ним теоретические вопросы, получил приглашение в новый жилой городок руководства КПК среди ночи, чтобы выслушать излияния недовольства председателя. «Вы верите только русским! — кричал «великий кормчий». — Вы никогда не доверяли китайцам. [Для вас] русские составляют первый класс, а китайцы — народ ничтожный, тупой и бестолковый... Вы считаете себя вправе руководить нами [с помощью] нескольких атомных бомб... Вы никогда не питали веры в китайский народ. Хуже всех к нам относился И.В. Сталин. Китайские [коммунисты] считались вторыми врагами после Тито; [нас] считали отсталой нацией. Мы часто заявляли, что европейцы привыкли смотреть на русских свы-

сока. Я думаю, теперь кое-кто из русских смотрит свысока на китайцев»².

Летом 1958 года товарищ Мао попытался поставить внешнеполитическую конъюнктуру на службу внутренней мобилизации народа на совершение изобретённого им «Большого скачка». Когда советский предводитель Н.С. Хрущёв поспешил в Пекин, чтобы устранить «недопонимание» в области военного сотрудничества, председатель Мао встретил его без особого пиетета, зато с нескрываемым презрением. «Великий кормчий» перечислил ему все свои претензии к советскому руководству, накопившиеся с 1920-х годов. Оставив без комментариев объём предоставленной Пекину советской помощи, товарищ Мао сразу перешёл к критике кое-кого из советских консультантов.

— Вы можете предъявить претензии по поводу недомыслия наших специалистов, ведь ваши специалисты у нас отсутствуют. Следовательно, так получается, что глупости творим только мы, — вздохнул рассерженный Никита Сергеевич.

— Претензии по этому поводу предъявляйте истории, — парировал товарищ Мао.

— А ответ держать должны мы?

— Вы первыми осуществили революцию.

— И нас надо винить в этом?

— Именно поэтому, — сказал Мао Цзэдун, — вы должны были прислать специалистов.

Во время второй их встречи товарищ Мао принимал советского руководителя у бассейна в плавательном костюме, причём он прекрасно знал, что Н.С. Хрущёв плавать не умеет. Пока его гость с трудом оставался на плаву у стенки бассейна, председатель Мао спокойно плавал кругами и поучал советского представителя основам стратегии коммуниста. После возвращения Никиты Сергеевича в Москву у многих советских деятелей впервые появились сомнения в перспективах продолжения союза с китайцами, которым они так дорожили.

Как только Н.С. Хрущёв убыл на родину, председатель Мао принял решение снова напасть на острова, занятые

чанкайшистами у побережья КНР. На этот раз его цель заключалась не столько в оказании нажима на власти США и Чан Кайши, сколько в создании напряжённости на мировой арене ради укрепления поддержки населения у себя в стране. Китайцы не удосужились предупредить советское руководство о предстоящем нападении, но Москва полностью дипломатически поддержала действия Пекина. Второй кризис в Тайваньском проливе миновал, но к 1959 году Мао Цзэдун пришёл к заключению, что его внутренние задачи требуют просто коренного преобразования изначального варианта его альянса с Советским Союзом и откладывать это дело нельзя. Когда Н.С. Хрущёв в октябре 1959 года снова отправился в Пекин, чтобы попытаться навести порядок в условиях нарастающей китайской критики, председатель Мао преследовал иную цель. Он обрушился на советского руководителя с обвинениями в капитулянстве перед США, за поддержку политики Индии и других некоммунистических стран, а также за отказ в полной мере поделиться с китайцами технологией изготовления ядерного оружия. Н.С. Хрущёв ответил тем, что назвал китайцев экстремистами, милитаристами и обвинил их в отказе от сотрудничества. Китайский министр иностранных дел маршал Чэнь И откровенно назвал Никиту Сергеевича приспособленцем-оппортунистом. «Если вы считаете нас оппортунистами, товарищ Чэнь И, тогда не протягивайте мне своей руки, — обиделся Хрущёв. — Я её не приму... И не надо плевать с высоты вашего маршальского звания. У вас слюны не хватит. Нас не запугать. В такой вот ситуации мы оказались: с одной стороны, вы пользуетесь формулировкой «во главе с Советским Союзом» [когда речь заходит о мировом коммунистическом движении], а с другой стороны, вы мне слова сказать не даёте»³. Н.С. Хрущёв прервал свой официальный визит. От китайско-советских отношений ничего не осталось.

Однако такое вот противостояние между Мао Цзэдуном и Н.С. Хрущёвым послужило только началом китайско-совет-

ского раскола, а не его итогом. Зимой 1959/60 года председатель Мао приступил к подготовке открытой полемики по поводу советских воззрений на международные отношения и программу коммунистического движения. Для составления серии статей с критикой взглядов Н.С. Хрущёва, тонко замаскированных под воззрения маршала И.Б. Тито и других югославских товарищей, сформировали небольшую бригаду во главе с Дэн Сяопином. К девяностой годовщине со дня рождения В.И. Ленина в апреле 1960 года со стороны китайских коммунистов прозвучал первый залп. Взяв на себя роль вершителей судьбы ленинизма тех дней, китайцы призвали марксистов-ленинцев всего мира «всецело продемонстрировать нелепость империалистов и современных ревизионистов по соответствующим позициям, искоренить их влияние в массах, разбудить тех, кого они временно ввели в заблуждение, и дальше поднимать революционный дух этих масс»⁴. В июне 1960 года на съезде делегатов румынской коммунистической партии произошла открытая схватка представителей двух партий, воспринятая доказательством перед всем миром, что не всё благополучно в коммунистическом лагере. В ходе работы этого съезда Н.С. Хрущёв не справился со своим темпераментом до такой степени, о которой Мао Цзэдун даже не мог мечтать. 18 июля этот советский деятель приказал незамедлительно отозвать из Китая большинство из 1400 советских специалистов, и практически все они за три недели вернулись на родину.

За какие-то парочку лет Мао Цзэдун и его товарищи по партии создали условия для всеобщей экономической катастрофы у себя в стране и подошли вплотную к разрыву отношений со всеми союзниками за рубежом. Товарищ Мао провозгласил, что всё это идёт на пользу Китаю; его политика, по собственным словам председателя, обеспечивает национальную независимость и политическую чистоту, и тем самым закладывается фундамент под будущее преобразование страны. Но к осени 1960 года преобладание во власти стало переходить к людям с трезвым сознанием. Глядя на

приводящие в ужас жертвы «Большого скачка», Лю Шаоци и Дэн Сяопин при попутной помощи премьера Чжоу Эньлая (когда у него на это хватало мужества) приступили к сворачиванию самых очевидных перегибов в политике их партии. Сам председатель только обрадовался возможности отсидеться и дать возможность другим начать расчистку устроенных им завалов, но он пристально следил за тем, чтобы предотвратить любые политические отклонения. Он даже согласился на смягчение напряжённости с Москвой, выразившееся в разрешении советским властям прислать новых советников для завершения начатых проектов, и принял продовольственные товары, поступавшие в виде помощи голодающим жителям ряда провинций. Никаких проблем с получением новой помощи из Москвы у Мао Цзэдуна не возникло. Уже весной 1962 года появились сомнения в том, предвидел ли он на самом деле полный разрыв с Кремлём. Он хотел укрепления своего собственного положения в мировом коммунистическом движении и обретения свободы в выборе для Китая направления развития, представлявшегося ему наиболее выгодным. Он говорил своим подчинённым, что, если советские руководители захотят со всем этим смириться, он может не разрывать полностью отношения с Н.С. Хрущёвым даже в будущем.

В начале 1960-х годов кое-какие формы сотрудничества между Пекином и Москвой ещё сохранялись. В апреле 1961 года состоялось заключение нового всеобъемлющего торгового соглашения между двумя странами, а на международных переговорах о будущем Лаоса советские и китайские представители работали в тесном сотрудничестве как минимум до весны 1962 года. В некоторых сферах, таких как обмен разведывательной информацией и приобретение технологий военного назначения, двусторонние отношения сохранялись до середины 1964 года. К тому времени Мао Цзэдун принял решение об окончательном разрыве с Советским Союзом. Для него и его ближайших сторонников опасность маоистскому предприятию виделась предельно

ясной. Новые формы сотрудничества с Советским государством, взятые вместе с укреплением китайского народного хозяйства, вызывали естественную критику организаторов «Большого скачка вперёд». Летом 1962 года Лю Шаоци, которого товарищ Мао несколькими годами раньше назначил председателем Китайской Народной Республики, открыто бранил этот «скачок». «В ходе претворения в жизнь нашей генеральной линии мы допустили множество упущений и ошибок, когда организовывали народные коммуны и проводили „Большой скачок вперёд“, причём можно назвать даже тяжёлые упущения и ошибки, — говорил товарищ Лю узкому кругу лиц внутри его партии. — Я так думаю, настало время оглянуться, чтобы оценить сделанное и извлечь уроки. Нам нельзя больше вести себя таким же образом»⁵. Во внешней политике глава международного департамента КПК Ван Цзясян, получивший образование в СССР, служивший первым послом КНР в Москве и числившийся ведущим интеллектуалом китайской компартии, рекомендовал возвращение к принципам мирного сосуществования и сохранению китайско-советского альянса.

Мао кипел от ярости. На двух заседаниях поздним летом 1962 года он отыгрался на тех, кого видел своими врагами в рядах партии. «Я так думаю, что правый оппортунизм в Китае следует переименовать: его стоит назвать китайским ревизионизмом», — заявил он опешившим от неожиданности товарищам по партии. Председатель говорил, что советский случай служит доказательством того, что при социализме классовая борьба продолжается и что Китай втянут во внутреннюю и внешнюю «борьбу против буржуазных идей, и эта борьба ничем не отличается от борьбы между марксизмом-ленинизмом и ревизионизмом». «На вопрос, появится ли или нет ревизионизм в нашей стране, одним [ответом] может быть да, а другим — нет. Нынче кое-кого из кадровых работников можно подкупить фунтом свинины или несколькими пачками сигарет». Превращение сомнений в правильности «Большого скачка» в предмет классовой борьбы приравнялось к

применению методов, раньше использовавшихся против классовых врагов партии, и приспособлению их к партийным членам. Другими словами, теперь никто не мог чувствовать себя спокойно. Чжоу Эньлай, постаравшийся угодить председателю, но не осознавший последствий от воззрений Мао Цзэдуна на перспективу, сразу же, что называется, «взял под козырёк»: «Борьба против ревизионизма выходит на новый уровень». Премьер теперь обнаружил, в какой «классовой борьбе становятся фундаментальным вопросом наши отношения с братскими партиями». Чжоу Эньлай продолжил: «Истина марксизма-ленинизма и центр мировой революции переместились из Москвы в Пекин. Нам следует проявить храбрость и не отказываться от своих обязательств»⁶. Товарищ Мао, как он часто это делал, сочинил поэму о своих собственных ощущениях крепнущей мании величия:

На этой маленькой планете
Несколько мух ринулись на стену,
Непрестанно жужжа,
То пронзительно,
То со стоном...
Мир катится дальше,
Время его подгоняет.
Десять тысяч лет — слишком много,
Живи одним днём, лови момент!
Четыре сезона сменяют друг друга, вздымаются тучи
и волны,
Шатаются пять континентов, гремит ветер и гром.
Нашу силу не сломить,
Марш с пути вся зараза!⁷

Китайско-советский конфликт нарастал, активнее становился поиск союзников в третьем мире. В середине 1950-х годов наблюдалось активное налаживание отношений между Советским Союзом и властями таких стран, как Индия и Индонезия, не придерживавшихся коммунистического пути развития. В ответ китайцы поставили перед собой приоритетной задачей развитие добрых отношений со своими соседями в Азии, в том числе с Индией. На Бандунгской конференции

представителей стран Азии и Африки в 1955 году индийский премьер-министр Джавахарлал Неру обнялся с китайским премьером Госсовета Чжоу Энляем и пообещал вечную дружбу между двумя странами. К концу десятилетия, однако, китайско-индийские отношения выродились во вражду. По мере того как внутренние приоритеты китайского руководства смещались влево, от его терпимости к индийским властям, которых в КПК рассматривали как буржуазных приемников британского империализма, ничего не оставалось. Китайцев к тому же всё больше беспокоила безопасность приграничных областей их страны, и они жалели о весьма ограниченной форме фактической автономии, предоставленной Тибету в 1950 году. Когда более радикальные китайские меры в Лхасе привели в 1959 году к восстанию тибетцев и войне с тибетским религиозным лидером далай-ламой, Мао Цзэдун пришёл к выводу, что за массовыми выступлениями на Тибете стоят индийцы и что в Дели решили извлечь из них выгоду для себя. К началу 1960-х годов отношения между этими двумя странами находились на грани разрыва.

И советские, и собственные специалисты по национальным отношениям в КПК выступили с рекомендацией, чтобы власти КНР после ввода войск в Лхасу в 1950 году вели себя осмотрительно. Притом что в докладах кадровых работников КПК из Тибета с самого начала содержалось осуждение феодализма и угнетения крестьян, наблюдавшееся тогда в тибетском обществе, Мао Цзэдун и руководство страны первоначально хотели провести реформу в такой политически важной сфере постепенно и осторожно. Когда в 1956 году в приграничных областях Тибета стали возникать мятежи местного масштаба, власти КНР шаг за шагом ужесточили меры безопасности в Лхасе. Весной 1956 года кто-то распространил слух о том, что китайцы якобы планируют похищение далай-ламы, и на улицы Лхасы вышли сотни тысячи тибетцев. Командование НОАК железным кулаком сокрушило то, что оно посчитало восстанием в тибетской столице, но в возникшей суматохе сам далай-лама и кое-кто

из тибетских религиозных деятелей смогли скрыться через границу на территорию Индии. До этого бегства далай-ламы власти КНР на протяжении года с лишним жаловались советским представителям на то, что они рассматривали (быть может, даже вполне справедливо) в качестве помощи индийцев и ЦРУ тибетским сепаратистам. Когда тибетских беженцев встретили с распростёртыми объятиями на южной границе, у руководителей КПК не осталось никаких сомнений в том, что в Дели засели их враги, намеревавшиеся мутить воду на всём протяжении границы с Китаем⁸.

Конфликт с Индией усугубляло нежелание советского руководства безоговорочно осудить Дели и ужесточение без того далёкой от либеральной внутренней политики Пекина. К лету 1962 года, когда товарищ Мао взялся за тех, кто пытался навести порядок в стране после провала «Большого скачка», политику в направлении Индии поставили в существовавшие рамки изоляции и осады. То, что индийцы именно в это время приступили к упреждающему патрулированию спорных приграничных районов, понятное дело, послужило дополнительным фактором нажима на власти в Пекине. Войны с Индией не хотел даже сам товарищ Мао. Наоборот, он старался как-то обойти пограничный вопрос, чтобы сосредоточить своё внимание на тибетской проблеме. Но когда в Дели отвергли китайское приглашение к переговорам, председатель в поведении индийцев увидел вызов и готов был на него ответить: «Мы вели войну со стариной Чаном [Кайши]. Мы вели войну с Японией и Америкой. И никого из этих врагов не боялись. И в каждом случае победа была за нами. Теперь войну с нами хотят затеять индийцы. Естественно, что нас она не страшит. Нам нельзя уступать территорию, ведь, если мы её оставим врагу, это будет равносильно тому, что мы позволим ему захватить кусок нашей земли размером с провинцию Фуцзянь... Раз уж Неру высунулся и требуется от нас начать с ним борьбу, для нас было бы невежливо отказать ему в этом. Вежливость подразумевает взаимность»⁹.

Китайцы перешли в наступление 20 октября 1962 года на двух участках фронта, разделённых 600 милями, восточнее Бутана и в западном секторе южнее гор Кунылунь у границы с Пакистаном. На обоих участках фронта индийские войска потерпели поражение, и, когда месяц спустя китайцы объявили о прекращении огня, вся спорная территория находилась под их контролем. Среди населения и руководства Индии такой исход войны вызвал глубокое потрясение: ведь не только разгромили их вооружённые силы, но к тому же совсем не помогли международная симпатия и помощь, на которые они рассчитывали. Советские друзья на деле продемонстрировали нейтралитет, а на словах поддерживали китайскую позицию. На товарища Мао всё это особого впечатления не произвело, так как понимал дело так, что Н.С. Хрущёв просто пытался заручиться китайской помощью в Кубинском ракетном кризисе, возникшем как раз в то же время. Главное заключается в том, что в результате этой войны появилось ощущение неприязни и конфронтации между двумя крупнейшими народами Азии, и такое положение вещей сохраняется до сегодняшнего дня.

К 1963 году Мао Цзэдун практически единолично умудрился развалить китайско-советские отношения. Делал он это намеренно, по крайней мере с начала десятилетия, но добиться успеха на таком поприще ему было бы гораздо труднее, но на руку ему сыграло непроходимое высокомерие советского политического руководства и политическое безрассудство его товарищей по партии в Пекине. Председатель Мао хотел прекратить отношения с Москвой потому, что ему нужна была идеологическая свобода для дальнейшего сдвига Китая влево к проведению мероприятия, которое он назвал Великой пролетарской культурной революцией. Как всегда оставаясь коварным кукловодом, товарищ Мао постарался так, чтобы китайские деятели, которых он больше других подозревал в несогласии с его растущим радикализ-

мом, взяли на себя главное бремя противостояния Советскому Союзу, причём как на идеологическом, так и на патриотическом фронте. Дэн Сяопина, числившегося одним из таких деятелей, летом 1963 года отправили главой делегации КПК в Москву с единственной задачей наведения критики на советских руководителей. Товарищ Дэн оказался в безнадёжном положении: с одной стороны, он ничего не имел против Советского Союза в личном плане, а с другой стороны, он знал, насколько успех технического и в целом экономического развития КНР зависит от сотрудничества с Москвой. Тем не менее бедолага Дэн выполнил все указания председателя самым добросовестным образом, как он всегда это делал до самой кончины товарища Мао. Он сообщил советским хозяевам, у которых гостил, что они устроили «раскол в рядах международного коммунистического движения и, более того, совершили это в ещё более остром, крайнем виде, ещё более организованным [способом], в большем масштабе, пытаясь во что бы то ни стало раздавить [КПК]». С кривой улыбкой он добавил: «Хотелось бы отметить, что использование подобных методов для вас — привычное дело»¹⁰. Неудивительно, что новых встреч не последовало.

Между тем происходило обострение конфликта между двумя коммунистическими гигантами до грани войны. Начиная с 1962 года китайские ораторы заявляли, что советские руководители наращивали военную группировку на общей границе. Массовое бегство народа из Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в Советский Союз служило только подтверждением для преданных сторонников КПК того факта, что теперь СССР для них служит заклятым врагом (даже притом, что дело скорее касалось голода, наступившего в результате «Большого скачка», и привлекательности для обездоленных людей жизни на территории соседа). Летом 1964 года Мао Цзэдун заявил: «Мы не можем уделять внимание только Востоку [Соединённым Штатам Америки] и оставлять без внимания Север, уделять внима-

ние империализму и оставлять без внимания ревизионизм. Нам следует готовиться к войне на два фронта». И в то же время он решился на самое зловещее заявление в сторону Советского Союза. «Около сотни лет назад, — сообщил он группе японских гостей, — пространство восточнее Байкала стало русской территорией, и с тех пор Владивосток, Хабаровск, Камчатка и прочие места превратились в территории Советского Союза. Мы ещё не предъявили счёт по данному списку»¹¹.

Теперь председатель Мао сделал важный шаг на пути к разрыву отношений с обеими сверхдержавами. После Кубинского ракетного кризиса 1962 года СССР и США начали постепенный отход от края катастрофы. В августе 1963 года наряду с Соединённым Королевством они подписали договор о запрете на ядерные испытания и тем самым понизили накал холодной войны. Ни о чём подобном товарищ Мао даже слушать не хотел. В октябре 1964 года с проведением успешного испытания китайского ядерного заряда он вывел свою страну из диалога практически со всем мировым сообществом. Теперь Китай располагал своим собственным ядерным потенциалом и надёжностью положения, сопутствующей, как считал Мао Цзэдун, такому потенциалу. К концу года председатель начал как-то загадочно говорить о врагах революции и «ставших на капиталистический путь» членах Коммунистической партии Китая. На протяжении 1965 года шла откровенная подготовка к большой чистке рядов КПК. Товарищ Мао подверг критике секретариат КПК и центральную плановую комиссию как самостоятельные государства в государстве, вывернувшиеся из-под его контроля. При любом удобном случае он сразу поднимал шум — против американцев во Вьетнаме, против советских войск на севере, против кого бы то ни было, кто желал поражения Китаю. В октябре 1965 года он заявил группе оторопевших партийных работников, что, мол, «мы должны готовиться к войне... Не надо бояться мятежа или восстания». Он добавил: «Что вы будете делать, если ревизионизм

обнаружится в Центральном Комитете? В таком случае вы должны устроить бунт... Теперь запомните: что бы кто ни сказал, будь он из Центрального Комитета, его бюро или провинциального партийного комитета, вы можете отказаться от выполнения его распоряжения, если оно покажется вам неправильным»¹². Очень скоро после этого председатель Мао покинул Пекин, отправился куда-то в провинцию и не возвращался до лета 1966 года, когда Великая пролетарская культурная революция, как он назвал свою новую кампанию, не захлестнула весь Китай.

Председатель Мао устроил Китаю изоляцию как раз для того, чтобы без посторонних помех подготовить «большую чистку». Но к тому же он попытался использовать свои теоретические положения о народной войне, чтобы призвать деятелей третьего мира и радикальных групп объединяться вокруг КНР и создать новый центр притяжения международных отношений. Маршал Линь Бяо, снова всплывший и ставший главным подручным Мао среди военных, а также самым подобострастным подпевалой председателя, позже назначенный его преемником, в сентябре 1965 года поставил своё имя на книге с заголовком «Да здравствует победа народной войны». В своей книге он восхваляет Мао Цзэдуна как гения, чья «немалая заслуга состоит в том, что он преуспел в соединении всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретными делами китайской революции, а также обогатил и развил марксизм-ленинизм с помощью мастерского обобщения и сложения опыта, приобретённого в ходе длительной революционной борьбы китайского народа». Маршал Линь напомнил народам мира о том, что маоистская «теория создания районов революционных баз в сельской местности и окружения городов сельским населением представляет редкую и универсальную практическую важность для нынешней революционной борьбы всех угнетённых наций и народов, и особенно для революционной борьбы угнетённых наций и народов Азии, Африки и Латинской Америки против империализма и его лакеев»¹³. Другими словами, китайцы готовы поддержать ре-

волюционные группы в других странах, но только при условии предварительного признания ими стратегического гения председателя Мао.

Для остальных революционеров новый крайний поворот Китая влево произошёл в самый неподходящий момент. И северные вьетнамцы, и северные корейцы научились находить правильный путь в сложных условиях, возникших после китайско-советского раскола, и вполне привыкли получать поддержку обеих стран. Теперь Мао Цзэдун потребовал от них сделать выбор как раз в то время, когда власти обоих государств больше всего нуждались в содействии из-за рубежа. Американские сухопутные войска высадились во Вьетнаме в 1965 году, и вьетнамским коммунистам под руководством их партии пришлось разрабатывать стратегию разгрома интервентов и достижения своей цели, заключавшейся в объединении родины. В Северной Корее Ким Ир Сен рассчитывал на то, что после того, как американцы ввязались во вьетнамскую войну, ему будет проще предъявлять требования южанам. Но как раз в этот момент ему самому пришлось иметь дело с китайскими властями, требовавшими полного подчинения своей идеологии.

Руководители Северного Вьетнама и Национально-освободительного фронта Южного Вьетнама использовали расширение идеологического раскола между китайцами и советским народом для перехода к более энергичной стратегии объединения своей страны. В начале 1960-х годов китайцы во многих отношениях поддерживали вьетнамскую политику, а из Москвы шли призывы к сдержанности и переговорам, чтобы избежать эскалации американского вмешательства. Даже в Пекине тем не менее рекомендовали северным вьетнамцам не торопиться из-за страха перед втягиванием Китая в очередную прямую конфронтацию с Вашингтоном, как это произошло в Корее пятнадцать лет назад. Председатель Мао прекрасно понимал, что без советской помощи у

Китая не оставалось ни малейшего шанса на благоприятный исход в войне против американцев. Между тем китайцы ограничились отправкой советников и скромными объёмами предметов снабжения в помощь северным вьетнамцам, зато установили тесные политические отношения с их руководством. К 1964 году власти Северного Вьетнама готовились присоединиться к китайцам, ведущим идеологические нападки на Советский Союз, даже несмотря на поступающую всё ещё советскую помощь. Вьетнамцев, особенно Хо Ши Мина и его преемника Ле Зуана, вдохновлял китайский путь к социализму. Они искренне верили в то, что китайские методы «больших скачков» и предельного коллективизма больше подходят для модернизации Вьетнама, чем советский путь, который в Ханое считали более умеренным. Их идеологические пристрастия были связаны с культурной близостью Китая, а также с давними и тесными отношениями между двумя коммунистическими партиями. Наконец, они знали, что им предстоит длительная борьба и что Китай для них — ближайший сосед и к тому же единственный потенциальный источник поддержки, который им со временем может понадобиться. И пусть всё ещё встречались вьетнамские коммунисты, которые помнили историю и боялись влияния китайцев в удалённой перспективе, отношения между Китаем и Вьетнамом в первой половине 1960-х годов складывались в позитивном ключе.

С началом американского наземного вторжения во Вьетнам весной 1965 года, как раз когда в Китае разворачивалась Великая культурная революция, произошло изменение стратегического фона как для Ханоя, так и для Пекина. Северовьетнамскому руководству теперь приходилось отражать стремительно нарастающую по размаху войну непосредственно против американской армии, и им безотлагательно требовались оружие и экономическая поддержка. В Советском Союзе, представители которого уже гневно осудили бомбардировки американской авиацией Северного Вьетнама, начавшиеся осенью 1964 года, приступили к реализации

развёрнутой программы снабжения Ханоя всем необходимым, в первую очередь самолётами, танками и зенитными установками. Товарищ Мао хотел для Китая более определённой позиции. Коллектив китайских военных советников и личный состав подразделений обеспечения, уже находящиеся на территории Северного Вьетнама, следовало обеспечить пополнением, но не пускать их в бой. Китайцам требовалось активизировать материальное содействие Ханю, но только по категории основных видов материальных средств, чтобы не истощать запасы, которые могут пригодиться КНР на случай организации собственной обороны. Косвенно китайцам было бы невредно предупредить американцев о том, что вторжение в Северный Вьетнам для них означает войну с КНР (то есть намекнуть на желательность не повторять сценарий корейской войны, когда китайские войска вступили в дело при приближении американских войск к их границе). И в первую очередь китайские представители должны предотвратить вероломство и обман со стороны СССР. Председатель Мао предупреждал о том, что в Москве могут спланировать нападение на Китай под видом доставки во Вьетнам современного оружия или захотят спровоцировать китайско-американскую войну на уничтожение.

Мао Цзэдун со своими указаниями привёл китайскую внешнюю политику на вьетнамском направлении к катастрофе. Китайцы смогли удержаться от вступления в эту войну, но маоистская политика послужила разрушению тесных отношений Пекина с Ханоем, которые тщательно налаживались силами двух поколений коммунистов этих стран. Товарищ Ле Зуан, числившийся сторонником китайских воззрений, не мог понять, почему в Пекине откровенно чинят препятствия на пути доставки остро необходимой советской помощи, поступавшей во Вьетнам транзитом через китайскую территорию. Ему и остальным вьетнамским деятелям к тому же было обидно, что китайцы ни во что не ставили тактику и стратегию, которые приобретали всё бо-

лее навязчивый и китаеццентристский характер по мере развёртывания Великой культурной революции. К тому же в Пекине подталкивали Ханой к выбору между советской и китайской помощью. С началом воплощения в жизнь советской программы увеличения в 1965 году военной помощи вьетнамским коммунистам Чжоу Эньлай заявил вьетнамцам, что советской помощи «не хватает искренности». Такого рода помощь, утверждал он, служит интересам США, а Вьетнам вполне может без неё обойтись¹⁴. В 1966 году Дэн Сяопин, которому самому вскоре предстоит узнать, что такое репрессии Великой культурной революции, кричал на Ле Зуана, который заикнулся было о тревоге по поводу китайской пропаганды внутри Вьетнама: «Чего вы всё ещё боитесь? Почему вы боитесь рассердить советских ревизионистов? А что по поводу Китая? Хотелось бы откровенно рассказать вам о том, что я чувствую: у вьетнамских товарищей сложились несколько иные мысли по поводу наших методов содействия, а вы до сих пор нам о них не рассказали... И дело совсем не в наших соображениях относительно советской помощи. Вы что, подозреваете, будто китайцы помогают вьетнамцам ради осуществления своих собственных намерений? Мы надеемся на то, что вы можете сказать нам прямо, если вам понадобится наша помощь. Эту проблему легко разрешить. Мы сразу же вернём на родину наших военных. У нас в Китае дел тоже не впрокорот. И военнослужащие, расквартированные вдоль границы, получают приказ вернуться на континент»¹⁵.

К 1969 году вьетнамские коммунистические деятели убедились в том, что китайцы действуют отнюдь не в интересах их страны. Теперь они считали так, что в КНР планировали установление господства над объединённым в будущем Вьетнамом и что китайцы стремились к максимальному затягиванию вьетнамской войны, чтобы избавить сам Китай от внешнего стратегического нажима. Кое-кто из них даже подозревал, что с помощью затягивания войны китайцы рассчитывали заставить власти США пойти с руководством

КНР на своего рода временное соглашение. Другими словами, китайцы хотели вести вьетнамскую войну до последнего вьетнамца. Получилось так, что сложившиеся отношения дальше терпеть было нельзя.

Как видно, во Вьетнаме дела шли не очень, но не намного лучше они складывались через границу у товарищей в Северной Корее. Как и его северовьетнамские соратники, Ким Ир Сен с самого начала занял место на стороне китайцев в их споре с советским руководством. Мао Цзэдун, как считал Ким Ир Сен, гораздо ближе, чем новый советский руководитель Леонид Ильич Брежнев, к тому социализму, который он хотел создать в Корее: авторитарному, энергичному и стремительно развивающемуся. Но к 1966 году товарища Кима начали преследовать сомнения. Как ему показалось, пользоваться услугами китайских советников и терпеть в собственной столице Пхеньяне студентов, выкрикивающих лозунги о величии теории Мао Цзэдуна и осуждающих ревизионистов, было слишком большой уступкой. Попытавшись и потерпев неудачу в обуздании их через «рекомендацию» китайскому посольству, Ким Ир Сен осудил Пекин за его «великодержавный шовинизм» и назвал любимых товарищем Мао хунвейбинов «детьми, не разбирающимися в политике». Товарищ Ким рассчитывал на восстановленный союз, с помощью которого он сам сможет предпринять решительное наступление на Южную Корею. Но тут у него как-то вдруг возникла новая угроза со стороны собственной северной границы. Через громкоговорители, установленные вдоль всего внешнего рубежа КНДР, китайцы начали агитацию против «корейских ревизионистов». Сближаясь с Советским Союзом, Ким Ир Сен яростно клеймил, как он это сам назвал, «идиотизм культурной революции». В Пекине хунвейбины предупредили: «Ким Ир Сена с его выводком, то есть с теми, кто сотрудничает с американцами и ревизионистами, а также проводит политику, направленную против Китая, ждёт бесславный конец. Рано или поздно корейский народ восстанет и сведёт с ним счёты»¹⁶.

* * *

К середине 1960-х годов во внешней политике Китая сохранилось всего лишь одно стратегическое направление. Её стержень составляло утверждение Мао Цзэдуна о том, будто его страна возглавляет аморфный и неорганизованный фронт третьего мира одновременно против американского империализма и советского ревизионизма. Товарищ Мао считал союзниками по этому фронту такие страны, как Индонезия, Алжир, Гана и Куба, и когда-нибудь они присоединятся к Китаю ради преодоления западного господства. Война приближается, предупреждал председатель, и третий мир во главе с Китаем выйдет из неё победителем. «Из Первой мировой войны родился Советский Союз, — сообщил товарищ Мао членам делегации из Индонезии. — Китай и многие другие социалистические страны родились из Второй мировой войны. А империализму суждено исчезнуть в третьей мировой войне».¹⁷ Но проблема для китайских политиков состояла не только в трудностях, которых было достаточно в их отношениях с союзниками из мнимого третьего мира, но и к тому же в том, что радикальные вожди в этих странах явно теряли своё влияние. К концу 1960-х годов все союзники Китая в третьем мире разбежались, так как кого-то из вождей свергли, кто-то примкнул к СССР или просто устал от китайцев с их менторским отношением и эгоистичной воинственностью.

С 1950-х годов главное внимание в китайской политике уделялось Индонезии. Индонезию, во много раз превосходящую по территории остальные страны ЮВА, возглавлял Сукарно, считавшийся радикальным врагом империализма и социалистом-эклектиком с нарастающей тягой к налаживанию отношений с местной коммунистической партией. Как известно, Индонезия тоже отличалась многочисленным китайским населением, причём кое-кто из китайцев пользовался большим влиянием в торговле и промышленности этой страны. Руководство КНР, в свою очередь, смущала мелкая буржуазия из индонезийских китайцев, и им руко-

водило желание выступать в качестве защитника всех китайцев, проживающих за рубежом. При этом главная цель товарища Мао состояла в сотрудничестве с правительством Сукарно и Индонезийской коммунистической партией, представители которой входили в эту власть. Во время своей встречи с индонезийским руководителем в июне 1961 года председатель Мао хвалил Сукарно как лидера мира неприсоединения, подразумевая, что не заслуживающий доверия Д. Неру пытается лишить его такого звания. В январе 1963 года Лю Шаоци провозгласил, что Индонезия сместила Индию как точку опоры в борьбе третьего мира против империализма и колониализма¹⁸.

Но после очередного смещения собственной политики китайцев ещё дальше влево деятели в Пекине с новой энергией взялись за так называемый буржуазный характер индонезийского политического строя. С 1962 года вооружённые силы Индонезии вели необъявленную джунглевую войну против малайцев на Борнео. Китайцы оказывали индонезийцам помощь, и их руководители очень удивились, когда Сукарно в 1964 году отправился за стол переговоров. В Пекине решили, что Сукарно попал под влияние американцев. Генеральный прокурор США Роберт Кеннеди, приходившийся братом недавно убитому во время покушения президенту, как раз встречался с Сукарно, и они обсуждали пути к миру. Китайцы восприняли решение индонезийцев как «навязанное Робертом Кеннеди» и отражающее «тёмную сторону с двурушничеством буржуазных националистов». Тем самым китайцы всё больше внимания уделяли поддержке Индонезийской коммунистической партии и её вооружённого ополчения, которое начали снабжать оружием и инструкторами с первых месяцев 1965 года¹⁹. Совершенно определённо, что китайская поддержка вдохновила индонезийских коммунистов и их сторонников на попытку переворота, провалившегося в 1965 году, после которого военные приступили к преследованию приверженцев политики левого уклона в Индонезии. В итоге появился новый антикоммунистический режим, а в резне, спрово-

воцированной жожаками провалившегося переворота, погибли тысячи индонезийских китайцев.

Траектория китайского участия в политической жизни Африки ничем особым не отличалась. В Гане президент-радикал Кваме Нкрума с большой охотой принимал китайскую помощь. Но в 1964—1965 годах его страна стала центром подготовки китайцами партизан для самых разных движений левого уклона. Китайцы посоветовали сформировать народное вооружённое ополчение. Но именно руководители этого ополчения организовали военный переворот и свергли К. Нкруму. В Алжире отношения между новым революционным правительством Ахмеда бен Белла и китайцами отличались большой теплотой сразу после провозглашения алжирской независимости в 1962 году. Но в 1965 году они ухудшились, и одной из причин этого можно назвать расширение сотрудничества алжирцев с Советским Союзом. По данным из китайского внешнеполитического ведомства, против империализма бен Белла «говорил много, а делал мало». Сотрудники посольства КНР в Алжире сомневались в присутствии у него мужества для применения «революционных средств» ради преодоления экономических трудностей его страны: «Алжирская правящая команда отличается большой самонадеянностью и высокомерием, однако при всей задиристости её легко приручить»²⁰. Когда в июне 1965 года случился военный переворот и бен Беллу свергли, китайцы вздохнули с облегчением и тут же признали новое правительство. То был первый военный режим в третьем мире, получивший признание китайцев в 1970-х и 1980-х годах только потому (в алжирском случае произошла ошибка), что его политика казалась антисоветской. Дипломатия Пекина в третьем мире скатывалась к своему интеллектуальному и политическому банкротству.

Пощёчиной, воспринятой весьма болезненно в Пекине, стал поворот руководства Кубы в сторону Советского Союза. Хотя Фидель Кастро и Че Гевара стояли, безусловно, ближе к китайскому толкованию социализма, тем не менее

советская экономическая модель представлялась им более управляемой, а содействие СССР обуславливалось меньшими политико-идеологическими обременениями. Китайцы требовали от кубинцев свободы насаждения своей пропаганды на их острове. В Пекине говорили о более определённом подходе в Гаване к себе и Москве. Когда в 1966 году китайцы пригрозили сокращением китайско-кубинской торговли, терпение Ф. Кастро лопнуло. Он публично обвинил китайцев в совершении «уголовного преступления в виде экономической агрессии против нашей страны» и присоединении к наложенному США на Кубу эмбарго. «Действия китайцев, — сказал Фидель, — можно объяснить разве что демонстрацией абсолютного презрения к нашей стране, предельным пренебрежением репутацией и чувством собственного достоинства нашего народа. Дело не просто более-менее в тоннах риса или более-менее в метрах одежды, о которых тоже идёт речь, но и в гораздо более важных и основополагающих для наших людей вопросах: могут ли в завтрашнем мире мощные нации взять на себя право шантажировать, принуждать, угнетать, душить малые народы и нападать на них; могут ли в завтрашнем мире, за построение которого борются революционеры, по-прежнему превалировать худшие методы пиратства, подавления и авантюризма... Наше революционное государство не может смириться с такими попытками оказания влияния на наши военные и управленческие кадры действиями, представляющими собой предательство доверия, дружбы и братства, с которыми наш народ принимает представителей любого социалистического государства»²¹.

Влияние Китая в третьем мире становилось по всем практическим причинам явлением прошлого.

Великая пролетарская культурная революция считается самой масштабной и энергичной государственной кампанией в китайской истории. Во время её проведения погибло мень-

ше народа, чем во время «Большого скачка», и она не так сильно сказалась на народном хозяйстве, но с точки зрения повседневной жизни народа, а также по числу порушенных судеб и утрате людьми всяческого смысла жизни она принесла гораздо больше бед. По всему Китаю людей, в своём подавляющем большинстве неповинных в каких-либо преступлениях или инакомыслии, привлекали к суду импровизированных трибуналов и незаконным разбирательствам, публично их позорили или пытали, а их родственники и друзья на всё это безобразие взирали со стороны. Многие из невинных жертв посвятили свою жизнь служению китайской революции и КПК. Председателя КНР Лю Шаоци пытали и отправили в тюрьму умирать. Маршала Пэн Дэхуая, командовавшего китайскими добровольцами в Корее, во время митинга хунвейбинов избили так, что сломали позвоночник. Молодых людей, исполнявших роль палачей и истязателей, уполномочил на это дело сам председатель, которого они почитали как божество. Когда товарищ Мао провозгласил лозунг «Огонь по штабам!» и заклеил своих ближайших соратников как ревизионистов и китайских «хрущёвых», хунвейбины проделали именно то, что «великий кормчий» ждал от них. Товарищ Мао со своим новым окружением помощников убирал всех со своего пути, а когда появлялась нужда, не стеснялся применять насилие. То была последняя попытка председателя Мао устроить изоляцию Китая и увековечить свою революцию.

Во время Великой культурной революции практически все отношения Китая с внешним миром прекратились. Китайских дипломатов и студентов, обучавшихся за рубежом, отозвали домой для участия в движении самокритики и освоения теории Мао Цзэдуна. Иностранных студентов в Китае изгнали из страны, а посольства ряда стран подверглись нападению. В августе 1967 года хунвейбины взяли штурмом и подожгли британское посольство. Иностранцы в Китае сравнили нынешнюю ситуацию с той, что складывалась во время Боксёрского восстания шестьдесят лет назад. Как уже

говорилося выше, северные корейцы и северные вьетнамцы, остававшиеся всё ещё союзниками КНР в регионе, жаловались на недостойное обращение с их сотрудниками. А ещё жаловались на стремление китайских советников в их собственных странах вести пропаганду культурной революции, в том числе распространять красные цитатники Мао Цзэдуна. Кубинцы поспешили уехать из Китая; представители одной из возвращавшихся групп сообщили советским дипломатам, что «просто трудно себе представить, до какого идиотизма доходили участники движения хунвейбинов и народ, идущий за ними. Гитлеровцы могли бы у них многому поучиться». Тем временем в Пекине в осаду хунвейбинов попало советское посольство, а прямо на улице избили дипломатов из СССР и ГДР. Когда советские дипломаты попытались направить представление в китайский МИД, им ответили, что сотрудники этого ведомства «решительно поддерживают революционную деятельность своего народа»²². В Москве, когда советский министр иностранных дел потребовал срочной встречи, китайские дипломаты только выкрикивали лозунги из цитатника Мао Цзэдуна.

Великая культурная революция продолжалась, а антисоветская и антизападная риторика только усиливалась. Американцев и британцев обвиняли в планировании развязывания войны с Китаем, и Советский Союз должен был им помогать. «Сущность Советского Союза изменилась, — утверждал в июне 1967 года автор заметки в партийной газете «Жэньминь жибао». — Диктатура буржуазии пришла на смену диктатуре пролетариата, и буржуазия через своих подручных устроила контрреволюционное восстановление своей власти». Руководитель комитета государственной безопасности и разведки Кан Шэн, связавший свою судьбу с Великой культурной революцией, искал иностранных агентов во всех сферах жизни Китая. «Советские ревизионисты подготовили многочисленных тайных агентов, и они теперь действуют в нашей стране, — инструктировал он хунвейбинов. — Монгольские ревизионисты насаждают среди нашего народа предательские

настроения, и тем же самым занимаются корейские ревизионисты... Вы должны повышать бдительность»²³.

На своём пике развития Великая культурная революция обернулась усилением ксенофобии. На всё иностранное китайцы смотрели с большой настороженностью. Китайские приятели вспоминали, как их избивали за то, что у них обнаруживали книги на иностранном языке, когда хунвейбины обыскивали их дома, или на улице за ношение очков (считавшихся принадлежностью иностранцев). Тем временем кое-кто из проживавших в Китае иностранцев всячески пытался вступить в ряды активистов нового движения. Польский журналист Израиль Эпштейн как старый коммунист, переживший многие репрессии и числившийся членом КПК с 1964 года, писал о «пережитых грандиозных днях, неделях и месяцах, которые в полном смысле слова „потрясли мир“, когда шло омоложение, оживление и избавление от всего наносного (и избавление от тех, кто сам стал прилипалой в нашем деле)». И. Эпштейн и его начальник Сидней Риттенберг образовали «мятежную группу» хунвейбинов, призванную наводить критику на других иностранцев, кто не смог оперативно удержать нос по изменившему направлению политическому ветру. Только вот самого И. Эпштейна в 1968 году низвели до положения «прилипалы», и он пять лет провёл в тюрьме. С. Риттенберг получил «десятку». На плакатах (дацзыбао), поднятых другими иностранцами после ареста С. Риттенберга, большими иероглифами было написано: «Он поднялся так высоко и так низко пал» и «Риттенбергу принадлежат все те качества, которые мы издавна привыкли находить в евреях»²⁴.

В мире, где видных деятелей публично пытали, а родственников заставляли за всем этим наблюдать, всё казалось возможным. Жену председателя КНР Лю Шаоци — несчастную Ван Гуанмэй, вступившую в КПК в шестнадцать лет, — похитили из её официальной резиденции хунвейбины Университета Цинхуа. Её избили, заставили надеть изящное шелковое платье, которое она носила во время официаль-

ного визита в Джакарту, и провели под улюлюканье толпы. В официальном протоколе допроса Ван Гуанмэй сказано, что студенты прокричали ей такие обвинения:

«Вы сопротивляетесь сегодняшнему дню. Мы пользуемся свободой вести борьбу в любой форме, которую захотим, а у вас никакой свободы не осталось... Мы — революционные массы, а вы — отъявленная контрреволюционная старая ведьма. Не пытайтесь исказить межклассовую границу!.. Надев это платье, чтобы флиртовать с Сукарно в Индонезии, вы опозорили китайский народ...

([Хунвейбины] хором читают строки [из цитатника Мао Цзэдуна]: „Всё реакционное одинаково: если по нему не ударить, оно не упадёт”).»²⁵.

Среди тех в КПК, кто должен был заниматься международными отношениями КНР, царил полный хаос. Чжоу Эньлай гадал, в каком направлении «великий кормчий» решит двинуться, чтобы потом последовать за ним ради спасения себя и тех, кто находился поблизости. Когда стойкий ветеран-коммунист Чэнь И, служивший в то время министром иностранных дел КНР, подверг сомнению способность хунвейбинов вести внешнюю политику, товарищ Мао сдерживаться не стал. Он заявил, что Центральный отряд культурной революции (ЦОКР) «на 97% прав. Если кто-то будет противиться ЦОКР, я лично как следует им займусь! Если вам захочется отрицать нашу культурную революцию, удачи вам не видать». Сотрудники китайского МИДа поспешно образовали свои собственные отряды хунвейбинов (тот, что в департаменте Америки и Океании, назвали «Бригадой добивания тонущих собак») и вывесили дацзыбао «Огонь по Чэнь И, сдерём покров с классовой борьбы в министерстве иностранных дел»²⁶. Над Чэнь И прилюдно издевались на собраниях классовой борьбы, а потом его отправили на перевоспитание в провинцию Хэбэй на фабрику. Вся дикость его положения заключалась в том, что пост министра иностранных дел за ним сохранялся до самой смерти в январе 1972 года.

* * *

В тех условиях, в каких китайская внешняя политика продолжала существовать после начала Великой культурной революции, энергия сотрудников МИДа КНР направлялась на осуждение Советского Союза. К концу 1960-х годов Москва превратилась во врага Пекина номер один. Советское вторжение в Чехословакию в августе 1968 года, никаким боком не затрагивающее китайско-советские отношения, всерьёз напугало китайское руководство. В Пекине знали, насколько слабой стала их страна в результате Великой культурной революции, которая к тому времени выродилась в хаос, когда отряды хунвейбинов прямо на улицах вели бои друг против друга с применением тяжёлого оружия. Ввод советских войск на территорию Монголии по просьбе монгольских властей, опасавшихся бедлама в соседнем государстве, тоже послужил причиной появления в Пекине новых бредовых видений. Даже притом, что американская война во Вьетнаме по-прежнему поглощала внимание товарища Мао и руководства КПК (тех, кто ещё оставался у кормила власти), Советский Союз представлял всё более откровенную и прямую опасность по сравнению с США, по крайней мере на какое-то время.

В 1968 году председатель Мао упорно называл Советский Союз «социал-империалистическим» государством. Под этим словом он подразумевал то, что советские войска в какой-то момент должны напасть на Китай, и тогда произойдёт повторение прошлой империалистической агрессии России. Мао Цзедун дал определение социал-империализма как особенно острой формы великодержавного экспансионизма и тем самым причислили Москву к Вашингтону и Лондону как «западным империалистам». Во время своей последней встречи с советским деятелем ещё в 1965 году, когда в Пекин приезжал председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, товарищ Мао поучал своего гостя такими словами: «Сегодня судьбу мира решают США и СССР. Ну, так и решайте. Но лет через десять—пятнадцать вы потеряете возможность решать судьбу мира. Она

находится в руках наций мира, а не в руках империалистов, эксплуататоров или ревизионистов»²⁷. Через три года Советский Союз для Китая превратился в самую опасную империалистическую державу Запада. Интересно заметить, что, хотя в речах товарища Мао встречалось всё больше расистских мотивов, единственным остающимся его союзником была европейская страна — Албания, коммунистические деятели которой перессорились со всеми своими соседями. Мао Цзэдун тут же вцепился в Албанию как маяк мировой революции, только вот для многих в Пекине само существование албанцев служило напоминанием о том, насколько сильна была изоляция КНР на международной арене.

Высшее руководство в Пекине готовилось к войне. В атмосфере растущей тревоги из-за вынужденного противостояния внешнему миру возникла дикая программа перевода ключевых предприятий китайской индустрии в более безопасные области на западе страны. То были по большому счёту те же самые районы, где гоминьдановцы спаслись от японской бойни после 1937 года. Теперь предстояло демонтировать целые фабрики и перевезти их оборудование на Третью линию, выбранную председателем Мао на отрезке территории от Ганьсу на севере до Юньнани на юге. Начатая в 1965 году, то есть во время активизации американской войны во Вьетнаме, Третья линия приобретала важность по мере обострения конфликта с Советским Союзом. Этот процесс сопровождался значительными расточительностью и неувязками, поэтому китайская экономика понесла огромные потери. В ряде случаев тем не менее перспективы оказаться на задворках (или иногда в забвении) во времени хаоса Великой культурной революции заставили промышленных управленцев приобрести навыки, пригодившиеся с большой пользой с приходом капиталистической революции в последующие десятилетия. Политика создания «надёжной базы в тылу» продолжалась до начала 1980-х годов, и на её реализацию могла уйти как минимум треть средств общей инвестиционной программы Китая того периода²⁸.

На протяжении Великой культурной революции, когда строились базы для войны внутри страны, руководство КНР совсем забыло о своих собственных китайских окраинах. Гонконг оставался важным как канал внешней торговли Китая, а Тайвань служил вещественным напоминанием о расчленении страны и тем самым о национальном унижении. Активной политики в отношении этих двух регионов Пекином не предусматривалось. Заморских китайцев вообще обуял страх. Наслушавшись рассказов от тех немногочисленных соотечественников, кто посетил КНР, практически никто уже не хотел возвращаться на родину. Они знали конечно же, что кое-кто из подвергнутых гонениям в ходе культурной революции жертв вернулся в Китай, чтобы служить на благо своей страны. Особенно катастрофическими последние кампании председателя Мао были для районов проживания национальных меньшинств. На Тибете разрушили храмы вместе с религиозными символами и росписью, а монахов и монахинь повыгоняли, чтобы ими занялись хунвейбины, направленные сюда специально из Пекина и Шанхая. Во Внутренней Монголии, пока кадровые партийные работники и хунвейбины охотились за партией сепаратистов, оказавшейся плодом их фантазии, погибли как минимум 16 тысяч человек из местных жителей. В области Гуанси, которую коммунисты назначили автономным районом для народности чжуан, культурная революция выродилась в смертоносное безумие, одним из признаков которого стало вдохновляемое политиками людоедство²⁹.

Главные признаки культурной революции в виде ксенофобии, перемещение промышленности внутрь территории страны и террор в отношении меньшинств оправдали расчёты Мао Цзэдуна полностью. Массовая истерика в Пекине, устроенная миллионами молодых людей со всей страны перед ним на площади Тяньаньмэнь, тешила его безграничное самомнение. Отправка молодёжи из городов в сельскую местность, где ей предстояло учиться у крестьян, импонировала его представлению о политически обоснованном развитии.

Руководству культурной революцией международная изоляция Китая помогла создать новую страну и спасти их революцию. Даже после применения армии, чтобы покончить с худшими проявлениями хаоса на улицах в 1968 году, товарищ Мао видел продолжение этого процесса. В начале 1969 года он сказал новому партийному руководству следующее: «Речь у нас идёт о победе. Значит, мы должны понимать необходимость сплочения широких масс всей страны на достижение победы под предводительством пролетариата. Социалистическая революция должна продолжаться. Перед нашей революцией остаются невыполненными такие задачи, как ведение борьбы, ведение критики и ведение преобразования. Через несколько лет нам может потребоваться проведение очередной революции»³⁰.

Главная причина того, что Мао Цзэдун с помощью Чжоу Эньлая и армии в 1968 году вытащил Китай из практически всеобъемлющего хаоса культурной революции, состояла в нарастающем страхе войны с Советским Союзом. Притом что каких-либо свидетельств подготовки СССР к такому нападению не существует, легко себе представить, как этот страх мог зародиться из безумства культурной революции и собственных речей «великого кормчего». Определив Китай и его революцию в середину мировой истории как предмет зависти всех народов, оставалось только логическим путём дойти до вывода о том, что враги должны попытаться разгромить их с применением военной силы. Кроме нападения Советской армии, обсуждались и другие варианты вооружённой агрессии. Говорилось о советско-американской войне, в которую могли втянуть Китай. Те же американцы могли напасть с юга в том случае, если вьетнамская война начнёт развиваться в невыгодном им направлении. Товарищ Мао так рассуждал перед своими гостями: «С момента капитуляции Японии в 1945 году прошло 23 года. Ещё через пять лет этому событию исполнится 28 лет. Получится 28 лет без

войны? На самом деле после окончания Второй мировой войны возникали все виды войн. Если верить В.И. Ленину, тогда получается, что капитализм — это война, и капитализм не может существовать без войн. К тому же сегодня в мире появилось две сверхдержавы. Их армии располагают не только обычным, но и к тому же ядерным оружием. А с эти оружием совсем непросто иметь дело»³¹.

Чтобы как-то выяснить намерения советского руководства и обеспечить верность армии, товарищ Мао согласился на проведение ограниченной по размаху операции против советских войск. В марте 1969 года было совершено нападение на остров Даманский (Чжэньбао) на спорном участке маньчжурской границы по реке Уссури. В самом начале боя там погибло около тридцати советских солдат. По ходу сражения в этом районе председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин упорно пытался связаться с Мао Цзэдуном по телефону. Китайский оператор коммутатора отказался соединить его и прокричал несколько лозунгов с осуждением ревизионистов. Несколько дней вопрос войны и мира находился в подвешенном состоянии. Советское командование в качестве превентивной меры рассматривало удар по китайским ядерным установкам. Тут Мао Цзэдун быстро пошёл на попятную и санкционировал начало переговоров по пограничной проблеме, хотя напряжённость вдоль границы не спадала. В августе прошли новые стычки в западном секторе на границе с Синьцзяном. Обе стороны понесли тяжёлые потери. На этот раз китайские руководители исходили из того, что советское командование планирует крупномасштабное нападение на Китай, несмотря на визит А.Н. Косыгина в Пекин, где он попытался начать переговоры. Линь Бяо, действовавший по поручению Мао Цзэдуна, в октябре 1969 года отдал «приказ номер один», привёл войска в повышенную боевую готовность и вывез высшее государственное руководство (и видных жертв культурной революции) из столицы.

Хотя война так и не началась, ситуация в Китае всё равно оставалась напряжённой до начала 1970-х годов. Военный

психоз 1969 года убедил товарища Мао в том, что изоляция Китая представляется делом опасным и бесплодным. Теперь он желал навести порядок дома и решил воздерживаться от революций, пусть даже на какое-то время. Его приказы о мобилизации содержали попытки исправить большинство перегибов Великой культурной революции: «Любую фракционную борьбу насильственными средствами следует остановить безоговорочно и незамедлительно. Все профессиональные бригады, созданные для борьбы насильственными методами, следует распустить. Все опорные пункты для борьбы насильственными методами — ликвидировать. Всё оружие — сдать в арсеналы. Если какая-либо бригада, созданная для борьбы насильственными методами, отказывается покидать опорный пункт и категорически отказывается сдаваться, командование Народно-освободительной армии Китая может окружить такой опорный пункт войсками, провести политическую работу с теми, кто проявляет неповиновение, и отобрать оружие [у них] силой»³².

Однако обуздать распоясавшихся устроителей беспорядков оказалась делом очень непростым. Председатель Мао, в конце концов, отказался предавать идеалы своей культурной революции, и внутрипартийная обстановка осталась всё такой же взвинченной, как всегда. В сентябре 1971 года неформальный преемник товарища Мао маршал Линь Бяо предпринял попытку побега в Советский Союз, так как председатель готовился разжаловать его со всех руководящих постов. Самолёт товарища Линя упал и разбился на территории Монголии.

Начиная с лета 1969 года Мао Цзэдун просил совета старых полководцев своей армии (многих из которых он сдал хунвейбинам на поругание и в тюремное заключение в предыдущие три года), как ему лучше уладить внешнеполитический разлад, который он сам же устроил. В своей рекомендации его маршалы обратили внимание на то, что Советский Союз надо считать главным врагом КНР в настоящее время и на будущее. Они написали, будто советская

мощь нарастает, а американская — убывает. Они высказали предположение о том, что «советские ревизионисты сделали Китай своим главным врагом и теперь представляют нашей безопасности большую угрозу, чем американские империалисты... [Однако] как в Китае, так и в США своим врагом считают Советский Союз, следовательно, советские ревизионисты не осмелятся вести войну на два фронта». В личном письме председателю репрессированный Чэнь И, всё ещё числившийся министром иностранных дел, но на самом деле находившийся под домашним арестом, сформулировал свои «нелепые идеи». «В стратегическом плане нам надо, — писал товарищ Чэнь в сентябре 1969 года, — использовать противоречия между Соединёнными Штатами Америки и Советским Союзом, а также добиваться прорыва в китайско-американских отношениях». Он предлагал проведение без каких-либо предварительных условий встреч на высоком уровне в Вашингтоне. На протяжении последующих двух лет товарищ Мао позаимствовал многие из «нелепых идей» Чэнь И хотя всё равно придерживался духа культурной революции и осуждал самого товарища Чэня как «притворного марксиста» и «антипартийного карьериста»³³.

Кампании товарища Мао, проводившиеся в конце 1950-х годов, стали причиной изоляции Китая на мировой арене и ослабили его перед лицом критических нападков. Насильственные попытки внутри страны подавить любое внешнее влияние и переориентировать партийную политику в сторону единоличной власти председателя Мао послужили тормозом развития КНР и появлению поколения циников, чей изначальный идеализм потонул в крови и нарушенных обещаниях. Кое-кому из китайских историков провал китайско-советского альянса представляется позитивным исходом, так как в результате Китай стал более независимым и национально ориентированным государством. На самом же деле, однако, товарищ Мао стремился к освобождению

от советского влияния исключительно ради проведения катастрофических кампаний, откинувших прогресс в развитии Китая на десятилетия назад. Для КПК 1960-х годов культурная революция и международная изоляция шли рука об руку. Достижение двух этих целей должно было послужить укреплению страны.

С самого начала XIX столетия Китай не находился в такой жесткой изоляции от решения международных проблем, как это было на протяжении 1960-х годов. Революция КПК, обещавшая превращение Китая в богатое и сильное государство, как видно, свелась к его обнищанию и ослаблению. Это правда, что при коммунистах сохранилась территориальная целостность Китая, достигнут громадный технический прогресс и большие достижения в таких сферах, как народное здравоохранение. К тому же свершилась социальная революция, позволившая ликвидировать частную собственность в сельском хозяйстве и промышленности и тем сам обеспечить равноправие (за исключением выжившей партийной верхушки) всех китайцев. Только вот в 1970-х годах возник вопрос равенства в нищете и заметной беспомощности во внешнеполитическом контексте. Неудивительно, что кое-кто из китайцев начал задавать себе вопросы, определённо напоминавшие те, что стояли в 1920-х годах:

— Как вывести Китай из нищеты и застоя?

— Как превратить Китай в современную и преуспевающую страну?

— Что значит быть китайцем в мире, где те, кто покинул родину, преуспевают, а кто остался дома — терпят страдания и потеряли все перспективы в жизни?

Глава 10

КИТАЙСКАЯ АМЕРИКА

На протяжении XX столетия отношение китайцев к США отличалось сложностью и даже носило признаки навязчивой идеи. Именно в эту страну многие китайцы хотели бы поехать туристами, погостить или жить постоянно. Но США к тому же пугали и смущали китайцев, ведь там политика, ценности, дружеские отношения и даже сам ландшафт находились в постоянном движении. Американцы отрицали многое из того, что китайцы считали своими ценностями, — традицию, семью и заботу об общественном благе. Они к тому же вызывали настороженность потому, что кое-кто считал американцев заносчивыми перед китайцами, что американцев видели в китайцах неполноценный народ и что поэтому они закрыли ворота своей страны перед китайскими иммигрантами. Подавляющему большинству китайцев не дано было понять, как у граждан США, представлявших собой нацию переселенцев, возникли какие-то причины не пускать китайцев, тем более питать к ним предубеждение. История в Китае значит очень много, и с точки зрения исторической памяти негативное наследие в китайских исторических отношениях с США часто перевешивает позитивные моменты.

Но тогда надо ещё вспомнить о бесконечном увлечении в Китае американскими товарами, американским богатством и американскими идеями. И пусть сегодня мало кто из китайцев согласится с таким утверждением, но на протяжении XX века в судьбе Соединённых Штатов Америки и Китая обнаруживается много общего. Китайцы часто превозносят свои традиции, однако почти на всём протяжении последнего сто-

летия они всячески от них отказывались и старались преобразовать их — похоже, до бесконечности — во что-то иное. На многие из этих преобразований вдохновлял пример США: повсеместно в Китае пытались внедрять технику, предприятия, культуру и политические представления американского происхождения. Причём делалось это даже тогда, когда китайское государство переориентировалось на искоренение американского влияния как такового. Все связи тем не менее только простым обменом не заканчивались. Речь шла о темпах самих перемен и недовольстве существующим положением вещей. Дело к тому же касалось принятия перемен народом. Даже притом, что политические траектории Китая и США в XX веке кардинальным образом отличались, зато народы обеих стран безоговорочно соглашались на стремительное преобразование их повседневной жизни. Мощное стремление к обновлению, служащему стимулом и американской, и китайской элит, возникало, понятное дело, по разным причинам: для китайцев им служила злободневность возрождения прошлого, а для американцев — необходимость освежения будущего. При этом у обоих народов существовал целесообразный замысел для достижения новизны и твёрдая вера в то, что только их стране она может принадлежать до конца.

В 1970 году Мао Цзэдун принял решение «ослабить», как он это назвал, всеобъемлющие противоречия с США. Китай выходил из самого разрушительного этапа Великой культурной революции, но переориентация внешней политики его руководства не имела ничего общего с какой-либо переоценкой товарищем Мао его политических идеалов. До конца своей жизни он сохранил верность задаче завершения революционного преобразования Китая. Причиной для его поворота в политике послужили обостряющиеся противоречия Китая с Советским Союзом и боязнь советского нападения. По большому счёту этот страх родился из идеологического конфликта с Москвой в 1960-х годах, и этот конфликт вырос в представлении китайского руководства в столкновение масштаба катаклизма, грозящего закончиться ядерной войной.

Но открытость Соединённым Штатам имела непредвиденные последствия, которые товарищ Мао не смог предусмотреть и которые ввергли его в ужас, если бы он дожид до них. Последние годы XX столетия в Китае считаются временем, когда единственная зарубежная страна США приходила на ум китайцам, если дело касалось «заграницы». Такого не было никогда раньше и никогда не случится в будущем. Американское влияние проявлялось повсеместно — в экономике, политике, искусстве и потребительских привычках. Какое-то время всё выглядело так, будто всё, причём как позитивное, так и негативное, что касалось отношений Китая с внешним миром, представляет собой отношения с США.

В самом начале XXI столетия увлечение Америкой китайцами никуда не делось, даже пусть дипломатические отношения не всегда оставались гладкими. Китайское коммунистическое руководство может сколько угодно рассуждать о своих неприятностях из-за США и о расширении сотрудничества с остальными державами, чтобы уравновесить господство Вашингтона в международной системе отношений. Но в КПК смирились с тем, как эту систему создали сначала британцы, а потом американцы. Причём более-менее по всем параметрам от рамок для торговли до функционирования Совета Безопасности ООН. С укреплением Китая его народ захочет, чтобы их страну в международных отношениях считали альтернативой США. Однако по мере укрепления внутренняя социально-экономическая система КНР преобразилась на американский вид до такой степени, что даже европейцы и латиноамериканцы иногда оказываются в замешательстве. Американская мечта китайцев может показаться противоречивой, но зато горячо желанной.

Когда Мао Цзэдун в решающий момент противостояния с Советским Союзом, наступивший в 1969 году, отдал распоряжения начать ослабление напряженности в отношениях с Соединёнными Штатами Америки, такой поворот в по-

литике для большинства его товарищей по партии сюрпризом не стал. У верхушки КПК выработалась своего рода манера противостояния Москве. Поскольку в ходе культурной революции единственным существенным аспектом жизни в КНР осталась только идеология, всё внимание партийного актива сосредоточилось на политическом расхождении среди коммунистов, будь то внутри или за пределами Китая. Те из его товарищей, кто избежал репрессий, видели в таком манёвре председателя тактическую задачу, ведь точно такие же цели он преследовал во время своих контактов с американцами, когда шла война с Японией. Другими словами, когда грозит непреодолимая опасность, любое отклонение от генеральной линии можно считать оправданным. Никто из китайских деятелей не думал, что готовность Пекина к сотрудничеству с Вашингтоном ради противодействия пугающей их растущей советской мощи сможет повлиять на курс революции в своей стране. Только самые осведомлённые из них представляли, насколько безнадёжно слабым стал Китай с военной точки зрения в результате губительных маоистских политических кампаний и насколько важно в этой связи было осуществить прорыв международной изоляции их страны.

Председателю Мао несказанно повезло с выбором времени для вступления в переговоры с американцами. Ричард Никсон, занявший кресло президента США в 1969 году, считался единственным американским деятелем времён холодной войны, кто верил в необходимость ради достижения победы в соревновании с СССР широкого союза Вашингтона, который пока ограничивался Европой и Японией. Тяготы войны во Вьетнаме и внутренние волнения в США убедили Р. Никсона и его советника по национальной безопасности Генри Киссинджера в том, что выходом для американской дипломатии могло послужить налаживание диалога с китайцами. Позитивную роль должна была сыграть одновременная обработка в проамериканском духе антисоветского руководства держав третьего мира, таких как Бразилия, Южно-Аф-

риканская Республика, Иран и Индонезия. С обострением китайско-советского конфликта Р. Никсон принял решение начало диалога с Пекином больше не откладывать. В октябре 1969 года он попросил пакистанцев посодействовать в налаживании контактов с китайцами и передать председателю Мао, что «в США будут рады примирению с коммунистическим Китаем». Новое руководство вашингтонской администрации немало расстроила волокита Пекина с ответом. Беда была в том, что при всём желании товарища Мао наладить отношения с США хаос культурной революции привёл к практическому параличу китайской дипломатии и для претворения в жизнь какой-то новой инициативы требовалось время. Когда представители двух сторон наконец-то в феврале 1970 года договорились о встрече в Пекине, наметившиеся было переговоры пришлось опять отложить на несколько месяцев из-за энергичной и затянувшейся наступательной операции американцев в Камбодже в середине того же года. А когда товарищ Мао в октябре 1970 года всё-таки решил послать личное приглашение, ему никак не удавалось найти надёжный канал его передачи. Передать его через американского старого знакомого в лице приехавшего на празднование государственной даты журналиста левого толка Эдварда Шоу, стоя на трибуне площади Тяньаньмэнь, где председатель сказал ему, что Р. Никсона рады видеть в Китае, представлялось не самым подходящим способом приглашения президента-республиканца.

Короче говоря, Р. Никсон сам взялся за это дело и решился на опаснейшую за всю свою карьеру политическую игру. В тайном послании, направленном Чжоу Эньлаю в мае 1971 года, он сообщил маршалу о своём желании посетить Пекин при условии, что сначала надо организовать тайную поездку Г. Киссинджера и разработать подходящую программу его визита. Китайцы восприняли такое предложение как свидетельство американской слабости. В политбюро ЦК КПК муссировали слухи, будто Р. Никсон пошёл на контакт под нажимом «широких народных масс», выступающих про-

тив «вьетнамской войны и расовой дискриминации». Но руководство Китая посчитало так, что «раз уж отсутствуют малейшие основания надеяться на возникновение вооружённой революции в США», то с предложением Р. Никсона всё-таки стоит согласиться. Г. Киссинджер прибыл в Пекин с необъявленным визитом в июле 1971 года, и для этого он прикинулся больным во время посещения Пакистана. Вслед за этим в феврале 1972 года состоялся официальный визит Р. Никсона. Для товарища Мао, больного и политически ослабленного после того, как второй после него человек в КПК — Линь Бяо — порвал с его режимом и погиб во время попытки бегства в Советский Союз, приезд Р. Никсона стал по-настоящему божьей благодатью. В глазах многих китайцев получалось так, что руководитель самой мощной западной страны признал центральное место Китая и сам прилетел в Пекин, чтобы посидеть с председателем и лично убедиться в его политической прозорливости. Американцы на все лады расхваливали своих новых знакомых. Г. Киссинджер заявил, что в главном дипломате председателя Мао товарище Чжоу Эньлае он увидел «самого замечательного иностранного руководителя, с кем мне только приходилось знакомиться. Мы беседовали 20 часов, и он совсем не пользовался заметками... За эти 20 часов у меня состоялись самые яркие беседы за всю жизнь». Товарищ Мао высказывался умереннее. «Г. Киссинджер служил университетским профессором, и он совсем не соображает в дипломатии», — сообщил он северным вьетнамцам¹. Как и следовало ожидать, все согласились с тем, что неделя, проведённая Р. Никсоном в Китае, стала переломным моментом мирового звучания. Но никто не мог сказать, в какую сторону случился тогда перелом.

Китайцам и американцам потребовалось ещё почти десять лет, чтобы определиться с содержанием того, что Г. Киссинджер назвал «китайско-американским сближением». Китайцы нуждались в торговле, которая начала развиваться сразу, и военных технологиях, которые задержива-

лись. Власти двух стран приступили к сокращённому по масштабу сотрудничеству в борьбе против Советского Союза, прежде всего в третьем мире, где китайцы помогали сотрудникам ЦРУ в налаживании связей с мелкими маоистскими и антисоветскими группами на юге Африки, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Главное состояло в том, что Пекин помог Вашингтону выбраться из вьетнамской войны. В тот момент, когда руководители Северного Вьетнама слышали о визите Р. Никсона в Китай, они тут же поняли, что пришло время безотлагательных решений. Вьетнамцы, как и подавляющее большинство участников мирового левого движения, видели в готовности товарища Мао к сотрудничеству с Вашингтоном измену их делу, и самые важные последствия для третьего мира выразились в том, что вожди наиболее радикальных режимов и движений качнулись в сторону Советского Союза. Китай перестал служить альтернативой для тех, кто бредил мировой революцией.

При всех лучезарных надеждах на скорую нормализацию китайско-американских отношений после визита Р. Никсона в Пекин полное признание друг друга состоялось ещё через целых семь лет. Главная причина такой проволочки, давшей советским руководителям время на мобилизацию третьего мира против китайско-американского сговора, заключалась в политической неразберихе 1970-х годов, охватившей в равной степени Пекин и Вашингтон. С китайской стороны политическое сумасбродство культурной революции продолжалось, практически не ослабевая, до самой кончины председателя Мао в 1976 году, но неопределённость сохранялась и после неё. С американской стороны Р. Никсону пришлось подать в позорную отставку в 1974 году из-за уотергейтского скандала, а его преемники в лице Джеральда Форда и Джимми Картера не располагали ни его беспримерной храбростью, ни его мужеством в борьбе с политическими противниками. Главным раздражителем виделись отношения с Тайванем. Подавляющее большинство американцев не же-

ляли отказываться от старого союза с остатками гоминьдановского режима (Чан Кайши уже было за восемьдесят, и он всё ещё оставался президентом) ради полной нормализации связей с коммунистическим Пекином. При всём нарастании объёмов торговли и передачи технологии развитию мощных двусторонних связей мешало полное отсутствие динамики в государственной китайской экономике. Внутри Китая после многих лет антиамериканской пропаганды разворот товарища Мао в противоположном направлении только усилил господствующий политический цинизм, вразрез с неловкими разъяснениями руководства того, что американцы, в конце концов, образумились и осознали силу китайского народа. Среди американцев, посетивших КНР, таких как представитель США в Пекине Джордж Г.У. Буш, маоистской диктатуре был придан восточный колорит под европейским выражением коллективизма и регламентированной воли китайцев. Тем временем афористичные заявления китайский руководителей по поводу внешнеполитической стратегии воспринимались как безусловные примеры практической мудрости древней цивилизации, а не отсутствия знания о мире, которым они на самом деле являлись. Главные преимущества, которыми китайцы пользовались в самые первые годы возобновлённых отношений с США, могли составлять шанс для нормализации связей с остальными американскими союзниками, например с Японией, Индонезией, Таиландом и западноевропейскими странами, и для укрепления надёжности в противостоянии с СССР².

Мао Цзэдун умер 9 сентября 1976 года. Невзирая на хаос и неразбериху, устроенные им в последние годы своего правления, практически все китайцы видели в товарище Мао некогда великого вождя, который объединил их страну и сделал её сильной. Точно так же, как после кончины И.В. Сталина в Советском Союзе, многие люди чувствовали обездоленность и неопределённость своего положения, по-

этому прошло какое-то время, пока открылась грандиозность заблуждений и ошибок председателя Мао. Фактически руководители КПК не стали признавать их в полной мере, и, как ни странно, портрет Мао Цзэдуна до сих пор занимает главное место на центральной площади Пекина Тяньаньмэнь. Что же касается внешней, а также внутренней политики КПК, после смерти председателя все концы, образно говоря, убрали в воду. Китай вполне мог скатываться дальше влево и превратиться в ад геноцида наподобие полпотовской Камбоджи (ведь когда председатель Мао умер, Пол Пот числился ближайшим союзником КНР) или мог бы двинуться в сторону более открытой и плюралистической модели социализма. Своим преемником председатель Мао назначил недавно занявшего пост премьера Госсовета КНР Хуа Гофэна. Главная его привлекательность для председателя, кроме тупой преданности, состояла в том, что Хуа Гофэн был выходцем из родной провинции Мао Цзэдуна Хунани и поэтому мог точнее понимать, что говорил «великий кормчий» партии китайских коммунистов. Сам о себе товарищ Хуа был не очень высокого мнения, но за несколько недель смуты он договорился с военными и осуществил переворот, в ходе которого радикальных союзников Мао по политбюро арестовали. Военные, опасавшиеся возврата хаоса культурной революции, настояли на том, чтобы старых деятелей, таких как бывший генеральный секретарь ЦК КПК Дэн Сяопин и специалист в области государственного планирования Чэнь Юнь (оба подверглись репрессиям до смерти товарища Мао), вернули во власть. По всей стране те, кто подвергся высылке, репрессиям или аресту, начали возвращаться домой. Для старой гвардии коммунистической партии и для многих простых китайцев, особенно в городах, наступило время, когда кошмар как будто закончился.

Дэн Сяопин, получивший свой третий шанс назначить спасительный для Китая курс, времени не терял. Старина Дэн яснее всех других товарищей по партии понимал, что внешняя изоляция его страны и бесконечные политические

кампании с точки зрения развития обходятся ей очень дорого. Он готовил эксперимент ради продвижения вперёд. Во-первых, он собирался вернуться к материальному стимулированию увеличения производительности в аграрном секторе хозяйства в соответствии с мерами, предлагавшимися им и Лю Шаоци в начале 1960 года перед тем, как председатель Мао распорядился отправить товарища Дэна на перевоспитание, а с товарищем Лю — просто расправиться. В качестве возможных моделей для Китая он выбрал либеральные социалистические системы хозяйствования Венгрии и Югославии. Потом по мере укрепления его положения в руководстве страны товарищ Дэн занялся разработкой более радикальных реформ. Пребывая в ссылке на юге КНР, Дэн Сяопин в 1976 году подметил поведение руководителей фабрик и трудовых коллективов, пытавшихся ввозить из-за рубежа технологии через Гонконг или обменивать сверхплановую продукцию на нужные им материалы или оборудование. В 1978 году он начал интересоваться: а нуждается ли теперь весь Китай в такой реформе и открытости внешнему миру? Он наставлял товарищей по партии в том ключе, что вместо поношения как контрабандистов и предателей тех, кто стремился к ускоренному развитию и испытанию политической теории на практических результатах, их следует считать героями «четырёх модернизаций», в которых нуждался Китай. К 1981 году, когда преемника Мао Цзэдуна председателя Хуа Гофэна сместили со всех постов в партии и правительстве, а военные безусловно поддержали политику роста, Дэн Сяопин располагал всеми условиями двигаться дальше. Он объявил, что в аграрной, промышленной, технической и военной областях Китай всё ещё оставался отсталой страной, а товарищам по партии следует забыть об ошибках Мао Цзэдуна и сосредоточить усилия на «модернизации с опорой на экономическом строительстве». По ходу этого дела «какая-то часть народа за счёт упорного труда может разбогатеть первой»³. Это не страшно, если китайская экономика начнёт расти.

Вернувшись на передний край китайской политики, Дэн Сяопин не стал скрывать, что ориентиром с точки зрения технических потребностей КНР будут служить США. Находясь в опале второй раз за свою жизнь, «ревизионист Сяопин» посвятил много времени размышлениям по поводу значения перемен, происходивших в науке и технике в 1970-х годах. В своей беседе в 1977 году с китайской писательницей Хань Суинь, чей отец был хакка, а мать — бельгийкой, он делился своими тревогами в связи с отставанием Китая от остального мира.

«В 1960-х годах пропасть между научным и техническим уровнем Китая и остальным миром выглядела не очень широкой. Однако в конце 1960-х и начале 1970-х годов... жизненный уровень остального мира мощно пошел вверх. Во всех областях науки наблюдалось стремительное развитие. За один год достигались успехи, достойные работы нескольких лет; можно даже сказать, что усовершенствования, на которые раньше уходили годы, совершались за один день. Я как-то говорил в 1975 году, что в науке Китай на 50 лет отстал от Японии. В своё время я хотел уделять научным исследованиям побольше внимания, а в конечном счёте ничего не смог сделать, так как меня самого поместили под домашний арест. Если мы не возьмём за отправную точку последние научные достижения, боюсь, надеяться в Китае будет не на что»⁵.

Дэн Сяопин считал так, что ослабление напряженности в отношениях с Соединёнными Штатами Америки должно служить делу китайского экономического развития. Во время поездки по американским городам в 1979 году этого китайского деятеля привели в замешательство увиденные собственными глазами техническое оснащение предприятий, их высокая отдача и богатство потребительского выбора. После возвращения домой он признался свои коллегам по правительству, что несколько ночей не сомкнул глаз, так как его мучили думы о путях достижения Китаем такого же изобилия. Старина Дэн прекрасно понимал только одно: сотруд-

ничество с США на международной арене открывало гигантские возможности для заимствования американской технологии китайцами, причём как военной, так и гражданской. Америка считалась ведущей мировой державой, противиться ей было себе дороже, и пусть тайваньский вопрос оставался пока открытым. Товарищ Дэн часто говорил, что когда-то наступит время и для Китая занять более выдающееся положение в международных отношениях. Но до этого времени пока далеко, ведь Китай оставался слабым и нуждался в стремительном экономическом росте.

К 1979 году, когда Дэн Сяопин посетил США, отношения между двумя странами постепенно принимали внешний вид союза. В том же году состоялось восстановление дипломатических отношений, и в Вашингтоне порвали официальные отношения со своим бывшими клиентами на Тайване, где теперь после смерти в 1975 году своего отца Чан Кайши правил президент Цзян Цзинго. Но гораздо важнее дипломатии считалось укрепление китайско-американского экономического и военного сотрудничества, ориентированного против СССР и его союзников. «Куда бы Советский Союз ни совал свои пальцы, мы должны их ему обрубать», — сообщил товарищ Дэн президенту Джимми Картеру во время его визита в Пекин. Старина Дэн поделился с приятелем Джимми своей уверенностью в том, что война с Москвой неизбежна, но существует надежда её отложить на максимально отдалённый срок. Дэн считал, что предзнаменованиями будущих событий служат вьетнамская оккупация Камбоджи 1978 года и советское вторжение на территорию Афганистана в 1979 году. Короткая война Дэн Сяопина с Вьетнамом, когда Пекин попытался наказать Ханой за отстранение от власти Пол Пота в Камбодже, закончилась позорным поражением НОАК. Китайцам пришлось надеяться на американцев, от которых они ждали передачи того, что требовалось для модернизации военной машины Китая. Ветеран революции генерал Чжан Ай-

пин, подвергшийся жестоким истязаниям во время Великой культурной революции, которого Дэн Сяопин назначил заниматься модернизацией вооружённых сил, провёл переговоры с прибывшим в Пекин американским министром обороны Гарольдом Брауном. Генерал Чжан сказал: «Мы рады, что вы изъявили желание помочь нам в развитии военного потенциала нашей страны. С вашей помощью мы будем развиваться быстрее... Мы собираемся совершенствовать наше вооружение не только ради Китая, но к тому же в интересах всего мира и, вполне возможно, США». Сам Дэн Сяопин так объяснил это дело представителям администрации Дж. Картера: «Надеюсь, все присутствующие здесь сделают всё, что в ваших силах, в соответствующих сферах. Понятно, что у вас не осталось изделий 1950-х годов выпуска. А у нас сохранилось много объектов того периода постройки. Хотелось бы получить от вас технику 1970-х, а не 1960-х годов. Мы рассчитываем на то, что вы предоставите нам изделия производства конца, а не начала 1970-х годов. Надеюсь, вы меня поняли?»⁶

Китайская стратегия состояла в том, чтобы получить от американцев как можно больше, говоря им то, что в Пекине считали, будто в Вашингтоне хотели от них услышать. То есть то, что Советский Союз представлял угрозу миру во всём мире и что только сильный Китай мог бы послужить преградой советским поползновениям в Азии. Во время правления администрации Рональда Рейгана, с 1981 года отличавшейся отказом от уступок и компромиссов, такого рода китайскую услугу в Вашингтоне ценили ещё выше, чем при Джимми Картере, хотя с самого начала Р. Рейгана тревожило предательство американцами давних американских друзей на Тайване. На протяжении всех 1980-х годов американцы обращались с китайцами как с настоящими союзниками, делились с ними разведывательной информацией и предоставляли им необходимую технологию, которая подчас не доставалась другим странам, лояльным США. Р. Рейган ставил перед собой задачу превращения КНР в настоящую

угрозу Советскому Союзу и тем самым сковывал манёвр руководства в Москве и сокращал их потенциал вмешательства в дела других государств. Приятель Р. Рейгана кинопродюсер Дуглас Морроу прокатился по Китаю в 1981 году и рассказал президенту США, что руководство КНР в Пекине «буквально заиклено на Тайване» и что любое сосредоточение внимания на позиции Тайбэя может фактически означать прекращение сотрудничества администрации США с Дэн Сяопином и другими китайским деятелями. Д. Морроу обратил внимание американского президента на важность такого сотрудничества: «Я совершенно не понимаю, чего они добиваются. Думаю, они сами этого не знают. Но они чего-то там замышляют... На нынешней стадии хотелось бы посоветовать полегче относиться к тому, что нам приходится иметь дело с коммунистическим государством. Существуют основания предполагать, что они могут развиваться в некий невиданный до сих пор гибрид... Я так думаю, что они готовы склониться, выгнуться и приспособиться подо всё, что им покажется полезным для их прогресса. И в конечном счёте у них получится система-мутант, не известная до сих пор ни им самим, ни всему нашему миру»⁷.

В первый год у власти администрации Р. Рейгана американцы уже предлагали китайцам так называемое «стратегическое содружество» с США. Фактически предлагался союз. Р. Рейган к тому же объявил о своём намерении продавать напрямую Пекину сложное современное вооружение. По мере обострения холодной войны, наблюдавшегося в 1980-х годах, происходило расширение китайско-американского сотрудничества в области обеспечения безопасности. Американские операции по борьбе с коммунистами в Афганистане, Анголе и Камбодже подробно согласовывались с китайцами, и обмен разведывательными сведениями при этом заметно активизировался.

Китай так и не стал крупным импортёром американского вооружения, необходимости в котором для обогащения военно-технического мастерства инженеров Китая не воз-

никло. Пекину требовался разве что доступ к американской технологии военного назначения, и в 1980-х годах китайцы получили их сполна, в том числе для авиационной и ракетной промышленности. После этого китайцы занялись изготовлением своих собственных образцов вооружения. Дэн Сяопин планировал за двадцать лет превратить Китай в одну из передовых военных держав мира. Таким образом, подсчитал он, можно будет предотвратить нападение Советского Союза или разгромить его армию, если только повезёт и с помощью США.

Раздражителем в китайско-американских отношениях 1980-х годов оставался тайваньский вопрос, но уже в августе 1982 года китайская сторона добилась в нём прорыва. Подталкиваемые обострением глобальной конфронтации с Советским Союзом, вашингтонские руководители согласились на обнародование совместного с КНР заявления по поводу продажи американского оружия Тайваню. Положениями этого заявления предусматривалось постепенное свёртывание американцами политики поставки оружия гоминьдановским властям: «Правительство Соединённых Штатов заявляет о том, что не собирается следовать долговременной политике продажи вооружения на Тайвань; что его продажа оружия Тайваню не должна превышать в количественном и качественном отношении уровень поставок последних лет с момента установления дипломатических отношений между Соединёнными Штатами и Китаем, а также что оно намеревается постепенно сокращать объём продажи вооружения Тайваню, чтобы со временем его полностью прекратить. После такого начала руководство Соединённых Штатов признаёт последовательную позицию китайской стороны относительно окончательного решения данного вопроса»⁸.

В то же самое время товарищ Дэн попытался начать переговоры по облегчению процедуры объединения через Тайваньский пролив на самых выгодных из всех предлагавшихся раньше Тайбэю условиях. Попытки старины Дэна провалились не в последнюю очередь из-за американских обещаний

тайваньцам. А оружейный компромисс, на стержневой смысл которого последующие американские президенты внимания не обращали, до сих пор омрачает китайско-американские отношения. Однако на протяжении 1980-х годов, когда произошло обострение холодной войны, а потом наступило её завершение, совместное коммюнике по Тайваню послужило основой для обеспечения некоторой стабильности в отношениях между Вашингтоном и Пекином.

Никто из китайских деятелей с самого начала не придавал особого значения тому, что может произойти, если китайско-американских союз на самом деле принесёт ослабление советской мощи или разгром самого Советского Союза. Причиной такого отсутствия стратегического мышления послужили не критическое отношение к маоистским догмам и пробелы у Дэн Сяопина во всеобъемлющем понимании международной обстановки. К 1983 году тем не менее в Пекине начали осознавать, что какая-никакая форма равновесия в холодной войне могла в конечном счёте обернуться выгодой для китайцев. К тому времени было уже поздно добиваться какого-либо прорыва в отношениях с Москвой, а в 1985 году с приходом к власти в Москве М.С. Горбачёва руководители Советского Союза, ослабленного в стратегическом отношении существованием китайско-американского альянса, приступили к поиску путей примирения со своим сильнейшим оппонентом в лице США. Став на сторону американцев, китайцы помогли нанести смертельные раны слабейшей сверхдержаве и одновременно посодействовали сильнейшей — США — в достижении глобальной гегемонии. По большому счёту такие преобразования шли во вред китайской внешней политике. Только вот с точки зрения 1980-х годов практически все контакты с Америкой несли Китаю выгоду.

В 1980 году автор книги впервые побывал в Шэньчжэне. Тогда этот район представлял собой обычное скопление мелких и совсем нищих гуандунских деревень рыболовов на бе-

регах реки Чжуцзян в дразнящей близости от Гонконга. В тот год Дэн Сяопин принял решение превратить эту область в витрину новой открытости Китая внешнему миру. В качестве специальной экономической зоны (СЭЗ) Шэньчжэню предназначалась роль города для привлечения иностранных инвестиций в строительство новых заводов, остававшихся в собственности и распоряжении иностранцев. Все излишки производства разрешалось свободно вывозить за рубеж, и компаниям назначались льготы, взимались налоги по ставкам концессионеров, бесплатно предоставлялась земля, разрешалось самостоятельно назначать свои собственные уровни окладов. Со своей стороны иностранные инвесторы пообещали передачу передовых технологий и подготовку специалистов необходимых категорий, а также перспективные графики капиталовложений. Практически все товары в СЭЗ изготавливались на экспорт. Шэньчжэнь, радикально отличавшийся от всего, что китайцы только могли себе представить несколько лет назад, обернулся предельно успешным предприятием. Сегодня он представляет собой город с населением четырнадцать с лишним миллионов жителей и занимает четвёртое в Китае место по размеру экономической отдачи. Каждый день из Гонконга в Шэньчжэнь на работу приезжают десятки тысяч человек.

В 1980-х годах в Китае зарегистрировались больше двадцати тысяч транснациональных компаний суммарной стоимостью двадцать шесть с лишним миллионов долларов США. Благодаря этим компаниям снова пошёл рост китайского народного хозяйства. Начался он внутри и вокруг СЭЗов, открытых по всей стране. И прежде всего неподалёку от мест, где в начале века находились иностранные концессии, а потом повсюду на юге и вдоль восточного побережья КНР. По мере восстановления права собственности возникали частные китайские компании, причём всё чаще в СЭЗах. В южные СЭЗы переводились даже кое-какие государственные предприятия. Наряду с отказом от коллективизации в сельском хозяйстве всё это представляло заметное

преобразование китайской экономики. Уже в 1983 году рост китайской экономики превысил 10%, а ВВП за десятилетие вырос практически в четыре раза. Своим критикам Дэн Сяопин сказал: «Не важно, какого цвета кошка, чёрная она или белая, главное, чтобы она ловила мышей». «Кошачья» теория старины Дэна относилась к иной области мышления, чем пустое марксистское теоретизирование 1970-х годов. Её символом стала контрреволюция в экономической науке и политическая ориентация, не похожая ни на что, существовавшее в мире до сих пор.

Отношения с Соединёнными Штатами в первоначальной рыночной революции коммунистического Китая стояли слева, справа и по центру. И даже пусть львиная доля капитала поступала через Гонконг, специалисты, методы и технологии всё равно оставались американскими. Именно американцы активнее представителей всех остальных стран настаивали на приёме КНР в международные организации. К тому же именно в США направлялась самая большая доля китайского экспорта, от которого зависело изначальное благополучие КНР. В 1980-х годах многих американцев тревожила конкуренция с японцами и европейцами, зато Китай беспокоил очень немногих из них. Подавляющее большинство населения США исходило из того, что над разгоном экономики КНР будет трудиться не одно поколение китайцев, и верило вместе со своим правительством в то, что укрепление Китая служит национальным интересам Соединённых Штатов. Точно так же, как Западная Европа, Япония и Тайвань использовали начало холодной войны в собственных интересах, китайцы тоже не упустили конец этой войны и в полной мере попользовались в корыстных целях американской политикой обеспечения своей безопасности.

Наблюдение за жизнью в СЭЗах, а также в развивающихся городах Китая в 1980-х годах представляло собой весьма любопытное занятие. Иностранные специалисты и предприниматели, чаще американцы, в общении с китайцами почти не понимали друг друга. Эти иностранцы совершенно не мог-

ли уразуметь те предельно скромные условия, в которых китайцы привыкли жить, а подавляющее большинство китайцев слишком стеснялись или боялись с этими иностранцами общаться. Капитализм на практике пришлось прикрывать марксистскими теоретическими выкладками. В игре словами китайцы пользовались преимуществом в том смысле, что уже привыкли использовать «правильные термины» для обозначения самых разных явлений реальной жизни. Цинизм, ставший главным наследием Китая позднего маоизма, славно послужил тем, кто смог приноровиться к новым условиям хозяйственной жизни. Самые циничные из китайцев, то есть, как правило, те, кто располагал полезными связями в коммунистической верхушке, разбогатели первыми. Для подавляющего большинства, однако, начало перемен в китайской экономике чего-то хорошего принесло мало. Им в своём подавляющем большинстве оставалось выживать на обломках маоистских кампаний. Но и они испытывали благодарность Дэн Сяопину за расширение по сравнению с тем, что было, возможностей держаться на плаву.

По мере увеличения в городах кое-каких форм частного капитала к тому же активнее прививался вкус к иностранным потребительским товарам. В Китай пошли инвестиции ряда американских компаний, среди которых можно назвать «Кока-колу», «Хайнц» и «Дженерал Фудс». Владелец других фирм содействовал незаурядному росту китайского экспорта в США, объём которого к 1990 году составлял почти 20% общего вывоза товаров из Китая за рубеж. Первая закусочная быстрого обслуживания на территории КНР открылась в 1987 году на оживлённой улице в центре Пекина под вывеской «Жареный цыплёнок по-кентуккски». Десятки тысяч человек медленно прогуливались мимо его витрины в надежде просто взглянуть, что там происходит внутри. Очень мало кто мог себе позволить поесть в этой закусочной, и в первые несколько недель пекинским властям, чтобы как-то поддержать минимальный оборот для поваров, пришлось раздавать высокопоставленным кадровым работникам «валютные сертификаты» (единственные

деньги, разрешённые для приёма иностранными предприятиями). «Жареный цыплёнок по-кентуккски» превратился в символ Запада в Китае, ненавидимый кем-то за его американскую бестактность, но вызывающий восхищение у большинства китайцев американской деловой хваткой. Возглавляемая тайваньскими американцами экспансия «Жареного цыплёнка по-кентуккски» в КНР проходила весьма энергично, и сегодня в КНР под этой торговой маркой насчитывается 2,5 тысячи предприятий.

Кое-кто из историков сегодня впадает в соблазн заняться преувеличением значения изменений, происходивших в Китае к концу 1980-х годов. С точки зрения экономики подавляющее большинство рабочих всё ещё были заняты на государственных компаниях, функционирующих в соответствии с принципами плановой экономики. После окончания школы молодых людей приписывали к производственным единицам, где им предстояло работать до конца жизни. Оклады им назначали мизерные, зато все услуги от жилья до охраны здоровья, от ухода за детьми до заботы о престарелых людях обеспечивались государственной производственной единицей, на которой они служили. Рынок труда отсутствовал как таковой. О рынке капитала речи вообще не шло. Банковские ссуды для простого народа оставались за пределами мечтаний. В Пекине по вечерам можно было пройти мимо «Жареного цыплёнка по-кентуккски» в направлении Запретного города и увидеть новые неоновые огни главной торговой улицы Ванфуцзин. Только там манил свет, а вокруг стояла непроглядная тьма. На крохотном пятачке земли в центре старой императорской столицы появлялся новый мир, но он пока никакой позитивной роли не играл, а только возбуждал нездоровую тягу к иному укладу жизни.

Как только в народном хозяйстве Китая произошли изменения, простой народ и кое-кто из деятелей внутри партии подняли шум ещё и о политических переменах. Эти споры

вокруг политической системы КНР в 1980-х годах возникли в обществе, не избавившемся ещё от травм массовых убийств предыдущих десятилетий, и в государстве, по-прежнему управлявшемся в соответствии со строгими марксистско-ленинскими принципами. Активнее всех требовали политической реформы студенты с интеллектуалами и кое-кто из представителей партийных кадров, имевших некоторое представление о том, как живут народы других стран. Однако старой гвардии КПК такие перемены были ни к чему. Их пугала перспектива возвращения политического хаоса Великой культурной революции. Они к тому же верили в то, что широкий процесс экономической реформы нуждается в их руководстве (хотя сложно сказать, как их к этому подготовила жизнь, проведённая в рядах марксистско-ленинской партии самого крайнего толка). Немалую их часть тревожила утрата привилегий, обеспеченных их полезными связями, в том числе привилегия на обретение огромного богатства их родственниками. К концу 1980-х годов ни о какой политической реформе речи не шло. Когда в 1987 году генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, лично назначенный на этот пост Дэн Сяопином, возвысил свой голос в поддержку расширенных дебатов, старина Дэн его разжаловал и поместил под домашний арест.

Многие предложения относительно политической реформы её сторонники позаимствовали за границей, и прежде всего в США. Китай открылся для Запада как раз в тот момент, когда там внедрялись умонастроения индивидуализма и примата прав личности, главными проводниками в массы народа которых считаются Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер. Такие тенденции оказали разлагающее влияние на китайских студентов за рубежом. Сила Соединённых Штатов, заявляли китайские либералы, заключается в политической системе этой страны, и особенно в том, как соблюдаются права её граждан. Если китайцы хотят жить в богатой и сильной стране, тогда к тому же требуется добиваться свободы. Кризис в Советском Союзе и Восточной Европе в

конце 1980-х годов внешне подтверждал такую точку зрения: марксизм во всех его формах ушёл в прошлое, и поэтому правление КПК себя изжило. Когда весной 1989 года умер опальный генеральный секретарь Ху Яобан, многие студенты посчитали так, что он стал жертвой борьбы за дело политического освобождения китайского народа. В городах начались массовые демонстрации. Студенты потребовали у руководства правящей партии достойно увековечить память о товарище Ху и принять меры для открытия политической системы западным веяниям. Дэн Сяопин опасался, что эти демонстрации перерастут в беспорядки, и заставил премьера Госсовета КНР Ли Пэна ввести военное положение в Пекине, а также остальных городах, где студенты принимали участие в массовых выступлениях. Однако попытки ввести войска в города аукнулись укреплением общественной поддержки студентов и спровоцировали массовое движение за демократию. В одном из своих важнейших воззваний Лю Сяобо (в 2010 году удостоенный Нобелевской премии мира) и его соавторы напомнили о призывах к демократии ещё 1910-х и 1920-х годов: «На протяжении нескольких тысяч лет китайское общество существовало в порочном круге, когда новый император сменял старого. История подтверждает непреложную истину того, что свержение не пользующегося популярностью в народе руководителя и приход к власти очень популярного вождя не может послужить решению насущных проблем китайской политики. Нам нужен отнюдь не безупречный избавитель, а безупречная демократическая система... Нашему обществу следует использовать все имеющиеся средства, чтобы учреждать законные и народные самостоятельные организации, а потом постепенно формировать народную политическую власть, способную уравнивать систему принятия решений правительством... так как суть демократии составляют сдержки и противовесы. Лучше пригласить десяток уравнивающих друг друга чертей, чем одного ангела, облечённого абсолютной властью»⁹.

Крутые меры, применённые 4 июня 1989 года, в результате которых на площади Тяньаньмэнь погибло несколько сотен демонстрантов, вызвали раскол в коммунистической партии и стали её позором перед лицом мирового сообщества. Расстрел войсками безоружных студентов в центре столицы всегда воспринимался за рубежом с большим возмущением, а пекинская бойня случилась как раз в момент, когда коммунизм повсюду двигался в сторону реформ или уходил в забвение. Демонстранты на площади Тяньаньмэнь соорудили из папье-маше тридцатитрёхметровую фигуру «богини демократии», очень похожую на статую Свободы к югу от Манхэттена в Нью-Йорке. Лицом её обратили к портрету председателя Мао. Эту «богиню демократии» раздавили танком. Военным эта фигура послужила символом заморского влияния. Во время прогулки по городу несколько дней спустя автор книги вышел к статуе полковника Сандерса, стоящей рядом со зданием пекинского «Жареного цыплёнка по-кентуккски». Китайские солдаты с ним «покончили» выстрелом в голову. Подавление несогласных на площади Тяньаньмэнь во многом сказало о том, какие отношения китайцы собираются строить с иностранцами, западными идеями и заморскими товарами.

Жестокое подавление властями протестовавших студентов одним махом разрушило внешнее представление в мире о Китае как о передовом государстве глобальных перемен. Представители практически всех выборных властей осудили применение китайцами силы, а многие из них, в том числе США и Европейский союз, объявили против КНР карательные санкции. Однако сотрудники новой администрации президента США Джорджа Буша, в своё время служившего американским представителем в Пекине и сменившего Р. Рейгана в январе 1989 года, всё равно постарались сохранить отношения с Дэн Сяопином в неприкосновенности. Не прошло и месяца после кровавой драмы на Тяньаньмэнь, а Дж. Буш отправил с секретной миссией в Пекин своего советника по национальной безопасности Брента Скоукрофта. Этот Скоукрофт пере-

дал китайцам, что «президент Буш признаёт ценность отношений между КНР и США и считает, что в них заключаются жизненно важные интересы обеих стран. Более того, он испытывает личное глубокое желание видеть продолжение и укрепление дружбы между китайским и американским народами. Его желание исходит из опыта работы в Китае и личной дружбы со многими китайскими деятелями. То, как правительство КНР решает обращаться с теми своими гражданами, которые приняли участие в недавних событиях на территории Китая, разумеется, остаётся внутренним делом самих китайцев. Как правительство США и американский народ видят эти действия, представляется точно так же делом внутренним. Обе стороны будут руководствоваться традициями, культурой и ценностями, присущими только им самим»¹⁰.

При Р. Рейгане всё было бы иначе. А у Дж. Буша нашлись свои причины. Он понимал, что американцы не могут продолжать нажим на Советский Союз без хотя бы молчаливого китайского согласия. Американцы дали понять в Пекине, какую важность КНР представляет для США в международных отношениях, ведь за неё сам президент готов рисковать, посылая сигналы китайским руководителям, настолько противоречащие мыслям и чувствам подавляющего большинства американцев.

После событий на площади Тяньаньмэнь те в КПК, кто выступал за политические реформы в КНР, оказались в оппозиции приверженцам существующей политической структуры Китая. Среди последних, то есть тех, кого устраивала сложившаяся мозаика ленинских идей и авторитарной практики, находились к тому же противники проводившихся товарищем Дэном и его сторонниками экономических и политических реформ (которые они называли контрреволюцией). Отправив без долгих размышлений в отставку партийного деятеля Чжао Цзяяна, поддерживавшего политическую реформу, старина Дэн после 1989 года взялся за своих критиков на левом политическом фланге. Во время поездки по

южным провинциям в 1992 году этот деятель ускорил поворот в направлении рыночной экономики и расширения взаимодействия с внешним миром.

«Нам следует смелее, чем раньше, проводить реформу и политику открытости внешнему миру, а также храбро браться за эксперимент. Мы не можем себе позволить медлительность женщины с перевязанными ступнями. Убедившись в необходимости что-то сделать, мы должны осмелиться на эксперимент и проторить новый путь. В этом состоит ценный опыт, полученный в Шэньчжэни... где позволяют условия, кое-какие сферы могут развиваться быстрее других; там, где развитие идёт быстрее, могут помогать прогрессу отстающих областей, пока те не достигнут процветания»¹¹.

Но товарищ Дэн к тому же предупреждал о пагубных последствиях нарастающего заморского влияния на Китай. Он приводил в пример крах Советского Союза в 1991 году. «Империалисты подталкивают к мирной эволюции в сторону капитализма в Китае и возлагают свои надежды на поколения, которые придут после нас. Враждебные силы осознают, что, пока наше старшее поколение ещё живо и пользуется авторитетом, никакие перемены невозможны. Но после того как мы умрём и уйдём, кто позаботится, чтобы никакой этой мирной эволюции не произошло?»¹² Дэн Сяопин предлагал укреплять диктатуру КПК силами нового поколения, одновременно гарантируя богатство и силу своей страны.

Бойня на Тяньаньмэнь на самом деле напугала всех без исключения внутренних раскольников на парочку десятков или около того лет вперёд. Однако без широкого открытия хозяйственной системы внешнему миру, случившегося в 1990-х годах, и благосостояния, принесённого этой мерой всевозможной знати в Китае, вряд ли можно было восстановить диктатуру так просто, как это удалось сделать представителям той же диктатуры. Последняя сделка дедушки Дэна, скончавшегося в 1997 году, со своим народом состояла в обещании лучшей жизни в обмен на партийное господство в политике. На местном уровне многие деятели КПК взялись всеми сила-

ми за вдохновляемый правительством демонтаж старой социалистической системы. В этом в известной мере проявилось их раскаяние в пережитых ими политических репрессиях наряду с гонениями на диссидентов после 1989 года. 1990-е годы так и не стали десятилетием политических перемен, на что кое-кто надеялся. Зато они стали десятилетием экономических и социальных перемен невиданного масштаба. К 2000 году народное хозяйство КНР вошло в состав мировой экономики настолько органично, что такого не было с 1920-х годов, а социалистическое государство дополнялось сетью частных и даже часто транснациональных предприятий.

После потрясений, пережитых из-за событий на площади Тяньаньмэнь, иностранные инвестиции в начале 1990-х годов вернулись в КНР невиданными в истории этой страны темпами и объёмами. Сочетание таких факторов, как наличие целеустремлённой и дешёвой рабочей силы, с одной стороны, и надежда иностранцев на весомую отдачу от собственного внутреннего развития Китая — с другой, привело к тому, что по объёму прямых иностранных инвестиций (ПИИ) КНР одним прыжком обогнала все остальные страны мира. За какой-то десяток лет Китай вышел на второе место после США по привлечению ПИИ, а ведь до 1980 года в коммунистический Китай никто из иностранцев даже не думал вкладывать свой капитал. До нынешнего дня изменения в системе хозяйствования Китая в большой степени определялись потребностями, создаваемыми иностранными инвесторами. Например, для обслуживания тех, кто хотел вкладывать капитал в КНР, пришлось создавать нормативную базу собственности. Та же самая база могла бы позже послужить собственным зарождающимся капиталистам Китая. То же самое касается нормативной базы функционирования фондовых бирж, страховых гарантий и технического контроля качества. Заявка о присоединении КНР к Всемирной торговой организации (ВТО), удовлетворённая в 2001 году (во многом благодаря доброй воле США), предназначалась для обслуживания экспортного потенциала Китая. Но одновременно представителям этой страны пришлось подписаться под жёсткими

нормами, касающимися государственных субсидий (или, скорее, запрета на госдотации), промышленных стандартов, защиты прав интеллектуальной собственности и, далеко не в последнюю очередь, открытия китайского рынка для заморских конкурентов. Внешние стимулы в Китае определяли внутренне-экономические перемены.

К 2000 году социалистическая система хозяйствования в КНР уступила первенство рыночной экономике, поощряемой партийной диктатурой, все ещё носящей имя коммунистической. Населению Китая было ясно, что живёт оно в новом обществе, в котором господствующая роль принадлежит рыночным силам (или ценам). Государственные предприятия распродавали, сокращали их производство или лишали права защиты от банкротства (ежегодно с 2000 года как минимум пять тысяч таких компаний объявлялись несостоятельными)¹³. Те компании, что оставались на плаву, регистрировались на бирже и передавались под управление по тем же регламентам, что существуют для всех остальных китайских компаний. Для простых людей такая реорганизация означала, что работодателя, выплачивающего им небольшие деньги, но зато заботящегося о них и их детях с момента назначения на фабрику до дня смерти, больше нет. Теперь такие работодатели ушли в прошлое. Никакого больше бесплатного медицинского обслуживания, никаких бесплатных детских садов, школ, жилья, оплачиваемых отпусков или домов престарелых не предусматривалось. Вместо этого народ должен робко выходить на рынок частного жилья, искать достойную работу и экономить деньги на обучение своих детей в колледже. Миллионам человек пришлось сниматься с насиженных мест в поисках работы. Капитализм в Китае, когда он, в конце концов, наступил в 1990-х годах, очень отличался от европейского и японского вариантов с их системами социальной защиты и правами на получение определённых сумм, зато во многом напоминал капитализм в США, отличающийся акцентом на мобильность, возможности и личную ответственность.

* * *

Однако не только китайскому населению пришлось в 1990 и 2000-х годах приноравливаться к новым условиям существования. Властям тоже пришлось учиться править по-новому. Отказавшимся от прямого владения экономикой, им пришлось создавать новые инструменты косвенного управления, практически позаимствованные оптом у Запада и базирующиеся на праве, нормативах, а также бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политике. Во многом всё это представляло собой возврат к политике Китая периода подготовки к очередной войне, только вот подавляющая часть населения при этом занималась промышленной экономикой. Кое-кто из критиков назвал такое положение вещей контрреволюцией, так как власти видели свою главную задачу в обслуживании экономического роста под диктовку рынка. К 2000-м годам руководители китайского коммунистического государства научилось заботиться об инфляции, процентных ставках, движении кредита и правах собственности, которые беспокоили руководство рейгановской Америки или тэтчеровской Британии в 1980-х годах. Капитализм правил бал, даже пусть деятели КПК не хотели этого признавать, и в Пекине примерялись к роли государства в передовой капиталистической экономике, но за вычетом выборной демократии. Капиталистическая революция в Китае последних двадцати лет подвела эту страну вплотную к внешнему миру, и особенно к США, с точки зрения целей, стоящих перед многими людьми, или того, как китайское государство функционирует по сравнению с тем, что было раньше, или, по меньшей мере, со времён монгольских династий XIII века.

Зачем китайские коммунисты всё это затеяли? В основании КПК лежала вера, отвергающая капитализм в Китае, в котором многие люди, а не только коммунисты видели, что этот капитализм не принёс китайскому народу ничего хорошего, кроме страданий, безудержной эксплуатации и унижения. Теперь же уход от маоизма к рынку потребовал коренной ломки не только идеологии, но к тому же и образа

мышления народа. Для критиков КПК внутри Китая и за его пределами ответ казался незатейливым: восхваляемая партийцами «гибкость» родилась у истоков истории искажения истины и обмана тех, кто в неё поверил. Партийные руководители кинулись в капитализм ради собственного обогащения и обогащения родственников, а также потому, что их планы на лучшее будущее, к которому они когда-то стремились, с треском провалились. В таких предположениях правду отыскать можно, но до полной истины этим критикам ещё очень далеко. Главная причина выбора в КПК рынка заключается в том, что с позиции начала 1990-х годов другого выхода у китайцев не просматривалось. Новизна тогда принадлежала капиталистам. СССР совсем неожиданно для китайцев рухнул, а с ним и социализм в странах Восточной Европы. США возглавили движение в сторону всеобщей капиталистической мировой экономики, и те, кто попытался из него выйти, оставались позади остальных. Бодрости руководителям Китая от Дэн Сяопина до Ху Цзиньтао прежде всего придавал риск отстать ото всех. Если на соревнование по модернизации легче выходить на старт в спортивных туфлях фирмы «Найк», китайские коммунисты готовы в них нарядиться (тем более что эту обувь они изготавливали в самом Китае).

Заметную роль в капиталистическом преображении Китая сыграло новое поколение вернувшихся из-за границы студентов. Даже притом, как мы видели, что большое число китайцев, получивших высшее образование за рубежом в так называемых нулевых годах XXI века, пожелало там же и остаться, но те, кто всё-таки вернулся на родину, уже обладали квалификацией и знаниями, чтобы начать внедрение новых методов работы сначала на частных предприятиях, а в дальнейшем — на государственной службе и даже в партийной деятельности. К концу тех же нулевых годов могло возникнуть впечатление того, что кадровые работники самой КПК научились многим управленческим приёмам иностранных предприятий. Поддающиеся количественному измере-

нию результаты работы молодого партийного руководства применялись ко всем руководящим кадрам. Один высокопоставленный кадровый работник КПК в разговоре с автором книги в 2009 году рассказал о своём обучении на партийных высших курсах и заявил, что его уровень знаний признал бы любой выпускник Гарварда или Лондонской школы экономики с дипломом магистра государственного управления или делового администрирования. В то же самое время академики с дипломами иностранных вузов занимаются преобразованием системы высшего образования самого Китая. Решающим фактором для внедрения результата исследования считается его отдача, и эта отдача должна отвечать международному стандарту. Профессора всё более серьёзно относятся к заботам студентов (ведь они платят покупателю). При столкновении интересов партийного контроля и академических амбиций часто последние одерживают верх над первыми.

До конца 1980-х годов выбор покупателя в Китае ничего не значил, зато теперь он значит очень много для подавляющего большинства китайцев, даже тех, кто живёт далеко от крупных городов. Такая озабоченность мнением покупателя очень напоминает настроения перед Второй мировой войной. Каким образом новизну, причём желательно международного свойства, можно воплотить в произведённом товаре? Сегодня молодые люди в Китае чуть ли не больше других в мире следят за модой и обращают внимание на торговую марку изделий. Наибольшим спросом у них пользуются товары иностранного производства, хотя изделия кое-каких китайских фирм уже почти не уступают этим товарам. Они часто слушают американскую музыку, разбавляя её щедрой дозой кантопопа (популярной музыки на кантонском диалекте). Одеваются и стригутся на западный манер, позаимствованный через Гонконг и Тайвань. Пробивают свой путь тревоги по поводу экологической чистоты и разумного использования природных ресурсов при покупке прочих товаров, но не ключевым проблемам, которые должны касаться китайского потребителя, таким как покуп-

ка автомобиля. В Китае, где в 2010 году образовался самый крупный в мире автомобильный рынок, остаётся правилом американская привычка покупать самый мощный мотор, который только можно себе позволить. Последствия такого отношения можно легко себе представить, ведь сегодня на территории Китая находится двадцать из тридцати самых грязных городов мира¹⁴.

Широкое потребление представляется одной лишь стороной капиталистической революции в Китае на низовом уровне. Вторая состоит в методах капиталовложений народа в новую экономику. Главная цель для многих граждан Китая сегодня заключается в покупке собственного дома или квартиры. Молодым супружеским парам в городах такая покупка возможна только через предельно напряжённый труд, так как стоимость недвижимости в КНР находится практически на европейском уровне, а зарплаты гораздо меньше. Хотя китайская норма сбережений всё ещё представляется весьма высокой, однако всё большая их доля, особенно в семьях, состоящих из нескольких поколений, уходит на погашение долгов. Тем временем многие китайцы занимаются прямыми инвестициями в рынок и иногда обнаруживают, что их инвестиции приносят им доход размером с их зарплату. Растёт число китайских инвесторов в недвижимость и активы. И пусть даже они вряд ли отличаются большей преданностью демократии или меньшим патриотизмом, чем остальные их сограждане, зато они буквально купились на нынешний способ развития Китая, во многом похожий на способ развития западных государств, Японии и Южной Кореи.

Единственная сфера, в которой Китай отличается от остальных стран Северо-Восточной Азии, в том числе Тайваня, с точки зрения развития, как ни парадоксально это прозвучит при всех претензиях его коммунистического правительства, касается равенства народа. Первые коммунисты мечтали о современном, сильном и справедливом в социальном смысле Китае. А товарищ Мао во время своих кампаний без конца муссировал эту тему. Однако сегодня КНР отличается самым

неоднородным обществом на планете с множеством социальных слоёв. Притом что больше трети китайского населения, то есть те, кто не нашёл себе места в индустриальной экономике, существуют на два с небольшим доллара в день, в этой стране насчитывается 128 миллиардеров и 500 тысяч миллионеров¹⁵. Её коэффициент Джини (показатель, характеризующий степень отклонения фактического распределения доходов от абсолютного равенства или абсолютного неравенства) выше, чем у любого другого государства в данном регионе, и совсем не намного ниже, чем у Бразилии, считающейся страной с самым вопиющим неравенством доходов населения на планете. Обеспечив растущие уровни неравенства, руководители КПК оправдываются общеизвестной истиной старины Дэна, который сказал, что сначала должны разбогатеть избранные граждане. В ряде областей КНР нарастает недовольство властями, а местные его провокаторы заявляют, будто их правящая партия стала инструментом эксплуатации Китая иностранцами. С точки зрения нацменьшинств на Тибете и в Синьцзяне, а также на юге страны та же партия попыталась потопить их национальное самосознание в крови во время Великой культурной революции. Теперь же она топит его в потребительских товарах и рыночных корректировках, когда повышенная мобильность трудовых ресурсов ведёт к наплыву китайцев в районы проживания нацменьшинств. Тем самым капитализму, победившему в Китае, бросается вызов.

На протяжении завершающих лет XX века Тайвань так и оставался главным раздражителем в китайско-американских отношениях и основной причиной тревоги китайцев на международной арене. В начале 1980-х годов Дэн Сяопин предпринял попытку договориться с новым президентом Тайваня Цзян Цзинго, получившим образование в СССР, когда его отец Чан Кайши правил в Китае. Только вот начатые им переговоры ни к чему не привели, так как гоминьдановские

деятели на Тайване верили в то, что они по-прежнему будут получать помощь США даже после разрыва Джимми Картером формальных отношений с тайбэйским режимом в 1979 году. Товарищу Дэну пришлось обыгрывать тему Тайваня с большой аккуратностью. Ведь модернизация Китая для него была гораздо более важным делом, чем присоединение Тайваня. Сам дедушка Дэн считал так, что это воссоединение всё равно должно случиться, когда для него наступит подходящее время, если в КНР удастся провести внутренние и внешние политические преобразования. Он к тому же прекрасно понимал, насколько сильными оставались настроения в Соединённых Штатах в поддержку Гоминьдана, особенно после того, как в 1981 году президентом США стал Рональд Рейган. И товарищ Дэн совсем не хотел спором по поводу Тайваня разрушить общие отношения с американцами. Раздражало его то, что отторжение Тайваня от континентального Китая как внутреннее дело китайцев американцы могли толковать свободно, как только им заблагорассудится. Он к тому хорошо знал, что новое поколение китайских деятелей, пытавшихся восстановить легитимность КПК после событий 1989 года, отличается значительно более обострённым патриотизмом, но не так разборчиво в политике, как он сам.

После прихода в 1975 году к власти Цзян Цзинго политическая жизнь на самом Тайване тоже подвергалась изменениям. Новый тайваньский президент был человеком относительно молодым, и его отличала склонность к размышлениям. Ведь ему пришлось жить при двух авторитарных режимах — И.В. Сталина и собственного отца. И оба этих строя не очень-то ему нравились. Поэтому он занялся либерализацией тайваньской политики. Несмотря на его грозное политическое происхождение, свои реформы Цзян Цзинго проводил медленно и скачкообразно. Его сдерживала оппозиция внутри его собственного Гоминьдана и страх перед восстанием тайваньцев против правления пришельцев с континента, оказавшихся на острове после поражения в гражданской войне, к которым принадлежал он сам. Но в 1986 году у Цзян Цзинго

обострилась болезнь сердца, и он ускорил процесс политических реформ. Он отменил военное положение и фактически разрешил деятельность оппозиционных партий. Он подобрал себе преемника из числа тайваньцев по имени Ли Дэньхуэй и назначил его своим вице-президентом. Именно этот Ли в качестве президента в 1990 году в ответ на массовые студенческие демонстрации составил график внедрения полнокровного народовластия на Тайване. В 1996 году Ли Дэньхуэй стал первым демократически избранным президентом Республики Китай на Тайване, и этот остров превратился в первую современную китайскую демократию, располагающую конституцией, в которой предусматривается право народа на свободу организации, слова и участия в политической жизни, а также выборным парламентом, задачей которого ставится обеспечение правления страной согласно проповедуемым властями истинам.

Для руководства КПК ситуация на Тайване изменилась только в худшую сторону. Законом об отношениях с Тайванем, принятым американским конгрессом в 1979 году, однозначно закреплялось влияние США на этом острове. Его официальное название звучало так: «Закон в помощь поддержания мира, спокойствия и стабильности, а также продвижения внешней политики Соединённых Штатов Америки через легализацию продолжения коммерческих, культурных и прочих отношений между народами США и Тайваня», в котором практически всё сказано. Демократические реформы Цзян Цзингю и Ли Дэньхуэя убедили кое-кого из руководителей КПК, в том числе Цзян Цзэминя, которому в 1989 году достался пост генерального секретаря ЦК, а в 1993 году — кресло председателя КНР, в том, что тайваньское руководство взяло курс на полную независимость от Китая. У Цзян Цзэминя появились все основания подозревать Ли Дэньхуэя в сепаратизме, так как тот родился на Тайване и превратился в убеждённого демократа. В Пекине видели в тайваньской демократии, отказе от заблуждения, будто гоминьдановское правительство на острове представляет весь Китай, и даже в

провозглашении Ли Дэнхуэем отказа его правительства от использования силы ради «возврата» континентальной части родины шаг по пути к полному размежеванию. В КПК предпочитали воевать с гоминьдановцами, которые на самом деле как враги представляли единый Китай, чем спорить с островитянами по поводу тайваньской самостоятельности.

Когда конгрессмены заставили президента Билла Клинтона в 1995 году пустить Ли Дэнхуэя на территорию США для выступления в Корнельском университете, который тот оканчивал, раздражение в Пекине валилось во враждебные действия. Впервые с 1958 года китайские ракеты полетели на ближайшие удерживаемые тайваньцами острова, а неподалёку начались учения с высадкой морского десанта на побережье КНР. В провинции Фуцзянь, расположенной через Тайваньский пролив, даже проводилась мобилизация резервистов для пополнения личного состава пехотных дивизий. На самом Тайване народ в ужасе ждал вторжения соединенный НОАК. Только вот тогдашнее бряцание оружием для Пекина закончилось полным провалом как с политической, так и стратегической точки зрения. Угрозы со стороны континентального Китая послужили только укреплению кандидатуры Ли Дэнхуэя на демократических выборах 1996 года, когда он одержал более убедительную победу, чем иначе мог бы рассчитывать. К тому же поступила жёсткая реакция со стороны США. Руководство клинтоновской администрации отправило в Тайваньский пролив две ударные авианосные группы с флагманскими авианосцами «Нимиц» и «Индепенденс». В тот раз американцы развернули в Восточной Азии самую крупную со времён вьетнамской войны группировку своих войск. Руководство КНР выступило с протестом по поводу американского «вмешательства», но ответить на ясное напоминание о том, что США всё ещё остаются главной державой в западной части Тихого океана и намерены отстаивать свои позиции по всем вопросам, в том числе тайваньскому, ему было нечем. Результатом для Пекина стало то, что военный фактор в проведении внешней политики

радикально ослаб. Ветераны партии, считавшие, что конфликт с США противоречит китайским интересам, подвергли Цзян Цзэминя критике за беспечность в международных отношениях. Избрав в 1996 году гоминьдановского президента с сепаратистскими настроениями, тайваньские граждане рассчитывали в 2000 году завершить процесс обретения независимости. И точно так же они избрали президента от другой партии, который откровенно выступал с позиций тайваньской самостоятельности. Чэнь Шуйбянь, чей президентский срок закончился в 2008 году, числится первым президентом Республики Китай, не принадлежавшим к Гоминьдану. Политическую платформу программы его Прогрессивной демократической партии (ПДП) составляет сепаратизм. Хотя господин Чэнь в период своего правления сепаратистские воззрения особенно не выпячивал, в Пекине всё равно переживали всё сильнее.

Сделав в 1990-х годах борьбу с любыми движениями в сторону «отделения» Тайваня от Китая основой пропагандируемого партией патриотизма, китайские коммунисты должны были разработать более тонкую стратегию реагирования на откровенный вызов Китаю, чем та, что провалилась с позором во времена правления умеренного Ли Дэньхуэя в 1996 году. На этот раз руководителей КНР спасло удачное сочетание невиданного экономического роста в их стране (в котором хозяева тайваньских компаний хотели бы принять участие, особенно после того, как хозяйственная статистика на самом Тайване начала отставать); коррупции, выявленной в администрации Чэнь Шуйбяня; а также потребности со стороны США в налаживании добрых отношений с КНР после того, как президент Джордж У. Буш объявил войну мировому терроризму. Акцентируя внимание на задачах обеспечения благополучия всем китайцам и утверждая тот факт, что надёжное экономическое развитие Тайваня в будущем можно найти только на пути сотрудничества с КНР, руководство в Пекине смогло добиться сокрушительного поражения ПДП на тайваньских выборах 2008 года.

Сегодня отношения между правительствами по обе стороны Тайваньского пролива можно назвать самыми тёплыми за все времена. КНР числится самым крупным торговым партнёром Тайваня, а тайваньские компании заняли достойное место среди активнейших инвесторов в континентальном Китае. Прошли те дни, когда все рейсы гражданской авиации между Тайбэем и городами КНР заканчивались в Гонконге. Теперь пассажиры могут летать напрямую с острова в Пекин за три часа или того меньше. Неудивительно, быть может, что народ Тайваня в 2009 году в подавляющем своём большинстве высказался в пользу сложившегося порядка вещей, отказавшись от всех остальных вариантов: 64% за нынешний статус-кво против 17% высказавшихся за независимость и 5% — за объединение¹⁷.

В 1990-х годах определилось направление китайско-американских отношений вплоть до наших дней. В обеих странах к власти пришло новое поколение политических деятелей. В Китае в 1989 году КПК возглавил шестидесятишестилетний Цзян Цзэминь, выучившийся на инженера в СССР, и эту должность он занимал на протяжении тринадцати лет. В США с 1993 по 2001 год главой государства служил Билл Клинтон, заботившийся в основном о правильности внутренней политики. Власти обеих стран формулировали новые приоритеты, в отличие от прошлого далёкие от идеологии, и сосредоточивали усилия на стремительном росте ориентированной на рынок экономики. Самое важное заключалось в окончании холодной войны с крахом в 1991 году Советского Союза. США и КНР больше не связывал союз, основанный на единстве взглядов в противостоянии крепнущей, экспансионистской великой державе. С уходом СССР политическая картина в Восточной Азии кардинально поменялась. Неожиданно главными полюсами влияния в регионе стали Китай и Соединённые Штаты Америки. США представляли собой доминирующую державу, располагаю-

щую союзами и несравненным военным потенциалом, зато авторитет Китая укреплялся в силу его невиданного экономического роста. Загадка для руководителей обеих стран состояла в том, приведут ли наметившиеся тенденции к их расколу или объединению. Либеральные интеллектуалы питали надежду на объединение через растущую экономическую взаимозависимость. Реалисты ждали раскола из-за обострения соперничества, присущего великим державам.

Обе стороны разве что не ожидали широких пагубных последствий подавления мятежа на площади Тяньаньмэнь, да и готовы к ним не были. Особенно острая реакция на эти события проявилась в самих Соединённых Штатах. Притом что до репрессий на Тяньаньмэнь больше двух третей американцев воспринимали Китай одобрительно, меньше трети сохранило такое отношение в 1990 году¹⁸. В то время в США сложилось очень мощное влияние затянувшихся изменений воззрений среди либеральных и неоконсервативных высших слоёв общества, причём это влияние на выработку политического курса сохранилось до сегодняшнего дня. Большинство обеих палат конгресса без права наложения вето было принято решение ввести в отношении Китая карательные санкции, часть которых действует до сих пор и осложняет отношения между этими двумя странами. И такая реакция Вашингтона на использование солдат против народа в Пекине не стала чем-то единственным в своём роде. Власти пятидесяти семи других стран, в том числе Европейского союза и Японии, тоже объявили о санкциях, и практически во всех случаях в соответствии с общественным мнением населения этих стран. Главная проблема для многих заключалась не просто в том, что случилось в Китае в 1989 году, а сам момент события. За считанные годы после окончания холодной войны практически во всём мире от Восточной Европы и России до Южной Африки и Америки вроде бы отказывались от авторитаризма и внедряли так называемую демократию прямого участия. Только министры китайского правительства распорядились пострелять своих демократов

и тем самым удержали власть. В результате на Западе возникло представление о Пекине как о столице страны-изгоя, и от такого воззрения было трудно избавиться вразрез со всеми экономическими успехами КНР.

Внутри самого Китая новое поколение знати, подросток в 1990-х годах, отличалось крайней озабоченностью по поводу отношения в мире к их стране. Даром что подавляющее их большинство возмущалось действиями правительства в 1989 году, но всё равно они безмерно гордились хозяйственным прогрессом Китая и, как ни странно, купились кое на какие уловки политической пропаганды по поводу санкций, введённых по американскому замыслу сдерживания КНР. По мере нарастания на протяжении 1990-х годов патриотических чувств на официальном и бытовом уровне многие молодые люди почувствовали, что при всём их собственном недоверии к своему правительству иностранцы осуждают его совсем уж несправедливо. Политика Цзян Цзэминя подавляющему большинству китайцев могла показаться какой-то совсем не вдохновляющей на подвиги, зато он как руководитель страны обеспечивал стабильность, рост и всё больше свободы народу в его повседневной жизни. Хотя 1989 год ему никто так и не простил, но Цзян Цзэминь и КПК заслужили признание своего народа за создание условий для невиданного благополучия населения и проявление либерализма в сфере распространения информации и обсуждения насущных проблем, которого никогда раньше никакие коммунисты себе не позволяли.

Отношения между Цзян Цзэмином и Биллом Клинтоном начинались совсем не гладко. Китайцы опасались, причём вполне справедливо, что заикленность нового американского президента на западных правах человека скажется на торговой доступности рынков США для Китая. И ушло почти три года первого президентского срока Б. Клинтона на то, чтобы отвязать эти две темы друг от друга. В тогдашней администрации США к тому же подозревали, тоже не без оснований, Китай в снабжении других стран необходимыми ком-

понентами для их программ создания химического и ядерного оружия. Торговля оружием для Китая считалась подтверждением истинного суверенитета, а также источником дохода, особенно постольку, поскольку США торговали оружием по всему миру (и снабжали им Тайвань), а также навязали эмбарго на поставку оружия Пекину после 1989 года. С учётом тайваньского кризиса 1995—1996 годов напряжённость в этих сферах парализовала прогресс в двусторонних отношениях и подпитывала китайский широкий патриотизм. В 1996 году исключительной популярностью в Китае пользовался трафаретный антиамериканский обличительный труд под заголовком «Китай может сказать «нет» с подзаголовком — «Политический и эмоциональный выбор, стоящий перед нами в период после окончания холодной войны»¹⁹.

Многие китайцы, в том числе сам Цзян Цзэминь, подозревали, что эмбарго на поставку оружия и шумиха по поводу передачи передовой американской технологии Китаю касаются больше окончания холодной войны, чем западных прав человека. С исчезновением Советского Союза кое-кто из американцев видел в Китае своего главного будущего соперника. И такие воззрения скоро обнаружили и оценили в Пекине. Особенно актуальными они казались после демонстрации подавляющего военного превосходства США во время первой войны в Персидском заливе. «[Теперь] китайцы должны уделять пристальное внимание тем странам, которые противостоят американским интересам, — написал один китайский обозреватель. — Китайцам следует делать всё в их силах и помогать таким странам, а также избавлять их от разгрома Соединёнными Штатами, что случилось с советским восточноевропейским блоком». Пока новое поколение китайских деятелей печалилось по поводу однополярного мира, многие американцы поколения Билла Клинтона верили в то, что, невзирая на события на площади Тяньаньмэнь, Китай должен смириться с международной системой под эгидой США, постепенно становясь всё более открытым для внешнего мира и демократическим для своего населения

государством. Б. Клинтон постоянно повторял, что всё это просто-напросто отвечает интересам самого Китая. Этот американский президент одержал не одну победу. Во время запомнившейся всем пресс-конференции, когда Б. Клинтон находился с визитом в Китае в 1998 году, Цзян Цзэминь попытался объяснить события 1989 года скорее с точки зрения целесообразности, чем принципа. «Сегодня китайское правительство всецело отдаёт себя пропаганде и защите прав человека, а также основных свобод, — сообщил товарищ Цзян Б. Клинтону и международному журналистскому корпусу. — Что же касается политических волнений в 1989 году, скажу так: если бы китайское правительство не приняло решительных мер, тогда нам не пришлось пользоваться стабильностью, которой пользуемся сегодня»²⁰.

К началу 2000-х годов отношения Китая с Соединёнными Штатами Америки отличались противоречивостью. С одной стороны, две эти страны росли ещё более сходным образом, а различия между ними становились ещё более существенными, чем были раньше. С другой стороны, на подъёме находился китайский патриотизм, в первую очередь выступавший противовесом американской политике; а тем временем у американцев развивалась озабоченность по поводу природы политической системы КНР. В отсутствие Советского Союза китайские деятели ощущали, что подозрительное отношение Запада ко всем формам коммунистического правления автоматически переносится на них, несмотря на всё, что они сделали для вхождения в международную систему хозяйствования, скроенную по западным лекалам. Для американцев нарушения руководством КПК западных прав человека и его политика в Тибете перевешивали многое из эпохального преобразования, происходившего в китайском народном хозяйстве. Внутри Китая одностороннее увлечение американской техникой, стилем одежды, музыкой и системой обучения по-прежнему затмевало все импульсы, поступающие откуда-то

ещё. Однако на международной арене эти два государства представлялись народам друг друга соперниками.

Символами всех этих противоречий послужили три события начала нового века. В мае 1999 года во время войны против Сербии лётчики американских бомбардировщиков сбросили пять 900-килограммовых управляемых авиабомб с высокоточной системой наведения на китайское посольство в Белграде. В результате погибли три китайца, а двадцать один получил увечья. В апреле 2001 года американский разведывательный самолёт столкнулся с китайским истребителем, отправленным на перехват в 70-мильной зоне у побережья КНР. Китайский лётчик погиб, а экипаж американского самолёта продержали на авиабазе на острове Хайнань без малого две недели и только потомпустили. Но пока возникали такие проявления конфронтации, китайцы к тому же спокойно вели переговоры с властями США и мировым сообществом о вступлении во Всемирную торговую организацию (ВТО). В результате беспрецедентное соглашение дало Китаю участие в ВТО с ноября 2001 года при полной поддержке США его заявки. Недоверие внешне разводило два правительства в разные стороны, однако экономические интересы явно сводили их вместе.

Американская бомбардировка китайского посольства в Белграде послужила причиной одного из самых серьёзных с момента подавления протестов на площади Тяньаньмэнь дипломатических столкновений между Китаем и Соединёнными Штатами. При полном отсутствии каких-либо доказательств многие китайцы верили, что тогдашний авиационный налёт был заранее спланированным, а не результатом сбоя в радиосвязи и использования устаревшей карты, как оправдывались представители американских ВВС. Китайцы осудили свержение войсками США и НАТО правительства сербского диктатора Слободана Милошевича, охарактеризовав их действия как «грубое нарушение устава Организации Объединённых Наций». Целью этой бомбардировки, как считает кое-кто из китайских патриотов, в США ставили

предупреждение Пекину отказаться от противодействия американскому мировому господству. После бомбёжки китайского посольства в основных городах КНР прошли гневные, иногда сопровождавшиеся насилием демонстрации, кое-где поощряемые властями. В Чэнду дотла спалили резиденцию генерального консула США. Председатель КНР Цзян Цзэминь подлил масла в огонь, когда сказал, что эти массовые выступления возникли из «большого патриотического чувства, а также из сплочения китайской нации и мощного желания масс сохранить мир во всём мире и дать отпор гегемону. Великую Китайскую Народную Республику не запугать». На страницах главной официальной газеты «Жэньминь жибао» писали, что НАТО «превратился в наследника порочных черт западной культуры», и появилась передовая статья под заголовком с намёком на восстание ихэтуаней «Это вам Китай не 1899 года»²¹. По результатам опроса студентов вузов Пекина оказалось так, что больше 70% из них считало американскую бомбардировку злонамеренным актом, а во время демонстрации они несли несколько лозунгов с критикой председателя Цзяна за проявление мягкотелости во внешней политике. В стихотворении такого рода, опубликованном в пекинской газете, весьма точно схвачены патриотические настроения тех дней:

В тряпках от Пьера Кардена и с лейблом «Найк»
За рулём «кадиллаков» и «линкольнов»
За столиками закусочных «Жареного цыплёнка»
и «Макдоналдса»
Отдаём ли мы себе ясный отчёт?
Нет!!!
Можно ли всё ещё стяжать славу через заморские товары?
Нет!!!²²

Работники службы по изучению общественного мнения иностранных компаний в Китае сразу после американского авианалёта сообщали о совершенно определённом падении спроса на западные товары. И всё это продолжалось одну только неделю. Столкновение в воздухе американского само-

лёт радиоразведки и китайского реактивного истребителя два года спустя получило среди части китайцев точно такое же толкование, как и белградская бомбёжка. Когда представители новой американской администрации Джорджа У. Буша пытались утверждать, будто их самолёт выполнял обычное задание за пределами китайских территориальных вод, автор заметки в «Жэньминь жибао» осадил их в том плане, что приходится «серьёзно предупреждать американскую сторону о том, что им не следует оправдывать свой высокомерный поступок собственной гегемонистской логикой». Для подавляющего большинства китайцев речь шла об объективности. Китайцы не проводили разведывательных полётов вдоль американских берегов, и отрицание Дж. Бушем правонарушения служило доказательством того, что что-то не так в международных отношениях: Соединённым Штатам Америки позволялось вытворять всё, что заблагорассудится их властям, а народы всех остальных стран должны были вести себя по установленным американцами правилам. Китайские сотрудники разведывательной службы тем не менее тайком радовались. Югославы предоставили им доступ к обломкам сбитого во время войны с НАТО американского истребителя-невидимки, и у них было в распоряжении несколько месяцев на демонтаж и изучение разведывательного самолёта, совершившего вынужденную посадку на острове Хайнань²³.

И пусть авианалёт на посольство и инцидент с разведывательным самолётом указывают на обострение противоречий между Пекином и Вашингтоном, ноябрьский 2001 года приём КНР в ВТО при содействии США можно назвать свидетельством совсем иного будущего у этих двух стран. Уступки, на которые китайскому правительству пришлось пойти для достижения своей широко распропагандированной цели вступления во все торговые организации мира, представляются гораздо более потрясающими, чем могли себе придумать специалисты в сфере патриотической агитации. От китайцев требовалось открыть свои внутренние рынки для зарубежного импорта и иностранного капитала

во всех сферах товаров и услуг. Тем самым теперь иностранные фирмы получали доступ в китайские секторы финансовых, юридических услуг, услуг электрической связи и движения товаров. Приходилось кончать с привилегированным отношением к своим государственным предприятиям. Наступило время отказаться от квотирования на практически все сельскохозяйственные товары и прекращать экспортные дотации на любые из них. Возникла потребность во внедрении понятного механизма финансового регулирования и законов, соответствующих международным стандартам. Изменения в соответствии с договором о вступлении Китая в ВТО требовали идти дальше, чем в других странах, из-за сложностей, возникших потому, что китайцы добились отношения к КНР как к развивающейся стране. Один из участников переговоров по ВТО, представлявший Южную Азию, рассказал автору книги о том, что вид сияющего горизонта нового шанхайского финансового района Пудун, открывавшийся из окна зала для заседаний, мешал попыткам убедить его в статусе Китая как «развивающегося государства». Полный протокол состоял из тысяч строк тарифов и особых соглашений, а свели его вместе после переговоров между представителями КНР и каждого из 142 участников ВТО. В ходе переговоров с представителями Гаити о пиве и Фиджи о сахаре китайские дипломаты узнали, как строятся международные отношения за пределами консультаций великих держав. На таких переговорах они и учились. Даже притом, что по их исходе единства среди китайских руководителей не наблюдалось, практически все они согласились, что вступление в ВТО позволит им сделать то, что они собирались делать в любом случае: отменить перечисления в пользу убыточного сельского хозяйства и промышленности, а также сократить тарифы на ввозимые из-за рубежа товары. Как и в остальных странах мира, китайским деятелям было легче винить иностранцев с их требованиями провести такого рода непопулярные решения в жизнь, чем брать всю ответственность на себя.

С началом нового столетия китайцы и американцы всё ещё смотрели друг на друга с большой настороженностью. Многих китайцев, в том числе кое-кого из живших за границей, немало удивило то влияние инициативных групп по проблемам западных прав человека или Тибету, которое они оказывали на американскую политическую систему и на саму американскую публику. Подавляющее большинство американцев видело в Китае при его нынешнем правительстве будущую угрозу США, так как в этой стране отсутствовала западная демократия и применялись репрессии. Кое-кого из американцев начинало беспокоить то, что китайское народное хозяйство растёт в два с лишним раза быстрее американской экономики, хотя все переживали годы подъёма 1990-х. Они оказались неспособными осознать значение фундаментальных перемен, происходивших после того, как китайцы приняли решение присоединиться к построенной США мировой системе хозяйствования. В 2001 году, когда Джорджа У. Буша поставили президентом США, а Ху Цзиньтао готовился сменить у кормила власти Цзян Цзэминя (первая за все времена мирная передача власти в КНР), возникло ощущение того, что китайско-американские отношения достигли водораздела. С одной стороны этого водораздела грозили неудержимые стремнины, а с другой — медленные потоки в надёжных руслах. Но когда пришло время выбирать курс, подули совсем другие ветры перемен, чем кто-либо представлял в начале 2001 года.

Быть может, это не совсем верно, как заявляет кое-кто из историков, что вылазки террористов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне послужили причиной изменения всего и вся в международных отношениях. Однако они совершенно определённо послужили переменам в китайско-американских отношениях буквально вдруг. Джордж У. Буш устроил разнос своему противнику на выборах вице-президенту Альберту Гору за соучастие в том, что Буш назвал

«сюсюканьем администрации Б. Клинтона с китайскими коммунистами». Только вот коммунистические вельможи в Пекине привыкли к таким высказываниям, звучавшим в ходе американской избирательной кампании со стороны всех тех, кто рвался к власти, и по большому счёту проигнорировали всё, что сказал Буш. Они просто напомнили приятелю Джорджу о его давних связях с Китаем с тех пор, как он приехал в Пекин с отцом Джорджем Г.У. Бушем, служившим президентом США до него, когда Буш-старший в 1974—1975 годах числился представителем США в китайской столице. Случай с американским самолётом-шпионом в скором времени вызвал настоящую тревогу у пекинского руководства. Но больше всего Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао угнетало упорное обращение нового президента к Китаю как к «стратегическому сопернику» и главной угрозе американскому спокойствию. Но вот наступило 11 сентября 2001 года. Администрация Дж. Буша принялась за ведение «войны с террором» на Ближнем Востоке и у себя в стране, которая не только отвлекла их внимание от Китая. Ко всему прочему власть КНР теперь выступила в роли партнёра США в очередной их кампании глобального размаха. Для китайского руководства наступил долгожданный переход от напряженности в отношениях с США к разрядке, а американцы больше не сосредоточивались на нарушении китайскими коммунистами западных прав человека. Уже 12 сентября товарищ Цзян позвонил Дж. Бушу по телефону и сообщил президенту США, что «Китай готов к укреплению диалога и сотрудничества с Соединёнными Штатами и мировым сообществом в совместных усилиях по пресечению террористического насилия любого рода»²⁴.

После 11 сентября китайцы одобрили американские налёты на базы террористов в Афганистане. Они смирились со свержением режима талибов, так как из Кабула оказывали поддержку Усаме бен Ладену. На самом деле в Пекине только обрадовались изгнанию талибов потому, что их подозревали в связях с исламистскими организациями в собственном Синьцзян-Уйгур-

ском автономном районе КНР. Затянувшаяся подготовка к войне США против Ирака послужила обострению напряженности китайско-американских отношений, но даже в случае с американским вторжением, не получившим поддержку со стороны Совета Безопасности ООН, китайцы увидели свой интерес в том, чтобы не выражать слишком сильного сопротивления. Как всё потом обернулось, китайцы могли на словах осуждать вторжение и оккупацию Ирака с безопасного расстояния, предоставив русским и собственным европейским союзникам американцев в лице немцев и французов возможность вызывать на себя гнев Вашингтона попытками блокирования военных действий. Новый председатель КНР, осторожный бюрократ Ху Цзиньтао, уклонялся от какого-либо риска, связанного с войной, которую он считал неизбежной, вне зависимости от согласия на неё Китая. Неудивительно в этой связи, что госсекретарь Дж. Буша генерал Колин Пауэлл в сентябре 2003 года охарактеризовал отношения США с КНР как «самые добрые с момента первого визита президента Р. Никсона»²⁵.

Руководители в Пекине использовали данный выход из-под пристального внимания энергичной и националистически настроенной новой американской администрации, чтобы дальше развивать своё народное хозяйство и наращивать военную мощь. Пока американцы вели свои войны в Афганистане и Ираке, китайский ВВП вырос почти в три раза. В 2010 году КНР по размеру экономической отдачи занял второе место после США, опередив все остальные страны, в том числе Японию и ФРГ. Китай в мире занимает первое место по экспорту и второе место по импорту товаров и в скором времени превратится в крупнейшего торгового партнёра Соединённых Штатов и Европейского союза. Он уже числится основным торговым партнёром многих ведущих стран от Японии и Австралии до Индии и Бразилии. Как и следовало ожидать, Китай теперь располагает гигантским активным сальдо торгового баланса, и китайские инвестиции начинают поступать за границу. Во время экономического кризиса 2008—2009 годов китайскими компаниями за рубежом приобретались произво-

дители автомобилей (шведская фирма «Вольво» и английский «Ровер», например), финансовые организации и фирмы по внедрению передовых технологий. Китайские учреждения считаются крупнейшими владельцами американских государственных ценных бумаг, и им принадлежит где-то 20% от общих выпущенных в обращение авуаров США²⁶.

Но далеко не всё в китайской экономике обстоит так уж благополучно. Как нам ещё предстоит прочитать в заключительной главе, экономические перспективы КНР выглядят совсем даже неопределённо, и её тесные связи с мировой системой хозяйствования обещают как новые возможности, так и опасные риски. Власти остальных стран, а главное Соединённых Штатов, жалуются на манипуляции с китайской валютой, на государственное вмешательство во внутреннюю экономику и требуют сокращения китайского активного сальдо торгового баланса. Внутри Китая многих жителей тревожат растущее неравенство, ужасающие условия труда в ряде отраслей и потребность в создании новых рабочих мест для миллионов человек, появляющихся ежегодно на рынке промышленного труда. По показателю ВВП на душу населения Китай среди всех стран мира до сих пор занимает 101-е место. Со своими 7,4 тысячи долларов на человека он стоит после Албании, Эквадора и Алжира. Показатель в США составляет 47,5 тысячи долларов на человека в год.

Модернизация вооружённых сил в Китае началась, как нам уже известно, с очень низкого уровня. Когда в 1980 году стартовал период военной реформы, в призывной армии КНР насчитывалось 4,5 миллиона человек, но её боеспособность, как показал опыт войны с Вьетнамом, находилась совсем не на высоте. Технический потенциал НОАК по сравнению с армиями других стран считался просто ужасным; организацию её механизированных дивизий отладить так и не получилось; система противовоздушной обороны оставалась небоеспособной; военно-воздушных и военно-морских сил для ведения современной войны почти не существовало. Китайцам потребовалось тридцать лет, чтобы наверстать упущен-

ное, но боевые возможности НОАК сегодня всё ещё далеко отстают от американских или даже японских вооружённых сил. Однако в настоящее время впервые с XV века китайцы располагают океанским флотом, оснащённым пятнадцатью подводными лодками (из них десятью ядерными) и семьюдесятью боевыми кораблями основных классов. В 2011 году в китайских ВВС прошёл испытание новый истребитель-невидимка, сходный по виду с американским самолётом F-117. В НОАК чрезвычайно гордятся таким достижением, хотя неприятность состоит в том, что испытание современного китайского истребителя проходило через два года после того, как в ВВС США начали списывать из боевого состава самолёты F-117, первый полёт которых состоялся в 1981 году. Если в КНР сохранится нынешний уровень капиталовложений в военную сферу, тогда шансов догнать Соединённые Штаты с точки зрения военной мощи в ближайшие тридцать лет у китайцев обнаруживается очень немного. В 2010 году военные расходы США оценивались как минимум в триллион долларов. Китайцы на те же цели израсходовали в десять раз меньше, и у них гораздо ниже стартовый уровень с точки зрения подготовки военнослужащих или состояния материальной части. Следовательно, китайскую военную мощь можно сравнивать только лишь с японской или британской и никак не с американской²⁷. Что должно произойти с отношением в КНР к своему военному развитию, будет прежде всего определяться событиями в собственном регионе этой страны, то есть в Восточной Азии, речь о которой пойдёт в следующей главе. Не вызывает сомнений только то, что сложные отношения Китая с Соединёнными Штатами в прошлом будут отбрасывать тень на отношение китайцев к своей национальной безопасности в будущем.

На протяжении всего завершающего периода XX столетия китайцы с большим интересом наблюдали за США. И совсем не потому, что Америка располагала господствующими

позициями практически по всем вопросам от медицины до музыки и военной мощи. Многих иностранцев, посещающих Китай впервые, поражают та важность, которую молодые китайцы, как бы там ни было, придают Соединённым Штатам Америки, и те противоречивые воззрения на мир, возникающие из-за таких умозрительных позиций США: мировое преобладание США отчётливо видно по всему миру, но народ в Берлине или Буэнос-Айресе обращает на это внимания меньше, чем народ в Пекине. Быть может, причина этого состоит в том, что китайцы думают, будто США занимают мировое положение, которое по праву должно принадлежать Китаю. Или в том, что многие молодые китайцы хотят стать больше похожими на американцев, какими они себе их представляют: современными, независимыми, целеустремлёнными и состоятельными, с достаточной долей цинизма (в стиле мыльной оперы)? Какой бы ни была причина нынешней одержимости Америкой в Китае, она возникла и сформировалась одной историей двух этих стран, причём не только дипломатическими и военными условиями, но условиями того, как народ думает и ведёт себя. Существует вероятность того, что в будущем Китай будет больше напоминать то, как США выглядят сейчас. Только вот политические отношения и восприятие двумя народами друг друга, скорее всего, останутся напряжёнными.

Глава 11

КИТАЙСКАЯ АЗИЯ

Самым знаменитым аспектом развития международных отношений Китая за последние тридцать лет можно назвать восстановление связей этой страны с остальными государствами Азии на новой платформе. Три десятилетия назад китайцы добровольно отстранились от дел континента, на котором они живут. Их связывали тесные отношения только с Северной Кореей, и даже в нищей столице северокорейского государства Пхеньяне дипломатам из Пекина приходилось бороться за влияние с коллегами из Москвы. Но дипломатической изоляции китайцам было мало, и они начали предъявлять территориальные притязания ко всем своим соседям, в том числе к КНДР. На севере вдоль закрытой границы на протяжении почти пяти тысяч километров по фронту стояли китайские и советские войска. На юге китайцы только что закончили войну с вьетнамцами, в которой потеряли как минимум 20 тысяч военнослужащих, поэтому народы остальных стран Юго-Восточной Азии по понятной причине смотрели на КНР с большой опаской. Индия, лежащая у юго-западной границы с Китаем, отличалась политической близостью к Советскому Союзу, и с 1962 года её власти считали руководство КНР твердолобым врагом. Создавалось такое впечатление, что азиаты исключили Китай из своего мира. Срединное царство больше считалось не центром мироздания, а периферией Азиатского континента.

Главная причина маргинальности Китая заключалась в капризности политики его собственных властей, а ещё одна ключевая причина относилась к экономической сфере. Пока

в остальных азиатских странах отмечались большие экономические достижения, в Китае наблюдался застой. Место пионера хозяйственного развития в регионе по праву занимала Япония с её выдающимися темпами роста ещё в начале XX столетия. А с 1950 по 1973 год рост японской экономики оценивался в среднем на 10% за год, такой же темп роста наблюдался на Тайване. ВВП Сингапура, Южной Кореи и Гонконга ежегодно увеличивался на 8%. В 1973 году ВВП на душу населения КНР оценивался примерно в 800 долларов США. В Японии этот показатель составлял 11,5 тысячи, в Гонконге — семь, в Сингапуре — шесть и на Тайване — 4 тысячи долларов США. Китай по состоянию народного хозяйства всё больше отставал от ведущих экономически развитых стран, и даже при этом практически все азиаты хотели бы увидеть КНР открытой для их экспортных товаров страной¹.

Теперь взглянем на сегодняшнюю ситуацию. С 1980 года в Китае отмечается захватывающий дух экономический рост, в среднем составляющий около 10% в год, и китайцы вернулись в комплексную азиатскую систему торговли, финансов и инвестиций. Более того, такой рост происходит в стране с населением 1,3 миллиарда человек, то есть в два раза больше населения стран остальной Восточной и Юго-Восточной Азии, вместе взятых. Путь, по которому шёл Китай на протяжении последних тридцати лет, ведёт прямо к его соседям; сначала к ближайшим, а дальше к соседям, расположенным в южной и западной частях Азиатского континента. Нет слов, китайских рост без всех этих связей не получился бы. Теперь Китай считается экономическим локомотивом, на который ориентируется вся Азия, и его политика по всем вопросам представляет решающую важность для всего региона.

Чтобы осознать взаимосвязи Китая с его соседями сегодня, следует оглянуться на ближайшие события их истории. В развитии этого региона за последние тридцать лет произошло изменений больше, чем на протяжении жизни всех предыдущих поколений, и этот процесс продолжается. В 1991 году

случился неожиданный крах Советского Союза. Отколовшаяся Россия на севере и прочие постсоветские республики, граничащие с Китаем на западе, никакой угрозы безопасности КНР не представляют, разве что вызывают беспокойство расплодившиеся на практически бесхозной территории террористы. На юге бывший союзник СССР в лице Вьетнама перешёл в крепнущее сообщество государств Юго-Восточной Азии — АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии). Япония на востоке превратилась в более самостоятельное с точки зрения проведения внешней политики государство, хотя она остаётся до сих пор младшим союзником США. Что же касается Кореи, то теперь Китай числится самым важным рынком экспортных товаров из Южной Кореи, а корейских инвестиций в КНР поступает больше, чем куда-либо ещё. Отношения всех стран региона с Китаем претерпели огромные изменения, но к тому же изменились отношения этих стран друг с другом. Центр мирового экономического развития переместился в Восточную Азию, поэтому в данном процессе сам этот регион и место Китая в нём находились в постоянном движении.

Самые разительные перемены в китайской внешней политике происходят на южном направлении. Последняя пограничная война велась Китаем с Вьетнамом, то есть страной, которую маоистский Китай поддерживал в борьбе за объединение против Франции и Соединённых Штатов Америки. Эта война 1979 года оставила глубокие шрамы в памяти китайцев. Для подавляющего большинства китайцев в ходе той войны проявились одновременно неблагоприятность вьетнамцев, вероломство советских властей и военная слабость КНР. Автор книги посетил приграничные области через небольшой промежуток времени после завершения войны, и потрясение от неё можно было наблюдать, что называется, невооружённым глазом. Для местного населения было совершенно ясно, что китайские власти потерпели

в этой войне поражение или, по меньшей мере, победы не одержали. Дэн Сяопин в Пекине должен был вспоминать о войнах во Вьетнаме двести лет назад и как неспособность императора Цяньлуна одержать победу отразилась на его наследии. Быть может, он посочувствовал американцам с их незавидной долей в войне с вьетнамцами. Реакция товарища Дэна, как мы уже узнали, состояла в том, что он прекратил войну, отстранил военных от политической жизни страны, а также занялся исправлением и наращиванием военного потенциала своей страны, с помощью которого, как он надеялся, можно будет предотвратить подобные катастрофы в будущем.

Короткая, но позорная китайско-вьетнамская война 1979 года стала возможной в силу китайской дипломатической несостоятельности. На протяжении конца 1960-х годов и всех 1970-х маоисты поддерживали радикальную камбоджийскую группировку красных кхмеров, особенно когда они пришли к власти в 1975 году и провозгласили государство маоистского типа. Когда вождь красных кхмеров Пол Пот организовал несколько нападений на вьетнамскую территорию, власти в Пекине встали на его сторону, так как их беспокоили всё более тесные отношения Ханоя с Москвой. На протяжении 1980-х годов китайцы и вьетнамцы вели в Камбодже войну чужими руками, а вьетнамские войска держали в Пномпене новое правительство этой страны. Китайцы поддерживали красных кхмеров, свергнутый режим которых печально прославился на века тем, что устроил единственный известный в мире геноцид собственного народа. Притом что Китай был единственной страной, оказывавшей прямую или косвенную помощь остаткам отрядов красных кхмеров, совершавших набеги из джунглей западной Камбоджи после того, как вьетнамские войска выкинули их из столицы в 1979 году, одни только китайские власти поддерживали тесные политические связи с группой Пол Пота. Канг Кек Леу по прозвищу Голландец, отданный под суд в 2009 году за пытки и убийство 14 тысяч заключённых тюрьмы Туол Сленг

во время правления красных кхмеров, в середине 1980-х годов провёл год в КНР. Пол Пот сам провёл два года там; он якобы находился на излечении. До и после 1979 года китайцы предоставили красным кхмерам значительное количество оружия и большие объёмы материальных средств. Вьетнамцы ушли из Камбоджи в 1989 году, когда холодная война близилась к завершению, но террор красных кхмеров прекратился только после их самоистребления в 1997 году, когда Пол Пот убил своего ближайшего помощника и то ли умер сам, то ли его самого убили. Тем временем в Камбодже началось медленное избавление от кошмара, который пришлось испытать народу этой страны.

Окончание холодной войны принесло глубокие изменения в китайско-вьетнамские отношения. Когда случился крах Советского Союза и вьетнамцы выиграли войну в Камбодже (хотя она им досталась большой ценой), в Ханое и Пекине попытались найти фундамент для временного примирения. К тому времени китайская экономика окрепла, и руководители вьетнамских коммунистов убедились в том, что в их стране нужна реформа собственного хозяйственного сектора. К началу 2000-х годов, во многом вдохновляемые китайским примером, в Ханое приступили к преобразованию через развитие на рыночных условиях своей хилой плановой экономики, которая в реальном выражении занимала второе место в Азии после народного хозяйства северного соседа. Но тревога по поводу китайских попыток навязать их стране свой контроль вьетнамских деятелей не отпускала, и они отказывались от китайских инвестиций, а также не пускали назад вьетнамских китайцев, бежавших за границу во время войны. Но даже при всём при этом Китай превратился в крупнейшего торгового партнёра Вьетнама, и к тому же стремительно растут все формы хозяйственного обмена.

Вопреки взаимовыгодным экономическим связям и приличным общим двусторонним отношениям некоторая напряжённость между КНР и СРВ, существовавшая на протяжении истории этих двух стран, не преодолена до сих пор.

Особую тревогу в Ханое доставляют территориальные притязания Пекина в акватории Южно-Китайского моря. Дальше мы узнаем, что этот конфликт грозит сильно омрачить отношения китайцев практически со всеми их соседями на юге. Однако для вьетнамцев, не так давно отразивших агрессию НОАК, эти притязания представляют большую актуальность с точки зрения национальной безопасности, а также чреваты последствиями экономического свойства. Если власти Вьетнама примут китайскую позицию, даже пусть не полностью, тогда практически всё побережье их страны будут патрулировать корабли ВМС НОАК. К тому же, как считают многие в Ханое, они лишатся возможности по освоению богатых минеральных ресурсов морского дна и ловле рыбы в тёплых водах. Вступив в АСЕАН в 1995 году и кардинально оздоровив свои отношения с США, Австралией и Японией, вьетнамцы стараются вовлечь в решение данной проблемы как можно больше заинтересованных сторон и тем самым уравновесить растущее влияние Китая. Китайцев, со своей стороны, тревожит то, что вьетнамцы упорно отвергают их предложения дружбы и сотрудничества, а СРВ может превратиться в краеугольный камень политики Вашингтона по сдерживанию Пекина.

Китайцы прошли большой путь в нормализации своих отношений в перспективе, возможно, со своим самым важным соседом в регионе. Только вот задача с исторической точки зрения состоит в налаживании всесторонних партнёрских связей. Руководимые коммунистическими партиями, две этих страны часто погружаются в споры по поводу исторического наследия. Руководители обеих стран требуют друг от друга установить цензуру над националистически настроенными создателями интернет-сайтов и живых журналов. Стержнем этого дела служит воззрение, постоянно притягивающее внимание в Пекине и Ханое, состоящее в том, что Китай остаётся центральным государством в регионе, и поэтому китайцы ждут или требуют подчинения им всех остальных народов. Китайско-вьетнамские переговоры по

точной демаркации общей границы завершились в 1999 году подписанием договора, но шли они десять лет и сопровождались обвинениями друг друга в переносе пограничных знаков, которым сто лет, по ночам ради приобретения территориальной выгоды². Двум сторонам будет нелегко наладить уравновешенные отношения.

Самые запутанные отношения Китая в регионе складываются с Кореей. Даже крепче Вьетнама эта Корея отличалась привязанностью к цинскоцентрической системе государств Восточной Азии, существовавшей вплоть до конца XIX века, а китайские культурные и политические идеалы прочно вошли в традицию народа этой страны. С 1947 года Корея остаётся разделённой на два самостоятельных государства, враждебность которых сложилась в годы холодной войны и укрепилась в результате идеологических разногласий между корейцами. Войска коммунистического Китая в начале 1950-х годов участвовали в самой своей кровавой войне ради спасения коммунистической Северной Кореи — Корейской Народно-Демократической Республики — от её южных врагов и их американских союзников. Для китайцев до сих пор служит поводом для гордости тот факт, что Китай воевал с самой мощной на планете страной до самой остановки боевых действий в той войне без явного победителя. Взамен, однако, китайцы получили не очень-то надёжного северокорейского союзника под руководством Ким Ир Сена с диктаторскими замашками и его потомков, за влияние на которого долгое время приходилось состязаться с Советским Союзом. После краха в начале 1990-х годов Советского государства народное хозяйство КНДР вошло в крутое пике, и случилась катастрофа рукотворного голода, по самым скромным оценкам унесшего жизни миллиона человек. Только помощь со стороны КНР позволила уберечь народ от ещё большей беды. Сегодня руководство в Пекине между собой называет «КНДР ярмом на шее Китая, а не страте-

гическим резервом». Но как с птицей Самуэля Кольриджа, с северными корейцами исключительно трудно справиться без развязывания склоки, которая приведёт регион к конфликту и потенциальной войне.

Тем временем Республика Корея, или Южная Корея, превратилась в одну из ведущих по экономическому развитию стран мира и одно из самых передовых в регионе промышленных государств. Китайцы не торопились признавать растущую важность Южной Кореи как таковой, с одной стороны, по идеологическим соображениям и потому, с другой стороны, что в КПК считали эту страну марионеткой США. Даже после начала реформы в Китае ушло пятнадцать лет, пока в Пекине признали правительство в Сеуле и начали непосредственное общение с ним. Взаимное признание случилось в 1992 году, но с самого начала двусторонние отношения развивались очень медленно из-за активного противодействия со стороны китайского союзника в лице КНДР и настороженности Пекина по поводу тесного альянса Сеула с Вашингтоном. Но в конце 1990-х годов наступил расцвет экономического обмена и политических контактов. Особенно когда южнокорейский президент Ким Дэ Джун и его преемник Но Мун Хён с 1998 по 2007 год попытались проводить в отношении Северной Кореи политику разрядки напряжённости. Китай не только числится самым важным торговым партнёром Южной Кореи, но к тому же на территории КНР прижились больше миллиона южных корейцев. То есть из РК в КНР переехало больше народу, чем из всех других зарубежных стран. Такая крупная южнокорейская диаспора в Китае сформировалась в результате значительных корейских инвестиций в процесс индустриализации КНР. Корейцы чувствуют культурную и историческую близость Китая. По результатам социологического опроса, в Южной Корее в 2005 году Китай в представлении южных корейцев сравнивался по популярности с США как давним союзником РК. Среди респондентов в возрасте до сорока лет Китай видится даже более дружественным государством³.

На протяжении последних двадцати лет большой головной болью китайского руководства в его отношениях с Кореей оставалась Северная Корея. Финансово несостоятельная, деспотичная к своему народу и агрессивная к соседям, Северная Корея служила символом как раз тех течений в политике, с которыми в Пекине не хотели, чтобы их связывали. Ведь тогда получалось, что китайцы пытаются расширить своё региональное господство. При правящем до декабря 2011 года диктаторе Ким Чен Ире, унаследовавшем трон от своего отца в 1994 году, инженеры Северной Кореи, невзирая на протесты китайцев, разработали ядерное оружие, а руководители страны грозили его применить, если от них не отстанут представители Запада, постоянно высказывающие Пхеньяну всевозможные претензии. Так почему же, может возникнуть вопрос, китайцы всё ещё не порвали с режимом корейских Кимов, который теперь возглавляет сын Ким Чен Ира молодой Ким Чен Ын, и не наладили конструктивных отношений с процветающим Сеулом? Ответ на него представляется весьма сложным, но над ним стоит поразмышлять, если попытаться понять величайшую дилемму, решаемую Китаем во внешней политике.

Первая часть такого ответа лежит в плоскости истории. Как мы уже знаем, китайские тесные отношения с корейским соседом существуют на протяжении тысячи лет. Китайские солдаты воевали и гибли в середине XX века, защищая северокорейское государство и отражая, как они это видели, американское вторжение. Власти в Пхеньяне всё ещё провозглашают себя коммунистами и подчёркивают роль КНР как своего старшего брата. Даже когда в Пхеньяне отказываются прислушиваться к советам из Пекина, корейцы демонстрируют своему старшему брату почтение с внешним соблюдением конфуцианского ритуала. Даже притом, что китайские руководители осознают риск того, как вело себя советское руководство с ГДР — держалось за Восточную Германию до тех пор, пока было уже поздно торговаться, — поколение деятелей Ху Цзиньтао в Пекине уже

находит весьма трудным критиковать северных корейцев. Тем более выступать против них, особенно когда это может показаться проявлением единого фронта с Южной Кореей, Японией или США.

Вторая часть ответа касается риска. Китайские деятели просто верили в то, что Северную Корею и её ядерное оружие гораздо легче контролировать при наличии тесных отношений КНДР с Китаем, чем в их отсутствие. Третья часть ответа связана со стратегическим соперничеством в регионе Китая с США. Руководство КНР опасается, что, если КНДР от них уйдёт, тогда может произойти объединение Кореи под патронатом США. И наконец, ответ привязывается к обсуждению будущего влияния Китая на урегулирование ситуации на Корейском полуострове. Более подробно этот вопрос подвергнется рассмотрению в следующей главе. Но для осознания позиции Китая по Корее надо увидеть, что будущее и прошлое тяготеет над настоящим и не даёт китайцам решить эту главную проблему их внешней политики.

Тем временем примерно с 2007 года в отношениях Китая с Южной Кореей наметились признаки ухудшения. Сегодня всё большему числу молодых южных корейцев трудно сохранять дружелюбие в отношении Китая, поскольку Пекин подпирает агрессивную диктатуру на севере их полуострова. Когда настроения южнокорейского электората в 2008 году сместились вправо и он выбрал менее уступчивого президента, по ряду направлений отношений с Китаем, методично налаживавшихся на протяжении практически двух десятилетий, явно наметился спад. В ход пошли даже расхождения во мнении по поводу древней истории. Южнокорейские учёные обвинили китайцев в причислении царства Когурё, существовавшего две тысячи лет назад, к китайскому государству, хотя для подавляющего большинства корейцев оно служит колыбелью корейской нации. Весьма многие политики, в том числе кое-кто из тех, кто в последнее время поддерживал с китайцами тесные связи, начали опасаться того, что спор по поводу Когурё служит сигналом того, что

китайцы собираются сохранить Северную Корею в качестве своего вассального государства, что бы там ни говорили или ни делали в Сеуле. Как бы там ни обернулось дело для Северной Кореи, китайские руководители должны готовиться к тому, чтобы убедить южнокорейскую публику в своей приверженности воле корейского народа в его стремлении к объединению своей страны.

Как уже шла речь на протяжении всего нашего повествования, отношения между Китаем и Японией последние 150 лет складывались сложными и беспокойными, по временам тесными, а иногда они оборачивались кровавыми конфликтами. В их двусторонних отношениях всегда присутствовали формальные или даже ритуальные свойства, базировавшиеся на китайских подозрениях того, что истинная цель японцев заключалась и заключается до сих пор в смещении Китая как стержневой державы региона. Это, чувствует подавляющее большинство китайцев, противоречит естественной природе вещей. При всём своём большом восхищении японскими способностями и мастерством Япония для них остаётся окраинным островным государством, недостойным претендовать на место Китая. Здесь важная роль принадлежит нормативному аспекту. В китайско-японских отношениях всё большее значение придаётся выяснению, кто прав, кто виноват (или кто пользуется корректными терминами), а не обсуждению существующего потенциала для сотрудничества и взаимной выгоды. Что-то во всём этом много скорее конфуцианского в отрицательном его смысле, и поэтому власти обеих стран с точки зрения дипломатии выглядят беспомощными. В стратегическом смысле выгода достаётся только одной державе — США, власти которой могут использовать страх китайцев и японцев друг перед другом в своих корыстных целях. Вопреки текущим спорам, однако, дела между двумя этими странами на памяти последнего поколения шли стабильнее, чем в любое другое время

с середины XIX столетия. И обеим сторонам сейчас исключительно выгодным представляется значительный экономический и технический обмен.

Новые отношения между Китаем и Японией ведут начало с 1971 года, после того как случилось то, что в японской прессе называют Никусон сёкку, или «шоки Никсона». Первым шоком назвали решение администрации США открыть диалог с Пекином. А потом в Вашингтоне заспешили с выполнением эгоистичной экономической политики, призванной обеспечить разрешение проблем платежного баланса. Японское правительство никто заранее не предупредил об обоих этих решениях, и их последствия для этой страны в целом оказались весьма тяжёлыми. Первое — с точки зрения внешней политики, а второе ударило по экспорту. Новый японский премьер-министр Танака Какуэй, считавшийся последовательным националистом и принадлежавший к правому крылу либерально-демократической партии, давно мечтал об освобождении от американской зависимости и представившегося шанса не упустил. Он начал свои собственные переговоры с Пекином, итогом которых стало двустороннее коммюнике 1971 года. Судя по его содержанию, китайская сторона получила всё, что хотела: дипломатического признание; признание Тайваня частью Китая и раздел, посвящённый приверженности обеих сторон сопротивлению «попыткам любой другой страны или групп стран» по навязыванию «гегемонии» в Азии. В этом разделе совершенно очевидно речь шла о Советском Союзе, но в подтексте явно читалось предупреждение в адрес Соединённых Штатов. Японии, в свою очередь, досталось открытие рынка Китая — медленное с самого начала, но всё более активное с началом эпохи реформ в КНР в конце 1970-х годов.

Десятилетие 1980-х годов считается золотым временем китайско-японского взаимодействия. Этот период во многом напоминает первое десятилетие XX века, когда народ по обе стороны Восточно-Китайского моря видел в сотрудничестве громадные возможности. В 1980-х годах значительно

вырос торговый оборот, а японские технологии беспрепятственно ввозились на территорию Китая. Активизировались туризм и все направления обмена, а также нашла продолжение тенденция в интеллектуальной сфере, сложившаяся на три поколения раньше. В скором времени самое большое число иностранных студентов в Японии составляли китайцы. Сегодня на китайское студенчество приходится две трети от всех заморских молодых людей, обучающихся на Японских островах. В 1980-х годах 70% всех японцев испытывали к Китаю родственные чувства, то есть гораздо больше, чем к любой другой нации. Положительный эмоциональный импульс от нормализации отношений виделся сильным в обеих странах, но в Японии, можно сказать, он казался сильнее. Результаты опроса общественного мнения в Японии показывали, что заметное большинство респондентов надеялись на возможность забыть прошлое и начать всё снова как друзья и товарищи. Министры правительств обеих стран очень тщательно настраивали общественное мнение в пользу развития новых отношений. Кадровые работники КПК пресекали любые попытки антияпонских протестов в Китае, а японские власти следили за тем, чтобы в газетах появлялись только позитивные рассказы о КНР.

Эти отношения можно назвать несколько вымышленными и не совсем надёжными. В 1990-х годах экономическое взаимодействие по-прежнему развивалось, только вот оно уже не сопровождалось укреплением ощущения общности. Скорее наоборот. К концу десятилетия граждане обеих стран стали думать друг о друге совсем не так радостно, как это было десять лет назад. Во-первых, японцы в Китае весьма остро прореагировали на события 1989 года. (Только вот сложно однозначно сказать, осудили ли японцы в Китае подавление мятежников государством или просто «беспорядки» как таковые.) Число японцев, видевших в Китае потенциальную угрозу, резко стало расти. Что же касается китайцев, то с расширением доступа в публичную сферу на передний план вышли негативные представления о

Японии, причём всплыли они из общей истории. Кое-кто из представителей народа писал, что японцы так и не извинились публично за оккупацию Китая, а также не выплатили достойного возмещения ущерба. До сих пор никто не осудил зверства японских солдат, допущенные в годы китайско-японской войны. Забавно, но носителями таких взглядов выступали чаще молодые китайцы, не испытавшие ужасов войны, чем те, кто их пережил. Министры обоих правительств отказались от налаживания таких отношений в пользу эксплуатации негативных аспектов ради своей собственной выгоды. Когда руководству КПК требовалось отвлечь внимание народа от своих собственных промахов, оно санкционировало публичную критику Японии. Когда японские власти нуждались в поддержке своих непопулярных инициатив внутри своей страны или за рубежом, они обращались к японским концепциям уникальности и готовности к жертве. Иногда символом всего этого выступал сам премьер-министр, посещающий храм Ясукуни, где находится мемориал павших в боях японских солдат и находятся могилы четырнадцати казнённых военных преступников. Эпоха «исторических вопросов» в китайско-японских отношениях достигла нешуточного размаха. В следующем десятилетии сосредоточенность на такого рода диспутах грозила свёртыванием отношений, тщательно налаженных предыдущим поколением политиков.

Наибольший вред китайско-японским отношением за последние десять лет нанёс курс преподавания истории в школе. Всё дело в том, что школьные учебники в Японии составлены так, что из них не поймёшь истинных причин Второй мировой войны, а также в них в искажённом виде представлены зверства японских солдат в отношении мирного населения во время оккупации ими Китая. В школьных учебниках истории КНР весь новейший период подаётся в ужасном виде. То есть тексты этих учебников содержат густо намешанную националистическую ложь ради восхваления политики нынешних властей. Китайский историк и философ Юань Вэйши

в 2006 году обратил внимание на то, что в китайских учебниках по истории «в изложении конфликтов между Китаем и другими странами китайцы всегда правы; патриотизм означаем сопротивление иностранным державам и иноземцам. При выборе и представлении исторических материалов мы должны использовать только те, в которых восхваляется Китай независимо от их истинности или лукавosti»⁵. В китайских учебниках до сих пор речь идёт о коварных миссионерах, патриотах ихэтуанях и безмерном экспансионизме японцев, пользовавшихся помощью малодушных гоминьдановских вождей. История после 1949 года излагается совсем в искажённом виде. Ни разу не упоминается о массовых жертвах маоистских кампаний. Ничего не сказано о тяжких последствиях «Большого скачка вперёд». Если верить авторам этих учебников, китайцы порвали с «советскими братьями» исключительно из патриотических соображений, а Великая культурная революция стала результатом серии недоразумений в совокупности с сумасбродными амбициями единственной женщины — жены товарища Мао по имени Цзян Цин. Описание корейской войны в китайских школьных учебниках даётся исключительно в белых и чёрных тонах. В разделе под заголовком «Отражение агрессии Америки, поддержка Кореи, защита Родины и на страже нашей страны» самого популярного учебника истории для китайских вузов даётся такая справка: «Через совсем непродолжительное время после провозглашения нового Китая перед этой страной встала угроза внешнего вторжения. Летом 1950 года разразилась корейская гражданская война. Власти Соединённых Штатов поспешили применить вооружённые силы, чтобы вмешаться в корейские внутренние дела. Для вторжения в Корею они добились формирования под эгидой США «союзной армии». Подразделения этой армии пересекли 38-ю параллель и донесли пламя войны до самой границы Китая. В то же самое время корабли 7-го флота США вошли в Тайваньский пролив и тем самым совершили вмешательство во внутренние дела Китая. В Корею сложилась опасная ситуация, грозившая по-

кою и безопасности КНР... Оказавшись в буквально катастрофической ситуации, правительство Кореической Народно-Демократической Республики обратилось к китайскому правительству с просьбой прислать войска и тем самым помочь им. 10 октября 1950 года с целью отражения агрессии США, оказания помощи Корее, а также защиты и обороны своей страны на территорию Кореи вошли формирования китайских добровольцев под командованием маршала Пэн Дэхуая. Плечом к плечу китайские добровольцы вместе с корейской армией и народом отбили наступление американских захватчиков и отогнали их за 38-ю параллель. После этого между Китаем с Кореей и американскими захватчиками наступило временное перемирие. Благодаря яростному сопротивлению китайцев с корейцами, летом 1953 года у представителей США не оставалось выбора, кроме как подписать соглашение о прекращении огня. Нанесшую поражение американской армии, а также завоевавшую победу в войне сопротивления Америке и поддержки Кореи армию китайских добровольцев торжественно распустили по домам»⁶.

Точно так же авторы японских учебников оказывают медвежью услугу молодым людям своей страны ложью о нападениях и захвате в XX веке Китая и остальных азиатских стран. Особое раздражение вызывают попытки умаления и смягчения страданий народа Нанкина в 1937 году. В одном учебнике, выпущенном в свет в 2005 году, события тех дней описываются так: «В это время японские войска побили и ранили многих китайских солдат и мирных жителей (Нанкинский инцидент). Документальные свидетельства вызывают сомнения по поводу фактического числа жертв, вызванного этим инцидентом. Споры по их поводу продолжаются по сей день»⁷. В этой книге налёт на Пёрл-Харбор к тому же толкуется как эпизод, а не причина войны, и приводятся документы, в которых описаны моменты, когда японские войска представляются освободителями Юго-Восточной Азии, зато отсутствуют такие же документы о зверствах японской солдатни.

Все такие лукавые учебники и полемика, их окружающая, служат мобилизующей основой для молодых людей, вливающих в националистические движения, особенно в Китае, где многие подростки с большой охотой ищут любые самые мелкие искажения в учебниках истории Японии, зато не хотят видеть громадной лжи в пропаганде своей страны.

Наряду с полемикой по поводу учебников ведутся баталии вокруг спорных территорий и возмещения ущерба за жестокое обращение с жертвами войны. Разногласия по поводу демаркационной линии в Восточно-Китайском море обострились, когда в начале XXI века буровики китайских компаний приступили к разведке газовых месторождений в спорных акваториях. В центре спора оказался архипелаг Дяюйдао — Сэнкаку, на который претендуют обе страны, хотя с исторической точки зрения у китайцев оснований больше.

Что же касается возмещения ущерба, то китайские иски к правительству в Токио и компаниям о возмещении жертвам военных преступлений слушаются в японских судах с 1995 года. Ход этих слушаний получил широкое освещение в прессе обеих стран. Авторы заметок в китайских газетах утверждают, что судебный процесс продвигается слишком медленно. Японские газеты полны критики размера взыскиваемых сумм даже по тем делам, где японские судьи согласились с требованиями истцов. На текущий момент японскими судами поддержаны иски потерпевших на сумму, превышающую 800 миллионов иен⁸. Настоящий же парадокс, ясное дело, заключается в том, что граждане КНР до сих пор лишены права привлечь к ответу свою собственную власть (не говоря уже о КПК) и никто не извинился за миллионы погибших человек во время зверств китайских коммунистов в 1950-х и 1960-х годах. Националисты в обеих странах вместо этого используют дела граждан другой страны для подтверждения злобных намерений противоположной стороны.

Дорого стоит обоим народам отсутствие творческого воображения в китайско-японских отношениях, и его отсутствие ещё аукнется в будущем. Сегодня просто поражает

полное бессилие политического видения с обеих сторон. Руководство в Пекине и Токио прекрасно осознаёт бесперспективность дальнейшего очернительства противоположной стороны. На самом деле прогресс каждой из сторон всё больше зависит от своего соперника: китайцы в достижении статуса великой державы, а японцы в своей потребности выйти из хозяйственного застоя. Однако никто из них пока что не может или не хочет придать двусторонним отношениям достойный приоритет, скинув гнёт прошлого.

Как только Китай начал избавляться от многолетней изоляции, его руководитель Дэн Сяопин сосредоточил внимание на налаживании тесных связей с Юго-Восточной Азией. В этом регионе достаточно не только китайских переселенцев, неплохо устроившихся в жизни, но к тому же компаний и частных лиц, способных внести свой вклад в модернизацию Китая через торговлю и инвестиции. Товарищ Дэн думал так, что их участие в делах КНР принесёт меньше политических проблем, чем в случае привлечения американцев, японцев и корейцев. И тут перед Китаем возникла проблема, состоявшая в том, что практически всеми государствами ЮВА правили деятели, видевшие в КНР угрозу своей власти. Они в своих собственных странах страшились мощного политического влияния китайских меньшинств. И ещё они ненавидели Пекин, так как на протяжении практически жизни целого поколения оттуда поступала помощь коммунистическим партиям, стоящим в оппозиции их правительствам. В таких странах, как Малайзия, Таиланд, Бирма и Филиппины, китайцы снабжали возглавляемые коммунистами партизанские отряды деньгами, оружием и инструкторами для ведения гражданской войны. Для налаживания отношений с находившимися в то время у власти политиками исходное положение представлялось далёким от идеального варианта.

Во многом китайцам повезло, так как их попытки достучаться до старой знати ЮВА увенчались успехом. Свою роль

сыграло обращение к китайцам в ЮВА — к хуацяо. Кое-какие связи с ними сохранились даже после Великой культурной революции. Китайцам к тому же можно было рассчитывать на общее предположение, бытовавшее среди состоятельных жителей региона, о том, что Китай ещё послужит гигантским рынком товаров из ЮВА, если только не упустить момента, когда там обоснуются другие, более влиятельные иностранцы. С самого начала 1980-х годов под мощным напором китайской диаспоры компании из ЮВА заняли заметное место в народном хозяйстве КНР. Кое-кто из них, например Чароен Покпанд (по-китайски Чжэн Дай) из Таиланда, числится там среди крупнейших зарубежных инвесторов. В этом отношении на руку китайцам сыграло свержение вьетнамцами в 1979 году клики Пол Пота в Камбодже. Власти КНР смогли выступить в качестве фактического союзника консервативных режимов ЮВА в борьбе против напугавших их вьетнамских и советских попыток установить своё господство во всём регионе. Сингапурский деятель-антикоммунист Ли Куан Ю признался своим гостям с Запада, что, «если бы китайцы не наказали Вьетнам, вся Юго-Восточная Азия оказалась беззащитной перед лицом советского влияния. К настоящему моменту прошло десять—пятнадцать лет. Например, после китайской карательной экспедиции тайский премьер стал новым и уравновешенным человеком». Попытки руководства в Пекине «как следует проучить Ханой» с точки зрения китайской военной политики могли показаться большим провалом, зато они получили оглушительную похвалу со стороны властей стран юга континента. А старина Дэн воспользовался предоставленным временем, чтобы постепенно свести на нет поддержку коммунистических мятежников, действовавших за пределами его собственной страны⁹.

Как государство китайского национального большинства и страна с самой динамичной системой хозяйствования в ЮВА, Сингапур сыграл особенно важную роль для Китая.

Дэн Сяопин посетил эту страну в 1978 году. То была его первая поездка за рубеж после того, как ему вернули бразды правления в Пекине. На товарища Дэна, всегда выступавшего апологетом «мускульного роста», как он это называл, всё увиденное произвело необычайно сильное впечатление. Последний раз товарищ Дэн находился в Сингапуре в 1920 году, когда это место представляло собой колониальное захолустье, где китайцы существовали тем, что выполняли работу за английских чиновников. В конце 1970-х годов Сингапур служил локомотивом. Здесь председатель Дэн увидел всё, что он хотел бы внедрить в Китае. Вернувшись в Пекин, Дэн Сяопин акцентировал внимание товарищей по партии на необходимости изучения опыта построения сингапурского общественного порядка и равновесия, внедрения экономической адаптивности и той роли, которую правительство играло в обеспечении и стимулировании роста. Три поколения китайских коммунистов находили в Сингапуре полный набор причин его ненавидеть: капитализм, классовый гнёт и подбострастие перед Вашингтоном. В 1980 и 1990-х годах этот город-государство служил примером для подражания, особенно когда во время социальных и политических волнений 1989 года возникла угроза срыва всех планов товарища Дэна. Сингапур к тому же превратился в экономического партнёра. В настоящее время он занимает пятое место среди крупнейших инвесторов в Китай и служит главным каналом ввоза зарубежных технологий, в том числе видов таких технологий, которые китайцам оказывается трудной задачей приобрести где-то ещё.

Сингапурский деятель Ли Куан Ю поведал новому китайскому руководству очень многое о регионе, с которым он имел дело. К 1990-м годам он акцентировал внимание на важности региональной организации АСЕАН. Изначально сформированная в 1967 году в рамках сотрудничества антикоммунистических властей, с точки зрения региональной интеграции организация АСЕАН в скором времени приобрела гораздо большее значение. После завершения холодной войны её чле-

ны приступили к разработке далеко идущих программ углубления сотрудничества между входящими в неё странами. И к ней присоединились новые участники: в 1995 году — Вьетнам, в 1997-м — Бирма и Лаос, в 1999-м — Камбоджа. Сегодня руководители государств АСЕАН, в суммарном виде объединяющих практически 600 миллионов человек, нацеливаются на образование экономического сообщества наподобие Европейского союза.

С образованием АСЕАН перед Китаем появилась как угроза, так и благоприятная перспектива. Господину Ли и остальным деятелям Юго-Восточной Азии сначала вроде бы сказали, что китайцы предпочитают вести дела с отдельными государствами, а не региональными организациями. Потом, когда стало ясно, что в АСЕАН не собираются мириться с подходом «разделяй и властвуй», а что эта организация чем дальше, тем больше играет роль объединяющей силы, гарантирующей региональный покой, китайское правительство пошло на изменение своей тактики. Энергичное усиление сотрудничества Китая и АСЕАН началось с конца 1990-х годов, причём практический прогресс подчас опровергал туманные рассуждения об азиатских ценностях и общем наследии. С появлением экономических проблем великий северный сосед теперь представлялся скорее партнёром, чем угрозой, так как появился целый набор формальных и неформальных механизмов. Китайская поддержка региональных валют во время финансового кризиса 1997—1998 годов убедила даже тех, кто не верил в добрые намерения китайских политиков в прошлом и боялся, что Пекин в настоящее время не заинтересован в смещении экономической активности на юг. В 2010 году появилась настоящая зона свободной торговли АСЕАН с участием Китая, однако до сих пор существуют сложности в торговых отношениях, требующих тщательного разбирательства.

Как мы уже убедились в случае с Вьетнамом, теперь уже считающимся ключевым членом АСЕАН, формально провозглашённое сотрудничество отнюдь не всегда подразумевает

ощущения безопасности. В общении с деятелями из региона ЮВА не покидает чувство постоянного присутствия во всех её аспектах проблемы существования по соседству с гигантом. В общих чертах эти отношения напоминают угнетение Соединёнными Штатами стран Латинской Америки. Только вот южные соседи Китая, собственно говоря, гораздо мощнее соседей США, ведь в первую очередь они лучше организованы. Неопределённость по поводу того, кому достанется право на освоение месторождений полезных ископаемых, граничащих с регионом Юго-Восточной Азии, создаёт условия для взаимной подозрительности и потенциального конфликта. Власти стран АСЕАН, например, не тревожат связи китайцев с руководством Бирмы как страны, располагающей богатыми запасами природных ресурсов и находящейся под пятой не слишком разбирающегося в хозяйственных делах военного диктатора. Активисты региональных организаций выступают за проведение в Бирме реформы, зато китайцев явно устраивает существующее положение вещей.

Однако больше всего членов АСЕАН беспокоят притязания Пекина практически на все мелкие острова в акватории Южно-Китайского моря. В этом морском районе хранятся громадные богатства в виде месторождений нефти, газа и минеральных руд, причём заняться их освоением хотят и в странах АСЕАН, и в Китае. К тому же через эти воды проходят самые загруженные торговые морские пути. Китайцы с вьетнамцами уже дрались за принадлежность нескольких из этих островов, и теперь китайцы занимают девять островов архипелага Спратли, свой суверенитет на которые хотят распространить ещё и вьетнамцы. В настоящее время дипломатов АСЕАН всё больше тревожат намерения китайцев и их практические действия. Риф Скарборо, располагающийся примерно в 120 милях от филиппинского залива Субик-Бей, на китайских картах обозначается как территория КНР, и под предлогом «исторических прав» претензии Пекина распространяются на южную часть рифов, лежащих в тридцати милях от берега Борнео. С 2010 года кое-кто из членов

АСЕАН всё больше склоняется к приданию этой проблеме международного звучания через поиск поддержки своей позиции со стороны США и остальных держав, таких как Индия. Все подобные попытки в прошлом встречали упорное сопротивление в Пекине, власти которого заговорили о Южно-Китайском море как зоне «насуточных китайских интересов». Несмотря на обнадеживающее было начало, очень многое может совершенно очевидно пойти не так, как хотелось бы в отношениях Китая с АСЕАН.

Внутри АСЕАН мощнейшая экономика и самые сильные вооружённые силы принадлежат Индонезии. Со своим стремительно растущим населением, приближающимся к 250 миллионам человек, Индонезия в настоящее время становится ключевой державой региона, и, как мы уже видели, её отношения с Китаем совсем не всегда можно назвать простыми. В КПК организовали поддержку индонезийской коммунистической партии, подвергшейся разгрому военными средствами в 1965 году. В ходе резни, устроенной после военного переворота, особое внимание уделялось индонезийским общинам китайцев, поэтому поубивали тысячи ни в чём не повинных человек. Вплоть до восстановления демократии в 1998 году индонезийской конституцией для китайцев предусматривались повсеместные запреты. Людей с китайскими корнями до сих пор с большой неохотой пускают в политику и берут в вооружённые силы Индонезии, зато они широко освоили сферу предпринимательства; часто говорят, будто индонезийские китайцы контролируют две трети частного сектора хозяйства этой страны¹⁰. В отношениях между Пекином и Джакартой до сих пор остаются невыясненными многочисленные неопределённости, хотя в обеих столицах уже наладили взаимодействие в рамках АСЕАН.

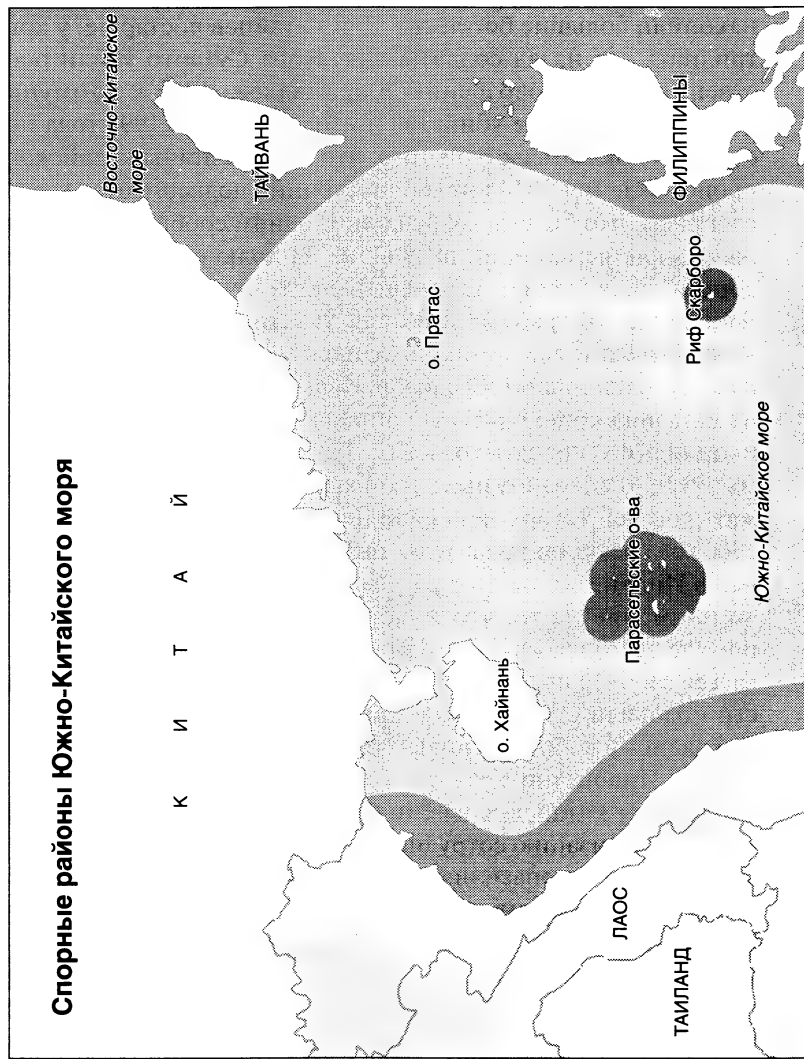
Противоречивость китайско-индонезийских отношений выплеснулась наружу в 1998 году, когда многие индонезийцы отмечали торжество демократии в своей стране. Диктатуре ярого антикоммуниста Сухарто наступил конец, и по всей стране на индонезийцев китайского происхождения начали

нападать толпы народа, обвиняющего хуацяо в том, что в годы правления этого диктатора они преступными методами накопили большие богатства. Для китайцев постарше, у кого тридцать лет назад солдаты диктатора Сухарто убили родственников по подозрению в принадлежности к коммунистам, разнузданные убийства и изнасилования 1998 года послужили доказательством того, что индонезийцы китайского происхождения в Индонезии постоянно подвергаются угрозе расправы, что бы они ни делали. В одном сообщении описаны тяжкие испытания, выпавшие на долю одной семьи индонезийских хуацяо, владевшей магазинчиком в пригороде Джакарты: «В грабеже приняли участие люди, знакомые с этой семьёй, и среди них находился местный продавец фрикаделек, утачивший телевизор. Несколько человек вытащили из магазина копировальный аппарат, а потом втроем попытались его продать хозяевам. Год спустя после грабежа семья хуацяо снова открыла свой магазин и продолжила снабжать соседей товарами первой необходимости». В отличие от 1965 года реакция правительства КНР на притеснение китайцев в Индонезии на этот раз была соразмерной. Оно обратило внимание на то, что индонезийские китайцы являются прежде всего гражданами Индонезии и они должны пользоваться заботой правительства своей собственной страны. Власти подавили студенческие протесты в Пекине, так как они нуждались в добрых отношениях с преемниками режима Сухарто в Индонезии¹¹.

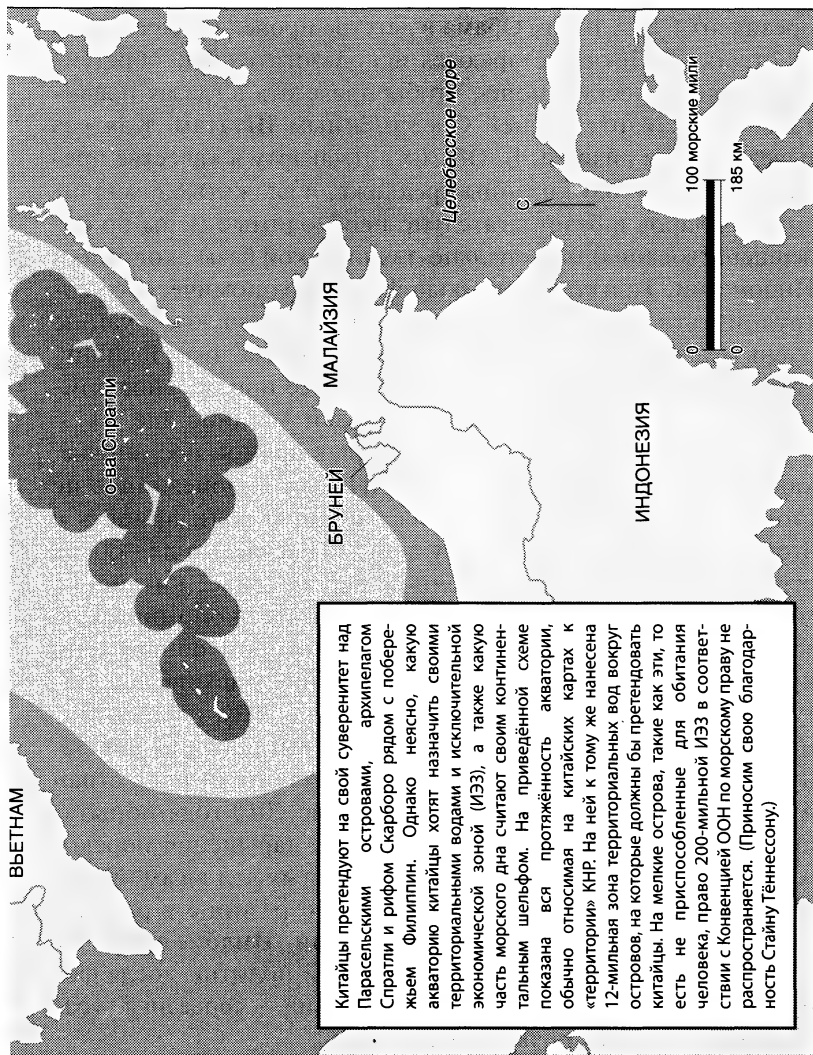
Сегодня китайские власти боятся, что индонезийцы пойдут на активизацию сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки из опасения экономического подъёма в КНР и укрепления международных позиций Пекина. Специалисты по военному и дипломатическому планированию, с которым разговаривал автор книги, считают такой вариант развития событий вполне вероятным. Американцы располагали тесными стратегическими отношениями с индонезийцами во времена правления диктатора Сухарто с 1965 по 1998 год. И подавляющее большинство индонезийских деятелей в

Спорные районы Южно-Китайского моря

К И Т А Й

ВЬЕТНАМ

Китайцы претендуют на свой суверенитет над Парасельскими островами, архипелагом Спратли и рифом Скарборо рядом с побережьем Филиппин. Однако неясно, какую акваторию китайцы хотят назначить своими территориальными водами и исключительной экономической зоной (ИЭЗ), а также какую часть морского дна считают своим континентальным шельфом. На приведённой схеме показана вся протяжённость акватории, обычно относимая на китайских картах к «территории» КНР. На ней к тому же нанесена 12-мильная зона территориальных вод вокруг островов, на которые должны бы претендовать китайцы. На мелкие острова, такие как эти, то есть не приспособленные для обитания человека, право 200-мильной ИЭЗ в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву не распространяется. (Принесим свою благодарность Стайну Тённессону.)

культурном и образовательном аспекте ориентировано на США. Они к тому же видят позитивный момент в том, что президент США Барак Обама в детстве провёл четыре года в их стране. В Пекине стараются использовать свою обретенную экономическую мощь, чтобы предстать в глазах правителей в Джакарте ровней Соединённым Штатам. Как раз перед первым визитом Б. Обамы в Джакарту в качестве президента в 2010 году китайцы предложили вложить 6,6 миллиарда долларов в безотлагательно необходимые меры по совершенствованию материально-технической базы экономики Индонезии. Только такого рода формы экономического сотрудничества позволяют менять существующую ситуацию очень медленными темпами, особенно притом, что в Вашингтоне могут обратить на этот регион более пристальное внимание после завершения войн в Ираке и Афганистане.

Проблема Южно-Китайского моря в прямой постановке, как кое для кого из членов АСЕАН, для индонезийцев не стоит, но в Джакарте проявляют полную солидарность с этой ассоциацией по данному делу. К несчастью для обеих стран, особенно в долгосрочной перспективе, китайские морские притязания распространяются на экономическую зону Индонезии в одном районе, в котором обнаружено крупнейшее в мире газовое месторождение у архипелага Натуна. Индонезийское правительство относится очень отрицательно ко всем попыткам китайцев, выглядящим как запугивание своих соседей. Когда представители ряда стран АСЕАН на своём региональном форуме 2010 года попытались заявить о своих тревогах по поводу нарушения морского права, китайский министр иностранных дел в самой резкой форме напомнил своим коллегам о разнице в размере между Китаем и его южными соседями. Индонезийцы не стерпели: бывший высокопоставленный политик после форума сказал автору книги, что «Индонезия — серьёзная страна, народ которой нельзя запугать».

Поэтому не стало сюрпризом проведение в 2009 году совместных учений индонезийских вооружённых сил и США

под кодовым наименованием «Щит Гаруды». Индонезийские военные и военные других стран АСЕАН обращают внимание на свою веру в то, что американское присутствие в регионе необходимо для уравнивания растущей мощи Китая. Эти индонезийцы к тому же ищут пути к укреплению отношений с Индией, числящейся соперником Китая на западе Азии. Реакция Китая заключается в приостановлении активности на данном направлении своей политики. Практически все китайские деятели верят в то, что постепенный и взвешенный подход к Юго-Восточной Азии в сочетании с растущей экономической мощью КНР послужит предохранению региона от соперничества великих держав. Они периодически напоминают об исторических связях Китая с этой областью планеты и своём мирном развитии на протяжении продолжительного периода времени. При всём при этом в Пекине не собираются поступаться изначальными китайскими правами в обмен на стабильные отношения. В 2010 году прошли крупнейшие в КНР за все времена военно-морские учения в Южно-Китайском море, к которым привлекались корабли всех трёх китайских флотов. Впервые с XV века Китай располагает превосходящей всех военно-морской мощью в южных морях.

Главным символом перемен в международных судьбах Китая служат его отношения с Россией. С момента, когда начиналось наше повествование, то есть с XVIII столетия, господство цинского Китая на его северных границах считалось неоспоримым. Затем на протяжении практически двухсот лет шла экспансия России и отступление Китая со своих позиций. Сегодня, в начале XXI века, китайцы снова командуют парадом и устанавливают свои условия взаимодействия с северными соседями на будущее. Все эти перемены случились за какие-то тридцать с небольшим лет. Пока китайцы укрепляли своё народное хозяйство и государство, советский эксперимент закончился крахом, а Рос-

сия погрузилась в политический хаос, и начался бесконечный неконтролируемый экономический обвал. При этом тон в Китае задаётся вновь обнаружившейся мощью, а связи с государствами на советских обломках из Пекина представляются далёкими от проблем. Отсутствие у них упорядоченной политики влечёт за собой неопределённость по многим аспектам отношений с Китаем от доступа к месторождениям сырья и до отлова расплодившихся террористов. Простые пути продвижения китайской политики в отношении северных соседей отыскать совсем нелегко.

На протяжении последнего периода советской эпохи отношения Пекина с Москвой практически два десятилетия не обновлялись. В основном они определялись чрезмерными и с примесью непримиримой идеологии страхами перед мощью Красной армии. Дэн Сяопин в середине 1980-х годов попытался было как-то сгладить конфликт, так как его тревожила перспектива безграничного преобладания США в международных делах. Но из разрядки напряжённости с Советским Союзом путного получилось мало, даже когда в 1985 году генеральным секретарём ЦК КПСС стал Михаил Сергеевич Горбачёв. М.С. Горбачёв повёл дело так, что у китайского руководства возникли опасения в его заговоре с США и Западной Европой ради свободного наращивания военного присутствия Восточной Азии. В 1988 году, когда стало ясно, что в СССР планируют не только вывод своих войск из Афганистана, но и к тому же хотят от вьетнамцев, чтобы они покинули Камбоджу, товарищ Дэн активизировал дипломатические контакты с Москвой. Кульминацией этих контактов стал визит М.С. Горбачёва в Китай весной 1989 года. Этот визит имел большое символическое значение. Мао Цзэдун отправился в Москву сразу после того, как стал руководителем КНР. А М.С. Горбачёв приехал с визитом к товарищу Дэну в Пекин.

Визит Горбачёва должен был означать триумф Дэн Сяопина. Таким образом, произошла нормализация китайско-советских отношений на основе критериев, предложенных Ки-

таем. Только вот эта встреча в верхах в Пекине случилась в самый неподходящий момент. В мае 1989 года, когда китайский и советский руководители начали переговоры в Большом дворце народов, десятки тысяч студентов вышли на площадь Тяньаньмэнь совсем рядом с местом их встречи. Многие из демонстрантов держали в руках плакаты в поддержку горбачёвских демократических реформ. Старина Дэн нисколько не смутился. В свои восемьдесят пять лет он прочитал советскому деятелю лекцию на предмет необходимости покончить с прошлым. «Оглядываясь на пройденный путь, — сказал товарищ Дэн, — можно увидеть, что многие выражения, высказанные обеими сторонами, оказываются пустым звуком... Дело касалось совсем не идеологических отличий. Мы тоже допустили ошибку». Проблема заключалась отнюдь не в расхождении воззрений на коммунизм, заявил старина Дэн, а в том, чтобы в Москве приняли позицию Китая. «Прочтите мою речь [на московской встрече 1963 года]... её лейтмотив состоит в том, что в Советском Союзе неверно представляли место Китая в мире». Товарищ Дэн перечислил участки территории Китая, отторгнутые русскими в прошлом, закончив список «китайской провинцией Внешняя Монголия, которая сегодня зовётся Монгольской Народной Республикой»¹². Дэн Сяопин хотел прошлое оставить прошлым, но только на условиях исторической памяти, одобренной в Пекине.

Стремительный крах Советского Союза в 1991 году стал полным потрясением для китайских руководителей. Они просто не могли себе представить, чтобы генеральный секретарь коммунистической партии мог смириться сначала с запретом его партии, а потом с роспуском Советского государства практически без единого выстрела хотя бы от возмущения. Тогда как китайцы не поскупились на применение силы для подавления протестов в 1989 году, Горбачёв поддался перевороту снизу и наблюдал со стороны за тем, как советские республики преспокойно покидали Союз после предварительного отказа от контроля Москвы над Восточной Европой. В КПК нашли три главных объяснения, и

все они сыграли свою роль в будущем: Горбачёв оказался дурачком, поддавшимся американским соблазнам, своему собственному эгоизму и оставивший советский народ беззащитным перед угрозой иностранной эксплуатации. Или же советский вариант социализма просто себя не оправдал, отстал от времени и оказался в могиле, вырытой его проповедниками. Возможно, советский народ выдохся; он хотел много сделать за границей, а когда дело, в конце концов, коснулось реформ внутри его страны, было уже поздно. Все эти выводы находят логическое продолжение друг в друге, и по ним можно предположить, на чём будут акцентировать китайские деятели своё внимание при определении будущего развития КНР. Даже сегодня советский крах остаётся темой для самого оживлённого обсуждения в китайском руководстве. Они хотят как следует изучить советскую катастрофу, чтобы предотвратить её повторение в Китае.

Когда в 1992 году на месте Советского Союза появилось пятнадцать неприкаянных республик, китайские деятели едва успевали реагировать на стремительные изменения обстановки вдоль своей северной границы. Стремясь представить себя совершенным образцом стабильности в погружившемся в хаос мире, кадровые работники КПК в конце 1990-х годов вычленили два примера того, что не надо делать. Кровавые стычки на территории разваленной Югославии послужили доказательством отсутствия равновесия в Европе после холодной войны. Хаос в республиках бывшего Советского Союза стал показателем того, что может пойти не так в случае краха крупного государства. Очень скоро тем не менее китайцы приступили к налаживанию с территориально обглоданной Россией взаимовыгодных связей. Цзян Цзэминь и его преемник Ху Цзиньтао впадали в отчаяние, имея дело с первым президентом РФ Борисом Николаевичем Ельциным, который недолюбливал КПК как сборище автократов. Зато самого ЕБН китайцы держали просто за пьяницу. Зато гораздо проще китайским руководителям стало работать с ельцинским преемником, сотрудником КГБ в

запасе Владимиром Владимировичем Путиным. В.В. Путин не скрывал своего восхищения авторитарной формой правления, общественным порядком и экономическими успехами Китая. В июле 2001 года между Россией и Китаем состоялось подписание нового соглашения о добрососедстве и дружественном сотрудничестве, пришедшем на смену договору, действие которого закончилось в нездоровой обстановке 1979 года. Этим новым пактом предусматриваются обоюдные консультации и экономическое сотрудничество в таких сферах, как энергетика и военная техника. Текст его отличался грубым антиамериканским уклоном и обещанием сотрудничества в борьбе против «вмешательства во внутренние дела суверенных государств под какими угодно предлогами». Его положениями к тому же запрещалась какая-либо поддержка «террористам, раскольникам и экстремистам» в этих странах. Наконец, русские признали Тайвань неотъемлемой частью Китая, а китайцы подтвердили отсутствие у них территориальных притязаний к России. Таким образом, было заключено безупречное соглашение, символизирующее новую эру в отношениях двух стран, но заставляющее каждую из сторон делать очень немного из того, что она не хотела бы делать, или предохранять от действий, на которые у неё уже имеются полномочия¹³.

Главный интерес Китая к России после 1991 года лежал в экономической сфере. Располагая громадным населением, пользуясь высокими темпами экономического роста и ограниченными запасами полезных ископаемых, руководители Китая видят в России с её небольшим (и сокращающимся) населением, медленным внутренним ростом и богатыми залежами сырья поставщика ресурсов, необходимого для модернизации КНР. Китайское руководство склоняется к тому, чтобы думать о таких отношениях как взаимовыгодных, и его раздражают опасения русских по поводу китайского влияния и физического присутствия в восточных областях РФ. Китайских предпринимателей ужасают сложности ведения дел в России и с русскими. Китайцы так считают,

что развитию деловых связей мешают бюрократические проволочки, безграничная коррупция и пустая трата времени даже на простейшие хозяйственные операции. Если взглянуть с западной точки зрения, кое-какие из этих обменов представляются весьма показательными: китайцы, которых самих часто обвиняют в нешаблонных методах ведения дел, учат коллег из России и Средней Азии правильному ведению финансов, ответственности и международным стандартам. Китайцы всё больше осознают определяющее место России в любых китайских планах будущего развития, однако развитие экономического взаимодействия как такового остаётся медленным. Конец такому летаргическому состоянию может положить тем не менее острая потребность Китая в энергоносителях. Представители двух стран ведут переговоры о крупных проектах нефтяных и газовых трубопроводов, хотя их прокладка и экспорт товара тормозятся разногласиями по поводу цен и объёмов.

До 1991 года тревоги китайцев по поводу Средней Азии касались исключительно Советского Союза как опасной державы, считавшейся главной угрозой китайской безопасности. В то время мусульманские районы на западе входили в состав Советского государства, а Монгольская Народная Республика на востоке находилась под надёжным советским контролем. Сами китайцы осуществляли контроль над Тибетом и южными областями Монголии. Обширная территория от корейских рубежей до Каспийского моря протяжённостью почти в половину окружности планеты выглядела, как будто время там остановилось. С развалом Советского Союза всё пришло в движение. Такая перемена стала большой неожиданностью для руководства КПК. При формировании своей политики в отношении региона Средней Азии в Пекине сомневались и тянули ещё больше, чем при налаживании своих отношений с новым русским государством. Только с начала 2000-х годов китайцы начали распростра-

нять свою власть и влияние на своих северных азиатских соседей.

Главную тревогу для КНР с развалом СССР представляли военный вопрос и задача обеспечения безопасности. Перед Пекином возникло две главные цели. Во-первых, им требовалась уверенность в том, что внезапное исчезновение контроля над сложными системами вооружений, в том числе ядерным оружием в случае с Казахстаном, не создаст угрозы Китаю или его региональным интересам. Во-вторых, китайцы нацелились на предотвращение любой поддержки властями новых государств их сепаратистски настроенных этнических братьев на территории КНР или тех, кто поддерживал политические группировки мусульманского или буддистского толка, действовавшие через границу. К концу 1990-х годов обе эти угрозы внешне удалось предотвратить. Китайцы приняли участие в программе, предложенной американцами, по мирному изъятию с территории республик Средней Азии оружия массового поражения, доставшегося им от Советского Союза. К тому же китайцы помогали русским в обуздании сепаратизма.

В 1996 году состоялось заключение соглашения, к которому присоединились власти Казахстана, Киргизии и Таджикистана, «Об углублении военного доверия в приграничных районах». На основе этого соглашения через пять лет появилась Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Хартией ШОС участники связываются обязательством придерживаться «многополярности» (буквально — предотвращать доминирование США в мире), бороться с «терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», а также выступать за «территориальную целостность государств и неприкосновенность государственных границ». Китайским, русским и авторитарным руководителям, пришедшим к власти в новых государствах Средней Азии, несказанно повезло со временем реализации их инициативы. После вылазок террористов 11 сентября 2001 года в Соединённых Штатах Америки администрации Дж. Буша было не до антиамериканской плат-

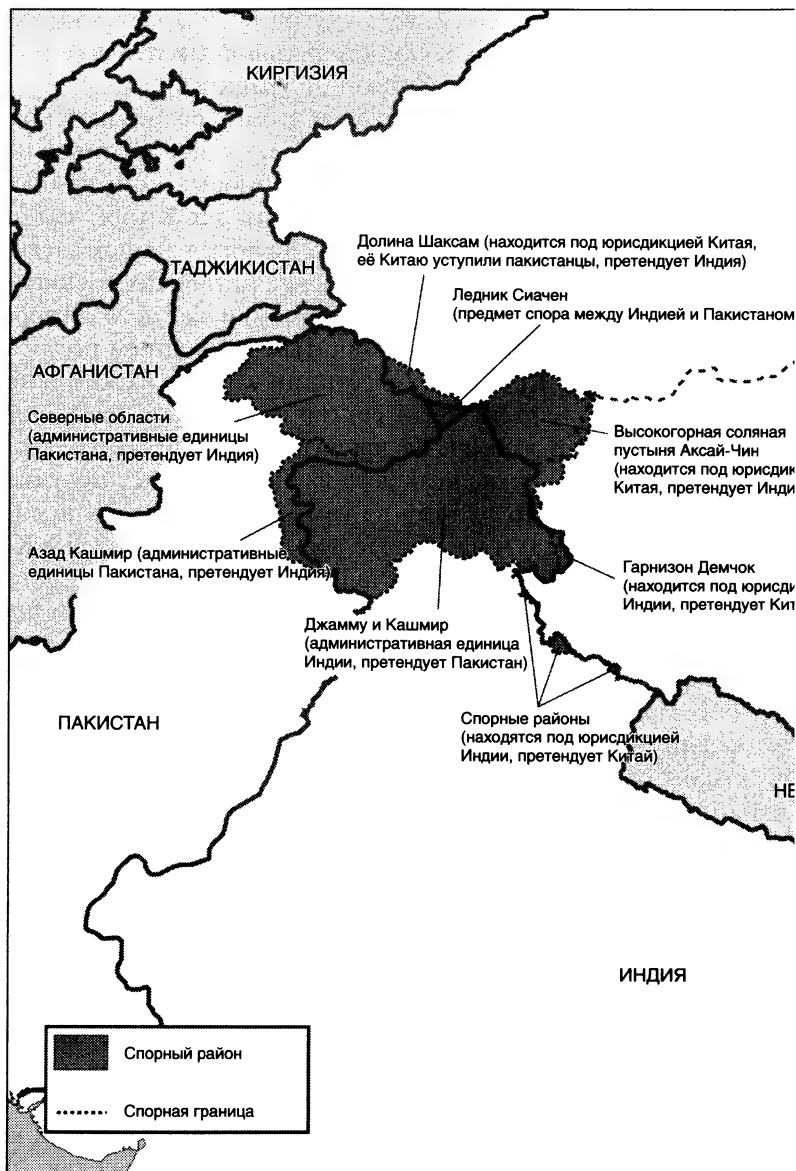
формы ШОС, так как приходилось сосредоточиваться на сотрудничестве с этой организацией в борьбе против реальной или выдуманной исламистской угрозы. Во всех отношениях китайцам с этой организацией, названной в честь их экономической столицы, повезло больше всех. Участие в ШОС помогло сберечь границы Китая и разгромить внутреннюю оппозицию. При ней Китай стал открытым для урегулирования споров по поводу территории или водных путей с меньшими по размеру государствами-участниками. И в ШОС нашла отражение центральная роль Китая в Средней Азии. Через сто лет в этом регионе Пекин снова оказался на коне¹⁴.

Отношения Китая с Монголией можно назвать ещё более запутанными, чем те, что складываются у него с постсоветскими республиками. Монголия представляет собой страну с обширной территорией в два раза меньше Индии, но с населением меньше трёх миллионов жителей. На протяжении семидесяти лет существования Монгольской Народной Республики она фактически числилась частью Советского Союза. Советское присутствие одобряло большая часть монголов. Этнически однородное население МНР поголовно настроено против Китая во многом из-за того, что цинское правление Монголией оставалось крайне непопулярным до самого краха империи, и потому, что большое число монголов считают, что китайцы никогда на самом деле не откажутся от притязания на их территорию. Даже при этом экономическая притягательность КНР оказалась неотразимой для демократически избранного правительства в Улан-Баторе, и сегодня Китай считается крупнейшим инвестором этой страны. Тем не менее монголы пытаются уравновесить свою растущую экономическую зависимость от Китая. Они приглашают американские и русские компании, а также компании всех стран Азии и Европы, чтобы с их помощью осваивать единственные в своём роде природные богатства их страны. Их стратегия может себя оправдать, так как китайцы из внутриполитических соображений должны осторожно

обращаться с Монголией, ведь внутри КНР живёт в два раза больше монголов, чем в самостоятельной республике к северу от китайской государственной границы.

В отношениях между Китаем и всеми среднеазиатскими республиками на первый план в качестве локомотивов выходят экономические планы и потребности. Они придают этому региону гораздо больше важности для Китая, чем это было сразу после советского краха. Во время экономического кризиса 2008 года помыслы многих китайских специалистов по планированию государственного и частного секторов сосредоточились на выходе к богатым природным ресурсам Средней Азии. Крупные инвестиции китайских компаний поступили в нефтегазовый сектор экономики Казахстана и Туркмении, а в обмен на заключённые контракты власти этих республик, тяжело переживающие кризис, получили щедрые ссуды. По одному из самых протяжённых в мире трубопроводов газ в настоящее время перекачивается в Китай из Туркмении. Власти остальных великих держав, в том числе Индии, наблюдают за растущим экономическим превосходством Китая в Средней Азии с большой настороженностью. Только вот поделаться с этим они ничего по большому счёту не могут, ведь китайцы располагают средствами и желанием вкладывать в этот регион капитала больше, чем кто бы то ни было ещё.

Как и нынешний Китай, современная Индия возникла из кровопролития и хаоса 1940-х годов. На достижение Китаем относительной стабильности ушли долгие годы, а в Индии с самого начала развивалась демократическая и устойчивая политическая система, позволившая этой стране держаться, образно говоря, на «ровном киле». Во времена маоизма китайские коммунисты смотрели на Индию свысока и считали политику её руководства и общее развитие хозяйства слишком близко позаимствованными у бывших колониальных хозяев. Сам председатель Мао думал так, что

Спорные территории в Южной Азии

из-за отсутствия революционного духа и громадного размера Индия в будущем составит угрозу его стране. На ближайшее будущее он возлагал надежду на то, что при всей наивности внешней политики Д. Неру и в отсутствие единства индийского народа руководству в Дели будет не до конфликтов с Китаем. В беседах со своими сподвижниками председатель ставил под сомнение жизнеспособность проекта индийского государства. Он признавался, что видит в Индии скорее некую «абстракцию», чем настоящую страну. Война 1962 года оказалась во многом большим потрясением для китайцев, ведь их руководители не ожидали от индийцев такой решительности в отношении пограничных проблем. Несмотря на китайскую победу, в Пекине осознали, что Индия, особенно как фактический союзник Советского Союза, обещает гораздо больше проблем, чем можно было на то рассчитывать.

Индийско-пакистанская война 1971 года подтвердила все китайские подозрения по поводу целей руководства Индии. Вместо того чтобы взглянуть на ввод индийских войск в восточный Пакистан в поддержку там народного восстания как освободительный акт, китайцы стали настаивать на том, что произошёл открытый силовой захват чужой земли. Дэн Сяопин сказал американцам: «Мечта Д. Неру, унаследованная его дочерью, заключалась в том, чтобы прикарманить весь субконтинент Южной Азии»¹⁵. Первое испытание индийского ядерного взрывного устройства в 1974 году стало большим сюрпризом для китайцев, которые думали, что в Индии не могут располагать такими возможностями, и подозревали советских руководителей в передаче индийцам необходимых секретов изготовления ядерного оружия. Принятие на себя в 1975 году чрезвычайных полномочий премьер-министром Индирой Ганди тоже рассматривалось китайцами как советский манёвр, ведь всё это произошло как раз после поддержанной Москвой индийской аннексии штата Сикким, права на который предъявлял к тому же ещё и в Пекине. На этом участке границы произошло кратковременное обостре-

ние напряжённости. В 1986 году в Индии образовали новую провинцию под названием Аруначал-Прадеш в составе северных территорий. В неё включили области, которые китайцы считают своими. Снова наблюдался подъём напряжённости, но до открытых вооружённых стычек не дошло. Отношения между этими двумя гигантскими нациями оставались такими же замороженными, какими они были в конце 1950-х годов.

Размораживание китайско-индийских отношений случилось с окончанием холодной войны, только вот их новый курс остаётся загадкой. В 1988 году индийский премьер-министр Раджив Ганди посетил Пекин, но только через пять лет в ходе визита его преемника Нарасимха Рао на самом деле получилось поставить двусторонние отношения на новый курс. С обеих сторон начался отвод войск от общей границы и стимулирование торговли. Но даже если дипломатические отношения наладились, стратегическое соперничество сохранилось на прежнем уровне. Низкий уровень отметился с новой серией ядерных испытаний Индией в 1998 году. Причём индийские официальные лица не пытались скрывать того факта, что они считают наращивание военной мощи своей страны ответом на потенциальную китайскую угрозу.

В своём письме президенту Биллу Клинтону премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапай суммировал свои основополагающие воззрения на складывающуюся ситуацию так: «Меня глубоко тревожат ухудшающиеся условия безопасности, особенно ситуация с наращиванием ядерного вооружения, складывающаяся для Индии последние годы. У наших границ находится известное государство, располагающее ядерным оружием, государство, совершившее вооружённую агрессию против Индии в 1962 году. Хотя наши отношения с этой страной за последнее десятилетие или около того нормализуются, однако атмосфера недоверия сохраняется главным образом из-за неразрешённости пограничной проблемы. Усилилось недоверие после того, как власти этой

страны материально помогли ещё одному нашему соседу в становлении неявного государства, располагающего ядерным оружием. За последние пятьдесят лет от рук этого недоброго соседа мы пережили три агрессии»¹⁶.

Китайцы тем временем начали переносить свои тревоги по поводу ведения враждебного окружения с Советского Союза на Соединённые Штаты. Их тревожило любое расширение индийско-американских контактов, особенно с индусскими националистами типа Ваджапай, пришедшими к власти в Дели. Но китайцы всё равно чувствовали за собой достаточно силы, чтобы не допустить при всех этих опасениях и индийской риторике скатывания двусторонних отношений к положению, в котором они находились во времена холодной войны. Когда индийцы вступили в схватку с группами пакистанской армии, проникшими на территорию Кашмира в 1999 году, из Пекина попытались приструнить своего пакистанского союзника и предотвратить полномасштабную войну. В 2000-х годах продолжалось увеличение взаимовыгодной торговли, и в 2010 году Китай превратился в крупнейшего торгового партнёра Индии. Только вот с ростом товарооборота происходило увеличение дефицита торгового баланса Индии в пользу Китая, и теперь он составляет почти 50% объёма торговли. Китайцы требуют дальнейшей либерализации торговли, но многие индийцы боятся невыгодности этой либерализации для производителей товара в их собственной стране.

Среди важнейших проблем в нынешних двусторонних отношениях следует назвать отношение к Китаю со стороны индийской публики. Только 21% индийцев радуется китайский рост. При всём собственном необыкновенно активном экономическом росте Индии её руководителей тревожит вероятность того, что при ускоренном развитии Китая для их страны останется меньше места в мировой системе хозяйствования. Индийцев, и прежде всего сотрудников их служб безопасности, к тому же по-прежнему беспокоит военное усиление КНР. Теперь уже головную боль для них составляют не толь-

ко Пакистан и китайская граница, но ещё и граничащие с Индией Бирма с Непалом, где нарастает китайское влияние. В Пекине куда меньше тревожатся по поводу отношений с Дели, и там растёт понимание необходимости брать в расчёт озабоченность индийцев своей безопасностью. Вдобавок китайским деятелям не дают покоя всё более тёплые отношения между Дели и Вашингтоном, а также нарастающая близость Индии с Индонезией. Общественная поддержка в Индии тибетских дел тоже раздражает китайцев, которые никак не могут смириться с плюрализмом индийского общества. Символическим и даже где-то зловещим покажется то, что китайцы остаются единственными участниками Совета Безопасности ООН, отказывающими индийцам в праве членства в этом учреждении избранных.

Драма в мусульманском мире, разыгравшаяся с крахом Советского Союза и не закончившаяся сегодня на всём Ближнем Востоке и в Северной Африке, глубоко сказалась на внешней политике Китая в начавшемся столетии. Возглавленные США вторжения в Афганистан и Ирак убедили китайских политических деятелей во врождённой агрессивности Вашингтона, даже если подавляющее большинство китайцев посочувствовало американцам, пострадавшим 11 сентября 2001 года. Вся беда в том (была и остаётся), что у китайцев отсутствует альтернативная внешняя политика по выходу их мусульманской драмы, разве что они могут рекомендовать мирные переговоры по разрешению всех проблем. Они не могут объяснить, как через такие переговоры можно было породить террористов Аль-Каиды в Афганистане в 2001 году или заставить Саддама Хусейна отказаться от разработки оружия массового поражения (в 2003 году китайцы, как и их американские визави, верили в то, что Саддам этим занимается). По результатам всех этих конфликтов Китай так и не стал альтернативной сверхдержавой, а выступает в качестве робкой державы, одержимой стабильно-

стью и суверенитетом. Вместо всеобъемлющей стратегии изменения мира китайцы вроде бы предлагают скромную, зато прочную веру в свободную торговлю и неприкосновенность границ. Такая предельно консервативная доктрина могла бы всех устроить в разгар крайне непопулярных войн Джорджа У. Буша. Однако многочисленные воздержания КНР по решающим голосованиям в Совете Безопасности ООН оставляют такое впечатление, что китайцы с их мощью стараются избежать ответственности перед международным сообществом, а не брать её на себя¹⁷.

Китайское руководство волновало применение американских войск в Афганистане после 11 сентября 2001 года, и оно при этом осознавало, что сопротивление вооружённому вмешательству США в международном плане никакой выгоды им не принесёт. Вместо этого в Пекине позволили себе только лишь выступить с рекомендацией о формировании взамен талибов коалиционного правительства на широкой основе под присмотром ООН. В Китае были рады увидеть конец реакционного религиозно настроенного режима, представители которого к тому же обещали помощь активистам исламистских группировок Синьцзяна. Однако китайских руководителей беспокоило то, что западное присутствие в Афганистане послужит дестабилизации обстановки во всём регионе. Главная тревога китайцев связывалась с Пакистаном как традиционным союзником Пекина, власти которого подвергались нажиму со стороны Вашингтона и вынуждены были прислушиваться к своему населению, нарастававшему всё больше на антиамериканский лад. При том что анализ руководством КПК дел в Афганистане не сильно грешил против истины и представляется гораздо более точным на самом деле, чем в Вашингтоне, китайцы остерегались принимать на себя активную роль в афганском урегулировании. Они предпочитали укрепление связей с Пакистаном с одновременным скромным участием в программах гуманитарной помощи и приграничной коммерческой деятельности.

Жирная разделительная линия в международных отношениях в начале XXI века возникла после принятия президентом Дж. Бушем решения пойти войной на Ирак. Председатель КНР Ху Цзиньтао и его советники какое-то время наблюдали за подготовкой к этой войне. К октябрю 2002 года в Пекине никто не сомневался в том, что американцы со своей коалицией нападут на Ирак, невзирая на отсутствие согласия ООН на применение силы. От китайцев требовалось очень аккуратное формулирование своей позиции. С одной стороны, китайцы должны были совершенно определённо выступить против резолюции Совета Безопасности ООН, санкционирующей нападение на режим Саддама Хусейна. С другой стороны, китайцы не хотели выглядеть главными противниками односторонней акции США и с большой радостью передоверили эту задачу русским и собственным американским союзникам в Европе — французам и немцам. В ходе вооружённого вторжения китайцы втайне ото всех сотрудничали с Соединёнными Штатами в ООН по продвижению резолюции с признанием постфактум «законности» оккупации Ирака. Это делалось ради продолжения нефтяного экспорта. В то время Китай числился главным кредитором Ирака. Обеспечение нового оккупационного режима в Багдаде доходом и поддержание потока нефти с территории Ирака, в том числе в Китай, было в интересах самой КНР. Хотя представители остальных держав, выступавших противниками войны, восхищались «реальной политикой» Китая, их всё-таки раздражало отсутствие у Пекина желания громко заявлять о своей оппозиции политике США. Для китайцев, однако, выступать против Соединённых Штатов по поводу Ирака попросту не имело ни малейшего смысла. Вместо этого, как мы знаем, после Ирака они использовали дипломатическую зависимость Вашингтона от Пекина, чтобы выжимать уступки по восточноазиатским проблемам, таким как связанные с Северной Кореей и Тайванем.

Сотрудники бригады по формированию внешней политики Ху Цзиньтао к тому же пришли к заключению о том,

что войны в Ираке и Афганистане служат ослаблению Соединённых Штатов, а совсем не укреплению. Даже притом, что боевые возможности американцев произвели на наблюдателей НОАК в Пекине весьма благоприятное впечатление, их не сильно поразила боеспособность армии США, как это случилось после предыдущей войны с Ираком в 1991 году в Персидском заливе. Китайцы нагоняли американцев с точки зрения знакомства с военной техникой, хотя часто отставали в вопросах её применения. Главный вывод в Пекине сделали о том, что войны в мусульманском мире должны отвлечь Вашингтон от попыток сдерживать растущую мощь самого Китая. Глобальный кризис западной финансовой системы, начавшийся в 2008 году, послужил Пекину подтверждением правильности такого вывода. Дефицит федерального бюджета США получил толкование как своего рода имперское истощение ресурсов, а дефицит американского торгового баланса оправдывался отсутствием государственного и частного благоразумия в непомерном потреблении. К 2010 году критика китайцами американских войск звучала всё больше как апологетика умеренности и свободной торговли, скорее как речи Адама Смита, чем Карла Маркса, скорее как «Сделаем и будь что будет, мир возвращается сам по себе», чем «История нуждается в толчке».

Однако драма мусульманских стран к тому же напоминает китайским деятелям о проблемах, которые могут возникнуть в их собственном регионе. Если китайцам хотелось сделать свою страну региональным лидером в Азии, им бы пришлось сделать больше, чем пускать дела на самотёк, даже пусть им не хотелось повторять опыт американского и советского интервенционизма. Потенциал распада в Северной Корее или Бирме оценивается очень высоко, и в Пекине совсем не уверены в том, как подходить к подобным ситуациям. На текущий момент китайцы вполне удобно чувствуют себя как народ, проявляющий желание учиться у передовых стран по предметам, касающимся государственного регулирования, управления, финансов, производства,

технологии или народного образования. Гораздо меньше радости в попытках ликвидации хаоса на таких территориях, как Афганистан и Ирак. Многие публичные голоса в Китае выступают за воздержание от участия в делах «несостоявшихся государств» по трём основным причинам: там убивают и калечат китайцев. Ими должны заниматься западные державы, сами устроившие там хаос. И китайцам нет дела до наведения порядка на зарубежных и диких территориях — полезнее сосредоточиться на реформе у себя дома. Как бы там кто бы то ни было не смотрел на такое кредо невмешательства, отголоски китайского прошлого различаются безошибочно.

ПРИЗНАКИ СОВРЕМЕННОСТИ

Преобразование Китая за последние 250 лет шло параллельно его освоению иностранцами. На протяжении многих лет эти иностранцы пользовались своими преимуществами в Китае, и в том, что поэтому среди подавляющего большинства китайцев возникла обида на них, нет ничего удивительного. Но одновременно кое-кто из живших в этой стране иностранцев смог найти применение тому, что приходило снаружи, для изменения Китая. И при этом такие иностранцы менялись сами. Сегодня эта страна впитала в себя и то, что создавалось её гражданами на протяжении веков, и всё привнесённое извне. Довольно-таки большое число китайцев, как вы уже прочитали в этой книге, было прилично подготовлено для достойного обращения с таким «замесом разнородных элементов». Их отличает предельная сообразительность благодаря тому, что они подчиняются древним традициям, и к тому же потому, что смогли познать, подчас тяжким трудом, цену гибкости во время преодоления сложнейших преград. Китай находится на пути к развитию отчётливых форм новизны, привязанных к тому, что происходит в Северной Америке, Европе и Японии, но всё же коренным образом от них отличающихся, так как сам процесс определяется весьма специфическим китайским прошлым.

Проблема для историков, занимающихся поиском признаков китайской новизны и её будущего, состоит в том, что

прошлое довлеет в КНР над настоящим. Китай, как граждане этой страны любят всем напоминать, отличается богатейшим прошлым и многообещающим будущим, что иногда, когда речь заходит о происходящем сегодня, превращается в непроницаемое для познания препятствие. Один из приведённых в настоящей книге ключевых аргументов заключается в том, что не следует пугаться китайской увлечённости прошлым, как бы мы эту черту в китайском народе ни уважали. История Китая уходит далеко в глубь веков, и кое-какие её черты представляются унаследованными с той точки зрения, какая не подходит для Европы и подавно для Америки. Но главный аспект жизни сегодняшнего Китая просматривается в том, как его народ воспринимает комплексные изменения, происходившие в мировом масштабе в XIX и XX веках, а также как он их внедрил в своей стране в настоящее время. Китайцы с радостью встречают изменения, не всегда шедшие им на пользу, но зато теперь их страна числится второй после Соединённых Штатов Америки с точки зрения готовности к переменам и приспособленности к ним. Для старомодных европейцев вроде автора книги Китай сегодня совершенно определённо и иногда некстати воспринимается как государство стремительных перемен, неопределённости, готовности к воспроизводству чужого примера, а также скоротечности всего и вся.

Если бы китайцы собрались преобразовывать свою политическую систему где-то на американский манер или, если хотите, на японский, их страна по признаку отношений с внешним миром всё равно осталась составным из разнородных элементов обществом, каким она была в самом начале нашего повествования. Одна часть китайского общества всегда смотрит наружу в поисках новых возможностей, чтобы разбогатеть. Другая его часть всегда ориентируется на внутреннюю жизнь страны и во всём подозревает внешнюю угрозу. Считать первых хорошими людьми, а вторых — плохими означало бы большую ошибку как для самих китайцев, так и для иностранцев в равной степени. История совсем не делится по

такому признаку. Кое-кто из тех, кто засматривался наружу, то есть Мао Цзэдун или марионетка врага военного времени Ван Цзинвэй, видел возможности, обернувшиеся кошмаром в равной мере для китайцев и иностранцев. А кое-кто из самых перепуганных сторонников замкнутости пытался восстановить внутреннюю слаженность и равновесие, как раз необходимые Китаю в построении его отношений с миром.

В нашей последней главе речь пойдёт о вероятных вариантах развития отношений Китая с остальным миром с учётом того, что нам известно об этой стране сегодня. Как и все предсказания, всё у нас будет строиться на предположениях. Как уже говорилось в начале настоящей книги, авторы ряда нынешних расчётов утверждают, будто где-то к середине века Китай должен располагать самой крупной в мире хозяйственной системой и превратиться в мощнейшее государство мира. Но даже если всё это случится, нам всё равно не удастся предсказать поведение Китая после достижения такого высокого места в мире. Кое-какие знания прошлого позволяют представить по меньшей мере направление и предположительные предпочтения. Противоречия, встроенные в современную политику Китая, не должны исчезнуть с повышением статуса КНР, а кое-какие из них должны даже обостриться. Масштабы преобразований, предстоящие Китаю и которые будет наблюдать заинтересованный мир, представляются не постижимыми простым умом. Некоторые из них, такие как отношения нацменьшинств или классовая реорганизация внутри Китая, могут приобрести насильственный и противоречивый вид. Остальное, хотелось бы верить, пройдёт более мирным, чем многие себе представляют, путём. Отношения с Тайванем или даже с объединённой Кореей, обретшей более полноценный суверенитет Японией и ставшим напористым Вьетнамом будут опираться не столько на конфронтацию, сколько на компромисс в зависимости от внутрисполитической ситуации в самом Китае. Центральная проблема для внешней политики КНР в будущем состоит в том, что этой сложившейся империи при-

дётся вести себя как современному государству-нации. По большому счёту всё может обернуться тем, что получилось в США с их интеграцией нацменьшинств как полноправных членов общества и подавлением соседей, или в Британии, Франции и России, отказавшихся от имперских притязаний, основанных на принципе или экономической необходимости. Как бы там всё это ни повернулось, в поиске китайцами своей собственной новизны нельзя будет отделить внутреннее её содержание от внешней подпитки.

Всякий, кто хочет представить себе возможные для Китая варианты, должен начать с четырёх китайских сообществ, находящихся за пределами прямого подчинения КПК, — Сингапура, Тайваня, Гонконга и Макао. Притом что Гонконг и Макао в настоящее время числятся в составе КНР, у них всё-таки сохраняются собственная правовая система и властные полномочия, которые удаётся вполне успешно отстаивать при всех попытках руководства КНР поменять их. Сингапур представляет собой совершенно самостоятельное многонациональное государство, расположенное на значительном расстоянии от Китая, но с преобладающим населением китайского происхождения. Тайвань — это демократическое китайское государство у берегов континентального Китая, по историческому недоразумению пользующееся независимостью от Китайской Народной Республики на протяжении шестидесяти лет. Все они — китайские государства и всегда находятся в центре внимания, когда кто-то из китайцев задумывается о будущем КНР, как бы ваши китайские собеседники с этим ни соглашались или ни отрицали. КНР требуются предложения по поводу достойного управления страной, и её народ верит в то, что такие предложения придут от других китайцев, как это часто происходило в прошлом с правителями в Пекине.

Совет, который дали те, кто рассчитывает на внешний китайский мир, предусматривает действия в самых разных

направлениях. Те, кто обращает внимание на необходимость обуздания знати, обычно кивают на Сингапур и опыт его народа при Ли Куан Ю. Сегодня в Сингапуре образовалось прекрасно управляемое общество с авторитарными чертами, и многие китайцы, отправляющиеся туда из КПК, отмечают (с большим изумлением, если поездка первая), насколько нагляднее оно могло бы послужить образцом порядка и организованности для нынешнего Китая. Ли Куан Ю со своими соратниками многое сделал как надо, причём не только в борьбе с нищетой и обеспечении роста хозяйственных показателей, но и к тому же в планировании на будущее: государственные инвестиционные фонды Сингапура вызывают зависть во всём мире. Но Сингапур — это всего лишь город-государство, и его модель сложно применить к стране, где проживает пятая часть населения планеты. Следовательно, Сингапур может служить идеальным примером кое для кого из кадровых работников КПК, а не для реальной жизни с её вроде бы неразрешимыми сложностями. И даже пусть «Город Льва» сегодня с его запретом на жевательную резинку и «управляемой демократией» поражает воображение многих западных туристов придиричивостью своих властей, он разительно отличается от КНР. Ведь в этой стране людей казнят за то, за что в Сингапуре назначили бы крупный штраф, и запрещено обсуждение тем, сегодня не вызвавших бы ни малейшего интереса в Сингапуре.

Особое место принадлежит Гонконгу и Макао, то есть наследию колониализма на территории Китая, возвращённому КНР под громкие фанфары в 1997 и 1999 годах соответственно. Однако восстановление китайской юрисдикции совсем не означало политического и юридического закабаления. В Пекине прекрасно отдавали себе отчёт в том, что Гонконг в особенности представлял собой, образно говоря, курицу, несущую золотые яйца. Через него шла торговля и промышленные связи, прежде всего Южного Китая, с внешними рынками, а его британские колониальные право и порядок отвечали роли этой территории как финансового

центра с его вкладом в рост народного хозяйства КНР. В Пекине совсем не восторге от проявлений демократии, которые британцы попытались в 1990-х годах внедрить в собственной колонии практически в качестве своих запоздалых следов после заключения соглашения о передаче её Китаю. Конечно же власти КНР были бы рады пресечь в Гонконге распространение политического плюрализма, однако коммунисты высоко ценят единственное в своём роде положение этой бывшей колонии как города, по сути управляемого в соответствии с англосаксонским правом в пределах коммунистического государства. Если ориентироваться на мнение сотрудников Госдепартамента США, сформулированное в 2011 году, тогда «в Гонконге сохраняется свободное и открытое общество, где уважаются западные права человека, суды ни от кого не зависят, и там обеспечивается надёжное верховенство закона»¹. Притом что роль коммерческой столицы Китая постепенно переходит к Шанхаю, у Гонконга всё ещё может сохраниться его положение за счёт действующего на территории права этого района, толкового управления и относительной свободы слова. На момент написания этих строк рыночная капитализация обоих городов оценивалась примерно на одном уровне; их фондовые биржи числятся пятой и шестой в мире по размеру соответственно.

Но лучше всего тем не менее для сравнения с КНР брать не эти бывшие колонии, а Тайвань. Островная Китайская Республика располагается в сотне миль от побережья континента, практически всё её население составляют китайцы, и её отличают высокие уровни дохода населения, социальная стабильность и демократическая форма правления. Как мы уже убедились, военная и политическая напряжённость в районе Тайваньского пролива последние годы шла на убыль, и многие люди как на континенте, так и на острове надеются на медленное мирное объединение в той или иной форме родины. Только вот совсем не факт, что народ на Тайване захочет отказаться от своих устоявшихся в ходе

борьбы двух поколений порядков в обмен на единство с континентальным Китаем. Совсем наоборот, всё больше народа в КНР видят на Тайване образцы того, как следует реформировать продажные, безответственные и отсталые учреждения своей страны. Чем больше людей из КНР получит шанс посетить этот остров, тем сильнее у китайского народа укоренится восхищение огромными качественными различиями в государственном управлении там и дома, не говоря уже о полной свободе слова, существующей на Тайване. Кое-кто всё ещё готов утверждать, будто Тайвань остаётся американской колонией, и согласится с тем, что Китай — слишком крупная страна, чтобы её можно было втиснуть в рамки модели, подходящей для какого-то островка. Найдутся даже безрассудно храбрые (и мужественные) люди, готовые вести речь о том, что традиции, перенятые на Тайване во время японского колониального правления, служат основанием для совершенно иного пути развития сегодня, и этот путь Китаю не совсем подходит. И таких людей будет становиться всё меньше по сравнению с большинством народа, задавшегося вопросом, почему Китай с его людскими и экономическими ресурсами не может дать своим гражданам того, что обеспечивает тайваньская власть своему населению?

Вглядываясь в жизнь китайцев за пределами КНР, гражданам этой страны в первую очередь замечают такие её аспекты, как высокий уровень личной свободы и политический плюрализм. И главное, они к тому же видят стабильные, тщательно организованные модели общества, о которых можно мечтать у себя в Китае после всего хаоса, пережитого предыдущими четырьмя поколениями страны. Министры правительства КНР пытаются втолковать своему народу, что без руководящей роли КПК его ждут разброд и шатание. Но когда они смотрят на другие китайские государства, то гражданам КНР вполне можно сделать вывод о бестолковости их собственного государства с грабительской рыночной системой, бесполезными законами и правилами поведения, ме-

няющимися по капризу властей. Послушав молодых людей в Пекине, обсуждавших арест и заключение в тюрьму бывшего президента Тайваня по обвинению в растрате государственных средств и коррупции, автор книги услышал только парочку высказываний по поводу задержания Чэнь Шуйбяня как доказательство того, что не всё так уж благополучно на Тайване. Подавляющее большинство выразило восхищение обществом и государством, где возможные такие справедливые меры к провинившимся сильным мира сего.

Развитие экономики Китая будет находиться на переднем плане внешней политики Пекина ближайшие тридцать лет независимо от изгибов и поворотов его внутренней политики или дипломатии. Причина этого заключается не только в том, что Китай занимает второе место по размеру народного хозяйства в мире, но и к тому уже из-за тех ролей, которые приходится брать на себя китайцам, чтобы всё задуманное стало возможным. Нынешний Китай представляет собой мастерскую мира, фабрику по изготовлению товаров, поставляемых потребителям — американцам, европейцам и азиатам и пользующихся практически повсеместным спросом. Такова нынешняя роль этой страны, и её удалось получить, когда китайцы согласились на игру мирового рынка по правилам, установленным сначала англичанами в XIX столетии, а потом американцами в XX веке. При всём номинальном коммунизме власти Китай на практике превратился в передовика свободного рыночного капитализма на мировой арене и почти повсеместно внутри своей родины. Китайцы упорно трудятся, чтобы следовать правилам предложенной игры, и их всё больше тревожит тот факт, что не все ещё государства, будь то в Африке или Европе, сами всегда их строго придерживаются. Глядя с позиции Запада, трудно не заметить, что китайцы сейчас «пляшут под нашу дудку»².

И вот происходит становление Китая в качестве главного действующего лица на сцене транснационального капита-

лизма, причём к тому же уже очевидно, что правила игры меняются под китайцев. Вразрез с наблюдениями «китаескептиков» эти китаизированные правила редко по большому счёту перенастраиваются в сторону корпоратизма или государственного контроля. В лучшем случае речь идёт о коллективном принятии решений и компромисса, а в худшем — о коррупции и кумовстве. Совсем неясно, как китайский капитализм будет влиять на положение дел в других странах, особенно в случаях значительного культурного отличия от Китая. Из-за громадных объёмов инвестиций, хлынувших в КНР за последнее десятилетие, можно считать свершившимся фактом то, что китайская финансовая практика со временем скажется на делах иностранных компаний, ведущих дело в этой стране. Но на текущий момент китайцы занимаются внедрением заморских правил, например на уровне управленческих и трудовых отношений, таким образом, что они заметно меняют облик китайского общества.

Сегодня министры китайского правительства хотят выполнять определяющую функцию надзора за процессом развития народного хозяйства страны. Так как в Китае существует политическая диктатура, руководители всех учреждений, в том числе частных компаний, уделяют огромное внимание государственным нормативным документам. Но на самом деле способность государственного влияния на принятие решений частными лицами, несмотря на наличие у властей арсенала репрессивных мер, совсем не безгранична. В Южной Корее или на Тайване власти могут назначать направления развития экономики своих стран потому, что в их распоряжении находится кредит и движение капитала, а также потому, что они, и только они, обеспечивают выход на внешние рынки. Объём прямых иностранных инвестиций в процесс их индустриализации был мизерным, их кредитные компании находились под государственным контролем, а инвестиции их основных национальных фирм шли на налаживание выпуска товаров на экспорт. В Китае эти аспекты индустриализации перевёрнуты с ног на голову. Значительную часть

процессов определяют иностранные инвестиции, в Китае функционируют заморские банки, китайские банки располагают всевозможными средствами противодействия государственному диктату, а китайские компании уже превратились в транснациональные корпорации с крупными капиталовложениями за рубежом. Процесс внутреннего китайского роста с 1990-х годов управляется не национальными интересами или задачами пятилетних планов, а хаотичным взаимодействием рыночных сил. Всё это происходит в то время, когда государственные инвестиции по-прежнему направляются в доходные отрасли, а государству полностью или частично принадлежат крупнейшие компании Китая. Однако, как рассказал автору один из специалистов в области хозяйственного планирования, руководство государственных компаний чем дальше, тем больше ведёт себя как менеджмент частных предприятий: директора нанимают своих управленцев из того же состава одарённых людей. И они в равной степени отвечают за прибыли и убытки. Они могут прислушиваться к тому, что говорят чиновники, но только тогда, когда их компаниям обеспечивается приличная итоговая прибыль.

На текущий момент совсем немногие инвесторы мирового масштаба и руководители корпораций соглашались с главной идеей настоящей книги, состоящей в том, что китайцы должны заново изобрести глобальный капитализм, а не уничтожить его. В разгар кризиса 2008—2009 годов китайские чиновники и предприниматели в одинаковой степени начали выговаривать руководству западных стран по поводу необходимости рыночного и валютного равновесия, искоренения корпоративной алчности, невозвратных ссуд, чрезмерных дефицитов и непомерного потребления. Кое-кто из этого звучало комично с учётом многочисленных примеров недобросовестного ведения дел в самом Китае. Но на практике это напоминает о том, что многочисленная китайская знать сейчас видит себя совладельцами международной экономической системы, от успеха которой зависит доходность их срочных контрактов. Многие люди в Китае (и не

меньше за рубежом) мечтают о будущем «китайском капитализме» с более совершенной организацией, тщательнее уравновешенном и не таком разрушительном, как его западный вдохновитель. Пока что совсем немного говорит нам, что такое возможно. Но, как это часто случалось в мировой экономике раньше, источниками глобального роста выступают те, кто внедряет технические новинки, а также подражает передовикам. Будущее китайское руководство на государственном и частном уровне, чтобы попытаться укрепить государственное регулирование и изменить властную структуру совсем иначе, чем мы видели в предыдущих вариантах мирового капитализма, должно учесть опыт кризисов, которые оно прошло.

Во время глобального финансового кризиса Запада в 2008—2009 годах мир увидел в Китае ключевого участника мировой экономики. На Всемирном экономическом форуме в Давосе 2010 года премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао возложил вину за кризис на руководство западных стран, выбравших «неуместную» макроэкономическую политику... «и никуда не годную модель развития, отличающуюся пролонгированным низким уровнем сбережений и непомерным потреблением; чрезмерным расширением сферы деятельности финансовых учреждений в слепой погоне за выгодой; отсутствием самодисциплины среди сотрудников финансовых учреждений и рейтинговых агентств, а также вытекающими отсюда искажениями информации о риске и стоимости активов; и неспособностью сотрудников финансового надзора и регулирования поспевать за финансовыми нововведениями, позволившими нарастание и расширение рисков, заключённых в финансовых производных ценных бумагах»³.

Вот такая беда: подмастерье призвал к ответу бывших наставников за их выходку. Но в рецепте, прописанном китайскими коммунистами, нигде не сказано, что с капитализмом как таковым что-то не так. Наоборот, они внедрились самую масштабную в истории программу стимулирования экономики за счёт государственных средств и тем самым пытаются

предотвратить тяжелейшие для китайских компаний и китайского населения последствия глобального кризиса Запада. Рост для Китая после кризиса, скорее всего, будет не того масштаба, каким был раньше из-за международной конкуренции и в конечном счёте из-за старения населения страны. Но даже всего лишь при 6% в среднем годового роста Китай всё равно может к середине 2030-х годов занять первое место в мире по размеру народного хозяйства.

Положение Китая на международной арене в XXI веке будет определяться в одинаковой степени тем, что происходит внутри этой страны и что происходит за пределами её рубежей. Главная внутренняя проблема КНР состоит в том, что по причине неравномерного роста возникло отставание обширных территорий, а отсутствие достойной системы общественного благосостояния и защиты рабочих от чрезмерной эксплуатации стало причиной чрезмерно высокого уровня имущественного неравенства. Пока премьер Вэнь и представители других стран разносят Запад за его перегибы, неравенство в Китае как минимум в два раза превышает его показатель в США и Британии, а также выше по сравнению с относительно равноправными обществами, такими как в Германии и Франции. Пока на Западе медленно и неуверенно пытаются ликвидировать его тяжелейшие последствия, например внедрением некоторых форм дотирования образования и здравоохранения, китайское правительство защищается словами Дэн Сяопина о том, что в развивающемся обществе «сначала богатеет часть народа». Проблема такого положения дел, когда «наступающий прилив поднимает все лодки», состоит в том, что в Китае отсутствуют признаки ослабления неравенства; наоборот, ситуация в нищих районах усугубляется, а волнения трудящихся в связи с низкой зарплатой и ужасными условиями труда на многих фабриках нарастают.

При всём доверии к обеспечению общего экономического роста Китая можно назвать очень немного указаний на

то, что КПК как правящая партия обладает способностью устранить заметную напряжённость, возникающую из-за этого роста. Упорный отказ руководства этой партии разрешить политический плюрализм, который мог бы послужить своего рода предохранительным клапаном в условиях нарастающего недовольства, со временем может вызвать неустойчивость в китайской политике. Сегодня руководство КПК утратило способность на массовые репрессии в отношении своего городского населения, как это делалось во времена председателя Мао, в частности из страха перед тем, что применявшиеся тогда зверства вызовут разбалансирование народного хозяйства страны. Высокопоставленный кадровый работник КПК признался автору книги в том, что, как он думает, повторение мер 1989 года сейчас дело просто невообразимое. «Только представьте себе, — предложил он, — что тогда случится с показателем кредитоспособности нашей страны!» Но в то же самое время руководство этой партии делает ставку на то, что общий хозяйственный рост удержит их народ от выступлений против них. Как мы уже видели, в истории такие ставки себя оправдывают редко.

Главная причина того, что за рубежом на Китай смотрят с такой настороженностью, заключается в том, что этой страной правит коммунистическая партия. Только вот сегодня китайская политическая система кардинально отличается от коммунистического строя прошлого. На самом деле этот строй как таковой больше напоминает режим на Тайване или в Южной Корее перед демократизацией — авторитарный, подчас ужасный и жестокий, но не способный на злодеяния в тех масштабах, которые применялись в прошлом ради собственного сохранения. При всей невозможности прогнозирования того, что должно произойти с китайской политикой, вряд ли кого-то удивит, если китайцы пойдут по тому же пути демократизации, который выбрали остальные основные государства данного региона. Разве что период времени будет более протяжённым. Что бы там ни случилось, КПК — организация не вечная, и те зарубежные

наблюдатели, кто сегодня ставит знак равенства между этой партией и самой страной, совершают трагическую ошибку. История служит доказательством того, что Китай подвержен политическим переменам точно так же, как он пережил совсем недавно экономические и социальные перемены. К тому же не существует каких-либо врождённых ценностей или отношений, которые должны всенепременно вызвать противопоставление этой страны её соседям или Западу. Как и раньше на протяжении всей его истории, направление движения Китая станет исключительно делом политического выбора его руководства.

Большую интригу в развитии КНР представляет внедрение в этой стране гражданского права. В современных преобразованиях Китая всегда отставала область верховенства права, и кадровых работников коммунистической партии такое положение дел вполне устраивает, ведь при этом они пользуются возможностью по собственному усмотрению задерживать и сажать в тюрьму своих врагов. Однако, как и в соседних странах два десятка лет назад, отсутствие гражданского права становится всё более заметным и нетерпимым в условиях стремительно развивающегося коммерческого права. Иностранные и китайские инвесторы в равной степени хотели бы надеяться на надёжность вложения своих денег, и они собирают богатый урожай с посеянных ими зёрен. Нынешнее предпринимательское право Китая практически не отличается от своего западного прародителя по определяющим направлениям, таким как договорное право, корпоративное право, банковское право и разрешение коммерческих споров. Более того, торговое право внутри Китая не только внедрено, но и выполняется. Причём судебные решения обычно представляются объективными руководством иностранных компаний или зарубежным инвесторам, случаев вынесения заведомо неправомερных вердиктов в пользу государственных компаний и в ущерб другим участникам дел практически не зарегистрировано. Притом что аргумент в пользу якобы большей склонности к демократии представителей возникающих

средних классов по сравнению с остальными группами населения исторического подкрепления не получает, потребность в предохранении инвестиций представляется, как это отметил Карл Маркс для Европы XIX века, одной из причин внедрения буржуазией главенства права в целом. И в подавляющем большинстве случаев, как минимум со временем, апологетика принципа того, что деньги облечены большим правом, чем человек, становится делом сложным.

Как уже говорилось в настоящей книге, Китай — страна многообразная, и только тот, кто уважает её многообразие, может долгое время находиться у власти. Правление Цинов было продолжительным потому, что они познали Китай как плюралистическое общество и им требуется править с применением особого подхода к разным группам населения. Гоминьдановцы этого не осознали, и в скором времени их свергли. Коммунисты точно так же этого не поняли, но их отличает убеждённость в том, что современными условиями подразумевается гармония и однородность, а история должна прийти к ним на помощь. Их деятели к тому же верят в то, что однородность Китая отвечает истинным желаниям подавляющего большинства населения и поэтому представляет собой проявление китайской традиции. Возможно, они заблуждаются по обоим своим предположениям. Китайцам нужна надёжная и предсказуемая власть, но к тому же им требуется уважение к их собственным предположениям и накопленному опыту. Зато им не нужно государство, неоправданно активно вмешивающееся в их дела или служащее источником несправедливого обогащения сыновей и дочерей его руководства. Как и Гоминьдану до них, во времена громадных перемен коммунистические мандарины рискуют нажать максимальное число врагов как раз тогда, когда им больше всего нужно приобретать союзников.

Нынешнее руководство в Пекине одержимо страхом перед политическими отклонениями, а также этническими или религиозными разногласиями. Быть может, они знают,

что их право руководить экономикой не безгранично, и поэтому упорно удерживают контроль над политической сферой. На текущий момент политической альтернативы в Китае не существует. И при всём нажиме движений трудящихся и профессиональных организаций на правительство с многих разных направлений число политических раскольников остаётся очень маленьким. Даже при таком раскладе кадровые работники КПК перегибают палку (причём с катастрофическими последствиями для репутации строя как объединяющей силы) в каждом случае, когда воспринимают деятельность оппозиции как вызов своей власти. Когда учтивому диссиденту Лю Сяобо, уже приговорённому за мирный протест к одиннадцати годам тюремного заключения, присвоили Нобелевскую премию мира за 2010 год, китайские власти выставили его уголовником и позором этой международной премии. В 1999 году власти запретили расплывчато эсхатологическое и трансцендентное буддистское движение «Гонг Фалуна», а в КПК его заклеямили за «феодалные пережитки и декадентские идеи»⁴. Тысячи его приверженцев оказались в тюрьме. КПК выглядит врождённо неспособной терпеть критику организацией и поэтому боящейся всего и вся за пределами экономического сектора, собственно не одобренного программой этой партии.

Двумя самыми важными темами касательно отношения в КПК к нацменьшинствам в политической, религиозной, этнической и культурной областях будут выработка направлений работы с тибетцами и уйгурами, а также налаживание диалога с деятелями возрождения религиозной веры у населения. Все эти направления деятельности, разумеется, требуются взаимно увязывать. Одна из причин того, почему в китайской правящей партии так боятся региональной автономии, состоит в том, что предусмотренные ею свободы используют внутри Китая религиозные экстремисты. Жёсткое отношение к оппозиции Тибета и Синьцзяна представляется крупнейшей проблемой китайской власти на международной арене. Судя по результатам последних опросов

общественного мнения, она имеет бóльшую важность, чем все остальные проблемы КНР, волнующие американцев, европейцев и мусульман. Многие китайцы, и не только те, кто безоговорочно поддерживает своё правительство, считают такую критику нечестной. Ведь экономическое преобразование Китая, как они думают, гораздо важнее, и тибетцам с мусульманами Западного Китая выгодно как минимум точно так же, как китайскому большинству, обеспечивать рост этой экономики. Эти апологеты сложившегося положения вещей не понимают, что именно глухота коммунистов к естественным религиозным и национальным устремлениям групп меньшинств создаёт для Китая проблемы дома и за рубежом. Как мы уже видели, не одни только коммунисты в новейшей истории Китая пережили беды из-за непонимания национальных меньшинств своей страны. И навязывание ретроградских воззрений руководства через современные средства массовой информации быстро усугубляет все проблемы.

Появились очень ясные признаки того, что в Китае запылают с предоставлением большей автономии основным национальным меньшинствам и сокращением вмешательства в их дела. На текущий момент большинству тибетцев и синьцзянских мусульман было бы достаточно разрешения вести свои собственные религиозные отношения самостоятельно (по большому счёту потому, что собственная независимость представляется им несбыточной мечтой). Только вот коммунисты унижают тибетского духовного лидера далай-ламу обидным прозвищем «волк в одежде монаха» и называют опальную уйгурскую атаманшу Рабию Кадир «домохозяйкой, использующей своё преступным путём нажитое состояние на проведение раскольнических вылазок», поэтому перспектива в этом направлении выглядит совсем не светлой⁵. Молодое поколение тибетцев и уйгур потребует достойного признания их особенности среди народов Китая и ни на что меньшее не согласится. Прикомандирование бригад политпросвета в ламаистские буддист-

ские монастыри и закрытие синьцзянских мечетей под предлогом их сохранения и ремонта возбудит в западных провинциях КНР только ещё больше трений между национальными меньшинствами и ханьцами. Партийные власти тогда должны будут вмешаться на стороне переселенцев из других частей страны, а крупные негативные последствия от подобной конфронтации для авторитета Китая в мире не заставят себя ждать.

Возрождение религии в основных областях самого Китая тоже станет испытанием для репутации КПК и КНР на международной арене. Явление «Гонга Фалуна» послужит началом возрождения и преобразования буддизма, мусульманства и христианства. Как мы уже знаем, проклятием китайского государства, по мнению его руководства, все последние 250 лет служили такие вот «суеверные секты». Но сегодня угроза эта выглядит опаснее, чем когда бы то ни было, просто потому, что само государство даёт своему народу очень мало, чтобы в него верить. Разве что материальный прогресс, который редко трогает душу народа. Автор книги иногда посещает христианскую конгрегацию в пекинском предместье Хайдянь. Официально её никто не регистрирует, так как члены этой конгрегации, которых насчитывается больше тысячи человек, стараются избежать вмешательства извне. Конгрегация объединяет евангелистских протестантов, людей молодых, хорошо образованных и без особых политических претензий, зато у этих китайцев проявляется большой интерес к деньгам и финансам вообще. Перед властями стоит выбор, как относиться к этим группам христиан конгрегаций независимо от проповедуемой ими веры. Если они проявят достаточно мудрости и оставят их наедине с собой, особых причин ждать беды вроде бы не наблюдается. Но если ума не хватит, тогда можно практически не сомневаться в том, что этот народ поведёт себя по велению Бога, как он это понимает, а не по указке коммунистической партии.

Такая же модель поведения распространяется на остальные группы общества. Кое-кто из молодых китайцев может

верить пропаганде КПК по поводу иностранного влияния на заносчивых тибетцев или непокорных мусульман. Но тех же самых людей покоробит, если им придётся обсуждать цензуру Интернета со стороны КПК во время общения с друзьями или родственниками за рубежом. За все годы преподавания истории в Китае самый неловкий для одного китайского студента момент, который автор книги пережил, наступил во время обсуждения, скажем, маоистских чисток или репрессий 1989 года. Самый сложный момент наступил, когда этому студенту пришлось объяснять вновь прибывшим иностранным студентам своей группы, что в Китае заблокирован сайт Фейсбука. Молодёжь в Китае негодует по поводу отсутствия у них доступа к тем же видам сетей или простых развлечений, которыми пользуются дети во всех других странах. Невзирая на все попытки правительства по созданию «Великого китайского заградительного огня» (Great Firewall of China — название системы фильтрации содержания Интернета в КНР. — *Примеч. пер.*), молодёжь страны хотела другого. Они подозревают, что упускают что-то важное для своих сверстников и сетуют на власти за установление блокады. Кто-то из наблюдателей скажет: мол, свободный доступ к тупым игрушкам, чатам или разделам чата, посвященным отдельной теме, имеет ничтожное значение в стране, где людей до сих пор бросают в тюрьмы за их веру. Но ни одна власть в новейшей китайской истории не ушла от расплаты за то, что слишком долго досаждала молодому поколению своего народа. В нашем случае «Великий китайский заградительный огонь» может больше послужить символом беспомощности властей, чем предохранения от заморского подрывного влияния.

По причине стремительного развития народного хозяйства будущее место Китая в мире в большой мере будет определяться тем, насколько приобретение знаний будет поспевать за передовыми странами. Пока что Китай до при-

личного уровня в этом отношении не дотягивает. Китайская молодёжь исключительно успешно овладевает чтением и алгеброй. Судя по последней статистике, шанхайские выпускники средних школ по этим предметам признаны лучшими в мире. Только вот высшие учебные заведения КНР этих выпускников не устраивают, и за достойными знаниями им приходится отправляться за границу. Весьма часто самые толковые молодые китайцы превосходят своих сокурсников зарубежных институтов в учёбе и надолго задерживаются в заморских странах. Такая, с позволения сказать, дихотомия особенно характерна для китайских студентов гуманитарных и обществоведческих факультетов, однако весьма заметна также в науке и технике.

Ведущие вузы Китая проигрывают сравнение с лучшими американскими или европейскими учебными заведениями. В них работает очень много талантливого народу, но управляют этими вузами во многом точно так же, как советскими учреждениями прошлого. Конформистская посредственность ценится там выше беспокойной гениальности. Партия с её воззрениями довлеет над всем подряд, а приём на работу и продвижение по службе определяются скорее покровительством начальства, чем талантом человека. Проблема заключается совсем не в цензуре как таковой. Споры и обсуждения в ведущих заведениях сегодня достигли степени, немыслимой несколько лет назад. Сама проблема видится в соглашательстве, процветающем в высших учебных заведениях, и пробелах в новаторских знаниях, вытекающих из него. В самом Китае сегодня в самых разных сферах знаний просто не хватает ведущих мыслителей, способных обеспечивать будущий рост.

Этот провал представляется серьёзной проблемой в творческом участии Китая в мировых делах. Для ликвидации такого провала китайскому правительству придётся переработать свою систему высшего образования или, остаётся только надеяться, позволить руководству своих учебных заведений провести их коренную реформу изнутри. При той

центральной роли, которая отводится образованию народа в собственных планах развития правительства, удивляет, как мало ещё сделано на этом поприще. Тем временем в Китае фактически разбрасываются талантами направо и налево. В газетах, а также публикациях самих вузов и НИИ часто появляются большие статьи об учёных с мировым именем, родившихся в Китае или предки которых вышли из этой страны, которые возвращаются на преподавательскую работу в китайские институты. Но таких совсем немного, и обычно они приезжают в КНР под занавес научной карьеры. Иногда возвращаются на родину молодые китайские учёные, получившие образование за рубежом, но, как мы видели, таких очень немного. Но, проведя несколько лет в КНР, если у них появляется шанс, они отправляются работать за границу. Встреча с проблемами и хитросплетениями системы китайского высшего образования отбивает у них охоту служить своей стране. Они прекрасно уживались в Йельском или Кембриджском университете, в Калифорнийском технологическом институте, но чувствуют себя инородными телами в китайских вузах.

Существует вероятность того, что обученные за границей учёные, вернувшиеся в Китай и прижившиеся в нём, в конце концов добьются изменения сложившейся системы. Можно привести примеры настоящих центров передовых знаний в сфере китайских исследований, и иногда они находятся в самых удивительных местах. Одним из таких центров в сфере работы автора книги можно назвать Центральную партийную школу ЦК КПК. Здесь не существует ограничений для споров (даже притом, что совсем немного можно потом повторять за пределами студенческого городка на северо-западе Пекина), и сюда набирают первоклассных специалистов для подготовки будущих партийных руководителей. К тому же существует вероятность того, что с открытием иностранных университетов в Китае удастся изменить китайскую картину высшего образования, как это произошло в конце XIX столетия. Крупнейшим из них на

текущий момент считается британский университет Ноттингемского студенческого городка в Нинбо в пригороде Шанхая. В него может поступить до восьми тысяч студентов и обучаться в университетских условиях, которые ничуть не хуже, чем где-нибудь за пределами КНР.

Со временем, быть может, сложнейшей проблемой в поиске знаний для Китая окажется неспособность властей привлекать первоклассных учёных из-за границы. Больше трети всех американских нобелевских лауреатов в области медицины за послевоенный период родились за пределами США⁶. В Китае трудно насчитать горстку профессоров во всех областях иностранного происхождения, работающих в ведущих университетах этой страны. Одной из причин этого следует назвать то, что Китай всё ещё остаётся малопривлекательным государством для жизни и работы учёных с мировым именем. Но к тому же надо что-то делать с отношениями в сегодняшнем Китае. Притом что многие люди по всему миру могут себя представить перековавшимися под американцев, очень немногие думают таким же образом о Китае, даже после того, как его экономический рост обратил на эту страну самое пристальное внимание. В отличие от ситуации, когда начиналось наше изложение с XVIII века, китайские власти и сотрудники государственных ведомств сделали всё, чтобы заузить представление о том, что означает быть китайцем. Если такие настроения не преодолеть, тогда китайцам будет сложно соперничать в нововведениях и знаниях так же успешно, как они это делают в сфере производства товаров.

Как мы уже знаем, патриотизм в приближённом к западному виду в Китае представляется явлением совсем недавним. Во многом он — продукт бурного XX века. Сегодня тем не менее на китайском политическом поле процветают разнообразнейшие виды патриотизма, причём в вариантах, легко узнаваемых у европейцев XIX столетия. Не все эти виды так

уж плохи. Чувство гордости быть китайцем и участником продолжительной истории китайского народа может перевесить режим *диктата* или беспокойство, характерное для отношений Китая с внешним миром. Проблема начинается, когда патриотизмом играет власть ради политических приобретений или когда он вызывает неприятие иностранцев и людей с другой внешностью или манерой поведения. Самый опасный патриотизм под лозунгом: «Мир нас ненавидит, а нам на него плевать», потому что он позволяет себя вести совершенно негуманно по отношению к тем, кто воспринимается как чужак⁷.

К проблеме национального патриотизма относится (но не приравнивается) растущее китайское внимание к этническим или расовым признакам. Опять, как мы уже раньше читали, это — недавнее увлечение кое-кого из китайцев, и ему потворствуют китайские коммунисты, занятые поиском оправдания своему правлению на будущее. Китайцы, следуя их логике, представляют собой отличный от остальных народ, ориентированный на коллективные достижения, последовательную политику и похвальные цели. Им претят хаос и неопределённость, зато нравятся аналитические подходы и точные прогнозы. Там, где другие народы легко увести в праздность и непостоянство, китайцы остаются честными, трудолюбивыми образцами проявления здравого смысла. К тому же они, располагающие за плечами древней историей, вернее и правее всех остальных. Весь этот вздор стоит на пути развития рациональной внешней политики Китайской Народной Республики и уводит её народ в сторону от собственных проблем, прежде всего от проблемы зачаточного состояния западной демократии в Китае⁸.

Подчас кадровые работники КПК заимствуют терминологию меньшинства китайцев, придерживающихся крайнего патриотизма. Но в партии их к тому же ещё и боятся, зная, что со своей собственной «импортной» идеологией и подчинением открытым транснациональным рынкам они сами легко могут оказаться объектами критики ультранационали-

стов. Нет слов, в 1989 году и ближе к нашим дням против партии и её правления использовались патриотические лозунги. В КПК хотят использовать патриотизм для оправдания своего господства в Китае, но коммунисты не знают, как им пользоваться без особого риска для себя. Надо сказать тем не менее, что кое-какая партийная пропаганда по поводу особых китайских черт для развития нашла отклик в душе молодёжи, которой нужно во что-то верить. Одна студентка в 2010 году коротко это всё объяснила так. Даже пусть подавляющее большинство представителей её поколения знает о недостатках правления одной партии, сказала она, они всё с меньшей охотой готовы обсуждать это, особенно в присутствии иностранцев. В Китае, всё шире открывающемся внешнему миру, должна быть, думает кое-кто из них, какая-то часть по-настоящему и уникально китайская, а не примитивное повторение заморских моделей. Что-то помогающее объяснить нынешний рывок Китая вперёд. На Западе уже существует достаток и демократия. Вероятно, достаток без демократии может оказаться чем-то для китайца, чем можно гордиться, ведь он обеспечил невиданный экономический прогресс. Но студентка автора книги тут же добавила, что её товарищи по группе так считают, когда размышляют о Китае в сравнении с другими странами. Как только речь заходит о самом Китае, многочисленные провалы партии в управлении страной вызывают широкое осуждение.

Присутствие такого раздвоенного воззрения на отношения Китая с внешним миром получило поддержку участников последних опросов общественного мнения. К сведениям, собранным при диктатуре, следует относиться с известной настороженностью, но кое-какие общие тенденции при этом просматриваются. Внешний мир больше пугает молодёжь, чем людей постарше. По результатам недавнего опроса населения, две трети респондентов в возрасте от 18 до 24 лет считают, что Соединённые Штаты Америки представляют угрозу миру, и только треть тех, кто старше 55 лет, согласи-

лись с ними. Угрозу со стороны американцев (а также японцев и индийцев) чаще видят мужчины и участники опросов с высшим образованием. Представители всех групп тем не менее согласились на том, что глобальные процессы масштаба планетарного изменения климата, нехватки питьевой воды и продовольствия составляют более серьёзную опасность, чем вторжение иностранных вооружённых сил. На вопрос, почему Соединённые Штаты Америки представляют собой угрозу Китаю, участники опроса единодушно ответили, что американцы могут предпринять попытку вмешательства в укрепление влияния КНР в мире; они могут оказать поддержку сепаратистски настроенным элементам внутри Китая; они готовы выступить на стороне тайваньцев в споре властей, разделённых Тайваньским проливом; и они располагают более мощными вооружёнными силами, чем собственно Китай⁹. Те, кто не особенно верит в светлое будущее Китая на международной арене, обращают внимание на крепнущий патриотизм китайцев, а кое-кто из настроенных оптимистически распространяется по поводу встречного течения. Интерес и ориентация Китая, говорят они, прочно привязаны к развитию международного права, а также гармонии и равновесия международных отношений. Такой поиск более рационально организованного сообщества наций, способного воспринять как должное внешнюю экономическую экспансию Китая, отличается, как можно было видеть, такими же глубокими корнями в китайской истории, как и сегодняшний патриотизм, если не глубже. Поразительно, насколько часто китайские внешнеполитические аналитики и дипломаты используют словосочетание «международная общественность» при проведении внешней политики, нужной им. Авторитетный декан Института международных отношений Пекинского университета Ван Цзисы утверждает, что «интересы Китая можно обслуживать достойнее, если нам удастся предложить больше общих благ международному сообществу и разделить больше общих ценностей с другими государствами»¹⁰. Только вот, и декан Ван согласится с этим в первых рядах, такое можно

сделать, исключительно если откажешься от концепции «особого пути» к новизне для Китая и от веры в то, что чужаки — от природы враги возвышения этой страны.

Кое-кто из имеющих представление об истории комментаторов полагает, что в Азии или, по меньшей мере, в её восточной части началось сползание к международной системе начала нашего повествования: китаецентристскому миру, в котором народы остальных стран поклоняются символам китайской власти. Но это не так, даже если просматриваются какие-то сходства между ситуацией 250 лет назад и сегодняшнего дня. Китай, несомненно, превращается в этом регионе в центральную державу и экономический локомотив, который будет тянуть азиатский рост на протяжении жизни как минимум ещё двух поколений. Но вряд ли китайцам будет просто подчинять другие народы своей воле, разве что в периоды чрезвычайных драм. Даже во время правления императора Цяньлуна совсем не существовало, как мы видели и вразрез с распространённым мнением, системы подношений, через которую китайцы могли бы навязывать своё господство. Сегодня власти этой страны в случае попытки навязать господство и контроль над своими соседями столкнулись бы с непреодолимыми препятствиями. Современный Китай — страна патриотов, а не так называемых универсалистов. Патриотизм этой страны стоит в одном ряду с патриотизмом остальных народов данного региона, который как минимум такой же мощный по внутренним идеологическим меркам, как и в Китае. Вспомните хотя бы о Корее или о Вьетнаме. США не должны исчезнуть как азиатская держава. А в культурном плане Китай особенно проигрывает в рекламной привлекательности (ему не хватает так называемой «мягкой силы»). Ведь ни один молодой человек с нормальной психикой в Токио и Сеуле или даже на Тибете и в Сингапуре не увлекается КНР до такой степени, чтобы скачивать музыкальные произведения, кинокартины или заимствовать идеи творцов этой страны.

Следовательно, центральное место Китая в Азии должно всё больше обозначаться экономическими факторами, причём не просто как страна-производитель, но и народ-потребитель. Одной из особенностей начала XXI столетия должно стать наращивание объема торговли внутри самой Азии. А обусловлена такая особенность по-прежнему стремительным ростом в регионе, но происходить он будет совсем не параллельно или даже единообразно. Представление о том, что азиатским государствам практически нечем торговать друг с другом, следует назвать мифом подавляющего большинства всех исторических периодов. Даже когда случилось предельное ослабление китайского государства (с 1880 года по 1910-е годы), торговля внутри Азии росла быстрее, чем торговля между Востоком и Западом, то есть там, где историки экономики указывают неформальную китайскую коммерческую сферу¹¹. Если только не случится политическая катастрофа и всё встанет, можно подумать о значительном сегменте будущего роста Азии как передаточном звене, в котором техника, товары и рынки в разных странах будут десятилетие за десятилетием передаваться друг другу. Если призвать в свидетели прошлое, окажется так, что никакой азиатский патриотизм, каким бы обострённым он ни был, ни разу не мог остановить упомянутый выше процесс.

В ближайшее время самые важные региональные отношения Китая будут складываться с Японией. Невзирая на недавнюю перемену в восприятии друг друга к худшему, можно привести довод для веры в то, что двусторонние отношения между этими странами будут сближаться, особенно по экономическим вопросам. Они нужны друг другу. Старейшему населению Японии требуются китайские рынки для его товаров, а китайская территория всё больше служит местом для размещения производственных предприятий. Китаю нужна японская техника и отстранённое отношение в Токио к наращиванию военной мощи КНР. Никто и не сомневается в том, что со временем мощь КНР будет нарастать, а Японии — исчезать. При этом маловероятно, чтобы

японцы попытались уравновесить Китай тем же самым способом, разве что через союз с Соединёнными Штатами. К тому же ничего страшного, если по мере нарастания обоюдной зависимости в китайско-японских отношениях с обеих сторон будут поступать взаимные упрёки. Такого рода нестыковка между бранными выражениями и благоприятными условиями торговли в азиатской истории далеко не новость.

Корейцы после объединения должны, скорее всего, сохранить военный альянс с США. Разумеется, китайцы с помощью своей ловкой дипломатии могут справиться с грядущим крахом Северной Кореи и предложить южным корейцам объединение на условиях, диктовать которые будут из Пекина. Второй вариант вряд ли возможен, однако, в силу прежде всего исторических причин, указанных в предыдущих главах настоящей книги. Скорее всего, получится так, что время Пхеньяна просто придёт, и северокорейское государство развалится изнутри, а в Южной Корее предстанет незамедлительное и во многом неконтролируемое объединение против желания народа. То, что китайцы сделают в такой ситуации, будет иметь решающее значение для будущего положения КНР в регионе. Если руководители Китая осознают, что единая Корея, чьё правительство свободно выбирает направление своей внешней политики, будет полезнее для них, чем что-то ещё, достигнутое дипломатией принуждения, тогда Пекин на самом деле созреет для международных отношений.

Лёгкого успеха во внешней политике китайцы могут добиться в Юго-Восточной Азии, но только если в Пекине правильно разыграют свою карту. Крупным экспериментом в региональном сотрудничестве нашего времени представляется организация АСЕАН. И пусть ей не суждено превратиться в наднациональный союз наподобие ЕС, в АСЕАН определены рамки для сотрудничества между освободившимися колониями, единственные в своём роде как по форме, так и по глубине. Главное испытание для Китая будет со-

стоять в готовности китайцев согласиться с углублением интеграционных процессов в ЮВА, при котором Пекин умышленно выносится за пределы региона. В частном порядке пекинские политики очень часто признаются в том, что они предпочитают иметь дело с отдельными государствами, а не с региональными организациями. К тому же они, понятное дело, осведомлены о том, что, несмотря на все разговоры о привлечении Китая в качестве партнёра с точки зрения развития и обеспечения безопасности Юго-Восточной Азии, одним из стимулов очевидного успеха АСЕАН послужил страх перед возвышением Китая и его последствиями для региона. Существует к тому же потенциал укрепления сотрудничества между АСЕАН, США и Индией. Но если в Пекине с толком разыграют свои козыри, делая упор на экономический синергетический эффект, а не территориальные споры, у китайцев на самом деле найдётся реальный шанс наладить прочные связи с этим регионом, связи, способные выдержать политические перемены в Китае, а также взлёты и падения интеграции в ЮВА.

Крупнейшую внешнеполитическую задачу дипломатия Китая будет решать на индийском направлении. Задача эта на самом деле очень сложная. Мы уже узнали, как отношениям между двумя странами досаждали пограничные проблемы и враждебные воззрения друг на друга. За последнее десятилетие обострилось соперничество между китайцами и индийцами за влияние в международных организациях. На текущий момент Китай значительно вырвался вперёд по показателям экономического развития, но и у Индии находят свои преимущества. Пока население Китая стареет из-за политики единственного на семью ребёнка («Китайцы, — предупреждает кое-кто из демографов, — постареют раньше, чем разбогатеют»), Индия располагает молодым, крепким и прекрасно образованным населением. К 2050 году численность населения Индии в полтора раза превысит численность населения своего северного соседа. Индия к тому же обладает устойчивой политической системой с загонами для

диссидентов. На её территории в качестве одного из официальных используется английский язык. Индия уже располагает полностью конвертируемой валютой, и хотя её рынок капитала меньше, его прозрачность и предсказуемость гораздо выше, чем в Китае. То же самое касается подвижности рабочей силы¹².

Сегодня многие экономисты утверждают, что по этим причинам через пятьдесят лет Индия должна опередить Китай по размеру ВВП, но китайцы располагают потенциалом удержать своё превосходство. Им это удастся в случае углубления реформ, прежде всего в политическом секторе, и отказа от пагубной политики одного ребёнка на семью. В настоящее время китайцы предусмотрительно инвестируют в объекты инфраструктуры, народное здравоохранение и образование; в результате они добиваются существенного повышения качества жизни своих граждан. Уровень детской смертности в Индии в два раза выше, чем в Китае, и китайские дети в среднем учатся в школе в два раза дольше, чем дети в Индии (7,5 года и 4,4 года соответственно). Китай к тому же располагает производственной базой, далеко превосходящей индийскую. Если китайцы продолжат привлекать инвестиции, тогда уровень и качество промышленной отдачи должны в среднем оставаться выше, чем в Индии. Но в первую очередь отношения между этими двумя странами будут зависеть от способности каждой из сторон смириться с практически одновременным их подъёмом. Индийцам придётся вести себя предельно осмотрительно с точки зрения вмешательства на Гималаях и особенно на Тибете. Но перед китайцами стоит более масштабная задача. Считавшийся близким союзником Исламабада, который в Индии вполне оправданно рассматривают в качестве корня главных своих внешнеполитических проблем, Пекин может запросто стать заложником исхода какого-нибудь индийско-пакистанского конфликта. В 2011 году пакистанский президент назвал близость связей его страны с Китаем «непревзойдёнными ни одними отношениями между двумя суверенными

странами»¹³. Если ничего не изменится, в Пекине будет трудно предотвратить потенциальное соперничество со второй находящейся на подъёме державой Азии.

Будущее Китая на международной арене зависит не только от самого Китая. Оно к тому же зависит от того, как другие нации будут относиться к нему. Державой, располагающей первостепенной возможностью оказывать влияние на будущее Китая (и мир в целом), можно назвать США. Когда где-то в 2030-х годах Китай займёт первое место в мире по размеру народного хозяйства, Соединённые Штаты Америки будут занимать ведущее место в качестве военной державы, и такое положение сохранится ещё на десятилетие или больше после всего этого. К тому же в момент, когда Китай на самом деле превратится в страну с самой большой в мире хозяйственной системой, около 40% его населения по международным стандартам будет по-прежнему считаться нищим. Его доход на душу населения будет в два раза меньше, чем в США (и составит меньше трети дохода на душу населения в Сингапуре, который к тому времени должен опередить Норвегию как самую богатую в мире страну в расчёте на душу населения). США с их богатством и мощью смогут влиять на подъём Китая как ни одна другая страна. Большой вопрос состоит в том, захотят ли в США мириться с повышением статуса Китая или попытаются это повышение прекратить.

При всех подозрениях китайцев (исторически обоснованных, как мы уже видели) по поводу того, что в США хотят затормозить Китай, так как большинство их населения недолюбливает этих самых китайцев, настоящих доказательств таких предрассудков в современной жизни практически не обнаруживается. Наоборот, по результатам опросов населения получается так, что все группы американцев ставят китайцев и американцев китайского происхождения очень высоко практически по всем показателям, хотя кое-какие

этнические стереотипы остаются неизжитыми. Но когда дело касается отношения к нынешнему китайскому правительству, картина меняется. Около трети американцев считает, что американскому руководству и деятелям КПК в будущем придётся потрудиться, чтобы как-то договориться. Ключевыми источниками противоречий видятся уважение прав человека, Тибет и торговля¹⁴. Подавляющее большинство американцев видят в Китае партнёра США, если в Пекине позволят больше демократии. Но их к тому же тревожит то, что американские власти делают не всё для сохранения уровня занятости и благосостояния в США в условиях нынешнего состязания отношений с китайцами. Точно так же, как патриоты в Китае смотрят на другие страны, такая озабоченность служит поводом для критики больше Вашингтона, чем Пекина. Однако обеспокоенность по поводу отсутствия демократии в КНР и того, как там обращаются со своим собственным народом, представляется слишком укоренившейся, и её будет труднее преодолеть, даже если американской администрации захочется работать с руководством КПК.

Как уже упоминалось выше, китайское увлечение Соединёнными Штатами представляется практически безграничным. В нём перемешались страх с привлекательностью и обожание с отвращением. Практически все китайцы отличают критику правительства от критики народа, нации или даже государства, однако новые патриоты Китая часто стоят на пути хладнокровной оценки политики Вашингтона. То же самое касается тайваньской проблемы, когда огромное большинство китайцев в КНР полагают, что США повинны в сохранении раскола сейчас и возникновении его в прошлом. Вполне возможно, что в будущем общественное китайское мнение о США повернётся негативной своей стороной, причём вне зависимости от того, что скажут или сделают представители американских властей.

Антиамериканские настроения среди китайских граждан представляются для КПК палкой о двух концах. Несмотря

на надежды среди кадровых работников КПК на то, что такие настроения можно использовать в целях укрепления внутренней поддержки нынешним китайским руководителям, любое повышение общественного внимания к этой теме приносит Пекину только головную боль. В КПК совсем не хотят затяжной конфронтации с США, ведь там убеждены, что тогда затормозится экономический рост в Китае. В настоящий момент правительство КНР, как мы уже видели, вполне устраивает то, что народное хозяйство их страны функционирует внутри мировой экономической системы во главе с США. Власти Соединённых Штатов в конечном счёте действуют в общих чертах так, чтобы стимулировать рост в Китае. Руководству КНР совсем не нужно затяжное стратегическое лобовое столкновение с мощнейшей державой на планете, из-за которого в 1970-х и 1980-х годах потерпел поражение Советский Союз.

Следовательно, не стоит ждать, чтобы Китай начал сползать в какую бы то ни было холодную войну с Соединёнными Штатами Америки. Что бы там ни говорили иногда деятели в Пекине и Вашингтоне, просто при нынешней расстановке сил в мире между ними не существует достаточного расстояния, необходимого для возникновения такой войны. Понятно, что могут случиться инциденты и проявления соперничества и всегда существует риск того, что корейцы или тайваньцы, служащие постоянным раздражителем в китайско-американских отношениях, в любой момент подорвут всяческие усилия по утверждению стратегического доверия. Однако о постоянных или систематических попытках разгромить друг друга любыми средствами, не предусматривающими полномасштабной войны, такими, которые применяли Вашингтон и Москва в послевоенный период, речи не идёт. Другое дело тем не менее, если воспользоваться возможностью наладить настоящее сотрудничество. Чтобы такое случилось, Китай должен превратиться в нечто большее, чем деструктивная сила для американской внешней политики, и не факт, что такой поворот возможен при нынешнем

строе в КНР. В своём риторическом стержне китайская внешняя политика сосредоточивается на концепциях, удивляющих многих американцев. Нет чтобы на старомодных вещах: суверенитете, разумеется, но к тому же чести, чистосердечности и международном уважении. Общие ссылки на все эти концепции служили приманкой для друзей Китая за границей, но их конкретное применение для поддержки таких диктаторов, как Роберт Мугабе в Зимбабве, суданский Омар аль-Башир или бирманская военная хунта, вредит китайской внешней политике. И она подрывает отношения с Вашингтоном, где и либералы и консерваторы говорят, будто единственная цель китайцев при этом заключается в потворстве врагам Америки, кем бы они ни были. Китайцам пора бы понять, что мельтешение перед глазами главной державы планеты может принести временное удовлетворение собой, но оно не дотягивает до магистральной стратегии в международных отношениях.

Внешняя политика Китая в новом столетии стремительно уходит за её прежние горизонты. Главная задача для любого будущего китайского руководства будет состоять в разработке глобальной внешней политики и мер реагирования на заботы в регионах, исторически мало известных в Китае, но именно от этих районов в невиданной раньше степени будет зависеть экономический рост КНР, соответственно отражающийся на них самих. Африка, Латинская Америка и Ближний Восток нуждаются в политике Пекина, идущей дальше торговли и добычи полезных ископаемых. Однако для КПК или любых других китайских руководителей будет трудно наметить здесь рациональную политику. Китайское население относительно мало интересуется внешней политикой, и его не очень-то волнует, что эта политика становится всё более внешней. Кроме того, Китаю практически нечего вкладывать сверх своей ключевой экономической мощи. Как сказал один африканский чиновник, Китай не может

служить вдохновителем достойного управления или внедрения мер по обузданию коррупции. В отличие от Соединённых Штатов Америки, в Китае вроде бы не заинтересованы в мирных планах, региональном сотрудничестве или национальном примирении. Наоборот, по мере возрастания экономического значения своей страны там явно стремятся к ограничению собственной политической роли. Такой подход вряд ли послужит Китаю во благо.

Пусть мир устал от американской политики вмешательства в дела суверенных государств, но совершенно определённо он не готов мириться с воздержанной сверхдержавой. Подавляющее большинство народа с возникновением кризисов ждёт лидирующей роли великих держав. Ближний Восток остаётся тревожным регионом на протяжении десятилетий, и Китаю нужна политика по выявлению причин этой беды, а также воля к применению экономического веса для воплощения такой политики в жизнь. От Китая к тому же требуется ответ тем из африканских деятелей, кто будет говорить в предстоящие десятилетия, что Пекин просто идёт по стопам империалистов. Китайцы просто предлагают свои собственные услуги, чтобы получить доступ к природным богатствам, и это — вместо налаживания партнёрских отношений с африканцами, а также капиталовложений в искоренение нищеты. Ради совершенствования своих действий китайцам необходимо опираться на опыт китайской диаспоры и укреплять центры знаний дома, придавая им больше свободы и открытости для публики. Существует потребность в политике и инструментах проведения политики, идущей дальше обычных целей закрепления достижений Китая.

Кое-кто из китайских друзей автора книги с этими всеми аргументами не соглашается. Как могут китайцы, спрашивают они, разрабатывать такую политику, когда у них дома и без того хватает неразрешённых проблем? Китай не может служить для других стран образцом плюрализма и толерантности потому, что политический строй его предусматривает диктатуру и нетерпимость. Китайцы не могут распутать эт-

нический и религиозный конфликт в зарубежной стране, так как у них отсутствует способ гашения подобного рода разногласий внутри КНР. Китайский народ может хотеть государство со статусом великой державы, но оно само по себе остаётся незрелым с точки зрения внешней политики, проводники которой представляют другие общества в виде примитивной карикатуры на самих себя. Приведём встречный аргумент: наряду с относительно откровенной исторической истиной (для тех, кто живёт в Британии), что решение чьих-то собственных проблем — это ещё не повод для разработки направлений политики для всего мира, выбор у Китая отсутствует. Ни одной стране, располагающей экономикой, во всё большей степени влияющей практически на каждого человека планеты, не удавалось отвернуться от возникающих проблем, даже пусть они появляются за пределами собственного региона. Рассудительные деятели китайской внешней политики говорят, что китайцы не хотят использовать подход к мировым делам американского стиля с укоренившимся убеждением в том, что все мировые проблемы могут и должны решаться силами США. Всё это, быть может, правильно, но нельзя, образно говоря, прятать голову в песок, а потом тайно злорадствовать над ошибками других людей. С таким подходом можно достигать второстепенных целей, но не вести внешнюю политику, тем более строить полноценную стратегию.

Один из величайших парадоксов китайской внешней политики состоит в том, что, как только в Пекине начали вникать в важность дел Багдада и Буэнос-Айреса, на Брюссель и Берлин там не обратили ни малейшего внимания. Притом что Европейский союз в настоящее время числится крупнейшим экономическим партнёром КНР, отношения Пекина с ЕС ограничиваются исключительно узкими вопросами торговли и передачи технологии. Китайские дипломаты оправдывают это весьма неуклюже заявлениями о том, что китайцы традиционно предпочитают вести дела с отдельными государствами, а не региональными группами стран.

Только вот на примере АСЕАН все уже убедились в том, что такая политика не очень-то оправдывала себя в прошлом, и вряд ли она принесёт успех в международных отношениях с растущей объединённой громадой нынешнего мира. Китайскую политику даже в отношении отдельных европейских стран по большому счёту политикой не назовёшь, ведь всё дело ограничивается поощрением экономического обмена с вкраплениями периодических и всё больше ритуальных осуждений в пекинском политическом бестиарии визитов далай-ламы или других «предметов ненависти».

Такое пренебрежение третьего по величине в мире сосредоточения мощи должно представлять для Китая проблему, если только её власти не изменят свой подход к ней. Умные люди в руководстве китайской внешней политики уже энергично работают над этим моментом. Можно рассчитывать на то, что в Пекине на ближайшее десятилетие запланирована корректировка европейской политики государства и что КНР и ЕС станут ближе. Китай больше напоминает Соединённые Штаты с их готовностью к переменам и при этом, скорее как Европа, сторонится риска. Такая двойственность может показаться противоестественной, но это не так. Перемены, считающиеся делом внутренним, представляются контролируруемыми. Риск, содержащий внешние факторы, видится неконтролируемым. Китайцы и европейцы могут оказаться в целом совершенно неправыми с их воззрениями на то, как лучше взаимодействовать с внешним миром, но мало у кого возникнут сомнения в общности их подхода, который может послужить их дальнейшему сближению в будущем.

Как мы видели, китайцам многое ещё предстоит сделать, чтобы наверстать отставание в своих подходах к внешнему миру. Кое-какие из этих корректировок будет трудно внести до тех пор, пока в Китае не появится правительства, по-настоящему представляющего интересы своего народа. Коммунистические деятели в настоящее время утверждают, будто

Китай обладает собственными особенностями, предполагающими правление силами знати из числа самовыдвиженцев. Сохранять такое положение в долгосрочной перспективе будет делом практически невозможным. Китайцы точно так же разбираются в своём правительстве, как и другие народы, и точно так же не заслуживают того, чтобы решения за него принимала небольшая группа вельмож. С учётом китайской истории существуют все основания полагать так, что расширение участия народа в политических обсуждениях и работе правительства помогло бы в преодолении нынешних упущений в китайской внешней политике. Но даже когда такие перемены всё-таки случатся, чужакам следует помнить, что китайская внешняя политика будет продолжительное время определяться людьми, подобранными и подготовленными в условиях нынешней политической системы. Такая практически неизбежная преемственность означает, что чем больше будет сделано сегодня для заинтересованного обсуждения китайской внешней политики, тем выше вероятность появления будущей политики, отражающей интересы всего остального мира, а не только китайцев, независимо от политики внутри страны как таковой.

Даже когда Китай займёт первое место по размеру своего народного хозяйства, он никак не сможет стать во главе мировой политики. Наиболее вероятный сценарий можно представить таким: США будут медленно утрачивать своё влияние, а в это время мир станет распадаться на части со своими центрами притяжения. Отрезок времени, когда центром мировой экономики будет служить Китай, а Соединённые Штаты оставаться самым мощным государством мира, должен содержать в себе массу опасностей. При этом властям КНР и США, чтобы избежать конфликта, придётся очень постараться. Мудрых деятелей будут сдерживать в их усилиях многие факторы, а обе страны будут зависеть друг от друга с точки зрения обеспечения благосостояния своих народов, а также существования других, разных форм держав. Среди этих держав первыми стоит назвать Европу и

Индию, которые будут напоминать руководству в Пекине и Вашингтоне о высоких ставках в их двусторонних отношениях. Возникновение так называемой многополярности может подтолкнуть китайцев и американцев к сотрудничеству или, по меньшей мере, к терпимости друг друга при всём различии их политических систем.

При жизни нынешних читателей настоящей книги представляется маловероятным, чтобы в Китае внедрили западную форму правления. И к тому же маловероятно, чтобы КПК оставалась у власти в нынешнем её виде на протяжении ещё нескольких десятилетий. Наиболее правдоподобным представляется формирование вполне авторитарного правительства в центре, которое неохотно согласится на расширение самоуправления на провинциальном уровне и культурной автономией для национальных меньшинств. Такой набор, даже если это не то, что хотелось бы увидеть подавляющему большинству друзей Китая, должен обеспечить политическую состоятельность страны на перспективу, а также послужить каркасом её мирных отношений с внешним миром. Однако это — воззрения историка, который не может прогнозировать будущее кого-то другого, кто хорошо знает данную страну и её народ. Тем не менее совершенно ясно, что те, кто видит Китай в его нынешнем виде в удалённом будущем, определённо ошибается. Бурное прошлое Поднебесной указывает на её изменчивое будущее, и на пути к нему местные жители и иностранцы ещё не раз удивятся неисчерпаемой изобретательности и приспособляемости китайского народа.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

За последние годы литературы на английском языке, посвящённой внешней политике Китая, стало гораздо больше. Когда автор приступил к изучению данной страны, работы общего характера можно было пересчитать по пальцам. Причём многие из них составили труды учёных, едва посетивших Китай. Сейчас трудов, посвящённых самым разнообразным аспектам взаимодействия китайцев с внешним миром, насчитывается тысячи томов. При всём значительном повышении качества работ очень от многих можно было бы ждать большего, но можно себе только представить, как у издателей по всему миру чешутся руки поставить на печатный станок тексты о Китае. Ниже приводятся краткие характеристики трудов, с которых можно начинать знакомство с предметом, и ссылки по каждой части настоящей книги. Не стоит всё это переоценивать: мы только начинаем разговор, ещё появятся новые труды. Посетите книжный магазин, и, быть может, вас там ждут неожиданные сокровища.

Для начала следует приобрести книгу, посвящённую общей истории Китая за последние 250 лет. Лучше книги Джонатана Спенса «В поисках современного Китая» (*The Search for Modern China*) (второе издание 1999 г.) ничего не найти. О XX веке к тому же можно почитать блистательное произведение Рана Миттера «Горькая революция: Битва Китая с современным миром» (*A Bitter Revolution: China's Struggle with the Modern World*. 2004). Стоило бы приобрести книги по китайской истории в региональном контексте; посмотрите труд Чарльза Холкомба «История Восточной Азии от истоков цивилизации до XXI столетия» (*A History of East Asia: From the Origins of Civilization to the Twenty-First Century*. 2010).

О внешней политике Цинской империи посмотрите прекрасный обзор Уильяма Т. Роу «Последняя империя Китая: Великие Цины» (*China's Last Empire: The Great Qing*. 2009); анализ военных притязаний Цинов, проведённый Джоанной Уэйли-Коэн в работе «Традиция войны в Китае: Империя и вооружённые силы при цинской династии» (*The Culture of War in China: Empire and the Military Under the Qing Dynasty*. 2006); выдающийся обзор Питера Пердью по цинскому экспансионизму «Поход Китая на запад: Покорение Цинами центральной Евразии» (*China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. 2005) и говорящий портрет из-под пера Марка Элиота «Император Цяньлун: Сын Небес и человек мира» (*Emperor Qianlong: Son of Heaven, Man of the World*. 2009).

Об иностранном империализме читайте исследование Ульрика Хиллмана, посвящённое связям между Китаем и Британской империей, «Азиатская империя и британские познания: Китай и сети британской имперской экспансии» (*Asian Empire and British Knowledge: China and the Networks of British Imperial Expansion*. 2009); анализ последствий английских нападений на Китай, предлагаемый Джеймсом Полачеком в книге «Внутри опиумной войны» (*The Inner Opium War*. 1991); в обзоре Роберта Бикерса «Свалка за господство в Китае: Заморские дьяволы в цинской империи, 1832—1914 гг.» (*The Scramble for China: Foreign Devils in the Qing Empire, 1832—1914*. 2011) и в первых двух томах прекрасной «Истории Гонконгско-Шанхайской банковской корпорации» (*The History of the Hongkong and Shanghai Banking Corporation*. 1987 и 1989) Франка Кинга.

Об отношениях между Китаем и Японией до Второй мировой войны читайте авторитетный труд Уильяма Г. Бизли «Японский империализм: 1894—1945 гг.» (*Japanese Imperialism 1894—1945*. 1991); исследование Джошуа Фогеля «Формирование китайской сферы влияния: Китайско-японские отношения во времени и пространстве» (*Articulating the Sinosphere: Sino-Japanese Relations in Space and Time*. 2009); изданный сборник обзоров Акиры Ирие «Китайцы и японцы: эссе о политическом и культурном взаимодействии» (*The Chinese and the Japanese: Essays in Political and Cultural Interactions*. 1980); анализ Дугласа Рейнольдса, посвящённый влиянию Японии на первую китайскую республику, «Китай в 1898—1912 гг.: Синьчжэнская революция и Япония» (*China, 1898—1912: The Xincheng Revolution and Japan*. 1903) и книгу Паркса Кобла «Лицом к лицу с Японией: Китайская политика и японский империализм, 1931—1937 гг.» (*Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931—1937*. 1991).

Неплохой обзор внешней политики Китайской Республики и условий её формирования содержится в опубликованном сборнике Фредерика Уэйкмана и Ричарда Луи Эдмондса «Переоценка республиканского Китая» (*Reappraising Republican China*. 2000); в высшей степени познавательным можно назвать исследование Уильяма Кирби «Германия и республиканский Китай» (*Germany and Republican China*. 1984), а также занимательный отчёт Артура Валдрона «От войны к патриотизму» (*From War to Nationalism*. 2003). Самая полная биография Чан Кайши принадлежит перу Джей Тейлора «Генералиссимус: Чан Кайши и битва за современный Китай» (*The Generalissimo: Chiang Kai-Shek and the Struggle for Modern China*. 2009); глубочайшее исследование биографии Мао Цзэдуна провели Юн Чан и Джон Холлидей — «Неизвестный Мао» (*Maos: The Unknown Story*. 2006).

О начале преобразования Китая читайте в книге Бенжамина А. Эльмана «Культурная история современной науки Китая» (*A Cultural History of Modern Science in China*. 2006). Давид Райт рассказал о китайском толковании новых знаний в «Переводе науки: Передача западной химии позднему императорскому Китаю, 1840—1900 гг.» (*Translating Science: The Transmission of Western Chemistry into Late Imperial China, 1840—1900*. 2000). Франк Дикоттер размышляет о многочисленных преобразованиях через идеологию потребления в «Современные вещи: Культура потребления и повседневная жизнь в Китае» (*Things Modern: Material Culture and Everyday Life in China*. 2007). Цзи Чжаоцзинь объясняет значение новых финансовых традиций в книге «История современных банковских услуг в Шанхае: Расцвет и закат финансового капитализма в Китае» (*A History of Modern Shanghai Banking: The Rise and Decline of China's Finance Capitalism*. 2003). В книге «Сёстры и чужаки: Женщины на шанхайских хлопчатобумажных комбинатах, 1919—1949 гг.» (*Sisters and Strangers: Women in the Shanghai Cotton Mills, 1919—1949*. 1986) Эмили Хонинг рассказывает о появлении китайского рабочего класса.

Об иностранцах в Китае читайте историческую справку к труду Давида Мунгелло «Великое знакомство Китая с Западом в 1500—1800 гг.» (*The Great Encounter of China and the West, 1500—1800* — 2-е изд. 2006). Джонатан Д. Спенс в «Изменение Китая: Западные советники в Китае, 1620—1960 гг.» (*To Change China: Western Advisers in China, 1620—1960*. 1969) повествует о храбрости и безрассудстве кое-кого из иностранцев. Адриан Беннет в книге «Джон Флайер: Внедрение западной науки и техники в Ки-

тае XIX века» (John Fryer: *The Introduction of Western Science and Technology into Nineteenth-Century China*. 1967) даёт наглядный обзор жизни, быть может, самого влиятельного посредника по передаче западного мышления в Китае XIX века. Мари-Клер Бержер в книге «Шанхай: Ворота для ввоза новизны в Китай» (*Shanghai: China's Gateway to Modernity*. 2009) рассказывает о роли иностранцев в самом интернациональном городе Китая.

О китайцах за границей прекрасно говорится в «Энциклопедии китайцев за рубежом» (*The Encyclopedia of the Chinese Overseas*. 1999), изданной Линном Паном. Самый точный анализ разнообразных видов китайской миграции дал Адам Маккаун в труде под названием «Сети китайских переселенцев и культурные изменения: Перу, Чикаго, Гавайи, 1900—1936 гг.» (*Chinese Migrant Networks and Cultural Change: Peru, Chicago, Hawaii, 1900—1936*. 2001). Великий старец исследования китайской миграции Ваг Гуну внёс свой вклад в виде труда «Китайская диаспора: Сборник эссе» (*The Chinese Diaspora: Selected Essays*. 1998). С выдающимися толкованиями причин китайской эмиграции можно познакомиться в работе Филиппа А. Куна «Китайцы среди нас: Эмиграция современности» (*Chinese Among Others: Emigration in Modern Times*. 2009).

Следует отметить, что как раз созревают исследования, посвящённые Китаю во Второй мировой войне. Для получения общего представления читайте книгу Дианы Лари «Китайский народ в войне: Человеческие страдания и общественные преобразования, 1937—1945 гг.» (*The Chinese People at War: Human Suffering and Social Transformation, 1937—1945*. 2010). Началу этой войны дано описание у Стивена Р. Маккиннона в труде «Ухань, 1938 г.: Война, беженцы и создание современного Китая» (*Wuhan, 1938: War, Refugees, and the Making of Modern China*. 2008). Христиан Генриот с соавторами и под его редакцией «Тень от восходящего солнца: Шанхай во времена японской оккупации» (*In the Shadow of the Rising Sun: Shanghai Under Japanese Occupation*. 2004) рассказывает о ситуации в самом крупном городе Китая, а Маккинсон с соавторами и под его редакцией в труде «Китай в войне: Китайские регионы, 1937—1945 гг.» (*China at War: Regions of China, 1937—1945*. 2007) сосредоточивает своё внимание на остальных уголках этой страны. Подчас ускользающие из поля зрения исследователей военные аспекты затронуты в книге Марка Питти с соавторами и под его редакцией «Битва за Китай: Эссе по военной истории китайско-японской войны 1937—1945 гг.» (*The Battle for China: Essays on the Military History of the Sino-Japanese War of 1937—1945*. 2010). Про-

вокационная проблема затронута в книге Тимоти Брука «Сотрудничество с врагом: Японские агенты и местная знать в военном Китае» (Collaboration: Japanese Agents and Local Elites in Wartime China. 2005). Происхождение внешней политики Коммунистической партии Китая в общем виде очерчено в знаменитом исследовании Мишеля Г. Ханта «Генезис китайской коммунистической внешней политики» (The Genesis of Chinese Communist Foreign Policy. 1996). Автор настоящей книги исследовал события гражданской войны в работе «Решающие сражения: Китайская гражданская война 1946—1950 гг.» (Decisive Encounters: The Chinese Civil War, 1946—1950. 2003). К современной классике следует отнести книгу Чэнь Цзяня «Путь Китая к корейской войне» (China's Road to the Korean War. 1994). В сборнике автора настоящей книги «Братья по оружию: Расцвет и закат китайско-советского альянса» (Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance. 2000) речь идёт о развитии китайско-советского альянса. В прекрасных книгах Лоренца М. Люти «Советско-китайский раскол: Холодная война в коммунистическом мире» (The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World. 2008) и Сергея Радченко «Два солнца в небе: Советско-китайская борьба за верховенство» (Two Suns in the Heavens: The Sino-Soviet Struggle for Supremacy, 1962—1967. 2009) представлены новые открытия в области причин распада советско-китайского союза и его последствий.

По поводу расцвета маоизма и связанных с ним катастроф нам повезло с целой серией прекрасных последних книг: знаменитый труд Франка Дикоттера «Великой голод Мао: История самой разрушительной катастрофы Китая, 1958—1962 гг.» (Mao's Great Famine: The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958—1962. 2010); полезный сборник Мишеля Шенгальса и Родерика Макфаркара «Последняя революция Мао» (Mao's Last Revolution. 2006); Ма Цзисэн «Культурная революция в министерстве иностранных дел Китая» (The Cultural Revolution in the Foreign Ministry of China. 2004); книга под редакцией Фэн Цицзя «Десять лет безумия: Изустные рассказы о культурной революции в Китае» (Ten Years of Madness: Oral Histories of China's Cultural Revolution. 2007) и т. д.

О Китае и Соединённых Штатах Америки читайте в сборнике под редакцией Уильяма Кирби с соавторами «Нормализация отношений между США и КНР: Зарубежная история» (Normalization of U.S.-China Relations: An International History. 2005); безукоризненный труд Джеймса Манна «Резкая перемена: История забавных отношений Америки с Китаем от Никсона до Клинтона» (About

Face: A History of America's Curious Relationship with China, from Nixon to Clinton. 2000); своеобразная оценка Генри Киссинджера в 88 лет: «О Китае» (On China. 2011); труд Саймона Шэна «Уточнение патриотизма в современном Китае: Китайско-американские отношения и появление китайского общественного мнения в XXI столетии» (Redefining Nationalism in Modern China: Sino-American Relations and the Emergence of Chinese Public Opinion in the 21st Century. 2007) и С. Махмуд Али «Отношения США и Китая в «азиатско-тихоокеанском» веке» (U.S.-China Relations in the «Asia-Pacific» Century. 2008).

О Китае и Азии читайте у Джонатана Холслега «Китай и Индия: перспективы мира» (China and India: Prospects for Peace. 2010); у Винода К. Аггарвала и под редакцией Мин Кё Ку «Новая организационная архитектура Азии» (Asia's New Institutional Architecture, 2008); у Клода Мейера «Китай или Япония: Кто возглавит Азию?» (China or Japan: Who Will Lead Asia? 2011); и у Хасана Х. Каррара «Дипломатия нового шёлкового пути: Внешняя политика Китая в Средней Азии после окончания холодной войны» (The New Silk Road Diplomacy: China's Central Asian Foreign Policy Since the Cold War. 2010).

О будущем Китая в международных делах для начала можно познакомиться с несколькими трудами: Уильям А. Коллаген «Китай: Нация пессимистов и оптимистов» (China: The Pessoptimist Nation. 2010) рисует общую картину китайских отношений в начале XXI века; Мартин Жак «Когда Китай правит миром: Расцвет Среднего царства и конец западного мира» (When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. 2009) даёт чёткое представление о предстоящей передаче власти; Скотт Вильсон «Переделано в Китае: Иностранные инвесторы и организационные изменения в Китае» (Remade in China: Foreign Investors and Institutional Change in China. 2009) показывает, как меняется Китай и как его подгоняет транснациональный капитализм; и, наконец, два радикально противоположных взгляда на значение нового положения Китая: Эдвард Стейнфелд «Своя игра: Почему экономический подъём Китая не представляет опасности для Запада» (Playing Our Game: Why China's Economic Rise Doesn't Threaten the West. 2010) и Стефан Гальпер «Пекинский консенсус: Как авторитарная модель Китая будет осуществлять господство в XXI веке» (The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century. 2010).

ПРИМЕЧАНИЯ

ИМПЕРИЯ

¹ «Многие специалисты высказывают предположения»: читайте, например, книгу Виллема Бюйтера и Ибрагима Рахбари *Global Growth Generators: Moving beyond «Emerging Markets» and «BRIC»*. New York: Citi — group Global Markets, 2011 или Карена Уорда *The World in 2050: Quantifying the Shift in the Global Economy* // London: HSBC Global Research, 2011. «Сотрудники Китайской академии наук исходят из того, что»: читайте, например, «Отчёт о модернизации в Китае за 2006 г.» на сайте *Zhongguo xiandaihua wang* [Сеть модернизации Китая]: <http://www.modernization.com.cn/>.

² *Schwartz B.I. China and Other Matters*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. P. 114.

³ *Spence J. The Search for Modern China*. New York: Norton, 1990.

⁴ *Legge J. The Chinese Classics: With a Translation, Critical and Exegetical Notes, Prolegomena and Copious Indexes*. London: Trubner & co., 1861 Vol. 1. P. 9.

⁵ Но если кому-то хочется изучить данную тему, самым толковым изданием на рынке считается книга Ральфа Сойера: *Sun Tzu, The Art of War*. 9nd ed. New York: Basic Books, 1994.

⁶ Читайте *Perdue P.C. Strange Parallels across Eurasia* // *Social Science History* 32. № 2 (1 june 2008). P. 263—279; *Lieberman V. The Qing Dynasty and Its Neighbors: Early Modern China in World History* // *Social Science History* 32. 2008. № 2. 1 june. P. 281—304.

⁷ В данной книге в качестве имён китайских императоров будут использоваться девизы эпохи их правления: императору, правившему в эпоху Канси, при рождении дали маньчжурское имя Сюанье клана Айсиньгёро.

⁸ Прекрасное описание всех этих процессов даётся в книге Кеннета Померанца *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton University Press, 2000.

⁹ Об «образцовом геноциде XVIII века» читайте у Дирка Мозеса в *Empire, Colony, Genocide: Conquest, Occupation, and Subaltern Resistance in World History*. Oxford: Berghahn Books, 2008. P. 188. Потом он включил свой материал в книгу другого автора: читайте у *Perdue P.C.* *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.

¹⁰ *Yonemoto M.* *Mapping Early Modern Japan: Space, Place, and Culture in the Tokugawa Period, 1603—1868*. Berkeley: University of California Press, 2003.

¹¹ Гербильон и Перейра практически всю свою трудовую жизнь посвятили Китаю; умерли в 1707 и 1708 гг. соответственно. Из русских, как это ни странно, ведущими советниками по Китаю числились хорват Юрий Крижанич и немец Герхард Фредерик Мюллер; читайте у *Petrovich M.B.* *Juraj Krizanic: A Precursor of Pan-Slavism (ca. 1618—1683)* // *American Slavic and East European Review*. 1947. Vol. 6. № 3/4. December. P. 75—92; и у *Maier L.* *Gerhard Friedrich Muller's memoranda on Russian relations with China and the reconquest of the Amur* // *Slavic and East European Review*. 59. 1981. P. 219—240.

¹² Ничем не оправданное разрушение; после посещения галерей сэра Персиваля Давида по ту сторону Британского музея в Лондоне, не так давно подвергшихся капитальному ремонту за счёт пожертвований со стороны английского китайца сэра Джозефа Хонтанга, стало ясно, что англичане знали о китайском фарфоре вполне достаточно, чтобы его похитить, не просто уничтожить.

Глава 1 МЕТАМОРФОЗЫ

¹ «Китайские ханьцы» — понятие тонкое. Совсем до недавних пор принадлежность китайского народа определялась провинцией или родной областью проживания, а термин «хань» чаще всего применялся для выделения других, не относящихся к китайцам этнических групп, проживающих на территории КНР, среди китайцев, но, поскольку китайцами теперь называют всех граждан этой страны, определение «ханец» добавляется к национальному большинству. По результатам новых исследований ДНК поступило

подтверждение очевидного распространения китайского населения с севера на юг на протяжении двух тысячелетий, а также установлена достаточная степень генетического единства китайцев (ханьцев); читайте у Чэнь Цземина с соавторами *Genetic Structure of the Han Chinese Population Revealed by Genome-wide SNP Variation* // *The American Journal of Human Genetics* 85. 2009. № 6. 11 December. P. 775—785.

² Ван Кайси. *Gemo, chongtu yu qutong: Qingdai Zhongwai liyi zhizheng touxi* [Отсутствие понимания, конфликт и конвергенция: Дивергенция ритуалов в период правления династии Цин]. Пекин: Пекинский педагогический университет, 1999. P. 200.

³ «Притом, что карту Азии составила»: *Ricci M. Il mappamondo cinese del p. Matteo Ricci, S. I. 3. ed. Pechino, 1602. Conservato presso la Biblioteca Vaticana. Vatican City: Biblioteca apostolica Vaticana, 1938.* Это составленная Риччи Kunyu wan'guo quantu [Подробная карта бесчисленных стран на Земле] (Пекин, 1602), самая полная (и самая красивая) из всех *mappa mundi*. В её основу положены исследования фламандского учёного географа Абрахама Ортелиуса *Typus Orbis Terrarum* с 1570 г. Самым достоверным сборником сухопутной части Китая считается *Zhongguo gudai dituji* [Китайские древние карты]: В 3 т. Beijing: Wen wu, 1990. «Мастерски использовал культурный компромисс»: *Da Qing tongshu zhigong wanguo jingwei diqiu shi* [Рельефная карта многочисленных государств-даников династии Цин по всей планете].

⁴ Читайте грандиозный труд Юргена Остерхаммеля *China und die Weltgesellschaft: Vom 18. Jahrhundert bis in unsere Zeit*. Munich: C.H. Beck, 1989.

⁵ *Донесение* губернатора Гуандуна императорскому двору от 30 ноября 1814 г. под редакцией Фу Лошу *Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644—1820)*. 2 т. Tucson: University of Arizona Press, 1966. Vol. 1. P. 394.

⁶ Декрет императора Цзяцина для большого совета, 14 июня 1818 г. *Ibid.* Vol. 1. P. 413.

⁷ *Zheng Yangwen. The Social Life of Opium in China*. New York: Cambridge University Press, 2005. P. 58.

⁸ Перекликается с запретом, так и не вступившим в юридическую силу, на курение опиума с 1729 г.

⁹ Китайский государственный архив. Т. 8. 1840. Февраль. С. 497—503.

¹⁰ Позже в китайской историографии маньчжуров часто изображали трусами, бежавшими с поля боя, тогда как местный («китай-

ский») народ поднялся и принял бой; практически во всех случаях серьезных сражений всё на самом деле было наоборот.

¹¹ *Ng Chin-keong*. Shooting the Eagles: Lin Changyi's Agony in the Wake of the Opium War // *Maritime China in Transition, 1750—1850* / Ed. Wang Gungwu, Ng Chin-keong. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004.

¹² *Ibid.*

¹³ Сам эпизод весной 1847 г., когда Хун Сюцюань устроил перерыв на два месяца перед началом мятежа, чтобы изучить Библию с помощью американского баптиста-миссионера Иссахара Роберта (из округа Самнер штата Теннесси), представляется нелепым наглядным случаем: Робертс думал, что он обратил китайца в свою веру, а ему сказали, что его на самом деле представили сыну Бога.

¹⁴ Описание этого сражения можно найти в *Supplement to The London Gazette*, от 27 ноября 1860 г. С. 4771.

¹⁵ Цитата из книги Бернарда Бризая *Le Sac du Palais d'Ete: L'Expedition Anglo-Francaise de Chine en 1860. Troisieme Guerre de l'Opium*. Monaco: Rocher, 2003. P. 268.

Глава 2 ИМПЕРИАЛИЗМ

¹ *Wen-hsin Yeh*. Shanghai Splendor: Economic Sentiments and the Making of Modern China, 1843—1949. Berkeley: University of California Press, 2007.

² *Goodman B.* Native Place, City and Nation: Regional Networks and Identities in Shanghai, 1853—1937. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 14—32.

³ *King F.H.H.* The History of the Hongkong and Shanghai Banking Corporation. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Vol. 1. P. 504.

⁴ *Zelin M., McElderry A., eds.* Business History in Modern China // Special issue, *Enterprise & Society* 6. 2005. № 3.

⁵ *Bays D.H., ed.* Christianity in China: From the Eighteenth Century to the Present. Stanford: Stanford University Press, 1996. P. 65.

⁶ *Rawski S.E.S.* Education and Popular Literacy in Ch'ing China. Michigan Studies on China. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1979.

⁷ *Fairbank J.K., ed.* Cambridge History of China. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. Vol. 10 P. 583.

⁸ *Ferguson J.C.* The Abolition of the Competitive Examinations in China // *Journal of the American Oriental Society*. 1906. Vol. 27. P. 79.

⁹ *Elman B.A.* A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China. Berkeley: University of California Press, 2000. P. 596—597.

¹⁰ *Rogaski R.* Hygienic Modernity: Meanings of Health and Disease in Treaty-Port China. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 84—85.

¹¹ Джон Фраер родился в Англии в 1839 г., в Китае прожил 35 лет, а потом в 1895 г. стал первым профессором по Китаю в Университете Калифорнии, Беркли.

¹² *Wright D.* Translating Science: The Transmission of Western Chemistry into Late Imperial China, 1840—1900. Leiden: Brill, 2000. P. 168; читайте также: *Reardon-Anderson J.* The Study of Change: Chemistry in China, 1840—1949. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

¹³ Это и другие повествования о внедрении западного учения в конце XIX века читайте у Го Можо в *Quanji* [Полном собрании сочинений] (Пекин: Народная литература, 1985), т. 11.

¹⁴ *Wu Tingfang.* America, Through the Spectacles of an Oriental Diplomat. London: Anthem Press, 2007. P. 60.

¹⁵ *Zhigang.* Chu shi taixi ji [Первая миссия на Дальнем Западе]. Beijing: Shishutang, 1877 взято из книги Давида Аркуша и Лео О. Ли (под редакцией) *Land Without Ghosts: Chinese Impressions of America from the Mid-Nineteenth Century to the Present*. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 27.

¹⁶ *Liu Xihong.* Yingzhao siji [Private Notes on England] // *Zhong Shuhe*, ed. *Zouxiang shijie congshu* [Сборник трудов с изложением миропорядка] (Чанша: Юэлу Шушэ, 1986). P. 48—49.

¹⁷ *Suebsaeng Promboon.* Sino-Siamese Tributary Relations, 1282—1853. PhD thesis. University of Wisconsin. Madison, 1971. P. 292.

¹⁸ *Svarverud R.* International Law as World Order in Late Imperial China: Translation, Reception and Discourse, 1847—1911. *Sinica Leidensia* 78. Leiden: Brill, 2007. P. 90—91.

¹⁹ *Ibid.* P. 136.

²⁰ *Zhongguo jindai duiwai guanxi shi ziliao xuanji* (1840—1949) [Сборник материалов из истории современной китайской внешней политики (1840—1949 гг.)]. Кн. 1. Т. 1. Шанхай: Шанхай Жэньминь 1977 г. С. 241—243.

²¹ *Цзэн Цицзэ.* Chushi Ying Fa E guo giji [Календарь посольств на английском, французском и русском языках] / Под ред. Чжун Шэхэ (Чанша: Юэлу Шушэ, 1985). С. 178.

²² *Qingyibao.* 45 (May 1900).

Глава 3
ЯПОНИЯ

¹ *Harootunian H.* The Functions of China in Tokugawa Thought // The Chinese and the Japanese: Essays in Political and Cultural Interactions / Ed. Akira Iriye // Princeton: Princeton University Press, 1980. P. 12.

² *Gentzler J.M.* Changing China: Readings in the History of China from the Opium War to the Present. New York: Praeger, 1977. P. 70—71.

³ *Pak-Wah Leung E.* The Quasi-War in East Asia: Japan's Expedition to Taiwan and the Ryūkyū Controversy. Modern Asian Studies 17. 1983. № 2. 1 January. P. 260.

⁴ *Norihito Mizuno.* Early Meiji Policies Towards the Ryukyus and the Taiwanese Aboriginal Territories // Modern Asian Studies 43. 2009. № 3. 1 May. P. 683—739.

⁵ *Zarrow P.* Anti-Despotism and 'Rights Talk': The Intellectual Origins of Modern Human Rights Thinking in the Late Qing // Modern China 34. 2008. № 2. January. P. 186.

⁶ Хань Фуцин. Qingmo liu Ri xuesheng [Китайские студенты в Японии в конце правления династии Цин] (Тайбэй: Центральный НИИ, управление современной истории, 1975). С. 127—128.

⁷ *Yi Manson et al.* Memorial Submitted by Ten Thousand Men // Lee P.H., ed. Sourcebook of Korean Civilization. N.Y.: Columbia University Press, 1992. Vol. 1. P. 335.

⁸ «Совершенно очевидно»: *Choe Ik-hyon.* Memorial against Peace, 1876 // Lee P.H., ed. Sourcebook of Korean Civilization. New York: Columbia University Press, 1992. Vol. 2. P. 333. «Однако план покушения»: один из молодых организаторов мятежей Со Джэпхиль, бежавший в Японию, а позже отправившийся в США, где взял имя Филипп Джейсон; он выучился на врача и стал политическим наставником Ли Сын Мана, а после Второй мировой войны — молодого Ким Дэ Джун. Джэпхиль умер в 1951 г. на 88-м году жизни.

⁹ *Ki-Baik Lee.* A New History of Korea. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. P. 284.

¹⁰ Китайцы потеряли как минимум 35 тысяч солдат и моряков убитыми и ранеными, то есть в семь раз больше, чем японцы; читайте у Чжан Минцзиня *Luori xia de longqi: 1894—1895 Zhong Ri zhanzheng jishi* [Заходящее солнце знамени Дракона: Достоверная статистика китайско-японской войны 1894—1895 гг.] (Пекин: Бэйцзин яньшань чубанышэ, 1998).

¹¹ *Bary Wm. Th. de, Lufrano R., eds.* Sources of Chinese Tradition. New York: Columbia University Press, 2001. Vol. 2. P. 275.

¹² *Ibid.* P. 269—270.

¹³ *Headland I.T.* Court Life in China: The Capital, Its Officials and People. New York: F.H. Revell Co., 1909. P. 357. Все указы Гуансюя находятся в первой китайской исторической архивной библиотеке. Guangxu Xuantong liang chao shangyu dang, 37 т. Гуйлинь: Гуанси шифан дасюэ чубаньшэ, 1996.

¹⁴ *Bary and Lufrano.* Sources of Chinese Tradition. Vol. 2. P. 312.

¹⁵ *Ibid.* P. 317—318.

¹⁶ *Sushila Narsimhan.* Japanese Perceptions of China in the Nineteenth Century: Influence of Fukuzawa Yukichi. New Delhi: Phoenix, 1999. P. 181.

¹⁷ *Jukes G.* The Russo-Japanese War 1904—1905. Oxford: Osprey, 2002. P. 21.

¹⁸ *Lamley H.J.* Taiwan under Japanese Rule // Taiwan: A New History. Ed. Murray A. Rubinstein. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2006. P. 223.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Bix H.P.* Japanese Imperialism and the Manchurian Economy, 1900—31 // The China Quarterly. 1972. № 51. 1 July. P. 425—443.

²¹ *Sun Yat-sen.* China and Japan: Natural Friends—Unnatural Enemies. Shanghai: China United Press, 1941. P. 150—151.

Глава 4 РЕСПУБЛИКА

¹ *Brandt L.* Reflections on China's Late 19th and Early 20th-Century Economy // Reappraising Republican China / Под ред. Фредерика Уэйкмана и Ричарда Луи Эдмондса. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 28—54.

² *Pan P.P.* 'Saints' in Rome Are 'Henchmen' to Beijing // Washington Post. 2000. 30 September; Christian Century. 2000. 18 October.

³ Автору вспоминаются времена учёбы в норвежской лютеранской воскресной школе, где он видел леденящие кровь рисунки убийства христиан нехристианами ихэтуанями; среди убитых миссионеров было немало скандинавов.

⁴ *Sergeant P.W.* The Great Empress Dowager of China. London: Hutchinson & Co., 1910. P. 241.

⁵ «В соседнем с Пекином городе»: *Judge J.* The Precious Raft of History: The Past, the West, and the Woman Question in China.

Stanford: Stanford University Press, 2008. P. 180; читайте также у *Judge J.* The Politics of Female Virtue in Turn-of-the-Century China: The Case of Tong — Zhou, в докладе, зачитанном на ежегодном съезде Ассоциации азиатских исследований, Сан-Франциско, апрель 2006 г. «Существуют вещи»: *Lynch G.* The War of the Civilisations, Being the Record of a «Foreign Devil's» Experiences with the Allies in China. London: Longmans, Green, and Co., 1901. P. 142. «В крупнейшей японской газете»: передовая статья Ёродзу Тёхо, декабрь 1901 г.; извлечение из книги Роберта А. Бикерса и Р.Г. Тидеманна (под редакцией) The Boxers, China, and the World. Rowman & Littlefield, 2007; читайте к тому же *Bickers.* Boxed Out: How the British Museum Suppressed Discussion of British Looting in China // Times Literary Supplement. 5129 (2001). P. 15.

⁶ *Purcell V.* The Boxer Uprising: A Background Study. Cambridge: Cambridge University Press, 1963.

⁷ «Автор статьи в газете „Филадельфия-пресс“»: «Филадельфия-пресс». 1898. 11 апреля. «В замечаниях по поводу»: Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: With the Annual Message of the President Transmitted to Congress. 1899. December 5. Washington, DC: Government Printing Office, 1901. P. 129—130.

⁸ Приведено из *LaFeber W.* The American Age: United States Foreign Policy at Home and Abroad Since 1750. New York: W.W. Norton, 1989. P. 209.

⁹ Основатель университета Святого Иоанна Самуил Исаак Иосиф Шерешевский родился в Литве в 1831 г., отправился в Германию учиться на раввина, там стал христианином, эмигрировал в Америку, учился на священника, и в 1859 г. его отправили от епископальной церкви в Китай, где он начал переводить Библию на китайский язык. Позже у Шерешевского развилась болезнь Паркинсона, его почти полностью парализовало, он оставил должность епископа Шанхая и провёл остаток жизни за сбором перевода Библии, последние две тысячи страниц которой напечатал единственным пальцем, которым мог ещё шевелить. Умер в Токио в 1906 г.

¹⁰ Доклад Якобсона командующему ВМС от 27 января 2005 г., процитированный у Клауса Мюльхана в *Herrschaft und Widerstand in der «Musterkolonie» Kiautschou: Interaktionen zwischen China und Deutschland, 1897—1914.* Munich: Oldenbourg, 2000. P. 238.

¹¹ Доклад губернатора Цзяочжоу Майера-Вальдека Тирпицу 14 октября 1912, процитированный у К. Мюльхана в *Herrschaft und Widerstand in der «Musterkolonie» Kiautschou.*

¹² Китайский приятель Александра фон Фалькенхаузена вернулся, чтобы выручить его после того, как его приговорили к двенадцати

ти годам тюремного заключения за то, что во время Второй мировой войны он служил главой оккупационного правительства Бельгии. Одним из его главных защитников выступал китайский химик Цянь Сюлин, перед войной поселившийся в Бельгии, который служил связником между немецким руководителем и участниками бельгийского Сопротивления. Фон Фалькенхаузен отбыл в заключении только лишь три месяца. В 2002 г. демонстрировалось шестнадцатисерийное жизнеописание Цянь Сюлина (читайте Beijing qingnian bao. 2001. 11 декабря). Самое удачное изложение роли немцев в республиканском Китае можно найти в книге Уильяма Кирби *Germany and Republican China*. Stanford: Stanford University Press, 1984.

¹³ The Times. 1909. 20 July.

¹⁴ Опубликовано 29 января 1901 г.; приводится у Ричарда С. Горовица. *Breaking the Bonds of Precedent: The 1905–6 Government Reform Commission and the Remaking of the Qing Central State* // *Modern Asian Studies* 37. 2003. № 4. October. P. 775–797.

¹⁵ *E-Tu Zen Sun*. The Chinese Constitutional Missions of 1905–1906 // *The Journal of Modern History* 24. 1952. № 3. September. P. 251–268.

¹⁶ *Dingle E.J.* China's Revolution, 1911–1912. Shanghai: Commercial Press, 1912. P. 49–50.

¹⁷ Minbao. 1906. April. P. 8.

¹⁸ *Tsou Jung [Zou Rong]*. The Revolutionary Army: A Chinese Nationalist Tract of 1903, введение и перевод с примечаниями Джона Ластра, *Matériaux pour l'étude de l'extremeorient moderne et contemporain*, textes; 6. The Hague: Mouton, 1968.

¹⁹ *Rhoads E.J.M.* Manchus & Han. Seattle: University of Washington Press, 2001. P. 188–192.

²⁰ *Gasster M.* The Republican Revolutionary Movement // *The Cambridge History of China* / Ed. John K. Fairbank and Kwang-ching Liu. Vol. 11. Late Ch'ing. Pt. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 494.

²¹ *Су Цюанью*. Yuan Shikai yu Zhili gongye [Юань Шикай и промышленность Чжили] // *Lishi Dang'an*. 2005. № 1. March. P. 77–82.

²² *Bergere M.* -C. Sun Yat-sen. Пер. Джанет Ллойд. Stanford: Stanford University Press, 2000.

²³ *Putnam Weale B.L.* The Fight for the Republic in China. New York: Dodd, Mead and Company, 1917. P. 229–230.

²⁴ Читайте, например, у Франка Дж. Гудна *The Adaptation of a Constitution to the Needs of a People* // *Proceedings of the Academy of Political Science in the City of New York* 5. 1914. №. 1. October. P. 36–37.

²⁵ *Liew K.S.* Struggle for Democracy. Berkeley: University of California Press, 1971.

²⁶ *McDonald A.W.* Mao Tse-tung and the Hunan Self-Government Movement, 1920: An Introduction and Five Translations // *The China Quarterly*. 1976. № 68. Desember. P. 751—777.

²⁷ *Onon U., Pritchatt D.* Asia's First Modern Revolution: Mongolia Proclaims Its Independence in 1911, иллюстрированное издание. Leiden: Brill Academic Publishers, 1997. По поводу русской политики читайте *Nakami Tatsuo*. Russian Diplomats and Mongol Independence, 1911—1915 // *Mongolia in the Twentieth Century: Landlocked Cosmopolitan* / Под ред. Стивена Коткина и Брюса А. Эллемана. New York: M.E. Sharpe, 1999. P. 69—78.

²⁸ Русско-китайская декларация о признании независимости Внешней Монголии от 5 ноября 1913 г. в Патнам-Виле. *The Fight for the Republic in China*. P. 248.

²⁹ *Shakabpa T.W.D.* Tibet: A Political History. New Haven: Yale University Press, 1967. P. 246—248.

³⁰ *Goldstein M.C.* The Snow Lion and the Dragon: China, Tibet, and the Dalai Lama. Berkeley: University of California Press, 1999.

³¹ Шэн Шицай в 1938 г. даже вступил в ВКП(б); его биографию читайте у Цай Цзиньсуна. *Sheng Shicai wai zhuan* [Неофициальная биография Шэн Шицай]. Пекин: Чжунгун данши, 2005.

³² *Guoqi Xu.* China and the Great War. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 245.

³³ Приводится там же. P. 252.

³⁴ В результате этих протестов Китай стал единственной крупной страной, представители которой отказались подписать Версальский мирный договор. Министр Цао Жулинь, дом которого спалили, пережил мытарства и переехал в Детройт, где умер в преклонном возрасте на 92-м году жизни. Его воспоминания приводятся в *Сао Rulin yisheng zhi huiyi* [Цао Жулинь вспоминает свою жизнь]. Тайбэй: Чжуаньцзи вэньсюэ, 1970.

³⁵ Приводится из труда Спенса *The Search for Modern China*. P. 303.

³⁶ Рассказ Лу Синя «Счастливая семья» из его сборника *Selected Stories of Lu Hsun*. Beijing: Foreign Languages Press, 1960.

³⁷ *Liang Qichao.* Travel Impressions from Europe / Под ред. Уильяма Теодора де Бари и Ричарда Люфрано // *Sources of East Asian Tradition*. Vol. 2: The Modern Period. 2nd ed. New York: Columbia University Press, 2000.

³⁸ Слова Ли Дачжао приводятся в труде Джерома Цяна *The Chinese Communist Movement to 1927* // *The Cambridge History of*

China. Ed. J.K. Fairbank. Republican China 1912—1949. Vol. 12. P. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 513.

³⁹ *Sun Yat-sen*. The International Development of China. New York: GP Putnam's Sons, 1922. P. 237.

⁴⁰ Sun Yat-sen Appeals // *New York Times*. 1921. 16 May. P. 14.

⁴¹ Совместный меморандум министра иностранных дел и министра по делам колоний Великобритании от июня 1925 г., САВ/24/174, Британский государственный архив, Лондон.

⁴² *Paine S.C.M.* Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1996.

⁴³ Xiangdao, 31 (июль 1923 г.).

⁴⁴ *Pantsov A.* The Bolsheviks and the Chinese Revolution, 1919—1927. Honolulu: University of Hawaii Press, 2000.

⁴⁵ Артур Уолдрон в своём блистательном труде *From War to Nationalism* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003) обращает внимание на то, что последствия гражданской войны на севере оказались исключительно полезными для успеха Гоминьдана (Р. 246—274); он, безусловно, прав.

⁴⁶ *Kuo Mo-Jo, Bennett J.W.* A Poet with the Northern Expedition // *The Far Eastern Quarterly* 3. 1943. № 1. November. P. 5—36.

⁴⁷ *Ibid.* 1944. № 4. August. P. 362—380.

⁴⁸ *Wilbur C.M., Lien-ying How J.* Missionaries of Revolution: Soviet Advisers and Nationalist China, 1920—1927. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. P. 250.

⁴⁹ Приводится в кн.: *Andrew Ch.* Her Majesty's Secret Service: The Making of the British Intelligence Community. New York: Viking, 1986. P. 328.

⁵⁰ Британский МИД, САВ/23/54, Британский государственный архив.

⁵¹ Сэр Уильям Тиррел в обращении к членам Комитета имперской обороны, 28 июля 1926 г., САВ/24/181, Британский государственный архив.

Глава 5 ИНОСТРАНЦЫ

¹ Жэньминь жибао. 2006. 4 апреля.

² «На Тайване молодое поколение»: в 2010 году 52% тайваньцев всё ещё видели Японию лучшей для себя страной (Китайской Народной Республике досталось 5%); *Japan Taiwan's Favorite Country, Survey Reveals* // *Taipei Times*. 2010. 24 March.

«Несмотря на войну»: *Dikotter F. The Age of Openness: China before Mao. Berkeley: University of California Press, 2008.*

³ *Franck H.A. Roving Through Southern China. New York: The Century Co., 1925. P. 75—76.*

⁴ *Wakeman F.E. Policing Shanghai, 1927—1937. Berkeley: University of California Press, 1996. P. 215—216.*

⁵ «Тринадцатизэтажная гостиница „Катей”»: это роскошное здание теперь известно под названием «Хэпин фандянь» (гостиница «Мир»). «Новые административные здания в Пекине соорудились главным образом в европейском стиле»: в настоящее время здесь располагается контора «зарубежной информации» официального китайского агентства новостей Синьхуа (читайте статью Сан Е и Джереми Р. Барме A Beijing That Isn't [Part I] на сайте по адресу http://www.chinaheritagenewsletter.anu.edu.au/features.php?searchterm=014_BeijingThatWasnt.inc&issue=014).

⁶ *Garrett V. Chinese Dress: From the Qing Dynasty to the Present. North Clarendon, VT: Tuttle Publishing, 2008. P. 126—155* о республиканском периоде китайской истории.

⁷ У этого имени интересная иностранная предыстория: в Японии Сунь Ятсен пользовался японской фамилией Накаяма — «центральная гора», которая по-китайски звучит как «чжуншань». Он оставил его в качестве китайского псевдонима после возвращения в Китай.

⁸ Когда Чэн Шиво попытался возобновить выпуск своей газеты на Тайване после 1949 года, чанкайшистское правительство сразу же её закрыло.

⁹ *Lu Hanchao. Beyond the Neon Lights: Everyday Shanghai in the Early Twentieth Century. Berkeley: University of California Press, 2004.*

¹⁰ *Qi Jianhong, Zhou Jieqiong. French Direct Investment in China: A Survey Report, East Asia Economic Research Group Discussion Paper. Brisbane: School of Economics, The University of Queensland. 2006. January.*

¹¹ *Osterhammel. China und die Weltgesellschaft: Vom 18. Jahrhundert bis in unsere Zeit. P. 255.*

¹² *Grubb N.P. C.T. Studd: Cricketer and Pioneer. London: Religious Tract Society, 1933. Ч. Стадд в первом проверочном матче против Австралии (с него начинались серии игр в крикет на кубок «Урны с прахом») сыграл за Англию, и он верил в то, что спорт поможет в обращении душ к Христу.*

¹³ После появления в 1949 г. разгромной статьи Мао Цзедуна по поводу американского присутствия в Китае (под заголовком «Прощайте, Джон Лейтон Стюарт» в «Собрании сочинений» пред-

седателя Мао) Дж. Стюарт превратился в самого гонимого иностранца в Китае. Перед смертью в 1962 г. он завещал своим родственникам похоронить себя на территории простроенного им университета, когда это станет политически возможным. Однако, когда власти КНР в конечном счете в 2008 г. разрешили похоронить его останки в Китае, они настояли на том, чтобы это случилось на его родине в Ханчжоу, а не в студенческом городке созданного им вуза.

¹⁴ Вочман Ни оказался в тюрьме вскоре после прихода коммунистов к власти; он скончался в застенке в 1972 г. В составе его «Малой паствы» и других групп, возникших из неё в Китае, насчитывается больше 100 тысяч человек, и размер паствы стремительно растёт. *Lian Xi. Redeemed by Fire: The Rise of Popular Christianity in Modern China*. New Haven: Yale University Press, 2010.

¹⁵ *Chi M. China Diplomacy, 1914—1918*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 1970. P. 53—54.

¹⁶ «Не меньшую важность представляли»: *Strauss J.C. Strong Institutions in Weak Polities: State Building in Republican China, 1927—1940*. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 75.

«Француз Жан Монне»: *Hungdah Su. The Father of Europe in China: Jean Monnet and Creation of the C.D.F.C. (1933—1936)* // *Journal of European Integration History* 13. 2007. № 1. P. 9—24.

¹⁷ «По вполне понятным причинам В. Стеннес держался подальше от официальных немецких советников в Китае»: шансы В. Стеннеса выжить в нацистской Германии можно назвать очень невеликими; он в 1931 г. в суде дал показания против А. Гитлера, и позже фюрер подал на В. Стеннеса в суд иск за нарушение авторского права. В 2000 г. появились сообщения о работе В. Стеннеса в 1940-х гг. на советские спецслужбы в качестве агента: «Труд». 2000. № 46. Март. «Старший сын Чан Кайши — Цзян Цзинго»: *Martin B., Kuss S., ed. Deutsch-Chinesische Beziehungen 1928—1937: «gleiche» Partner Unter «ungleichen» Bedingungen: Eine Quellensammlung*. Berlin: Akademie Verlag, 2003.

¹⁸ *Boyne W.J. Air Warfare: An International Encyclopedia*. ABC-CLIO, 2002. P. 126—127.

¹⁹ *Чуйков В.И. Миссия в Китае: записки военного советника*. М.: Восточная литература, 1981.

²⁰ Практически всех главных советников Коминтерна ждал печальный конец: Х. Сневлита расстреляли немцы в 1942 г., М.М. Бродин и М. Штерн сгинули во время сталинских репрессий.

²¹ «„Станет ли Москва”, — писала она в 1935 году»: *Strong A.L.* China's Millions: The Revolutionary Struggles from 1927 to 1935. New York: Knight, 1935. P. 412—413.

«А. Стронг вышла замуж за русского»: *The New Soviet Constitution, a Study in Socialist Democracy*. New York: H. Holt, 1937. А. Стронг к тому же написала книгу об освобождении советскими войсками Польши в 1945 г.: *I Saw the New Poland*. Boston: Little Brown, 1946; об освобождении китайцами Тибета в 1959-м: *When Serfs Stood Up in Tibet*. Beijing: New World Press, 1960, и, как будто было мало публикаций, объяснение того, почему «Большой скачок вперёд» Мао Цзедуна должен был спасти Китай: *The Rise of the People's Communes in China*. New York: Marzani and Munsell, 1960.

²² *Hyun Ok Park*. Two Dreams in One Bed: Empire, Social Life, and the Origins of the North Korean Revolution in Manchuria. Durham, NC: Duke University Press, 2005.

²³ «Книги по теории права»: читайте работу Цзоу Чжэньхуаня Yingxiang Zhongguo jindai shehui de yibai zhong yizuo [Сотня переводов, оказавших самое большое влияние на современное китайское общество]. Пекин: Чжунго дуйвай фаньи, 1996. «К началу 1910-х годов в Китае к тому же появились переводы трудов Карла Маркса и Фридриха Энгельса»: *Ishikawa Yoshihiro*. Chinese Marxism in the Early 20th Century and Japan // *Sino-Japanese Studies* 14 (n.d.). P. 24—34.

²⁴ *Zhang Ping*. Sherlock Holmes in China // *Perspectives: Studies in Translatology* 13. 2005. № 2: P. 106; *Xiaoqing Cheng, Timothy C. Wong*. Sherlock in Shanghai: Stories of Crime and Detection. Honolulu: University of Hawaii Press, 2007.

²⁵ *Joy's Cheung*. Chinese Music and Translated Modernity in Shanghai, 1918—1937. Дис. профессора философии Мичиганского университета, 2008; *Jones A.F.* Yellow Music: Media Culture and Colonial Modernity in the Chinese Jazz Age. Durham, NC: Duke University Press, 2001.

²⁶ *Хэ Либо*. 1929 de Xihu bolanhui // *Jiangcha fengyun*, 6. 2010. P. 6—70; *Ай Сяньфэн*. 1929 de Xihu bolanhui shulun [Обзор и комментарии выставки в Сиху 1929 г.] // *Huazhong shifan daxue xuebao, renwen shehuikexue ban*, 4. 2009. P. 84—89.

²⁷ *Xin qingnian* 6, 1. 1919. January. P. 10—11.

²⁸ *Pepper S.* Radicalism and Education Reform in 20th-Century China: The Search for an Ideal Development Model. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

²⁹ *Chiang M.* Tides from the West, a Chinese Autobiography. New Haven: Yale University Press, 1947.

³⁰ *Ху Шу*. Baihua wenyan zhi youlie bijiao [Сравнение добра и зла в местных наречиях], Hu Shi liuxue riji [Дневник обучения за границей студента Ху Ши]. Minguo congshu. 2nd series. Shanghai: Shanghai shudian, 1990. Vol. 2. P. 943; позаимствовано в кн.: *Kaske E.* The Politics of Language in Chinese Education, 1895—1919. Leiden: Brill, 2008. P. 424 (адаптированный перевод).

³¹ The Question of Miss Zhao's Personality (1919). Mao's Road to Power: Revolutionary Writings 1912—1949 / Ed. Stuart R. Schram 7 vols. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1992. Vol. 1. P. 422.

³² *Bickers R.* Shanghailanders: The Formation and Identity of the British Settler Community in Shanghai, 1843—1937 // Past & Present 159. 1998. № 1. 1 May. P. 161—211. P. 188.

³³ *Bagnall K.* Golden Shadows on a White Land: An Exploration of the Lives of White Women Who Partnered Chinese Men and Their Children in Southern Australia, 1855—1915. Дис. проф. философии Сиднейского университета, 2006. P. 245—297.

³⁴ *Esther Cheo Ying.* Black Country to Red China. London: Cresset Women's Voices, 1987. P. 12.

Глава 6 ЗАРУБЕЖЬЕ

¹ *Lee Kuan Yew.* A Tale of Two Cities: Twenty Years On. Li Ka Shing Lecture, University of Hong Kong, 1992. 14 December // Ministerial Speeches, 16. № 6. 1992. November—December P. 55.

² The Labor Agitators, or The Battle for Bread: The Party of the Future, the Workingmen's Party of California: Its Birth and Organization: Its Leaders and Its Purposes: Corruption in Our Local and State Governments: Venality of the Press. San Francisco: Geo. W. Greene, 1879.

³ Баярд Тейлор процитирован в комитете сената Калифорнии в редакции Chinese Immigration: The Social, Moral and Political Effect of Chinese Immigration. Sacramento, CA: State Printing Office, 1877. Книга Б.Тейлора, из которой взята эта цитата, опубликована в 1855 г.

⁴ Китайская американская демография на сайте по адресу <http://www.ameredia.com/resources/demographics/chinese.html>.

⁵ *Peloso V.* Racial Conflict and Identity Crisis in Wartime Peru: Revisiting the Canete Massacre of 1881 // Social Identities 11. № 5. 2005. September. P. 467—488.

⁶ *Yun L.* The Coolie Speaks: Chinese Indentured Laborers and African Slaves in Cuba. Philadelphia: Temple University Press, 2008.

⁷ *Benton G.* Chinese Migrants and Internationalism: Forgotten History; 1917—1945. London: Routledge, 2007.

⁸ *Ibid.* P. 91.

⁹ *Wagner W.* Chinese Tourists Do Europe // *Der Spiegel*. 2007. 17 August.

¹⁰ Выдержка из книги: *Adam McKeown.* Chinese Migrant Networks and Cultural Change: Peru, Chicago, Hawaii, 1900—1936. Chicago: University of Chicago Press, 2001. P. 127.

¹¹ *Benton.* Chinese Migrants and Internationalism. P. 67.

¹² Выдержка из документалистики агентства PBS *Becoming American: The Chinese Experience*. Program Three: No Turning Back. Первый выпуск в эфир в США в 2003 г.

¹³ *The Times*. 1917. 27 Desember.

¹⁴ *Xu.* China and the Great War. P. 134.

¹⁵ *Ларин А.* Красное и белое: красноармейцы из Поднебесной. Родина, 2000; *Lewis H. Siegelbaum.* Another 'Yellow Peril'? Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction Before 1917 // *Modern Asian Studies* 12. 1978. № 2. P. 307—330. Читайте также: *Benton.* Chinese Migrants and Internationalism. P. 20—29.

¹⁶ *Linqing Yao.* The Chinese Overseas Students: An Overview of the Flows Change, paper at the Australian Population Association's 12th biennial conference, September 2004, на сайте http://www.apa.org.au/upload/2004-6C_Yao.pdf.

¹⁷ *Weili Ye.* Seeking Modernity in China's Name: Chinese Students in the United States, 1900—1927. Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 19.

¹⁸ «Кураторы из КПК твердили им»: *Elizabeth McGuire.* Between Revolutions: Chinese Students in Soviet Institutes, 1948—1966 // in *China Learns from the Soviet Union, 1949—Present*. Ed. Thomas Bernstein and Hua-yu Li. Lanham, MA: Lexington Books, 2010. P. 366. «Ещё в 2002 году»: *He Li.* Returned Students and Political Change in China // *Asian Perspective* [S. Korea] 30. 2006. № 2. P. 5—30.

¹⁹ *Renmin ribao*. 2010. 27 January.

²⁰ *Damon A.F.* Financing Revolution: Sun Yat-sen and the Overthrow of the Ch'ing Dynasty // *The Hawaiian Journal of History* 25. 1991. P. 166—167.

²¹ Русская вдова Ли Лисаня Елизавета Кишкина всё ещё живёт в Пекине под именем Ли Ша, ей 96 лет; во время Великой культурной революции она восемь лет провела в тюрьме. Её автобиографию *Wo de Zhongguo yuan fen: Li Lisan furen Li Sha huiyilu* [Моя роковая встреча с Китаем: Воспоминания жены Ли Лисаня Ли Ша]. Пекин: Вайюй

цзяосюэ юй яньцзю, 2009) стоит почитать как предупреждение иностранцам, слишком активно занимающимся китайскими делами.

²² The Man Who Saw It All // Time. 2005. 5 декабря.

²³ *Nien Cheng*. Life and Death in Shanghai. New York: Penguin, 1995. P. 105.

²⁴ Хуа Синьминь опубликовала не совсем достоверные мемуары отца в 1981 г.; *Leon Hoa*. Reconstruire la Chine: trente ans d'urbanisme, 1949—1979. Paris: Moniteur, 1981.

²⁵ *Cheng Li*. Foreign-Educated Returnees in the People's Republic of China: Increasing Political Influence with Limited Official Power // Journal of International Migration and Integration 7. № 4. 2006. September 1. P. 493—516.

Глава 7 ВОЙНА

¹ Земля маньчжур по-китайски звучит как Маньчжоу-Го.

² При всей всем известной сложности подсчёта общего числа военных жертв книгу Рудольфа Дж. Руммеля *China's Bloody Century: Genocide and Mass Murder Since 1900*. New York: Transaction Publishers, 1991 можно считать достоверным источником. Читайте к тому же у Го Жуйгуя. *Zhongguo kangri zhanzheng zhengmian zhan-chang zuozhan ji*. Nanjing: Jiangsu renmin, 2006 и *Gruhl W*. Imperial Japan's World War Two, 1931—1945. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers. 2007.

³ *Prasenjit Duara*. The Global and Regional in China's Nation-Formation. Abingdon: Routledge, 2009. P. 51.

⁴ «30 июля он заявил»: *Crowley J*. Japan's Quest for Autonomy: National Security and Foreign Policy, 1930—1958. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 339. «В радиообращении к своим согражданам Чан Кайши сказал»: Обращение по поводу войны в защиту Родины и сопротивления, организуемого национальным правительством, 14 августа 1937 года, на сайте <http://mil.news.sina.com.cn/2005-06-19/1841298670.html>.

⁵ «В речи от 5 октября 1937 года»: <http://www.vlib.us/amdocs/texts/fdrquarn.html>. «За первый год китайско-японской войны»: *Garver J.W*. Chinese—Soviet Relations, 1937—1945: The Diplomacy of Chinese Nationalism. New York: Oxford University Press, 1988. P. 38.

«Потери советских войск оцениваются в девять тысяч человек»: *Alvin D. Coox*. Nomonhan Japan Against Russia, 1939. Stanford: Stanford University Press, 1990. P. 915.

⁶ *Moore A.W.* The Chimera of Privacy: Reading Self-Discipline in Japanese Diaries from the Second World War (1937—1945) // *The Journal of Asian Studies* 68. 2009. № 1. P.187.

⁷ *Rabe J.* The Good Man of Nanking: The Diaries of John Rabe. Ed. Erwin Wickert. New York: Knopf, 1998. P. 77.

⁸ *Dreimachtepakt* zwischen Deutschland, Italien und Japan vom 27— September 1940 // *Reichsgesetzblatt*. 1940. № 2. S. 280.

⁹ Слова Чан Кайши, высказанные 13 апреля 1941 года, приведены в кн.: *Jay Taylor.* The Generalissimo: Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. P. 181—182.

¹⁰ *Ibid.* P. 188.

¹¹ *Ibid.* P. 190.

¹² *Bevin A.* The Strange Connection: US Intervention in China, 1944—1972. Westport, CT: Greenwood, 1992. P. 16.

¹³ Встреча за обедом Ф. Рузвельта с Чан Кайши 23 ноября 1943 г., *Foreign Relations of the United States, 1943, Conferences at Cairo and Teheran*. P. 324.

¹⁴ *Dong Wang.* The Discourse of Unequal Treaties in Modern China // *Pacific Affairs* 76. № 3. 2003. 1 October. P. 399.

¹⁵ *White Th., Jacoby A.* Thunder out of China. New York: William Sloane, 1946. P. 162.

¹⁶ *Muscolino M.S.* Refugees, Land Reclamation, and Militarized Landscapes in Wartime China: Huanglongshan, Shaanxi, 1937—45 // *The Journal of Asian Studies* 69. 2010. № 2. P. 453—478.

¹⁷ Особый интерес с точки зрения познания того, как в ходе войны рождался новый Китай, представляет книга *Hans van de Ven.* War and Nationalism in China: 1925—1945. London: Routledge Curzon, 2003.

¹⁸ Запись от 22 декабря 1943 г. в «Дневнике Георгия Димитрова» (*The Diary of Georgi Dimitrov*) составителя и редактора Иво Банака (New Haven: Yale University Press, 2003. P. 290).

¹⁹ «В целях организации национального сопротивления»: *Thaxton R.* Salt of the Earth: The Political Origins of Peasant Protest and Communist Revolution in China. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 256. «В западных приграничных областях провинции Шаньдун»: *Yung-fa Chen.* Making Revolution: The Communist Movement in Eastern and Central China, 1937—1945. Berkeley: University of California Press, 1986. P. 267—269.

²⁰ *Coble P.M.* Japan's New Order and the Shanghai Capitalists: Conflict and Collaboration, 1937—1945 // *Chinese Collaboration with Japan,*

1932—1945: The Limits of Accommodation. Ed. David P. Barrett and Lawrence N. Shyu. Stanford: Stanford University Press, 2001. P. 135—155.

²¹ *Seybolt P.J.* The War Within a War: A Case Study of a County on the North China Plain // Chinese Collaboration with Japan, 1932—1945: The Limits of Accommodation. Ed. David P. Barrett and Lawrence N. Shyu. Stanford: Stanford University Press, 2001.

²² «К тому же они могли в случае необходимости нападать на отдельные гоминьдановские подразделения»: *Yung-fa Chen.* Making Revolution. P. 116—117.

«П. Хёрли к тому же пообещал руководству КПК поставки из США»: *Michael Sheng.* Battling Western Imperialism: Mao, Stalin, and the United States. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 89—93. Читайте к тому же у *Odd Arne Westad.* Cold War and Revolution: Soviet-American Rivalry and the Origins of the Chinese Civil War, 1944—1946. New York: Columbia University Press, 1993.

²³ Победное послание Чан Кайши от 15 августа 1945 года на сайте IBiblio: <http://www.ibiblio.org/pha/policy/1945/450815c.html>.

Глава 8 КОММУНИЗМ

¹ *Sin-wai Chan and David E. Pollard, eds.* An Encyclopaedia of Translation: Chinese-English, English-Chinese. Hong Kong: Chinese University Press, 2001.

² Об этом читайте у *David Apter and Tony Saich.* Revolutionary Discourse in Mao's Republic. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.

³ Выдержка из *Westad.* Decisive Encounters. P. 160.

⁴ *Собрание трудов Мао Цзэдуна.* Т. 5.

⁵ «Герой гражданской войны Линь Бяо»: *Ай Инсю.* Lin Biao ruhe duidai kangMei yuanChao: Bu tongyi chubing Chaoxian? [Как Линь Бяо относился к кампании сопротивления Америке и помощи Корею: Разве он был против отправки войск в Корею?], 9 сентября 2010 г. на сайте <http://dangshi.people.com.cn>, использованном 5 октября 2010 г.

«Нам придётся вступить в эту войну»: Мао Цзэдун сказал Чжоу Эньлаю 13 октября 1950 г.: *Мао Цзэдун.* Jianguo yilai Mao Zedong wengao [Рукописи Мао Цзэдуна с момента провозглашения народной республики]. Ed. Zhonggong zhongyang wenxian yanjiushi. Beijing: Zhongyang wenxian, 1996. Т. 1. С. 556.

⁶ *Gao J.Z.* War Culture, Nationalism, and Political Campaigns, 1950—1953 // Chinese Nationalism in Perspective: Historical and Re-

cent Cases / Под ред. Джорджа Вэя и Лю Сяюяня. New York: Praeger, 2001; *Adam Cathcart*. Japanese Devils and American Wolves: Chinese Communist Songs from the War of Liberation and the Korean War // *Popular Music and Society* 33. 2010. № 2. P. 203.

⁷ *Luthi L.* The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World. Princeton: Princeton University Press, 2008.

⁸ Разные подсчёты можно посмотреть у Шу Гуанчжана в *Economic Cold War: America's Embargo Against China and the Sino-Soviet Alliance, 1949—1963* (Stanford: Stanford University Press, 2002) и Шэнь Чжихуа в *Sulian zhuanjia zai Zhongguo, 1948—1960* [Советские специалисты в Китае, 1948—1960 гг.] (Пекин: Чжунго гоцзи гуанбо, 2003). Статистика в данной книге основана на беседах с китайскими экономистами, изучающими действие программы помощи.

⁹ О Шанхае читайте у Ли Дэхуна в *Shanghai shi zhongxue jiaoshi yundong shiliao xuan* [Сборник материалов, посвящённых движению учителей средних школ Шанхая] (Шанхай: Шанхай цзяюю, 1997).

¹⁰ Читайте удивительный труд Цуй Сяолина *Chongsu yu sikao: 1951 nian qianhou gao xiao zhishifenzi sixiang gaizao yundong yanjiu* [Восстановление и переосмысление: Исследование движения по преобразованию мышления интеллектуалов колледжей и университетов приблизительно в 1951 году] (Пекин: Чжунгун данши, 2005). Для Renmin Daxue, читайте у *Stiffler D.A.* *Building Socialism at Chinese People's University: Chinese Cadres and Soviet Experts in the People's Republic of China, 1949—1957*. Дисс. ... проф. философии Калифорнийского университета. Сан-Диего, 2002.

¹¹ «Оптовый импорт учебного курса»: насмотревшись лично на ту же помесь при внедрении американского учебного курса и педагогической науки в Китае в 1980-х годах, автор книги только сочувствует студентам, на которых всё это испытывалось.

«В ряде случаев»: *Eddy U.* The Making of zhishifenzi: The Critical Impact of the Registration of Unemployed Intellectuals in the Early PRC // *The China Quarterly* 173. 2003. P. 100—121; и он же. The Hiring of Rejects: Teacher Recruitment and Crises of Socialism in the Early PRC Years // *Modern China* 30. 2004. № 1. P. 46—80.

¹² Читайте для примера стенограмму беседы между Мао Цзэдуном и послом СССР в КНР П.Ф. Юдиным 21 декабря 1955 г. Архив МИД РФ, Москва (АВПРФ). Ф. 0100. Оп. 49. П. 410. Д. 9. С. 11—19.

¹³ Читайте: *Stiffle*. *Building Socialism at Chinese People's University*.

¹⁴ *Pepper*. Radicalism and Education Reform in Twentieth-Century China. P. 224.

¹⁵ *Westad O.A.* Decisive Encounters: The Chinese Civil War, 1946—1950. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 274—276.

¹⁶ Читайте для примера: *James Gao*. The Communist Takeover of Hangzhou: The Transformation of City and Cadre, 1949—1954. Honolulu: University of Hawaii Press, 2004; об отношении КПК к Пекину читайте спорный труд Ван Цзюня: *Cheng ji* [«Звуки города»]. Beijing: Sanlian shudian, 2003.

¹⁷ «Эту дисциплину разработали в 1930-х годах»: *Kreis B.* Moskau 1917—35: vom Wohnungsbau zum Stadtebau [Москва 1917—1935 гг.: От жилых кварталов к городским зданиям]. Dusseldorf: Edition Marzona, 1985; *Латур А.* (под редакцией). Рождение метрополии: Москва в 1930—1955 гг. Воспоминания и образы. М.: Искусство — XXI век, 2005; *French R.A.* Plans, Pragmatism and People: The Legacy of Soviet Planning for Today's Cities. London: UCL Press, 1995.

«Требовался системный план»: в качестве прекрасного критического обзора городской застройки как «модернистского движения» читайте: *Hall P.* Cities of Tomorrow: An Intellectual History of Urban Planning and Design in the Twentieth Century. 3-e ed. London: Blackwell, 2003.

¹⁸ *Wu Hung*. Remaking Beijing: Tiananmen Square and the Creation of a Political Space. Chicago: University of Chicago Press, 2005 даёт оригинальный и любопытный взгляд на отношение в КПК к городу.

¹⁹ Несколько сообщений о советских рекомендациях, а также материал, относящийся к кое-каким обсуждениям в КПК, можно найти в: *Jianguo yilai de Beijing chengshi jianshe ziliao. Di yi juan: Chengshi guihua* [Материалы по городской застройке Пекина с момента провозглашения КНР]. Кн. 1. Городское планирование (для служебного пользования); Beijing: Beijing jianshe shishu bianji weiyuanhui bianjibu, 1987. Следующие параграфы составлены на основе анализа материалов всех семи томов данной важной серии документов для служебного пользования.

²⁰ «В своих заметках тех лет он к тому же пишет»: читайте его рукопись в *Liang Sicheng quanji* [Избранные труды Лян Сычэна]. Т. 6. Пекин: Чжунго цзяньчжу гунъе, 2001.

«Его сын помнит»: приведено в: *China Daily*. 1999. 1 October.

«Чем бы ни руководствовался сам товарищ Лян»: у *Wang Jun*, *Cheng ji* прекрасно сказано на с. 22—65.

²¹ «Получается так, что императоры могут жить в Пекине, а мне нельзя»: Ван Цзюнь. 1950 niandai: dui Liang-Chen fangan de lishi kaocha [1950-е годы: Историческое исследование предложения Лян-Ченя], на сайте <http://www.cc.org.cn>.

«Необходимо было обеспечить полное равноправие»: читайте *Jianguo yilai de Beijing chengshi jianshe ziliao. Di yi juan*.

²² Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос, первая публикация издательства «Просвещение», 1913. № 3—5, март—май.

²³ *Xiaojuan Liu*. Reins of Liberation: An Entangled History of Mongolian Independence, Chinese Territoriality, and Great Power Hegemony. Stanford: Stanford University Press, 2006 даёт прекрасный обзор развития отношений в КПК.

²⁴ Ключевые документы с конца 1940 и 1950-х гг. можно найти в *Minzu wenti wen-xian huibian* [Собрание документов по национальному вопросу] (для служебного пользования). Пекин: Центральная партийная школа, 1991.

²⁵ Автор не располагает процентной статистикой того, сколько к 1955 г. было переведено советских теоретических трудов по вопросам национальных меньшинств, но по грубым прикидкам получается не меньше 30%; читайте у *Guldin G.* Anthropology by Other Names: The Impact of Sino-Soviet Friendship on the Anthropological Sciences // The Australian Journal of Chinese Affairs 27. 1992. P. 133—149.

²⁶ «В политике, рекомендованной руководством КПК, к тому же важная роль отводилась собственным прошлым взглядам на различные нацменьшинства»: об этом читайте у Чэнь Юнфа *Zhongguo gongchan geming 70 nian* [70 лет китайской коммунистической революции]. Т. 1, 2-е изд. Тайбэй: Ляньцзин, 2001.

«Советские консультанты, со своей стороны»: читайте последний отчёт посольства СССР в КНР (начало 1954 г.). АВПРФ. Ф. 0100. Оп. 417. П. 379. Д. 7. С. 25—35.

²⁷ О взглядах того времени, когда создавалась народная республика, читайте стенограмму беседы Чжоу Эньлая с послом СССР в КНР Н.В. Рошиным 15 ноября 1949 г. АВПРФ. Ф. 07. Оп. 22. П. 36. Д. 220. С. 57—66.

²⁸ Причина, почему приятели автора, принадлежащие к нацменьшинствам, любят насмехаться над политической историей Китая, как она представлена в работе «Ханьская жестокость к ханьцам».

²⁹ *Shu Guang Zhang*. Deterrence and Strategic Culture: Chinese-American Confrontations, 1949—1958. Ithaca, N.Y.: Cornell University

Press, 1992. P. 185; see also: *Shu Guang Zhang*. Constructing 'Peaceful Coexistence': China's Diplomacy Toward the Geneva and Bandung Conferences, 1954—55 // *Cold War History* 7. № 4. 2007. С. 509.

³⁰ *Wang Ning*. The Great Northern Wilderness: Political Exiles in the People's Republic of China. Дисс. ... работа на соискание звания проф. философии университета Британской Колумбии, 2005. P. 54.

³¹ *Zhonggong zhongyang wenxian yanjiushi*, ed. *Jianguo yilai zhongyao wenxian xuanbian* [Собрание важных документов с момента основания народной республики]. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубанше. 1992. Т. 10. С. 613.

³² Доклад Лю Шаоци на первом государственном съезде по пропагандистской работе 7 мая 1951 года, документ № 123/25/2/5 архивов провинции Шэньси; выдержки приводятся в статье *Yang Kuisong*. Reconsidering the Campaign to Suppress Counterrevolutionaries // *The China Quarterly* 193. 2008. № 1. P.105.

³³ Учёный в области геноцида Рудольф Рummель оценивает число жертв в два раза больше этого числа; около 8,5 миллиона человек (читайте на сайте Р. Рummеля по адресу: <http://www.hawaii.edu/powerkills/NOTE2.HTM>). Статистика автора взята из трудов историков КНР, в настоящее время специализирующихся на данном периоде истории.

³⁴ *Foot R*. The Eisenhower Administration's Fear of Empowering the Chinese // *Political Science Quarterly* 111. 1996. № 3. Autumn. P. 517.

³⁵ «А когда британский премьер-министр консерватор»: Меморандум о беседе Мао с Юдиным 25 мая 1955 г. АВПРФ. Ф. 0100. Оп. 48. П. 393. Д. 9. С. 112. «Товарищ Мао предупредил своих помощников»: Беседа Мао Цзэдуна с Чжоу Эньлаем и другими китайскими товарищами 12 ноября 1959 г., выдержки приводятся в собрании трудов Бо Ибо *Ruogan zhongda juece yu shijian de huigu* [Воспоминания о некоторых крупных решениях и событиях]. В 2 т. Пекин: Центральная партийная школа, 1991 г. Т. 2. С. 1144.

³⁶ Прекрасный перевод доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС *The Crimes of the Stalin Era: Special Report to the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union*. Под ред. Б.И. Николаевского. N.Y.: New Leader, 1956.

³⁷ *У Лэнси*. *Shinian lunzhan 1956—1966: ZhongSu guanxi huiyilu* [Десятилетие полемики 1956—1966 гг.: Воспоминания о китайско-советских отношениях]. Пекин: Чжунъян вэньсянь. 1999. С. 35—36.

³⁸ *Renmin Ribao*, 1956. 29 декабря.

³⁹ *Report Made by the Party Organization of the Chinese National General Labourers' Union on the Situation of the Strikes of Workers* //

Vol. 141-1-840. P. 16, Hunan Provincial Archives, Changsha. Читайте к тому же *Zhu Dandan*. The Double Crisis: China and the Hungarian Revolution of 1956. Дисс. ... работа на соискание звания проф. философии Лондонской школы экономики, 2009. С. 180.

⁴⁰ *Мао Цзэдун*. Jianguo yilai Mao Zedong wengao [Рукописи Мао Цзэдуна с момента провозглашения народной республики]. Т. 6. С. 630—644.

Глава 9 КИТАЙ В АВТОНОМНОМ ПЛАВАНИИ

¹ *Dikotter F.* Mao's Great Famine: The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958—1962. New York: Walker, 2010.

² *Мао Цзэдун*. Mao Zedong wajiao wenxuan [Избранные дипломатические документы Мао Цзэдуна]. Пекин: Чжунъян вэньсянь, 1994. С. 223—224.

³ *Memorandum of Conversation of N. S. Khrushchev with Mao Zedong*, Beijing, 2 October 1959 // Cold War International History Bulletin. 2001. № 12/13. P. 269.

⁴ *Lieningzhuyi wansui!* [Да здравствует ленинизм!] // Hongqi, 1960. 22 апреля.

⁵ *Тан Чжэньнань и др.* Liu Shaoqi yu Mao Zedong [Лю Шаоци и Мао Цзэдун]. Чанша: Хунань женьминь, 1998. С. 357.

⁶ «Председатель говорил»: *Schram S.R.* Chairman Mao Talks to the People: Talks and Letters, 1956—1971. 1-е амер. изд. New York: Pantheon Books, 1975. P. 192. «На вопрос, появится ли или нет ревизионизм в нашей стране»: *Сяо Дунлян и др.* Qiusuo Zhongguo: «wenge» qian shinian shi [Исследование Китая: История 10 лет перед культурной революцией]. Пекин, 1999. P. 1000. Чжоу Эньлай продолжил: речь Чжоу Эньлая на X пленуме ЦК КПК 26 сентября 1962 г., ссылки приводятся в работе *Yang Kuisong*. Changes in Mao Zedong's Attitude toward the Indochina War, 1949—1973. Cold War International History Project Working Paper 34. Washington, DC: Cold War International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2002.

⁷ *Mao Zedong*. Mao Zedong Poems. Beijing: Foreign Languages Press, 1998. Написание этой поэмы завершилось 9 января 1963 г.

⁸ *Garver J.* China's Decision for War with India in 1962 // New Directions in the Study of China's Foreign Policy. Ed. Alastair Ian Johnston and Robert S. Ross. Stanford: Stanford University Press, 2006.

⁹ Под редакцией Ши Бо. ZhongYin dazhan jishi [Досье событий большой китайско-индийской войны]. Пекин: Дади, 1993. С. 189.

¹⁰ Представление Дэн Сяопина 8 июля 1963 г. в стенограммах встреч делегаций КПСС и КПК в Москве 5—20 июля 1963 г., Aktenband 696, Bestandssignatur DY J IV 2/201, Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR im Bundes — архив, Берлин.

¹¹ *Radchenko S.* Two Suns in the Heavens: The Sino-Soviet Struggle for Supremacy, 1962—1967. Washington, DC: Woodrow Wilson Center, 2009. P. 112—113.

¹² «Теперь Китай располагал своим собственным ядерным потенциалом»: потребовалось ещё 20 лет, однако, пока в КНР появились ракеты, способные составить угрозу западной России или континентальной части США, — «Дунфэн-5» («Ветер с востока»), из них около двадцати ракет такого типа до сих пор стоят на вооружении НОАК.

«В октябре 1965 г. он заявил группе оторопевших партийных работников»: A Concise History of the Communist Party of China. Ed. Hu Shi. Beijing: Foreign Languages Press, 1994. P. 318.

¹³ *Lin Biao.* Long Live the Victory of People's War, на сайте по адресу http://www.marxists.org/reference/archive/lin-iao/1965/09/peoples_war/ch08.htm.

¹⁴ Стенограмма беседы Чжоу Эньлая и Фан Ван Донга 9 октября 1965 г., под редакцией Одда Арне Вестада и соавторов: 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina, 1964—1977, Working Paper 22. Washington, DC: Cold War International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1998.

¹⁵ Стенограмма беседы Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина, Кан Шэна, Ле Зуана и Нгуен Зуи Чиня 13 апреля 1966 г., там же.

¹⁶ Все выдержки из *Schaefer B.* North Korean «Adventurism» and China's Long Shadow. 1966—1972. Working Paper 44. Washington, DC: Cold War International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2004. P. 6—9.

¹⁷ Стенограмма беседы Мао Цзэдуна с главой индонезийского конгресса 9 июня 1964 г., 105-01336-02, Архив МИД КНР (КАМИД), Пекин. Благодарность Чжоу Даою за предупреждение о наличии такого документа и остальных, приведённых ниже.

¹⁸ «Во время своей встречи с индонезийским руководителем»: Протокол беседы Мао Цзэдуна и индонезийского президента Сукарно 13 июня 1961 г., 204-01469-02, КАМИД.

«В январе 1963 г. Лю Шаоци провозгласил: Брифинг по поводу визита Субандрио 13 января 1963 г. 204-01504-01, КАМИД».

¹⁹ «Китайцы восприняли решение индонезийцев»: Отношения англичан с индийцами и малайцами 31 января 1964 г., 110-01696-03, КАМИД. «Тем самым китайцы всё больше внимания уделяли»: Стенограмма беседы Ло Жуйцина с индонезийской военной делегацией 24 января 1965 г., 105-01910-07; Протокол беседы Яо Чжунмина с Субандрио 11 февраля 1965 г., 105-01319-05, оба документа из КАМИД.

²⁰ «Китайцы посоветовали»: *Alaba Ogunsanwo. China's Policy in Africa 1958—1971. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.*

«Сотрудники посольства КНР в Алжире сомневались»: Позаимствовано из *Friedman J. Reviving Revolution: The Sino-Soviet Split, the 'Third World,' and the Fate of the Left. Дисс. ... проф. философии Принстонского университета, 2011. Гл. 3.*

²¹ Заявление Фиделя Кастро Рус в газете *Prensa Latina* от 6 февраля 1966 г. на сайте <http://lanic.utexas.edu/project/castro/db/1966/19660206.html>.

²² «Гитлеровцы могли бы у них многому поучиться»: Цитата из *Friedman. Reviving Revolution. Ch. 3.*

«Когда советские дипломаты попытались направить представление в китайский МИД»: *Radchenko. Two Suns in the Heavens. P. 193.*

²³ «Диктатура буржуазии пришла на смену диктатуре пролетариата»: *Renmin ribao, 1967. 4 June. «Монгольские ревизионисты»: Schoenhals M. Ed. China's Cultural Revolution, 1966—1969: Not a Dinner Party. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1996.*

²⁴ *Brady A.-M. Red and Expert: China's 'Foreign Friends' in the Great Proletarian Cultural Revolution, 1966—1969 // China's Great Proletarian Cultural Revolution: Master Narratives and Post-Mao Counternarratives. Ed. Woei Lien Chong. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002. P. 121.*

²⁵ Interrogation record: Wang Guangmei, 10 April 1967 // *Schoenhals. China's Cultural Revolution, 1966—1969. P. 105—106.*

²⁶ *Ma Jisen. The Cultural Revolution in the Foreign Ministry of China. Hong Kong: Chinese University Press, 2004. P. 108.*

²⁷ *Radchenko S. The Sino-Soviet Split // The Cambridge History of the Cold War. Ed. Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 349—372.*

²⁸ *Naughton B. The Third Front: Defence Industrialization in the Chinese Interior // The China Quarterly. 1988. № 115. September. P. 351—386.*

²⁹ *Yang Su. Mass Killings in the Cultural Revolution: A Study of Three Provinces // The Chinese Cultural Revolution as History. Ed.*

Joseph Esherick, Paul Pickowicz, and Andrew G. Walder. Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 96—123. Любителям сенсаций читать *Zheng Yi*. *Scarlet Memorial: Tales of Cannibalism in Modern China*. Boulder: Westview Press, 1998.

³⁰ *Mao Zedong's Speech at the First Plenary Session of the CCP's Ninth Central Committee* // Cold War International History Project Bulletin. № 11 (n.d.). P. 163—165.

³¹ *Conversation between Mao Zedong and E. F. Hill*, 28 November 1968 // Cold War International History Project Bulletin. № 11 (n.d.). P. 157—161.

³² *The CCP Central Committee's Order for General Mobilization in Border Provinces and Regions*, 28 August 1969 // Cold War International History Project Bulletin. № 11 (n.d.). P. 168—69.

³³ «[Однако] как в Китае, так и в США своим врагом считают Советский Союз»: *Report by Four Chinese Marshals—Chen Yi, Ye Jinyang, Xu Xiangqian, and Nie Rongzhen, to the Central Committee, 'A Preliminary Evaluation of the War Situation' (excerpt)*, 1969. 11 July // Cold War International History Project Bulletin. № 11 (n.d.). P. 166—168. «В стратегическом плане нам надо»: *Personal Appendix to Marshals' Report*, Chen Yi. 1969. 17 September. «На протяжении последующих двух лет»: *Gordon S. Barrass*. *The Art of Calligraphy in Modern China*. Berkeley: University of California Press, 2002. P. 98.

Глава 10 КИТАЙСКАЯ АМЕРИКА

¹ «Но руководство Китая посчитало»: *Gong Li*. *Chinese Decision Making and the Thawing of U.S.-China Relations* // *Re-Examining the Cold War: U.S.-China Diplomacy, 1954—1973*. Ed. Robert S. Ross and Changbin Jiang. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2001. P. 346. «Г. Киссинджер заявил»: *Kissinger*. *Briefing of White House Staff*, 19 July 1971, box 1036, China-General July-Oct. 1971, NSC files, Nixon Presidential Papers Project, Washington, DC.

«Товарищ Мао высказывался умереннее»: Беседа Мао Цзэдуна с Фам Ван Донгом в Пекине 23 сентября 1970 г., у Вестада и соавторов в 77 *Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina, 1964—1977*. P. 175.

² В отличие от остальных западноевропейских стран Франция располагала дипломатическими отношениями с Китайской Народной Республикой на уровне послов с 1964 года.

³ «В аграрной, промышленной, технической и военной области»: Resolution on Certain Questions in the History of Our Party Since the Founding of the People's Republic of China. Beijing: Foreign Languages Press, 1981.

«По ходу этого дела»: *Muqian de xingshi he renwu* [Нынешняя обстановка и задачи]. 1980. 16 января. *Deng Xiaoping wenxuan* [Избранные труды Дэн Сяопина]. Т. 2. Пекин: агентство Синьхуа, 1983.

⁴ Как ни странно, сама Хань Суинь выступала в качестве апологета маоистской культурной революции; читайте две её книги: *Wind in the Tower: Mao Tse-tung and the Chinese Revolution, 1949—1975*. London: Jonathan Cape, 1976 and *Lhasa, the Open City: Journey to Tibet*. London: Jonathan Cape, 1977.

⁵ *Li Jie. China's Domestic Politics and the Normalization of Sino-US Relations, 1969—1979 // Normalization of U.S.-China Relations: An International History*. Ed. William C. Kirby, Robert S Ross, and Li Gong, Harvard East Asian monographs 254. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2005. P. 79.

⁶ «Куда бы Советский Союз ни совал свои пальцы»: Стенограмма беседы Дж. Картера и Дэн Сяопина 29 января 1979 г., Китай, ящик 9, Географический файл, коллекция Бжезинского, библиотека президента Джимми Картера, Атланта (далее — JCPL). «Генерал Чжан сказал: „Мы рады, что вы изъявили желание помочь нам“»: Стенограмма беседы Чжан Айпина и Гарольда Брауна 8 января 1980 г., ящик 69, Сулливан — предметный файл, материал сотрудников — Дальний Восток, коллекция 26, вопросы национальной безопасности, президентский архив, JCPL. «Сам Дэн Сяопин так объяснил это дело»: Встреча товарища Дэна с представителями администрации США 31 января 1979 г., Китай, ящик 9, Географический файл, коллекция Бжезинского, JCPL.

⁷ *Morrow to Reagan*. 1981. 30 November. Meese Files, box 19, Ronald Reagan Presidential Library, Simi Valley, CA (hereafter RRPL).

⁸ *Statement on United States Arms Sales to Taiwan*, 17 August 1982, The Public Papers of the President: Ronald Reagan, 1981—1989, на сайте <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/publicpapers.html>.

⁹ *Liu Xiaobo, Zhou Duo, Hou Dejian, and Gao Xin. June 2 Declaration // Suzanne Ogden. China's Search for Democracy: The Student and the Mass Movement of 1989*. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1992. P. 358—359.

¹⁰ State Department document 29 June 1989, copy held at the National Security Archive, Washington, DC (hereafter NSecArch).

¹¹ *Deng Xiaoping wenxuan*. Vol. 3.

¹² Выдержки из бесед, устроенных в Учане, Шэньчжэне, Чжухае и Шанхае 18 января—21 февраля 1992 г., в *Deng Xiaoping wenxuan*. Vol. 3.

¹³ Renmin ribao. 2009. 14 September.

¹⁴ China Quick Facts на сайте <http://www.worldbank.org/>.

¹⁵ Huanqiu shibao. 2010. 23 June.

¹⁶ Читайте доклад о развитии человеческого потенциала за 2010 год по Программе развития Организации Объединённых Наций на сайте <http://hdr.undp.org/en/statistics/>.

¹⁷ TVBS Poll Center, March 2009, на сайте http://www.tvbs.com.tw/FILE_DB/DL_DB/yijung/200905/yijung-20090508145032.pdf. Ознакомлен в феврале 2011 г.

¹⁸ Suettinger R. Beyond Tian'anmen: The Politics of U.S.-China Relations, 1989—2000. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2003. P. 87.

¹⁹ Сун Цян и др. Zhongguo keyi shuo bu: Lengzhanhou shidai de zhengzhi yu qinggan jueze [Китай, способный сказать «нет»: Политический и эмоциональный выбор в эпоху после холодной войны]. Пекин: Чжунхуа гуншан лянхэ, 1996.

²⁰ «[Теперь] китайцы должны уделять пристальное внимание тем странам, которые противостоят американским интересам»: *Mahmud Ali S.* U.S.-China Relations in the «Asia-Pacific» Century. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 15. Во время запомнившейся всем пресс-конференции: <http://www.zpub.com/un/china27.html>.

²¹ «Целью этой бомбардировки»: Пресс-релиз ООН № 6659 от 26 марта 1999 г. В гонконгском журнале «Цяньшао» появилось сообщение о том, что в неопубликованных мемуарах Цзян Цзэминя содержится подтверждение нахождения югославских разведчиков на территории китайского посольства перед американским авианалётом и тесном сотрудничестве с С. Милошевичем по ходу войны (Qianshao. № 240. 2011. February). «Председатель КНР Цзян Цзэминь подлил масла в огонь»: *Ali.* U.S.-China Relations in the «Asia-Pacific» Century. P. 94. «На страницах главной официальной газеты „Жэньминь жибао“ писали»: Renmin ribao. 1999. 12 and 13 May.

²² Shen S. Redefining Nationalism in Modern China: Sino-American Relations and the Emergence of Chinese Public Opinion in the 21st Century. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. P. 63. Из этой книги С.Шэня можно получить прекрасное представление о патриотизме в современном Китае.

²³ «Когда представители новой американской администрации Джорджа У. Буша»: Там же. P. 73. «Югославы предоставили им до-

ступ к обломкам»: в НОАК к тому же научились меньше гоняться за американскими разведывательными самолётами, чтобы не нагнетать конфронтации; читайте газету «Гардиан» от 30 июля 2001 г.

²⁴ Пресс-релиз китайской миссии при ООН от 13 сентября 2001 г.: «Председатель КНР Цзян Цзэминь в телеграмме выразил глубокую скорбь по поводу вылазок террористов в Америке и провёл беседу с президентом Бушем по телефону, чтобы показать позицию Китая по борьбе против терроризма», читайте на сайте <http://www.china-un.org/eng/chinaandun/securitycouncil/thematicissues/counterterrorism/t26903.htm>.

²⁵ Госсекретарь США Колин Пауэлл: «Замечания в школе международных отношений имени Элиота», 5 сентября 2003 г., читайте на сайте <http://www.state.gov/secretary/rm/2003/23836.htm>.

²⁶ Доклад Межведомственной группы по экономической и финансовой статистике Principal Global Indicators читайте на сайте <http://www.principalglobalindicators.org/default.aspx>; доклад Международного валютного фонда Country Information читайте на сайте <http://www.imf.org/external/country/index.htm>; доклад министерства финансов США Major Foreign Holders of Treasury Securities читайте на сайте <http://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Documents/mfh.txt>; и доклад Европейской комиссии Trade: Bilateral Relations читайте на сайте <http://ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateral-relations/>. Читайте также *JC de Swaan. China Goes to Wall Street: Beijing's Evolving US Investment Strategy* // Foreign Affairs. 2010. 29 April.

²⁷ Для сравнения читайте интернет-сайты Центра по контролю над оружием и по нераспространению ядерного оружия на сайте <http://armscontrolcenter.org/>. Для всех стран учтена часть денег для ветеранов, потраченная исключительно на нужды военных ветеранов.

Глава 11 КИТАЙСКАЯ АЗИЯ

¹ *Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD, 2001. P. 216—217.

² Журнал «Азия таймс» от 14 января 2009 г. В подлиннике того соглашения, подписанного в 1999 г., обе стороны договорились предоставить Китаю на один символический квадратный километр спорной территории больше, чем Вьетнаму, служивший символом традиционных отношений. (*Vuving A. Grand Strategic Fit and Power*

Shift: Explaining Turning Points in China-Vietnam Relations // *Living with China*. Под ред. Тан Шипина с соавт. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 229—245.)

³ *Dong-A Ilbo* Opinion Poll on South Korean Attitudes Toward Japan and Other Nations. 2005. 26 April, <http://www.mansfieldfdn.org/polls/2005/poll-05-2.htm>.

⁴ Читайте для примера беседу помощника госсекретаря США Курта Кэмпбелла с корейскими экспертами 18 февраля 2010 г. на сайте WikiLeaks по адресу <http://213.251.145.96/cable/2010/02/10SEOUL248.html>.

⁵ *Xiandaihua* yu lishi jiaokeshu [Учебники по модернизации и истории] // Биндянь. 2006. 11 января. Этот журнал закрыли за деятельность его редакции, противоречащую политике властей.

⁶ *On Memories of Violence, Part 2: Chinese Textbooks and Questions About the Korean War 60 years Later* в живом журнале Иеремии Женне на сайте <http://granitestudio.org/2010/06/25/>.

⁷ Новый учебник истории (главы 4 и 5) издания 2005 г. Подготовлен и переведён Японским обществом по реформе учебников истории из Atarashii rekishi ky kasho wo tsukuru kai (Японского общества по реформе учебных пособий), опубликован фирмой «Фусоса», Токио на сайте http://www.tsukurukai.com/05_rekisi_text/rekishi_English/English.pdf. Авторы подавляющего большинства японских учебников относятся к военным преступлениям японцев с ещё более острой критикой.

⁸ «Архипелаг Дяоюйдао — Сэнкаку»: историю возникновения конфликта читайте у Unryu Suganuma в *The Diaoyu/Senkaku Islands: A Hotbed for a Hot War?* // *China and Japan at Odds: Deciphering the Perpetual Conflict*. Ed. James Hsiung. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 155—172.

«На текущий момент японскими судами поддержаны иски»: *Ming Wan*. Sino-Japanese Relations: Interaction, Logic, and Transformation. Stanford: Stanford University Press, 2008. P. 304—326.

⁹ «Сингапурский деятель-антикоммунист Ли Куан Ю»: Стенограмма беседы Ли Куан Ю с канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом 11 июня 1979 г. в кн.: *Dorothee I., Pautsch et al.* Akten zur auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland 1979: 1. Juli bis 31. Dezember 1979. Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2010. P. 173—174. «Попытки руководства в Пекине „как следует проучить Ханой“»: никто ещё не написал истории вмешательства Китая в эти вылазки.

¹⁰ «В настоящее время дипломатов АСЕАН всё больше тревожат намерения китайцев»: уважаемый читатель может отыскать

прекрасные карты на сайте <http://www.global security.org/military/world/war/spratly-maps.htm>. «Людей с китайскими корнями до сих пор с большой неохотой пускают в политику»: *Indonesia: Chinese, Migrants // Migration News*. 5, 6 (June 1998), см. сайт http://migration.ucdavis.edu/mn/more.php?id=1559_0_3_0.

¹¹ «В одном сообщении описаны тяжкие испытания»: современное сообщение, приведённое в кн.: *Purdey J. Anti-Chinese Violence in Indonesia, 1996—1999*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. Р. 1. «Власти подавили студенческие протесты в Пекине»: Патриотические настроения в Китае появились в Интернете в 1990-х гг.; первая хакерская атака на иностранные сети представителей зарождавшегося киберополчения была проведена против Индонезии в 1998 г. в ответ на расистское насилие в этой стране; читайте у *Hughes C.R. Nationalism in Chinese Cyberspace // Cambridge Review of International Affairs* 13. 2000. № 2. Р. 195.

¹² *Горбачёв М.С. Жизнь и реформы*. М.: Новости, 1995.

¹³ Договор о добрососедстве и дружественном сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией от 24 июля 2001 г. на сайте <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt/2649/t15771.htm>.

¹⁴ «Хартией ШОС участники связываются обязательством»: «Хартия Шанхайской организации сотрудничества» на интернет-сайте организации по адресу <http://www.sectsko.org/EN/show.asp?id=69>. «Через сто лет в этом регионе Пекин снова оказался на коне»: при беглом просмотре интернет-сайта ШОС (<http://www.sectsko.org>) можно увидеть, что его названию на китайском языке принадлежит господствующее положение по сравнению с вариантами на русском и английском языках (на казахском, таджикском или узбекском языке его название отсутствует). С практической точки зрения влияние этой организации особого распространения не получило; она представляет собой всего лишь общее учреждение в Региональной антитеррористической структуре (обратите внимание на неблагозвучное сокращение на английском языке — RATS [крысы. — *Примеч. пер.*]), правление которой находится в Ташкенте.

¹⁵ *Меморандум о результатах переговоров, Пекин, 27 ноября 1974 г.* // Внешняя политика Соединённых Штатов Америки: 1969—1976 гг. Т. XVIII. Китай. 1973—1976. Документ 97.

¹⁶ *Holslag J. China and India: Prospects for Peace*. N.Y.: Columbia University Press, 2010. Р. 51.

¹⁷ Китайские представители в ООН воздержались по резолюции об осуждении Югославии по Косово в 1998 г., карательных санкциях в отношении властей Бирмы и Зимбабве, миссии ООН в Дарфуре в 2006 г. и о запрете полётов боевой авиации Ливии в 2011 г.

ПРИЗНАКИ СОВРЕМЕННОСТИ

¹ Государственный департамент США, департамент по связям со странами Восточной Азии и Тихоокеанской зоны «Информационная записка: Гонконг» от 15 марта 2011 г. на сайте <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/2747.htm>.

² «При всём номинальном коммунизме власти»: То же самое, разумеется, касается Британии и США. Глядя с позиции Запада: *Edward Steinfeld. Playing Our Game: Why China's Economic Rise Doesn't Threaten the West*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

³ Полный текст речи премьера Госсовета КНР на ежегодном собрании Всемирного экономического форума 2009 года, 29 января 2009 г., читайте на сайте http://news.xinhuanet.com/english/2009-01/29/content_10731877_1.htm.

⁴ Комментарии председателя КНР Цзян Цзэминя по поводу вредности организации «Гонг Фалуна» 25 октября 1999 г. на сайте <http://www.china-embassy.org/eng/zt/ppflg/t36565.htm>.

⁵ *Dalai Lama 'Wolf in Monk's Robes': Official* // China Daily, 2011. 7 March. Комментарии китайского партийного руководителя на Тибете Чжан Цинли, постоянно выступающего рупором КПК по осуждению «раскольников и уклонистов».

⁶ *Vilcek J., Cronstein B.N. A Prize for the Foreign-born* // The FASEB Journal 20. 2006. № 9. 1 July. P. 1281—1283.

⁷ Adapted from a chant by Millwall Football Club (though I in no way hold the Bermondsey Lions responsible for Chinese nationalism).

⁸ Желающим поспорить читайте книгу: *Martin Jacques. When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. London: Allen Lane, 2009. P. 244—252.

⁹ *Hanson F., Shearer A. China and the World: Public Opinion and Foreign Policy*. Sydney: The Lowy Institute, 2009.

¹⁰ *Wang Jisi. China's Search for a Grand Strategy* // Foreign Affairs. 2011. April.

¹¹ Прекрасный обзор можно посмотреть на сайте Колумбийского университета *China and Europe 1500—2000: What Is «Modern»?* http://afe.easia.columbia.edu/chinawh/web/s6/s6_3.html.

¹² Читайте прогноз отдела народонаселения департамента экономических и общественных отношений «Население мира к 2030 году» (UN, 2004); *Sen A. Quality of Life* // *New York Review of Books*. 2011. 12 May.

¹³ *Pakistan and China: Sweet As Can Be?* // *The Economist*. 2011. 12 May.

¹⁴ General Attitudes Toward China на сайте WorldPublicOpinion.org, http://www.americans-world.org/digest/regional_issues/china/china1.cfm.

БЛАГОДАРНОСТИ

АВТОР ВЫРАЖАЕТ ГЛУБОКУЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ВСЕМ УЧЁНЫМ и писателям, чьи цитаты из работ пошли на связку текста настоящей книги. Осознав необходимым ограничить использование примечаний в книге, прежде всего предназначенной для широкой читающей публики, автор чувствует свою вину за то, что заимствование у многочисленных своих коллег и друзей нельзя отметить заслуживающей того благодарностью. Можно только предложить слабое утешение, состоящее в том, что настоящая книга послужит стимулом читательского интереса к другим трудам на данную тему и что труды на английском языке, авторам которых выражается громадная признательность, как раз для этого здесь перечислены.

Следует особенно поблагодарить тех друзей, кто на протяжении двадцати пяти лет возбуждал интерес автора к истории Китая. Учитель Майкл Г. Хант открыл автору мир китайской истории, а также служит источником постоянного вдохновения и товарищеской поддержки. Данная книга посвящается Майклу и Пауле за их теплоту и удовольствие общения на протяжении всех лет нашего знакомства. Близкие друзья и коллеги Чэнь Цзянь, теперь уже в Корнельском университете, и Нью Цзюнь в Пекине во многом обогатили понимание автором Китая (и многих других вещей). Вместе с ещё сотнями учёных в Китае и за рубежом они в последнем поколении переделали науку о китайской истории.

Остальные друзья из разнообразных слоёв населения тоже оказали неоценимую помощь, прочитав рукопись или её отрывки. Особая признательность предназначается Антонию Бесту, Майклу Г. Ханту, Эммануэлю Роману, Доминику Ливену, Морису Пирто, Маниру Маджиду и Штейн Тоннесон.

Наконец, хотелось бы поблагодарить коллег из Лондонской школы экономики, ставшей автору интеллектуальной обителью на протяжении последних пятнадцати лет, за их поддержку во время проведения исследований и написания настоящей книги. Особой благодарности заслуживают Майкл Кокс, Светозар Раяк, Эмилия Найт и Тайга Франулович — источники ИДЕЙ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Замечания по поводу китайского произношения	5
Империя	11
<i>Глава 1. Метаморфозы.</i>	32
<i>Глава 2. Империализм.</i>	72
<i>Глава 3. Япония</i>	114
<i>Глава 4. Республика</i>	157
<i>Глава 5. Иностранцы</i>	217
<i>Глава 6. Зарубежье</i>	270
<i>Глава 7. Война</i>	311
<i>Глава 8. Коммунизм.</i>	360
<i>Глава 9. Китай в автономном плавании.</i>	423
<i>Глава 10. Китайская Америка</i>	461
<i>Глава 11. Китайская Азия</i>	512
Признаки современности	558
Дополнительная литература	597
Примечания	603

Веста́д О́дд Арне
БЕСПОКОЙНАЯ ИМПЕРИЯ
Китай и мир с 1750 года

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *В.М. Романова*
Корректор *А.В. Максименко*

Подписано в печать 07.04.2014.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 31,0.
Тираж 3 000 экз. Заказ №К-820.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13